

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В XXI ВЕКЕ: ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ, КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов

ISBN 978-5-9624-2048-6

УДК 316.007.62
ББК С55.41
341

Научный редактор:
доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных

Редакционная коллегия

Н. Л. Антонова, А. Н. Данилов, В. Ю. Дунаев, В. В. Зырянов, М. С. Ивченкова, М. В. Кобакин, В. В. Кривошеев,
В. Д. Курганская, Е. В. Лесниковская, Л. И. Найденова, Л. А. Осмук, Ю. И. Прохоренко, В. Ф. Пугач, В. А. Решетников,
Н. А. Саблина, Н. Л. Смакотина, А. Е. Смирнов, И. В. Цветкова, В. Э. Шинкевич, В. В. Шпрах

Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска. <https://doi.org/978-5-9624-2048-6.2022.1-411>

ISBN 978-5-9624-2048-6

Научные материалы отражают проблемы и факторы развития экспертных институтов в XXI веке, основные направления деятельности экспертных центров и экспертных сообществ в условиях мирового кризиса, государственное и общественное значение экспертных платформ в условиях цифровых трансформаций. Авторами издания анализируются современные экспертные технологии и пути повышения экспертной культуры. Методологические и практико-ориентированные подходы в исследовании процесса развития экспертных институтов в современном мире и России были апробированы на Международной научно-практической конференции «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» (г. Иркутск, 20–21 мая 2022 г.). Внимание авторов акцентируется на приоритетных направлениях и сферах деятельности экспертных институтов, опыте функционирования экспертных платформ, современных моделях развития экспертной культуры в России и мире, эффективности механизмов общественного контроля и технологиях гражданского мониторинга, специфике модернизации механизмов экспертной деятельности и месте социологии в системе социально-гуманитарных наук в современную эпоху. В издании представлен широкий спектр научных подходов и дискурсивных технологий социологической и междисциплинарной направленности, отражающих большую исследовательскую работу в установлении универсальных методологических оснований организации экспертно-аналитической деятельности на разных уровнях. Предназначено для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов регионального развития, представителей органов власти, бизнеса и общественности, а также для всех, кто интересуется спецификой деятельности экспертных институтов в России и за рубежом в условиях цифровых трансформаций и мирового кризиса.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 18.05.2022. Тираж 15 экз. Объем 4,94 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

ЭКСПЕРТНЫЕ
ИНСТИТУТЫ В XXI ВЕКЕ:
ПРИНЦИПЫ,
ТЕХНОЛОГИИ, КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов

ISBN 978-5-9624-2048-6

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В XXI ВЕКЕ: ПРИНЦИПЫ, ТЕХНОЛОГИИ, КУЛЬТУРА

Сборник научных трудов

ISBN 978-5-9624-2048-6

IRKUTSK STATE UNIVERSITY
Institute of Social Sciences
Sociological laboratory of regional problems and innovations

BELARUSSIAN STATE UNIVERSITY
Sociology Department

CIVIC CHAMBER OF IRKUTSK REGION

EXPERT INSTITUTIONS IN THE XXIst CENTURY: Principles, Technologies, Culture

Collection of papers

Scientific editor:

Doctor of Sociology, full professor T. I. Grabelnykh

Editorial board:

Antonova N. L., Danilov A. N., Dunayev V. Yu., Zyryanov V. V., Ivchenkova M. S., Kibakin M. V., Krivosheev V. V., Kurganskaya V. D., Lesnikovskaya E. V., Naydenova L. I., Osmuk L. A., Prokhorenko Yu. I., Pugach V. F., Reshetnikov V. A., Sablina N. A., Smakotina N. L., Smirnov A. E., Tsvetkova I. V., Shinkevich V. E., Shprakh V. V.

Expert institutions in the XXIst century: principles, technologies, culture. Ed. by T. I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2022. 411 p.

Scientific materials reflect the problems and factors of the development of expert institutions in the XXIst century, the main activities of expert centers and expert communities in the context of the global crisis, the state and public importance of expert platforms in the context of digital transformations. The authors of the publication analyze modern expert technologies and ways to improve expert culture. Methodological and practice-oriented approaches to the study of the process of development of expert institutions in the modern world and Russia were tested at the International Scientific and Practical Conference “Expert institutions in the XXI century: principles, technologies, culture in the conditions of the global crisis” (Irkutsk, 20–21 May 2022). The attention of the authors is focused on the priority areas and areas of activity of expert institutions, the experience of expert platforms, modern models of the development of expert culture in Russia and the world, the effectiveness of public control mechanisms and civil monitoring technologies, the specifics of modernizing the mechanisms of expert activity and the place of sociology in the system of social sciences and humanities in the modern era. The publication presents a wide range of scientific approaches and discursive technologies of a sociological and interdisciplinary orientation, reflecting a large research work in establishing universal methodological foundations for organizing expert and analytical activities at different levels.

The publication is aimed at the scientific and educational community, leading subjects of regional development, representatives of authorities, business and the public, as well as everyone who is interested in the specifics of the activities of expert institutions in Russia and abroad in the context of digital transformations and the global crisis.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	13
ПРЕДИСЛОВИЕ	15

РАЗДЕЛ 1. ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Грабельных Т. И. Специфика становления и развития экспертных институтов в XXI веке: новые принципы и «переходы» в условиях мирового кризиса.....	21
Решетников В. А. Особенности становящегося мировоззрения российского экспертного сообщества.....	24
Андриянова Т. В. Экспертное сообщество в моделировании социального взаимодействия: возможности и барьеры.....	30
Кибакин М. В. Социологические цифровые исследовательские платформы как экспертные системы цивилизационных трендов в обществе риска.....	33
Данилов А. Н. Образование как фундамент новой цивилизации.....	37
Осьмук Л. А. Экспертная роль университета в оценке социальных проблем города и региона.....	42
Журавлева И. А. Особенности экспертного сообщества в высшем образовании.....	47
Пугач В. В. Роль вузов как экспертных центров в трудоустройстве выпускников.....	50
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю. Экспертные мнения и оценки в исследовании политических процессов.....	55
Лещенко Я. А. Модели государства в контексте ответов на социальные и геополитические вызовы.....	61
Бельский А. М., Лашук Д. С. Оценка отношений Республики Беларусь и Европейского Союза сквозь призму трансграничного сотрудничества в приграничных регионах Беларуси.....	68
Удалых С. К. Инновационное развитие экспертной деятельности для достижения важных национальных целей российского общества.....	74
Скуденков В. А. Экспертное сообщество в формировании экономических притязаний.....	82
Чернов В. В., Кибакин В. М. Развитие социальных экспертных систем на основе искусственного интеллекта.....	85
Грудинина Е. А., Сапранкова Т. А. Цифровизация HR-процессов, позволяющая формировать командные навыки.....	88
Полюшкевич О. А. Экспертное сообщество в развитии межсекторного партнерства институтов гражданского общества.....	93
Аичутина А. Е. К вопросу о влиянии экспертного сообщества на формирование и реализацию государственной миграционной политики в Российской Федерации.....	96
Мершев И. Р., Маркова Е. А. Взаимодействие участников сферы реализации молодежной политики как площадка для установления новых критериев формирования экспертного сообщества.....	99
Трескин П. А. Роль экспертного сообщества в развитии социального партнерства.....	103
Малых С. В. Экспертное сообщество в оценке репутации университетов.....	106

РАЗДЕЛ 2. ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА И ЭКСПЕРТНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖОМ

Матвеева Е. В. Экспертная культура регионов как синтез традиционного и современного.....	109
Кривошеев В. В. Современные практики социально-управленческой экспертизы в России: региональные аспекты.....	113
Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Экспертные методы и экспертные технологии в достижении эффективности управления социальными процессами в условиях глобальной турбулентности.....	117
Ивченкова М. С. Теоретические основания и практика социологической экспертизы в России: современное состояние и перспективы развития.....	120
Иванова И. В. Дети Иркутской области: здоровье, развитие, становление личности.....	124

Антонова Н. Л. Молодежный городской активизм в оценках экспертов.....	130
Какаулин С. П. Экспертная оценка влияния санкций на формирование промышленной политики и импортозамещение в Иркутской области.....	134
Хайруллина Н. Г. Роль социологических исследований в деятельности глав сельских поселений	136
Гольцова Е. В. Методика экспертного анализа состояния поселенческой среды	139
Передня Д. Г. Экспертный опрос в методике исследования управленческой культуры организации	142
Жданова И. В. Подготовка кадров экспертно-аналитического профиля для организации и проведения социально-гуманитарной экспертизы: опыт Новосибирского государственного технического университета	147
Цветкова И. В. Формирование совета по радиационной экологии в контексте проблем гуманитарной экспертизы.....	151
Шинкевич В. Е. Мониторинг как метод экспертизы наркоситуации в регионе: по результатам социологических исследований в Красноярском крае в 2021 г.....	158
Башкуева Е. Ю. Экспертное мнение о состоянии качества и безопасности медицинской деятельности в период пандемии COVID-19 (по материалам Республики Бурятия).....	163
Попова В. В. Современные зарубежные практики экспертизы в социальной работе	169
Левченко И. Е. Гюстав Лебон как эксперт-танатосоциолог: прозрения и заблуждения	174
Дмитриева Ю. Н. Пространственная дифференциация демографических структур в региональном разрезе (на примере Сибири)	179
Сакович А. Ю. Социально-демографические характеристики села в Республике Беларусь	183
Рудакова Н. В., Перваго Г. К. Проблемы развития отрасли культуры и пути их решения в представлениях руководителей органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области (по результатам экспертного опроса).....	185
Ткачева Н. Г. Особенности реализации экспертной деятельности в саморегулируемых организациях рекламной отрасли (на примере СРО АМИ «Рекламный Совет»).....	189
Разумова К. М. Технология экспертизы социально-культурной сферы.....	197
Малых М. М. Изменение социально-демографических характеристик современного телезрителя России (на примере Иркутской области) вследствие пандемии и военной операции на Украине	199
Иванкович Д. А., Сапранкова Т. А. Организация сотрудничества учебных заведений и промышленных предприятий как решение проблемы дефицита рабочего персонала.....	203
Чернышева Е. В. Государственный надзор как современная экспертная практика некоммерческих организаций.....	207
Сибирякова Ю. В. Использование технологий искусственного интеллекта в сфере образования: риски и перспективные направления	211
Бурдуковская С. А. Конфликтологическая экспертиза	215

РАЗДЕЛ 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
РОЛЬ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
В РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Вахтина М. А. Общественная экспертиза: пути повышения эффективности	219
Ершов И. А. Общественные советы при исполнительных органах власти: задачи и приоритетные направления экспертной деятельности.....	224
Мананикова Ю. В. Общественный контроль и мониторинг в региональной системе оценки качества образования: социологический анализ	229
Башкатова Т. Б. К вопросу распространения и профилактики ВИЧ посредством данных социологического опроса жителей Иркутска и Иркутской области, живущих с данным заболеванием и вынесения рекомендаций для дальнейшей организационно-управленческой деятельности по данному направлению.....	234
Грабельных П. И. Основные функции и ресурсы современного экспертного сообщества	241
Качан М. К. Экспертиза в сфере культуры: к постановке проблемы (на примере Иркутской области).....	243
Денисов Д. Д. Роль инструментов общественного контроля в проведении независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социальной сферы	250

РАЗДЕЛ 4. СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Найденова Л. И. Цифровая социология: тенденции развития и возможности современных исследований	250
Смирнов А. Е. Специфика функционирования экспертного знания в свете феномена повседневности	255
Прохоренко Ю. И. Метод экспертных оценок в социальном прогнозировании: формальный наукометрический анализ	259
Давлетшина Э. В., Толмачева С. В. Понятие ценности в социологическом дискурсе	266
Фарахутдинов Ш. Ф. Экспертные панели в социально-политических и маркетинговых исследованиях	269
Лоншакова Н. А. Качество туристских услуг глазами студентов и их родителей (на материалах социологического исследования в Российской международной академии туризма).....	272
Маслодудова Н. В. Современное высшее образование и новые вызовы социальной реальности.....	275
Кузьмина Е. С., Шишкина А. О. Онлайн-социология в XXI в.: проблемы и перспективы развития	280
Гуринович Л. А., Манзула А. Е. Формирование социального оптимизма молодежи в социокультурном пространстве вуза как фактор стабильности образовательного учреждения.....	283
Мельникова Е. И. К вопросу о виктимогенном слое культуры в условиях мирового кризиса.....	287
Иванкович Д. А., Сапранкова Т. А. О дефиците производственного персонала на рынке труда города Иркутска	290
Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Ограничение капитализации индивида в Созидательном обществе.....	294
Ницина О. А., Бонько Т. И. Социология физической культуры и спорта: актуальность и перспективы развития.....	300
Гуринович Л. А., Решетникова Е. В., Королев С. А. Современный учитель в условиях нового времени: тьютор, ментор или эксперт?	303
Линейцева А. А. Этика телесных практик в фокусе общественного мнения и экспертных технологий в условиях цифровизации.....	307

РАЗДЕЛ 5. ГЛОБАЛЬНО ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ СОЦИАЛЬНЫЙ МИР:
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО ВИДЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Балтабаев Р. К. Несовершеннолетние как особая социально-демографическая группа и особенности их социализации в современных условиях в России в аспекте регулирования детской преступности	313
Беденко В. А. Важность использования экспертных онлайн-платформ в оценке инвестиционного климата частными инвесторами в условиях мирового кризиса.....	316
Бирюкова К. А. Популяризация графического дизайна как интеллектуальной услуги в современном мире	319
Богатырев Х. А. Усиление взаимосвязи девиантного поведения населения и демографических изменений как следствие пандемических процессов в России (на примере Иркутской области).....	321
Волкова Р. С. Динамика потребительского поведения населения в интернет-среде как предмет экспертных платформ в России	323
Головчун К. А., Хандагурова В. А. Значимость высшего образования среди молодежи	325
Голубь Д. Д., Захарова А. С., Тестова Е. А. Современная типология лидеров (на примере Иркутской области)	327
Грицких К. Е. Трудоустройство и занятость молодежи как приоритетное направление государственной политики в России: к определению экспертной оценки.....	332
Дмитриева А. А. Специфика восприятия рынка контрафактного распространения в России: экспертное мнение	335
Жигалова О. А. Специфика общественной экспертизы по вопросам реализации семейной политики в России в аспекте домашнего насилия (на примере Иркутской области).....	339
Каблукова В. Е. Телесность и субъектность в межнациональных отношениях в фокусе экспертных оценок	342

Кадырова В. Ю. Роль экспертной культуры в формировании бренда территории (на примере Иркутской области).....	345
Киселева Е. Е. Общественное мнение в социальной и цифровой сферах: современная экспертная оценка	347
Космакова А. С. Аборты в фокусе социально-демографической ситуации в России: к определению причин (по материалам экспертных исследований)	351
Матафонова Е. М. Содействие развитию молодёжной политики в сфере культуры со стороны органов федеральной и региональной власти	355
Матвеева А. А. Взаимодействия в цифровой среде как новая экспертная категория в пандемический период	358
Милорадова В. С., Перепичка А. И., Дейчман Н. О. Формирование современной моды исходя из изменений культуры общества	360
Оканина А. Ф. Кибербуллинг в среде онлайн-игр в фокусе экспертных мнений	362
Пахнющая Д. А. Проблема миграции в городскую среду через анализ городских пространств и экспертной деятельности в городе	369
Поджидаева А. Ю. Статус и проблемы развития промышленных зон в Сибири и Дальнем Востоке: социально-экономический аспект	371
Попова А. В. Трансформация театрального дискурса в цифровой сфере.....	374
Проскуракова С. И. Проблема избыточного потребления контента студенческой молодежью в интернет-пространстве: социологический анализ экспертных материалов.....	377
Рыбак Н. С. Экспертиза в сфере креативных индустрий в цифровую эпоху в России.....	380
Себекин В. П. Проявление экстремизма в молодёжной среде как фактор угрозы национальной безопасности России: совершенствование механизмов экспертной оценки.....	384
Сыркина С. В. Роль Русской Православной Церкви в развитии социальной работы на территории Российской Федерации	387
Федченко А. Е. Новые формы религии как фактор культурного развития общества в условиях цифровизации	390
Царевская О. А. Исследование возможности внедрения принципов «бирюзовых» организаций в лесной промышленности	393
Шишова Е. В., Деревцова А. Е. Исследование работы операторов колл-центра г. Ангарска: организация, методы работы и экспертные оценки.....	397
Щепина Е. Д. Власть и патриархальность в России в условиях новых глобальных угроз и вызовов в аспекте экспертных практик в России и за рубежом	401
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	404

CONTENT

GREETING TO THE CONFERENCE PARTICIPANTS	13
PREFACE	15

CHAPTER 1. EXPERT INSTITUTIONS AND EXPERT COMMUNITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

Grabelnykh T. I. The specificity of the formation and development of expert institutions in the XXI century: new principles and "transitions" in the conditions of the world crisis	21
Reshetnikov V. A. The peculiarities of the formation of Russian expert community world view.....	24
Andrianova T. V. Expert community in modeling social interaction: opportunities and barriers.....	30
Kibakin M. V. Sociological digital research platforms as expert systems for ensuring sustainable development within the framework of civilizational trends of risk society.....	33
Danilov A. N. Education as the foundation of a new civilization.....	37
Osmuk L. A. The expert role of the university in assessing the social problems of the city and the region.....	42
Zhuravleva I. A. Features of the expert community in higher education	47
Pugach V. F. The role of universities as centers of expertise in the employment of graduates	50
Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu. Expert opinions and assessments in the study of political processes.....	55
Leshchenko Ya. A. Models of the state in the context of responses to social and geopolitical challenges	61
Belski A. M., Lashuk D. S. Assessment of relations between the Republic of Belarus and the European Union through the prism of cross-border cooperation in the border regions of Belarus	68
Udalykh S. K. Innovative development of expert activity to achieve important national goals of the Russian society	74
Skudenkov V. A. Expert community in the formation of economic claims.....	82
Chernov V. V., Kibakin V. M. Development of social expert systems based on artificial intelligence	85
Grudinina E. A., Saprankova T. A. Digitalization of HR processes, allowing to form team skills	88
Polyushkevich O. A. Expert community in the development of intersectoral partnership of civil society institutions	93
Anchutina A. E. On the issue of the influence of the expert community on the formation and implementation of state migration policy in the Russian Federation.....	96
Mersheev I. R., Markova E. A. Interaction of participants in the sphere of youth policy implementation as a platform for establishing new criteria for the formation of an expert community.....	99
Treskin P. A. The role of the expert community in the development of social partnership.....	103
Malych S. V. Expert community in assessing the reputation of universities.....	106

CHAPTER 2. EXPERT CULTURE AND EXPERT PRACTICES IN RUSSIA AND ABROAD

Matveeva E. V. Expert culture of regions as a synthesis of traditional and modern.....	109
Krivoshchev V. V. Modern practices of social and management expertise in Russia: regional aspects.....	113
Grabelnykh T. I., Sablina N. A., Lesnikovskaya E. V. Expert methods and expert technologies in achieving efficient management of social processes under global turbulence.....	117
Ivchenkova M. S. Theory and practice of sociological expertise' implementation in russia: current state and development prospects	120
Ivanova I. V. Children of the irkutsk region: health, development, formation of personality	124
Antonova N. L. Youth urban activism as evaluated by experts	130
Kakaulin S. P. Expert assessment of the impact of sanctions on the formation of industrial policy and import substitution in the Irkutsk region.....	134
Khairullina N. G. The role of sociological research in the activities of the heads of rural settlements	136
Goltsova E. V. Methodology for expert analysis of the state of the settlement environment	139

Perednya D. G. Expert survey in the methodology of research of the management culture of organization.....	142
Zhdanova I. V. Training of expert-analytical personnel for the organization and conduct of social and humanitarian expertise: the experience of Novosibirsk State Technical University.....	147
Tsvetkova I. V. Formation of the council on radiation ecology in the context of problems of humanitarian expertise	151
Shinkevich V. Y. Monitoring as a method of examination of drug situation in the region: based on the results of sociological research in the Krasnoyarsk Territory in 2021	158
Bashkueva E. Yu. Expert opinion on the quality and safety of medical activities during the COVID-19 pandemic (based on materials from the Republic of Buryatia).....	163
Popova V. V. Modern foreign practices of expertise in social work	169
Levchenko I. E. Gustave Lebon as an expert thanatosociologist: epiphanies and misconceptions	174
Dmitrieva Yu. N. Spatial differentiation of demographic structures in the regional context (on the example of Siberia)	179
Sakovich A. Yu. Socio-demographic characteristics of a village in the Republic of Belarus.....	183
Rudakova N. V., Pervago G. K. Problems of the development of the cultural sector and ways to solve them in the views of the heads of the cultural management bodies of the municipalities of the Irkutsk region (based on the results of an expert survey).....	185
Tkacheva N. G. Features of the implementation of expert activities in self-regulating organizations of the advertising industry (on the example of «Advertising Council»)	189
Razumova K. M. Technology of examination of the socio-cultural sphere	197
Malykh M. M. Changes in the socio-demographic characteristics of the modern russian tv viewer (on the example of the Irkutsk region) due to the pandemic and the military operation in Ukraine	199
Ivankovich D. A., Saprankova T. A. Organization of cooperation between educational institutions and industrial enterprises as a solution to the problem of shortage of working personnel.....	203
Chernysheva E. V. State supervision as a modern expert practice of non-profit organizations	207
Sibiryakova Yu. V. The use of artificial intelligence technologies in education: risks and promising directions	211
Burdukovskaya S. A. Conflictological expertise.....	215

CHAPTER 3. PUBLIC EXPERTISE: THE ROLE OF THE SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL IN THE IMPLEMENTATION OF MANAGEMENT DECISIONS

Vakhtina M. A. Public expertise: ways to improve efficiency	219
Ershov I. A. Public councils under executive authorities: tasks and priority areas of expert activity.....	224
Manannikova Yu. V. Public control and monitoring in the regional system of education quality assessment: a sociological analysis	229
Bashkatova T. B. On the issue of the spread and prevention of HIV through the data of a sociological PLHV survey and making recommendations for further organizational and managerial activities in this area (Irkutsk region)	234
Grabelykh P. I. Main functions and resources of the modern expert community	241
Kachan M. K. Expertise in the sphere of culture: to the statement of the problem (by the example of the Irkutsk region).....	243
Denisov D. D. The role of public control tools in conducting an independent assessment of the quality of services provided by social organizations.....	250

CHAPTER 4. SOCIOLOGY IN THE SYSTEM OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: SCIENTIFIC GROUNDING OF EXPERT ACTIVITY

Najdenova L. I. Digital sociology: development trends and opportunities of modern research	250
Smirnov A. E. Specifics of the functioning of expert knowledge in the perspective of the phenomenon of everyday life.....	255
Prokorenko Yu. I. The method of expert assessments in social forecasting: formal scientometric analysis.....	259
Davletshina E. V., Tolmacheva S. V. The concept of value in sociological discourse	266
Farakhutdinov Sh. F. Expert panels in socio-political and marketing research.....	269
Lonshakova N. A. The quality of tourist services through the eyes of students and their parents (based on the materials of a sociological study at the Russian International Academy of Tourism)	272

Maslodudova N. V. Modern higher education and new challenges of social reality.....	275
Kuzmina E. S., Shishkina A. O. Online sociology in the XXI century: problems and development prospects.....	280
Gurinovich L. A., Manzula A. E. Formation of social optimism of youth in the socio-cultural space of the university as a factor in the stability of an educational institution.....	283
Melnikova E. I. On the issue of the victimogenic layer of culture in the conditions of the global crisis	287
Ivankovich D. A., Saprankova T. A. On the shortage of production staff in the labor market of Irkutsk city.....	290
Zaikovskaya A. A., Libenson I. R. Limiting the capitalization of an individual in a Creative Society.....	294
Nitsina O. A., Bonko T. I. Sociology of physical culture and sports: relevance and prospects of development.....	300
Gurinovich L. A., Reshetnikova E. V., Korolev S. A. A modern teacher in a new time: tutor, mentor or expert?.....	303
Lineytseva A. A. Ethics of corporal practices in the focus of public opinion and expert technologies in the context of digitalization.....	307

CHAPTER 5. GLOBALLY TRANSFORMING SOCIAL WORLD:
FORMATION OF EXPERT VISION AMONG STUDENTS

Baltabaev R. K. Minors as a special socio-demographic group and the peculiarities of their socialization in modern conditions in Russia in the aspect of regulating child crime.....	313
Bedenko V. A. The importance of using expert online platforms in assessing the investment climate by private investors in the context of the global crisis	316
Biryukova K. A. Popularization of graphic design as an intellectual service in the modern world.....	319
Bogatyrev H. A. Dynamics of population deviant behavior and demographic processes as a consequence of pandemic processes in Russia (by the example of the Irkutsk region)	321
Volkova R. S. Dynamics of consumer behavior of the population in the internet environment as a subject of expert platforms in Russia.....	323
Golovchun K. A., Khandagurova V. A. The importance of higher education among young people	325
Golub D. D., Zakharova A. S., Testova E. A. Modern typology of leaders (on the example of the Irkutsk region).....	327
Gritskikh K. E. Employment and youth employment as a priority direction of state policy in Russia: to the determination of the expert assessment.....	332
Dmitrieva A. A. Factors of distorted perception of the counterfeit distribution market in Russia.....	335
Zhigalova O. A. The specifics of public expertise on the implementation of family policy in Russia in the aspect of domestic violence (on the example of the Irkutsk region)	339
Kablukova V. E. Corporeality and subjectness in interethnic relations in the focus of expert assessments	342
Kadyrova V. Yu. The role of expert culture in the formation of the brand of the territory (on the example of the Irkutsk region)	345
Kiseleva E. E. Public opinion in the social and digital spheres: modern expert assessment.....	347
Kosmakova A. S. Abortion in the focus of the socio-demographic situation in Russia: determining the causes (based on expert research)	351
Matfonova E. M. Assistance to the development of youth policy in the field of culture by federal and regional authorities	355
Matveeva A. A. Interactions in the digital environment as a new expert category in the pandemic period	358
Miloradova V. S., Perepichka A. I., Deichman N. O. Formation of modern fashion based on changes in society culture	360
Okanina A. F. Cyberbullying in the environment of online games in the focus of expert assessments	362
Pahnyuschaya D. A. The problem of migration to the urban environment through the analysis of urban spaces and expert activity in the city	369
Podzhidaeva A. Y. Status and problems of development of industrial zones in Siberia and the Far East: socio-economic aspect.....	371
Popova A. V. Transformation of theatrical discourse in the digital sphere	374
Proskuryakova S. I. The problem of excessive consumption of content by students in the Internet space: a sociological analysis of expert materials	377
Rybak N. S. Expertise in the field of creative industries in the digital age in Russia.....	380

Sebekin V. P. Manifestation of extremism among the youth as a threat to the national security of Russia: improving the mechanisms of peer review	384
Syrkina S. V. The role of the Russian Orthodox Church in the development of social work on the territory of the Russian Federation	387
Fedchenko A. E. New forms of religion as a factor of cultural development of society in the conditions of digitalization	390
Tsarevskaya O. A. The research of the possibility of introducing the principles of «teal» organizations in the forest product industry	393
Shishova E. V., Derevtsova A. E. Study of the work of call center operators in Angarsk: organization, working methods and expert assessments	397
Shchepina E. D. Power and Patriarchy in Russia in the context of new global threats and challenges in the aspect of expert practices in Russia	401
INFORMATION ON THE AUTHORS	404

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА!

Научный форум проводится в сложное для всех время, связанное с решением новых задач в условиях цифровых трансформаций и мирового кризиса. Наука и высшее образование являются теми социальными институтами, которые должны последовательно на высокоинтегрированной междисциплинарной научной основе осуществлять комплексный анализ и прогноз тех изменений, которые происходят в России и мировом сообществе. Сегодня еще более актуализировался вопрос о повышении роли экспертных институтов в обеспечении прорывных направлений социально-экономического и научно-технологического развития России. По-новому просматривается значение тех институтов и общественных структур, которые обеспечивают порядок и контроль в социальной системе, опираются на конструктивные партнерские взаимодействия, отвечающие вызовам современной эпохи.

Вузовское и экспертное сообщества должны быть открыты к исследованию и пониманию этих процессов.

Участникам конференции желаю новых идей и конструктивного обсуждения!

*А. Ф. Шмидт
ректор ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор*

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ КОНФЕРЕНЦИИ!

Международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» отражает глубокую общественную потребность в развитии экспертных институтов, обеспечивающих эффективность механизмов регулирования и саморегулирования отношений в развитии современного общества. Высокие угрозы и риски в сегодняшнем мире не могли не сказаться на деятельности экспертных сообществ, экспертных центров и экспертных групп всех уровней. Закономерно актуализировался вопрос о совершенствовании механизмов государственного и общественного контроля.

В нынешних сложных условиях видится принципиально важным выход на качественно новый этап проведения экспертиз, в том числе, общественной экспертизы и гражданских мониторингов. Повышение уровня экспертной культуры является базовым условием успешного внедрения управленческих, цифровых и интеллектуальных технологий.

Желаю всем участникам конференции новых оригинальных идей и плодотворной работы!

*В. В. Шпрах
председатель Общественной палаты Иркутской области,
директор Иркутской государственной медицинской
академии последипломного образования, профессор*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

DEAR PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE CONFERENCE, REPRESENTATIVES OF THE EXPERT COMMUNITY!

The scientific forum is held at a difficult time for everyone, associated with the solution of new tasks in the context of digital transformations and the global crisis. Science and higher education are those social institutions that must consistently, on a highly integrated interdisciplinary scientific basis, carry out a comprehensive analysis and forecast of the changes that are taking place in Russia and the world community. Today, the issue of increasing the role of expert institutions in providing breakthrough areas of socio-economic, scientific and technological development of Russia has become even more relevant. The significance of those institutions and public structures that provide order and control in the social system and rely on constructive partnerships meeting the challenges of the modern era is seen in a new way.

The university and expert communities should be open to research and understanding of these processes.

I wish the participants of the conference new ideas and constructive discussion!

*A. F. Schmidt,
Rector of Irkutsk State University, Full Professor*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

The international scientific and practical conference “Expert institutions in the XXIst century: principles, technologies, culture in the conditions of the global crisis” reflects the deep social need for the development of expert institutions that ensure the effectiveness of the mechanisms for regulating and self-regulating relations in the development of modern society. High threats and risks in today's world could not but affect the activities of expert communities, expert centers and expert groups at all levels. The issue of improving the mechanisms of state and public control has naturally become relevant.

In the current difficult conditions, it is seen as fundamentally important to enter a qualitatively new stage of expertise, including public expertise and civilian monitoring. Increasing the level of expert culture is a basic condition for the successful implementation of managerial, digital and intellectual technologies.

I wish all participants of the conference new original ideas and fruitful work!

*V. V. Shprakh
Chairperson of the Civic Chamber of Irkutsk Region,
Director of Irkutsk State Medical Academy of postgraduate education,
Full Professor*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стремительный рост социальной турбулентности на всех уровнях взаимосвязей вызвал новую волну институциональных трансформаций в общественном развитии. Глобальные институциональные трансформации в XXI в. явились предпосылкой для пересмотра и определения качественно новой роли и места социальных институтов. Одними из первых социальных институтов, кто принял на себя «удар», стали экспертные институты, задающие и диктующие системы требований и норм, организацию управления и контроля с целью обеспечения социального порядка в обществе. Новая цифровая эпоха потребовала своего рода «перегрузки» основных регулятивных механизмов и внедрения цифровых технологий, новой постановки и нового прочтения стратегических задач, конструирования новых систем социальных взаимосвязей и сетевых взаимодействий. Встал вопрос о новой «целерациональности» действий в рамках научного, государственного и общественного контроля.

Переход на новый технологический уклад способствовал повышению статуса и роли экспертных институтов. Новое «прочтение» целей и задач получило статус экспертных. Требование экспертности явилось достижением информационного общества, его современного этапа. Постановка вопроса о достижении нового качества устойчивости общества, новых системах управления, новом контроле, новых подходах и новой креативности, как и новой социальной значимости общественных проектов, – отныне интегрировано в понятие «экспертиза», понимаемое как инструмент власти. По сути, каждый социальный институт взял на себя целевую нагрузку в реализации экспертных функций. Опираясь на широкую институциональную базу, современные экспертные сообщества получили новый импульс для своего развития. Государственные и социально-управленческие, экологические и социально-гуманитарные, социологические и конфликтологические, инженерно-технические и судебные, медицинские и лингвистические и многие другие экспертизы и их проведение требуют разработки эффективных механизмов регулирования и саморегулирования отношений, установления базовых принципов и норм этических отношений и достижение высокой экспертной культуры.

В эпоху научных и информационно-технологических революций *экспертные институты стали представлять высокоинтегрированные комплексы и организационно оформленные структуры, сообщества и группы, легитимно, профессионально и интеллектуально обеспечивающие порядок и контроль в социальной системе, регулирование и саморегулирование отношений в ключевых областях жизнедеятельности человека и общества, опирающиеся на сетевые и партнерские взаимодействия в установленных форматах, отвечающие угрозам и вызовам своего времени.* Под экспертным институтом в настоящее время чаще всего понимается нормативно установленный механизм государственного и общественного контроля. Среди заметных по своей роли институтов на приоритетных позициях в кризисном обществе находятся экономические институты, институты финансового контроля, потребительского контроля и др.

На волне междисциплинарных исследований и становления новых научных методологий появляется необходимость в дисциплинарном оформлении и легитимации новых направлений развития научного знания. Примечательно, что авторы статей данного сборника – представители самых разных отраслей научного знания, внимание которых акцентируется на приоритетных направлениях и сферах деятельности экспертных институтов, опыте функционирования экспертных платформ, современных моделях развития экспертной культуры в России и мире, эффективности механизмов общественного контроля и технологиях гражданского мониторинга, специфике модернизации механизмов экспертной деятельности и месте социологии в системе социально-гуманитарных наук.

Международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» по поставленным целям и

направлениям обсуждений демонстрирует *научную смелость* в осмыслении и анализе инновационных ресурсно-стратегических аспектов функционирования экспертных институтов в социально-экономическом и научно-технологическом развитии России. Среди основных векторов обсуждений – условия становления и развития «старых» и «новых» экспертных центров и степень их автономии, уникальность функций экспертных сообществ в кризисном обществе, государственное и общественное значение экспертных платформ в условиях цифровых трансформаций, междисциплинарная и технологическая составляющие экспертной культуры и факторы ее развития, реализация основных направлений экспертной деятельности в «допандемический», «пандемический» и современный периоды, университет как научный и экспертный центр в российском регионе и др.

Концепции конференции и сборника научных трудов представляют 4 большие группы вопросов, которые легли в основу анализа и интерпретаций ученых разных отраслей наук, специалистов-практиков и общественности: 1. *Экспертные институты и экспертные платформы в XXI в.*: экспертные институты и их роль в социально-экономическом развитии России; роль ученых в обеспечении прорывных направлений социально-экономического и научно-технологического развития России; экспертные управления и экспертные советы в государственных структурах России; большие и малые экспертные группы и специфика их деятельности в современных условиях; экспертные сообщества в России и за рубежом; современные экспертные системы и экспертные сети; экспертное сообщество в российском регионе; цели и механизмы функционирования экспертных платформ в условиях цифровизации; влияние экспертных платформ на общественное мнение; роль экспертных платформ в достижении устойчивости общественного развития; основные детерминанты экспертной деятельности в сложных условиях; экспертиза как метод и целевая технология; роль личности эксперта в разработке и реализации управленческих решений; роль высшего образования и науки как экспертных институтов в достижении глобальной и региональной стабильности; вузы России как экспертные центры в условиях мирового кризиса; университет как научный и экспертный центр в российском регионе; специфика формирования экспертных групп (принципы, технологии, кадровая политика); традиции и инновации в осуществлении экспертной деятельности в городе и регионе и новые стандарты проведения экспертизы; публичная политика и экспертиза; развитие рынка интеллектуальных и экспертных услуг в России; современные экспертные практики в России и за рубежом.

2. *Экспертная культура в России и мире*: культура проведения научных экспертиз (отечественный и зарубежный опыт); экспертиза социально значимых проектов в России (Фонд президентских грантов, российские и региональные конкурсы); экспертная культура как технологическая культура; экспертные технологии, политические технологии и информационные технологии: основные аспекты взаимосвязи; методология экспертного анализа и оценки; культура социологической экспертизы; социологические исследования в организационно-управленческой деятельности; культура согласия и культура несогласия в политике (культура переговоров как экспертная культура, место компромиссов в экспертной культуре и др.); экспертная культура как антикризисная культура; роль экспертного сообщества в реализации национальных стратегий в России (социально-экономического развития, национальной безопасности, миграционного и демографического развития и др.); роль СМИ в реализации экспертной культуры и экспертного знания в условиях мирового кризиса.

3. *Общественная экспертиза: роль субъектов общественного контроля в реализации управленческих решений*: принципы, методы и технологии проведения общественной экспертизы; специфика экспертной деятельности общественных палат субъектов РФ; общественные советы при исполнительных органах власти: задачи и приоритетные направления экспертной деятельности; общественный контроль и гражданский мониторинг: принципы, механизмы, эффективность; общественные мониторинги как социальная технология; участие институтов гражданского общества в информационно-технологическом и экспертно-аналитическом обеспечении управленческих решений; роль институтов общественного контроля в реализации управленческих решений в условиях мирового кризиса.

4. *Социология в системе социально-гуманитарных наук: научные основания экспертной деятельности*: новые исследовательские направления и практики в российской и мировой социологии в XX–XXI вв.; теория и практика экспертной деятельности: современные модели экспертного знания; методология и методика организации и проведения экспертиз; политическая социология и основные детерминанты ее развития; социология глобальных угроз и вызовов: «старые» и «новые» теории; социология культуры: новые парадигмы и направления развития; экономическая социология в XXI в.; демографические исследования в фокусе новых глобальных угроз и вызовов; цифровая социология и перспективы ее развития в современную эпоху; статистический анализ и оценка социальных изменений в фокусе экспертной деятельности; социология социальной напряженности и современные векторы ее развития; интернет-социология в XXI в.: качественная и количественная методология; дисциплинарные и междисциплинарные парадигмы в обсуждениях экспертов; экспертные мнения и оценки: требования объективности; социальные науки в XXI в.: статус, кризис, становление новой методологии; специфика подготовки кадров экспертно-аналитического профиля для экономической, политической, социальной и культурной сфер региона в современных условиях; роль цифровизации в развитии социальных наук.

Представленные научные статьи и приоритетные направления обсуждений обусловили разработку структуры научного издания. Сборник включает 5 разделов: «Экспертные институты и экспертные сообщества в условиях цифровых трансформаций»; «Экспертная культура и экспертные практики в России и зарубежом»; «Общественная экспертиза: роль субъектов общественного контроля в реализации управленческих решений»; «Социология в системе социально-гуманитарных наук: научные основания экспертной деятельности»; «Глобально трансформирующийся социальный мир: формирование экспертного видения среди студенческой молодежи».

Концептуальные положения и результаты исследований, отраженные в научном труде, характеризуют современную ступень в понимании и изучении процесса развития экспертных институтов и экспертных систем в условиях мирового кризиса, что, безусловно, может составить перспективное научное направление исследований.

*Доктор социологических наук, профессор
Т. И. Грабельных*

FOREWORD

The rapid growth of social turbulence at all levels of relationships has caused a new wave of institutional transformations in social development. Global institutional transformations in the 21st century have become a prerequisite for revising and defining a qualitatively new role and place for social institutions. One of the first social institutions that took the “blow” were expert institutions that set and dictate systems of requirements and norms, the organization of management and control in order to ensure social order in society. The new digital era required a kind of “reset” of the main regulatory mechanisms and the introduction of digital technologies, a new setting and a new reading of strategic tasks, the construction of new systems of social relationships and network interactions. The question arose about the new “purposefulness” of actions within the framework of scientific, state and public control.

The transition to a new technological paradigm contributed to an increase in the status and role of expert institutions. The new “reading” of goals and objectives has received expert status. The requirement for expertise was an achievement of the information society, its current stage. Raising the question of achieving a new quality of social sustainability, new management systems, new control, new approaches and new creativity, as well as a new social significance of public projects, is now integrated into the concept of “expertise”, understood as an instrument of power. In fact, each social institution has assumed the target load in the implementation of expert functions. Based on a broad institutional base, modern expert communities have received a new impetus for their development. State and socio-administrative, environmental and socio-humanitarian, sociological and conflictological, engineering and judicial, medical and linguistic, and many others. other examinations and their conduct require the development of effective mechanisms for the regulation and self-regulation of relations, the establishment of basic principles and norms of ethical relations and the achievement of a high expert culture.

In the era of scientific and information and technological revolutions, *expert institutions began to represent highly integrated complexes and organizational structures, communities and groups that legitimately, professionally and intellectually provide order and control in the social system, regulation and self-regulation of relations in key areas of human life and society, based on network and partnership interactions in established formats that meet the threats and challenges of their time.* At present, an expert institution is most often understood as a normatively established mechanism of state and public control. Among the institutions that are notable for their role in priority positions in a crisis society are economic institutions, institutions of financial control, consumer control, etc.

On the wave of interdisciplinary research and the formation of new scientific methodologies, there is a need for disciplinary formalization and legitimization of new directions in the development of scientific knowledge. It is noteworthy that among the authors of the publication are representatives of various branches of scientific knowledge, whose attention is focused on the priority areas and areas of activity of expert institutions, the experience of expert platforms, modern models for the development of expert culture in Russia and the world, the effectiveness of public control mechanisms and civil monitoring technologies, the specifics of the modernization of the mechanisms of expert activity and the place of sociology in the system of social sciences and the humanities.

The international scientific and practical conference “Expert institutions in the XXIst century: principles, technologies, culture in the context of the global crisis” demonstrates *scientific courage* in understanding and analyzing innovative resource-strategic aspects of the functioning of expert institutions in the socio-economic and scientific technological development of Russia. Among the main vectors of discussions are the conditions for the formation and development of “old” and “new” expert centers and the degree of their autonomy, the uniqueness of the functions of expert communities in a crisis society, the state and public significance of expert platforms in the context of digital transformations, the interdisciplinary and technological components of expert culture and

factors its development, the implementation of the main areas of expert activity in the “pre-pandemic”, “pandemic” and modern periods, the university as a scientific and expert center in the Russian region, etc.

The concept of the conference and the collection of scientific papers is represented by 4 large groups of questions that formed the basis for the analysis and interpretations of scientists from various fields of science, practitioners and the public:

1. *Expert institutions and expert platforms in the XXIst century*: expert institutions and their role in the socio-economic development of Russia; the role of scientists in providing breakthrough areas of socio-economic and scientific and technological development of Russia; expert departments and expert councils in state structures of Russia; large and small expert groups and the specifics of their activities in modern conditions; expert communities in Russia and abroad; modern expert systems and expert networks; expert community in the Russian region; goals and mechanisms for the functioning of expert platforms in the context of digitalization; the influence of expert platforms on public opinion; the role of expert platforms in achieving sustainable social development; the main determinants of expert activity in difficult conditions; expertise as a method and target technology; the role of the personality of an expert in the development and implementation of management decisions; the role of higher education and science as expert institutions in achieving global and regional stability; Russian universities as centers of expertise in the context of the global crisis; the university as a scientific and expert center in the Russian region; the specifics of the formation of expert groups (principles, technologies, personnel policy); traditions and innovations in the implementation of expert activities in the city and the region and new standards for conducting examinations; public policy and expertise; development of the market of intellectual and expert services in Russia; modern expert practices in Russia and abroad.

2. *Expert culture in Russia and in the world*: the culture of conducting scientific expertise (domestic and foreign experience); expertise of socially significant projects in Russia (Presidential Grants Fund, Russian and regional competitions); expert culture as a technological culture; expert technologies, political technologies and information technologies: the main aspects of the relationship; methodology of expert analysis and evaluation; culture of sociological expertise; sociological research in organizational and managerial activities; a culture of agreement and a culture of disagreement in politics (the culture of negotiations as an expert culture, the place of compromise in an expert culture, etc.); expert culture as an anti-crisis culture; the role of the expert community in the implementation of national strategies in Russia (socio-economic development, national security, migration and demographic development, etc.); the role of the media in the implementation of expert culture and expert knowledge in the context of the global crisis.

3. *Public expertise: the role of subjects of public control in the implementation of management decisions*: principles, methods and technologies for conducting public expertise; the specifics of the expert activities of the public chambers of the constituent entities of the Russian Federation; public councils under the executive authorities: tasks and priority areas of expert activity; public control and civil monitoring: principles, mechanisms, efficiency; public monitoring as a social technology; participation of civil society institutions in information technology and expert-analytical support of management decisions; the role of public control institutions in the implementation of management decisions in the context of the global crisis.

4. *Sociology in the system of social sciences and humanities: scientific foundations of expert activity*: new research areas and practices in Russian and world sociology in the XXth-XXIst centuries; theory and practice of expert activity: modern models of expert knowledge; methodology and method for organizing and conducting examinations; political sociology and the main determinants of its development; sociology of global threats and challenges: “old” and “new” theories; sociology of culture: new paradigms and directions of development; economic sociology in the XXIst century; demographic research in the focus of new global threats and challenges; digital sociology and prospects for its development in the modern era; statistical analysis and assessment of social changes in the focus of expert activities; sociology of social tension and modern vectors of its development; Internet sociology in the XXIst Century: qualitative and quantitative methodology; dis-

ciplinary and interdisciplinary paradigms in expert discussions; expert opinions and assessments: requirements for objectivity; social sciences in the XXIst century: status, crisis, development of a new methodology; the specifics of training personnel of an expert-analytical profile for the economic, political, social and cultural spheres of the region in modern conditions; the role of digitalization in the development of social sciences.

The presented scientific articles and priority areas of discussion led to the development of the structure of the scientific publication. There are 5 sections: “Expert institutions and expert communities in the conditions of digital transformations”; “Expert culture and expert practices in Russia and abroad”; “Public expertise: the role of the subjects of public control in the implementation of management decisions”; “Sociology in the system of social sciences and humanities: scientific grounding of expert activity”; “Globally transforming social world: formation of expert vision among students”.

The scientific ideas and research results reflected in the publication characterize a new stage in understanding and studying the process of development of expert institutions and expert systems in the conditions of the global crisis, which, of course, can constitute a promising scientific direction of research.

*Doctor of Sociology, Full Professor
T.I. Grabelnykh*

РАЗДЕЛ 1. ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

***

CHAPTER 1. EXPERT INSTITUTIONS AND EXPERT COMMUNITIES IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

УДК 316

Т. И. Грабельных

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И «ПЕРЕХОДЫ» В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Работа посвящена анализу ключевых детерминант становления и развития экспертных институтов в XXI веке. Обоснованы основные принципы и «переходы» в развитии экспертных институтов в условиях мирового кризиса. Концептуально определено, что переходы к новым технологическим укладам и индустриям, институциональные трансформации выступают базовыми предпосылками для смены экспертных моделей, характеризующих и новые векторы развития научного и социального знания. Сделан вывод, что в условиях мирового кризиса происходит смещение позиций влиятельных экспертных центров, идет формирование новых экспертных сообществ и центров, способных своевременно отвечать на современные вызовы и угрозы. Предложена типология экспертного контроля и выделены основные критерии оценки его эффективности.

Ключевые слова: экспертные институты, экспертные центры, экспертные сообщества, экспертиза, научное знание, экспертное знание, экспертная модель, мировой кризис.

T. I. Grabelnykh

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICITY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF EXPERT INSTITUTIONS IN THE XXI CENTURY: NEW PRINCIPLES AND "TRANSITIONS" IN THE CONDITIONS OF THE WORLD CRISIS

The work is devoted to the analysis of the key determinants of the formation and development of expert institutions in the 21st century. The basic principles and "transitions" in the development of expert institutions in the context of the global crisis are substantiated. Conceptually, it is determined that transitions to new technological structures and industries, institutional transformations are the basic prerequisites for changing expert models that characterize new vectors of development of scientific and social knowledge. It is concluded that in the conditions of the global crisis, the positions of influential expert centers are shifting, new expert communities and centers are being formed that are capable of responding to modern challenges and threats in a timely manner. A typology of expert control has been proposed and the main criteria for evaluating its effectiveness have been identified.

Keywords: expert institutes, expert centers, expert communities, expertise, scientific knowledge, expert knowledge, expert model, global crisis.

XXI век отличается новыми процессами и событиями разных масштабов, среди которых особо выделяются глубинные институциональные трансформации, в том числе в сфере высшего образования и науки. Глобальные и региональные воздействия в развитии современных обществ, цивилизационные сдвиги в современную эпоху начинают проявляться на системном уровне. Внешним и внутренним системам глобальной детерминации посвящен целый ряд научных мероприятий, в том числе организованных и нами [1–3]. Между тем представляется принципиально важным и исследование процессов в научной и экспертной сферах, где прослеживается как парадигмальный (концептуальный) кризис, так и становление новых методологий, активно проводится «модульный анализ» и формируются новые проекты конструирования социума.

Становление и развитие экспертных институтов во многом отражают динамику «переходов» в развитии научной мысли. Внимание ученых к «динамике научного знания» было вызвано целым рядом причин, среди которых появление новых вызовов и к институту науки. Одним из таких вызовов явился собственно «экспертный вызов». На протяжении последних десятилетий устоявшийся образ научного знания как «...сложной исторически развивающейся системы, которая представляет собой особый тип системной организации, отличной и от простой, механической и даже от саморегулирующейся системы с обратными связями» [4, с. 8] стал меняться. На смену одной технологии производства и воспроизводства научного знания приходит другая, которую также можно определить как новый «особый тип системной организации» знания, только имея в виду ее современный «экспертный образ». Фундаментальные и прикладные исследования, их актуальность, новизна, востребованность и применимость результатов многомерно (на дисциплинарном и междисциплинарном уровнях) оцениваются экспертами и/или группами экспертов, при этом трансформация моделей научного знания напрямую зависит от объективности и качества проведенных экспертиз. Научная экспертиза и экспертный контроль в XXI в. задают свои императивы развитию науки. Развитие механизмов экспертного регулирования и признания научных достижений явилось одной из внутренних предпосылок для институциональной трансформации в этой сфере. Именно в этом смысле мы говорим о новом вызове науке как экспертном вызове, оказывающем доминирующее влияние на структуру взаимосвязей и взаимодействий, конфигурацию позиций и их представление во внешней среде. В настоящее время экспертные вызовы, как и другие системные вызовы, детерминируют уникальность «системной организации знания» и определяют тенденции в развитии науки.

Таким образом, в числе ключевых детерминант становления и развития экспертных институтов в XXI в. мы выделяем как системы глобальной детерминации и региональных, локальных воздействий, так и внутренние системы детерминации, особое место среди которых занимают экспертные системы. В этой связи разделяем мнение о том, что существует тесная «генетическая связь» между научным знанием и экспертным знанием. Наука и высшее образование выступают основными экспертными институтами. В процессе выявления объективного предметного содержания знания деятельность эксперта направлена на анализ и оценку инновационной составляющей. В практиках разработки, принятия и реализации управленческих решений – на анализ и оценку их качества и эффективности. Любая экспертиза предполагает оценку предметности знания.

Наряду с классическими принципами развития, системности, объективности, дополнительности и др. (в научной литературе выделяются более 20 принципов), столь важными в развитии экспертных институтов и реализации экспертных практик, также выделяется принцип технологизации. По этому поводу совершенно справедливо отметил В. С. Степин: «...крупные ученые, создатели новых, оригинальных направлений и открытий, всегда обращали внимание на эту способность теорий потенциально содержать в себе целые созвездия будущих новых технологий и неожиданных практических приложений» [4, с. 43]. В 2000 г., на момент написания этих слов, мы еще не характеризовали современное общество как цифровое, а современную цивилизацию как цифровую. Фактически за два десятилетия произошел качественный скачок в понимании и восприятии кардинальных изменений в современ-

ную эпоху – эпоху «высоких», сложных технологий и цифровых трансформаций. Соответственно, возросли требования к науке, развитию научного знания как с точки зрения инновационной, так и технологической составляющей.

Опираясь на научный, экспертный и социальный опыт исторических периодов развития общества, мы констатируем и «предметность», технологичность «переходов» в развитии экспертных институтов и экспертной деятельности в частности. Нарастание глобальной турбулентности, затяжной мировой кризис, рост социальной напряженности с неизбежностью вызывают и ускоряют динамику переходов на новые ступени развития, новый тип «системной организации знания» и технологии его внедрения. В переходные периоды, как правило, происходит рост научного знания и модернизация (кардинальное обновление) экспертных систем. Полагаем, что переходы к новым технологическим укладам и индустриям, институциональные трансформации, в особенности в условиях мирового кризиса, выступают базовыми предпосылками для смены экспертных моделей, характеризующих и новые векторы развития научного и социального знания.

В заключение отметим, в условиях мирового кризиса происходит смещение позиций влиятельных экспертных центров, идет формирование новых экспертных сообществ и центров, способных своевременно, на базе прогрессивных высокоэффективных технологий отвечать на современные вызовы и угрозы. В системе экспертного контроля закономерно повышается роль общественного контроля и усиливается значение общественной экспертизы. На сегодняшний день сохраняют высокую актуальность все типы и виды экспертного контроля как в рамках научного, государственного, так и общественного контроля. Основные критерии оценки их эффективности имеют широкие многомерные основания. В динамике (поиске, понимании, познании, модернизации и движении) систем научного знания и экспертных систем реагирования государства и общества на современные угрозы и вызовы видятся возможности разрешения мирового кризиса и перехода на новую ступень цивилизационного развития.

Литература

1. Грабельных Т. И., Смакотина Н. Л., Саблина Н. А. Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: по итогам международной научно-практической конференции // SIBERIAN SOCIUM. 2021. Т. 5, № 1 (15). С. 92–100.
2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: к 360-летию Иркутска // SIBERIAN SOCIUM. 2021. Т. 5, № 4 (18). С. 96–103.
3. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Зырянов В. В. Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 152–154.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЯЩЕГОСЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

Рассматривается специфика становящегося мировоззрения российского экспертного сообщества. Обосновано, что в современных условиях дискуссионной проблемой является потенциальное становление нового класса, который претендует на исключительную креативность и лидерство в управлении социально-политическими и экономическими процессами. Акцентировано внимание, что в состав формирующегося класса входят экспертные сообщества, журналистские организации, профессиональные политологи и экономисты, преподаватели вузов и др. Сделан вывод, что становление мировоззрения и самоосознания этого протокласса не завершено и представляет собой специфическую смесь неотрадиционалистских и постмодернистских элементов, а также манипулятивных духовных практик государства и правящих партий.

Ключевые слова: экспертное сообщество, мировоззрение, оптиматы, идеология, постмодернизм, неотрадиционализм.

V. A. Reshetnikov

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PECULIARITIES OF THE FORMATION OF RUSSIAN EXPERT COMMUNITY WORLD VIEW

One of the discussional problems of recent time is potential growing of a new class, which claims exceptional creativeness and leadership in the process of management of social, political and economical processes in society. The body of this class includes expert community, journalist organisations, professional political scientists and economists, teachers etc. The process of formation of the world view and selfconcosness of this protoclass is not finished and its world view consists of a specific mixture of new traditional and postmodernist elements. Manipulative spiritual practices of states and ruling parties are also included.

Keywords: expert community, world view, optimates, ideology, postmodernism, neotraditionalism.

Перспективы Новой Реформации (социального творчества) в России зависят от такого качества общественной жизни как субъектность, которая, в свою очередь, должна опираться на прогрессивный ценностный фундамент. Поскольку российская цивилизация характеризуется преобладанием вертикальных связей, то существенное значение имеет специфика, направленность деятельности, способности властного субъекта. Изменился ли в России субъект социальных трансформаций в аспекте своей эффективности?

Динамика развития властного субъекта, по преимуществу, связана со сменой поколения в такой влиятельной группе креативного класса как профессиональные политические консультанты, специалисты СМИ, маркетинговые и финансовые советники, сотрудники аналитических центров, помощники политических лидеров и т. д., обладающие возможностью скрытого влияния на принятие политических решений. Иногда ее определяют как экспертное сообщество [2]. Подходящее название предложил В. Малкин – «симулятивная меритократия». Этот, по его словам, «...на свое счастье в свое время недоучившийся, а поэтому не загнанный в устаревшие мыслительные схемы и открытый к новому нарождающийся класс, имеющий, что немаловажно, помимо прочего поколенческие признаки, и может стать интеллектуальной основой для национального проекта в наступившем веке...» [3, с. 150].

Подобную же трактовку динамики элиты дают специалисты по социальным играм Э. И. Шарипов, С. И. Кронин, которые считают, что в настоящее время завершился этап формирования слоя «тактиков» и «сценаристов», ослабло влияние «моралистов» и настает время становления «идеологов», причем «...идеологическая власть мощнее социальной, потому, что первая управляет страной изнутри, постоянно координируя и подправляя, как это делали в минувшее время и жрецы и духовенство – режиссеры социума... идеология позволяет сохранить «пирамиду» государства, она формирует уровни игр и устанавливает взаимоотношения между ними. Социальная власть просто отслеживает эти взаимодействия, переводя правила в законы; причем социальная власть имеет дело только с реалистами, решая их

проблемы через бюджетные вливания, в то время как идеологи имеют доступ ко всем и каждой группе, уровню в отдельности» [7, с. 259–260].

Если учесть маниакальное стремление к всеобщей рационализации, то можно, например, воспользоваться понятием оптиматы, введенном в свое время Цицероном. Он применял его в двух смыслах – оценочном и объективном. Это «...доблестные государственные мужи, формирующие представления о долге, праве народов», эти умнейшие и храбрейшие мужи охраняют государство оружием и своими мудрыми решениями, и их авторитет был в полном расцвете, потому что они, намного превосходя других людей своим почетным положением, уступали им в своем стремлении к наслаждениям и были выше их по своему имущественному положению. При этом доблесть каждого из них в делах государственных была людям тем более по сердцу, что в частной жизни они заботливо поддерживали сограждан делом, советом, деньгами» [5, с. 72, 49, 61]. Если это «...определенные люди, которые благодаря своему богатству, или происхождению, или каким либо преимуществам, держат государство в своих руках, то это клика, но называют их оптиматами» [5, с. 72, 49, 61].

Исследование экспертного сообщества в России – растущее направление в политической науке. Можно выделить изучение влияния экспертного сообщества на становление гражданского общества в России (М. В. Лаврик), анализ экспертного сообщества как ресурса внешней политики государства (Г. В. Косов, В. Н. Панин, М. А. Сучков, А. Ю. Беляев), взаимодействие власти и экспертного сообщества в России (И. А. Бронников, Ю. В. Гимазова, А. Ю. Сунгуров), все более активно изучаются региональные аспекты общественной экспертизы (М. А. Клименков, В. А. Иноземцева) Общей особенностью многих работ является нечеткость в определении состава нового, только что формирующегося протокласса, которому особую специфику придало бурное развитие средств массовой коммуникации.

С нашей точки зрения, становящийся протокласс трудно отделить от интеллигенции как социальной группы. Они вышли из нее и в ней еще находятся. Однако это не интеллигенты в оценочном российском смысле, а скорее работники умственного труда, если так можно выразиться, которые пробуждают в сознании квазирелигиозные ассоциации. В настоящее время, уверен автор, идет становление (восстановление?) матрицы «современного иезуитизма» – отряда (К. Маркс) – хорошо подготовленных людей с гибким сознанием и с противоречивыми ценностями.

И в обозримой истории они уже проявили себя. П. Бурдьё, уточнял, и с ним можно согласиться, «...что те, кого Вебер называл «интеллектуалы – пролетариоды», очень несчастные и очень опасные люди, сыграли очень важную и страшно разрушительную роль в течение всей истории насилия, будь то китайская культурная революция, средневековая ересь, донацистское и нацистское движение или даже Французская революция» [1, с. 75]. Добавим, что и в перестроечное время России ее реформирование вновь возглавила та часть российской элиты, чья деятельность обусловила возможность вырваться из «воронки причинности» только после прохождения ее до конца, до самой узкой части.

Люди из «подполья» (Ф. М. Достоевский) получили шанс для кратковременной самореализации и удовлетворения подсознательных комплексов. Многие впадали в настоящий экстаз от своих обличений и пророчеств; звучали непрекращающиеся требования покаяния, максимализм в отрицании советского прошлого и представление его как как небытия, дьяволизация образов вождей советского прошлого. Они уверенно вели общественное сознание к языческим мифологемам социальной смерти и последующего воскрешения. Часть интеллигенции, преимущественно псевдолиберального толка, бессознательно готовило окончательное торжество варварства. Наивно думать, что они исчезли. Конфликт с Украиной и соответствующая мировоззренческая дифференциация части интеллигенции это наглядно показали.

Политический лексикон другой части протокласса четко указывал на вольную или невольную мировоззренческую апелляцию к мощным и незавершенным процессам Реформации. Это относилось и к ученым, которые включали себя в экспертное сообщество. Так, А. С. Панарин понимал под российской Реформацией развитие общественно-предпринимательской инициативы, иллюзорные надежды на высвобождение общества из

под власти идеологии. Впрочем, последующий отход его от либеральных позиций дополнил этот перечень концепциями «служилой аскезы» и сильной регулятивной функции государства. В целом же перестройка была лишена воодушевляющих импульсов большой идеи или большого проекта.

В мировоззренческом отношении для формирующегося протокласса интеллектуальных технологий важно вырваться за пределы навязанного нам ориенталистского дискурса. Обостряя и упрощая ситуацию, можно сказать, что общественное сознание Западной Европы и США вновь ощутило в период перестройки «бремя белого человека», возможность поучать неразумных «красных» собратьев. Даже добросовестные внешние реформаторы в своем сознании имели дело не с реальной Россией, а с ее многослойной или многоэтажной и долговременной репрезентацией – от «холода и медведей» до «империи зла». Долгое время это носило достаточно respectable характер и реализовывалось в постановке задач демократизации и модернизации России по определенным образцам.

Характерной чертой мировоззрения симулятивной меритократии – идеологов является традиционное для «современных иезуитов» (К. Маркс) соединение знаниевого и креативного аспектов обеспечения принимаемых решений, что дистанцирует их как от ученых в классическом смысле, так и от функционеров, одновременно интегрирует преимущества этих социальных ролей. Новым является также их приверженность рефлексии, отсутствие которой всегда была (остается?) слабостью политической элиты России. В среде симулятивной меритократии просвещенческое кредо «Знание – сила» успешно заменяется на лозунг «Знание – власть». Усилиями этой прослойки обеспечивается, с одной стороны, сервилизация знаний, с другой, – реально подталкиваются процессы внедрения нужных инноваций [2].

Вместе с развитием информационных технологий, формированием сетевой реальности начинает расти самостоятельность этой группы и увеличиваются ее возможности влиять на политические процессы. Происходит и численный рост симулятивной меритократии, По мере продолжающегося отделения политики от реальной власти (а это общемировая тенденция) нарастает проблема ее презентации, вовлечения в большую Игру, а это опять же усиливает значение аналитиков, консультантов и т. д. [2], которые не могут рассматриваться самостоятельно, в отрыве от тех, что принимают решения. Можно высказать предположение, что самоопределяется скрыто – открытый субъект трансформационных процессов, который множественен, но взаимосвязан друг с другом, дробится на группы и соперничает, не имеет, естественно, единого центра управления, организован по сетевому принципу и действует на основе не «бессознательного иезуитизма» (К. Маркс) в мировоззрении и способе мышления сотрудников влиятельных аналитических центров. А то, что он есть – несомненно, хотя прямая аналогия с орденом иезуитов вряд ли возможна.

Мировоззрение современных «доблестных» оптиматов – следствие перемен в социально-политической гносеологии, если так можно выразиться. Главное – в их сознании завершается отход в сторону от жестко марксистских (и родственных им жестко либеральных) детерминистских схем и дрейф в сторону методик постмодернизма. Это ответ на новые проблемы, которые связаны с тем, что процесс развеществления современной цивилизации реализуется не только в дополнении вещественности духовными компонентами, но и в замещении и вытеснении ее знаками, образами и символами [2]. Можно сказать, что впервые стала создаваться возможность реальной свободы в манипулировании идеями, образами и символами или, иначе говоря, возможность конструировать, делать мир «по образу и подобию своему». Это явление исследуется, с одной стороны, классиками постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар), с другой стороны, сторонниками теории виртуального общества (Д. Иванов, А. Крокер, А. Бюль). Оба направления решают схожие проблемы. Оптиматы сменяют Титанов.

Анализ текстов и проектов политтехнологов, а также документов официального сайта, например, партии «Единая Россия», показывает этапность и в то же время парадоксальную одновременность в развитии основных мировоззренческих структур. В общих чертах, она напоминает пирамиду (наиболее прочная, хотя и опороченная журналистами, конструкция),

строительным материалом которой служат блоки – гибкие, синтетические понятия, с трудом поддающиеся однозначной трактовке. Они готовятся симулятивной меритократией (оптиматами), во – первых, при помощи демонтажа прежних идеологических конструкций и использования обломков в качестве строительного материала, во-вторых, через вытесывание новых блоков, разработки нового политического тезауруса, имея в виду, конечно, не только растолкование курса, но и формирующее обратное влияние языка на осознание действительности [2].

В формирующемся новом политическом языке все большее значение стало придаваться полисемантической, использованию многозначных конструкций и понятий, которые с трудом поддаются расшифровке и значение которых очень трудно проверить логическим методами. К ним относятся, например, «сильная Россия», «Великая Россия», «российская нация», «российская суверенная идентичность», «национально-ориентированная элита», «реальная политика» и т. д. [2]

Часто понятия группируются в гнезда, которые сформированы по принципу омертвленных противоположностей: свое – чужое, старое – новое, мы – они. Большинство понятий-блоков безличны, но некоторые имеют авторов. В политическом лексиконе специальные термины часто соседствуют с понятиями из других сфер жизни [2].

В целом политический язык вызывает в сознании образ детской игрушки – калейдоскопа. Все перемены, антиномичность жизни, «снимаются» чередованием узоров. При каждом повороте калейдоскопа ситуация может осознаваться как реальная, в таком случае, согласно теореме У. Томаса, она может быть реальной и по последствиям. Яркая политическая метафора в условиях развития средств массовых коммуникаций становится материальной силой. Как писал Е. И. Шейгал, главная функция политического языка – борьба за власть. По меньшей мере, калейдоскопичность языковых практик позволяет оптиматам получить определенную степень свободы для маневра, в том числе и для отработки политического языка [2]. Или это метаморфозы Протея?

Отдельным направлением в строительстве симулятивной пирамиды является уточнение размеров ее основания через использование концепции поля, границы которого маркированы противоположными по форме понятиями. Размытость и всеохватность партийного подхода опирается на определенные особенности современного мировосприятия [2].

Обратим внимание на использование понятий, в которых отражены как бы два мало-совместимых явления. Позитивной стороной использования этого понятия («кентавра», оксюморона) является отсутствие претензии на категоричность и жесткую определенность. Он скорее очерчивает поле, в котором могло бы вращаться прагматически настроенное сознание. Вообще, «кентавризм» с легкой руки Д. Гранина имеет шансы стать возможной познавательной формой теоретического сознания. Известно, что это наука о парадоксах, соединении несоединяющихся частей. В ее основе может лежать великий принцип дополнительности, диалогичности. С этой точки зрения, такие понятия как Запад и Восток не сводимы друг к другу и в то же время нераздельны как, например, полушария головного мозга. Характерно использование таких «кентавров» как свобода-справедливость, демократический порядок, целостность многообразия. Скептики во многом справедливо упрекают оптиматов в стремлении искусственно соединить противоположности, в том, что в реальной жизни существуют либералы и консерваторы. Однако в российских условиях необходимость чистоты формы часто преувеличивается. Как уже отмечалось, «пуриганское» наследие православия и эпохи большевизма подталкивает к стигматизации, чистоте самоопределения. Человек вроде бы должен быть или консерватором, или социалистом, консерватором или патриотом, националистом или кем-то иным, но только гражданином со строго определенными системами взглядов. Между тем это не всегда так [2].

Вместе с тем перечисленные идеологические продукты – политический язык, реконструированные традиции, полевые конструкции не могут выступать в качестве симулятивной целостности. Стремление ее обрести иногда выражается на привычном языке. Однако остается вопрос – будет ли это идеологией в привычной форме? Известный политолог Г.

Павловский подчеркивает сервисный аспект создаваемый конструкции [2]. Он убежден, что это не идеология как таковая, «...это здравый смысл, который тоже идеологичен, но эта идеология...для пользователя. ...Важное политическое достоинства такого подхода: ощущение, которое это здравомыслие вызывает у слушателя – будто он сам так думал» [4, с. 117].

На широкой теоретической основе (поле) и при помощи здравого смысла может быть воссоздан прообраз мировоззрения оптиматов, которое окаймляют либерализм и консерватизм. Технологичность задачи модернизации требует учета не только рациональных форм, но и архетипов, мифологии, религиозного опыта. Поэтому строящуюся модель можно назвать и религией гражданственности [2].

Но религия гражданственности имеет свои ограничения, а процесс внедрения – свои опасности. Прежде всего, любая модель условна и отражает лишь некоторые возможные тенденции, она не может исчерпать объект, о чем свидетельствует судьба сложных математических моделей. Ее авторы способны поддаться той догматической попытке, которую критиковал еще И. Кант, рассматривая переход от модели реальности к реальности модели. Не отрицая наличия или возможности исторической истины полезно помнить о склонности сознания к вариативным интерпретациям наследия, причем каждая из них конечна и зависит от позиции исследователя [2]. Необходим и механизм коррекции. При этом должны изучаться не только социально значимое действие, но и его репрезентации, в том числе модели, характер и направленность которых способно дать новое знание о социальной действительности в интерпретации познающего субъекта, равно как и о самом субъекте.

Современным, соотнесенным социокультурным подобием «мозгов в банке» является Матрица, которая может выступить завершающим этапом симуляции и одновременно, согласно той же теореме У. Томаса, формой преодоления антиномичности развития с учетом новой информационной реальности, возможностей сетевых взаимодействий [2]. Термин «матрица», чаще встречается в литературе по социальному проектированию, менеджменту и методологии научного познания (матрица приоритетов, инцидентности, идентичности, бизнеса). В. С. Степин использовал понятие культурная матрица техногенной цивилизации, а Т. Кун под понятием дисциплинарная матрица имел в виду согласие по поводу символических обобщений, метафизической парадигмы, исследовательских ценностей, образцов [4, с. 117]. Тяготение к построению матриц – универсальное явление, присущее информационной революции. Во многом его универсальность обеспечивается широким использованием художественного языка. В сущности тоже самое выражается понятием «виртуальная реальность», которое рассматривается в соответствии с логикой замещения реальных вещей и явлений на образы-симуляции.

Добавим также, что единая матрица вряд ли возможна даже под влиянием грубой силы или пропаганды. Вслед за резкой дифференциацией образов жизни людей раздробилось и противоречие между экзистенциальной и субъективной реальностями. Это мир приполярного кочевника и программиста, безработного и миллиардера, коммуниста и либерала, чиновника и предпринимателя, ветерана и подростка, художника и уголовника и т. д. Одноцветность упорно не получается. Современная матрица может быть только многосоставной, напоподобие кубика Рубика, который власть упорно вращает, стремясь добиться одноцветности.

Независимо от вариантов и сценариев развития ясно, что наступает время мировоззрения, в котором ведущую роль играет политический прагматизм (современный иезуитизм), который результируется: в манипуляции гибкими, синтетическими многозначными понятиями, с трудом поддающимися однозначной трактовке; использовании вместо жесткой идеологии или какой-либо определенной национальной идеи концепции поля, границы которого маркированы противоположными по форме понятиями; избирательном отношении к реконструкции исторических традиций; применении с учетом новой информационной реальности возможностей сетевых взаимодействий и матриц сознания. Многое берется из методики постмодернизма, который все больше становится фактором модификации культуры, в том числе и политической [2].

Дело еще и в том, что в актуальном политическом сознании оптиматов наблюдается дефицит оригинальных обобщающих теорий и методологий, которые со временем могли бы быть развернуты в идеологические конструкты. Это касается и тех политических и духовных лидеров, чья позиция отличается определенностью, кто в какой-то степени влияет на сознание людей [2]. Современность сильна политехнологами, но бедна духовными лидерами.

Несмотря на вторичность и слабость рефлексии и духовное оскудение, дискуссии о национальной идее и идеологии (мировоззрении) ведутся постоянно, поскольку отражают потребность в «центрировании», в придании смысла реформационным усилиям «оптиматов». Беда в том, что фиксация многих ученых на текстах (библиомания), созданных в принципиально иной обстановке формирует ощущение замкнутого круга или келейности дискуссий, которые имеют, может быть, значение в пределах Садового кольца, или для демонстрации эрудиции авторов, но не соотносятся с малопривлекательной ситуацией рождения новых отношений. Теоретические споры напоминают средневековые диспуты о том, сколько чертей уместится на острие иглы [2]. Все это косвенно свидетельствует об исчерпанности традиционного (и актуализируемого) багажа идей. Воды отошли, а ребенка все нет. Может и не будет?

В целом складывается впечатление, что майевтика (Сократ) стала не искусством, а ремеслом профессиональных политиков. Однако фиксируемый социологами скептицизм массового сознания по отношению к усилиям «оптиматов» носит конструктивный характер и подталкивает их к учету интересов людей. Иной (более вероятный) путь возобновляет неустанные хлопоты Сизифа, особенно в свете текущей военно-политической и экономической ситуации.

Литература

1. Бурдые П. Начала. М., 1994. 287 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. 300 с.
3. Малкин В. Знание и сила // Апология. Гуманитарный журнал. 2006. № 9.
4. Павловский Г. Обсуждение выступления В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России» // Эксперт. 2006. № 9.
5. Решетников В. А., Самбуrow Э. А., Кашаев А. Е. Симулятивность в структуре общественного развития // Социодинамика. 2016. № 3. С. 46–61.
6. Цицерон. Республика. Харьков : Фолио, 1999.
7. Шарипов Э. И., Кронин С. И. Режиссура социальных игр. РСИ. Т. 1. Рожденное временем. М. : Евразия, 2001. 320 с.

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО В МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ

Рассмотрен процесс моделирования социального взаимодействия посредством когнитивных и интегративных моделей, в которых важная роль отводится работе с экспертным сообществом в оценке перспективы применения моделей в реальных социальных процессах. Обосновано, что экспертные точки зрения могут быть востребованы на разных этапах моделирования – от построения начальных гипотез и до оценки полученных результатов. Сделан вывод, что особое значение такая деятельность может приобретать в исследованиях социальных проблем с привлечением когнитивной архитектуры ACT-R. Автор останавливается на примере применения экспертных заключений при оценке модели межбиблиотечного взаимодействия в Курской области.

Ключевые слова: эксперты, руководители, управление, социальное взаимодействие, модели, моделирование

T. V. Andrianova

Kursk State University, Kursk

EXPERT COMMUNITY IN MODELING SOCIAL INTERACTION: OPPORTUNITIES AND BARRIERS

The article discusses the process of modeling social interaction through cognitive and integrative models, in which an important role is given to working with the expert community in assessing the prospects for the use of models in real social processes. Expert points of view can be in demand at different stages of modeling – from the construction of initial hypotheses to the evaluation of the results obtained. Of particular importance, such activity may acquire in the research of social problems involving the cognitive architecture of ACT-R. The author dwells on the example of the use of expert opinions in assessing the model of interlibrary interaction in the Kursk region.

Keywords: experts, managers, management, social interaction, models, modeling.

Системное моделирование в управлении социальных процессов, протекающих в современном социуме, позволяет определить наиболее важные задачи в анализе и прогнозировании, в том числе, и в таком важном из них процессе социального взаимодействия. Здесь имеет место прогноз относительно возможности достижения системой долгосрочных целей в ходе адаптации к трансформации внешней среды. Сложность данной задачи требует учета многих факторов, рисков и их последствий, а в управленческих решениях – преодоления высокой степени неопределенности в оценке внешней среды и слабой формализации управленческих методик и практик.

В качестве основного механизма действия в описанных условиях выступает, по мнению М. Д. Розина и В. П. Свечкарева, «...широкое использование экспертных оценок и знаний, многокритериальность при оценке принимаемых решений» [6, с. 609]. Проблема выработки моделей анализа и прогнозирования сложных социальных процессов социального взаимодействия связана с трудностями различных этапов, из которых выделяются: выбор вида модели, идентификация реальных объектов, программное обеспечение процесса моделирования, интеракция исследователя и модели в процессе компьютерного моделирования, релевантность результатов, описание основных закономерностей действия модели и т. д. Некоторые авторы указывают на необходимость учета возможностей разных моделей в процессе анализа социальных взаимодействий, позволяющих выстроить определенную управленческую перспективу [5].

За основу формирования модели, как правило, берется соответствие между способами организации социального мира и её познавательными возможностями; аппаратом, применяемым в процессе моделирования и концептуальным аппаратом модели; теоретическими сведениями и реальностями социального мира [6, с. 611]. Исходной содержательной моделью могут выступать ее когнитивные или концептуальные варианты, позволяющие достигнуть определенного уровня абстрагирования на основе базовых концептов и конструкторов исследуемой предметной области в процессе получения предварительного описания объекта и

вплоть до его моделирования. Метод «когнитивных карт», в данном случае, представляет собой структурную схему вершин, образованных факторами социальной системы или внешней среды и, соединяющих их, дугообразных линий, имитирующих причинно-следственные связи между ними. В целом это дает формализованное описание действий системы в ситуации конкретной проблемы на основе выявленных сущностей и связей в условиях заданных ограничений. Подчеркнем, что такой инструмент позволяет широко использовать коммуникативные возможности как ресурс повышения управленческой эффективности решения корпуса социальных проблем, в том числе и при обсуждении полученных данных экспертным сообществом.

Совмещение когнитивных моделей с социальными моделями высокого уровня формализации позволяет, в свою очередь, решать задачи устойчивого развития территорий и моделировать переходные процессы в них с оценкой характеристик устойчивости системы. При этом происходит моделирование импульсных процессов в вершинах когнитивной карты, возникающих при управляемых и неуправляемых воздействиях на них, а в качестве результата выступают возможные альтернативные сценарии поведения системы: «...аппарат сценарного моделирования позволяет формально строить сценарии как гипотетические траектории движения моделируемой системы в фазовом пространстве ее переменных (факторов) на основе информации о ее структуре и желательных программах развития [6, с. 612].

Среди вариантов совместного использования нескольких источников при моделировании социального взаимодействия отметим имитационный сценарий, реализующий парадигму системной динамики и предполагающий учет мнений экспертного сообщества. Сформированная на основе трудов Дж. Форрестера, она предполагает построение графической диаграммы причинных связей и глобальных взаимных влияний параметров с учетом фактора времени, а затем, создание имитационной компьютерной модели [7]. Визуализация компонентов системы и их взаимосвязей делают системную динамику эффективным методом представления и анализа возникающих социальных проблем, например, в миграционных и демографических процессах. Синтез когнитивных и системно-динамических моделей в моделировании социального взаимодействия позволяет расширять функциональность исследования, корректировать масштабируемость объекта в заданной предметной области и решать задачи его описания в рамках более сложных архитектур моделирования.

При применении метода когнитивных карт с привлечением мнений экспертного сообщества это выглядит следующим образом:

- экспертами выбирается одна из наиболее релевантных вершин когнитивной карты с учетом ситуации на конкретной территории;
- она представляется, в свою очередь, как самостоятельная когнитивная карта более низкого уровня со своей иерархией вершин;
- происходит когнитивное моделирование на этом уровне и обсуждение его результатов с привлечением экспертного сообщества;
- при необходимости происходит ее декомпозиция на ещё более низком уровне и т. д.

Отметим, что на каждом этапе мнение экспертного сообщества необходимо, так как оно позволяет коррелировать полученные компьютерные модели с реальной ситуацией в конкретной территории. С теоретической точки зрения здесь происходит «поуровневое» продвижение, необходимое при решении слабоструктурированных проблем с получением строгой формализации первичного качественного описания социального взаимодействия.

Во многих зарубежных исследованиях речь идет о когнитивных архитектурах, которые шире по своему значению, чем когнитивное моделирование, обеспечивают потребности в качественных и количественных прогнозах и моделируют не только внутреннюю структуру, но и социальное взаимодействие. Наиболее распространенной является когнитивная архитектура АСТ-R, применяемая для сложных социально-психологических экспериментов и других тем научного поиска, так как она позволяет тотально учитывать когнитивную область на разных уровнях (нейронный, сетевой, социальный, имитационный и т. п.) [8–9].

В свою очередь, интегрированные системы моделирования используют свойства вышеописанных парадигм моделирования социальных процессов. Для моделирования процессов социального взаимодействия нужна такая совокупность моделей, которая отражает различные уровни абстракции в описании структуры, ее трансформации, эволюции. Интеграция моделей необходима в силу того, что каждая из них имеет уникальные свойства и соответствует различным стадиям социального процесса. Модель, используемая в исследовании, интерпретирует определенные свойства социальных процессов с последующим осмыслением выявленных проблем и принимаемых управленческих решений. То есть построение архитектуры совокупности моделей на конкретном этапе требует включенности экспертного сообщества, взвешивания высказанных оценок, предположений и прогнозов.

Так, в 2020 г. на базе ОБОУ ДПО «Учебно-методический центр комитета по культуре Курской области» в ходе проведения социологического исследования «Возможности регионального межбиблиотечного взаимодействия в предоставлении услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью» автором была проведена серия глубинных интервью с экспертами – руководителями общедоступных библиотек Курской области (N = 9). Целью интервью являлось выявление экспертных оценок выстроенной в регионе модели межбиблиотечного взаимодействия и прогноз ее дальнейшего развития, с учетом имеющихся социальных проблем. В ходе интервью эксперты высказали различные точки зрения относительно модели межбиблиотечного взаимодействия, приведем наиболее типичные:

«Продуктивно то, что у нас заключен многолетний договор о сотрудничестве, со специальными библиотеками, в котором все оговаривается документально. Это и методическая помощь и помощь в обмене фондами. То есть договор о сотрудничестве полностью решает все проблемы» (женщина, 54 года).

«На любое мероприятие, которое проводится для читателей с ограниченными возможностями здоровья, приглашаются сотрудники других библиотек и СМИ, все это выкладывается в интернет. Сейчас с помощью интернета мы узнаем многие методические новинки» (женщина, 37 лет).

«В общем и целом библиотеки очень активно сотрудничают и не только внутри нашего региона, но и с привлечением каких-то межрегиональных связей. Есть у нас даже совместные мероприятия и деятельность с нашей специализированной библиотекой для слепых» (женщина, 46 лет).

«У нас проходят семинары, вебинары, консультации как оффлайн, так и онлайн, а есть и выездные мероприятия, которые мы проводим с целью диагностики работы библиотек нашей области. Сейчас можно делиться опытом через соцсети, через сайт, через профессиональную литературу. Здесь необходимо идти в ногу со временем, следить за всеми новинками и перенимать опыт библиотек из соседних регионов» (женщина, 60 лет).

Обобщая данные интервью, можно сказать, что экспертные точки зрения, во многом, скорректировали исследовательские выводы, полученные количественным методом (анкетирование сотрудников общедоступных библиотек), и позволили комплексно представить барьеры, имеющие место в межбиблиотечном взаимодействии на разных его уровнях. В числе ключевых изменений, необходимых модели межбиблиотечного взаимодействия, экспертами были отмечены: формирование общей информационно-аналитической базы, включающей и медиасферу; постоянный обмен практическим опытом; обобщение имеющихся достижений, их научное осмысление и популяризация. Отметим, что опыт работы с экспертным сообществом регулярно используется автором в исследовании процессов построения доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в контексте социокультурного пространства региона [1–4]. Полученные данные, в свою очередь, позволяют перейти на новый уровень моделирования социальных процессов путем построения когнитивных и интегративных моделей.

Литература

1. Андриянова Т. В. Доступная среда для лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте культуры региона. Курск : Курск. гос. ун-т, 2018. 99 с.

2. Андриянова Т. В. О ценностном аспекте духовно-нравственного воспитания молодежи // Церковь и общество: история и современность : материалы IV науч.-образоват. Знамен. чт., 25–28 марта 2008 г. В 2 т. Т. 2. Курск : Курск. гос. ун-т, 2009. С. 124–132.
3. Андриянова Т. В. Сетевая форма реализации социальных проектов для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений культуры Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 262–273.
4. Андриянова Т. В. Education for all: opportunities for disabled people // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. Ф. Шмидт]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 66–71.
5. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Логос, 2001. 296 с.
6. Розин М. Д., Свечкарев В. П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона. 2012. № 2 (20). С. 609–618.
7. Forrester J. W. World Dynamics. N. Y. : Pegasus Communications, 1971. 160 p.
8. Gonzalez C., Lerch F., Lebiere C. Instance-based learning in dynamic decision making // Cognitive Science. 2003. № 27. P. 591–635.
9. Stewart T. C., West R. L. Deconstructing and reconstructing ACT-R: Exploring the architectural space // Cognitive Systems Research. 2007. Vol. 8, N 3. P. 227–236.

УДК 316.3

М. В. Кибакин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЦИФРОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРЕНДОВ ОБЩЕСТВА РИСКА

В статье рассматриваются возможности социологических цифровых исследовательских средств в виде глобальных платформ в сборе, обработке и экспертной оценке социально-экономической, культурологической, политической и иной информации. Обосновано, что такие социологические цифровые исследовательские платформы необходимы для эффективного социального управления в области устойчивого развития на локальном и глоболокальном уровне цивилизационного развития, диагностики рисков, а также их применения в реализации программно-целевого социального стратегического планирования.

Ключевые слова: экспертные системы, цифровые платформы, социологические исследования, устойчивое развитие, цивилизационные тренды, общество риска, программно-целевой метод.

M. V. Kibakin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

SOCIOLOGICAL DIGITAL RESEARCH PLATFORMS AS EXPERT SYSTEMS FOR ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF CIVILIZATIONAL TRENDS OF RISK SOCIETY

The possibilities of sociological digital research tools in the form of global platforms in the collection, processing and expert assessment of socio-economic, cultural, political and other information necessary for effective social management in the field of sustainable development at the local and global level of civilizational development, risk diagnosis, as well as their application in the implementation of program-targeted social strategic planning are considered.

Keywords: expert systems, digital platforms, sociological research, sustainable development, civilizational trends, risk society, program-target method.

Введение. Концепция устойчивого развития, закрепленная в документах ООН и нашедшая отражение в современной практике социально-экономического России на федеральном уровне и в регионах, восприимчива к используемому арсеналу методов исследования различных компонентов этого процесса – экологического, экономического, социального, организационно-технологического. Все более активно в последнее время в экспертных целях в сфере трансформации государственных и общественных институтов в процессе цивилизационных изменений используются цифровые социологические технологические платформы.

Литературный обзор. Проблемы исследования процессов устойчивого регионального развития [5] рассматриваются, как правило, в контексте реализации принципов, утвержденных ООН [1]. Одновременно в силу комплексности и сложности феномена устойчивости он стал объектом исследования различных наук как социально-гуманитарного, так и естественно-научного и физико-математических циклов. Не ослабляется интерес среди ученых и практиков к изучению проблем общества риска [6], разработки инструментария рискологического анализа на основе экспертных систем [3; 4], в том числе в условиях кризисных трендов в развитии человеческой цивилизации [2].

Теория и методы. Под устойчивостью регионального развития понимается стабильность социально-экономических процессов увеличения экономического, социального и экологического потенциала субъектов Российской Федерации, регионов и территорий, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, организация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом, укрепляют имеющиеся ресурсы, создают условия для их увеличения в интересах удовлетворения потребностей жителей и их устремлений. Как следует из определения, фиксация параметров устойчивости требует наличия релевантного инструментария, который во многом должен опираться на экспертные процедуры.

Это связано со сложностью постоянного получения динамичной информации о состоянии природной среды, социально-экономических изменений, которая в совокупности входит в систему оценки устойчивости, как совокупности процедур, алгоритмов, процессов получения характеристик изучаемого объекта (явления, процесса) на основе утвержденных индикаторов, показателей, их обработки и преобразования для последующей квалификации наличия (отсутствия), либо выраженности (уровня) параметра этого объекта.

Как свидетельствуют аналитические данные, в настоящее время имеется большой массив данных по проблемам устойчивого регионального развития, доступные для использования в разработке и применению в практике деятельности органов государственного и муниципального управления соответствующих экспертных систем, что отражено на рис. 1.

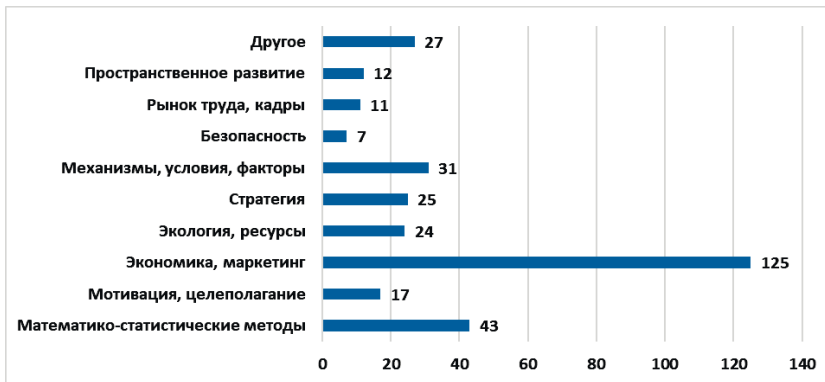

Рис. 1. Доля публикаций по теме разработки инструментария системы экспертной оценки устойчивого регионального развития за 2017 – 2022 гг. (по материалам авторского исследования)

Как свидетельствует тематический анализ публикаций, большинство исследователей рассматривают устойчивое региональное развитие как феномен экономики. При этом немало публикаций посвящены математико-статистическому аппарату оценки содержания и показателей этого процесса. Исследовались и детерминационные аспекты этого процесса, а именно механизмы, условия и факторы устойчивого регионального развития, что позволяет обосновать экспертную систему получения характеристик этого процесса как в структурном, функциональном, детерминационном, так и прогнозном аспектах.

Для определения приоритетов в развитии экспертных систем в интересах информационно-аналитического обеспечения устойчивого регионального развития в марте-мае 2022 г. было проведено экспертное исследование, в ходе которого были обобщены 74 экспертных оценки в 5-ти экспертных группах (теоретиков, практиков, должностных лиц органов власти, руководителей бизнес-структур, профессорско-преподавательского состава вузов).

Анализ результатов. Основные результаты. При разработке экспертной системы оценки устойчивости регионального развития экспертами были определены наиболее существенные ее компоненты, а также важность использования экспертных процедур для описания феномена устойчивости. Особую роль при этом эксперты отводят глобальным цифровым исследовательским платформам, которые способны осуществлять поиск, сбор, обработку, анализ и хранение информации в формате Big Date для последующей экспертной оценки.

Апробация комплексного подхода к оценке устойчивости регионального развития с определением рискологических характеристик этого процесса проведена экспертами в трех ситуациях конкретно-исторических процессов в нашей стране. Так, в целях определения качественных и количественных показателей важности соблюдения сбалансированности компонентов устойчивости регионального развития при соблюдении приоритетности тех из них, которыми являются существенными для конкретной ситуации развития (на текущих момент времени; на перспективу позитивных изменений; в условиях санкционной политики), что отражено на рис. 2.

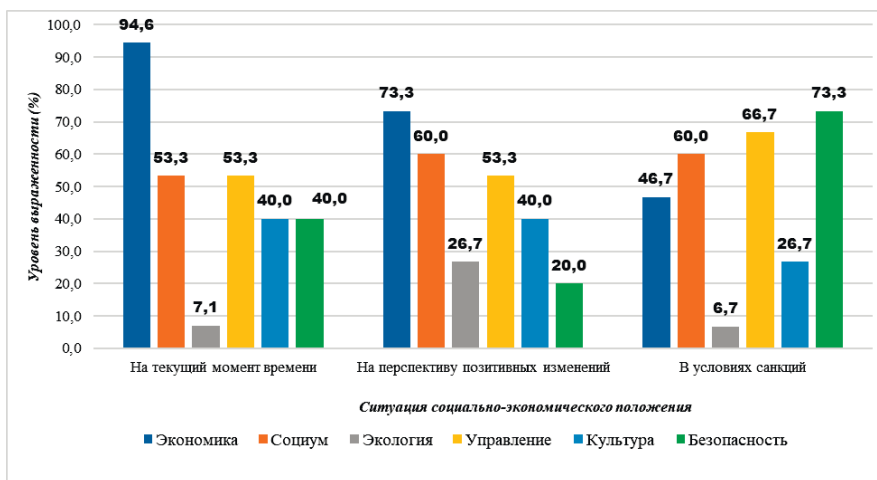

Рис. 2. Экспертная оценка приоритетности компонентов устойчивого регионального развития в различных ситуациях социально-экономического положения (по материалам собственного исследования)

При рассмотрении каждой социально-экономической ситуации можно сделать следующие выводы. В ситуации «На текущий момент времени» наиболее важным компонентом выраженности устойчивого регионального развития является экономика (94,6 %). Второе и третье место по уровню выраженности поделили социум и управление, набрав 53,3 %. Также одинаковую оценку получили культура и безопасность, получив 40 %, однако данное значение уже ниже 50 %, что свидетельствует о не высоком уровне выраженности компонентов в социально-экономической ситуации «На текущий момент». И наименьшую оценку уровня выраженности получил компонент «экология», набрав лишь 7,1 %. Таким образом, эксперты считают, что на сегодняшний день следует делать упор на экономику (приоритетный компонент), а также социальную сферу и управление. Не стоит забывать и про культуру и безопасность, так как они тоже важны, однако в меньшей степени по сравнению с вышеприведен-

ными компонентами. Наименьшую важность на сегодняшний день для устойчивого регионального развития составляет экология.

В ситуации «На перспективу позитивных изменений» результаты распределились следующим образом. Наиболее высоким уровнем выраженности также должна обладать экономика (73,3 %), однако значение ее выраженности снижается по сравнению с социально-экономической ситуацией «На текущий момент». Второе место по уровню выраженности занимает социум (60 %), получив значение более высокое чем в ранее упомянутой социально-экономической ситуации. Третье место – управление, получив такое же значение, как и в ситуации «На текущий момент» (53,3 %). Оценку ниже 50 % по шкале уровень выраженности получили культура (40 %), получив оценку, как и в первой социально-экономической ситуации, экология (26,7 %), уровень выраженности которой значительно выше, чем в ситуации «На текущей момент», и безопасность (20 %), оценка которой упала ровно в 2 раза. Таким образом, в ситуации «На перспективу позитивных изменений» экономика также играет важную роль для устойчивого регионального развития, по мнению экспертов. Также высокий уровень выраженности (выше 50 %) имеют социум и управления. Менее важными являются культура, экология и безопасность соответственно.

В ситуации «В условиях санкций» уровень выраженности компонентов, по мнению экспертов, значительно отличается от других социально-экономических ситуаций. Наиболее высокий уровень выраженности имеет безопасность (73,3 %). Также высокий уровень выраженности имеют управление (66,7 %) и социум (60 %). Оценку уровня выраженности менее 50 % получили экономика (46,7 %), культура (26,7 %) и экология (6,7 %). Таким образом, в социально-экономической ситуации «В условиях санкций» наибольший уровень выраженности должны иметь компоненты, обеспечивающие безопасность страны (безопасность, управление и социум), так как от них зависит устойчивое региональное развитие в указанный период. Низкий уровень выраженности имеют экономика, культура и экология, так как они не являются первостепенными компонентами по обеспечению безопасности страны в условиях турбулентности.

В последующем экспертные системы имеют хорошие перспективы для использования в системах оценки устойчивого регионального развития в кризисных условиях цивилизационных процессов обеспечения суверенного развития социума, выявления и предотвращения рисков санкций против нашей страны.

Заключение. В настоящее время экспертные системы на основе цифровых технологических платформ исследования социальных и иных сфер жизни все более входят в систему информационно-аналитического обеспечения устойчивого развития, что позволяет более успешно решать задачи реализации национальных интересов, предупреждения рисков и обеспечения безопасности.

Литература

1. Гавриленко В. Н., Михарева В. А. Стратегическое управление устойчивым развитием региональных социо-эколого-экономических систем // Актуальные вопросы современной экономической науки: теория и практика. 2021. С. 51–54.
2. Зотова Е. С. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен (обзор дискуссии) // Философия хозяйства. 2021. № 1 (133). С. 257–269.
3. Крицкая В. П. Методы и средства моделирования экспертных социально-экономических систем и систем поддержки принятия решений // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2016. Т. 2. С. 92–95.
4. Серенков П. С. Анализ направлений совершенствования экспертных систем, применяемых в системах менеджмента качества // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2015. № 2 (29). С. 63–70.
5. Стрекалова Н. Д., Татарникова М. А., Фролова Н. Н. Демографическая политика в контексте устойчивого регионального развития // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 1. С. 281–294.
6. Сулагаева А. А. Общество риска: тупики и проблемы // Энигма. 2021. № 33. С. 152–154.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье анализируется значение образования как фундамента новой цивилизации. Подчеркивается, что очень долго институт образования выступал как наиболее консервативная область человеческой деятельности. Обосновано, что основным источником радикальных перемен в ближайшее двадцатилетие выступят научно-техническая, информационно-коммуникационная революции, эпидемиологическая ситуация, которые их порожают и определяют характер и содержание новой цивилизации. Сделан вывод, что в этот период образование выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей новой цивилизации.

Ключевые слова: миссия образования, базовые ценности, национальная культура, новая цивилизация.

A. N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

EDUCATION AS THE FOUNDATION OF A NEW CIVILIZATION

For a very long time, the institution of education acted as the most conservative area of human activity. It is obvious that the next twenty years will be the era of the most radical changes. And the main source of these changes are the scientific, technological, information and communication revolutions, the epidemiological situation, which give rise to changes and determine the nature and content of the new civilization. In this situation, education acts as a center that fills the ongoing changes with content, becomes the value matrix of a new civilization.

Keywords: mission education, core values, national culture, new civilization.

Системные трансформации, происходящие в мире за последние три десятилетия XXI в., со всей очевидностью актуализируют проблему связи образования с цивилизационными и культурными ценностями, вопросами безопасности суверенной страны. В настоящий момент prominently развитые страны переживают трансформацию, связанную с освоением нового пакета технологий – в первую очередь информационно-коммуникационных, которые меняют природу отношений внутри общества, в том числе внутри сферы образования. Эти технологии вызывают к жизни множество изменений в экономической, политической, общественной и культурной сфере и, как следствие, формируют новые требования к самому образованию.

Образование и культура – та среда, в которой формируются смыслы жизни, создается неповторимый и непредсказуемый ценностный колорит человеческой судьбы. Образование формирует перспективы духовного развития человека, в какой-то степени определяет его жизненный путь. Поэтому столь велико внимание общественности к качеству высшего образования, которое в решающей степени определяет стратегии и ориентиры развития, как отдельных государств, так и человечества в целом. Вместе с тем «...образование должно стремиться соответствовать темпам изменений социума, искать пути конструирования новых системных связей с различными сферами деятельности. Таким образом, специфика развития современного общества и фундаментальные изменения, произошедшие в мире науки в последние два-три десятилетия, диктуют необходимость поиска новых подходов в образовательной и культурной политике» [1].

Миссия образования меняется во времени, зависит от возможностей государства, человеческого потенциала и, конечно, социально-политической ситуации в стране. Мы можем только констатировать, что образование для любой страны имеет первостепенную ценность. «Общество не может быть более развитым, чем его образование», – эти слова президента США Дж. Кеннеди, сказанные в далеком 1957 г. после запуска СССР первого искусственного спутника как никогда актуальны сегодня для нас. Образование не только отображает действительность, но меняет ее. Важно понимание, что «...образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [3, с. 412]. Мы сейчас поменяли стратегию образования в угоду обстоятельствам и видим, как много потеряли хорошего из того, что было в прежней системе: «Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. По-

этому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла» [3, с. 414]. Глобализирующийся мир рождает новые содержательные конфигурации ценности образования. Да, прав В. В. Миронов, утверждая, что образование было системообразующей частью национальной культуры и задача стояла перед ним сформировать всесторонне развитую, гармоничную и творческую личность. Уже в конце прошлого века стратегия образования начинала меняться, превращая сферу образования – в сферу услуг. И было бы ничего, если бы не доминирование формализма, упрощения, примитивизма и, в конце концов, – имитации образования. Поэтому неудивительно, что в современном обществе стало нарастать неудовлетворенность образованием.

Ж. Т. Тощенко отмечал, что «...в 90-е г. XX в. и начале XXI в. в России произошло существенное снижение уровня и качества образования. Были осуществлены неоднозначные, спорные, а в ряде случаев принципиально ошибочные изменения, приведшие к ухудшению социально-экономического положения преподавательской интеллигенции, к дезориентации в ценностных установках студенческой и учащейся молодежи...<...> Происходит увеличение административно-управленческого аппарата этих организаций...<...> Педагоги – учителя в школе и преподаватели вузов – во все большей становятся обладателями черт прекариата – слоя, характеризующего нестабильным, неустойчивым положением на рынке труда, что становится постоянной характеристикой их жизненного мира. Именно такое состояние образования позволяет его характеризовать как травмированное, так как осуществляемые меры по его оптимизации не продвинули, а наоборот, дезорганизовали процесс подготовки и воспитания интеллектуального потенциала страны» [6, с. 230].

Глобальная нестабильность, происходящие в мире трансформации, детерминированные политическими, экономическими, социокультурными факторами, определяют содержание и место образования в жизни общества. Влияние оказывается и отрицательной демографической динамикой, новыми медиатехнологиями, ускорением динамики жизни. Универсальной модели образования не получается, общие вызовы, стоящие перед образовательными системами, нивелируются национальной культурой. Новая модель образования строится как ответ на общие вызовы современности.

Среди общих вызовов следует отметить *прежде всего* лавинообразное внедрение глобальных цифровых технологий и телекоммуникационных систем в систему образования. Пандемия, накрывшая мир чуть позже, только подтвердила правильность тех, кто сделал ставку на их освоение. Цифровые технологии значительно умножают возможности обучения, меняют весь процесс восприятия собственных достижений, понимание своего развития меняет всю систему управления учебного процесса. К тому же интернет и цифровые технологии просто дешевле и более доступны. *Во-вторых*, происходит активное осовременивание управления, форм и методов работы учебного заведения. Создание технологических стартапов оценивается экспертами как одно из наиболее перспективных направлений в системе образования. Здесь возникает новый глобальный образовательный рынок, который может достаточно быстро заместить собой традиционные образовательные системы и внести новые стандарты. Не случайно больше других высказывает неудовлетворенность государственным образованием бизнес в сфере высоких технологий. Продвинутые компании ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. *И, наконец*, главный вызов для образовательной системы, являющейся пространством воспроизводства смыслов деятельности общества и создания новых, – мотивировать молодых людей учиться. Образование – эффективный инструмент обновления ценностей, традиций, идеалов. Исследования показывают, что в результате массовизации образования увеличивается доля студентов, которые не видят в нем особой ценности. Но, с другой стороны, увеличивается доля молодых людей, которые понимают смысл и значение в жизни образования и оправдано предъявляют высокие требования к программам, предлагаемым университетами.

Как результат, возникает реальная угроза, когда образование превратится в сферу имитации обновления в своем стремлении быть современным, отвечать на вызовы времени: «...миллиарды замкнутых на себя интернет-пользователей, в сущности, только изображают, что общаются друг с другом и узнают друг друга, в то время как наши цифровые образы все больше

замещают собой офлайн-оригинал. Вместо человеческого диалога мы получаем симулякр из «лайков», «дизлайков» и иллюзии безошибочности, окутывающий человека коркой, внутри которой расцветает наивность, а сама личность разучивается быть чувствительной по отношению к Другому» [4, с. 7]. И, чем сильнее и изопрённое ставится техника, тем сильнее становится страх перед ней человека. Но «...технический мир вовсе не «противостоит» человеку как нечто чуждое, внешнее: человек давно имеет дело исключительно с собственным творением – миром вторичных систем» [5, с. 10].

Конечно, образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, развитие экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути. Потребность в глобальной «дорожной карте» будущего образования чрезвычайно велика. Именно образование – ключ к построению другой ценностной реальности; от него зависит содержание новой цивилизации; оно образует фундамент устойчивого развития жизни на земле и мирного сосуществования стран и народов. Сейчас нельзя сказать вполне определенно, какая будет новая система ценностей в новой цивилизации, она только зарождается. И эти ценности во многом формируются в системе образования. Ответом на эти и другие вызовы, которые непременно со временем еще обозначатся, должна стать пересборка системы образования.

В современном мире образование стремится занять некий вспомогательный статус. Поэтому так часто приходится слышать о «грамотных потребителях», «услуге, где следует ограничить преподавание социально-гуманитарного цикла дисциплин» и т. п. Здесь следует понять и принять тезис, что «цель образования отнюдь не сводится только к получению знаний в том или ином виде узкопрофессиональной деятельности. Целью образования является также формирование теоретически обогащенных умов, способных к критико-творческому прочтению окружающей действительности, к постановке и анализу сложных вопросов, к поиску самостоятельного ответа на важнейшие проблемы человеческого бытия. Образование призвано научить молодого человека широко и глобально мыслить, помочь ему стать самостоятельным субъектом исторического творчества и вместе с тем выработать у него иммунитет против опасных искушений нашего времени – бездумного иррационализма и мистики, прагматизма и эгоизма, бездуховного scientизма и технократизма, однобокого профессионального кретинизма и ограниченности, ненасытного потребительства и стяжательства и т. д.» [7, с. 254–255].

К тому же в современном обществе нарастает конкуренция образования с новыми медиа, не за горами предстоит помериться силами с возможностями искусственного интеллекта. Высшая школа реально начинает втягиваться в борьбу без шансов победить, превращая университеты в конвейер по производству новых грез. Все унифицируется и формализуется, завтра уже будет не нужен профессор, «в живую» за кафедрой читающий лекцию. И здесь уже о ценностях, преемственности, историческом опыте, традициях речь не идет. Все предельно прагматично и цель до предела конкретна – получение необходимых для выполнения конкретной операции навыков и лучше виртуально, так дешевле и прагматично. Далее обязательна смена профессии и переучивание... и такая стратегия на всю жизнь. Сейчас, как никогда важно, «...на какое общество, на каких людей будет надета новая технологическая «арматура». Инструмент в чьих руках она станет? Этот вопрос оказывается центральным» [4, с. 8].

Конечно, невозможно остановить прогресс, просто отказавшись от использования его плодов. Вопрос в том, будет ли прогресс и новые технологии развиваться в ущерб естественным человеческим потребностям в любви и способности преобразовывать мир, слушая не только разум, но и сердце? Формулируя свое отношение к машинам и технологиям, люди подразумевают свое отношение к обществу и его порядкам. Осваивая новые технологии, создавая новые человеческие практики на их основе, а также меняя собственные представления и приоритеты в связи с этими практиками, заметно сдвигаются формы и содержание образовательных процессов. Конечно, не стоит идеализировать информационно-коммуникационные технологии. Это новое не без недостатков. В частности, они создают большие возможности по подмене содержания образования формой, что ведет к профанации образования, да и межличностной

коммуникации вообще. Задача построения нового образования – не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, но в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь – в том числе, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы. В рамках массовой системы образования – основной вызов состоит в том, чтобы предъявить новые подходы и решения, позволяющие образовательной системе преодолеть стоящие перед ней вызовы без драматической потери в качестве.

Следует признать, что массовость университетского образования оказалось непосильной роскошью для многих постсоветских стран. На образовательном рынке появилось множество фальшивых дипломов. Университеты, борясь за снижение себестоимости образования, вынуждены экономить на качестве. И, это печально... Во главу угла ставя не качество образования, а зарабатывания денег любыми доступными способами. Вполне ожидаемо и ценностные изменения поступающих в университеты молодых людей. Заметно увеличилось число студентов, которые не видят особой ценности в образовании и не имеют особого интереса к содержанию образовательного процесса. Образование в таких случаях стало заметно отставать в конкуренции с новыми медиа, которые все больше переключают внимание студентов на свой программный продукт.

Очень точно писал В. В. Миронов: «Страна с более мощной и качественной системой образования будет доминировать в сфере новейших технологий, и, напротив, страны, в которых образование будет преимущественно массовым, станет поставщиком в лучшем случае рабочей силы.. <...> В этом случае от образования, прежде всего, хотят получить быструю отдачу за счет безудержного расширения сектора платного образования с целью получения финансовой прибыли. Для страны – это тупиковый вариант, который неизбежно будет работать по законам рынка, а значит, развивать те сферы образования, которые оказываются рентабельными. К тому же, учитывая условия становления рынка в нашей стране, это способствует резкому понижению качества образования. <...> Если мы говорим об экономизации процессов образования как, прежде всего, серьезной поддержке его государством, то мы должны понимать, что здесь не может быть лишь прямой коммерческой выгоды, что образование затратно по существу» [3, с. 407–408].

Мы вступили в эпоху информационного общества, где очень много зависит от образования с ее неограниченными возможностями. Созданный человеком виртуальный мир стал воспроизводить и закреплять в социокультурном коде нового поколения жизненные смыслы и поведенческие установки, не прошедшие адаптацию на свою пригодность в реальном культурном пространстве. Здесь возможно серьезное расхождение между государственной культурной традицией, историческим опытом народа и жизненными установками нового поколения. Современное образование невозможно без возвышения человека в понимании добродетели, совести, чести, достоинстве, нравственности. Иначе духовный мир человека отстает перед торжеством невежества, ханжества и насилия. Мир технологий зачастую манипулирует самым святым, что есть в человеке, – его совестью.

Что же происходит с образованием, как возникают и гаснут идеалы и что можно ожидать от нового поколения студенчества... Что ж, каждое время рождает свои идеалы и своих кумиров. Новое поколение, как показывают наши исследования, не потерянное, не инфантильное, не расколотое. Оно ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готово жертвовать многим ради общего. Это поколение ориентировано на перемены и хочет жить в мире, где считаются с их мнением, хочет участвовать в научно-техническом прорыве, по-инновационному подходить к решению экономических проблем, рачительно использовать природные ресурсы, создавать экологически чистые производства, идентифицировать себя со своей Родиной и быть своими в глобальной мировой деревне.

Здесь следует отметить роль преподавателя в формировании новой цивилизационной целостности. По России, «...только треть преподавателей удовлетворены текущими условиями занятости (заработной платой, условиями контракта и проч.). Относительным «компенсатором» для многих является окружающая профессиональная среда – ею удовлетворены две трети преподавателей. <...> Ценности российского академического сообщества и то, что можно назвать российской академической культурой, сложилось во многом под влиянием особенностей ака-

демической системы советского времени. В сложный период 1990-х годов на фоне финансового кризиса, оттока людей из университетского сектора произошла сильная деформация этих ценностей как реакция на проблемы и вызовы» [2, с. 436–437]. Практически отсутствует мотивация педагогического труда: «Это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования...» [3, с. 433]. Особенно чувствительна эта проблема для представителей гуманитарных наук, «в центре которых уже по этимологии слова стоит Человек. Но человек – это всегда представитель конкретной культуры, связующим звеном которой является национальный язык» [3, с. 394]. Разделяем мнение, что «...сокращение и даже выталкивание гуманитарных дисциплин из сферы образования на практике оборачивается отрывом молодежи от мира идей, от политики, от всего того, что цементирует общество и дает ему душу» [7, с. 265].

Что привлекает людей к работе в университетской среде? В первую очередь это такие нематериальные факторы, как интересная, творческая работа и ее соответствие склонностям, способностям и образованию, а также «удобство» этой работы в сравнении с более «стандартными» видами занятости – нежесткий график, высокая самостоятельность и достаточное количество свободного времени» [2, с. 437]. Кроме того, «...инновация и консерватизм в образовании вовсе не противоречат друг другу. Консервативность фиксирует важность образования как системообразующего фундамента культуры, его связь с историей данной культуры, что должно определять и конкретные модели развития образования в той или иной стране. Инновация – момент общего процесса развития, будь то наука или образование и ее абсолютизация, так называемые инновации ради инноваций, могут нанести скорее вред, чем пользу, так как ведут к разрывам в целостном процессе развития той или иной системы» [3, с. 471].

Появилась мода на слепое копирование «лучшей практики», игнорируя свой опыт, ценности и предыдущие практики. Существует риск, что начав копировать «лучшие практики» индустриальной образовательной системы, на самом деле внедряют «залежалый товар», который может устареть не успев быть внедренным. Поспешные и не до конца продуманные реформы образования, где абсолютизируются библиометрические оценки научной и учебной деятельности приводят к удручающим результатам. Да, наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому, но в современных условиях они превратились в «разновидность безумия» (В. В. Миронов), когда их превращают в систему единственной оценки деятельности ученого. В ситуации, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования.

И в заключение хотелось бы отметить, что в образовании и культуре происходят уникальные, сложно фиксируемые в человеческом сознании процессы. Проникновение в их лабиринты позволит увидеть и раскрыть происходящее там волшебство и заглянуть за горизонт, представить новую цивилизационную реальность. В условиях глобальной нестабильности именно прошедшие проверку временем ценности, ставшие основой национальной культуры в виде исторической памяти, традиции, языка удерживают общество в состоянии стабильности. Учитель, в широком смысле этого слова – это хранитель традиций той или иной культуры, вырабатывающий основания для системы ценностей. С другой стороны, гуманитарные науки подвергают сомнению то, что есть в настоящем, и в этой ипостаси их представители предстают как разрушители ценностей. Вот почему столь велико влияние образования, учителя на формирование образа будущего. Но насколько наше образование современно и готово ли оно ответить на вызовы времени? В условиях глобальной нестабильности мир ценностей рождает новое образовательное пространство, которое и определит иной профиль нового поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности, какие из них станут доминирующими и как они будут закреплены в культуре? Внимание вновь обращено к университетам, которые, к большому сожалению, больше ориентированы на формирование нового мира грез...

Литература

1. Гнатик Е. Н. Совершенствование человека: тенденции и ориентиры образования в эпоху прогресса технонауки // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 188.
2. Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Университеты в России: как это работает. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с.
3. Миронов В. В. Метафизика не умирает : избр. ст., выступления и интервью. М. : РГ-Пресс, 2020. 488 с.
4. Смирнова Е. Оставаться человеком. Проблема не столько в технологиях, сколько в том, какой мы видим роль человека в изменении мира // Культура. 2022. № 1 (8198). С. 6–8.
5. Сысоев Т. «Принуждение со стороны вещей» // Культура. 2022. № 1 (8198). С. 10–11.
6. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.
7. Человек перед лицом будущего: риски и перспективы / под науч. ред. Ч. С. Кирвели. Гродно : ГрГУ, 2020. 454 с.

УДК 378:316.4

Л. А. Осьмук

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

ЭКСПЕРТНАЯ РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА В ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ГОРОДА И РЕГИОНА

В статье аргументируется: почему современные университеты становятся активными субъектами социальной политики, как через экспертное вмешательство они помогают решать социальные проблемы города и региона, в чем специфика экспертной позиции представителей университетов. Рассматриваются компетенции экспертных групп от университетов и декларируется важность социологических мониторингов, которые могут проводиться самими экспертными группами. В качестве примера приводится экспертная деятельность НГТУ.

Ключевые слова: социальные проблемы города и региона, экспертная роль университетов, экспертные группы, общественное мнение.

L. A. Osmuk

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

THE EXPERT ROLE OF THE UNIVERSITY IN ASSESSING THE SOCIAL PROBLEMS OF THE CITY AND THE REGION

The article explains why modern universities are becoming active subjects of social policy, how through expert intervention they help solve social problems of the city and the region, what is the specificity of the expert position of university representatives. The competence of expert groups from universities is considered and the importance of sociology monitoring, which can be carried out by expert groups themselves, is declared. The expert activity of the NSTU is given as an example.

Keywords: social problems of the city and the region, the expert role of universities, expert groups, public opinion.

Современный университет все больше открывается городу, начиная играть заметную роль активного субъекта социальной политики. Социальная ответственность вуза связана с продуманной стратегией помощи городу по разным социальным направлениям: социальной инклюзии лиц с инвалидностью и мигрантов, профилактики неблагополучия семьи, коррекции девиантного поведения детей и подростков, развития социального участия территориальных сообществ и др. В поле зрения университета оказываются фактически все социальные проблемы. При этом разные вузы подключаются к решению тех проблем, в которых они в большей степени компетентны. Для крупного города, в котором находятся несколько университетов, это весьма удобно, поскольку в лице вузов он получает, с одной стороны, молодежную аудиторию, готовую заниматься социальным проектированием, с другой – экспертные группы с крепкой научной базой. Постепенно в городском сообществе сформировался устойчивый позитивный образ социально-ответственного университета. Надо отметить, что этот образ складывался постепенно. В 2004 г. в рамках концепции «Управления результатами» российские вузы были признаны социально ответственными субъектами, обязанностью

которых стал отчет обществу в своих действиях и поступках. Поскольку социальная ответственность считается фундаментом социального государства и общества, то она распределяется на все социальные институты, и вузы – не могут быть исключением. На этапе постиндустриального развития университет – идеальный центр организации социальной жизни, поскольку владеет соответствующими знаниями и предлагает решать социальные проблемы, опираясь на научный подход. В ситуации неравномерного развития российских регионов университет также незаменим, поскольку он одновременно занимается воспроизводством общественного интеллекта через подготовку высококвалифицированных кадров и должен стать центром социальной жизни, имеющей принципиально иной характер. Ведущая роль университета выравнивает менталитет городского сообщества, формируя новые постиндустриальные социальные ценности, нормы и стереотипы поведения, связанные со знанием.

Возникшая в Министерстве высшего образования и науки РФ идея опорных университетов стала отражением отчасти именно этой тенденции. Так, на 2017 г. статус опорного регионального университета приобрели 33 вуза, которые в соответствии с требованиями начали работать с местными (региональными) сообществами. Это способствовало продвижению социальных инноваций через проектную деятельность и активизацию сообществ. В соответствии с имеющимися данными о деятельности опорных вузов работа с местными сообществами распространяется в первую очередь на город. Городские сообщества легче мотивируются, уже достаточно успешно включены в существующие социальные проекты и способны разрабатывать новые проекты, наконец, менталитет городских сообществ в большей мере релевантен устремлениям университетов.

Социальная ответственность университета конкретизируется через деятельность, в которой можно выделить: 1) волонтерство; 2) инклюзивное образование и «народные университеты»; 3) социальное проектирование, хакатоны, бизнес-инкубаторы и др.; 4) экспертная деятельность в социальной сфере. Расширение направлений социальной деятельности вузов связано, как правило, с удовлетворением научных интересов университетского сообщества, а многие университеты приходили к включению в социальную политику города и региона через собственные социальные (социологические, психологические, социально-антропологические) исследования. Вот лишь некоторые исследования Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета, проведенные за 2020–2022 гг.:

- 1) социологическое исследование социального участия и социальной активности городских сообществ (метод социального картирования);
- 2) социологическое исследование межэтнических отношений, социальной напряженности в среде мигрантов (социокультурный мониторинг);
- 3) социологическое исследование городских конфликтов (метод картирования, глубокое интервью);
- 4) социологическое исследование социальных проблем сферы ЖКХ (общие собрания, соседство, благоустройство и др.);
- 5) социально-психологическое исследование социальных проблем семьи и детей, исследование технологий сопровождения (метод формализованного интервью, метод экспертного интервью, тестирование);
- 6) социологическое исследование социального самочувствия пожилых людей (метод формализованного интервью);
- 7) социально-психологическое исследование социального самочувствия лиц с инвалидностью, образовательных потребностей (социально-психологический мониторинг);
- 8) социологическое исследование состояния и оценки структур власти города и организаций, оказывающих услуги: КДНиЗП, КЦСОН и др. (анкетирование, метод экспертного интервью).

Обращаем внимание на то, что в Центре внимания института оказались самые разные социальные проблемы, что позволило ему встроиться в моделирование данных направлений социальной политики на уровне города и на уровне региона. Все вышеобозначенные исследова-

дования проводились, как правило, по заказу администрации города Новосибирска или администрации Новосибирской области. В связи с чем они обсуждались на площадках города и региона и были положены в основание нормативных документов.

Социологические исследования позволяют проанализировать социальные проблемы с точки зрения причин, факторов, условий их преодоления, в связи с чем исследования необходимы для разработки и корректировки стратегии развития социальной сферы. Новосибирск как любой крупный город, живёт весьма сложной социальной жизнью, здесь каждый день происходит множество событий, которые важно правильно и вовремя оценить, чтобы найти эффективные решения и профилактировать социальные проблемы. Стремительные темпы развития современного города приводят к постоянным изменениям и создают угрозу устойчивости системы. В свою очередь, сохранение устойчивости требует экспертной оценки, которая может строиться только на достоверной информации: «Для обеспечения устойчивости требуется информированность об изменениях и тенденциях развития всех социальных структур города и создание соответствующей современным требованиям обратной связи между населением и муниципальными властями. Создание наиболее полной информационной картины социальной действительности и тенденций её изменения позволяет вовремя диагностировать «болевые точки», прогнозировать дальнейшее развитие города в целом и его социальных структур, принимать грамотные управленческие решения» [1, с. 92].

Для того чтобы собранная востребованная информация не потерялась, чтобы она была положена в основание действий власти эксперты и экспертные группы, о которых говорилось выше, должны быть инкорпорированы в структуры власти. Для Новосибирска, например, присутствие представителей университетов в экспертном сообществе является нормой. Приведем примеры:

- Экспертный совет при Уполномоченном по правам ребенка Новосибирской области – НГПУ, НГТУ, Новосибирский юридический институт, филиал ТГУ;
- КДНиЗП Новосибирской области – НГТУ, НГПУ;
- Совет при губернаторе Новосибирской области по межнациональным отношениям – Сибирский институт управления при РАНХиГС, НГТУ;
- Общественная палата Новосибирской области (эксперты) – НГТУ, НГПУ, НГУ и др.

Таким образом, присутствие университетов в общественных структурах муниципальной и региональной властей, обсуждающих социальные вопросы, позволяет считать вузы экспертным ресурсом города и региона. Для эффективного использования данного ресурса необходимо учесть следующие моменты: 1) качественный состав экспертных групп: отбор экспертов, действительно владеющих соответствующими компетенциями и имеющих связь с практикой; 2) постоянное участие экспертов в проектных группах, участие в разработке стратегических документов, определяющих развитие социальной сферы города/региона; 3) выступление экспертов и экспертных групп на общественных площадках, выстраивание диалога с городскими и региональными сообществами; 4) проведение экспертными группами социальных исследований для наличия достоверной информации, позволяющей делать выводы профессионально (переход от описательных социальных исследований к аналитическим); 5) участие в создании баз данных и информационных карт по социальному, социально-политическому, социально-экономическому аспектам состояния города; 6) ориентация властей на создание целостных межвузовских экспертных команд.

Вывод, который можно сделать, опираясь на данные характеристики организации экспертных групп, сводится к простому тезису: экспертный ресурс университетов города/региона должен быть функциональным. Следовательно, все участники муниципальной социальной политики должны понимать изменения (результаты), возникающие после проведенной экспертизы.

Чтобы обеспечить успешное социальное развитие города, созданные экспертами базы данных и геоинформационные карты должны постоянно пополняться с учетом социальной динамики. В целях формирования целостной картины развития возможно создание общей социальной базы данных, включающей стратификационный портрет города: общие демо-

графические сведения, сведения об уровне благосостояния горожан (уровень потребления, имущественные характеристики, краткие психографические характеристики социальных групп (социокультурные и политические ценности и стереотипы, интересы и хобби, особенности мировоззрения, самооценку). Помимо стратификационного портрета, на основе общей базы данных должна строиться социальная карта районов города, включающая геоинформационную карту социальных проблем (неблагополучных районов, неблагополучных семей и др.), геоинформационную карту городских конфликтов и др. Такой подход позволяет профилировать социальные проблемы, не дожидаясь их роста и эскалации.

К обязательным действиям экспертных групп, как уже говорилось выше, можно отнести и системный мониторинг общественного мнения. Мониторинг общественного мнения может фиксировать и выявлять следующие тенденции: 1) социальное самочувствие горожан; 2) отношение к экономическим и социально-политическим решениям и постановлениям властей; 3) протестный потенциал и уровень социальной напряжённости; 4) показатели доверия, оптимизма/пессимизма и др. Мониторинг должен учитывать эмоциональные и поведенческие аспекты различных городских сообществ. В идеале данные мониторинга позволяют перейти к социальному прогнозированию. В случае обострения проблемы экспертами могут и должны проводиться углубленные социологические исследования:

- 1) уровня безработицы и безработных как особой маргинальной категории населения;
- 2) состояния культуры и социокультурных ценностей;
- 3) криминогенной ситуации и отношения населения к правозащитным органам;
- 4) проблемы детского сиротства и семейного неблагополучия;
- 5) адаптации мигрантов;
- 6) психосоциального благополучия и потребностей семьи и детей;
- 7) социального самочувствия пожилых
- 8) уровня социальных заболеваний (алкоголизм, наркомания, СПИД и т. п.).
- 9) состояние межэтнических отношений в городе и др.

В поле зрения экспертов и экспертных групп также должны находиться «болевы точки» социальной жизни города. В городе, в частности, всегда возникают какие-то технические, бытовые проблемы, которые, как правило, отражаются на социальной жизни горожан. Частные и конкретные проблемы с отоплением, тарифами, дорогами, благоустройством дворов и др. связаны с такой глобальной проблемой как качество жизни горожан. Конечно, качество жизни имеет как объективную, так и субъективную стороны. Такая дуальность должна учитываться и экспертами. Представление о субъективном (общественном) мнении горожан необходимо, чтобы понимать интенсивность социальной проблемы, ее значимость для горожан, предвидеть реакцию и поведение городских сообществ.

Одной из самых важных составляющих качества жизни горожан является экологическое состояние города. Как правило, по данному вопросу высказывается большинство жителей, экологическое состояние – важный фактор социального самочувствия. Так, когда жители Новосибирска предложили оценить экологическое состояние города по пятибалльной шкале, выявилась достаточно высокая озабоченность общественного мнения. Если 19 % всех горожан вообще не видят экологических проблем и считают, что состояние экологии удовлетворительно, то у 50 % существуют какие-то опасения за свое здоровье, а 24 % считают состояние экологии неудовлетворительным и значительно влияющим на здоровье. Есть еще 8 % граждан, легко поддающихся панике и способных распространять панику в массах, которые считают ситуацию катастрофической. В этих условиях экологическая проблема влияет на депрессивное поведение горожан, их неудовлетворенность любыми действиями властей.

Более полная картина по общественному мнению в отношении экологии в городе Новосибирске выглядит следующим образом. Среди основных трёх природных ресурсов: воздуха, воды, зелёной зоны – наибольшие опасения общественного мнения вызывает состояние воздуха (так считают почти 33,5 % горожан), 88 %, (т. е. подавляющее большинство горожан) так или иначе ощущает влияние выбросов. Это угрожающая цифра, которая наглядно демонстрирует состояние экологии города и персонифицирует отношение к экологическим

проблемам. И всё же большинство граждан считают, что опасаться следует за все природные ресурсы, около 40 % не выделяют в предложенном списке что-либо, 3 % вообще безразлично относятся к состоянию природных ресурсов.

Несмотря на всю важность экологической темы, не она занимает лидирующее место в числе тем, волнующих горожан. Наиболее «популярными» темами являются злободневные проблемы, возникающие здесь-и-сейчас, от которых напрямую зависит благосостояние, здоровье, безопасность жителей города. Как правило, власти вынуждены каким-то образом реагировать и ликвидировать такие «болевы точки». Общественное мнение по поводу данных проблем становится «разговорчивым», при этом в большей степени это относится к пенсионерам, проявляющим нервозность и агрессивность. Появление «болевой точки», как правило, сопровождается конфликтом общественного мнения с властями: скрытый или явный, проявляемый в той или иной форме, – такой конфликт требует быстрого разрешения или, по крайней мере, ослабления. Первым шагом на пути ослабления конфликта является информированность общественного мнения о проблеме. Часто информация, которая есть у властей и кажущаяся им очевидной, совсем не очевидна для горожан. В отсутствии информации и формирования коммуникативных потоков общественное мнение начинает складываться стихийно. Разумеется, власти всегда владеют большей информацией, поэтому проблема снятия конфликта – всегда проблема манипулирования общественным мнением. Практика показывает, что «вилка» информированности по различным «болевым» проблемам обычно составляет от 70 до 98 %. Всегда есть порядка 2 % людей неинформированных даже по самой явной, «кричащей» проблеме. Высокий процент информированности зависит от работы СМИ. А вот реакция горожан, снятие напряжения или напротив рост напряжения, во многом зависит от мнения экспертов. В ситуации, когда доверие к властям снижается, экспертное мнение может заметно сгладить, с одной стороны, резкую оценку проблемы, с другой (опосредованно) – саму проблему. Однако для того, чтобы влияние экспертов случилось и экспертная власть стала очевидной, субъекты, выступающие в качестве экспертов, должны таковыми признаваться большинством горожан. Первоначальное требование: они должны быть практиками, поскольку ученые степени и звания вряд ли о чем-то говорят людям. Другими словами, эксперты должны сами участвовать в решении вполне конкретных социальных проблем, знать лидеров мнений в среде городских сообществ, имеющих отношение к той или иной проблеме. Эксперты в этом случае выполняют роль, не всегда им свойственную: вместо некоторого «отстранения» от тех, на кого они могут и должны повлиять, они становятся центром интеграции сбора сил и ресурсов для решения проблем. В таком случае, университеты, которые представляют эксперты, становятся площадками для межструктурного социального партнерства (власть-бизнес-НКО-университет), а часто и межведомственного партнерства.

Таким образом, современный университет становится все более открытым [2] и его участие в социальной жизни города и региона естественным образом предполагает занятие экспертной ниши. Занять эту нишу можно только по согласованию с муниципальной и региональной властью и с согласия территориальных сообществ. Сочетание экспертной и медиативной позиции экспертов от университетов значительно осложняют их деятельность, однако эта деятельность будет тем эффективнее, чем сильнее (в плане наличия компетенций и оборудования) университетский ресурс – например, исследовательские группы, – который стоит за экспертом. Практика показывает, что включение университетов (и экспертов от университетов) в реализацию социальной политики на уровне города и региона происходит повсеместно. Желание государства сотрудничать с университетами в плане развития социальной сферы – наблюдаемый в настоящее время (с начала XXI тысячелетия) тренд.

Литература

1. Осьмук Л. А. Общественное мнение: социология и психология. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2002. 150 с.
2. Osmuk L. A. Challenges and opportunities of forming sustainable triple helix model in regions of Russia // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 90 : Business Cooperation as a Resource of Sustainable Economic Development and Investment Attraction (ISPCBC 2019). P. 162–164.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Приводятся результаты качественного исследования экспертов в сфере высшего образования, которыми выступили ректора, проректоры и директора образовательных учреждений, а также руководители высшего и среднего звена министерства образования и науки РФ. Сделаны выводы об особенностях и формах развития экспертного сообщества в сфере высшего образования.

Ключевые слова: экспертное сообщество, высшее образование, система высшего образования.

I. A. Zhuravleva

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF THE EXPERT COMMUNITY IN HIGHER EDUCATION

The results of a qualitative study of experts in the field of higher education, which were rectors, vice-rectors and directors of educational institutions, as well as senior and middle managers of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, are presented. Conclusions are drawn about the features and forms of development of the expert community in the field of higher education.

Keywords: expert community, higher education, higher education system.

Одним из инструментов развития системы образования выступает экспертное сообщество. Образование всегда развивалось в интересах государства и общества, а экспертное сообщество выступало и выступает поныне мобильным барометром социального моделирования. Система образования использует экспертные сообщества для проведения аттестационных мероприятий, конкурсных процедур, выявления актуальности и приоритетности тех или иных проектов.

Экспертное сообщество в большинстве случаев работает локально, занимаясь конкретным вопросом или проблемой, регулируя или контролируя определенную сферу, область или территорию. Говорить о том, что благодаря экспертному сообществу происходит изменения в системе образования глобального порядка, пока не приходится. Но при этом благодаря им формируются ориентиры целенаправленного развития самого образовательного учреждения и тех социальных институтов, что с ним связаны. Экспертность – это форма воздействия на социальную среду.

В современных научных исследованиях рассматриваются различные грани развития экспертного сообщества, затрагивающие внешние социальные условия, такие как нелинейное развитие общества (В. А. Колесников, О. А. Полюшкевич [3]), векторы развития государственной образовательной политики (И. А. Журавлева [1; 2], В. Н. Финогенко, И. В. Фролова [9]), стандартов социального образования (В. А. Решетников, В. С. Федчин [7]), тенденций развития современного образования (С. В. Малых [4], А. Н. Пружинин [5; 6]) или региональных перспектив развития университетов (Н. В. Тамарская, О. В. Белова [8]) и т. д. Но их всех объединяет социальная рамка реализации разнообразных условий и схем изменения образования в современной России.

Результатом анализа имеющихся теоретических данных, а также сформированных гипотез развития экспертных сообществ в высшем образовании, основанных на сформированных убеждениях и ценностях членов экспертных сообществ и погруженности в образовательную среду на протяжении длительного времени, нами были определены рамки и формат качественного исследования в отношении изучения особенности формирования экспертного сообщества в системе высшего образования.

Исследование проходило в 2021–2022 гг., в результате было опрошено 18 экспертов, которых мы отнесли к экспертному сообществу в сфере образования. Длительность интервью составляла от 1,5 до 2 часов, осуществлялась либо лично, либо через платформу zoom. Возраст участников составил 33–65 лет, 50 % мужчин и 50 % женщин, все имеют минимум

10 лет педагогического и административно-управленческого стажа в университетской среде (ректора, проректора и директора институтов), министры и руководители отделов министерства образования и науки.

Отвечая на вопрос о том, как и почему люди объединяются для того, чтобы решить проблемы или задачи в системе высшего образования, мы выявили три вектора, определяющие основные приоритеты развития экспертного сообщества.

В основу первого легли идеи Дюркгейма о развитии профессионализма и объединения людей по профессиональному принципу, которые выступают основой для понимания перспектив и форм развития образования.

Перспективы развития образования лежат в формировании четкого понимания профессионализма и специализации, которые позволяют быть максимально эффективным и полезным для локальных и глобальных структур общества. (В. А., проректор). Профессионализм и социальная встроенность в вопросах общественного воспроизводства, контроля и регулирования общественного развития выступают основными задачами, которые встают перед тем, кто может принимать такие решения, которые меняют систему взаимодействия между различными социальными институтами, а также могут влиять на смысл и форму того, кто и чему учит студентов. (М. А., заместитель министра образования).

В основании второго лежат принципы рационального использования человеческих ресурсов, которые можно использовать как потенциал развития территории (практико-рациональный подход).

Без знания человеческих ресурсов, социальных механизмов воздействия на человеческий капитал университетского сообщества или региона в целом невозможно планировать ни вузовское, ни территориальное развитие. Эти рычаги развития человеческого капитала могут носить долгоиграющий характер, растянуться не только на года, но и на десятилетия. Поэтому вдвойне актуально знать – на решения кого можно опираться, кому можно доверять и что можно изменить, если уже что-то выходит из-под контроля. (А. В., руководитель отдела министерства образования). Системное развитие территории строится на социальном воспроизводстве человеческого капитала и корпоративного образования в том числе, когда потенциальные ресурсы развиваются на местах и могут служить залогом будущего развития. (С. С., проректор).

Третий строится на подходе М. Вебера, которые подчеркивает взаимосвязь и взаимовлияние карьеры, чувства долга и морали всех участников, особенно, если решения последних могут влиять на других членов сообщества.

Без личной заинтересованности и ответственности невозможно говорить об успешном руководителе образовательного учреждения. Только чувство долга и понимания всех последствия принимаемых решений может служить основанием для того, чтобы решения одного стали поводом для изменения ситуации и политики в целом для других. (И. О., ректор университета). Сложность работы всей системы образования зависит от морально-волевых усилий и готовности служить своему делу тех, кто имеет власть и социальный вес в конкретном сообществе или регионе. (Т. А., руководитель отдела в министерстве образования). Профессиональный долг и общественное благо – это те условия, которые необходимы для того, чтобы было сформировано экспертное сообщество, мнения которого не просто слышались органами власти, но и реализовывались на практике. (Н. Е., проректор).

Надо сказать, что принадлежность к какой-либо ассоциации, членство в определенном круге лиц становится залогом социального престижа и уважения. В общем понимании, эксперт – это тот, кто может повлиять на принятие решений, но не несет ответственность за них. В экспертном сообществе в сфере высшего образования – эта форма не совсем актуальна, так как эксперт – это тот, кто МОЖЕТ и ДОЛЖЕН повлиять на принятие управленческих решений, и также МОЖЕТ и ДОЛЖЕН нести ответственность за их последствия. Это, наверное, выступает одним из немногих примеров исключения в развитии экспертных сообществ в разных сферах жизни. Безусловно, функция эксперта во многом консультирующая, советующая, но именно их слова, мнения и оценки могут изменить условия жизни и социального

развития конкретной сферы или отдельного вуза. Эксперт – это тот, кто осуществляет связь между теоретическим или научным или властным дискурсом и языком обыденности того, что день грядущий нам готовит.

Экспертные сообщества формируются под влиянием отдельного запроса со стороны отдельных социальных институтов (власть, бизнес, НКО, общественность) или социальных групп (жители города, территории, профессиональных сообществ и т. д.).

Без конкретной цели, экспертные сообщества в системе образования представляют собой людей, которые имеют свои собственные представления и убеждения, которые могут развить, изменить и улучшить систему высшего образования РФ. Только когда они объединяются между собой и их мнения и оценки обсуждаются публично – они становятся публичными персонами социальной политики и могут влиять на социальную среду. (Л. О., директор института при университете). *Сообщество становится экспертным тогда, когда их внутреннее взаимодействие, мнения и оценки становятся публичными и открытыми для общественности, в виде личных дебатов, открытых взаимодействий или публикаций со стороны СМИ и интернет* (Л. А., руководитель отдела из министерства образования).

При этом все экспертные сообщества имеют границы и рамки реализации своих полномочий, как правило, регулируются неформальными принципами и правилами поведения и могут воплощать в себя разные стратегии социального взаимодействия и партнерства.

Любое экспертное сообщество должно регламентировать и регулировать свою жизнь, иначе это примет форму либо разрозненной группы людей, недовольных тем, что есть, либо эта группа людей будет подрывать функционирование устоев и разрушать образовательный потенциал вуза или региона. (С. А., проректор). *Выработанные самим экспертным сообществом принципы и нормы определяют то, за что, как и почему готовы отстаивать свои убеждения члены сообщества.* (Т. А., руководитель отдела из министерства образования).

Выделенные нами принципы развития экспертного сообщества в сфере высшего образования позволяет выявить основные принципы и мотивы внутреннего взаимодействия, качественной поддержки и развития социального потенциала и ресурсного развития того места, где работает эксперт. Развитие экспертных сообществ в системе образования способуют:

- 1) виртуальное пространство и цифровые технологии (новые формы, модели и инструменты создания, распространения и сохранения знаний);
- 2) виртуально-технологические тенденции развития образования (онлайн-образование, удаленное обучение);
- 3) новые условия к кадрам (новые требования к подготовке кадров);
- 4) потребности потребительского общества (конструирование через СМИ и сеть интернет новых форм образования для людей разных возрастов);
- 5) развитие нормативно-правового регулирования рычагов воздействия экспертного сообщества на систему образования (начиная от попечительских советов образовательных учреждений, заканчивая корпоративным обучением);

Более того, в социальной среде усиливаются вопросы изучения и развития информационной базы экспертов, мотивации и финансирования деятельности экспертных сообществ, их социального имиджа и социального капитала. Поэтому экспертные сообщества выступают инструментом и поводом для развития образовательного учреждения, а также способствуют развитию социального партнерства и межсекторного взаимодействия. Благодаря экспертному сообществу развивается гражданское общество, так как позволяет мягко, без жесткого давления регулировать социокультурное пространство, социальное воспроизводство и взаимодействие разных социальных акторов.

Литература

1. Журавлева И. А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.

2. Журавлева И. А. Университетские корпорации: от средневековья до наших дней // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 февр. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 373–377.
3. Колесников В. А., Полошкевич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. 2012. № 12. С. 28.
4. Малых С. В. Территориальная интеграция через университетское образование // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 февр. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 350–354.
5. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
6. Пружинин А. Н. Трансформация советских университетов в российских реалиях // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 2021. С. 199–202.
7. Решетников В. А., Полошкевич О. А., Федчин В. С. Основные направления социального образования // Социодинамика. 2016. № 4. С. 52–58.
8. Тамарская Н. В., Белова О. В. Региональные профессиональные экспертные сообщества в сфере образования: направленность и функции // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2015. № 4 (34). С. 40–43.
9. Финюгентов В. Н., Фролова И. В. Высшее образование в современной России: бюрократия, рынок, экспертное сообщество // Экономика и управление : науч.-практ. журн. 2021. № 5 (161). С. 30–34.

УДК 378

В. Ф. Пугач

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва

РОЛЬ ВУЗОВ КАК ЭКСПЕРТНЫХ ЦЕНТРОВ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ВЫПУСКНИКОВ

Рассматривается система трудоустройства выпускников российских вузов, на основе статистических данных дается анализ тенденций в траекториях выпускников. Показано, что использование советского опыта и экспертного подхода вузов к системе распределения обеспечивает ее эффективное функционирование.

Ключевые слова: выпускники вузов, трудоустройство, направления на работу.

V. F. Pugach

National Research Technological University "MISIS", Moscow

THE ROLE OF UNIVERSITIES AS CENTERS OF EXPERTISE IN THE EMPLOYMENT OF GRADUATES

The article discusses the system of employment of graduates of Russian universities, based on statistical data, an analysis of trends in the trajectories of graduates is given. It is shown that the use of Soviet experience and the expert approach of universities to the distribution system ensures its effective functioning.

Keywords: university graduates, employment, job referrals.

К широкому кругу вопросов, в которых вузы выполняют экспертные функции, относится сфера трудоустройства выпускников. В системе высшего образования этим проблемам традиционно уделяется значительное внимание, но подходы к рассмотрению принципиально меняются. В условиях плановой экономики существовал институт распределения молодых специалистов. Особенности его развития, нормативная база, статистические данные рассмотрены в монографии [1]. В условиях рыночной экономики ситуация стала иной, прежде всего распределение выпускников перестало быть обязательным. Но в таком трансформированном виде система продолжает действовать и в рыночной экономике, происходит это в значительной степени благодаря экспертному подходу вузов к выпускникам, потенциальным работодателям.

В статье использованы данные образовательной статистики, содержащиеся в публикациях Росстата, НИУ ВШЭ.

В российской образовательной статистике содержатся данные о структуре выпускников вузов по видам деятельности, в т. ч. о трудоустройстве. Здесь рассматриваются студенты только государственных вузов, очной формы обучения и обучающиеся на бюджетных местах. Следует отметить, что остальные выпускники находятся в том же социально-экономическом пространстве, трудоустраиваются и трудятся в российской экономике. Такой усеченный анализ связи высшей школы с миром труда, учитывающий менее половины всех выпускников, – это рудимент старого подхода, согласно которому на людей, обучавшихся платно, не распространялись требования к их трудоустройству [8].

Для анализа ситуации охвата образовательной статистикой данных о трудоустройстве выпускников вузов рассмотрим численность выпускников вузов, в том числе обучающихся на дневных отделениях на бюджетных местах, а также их долю от общего выпуска [8]. Выпуск из вузов и численность выпускников, учитываемых при анализе трудоустройства, показаны на рис. 1.

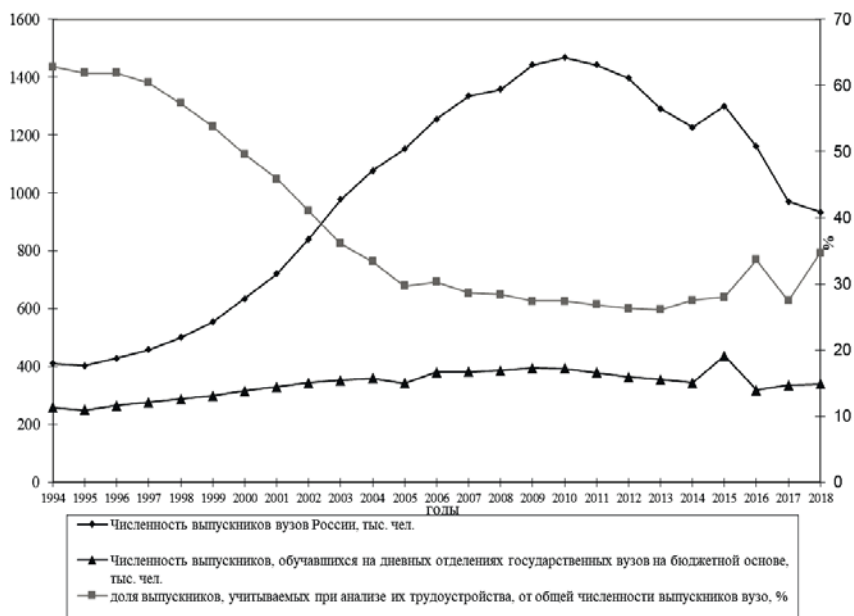

Рис. 1. Выпускники российских вузов, учитываемые в образовательной статистике по трудоустройству (рассчитано по источникам: [2–5])

Из-за разного характера динамики выпуска в целом и численности выпускников дневной формы обучения на бюджетных местах доля последних, т. е. учитываемых в статистических данных по трудоустройству, сокращается: если в 1994 г. их доля составляла почти 63 %, то в 2018 – 36 %, причем в 2010–2012 гг. она была еще ниже – чуть больше четверти [9].

Для анализа ситуации с трудоустройством приведем статистические данные, которые касаются выпускников очной формы обучения государственных вузов без учета обучавшихся с полным возмещением затрат. Ситуация выхода выпускников вузов на рынок труда при непосредственном участии вуза характеризуется двумя показателями: получившие направление на работу и не получившие направления на работу [9]. Данные об их динамике приведены на рис. 2.

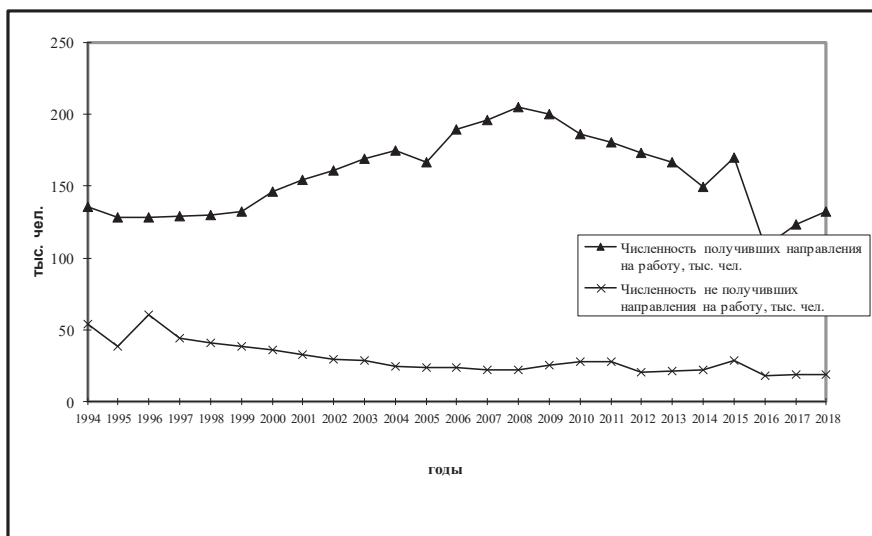

Рис. 2. Численность получивших и не получивших направления на работу, тыс. чел. (рассчитано по источникам: [2–5])

Численность получивших направление на работу, как видно на рис. 2, изменяется в диапазоне от 100 до 200 тыс. чел. Наибольшие значения наблюдаются в конце нулевых – начале десятых, максимальное значение, равное 204 тыс., отмечено в 2008 г. В начале и конце рассматриваемого периода численность трудоустроившихся вообще была почти равной – около 130 тыс. Следует отметить, что изменения численности выпускников, получивших направления на работу, в целом повторяют характер динамики студенчества в России, явно выраженный всплеск которого наблюдался в конце нулевых годов.

Принципиально иной характер наблюдался среди выпускников, не получивших направления на работу: их численность сократилась с 54 тыс. в 1994 г. до 18 тыс. в 2018 г., или почти в три раза. Здесь следует отметить не только сам факт сокращения численности таких выпускников, но и характер динамики – практически монотонное снижение, без «отголоска» роста численности студентов.

Рассмотрим в относительных показателях траектории выпускников вузов с выделением следующих вариантов: получившие направление на работу; не получившие направление на работу; трудоустроившиеся самостоятельно; продолжившие образование на дневной форме обучения; призванные в Вооруженные Силы РФ [9].

Распределение выпускников по видам занятий после окончания вуза показано на рис. 3.

Выпускники, получившие направление на работу, в период с 1994 по 2009 г. составляли примерно половину или чуть меньше. С 2010 г. появилась тенденция к снижению, в результате действия которой к 2016 г. она сократилась до трети. После этого последовал рост до 40 %. В то же время доля не получивших направления на работу сокращалась. Если в середине 1990-х годов она составляла около 20 %, то после 2003 г. она находится на уровне 5–7 %.

Следовательно, практика трудоустройства выпускников по направлениям, получаемым в вузах, продолжает действовать и в постсоветское время, правда масштабы выбора такого пути выпускниками постепенно сокращаются. Снижение доли не получивших направления на работу, но, как можно предположить, желавших этого, свидетельствует об адаптации молодежи к новым условиям рыночной экономики. Такое эффективное взаимодействие вузов с миром труда свидетельствует в т. ч. об успешном выполнении вузами экспертных функций.

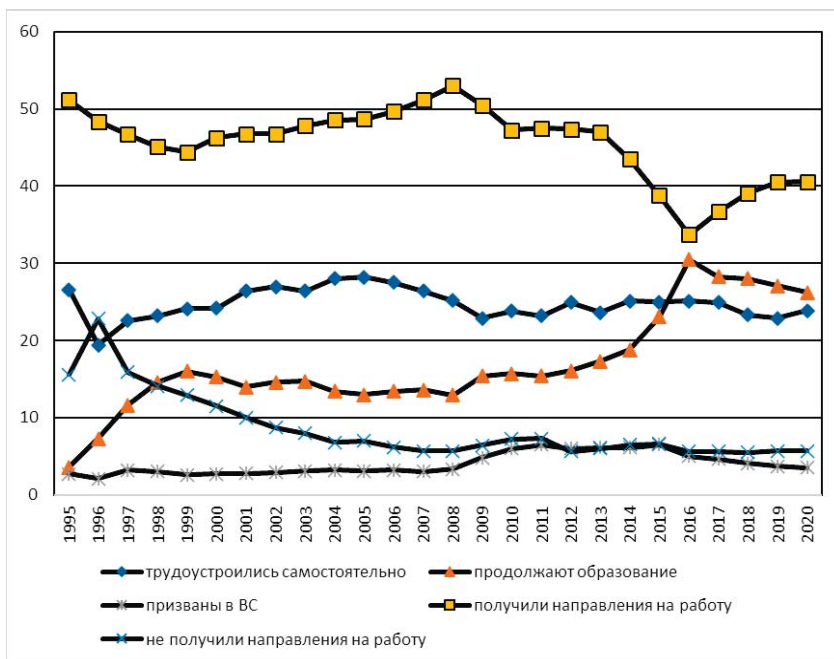

Рис. 3. Распределение выпускников по видам занятий, %
(рассчитано по источникам: [2–5; 7])

Рассмотрим другие виды жизненных траекторий выпускников: трудоустроившихся самостоятельно, продолживших обучение по дневной форме и призванных в Вооруженные Силы. Доля самостоятельно трудоустроившихся демонстрирует поразительное постоянство – в течение почти четверти века около четверти выпускников трудоустраиваются таким образом. И это несмотря на то, что рассматриваемый временной отрезок включает драматические 1990-е гг., которому соответствует депрессионный период в развитии высшей школы, а также годы максимальной массовизации высшего образования в конце нулевых годов XXI в.

Принципиально изменилась ситуация с продолжением обучения по дневной форме: численность этой группы выпускников увеличилась с 1995 по 2018 г. более чем на порядок, а их доля – восьмикратно. В 1994 г. доля продолживших обучение составляла 3,6 %, а с 2016 г. колеблется около 30 %. Связано это прежде всего с реальным переходом России на многоуровневое высшее образование.

Характер изменения численности выпускников, призванных в Вооруженные силы, был следующий: с 6,8 тыс. в 1995 г. она выросла почти до 25 тыс. в 2011 г., после чего сократилась до 14 тыс. В период с 1994 по 2008 г. показатель был на уровне 2–3 %, с 2010 по 2015 г. – около 6 %, после чего несколько снизился. Анализ ситуации с трудоустройством выпускников свидетельствует о позитивных изменениях в этой области, об улучшении диалога между системой высшего образования и миром труда, о росте требований выпускников к условиям работы (они все чаще отказываются от направлений при наличии заявок) [9].

Для характеристики взаимосвязи вузов с миром труда рассмотрим выпускников, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, а также их доли от выпуска из вузов и от всех зарегистрированных безработных (табл.).

Выпускники вузов, зарегистрированные в органах государственной службы занятости

Год	Численность безработных выпускников вузов, тыс. чел.	Доля среди выпускников, %	Доля среди безработных, %	Доля женщин среди безработных – выпускников вузов, %
2000	9,5	1,50	0,92	79,9
2001	10,4	1,44	0,93	79,0
2002	16,8	2,00	1,12	71,9
2003	21,5	2,20	1,31	73,4
2004	25,7	2,39	1,34	75,4
2005	24,7	2,14	1,35	73,2
2006	21,2	1,69	1,22	73,9
2007	15,7	1,18	1,01	71,5
2008	16,7	1,23	1,10	69,8
2009	24	1,66	1,12	65,0
2010	15,5	1,06	0,98	67,7
2011	10,2	0,71	0,79	68,6
2012	7,4	0,53	0,70	68,9
2013	5,9	0,46	0,64	67,8
2014	4,5	0,37	0,51	68,9
2015	8,7	0,67	0,87	71,3
2016	6,3	0,54	0,70	66,7
2017	4,2	0,43	0,54	66,7

Примечание: рассчитано по источникам: [2; 6]. В данной таблице жирным шрифтом выделены максимальные значения, курсивом – минимальные.

Если рассматривать период времени, начиная с 2000 г., то видно, что численность выпускников, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, измеряется тысячами и подвержена значительным колебаниям. В течение десяти лет, с 2001 по 2011 г., в России ежегодно зарегистрировано более 10 тыс. безработных выпускников вузов, а в период с 2003 по 2006 г. – более 20 тыс. Максимальная численность – 25,7 тыс. – отмечена в 2004 г. С 2012 г. эта группа выпускников сокращалась, и их численность стала измеряться тысячами. В 2017 г. зарегистрирована минимальная с 2000 г. численность безработных – 4,2 тыс. чел.

Теперь обратимся к относительным показателям, характеризующим, какую долю безработные выпускники составляют в выпуске из вузов и общей численности безработных в России. Рассмотрим два относительных показателя, характеризующих масштабы безработицы среди выпускников вузов. Первый показатель – доля официальных безработных, т. е. зарегистрированных в органах государственной службы занятости, выпускников вузов в общей численности выпускников. Второй – доля официальных безработных – выпускников вузов среди всех безработных.

Особенностями динамики обоих показателей являются следующие: динамика обоих показателей характеризуется, если рассматривать только XXI век, начальным периодом роста, достижением максимальных значений в середине нулевых, долгосрочным периодом снижения до минимальных значений. Оба показателя находятся на уровне 1–2 %, но у доли среди выпускников разброс больше. Максимальной, на уровне 2,4 %, безработица среди выпускников отмечена в 2004 г, как и их абсолютная численность, но в результате быстрого снижения к 2017 г. безработными оказались менее половины процента выпускников. Видно, что масштабы безработицы среди выпускников вузов относительно малы, но, тем не менее, это касается тысяч, а иногда и десятков тысяч выпускников вузов, чья профессиональная деятельность начинается со статуса безработного [9].

Обращает внимание четко выраженная гендерная асимметрия среди безработных выпускников вузов: в 2000 г. женщины среди них составляли почти 80 %, правда, к 2017 г. эта доля снизилась до 67 %, но все равно до паритетного состояния далеко. Следует отметить, что факт гендерной асимметрии среди безработных является общеизвестным, но неожиданным оказалось то, что уровень гендерной асимметрии среди выпускников вузов оказался

больше, чем в целом среди всех безработных в стране [5, с. 101]. Следовательно, в российских вузах и в постсоветское время успешно продолжает действовать система трудоустройства выпускников, в значительной степени благодаря вузам, выступающим в качестве экспертных центров.

Литература

1. Трудоустройство выпускников российских вузов: история и современность: Монография / под науч. ред. И. С. Болотина и В. Ф. Пугач. М.: СПб.: МАТИ: Нестор-История, 2012.
2. Индикаторы образования: 2020: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
3. Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 444 с.
4. Образование в Российской Федерации: 2007: стат. ежегод. М.: ГУ – ВШЭ, 2007.
5. Высшее и послевузовское образование в России: 2004: стат. сб. М.: ЦИСН, 2004.
6. Труд и занятость в России. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020.
7. Портал Министерства науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/about/opendata/>.
8. Болотин И. С., Басалай С. И., Пугач В. Ф., Михайлов А. А. Социологическое обеспечение трудоустройства студентов и выпускников вузов: опыт Московского авиационнотехнологического института (МАТИ) // Социология образования. 2012. № 9. С. 71–86.
9. Пугач В. Ф., Федорова Е. А. Трудоустройство выпускников российских вузов (статистико-социологический анализ) // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 136–146.

УДК 32.019.5

В. Д. Курганская, В. Ю. Дунаев

Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК,
г. Алматы, Казахстан

ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ¹

Раскрывается история становления экспертного пула в Казахстане, особенности взаимодействия власти и экспертного сообщества. Показано, что независимая научная экспертиза жизненно необходима для ставшего на путь кардинальных реформ казахстанского общества.

Ключевые слова: экспертно-аналитическая работа, политические процессы, власть.

V. D. Kurganskaya, V. Yu. Dunaev

Institute for philosophy, political science and religion studies of CS of the MES of the RK, Almaty, Kazakhstan

EXPERT OPINIONS AND ASSESSMENTS IN THE STUDY OF POLITICAL PROCESSES

The article reveals the history of the establishment of an expert pool in Kazakhstan, especially the relationship between the government and the expert community. It is shown that an independent scientific examination is vitally necessary for the establishment of the cardinal reforms of the Kazakh society.

Keywords: expert-analytical work, political processes, power.

Введение

Для процессов социальной трансформации казахстанского общества характерно сочетание двух противоположно направленных, противоречивых тенденций:

Во-первых, происходит преобразование прежней социальной структуры, ориентированной на достижение тотального социального равенства и социальной справедливости, в социальную структуру, выстроенную на имущественном, властном, статусном и т. д. неравенстве, которое рассматривается как естественное состояние общества. Это один из мощнейших источников социальных противоречий, проявляющихся в различных формах как на уровне развития и функционирования общественной системы в целом, так и в деятельности отдельных социальных институтов, и на поведенческом уровне конкретных граждан. Фор-

¹ *Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования КН МОН РК: проект OR11465461 «Исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана».*

мирование программ, разработка технологий по снижению степени социального расслоения граждан – это первостепенная задача и важнейшее направление в деятельности социального государства, бизнеса и гражданского общества [1].

Во-вторых, качественное изменение социальной структуры сопровождается формированием системы ценностных ориентаций, основанных на реальном расширении прав и свобод граждан страны, созданием условий для более широкого выбора ими форм собственной жизнедеятельности, расширением масштабов социальных перемещений и прочими процессами, характеризующими переход Казахстана к открытому обществу. Поддержка и развитие этой нормативно-ценностной системы – столь же важная задача социального государства [1].

Конституционно закреплённое в Казахстане положение о демократическом, правовом и социальном государстве с необходимостью предполагает утверждение системы политического управления социальными процессами на основе принципов полисубъектности и полицентричности общества как самоорганизующейся системы, формирование такой структуры взаимодействия между политической властью и гражданским обществом, которая в той или иной форме обеспечивает политическое представительство и защиту дифференцированных интересов различных социальных групп населения [1].

Январские события 2022 г. в Казахстане показали, что система политического управления нуждается в серьёзном реформировании. Президент страны К. К. Токаев в своём Послании 16 марта 2022 г. обозначил ряд политических реформ, которые выработывались с учетом мнения экспертов и общественности. Новые реформы затрагивают практически все политические институты, в том числе президента, парламента страны, системы местного самоуправления, партийной, избирательной и судебно-правоохранительной систем.

В условиях модернизации политической системы возрастает потребность в экспертных оценках проводимых реформ, поскольку в выработке тактических ориентиров политического и экономического развития Нового Казахстана, – а именно так сейчас обозначена цель реформ, – должно активно участвовать экспертное сообщество.

К истории становления экспертного сообщества в Казахстане

После приобретения независимости в Казахстане, как и в других независимых республиках бывшего СССР, возник новый тип профессиональной интеллектуальной деятельности – экспертно-аналитический. Разумеется, аналитические центры существовали в Казахстане и во времена СССР, но они функционировали в основном как лаборатории или центры при крупных государственных вузах или НИИ (например, при Институте философии и права АН КазССР функционировал Центр по изучению межэтнических отношений). В советское время в Казахстане государственные академические институты гуманитарного профиля являлись головными «фабриками мысли», такую же функцию выполнял Казахстанский Институт стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ). Академические институты имели пятигодичные фундаментальные плановые темы, которые завершались публикацией коллективных монографий. Но органы власти для подготовки аналитических и экспертных материалов обращались к ним не часто. Актуальные экспертные и аналитические материалы для органов управления готовил КИСИ.

После перестройки работы вузов и НИИ в 90-х гг. прошлого века некоторые центры либо отделились от головной организации, либо прекратили своё существование. Но в то же время возник совершенно новый тип аналитических центров, которые активно изучают происходящие в стране политические процессы в условиях трансформации общественных отношений. Так, ни одна выборная компания не обходилась без подключения к электоральному процессу аналитиков и экспертов, которые в свою очередь в своих прогнозах использовали результаты социологических исследований. Причем исследования общественного мнения начинались задолго до проведения выборов, их результаты отражались в рекомендациях для практических политиков, участвующих в предвыборной компании. В электоральный период интеллектуальный продукт экспертов и аналитиков был остро востребован.

После 1991 г. функции академических институтов изменились, они утратили статус академических в связи с переходом под патронаж МОН. Так, Институт философии, полито-

логии и религиоведения (ИФПР) Комитета науки МОН РК перешёл на программно-целевое и грантовое финансирование, а учёных стали привлекать к подготовке аналитических и экспертных материалов наряду с КИСИ. Кроме того, появились частные «фабрики мысли» – аналитические центры, дискуссионные клубы, которые финансировались в основном иностранными фондами либо частными спонсорами (например, Конфликтологический центр, Институт развития Казахстана и др.). В основном там работали либо по совместительству, либо на постоянной основе бывшие преподаватели общественных дисциплин вузов, либо ушедшие по каким-то причинам из государственных научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля научные сотрудники. Так, например, исследованием этносоциальных процессов с подготовкой аналитических и экспертных материалов стали заниматься несколько неправительственных организаций (НПО): Центр мониторинга межэтнических отношений в Казахстане при Международном фонде АРКОР, Ассоциация социологов и политологов (АСиП), Казахстанский институт социально-экономического прогнозирования и информации (КИСЭИП). КИСЭИП смог при грантовой поддержке ОБСЕ проводить мониторинговые исследования на систематической основе. С 2009 г. развитие этносоциальных процессов на протяжении нескольких лет отслеживал Институт политических решений (ИПР) через ежеквартальные экспертные оценки значимости отражённых в СМИ событий, на их анализе готовились экспертные заключения о состоянии и трендах межэтнических отношений. Периодически экспертные оценки состоянию межэтнических отношений давал Центр социальных и политических исследований «Стратегия».

Социологические исследования этносоциальных процессов в годы независимости продолжались проводиться государственными структурами по линии Министерства информации и общественного согласия, а также акиматов. Наиболее целенаправленно начал заниматься мониторингом этносоциальных процессов созданный в 2011 г. по поручению Первого Президента РК Н. Назарбаева Центр по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в центральноазиатском регионе, являющийся подразделением Академии государственного управления при Президенте РК и рабочим органом Научно-экспертного совета (НЭС) при Ассамблее народа Казахстана (АНК). В настоящее время созданный при Министерстве информации и общественного развития ТОО «Институт прикладных этнополитических исследований» выполняет аналитические и экспертные исследования в области межэтнических взаимодействий. При многих областных акиматах существуют социологические службы, которые занимаются мониторингом общественно-политической ситуации, в том числе и межэтнических отношений. Таким образом, в современном Казахстане экспертизой этносоциальных процессов занимаются как государственные, так и частные аналитические структуры. На постоянной основе, конечно, экспертные оценки дают только государственные организации, имеющие гранты или государственный заказ, т. е. постоянное финансирование. Экспертная продукция имеет адресата в виде государственных органов, но учёные имеют возможность публиковать результаты своих исследований в научных журналах и сборниках конференций.

Особенности взаимодействия власти и экспертного сообщества в Казахстане

Как мы уже упоминали выше, экспертные оценки тех или иных общественно-политических процессов были особенно востребованы органами власти в период электронных компаний. Однако при этом оставался неясным ответ на вопрос о том, как воспринимались и как использовались органами управления экспертные оценки латентно протекающих общественно-политических процессов.

В этой связи газета CA Monitor еще в 2013 г. инициировала дискуссию о работе аналитических центров («Фабрики мысли», № 3 от 25–31 января 2013 г.), направленную на выяснение особенностей взаимодействия власти и экспертного сообщества в отечественном политическом процессе.

На наш взгляд, первые два вопроса, сформулированные газетой («Насколько политическая власть считается с политической аналитикой при выработке своего курса и принятии решений?», «Используют ли госструктуры, политические партии в своей деятельности нара-

ботки отечественных политологов?») должны были быть адресованы не только и не столько политологам, сколько представителям высшего эшелона политической власти, субъектам выработки политической стратегии и принятия политических решений. Хотя в отдельных официальных документах экспертные оценки в какой-то мере получали отражение, но в нашем достаточно долгом опыте работы по подготовке экспертных и аналитических докладов для различных госструктур не было случая, чтобы заказчик известил исполнителя о формах или хотя бы о самом факте использования его материалов.

О том, что органы власти до сего времени мало используют в своей работе адресные аналитические и экспертные материалы, говорилось на международном Круглом столе «Политичность Казахстана: состояние, этнодемографические тенденции. Вызовы и решения», проведенном 15 апреля 2022 г. Центром политических исследований ИФПР Комитета науки МОН РК. Как отмечалось выступающими, эксперты со своей задачей справляются и дают достаточно объективную оценку развития этнополитическим процессам и адресные рекомендации органам управления. Но экспертные оценки попросту игнорируются теми, кто обязан их использовать в своей работе. Например, до печально известных кордайских событий в феврале 2020 г., в которых погибли люди, эксперты писали о нарастающем уровне межэтнической напряженности в Кордайском регионе Жамбылской области, однако никаких упреждающих мер для нейтрализации возникших противоречий между этносами органы управления, в том числе и Ассамблея народа Казахстана, не предприняли.

Возможно, что такое отношение связано с тем, что чиновники боятся взять на себя персональную ответственность за инициативы и действия, в том числе связанные с рисками, которые со всей очевидностью должны проявиться после претворения в жизнь рекомендаций экспертов. Главой государства К. К. Токаевым в Послании народу Казахстана от 16 марта подчеркнута ответственность местных органов власти за решение проблем граждан. 13 апреля 2022 г. президентом Казахстана подписан Указ «О мерах по дебиюкратизации деятельности государственного аппарата» [2], где одним из принципов дебиюкратизации провозглашена управленческая ответственность – недопустимость передачи принятия решений и согласования вопросов, входящих в сферу компетенций конкретного руководителя, на вышестоящий уровень и коллегиальным органам. В таких условиях не принимать во внимание экспертные оценки местным органам власти будет попросту невыгодно.

Экспертиза в странах развитой демократии

В отечественном политологическом дискурсе почти аксиоматическим является представление о том, что наиболее благоприятные условия для развития и востребованности политической аналитики и политического консалтинга складываются в странах развитой демократии, в первую очередь – в США. Как известно, именно в США зародились первые политологические научные школы, и там же возникли первые think tank. К настоящему времени в США создана мощная, разветвлённая, щедро финансируемая сеть государственных и корпоративных политологических центров, осуществляющих анализ и прогноз развития политической ситуации в стране и в мире. В этой связи естественным и необходимым представляется использование отечественной политологией теоретических и прикладных разработок американских think tank. В то же время вызывает сомнение продуктивность ориентации на опыт взаимодействия теоретической и прикладной социологии с государственно-политическим аппаратом США как на модель выстраивания собственной системы интеграции власти и знания в решении комплекса поставленных Президентом страны задач по социально-экономической и политической модернизации казахстанского общества.

Дело в том, что политическая система США представляет собой классический пример системы, тотально закрытой для сколько-нибудь радикальных инноваций. Политическая конкуренция в рамках этой системы ограничивается конкуренцией двух партий, различия между политическими программами и стратегиями которых раскрываются разве что в политическом микроанализе. В столь же узком створе разрешённых (политически и идеологически легитимных) для внутреннего пользования стратегий вырабатывают свою продукцию многочисленные think tank. Здесь отбраковывается любая продукция, не отвечающая крите-

риям воспроизводства нормативно-ценностного комплекса неолиберального фундаментализма. Высокие политические технологии, принятые на вооружение этими фабриками мысли, не предназначены для решения задач внутреннего преобразования культурно-цивилизационного пространства социума на основе выработки принципиально новых духовных, социальных, политических, культурных приоритетов. Отечественные политики должны с полной ответственностью отнестись к выводу одного из самых ярких и глубоких представителей мировой политологии и политической философии – А. С. Панарина: «Вопреки всяким разглагольствованиям о толерантности, плюрализме, диалоге и прочих реликтах старого либерального сознания, новое либеральное сознание абсолютно монологично, абсолютно закрыто для апелляций извне, для свидетельств другой позиции и другого опыта» [3, с. 22]. Поэтому подлинно инновационных социально-политических технологий, способных обеспечить продвижение общества к качественно новому состоянию, ни социально-политическая аналитика, ни социальная инженерия, интегрированные в политические системы консолидированных демократий, продуцировать не могут по определению.

Сойдемся хотя бы на классика доктрины открытого общества – сэра Карла Поппера. К. Поппер пишет: «Мы должны возрадоваться... Открытые общества, в которых мы живём сегодня, – самые лучшие, свободные и справедливые из всех, когда-либо существовавших» [4, с. 15]. Возрадовавшийся последователь К. Поппера разделяет его убеждение в том, что только люди с извращённой интеллектуальной и нравственной конституцией могут рассматривать такое общество как в каком-либо смысле дисфункциональное. Соответственно в рамках «открытого общества» могут применяться только технологии частичной социальной инженерии (piecemeal engineering), т. е. мелких поправок и постепенных улучшений, а не сложных и обширных реформ. Если же эти страны вдруг сталкиваются с нетривиальными проблемами, то и их лидеры, и политические аналитики демонстрируют неподготовленность к такому повороту событий. Чего стоят хотя бы панические заявления о провале политики и идеологии мультикультурализма в связи с волной беженцев, захлестнувшей Европу в результате военной интервенции НАТО в Ливии.

Как же в таком случае быть с программами социально-экономической модернизации Казахстана, который пока ещё не принят в клуб консолидированных демократий? Чем может быть полезной нам продукция работающих в открытом обществе «фабрик мысли»? Здесь нас ожидает весьма неприятное открытие: высокие технологии процесса политического анализа и фабрикация политических идеологий выдают продукцию двойного назначения. Причём продукция, предназначенная для внешнего пользования, высокотоксична для её потребителей. Эту особенность продукции «фабрик мысли» с циничной откровенностью раскрывает нам, например, В. Л. Иноземцев. Он пишет о том, что в странах не западного мира отсутствует историческая традиция, соответствующая либеральным (универсалистским и индивидуалистическим) политическим ценностям гражданского общества (т.е. открытого общества западного типа). Хотя эти страны и могут имитировать некоторые формальные черты западных социально-политических систем, но переделать этот мир по западному образцу невозможно: «...исторический опыт показывает, что традиционные общества мало восприимчивы к внешнему влиянию. Их легче уничтожить, нежели преобразовать» [5, с. 138].

На многочисленных примерах «цветных революций», «арабской весны» и т. д. мы видим, что именно на выполнение этой апартеидной, социал-дарвинистской программы направлены политические технологии создания «управляемого хаоса» (в полном соответствии с концептуально-методологическими разработками современных междисциплинарных исследований – теории диссипативных систем, нелинейной динамики, синергетики). Каков же выход из неприятной дилеммы: предназначенная для внутреннего употребления в странах свободного мира продукция «фабрик мысли» неприменима в условиях транзитного общества, а предназначенные на экспорт технологии ведут к утрате суверенитета и к управляемой деградации общества? По мнению некоторых экспертов, риски и непредсказуемые эффекты применения современных политехнологий являются основанием для отказа от их использования при решении ряда социально-политических проблем. По всей видимости, с таким утверждением можно согласиться.

Заключение

Сложность нынешнего этапа развития казахстанского общества, как ярко показали январские события, состоит в том, что население страны находится в состоянии ценностного раскола, утраты роли социально ответственной моральной рефлексии и самооценки, солидарного понимания, активного сопереживания и деятельного соучастия в утверждении общих ценностей, т. е. тех компонентов, без которых ни одна общественная система не может быть ни эффективной, ни гуманной. Актуальная ценностная ситуация в большей степени детерминирует ориентацию на дисгармонию в человеческих отношениях, чем на утверждение духовно-нравственного гражданского взаимопонимания [6].

Однако в то же время мы видим ростки становления партнёрской модели отношений между обществом и государством. Государственные органы развивают диалог с гражданским сектором, который формирует повестку дня, обеспечивает через организацию различных демократических процедур участие органов власти в решении назревших общественных проблем. Командно-административная система управления сопротивляется, но уходит в прошлое, поскольку её методы неприемлемы в условиях провозглашённого политического курса на построение Нового Казахстана. Поэтому в ряд первоочередных задач и стратегических приоритетов управления выдвигается независимая научная экспертиза, не зависящая от амбиций заказчика.

Литература

1. Дунаев В. Ю. Концепция социального государства и стратегические ориентиры социальной политики в Казахстане // Исследование европейского опыта применения социальных практик в укреплении межэтнической толерантности и развитие гражданских институтов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Алматы : Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение», 2010. С. 11–20.
2. «О мерах по дебиюкратизации деятельности государственного аппарата» : указ Президента Республики Казахстан от 13 апр. 2022 г. № 872. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000872> (дата обращения: 23.04.2022).
3. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2003. 560 с.
4. Поппер К. Р. Письмо моим русским читателям // Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М. : Феникс : Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 7–17.
5. Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. (Размышления об истоках и перспективах междивизиональных противоречий) // Полис. 2001. № 6. С. 131–139.
6. Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан : монография / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2014. 254 с.

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ОТВЕТОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Рассматриваются различные типы моделей государственности России в новейшей истории. Оценивается успешность государственных моделей, их преимущества и недостатки, способность в условиях глобальной конкуренции адекватно отвечать: а) на социальные вызовы (по критериям социально-экономического развития); б) на геополитические вызовы (по критериям параметров государственной силы). Проведена сравнительная оценка современных государственных моделей России и Китая. Сделаны выводы о необходимости разработки программы конструирования российской идентичности, соответствующей новым условиям, а также выдвижения Россией новой глобальной прогрессивной идеологии, предлагаемой всему человечеству.

Ключевые слова: модели государства, глобальная конкуренция, социальные вызовы, геополитические вызовы, цивилизационная идентичность, глобальная идеология.

Ya. A. Leshchenko

East Siberian Institute of Medical and ecological research, Angarsk

MODELS OF THE STATE IN THE CONTEXT OF RESPONSES TO SOCIAL AND GEOPOLITICAL CHALLENGES

The article discusses various types of models of Russian statehood in recent history. The success of state models, their advantages and disadvantages, the ability to adequately respond to: a) social challenges (according to the criteria of socio-economic development) are assessed; b) to geopolitical challenges (according to the criteria of parameters of state power). A comparative assessment of the modern state models of Russia and China has been carried out. Conclusions are drawn about the need to develop a program for constructing a Russian identity that meets the new conditions, as well as the promotion by Russia of a new global progressive ideology offered to all mankind.

Keywords: state models, global competition, social challenges, geopolitical challenges, civilizational identity, global ideology.

Развитие и взаимоотношение цивилизаций, обществ-государств никогда не представляло благостную картину. Напротив, экскурсы в мировую историю свидетельствуют о перманентных суровых, а нередко и жестоких цивилизационных и этнических противостояниях. В процессе глобальной конкуренции идет постоянное соревнование между государствами, и в этом соревновании выявляются сила, успешность, эффективность государственных моделей, их преимущества и недостатки.

В чем же состоит сущность и назначение государства. Согласно одному из общепринятых определений «государство – это суверенная территориальная организация политической власти, обладающая аппаратом управления и управляющая обществом с помощью права» [10].

По определению С. С. Сулакшина «Государство – это социальная оболочка высшего уровня, которая в исторической эволюции придумана человеческим обществом для защиты и обеспечения общего блага, интересов большинства». При этом «под государством понимается территория, народ и единое государственное управление, которые находятся в условиях факторного воздействия (сверху и снизу). Это триединство в руках общества, политической системы, руководителей всех инфраструктур того, что мы называем государством...» [12]. С. С. Сулакшин определяет также понятие «государственность» как характеристику потенциалов государства. Если высоки потенциалы – то и государство сильно, устойчиво, жизнеспособно, а если потенциалы низки, то государство может и распасться» [12]. По мнению упомянутого автора «вызов современности заключается в вопросе, куда направлена историческая траектория современной России: в сторону ее успешности или неуспешности» [12].

Теперь обратимся к главному предмету нашего исследования: какие модели государственности нашей страны были более успешными, менее успешными или не успешными в своем развитии. Рассмотрим, как разные модели государственности отвечали на социальные и геополитические вызовы.

Развитие государства в контексте социальных вызовов

В условиях глобальной конкуренции социальных систем важнейшими показателями успешности государственной модели являются эффективность социально-экономического развития страны, достигнутые уровень и качество жизни населения. Объективно такую оценку можно сделать лишь основываясь на старой, но неувядаемой истине: все познается в сравнении.

Для оценки успешности функционирования сравниваемых государственных моделей можно использовать принятый в мировой практике критерий – скорость социально-экономического развития, измеряемого показателями валового внутреннего продукта (ВВП) и индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). По оценкам академика РАН, экономиста С. Ю. Глазьева «...последние тридцать лет безусловным лидером по обоим указанным показателям является Китайская народная республика, а безусловным аутсайдером – Украина. Тридцать лет назад уровень жизни в последней был на порядок выше, чем в Китае, сегодня – вдвое ниже. Россия все эти годы протопталась на месте, с трудом вернувшись к достигнутой в СССР средней продолжительности жизни существенно меньше по численности и худшего по состоянию здоровья населения и объёму производства товаров с куда меньшей добавленной стоимостью. За это время другие страны продолжали развиваться, большинство нас догнали и перегнали. Россия опустилась ниже среднего уровня, оказавшись среди стран третьего мира... К 2017 г. Россия в рейтинге стран по показателю ИРЧП опустилась с 20-го на 60-е место [7].

Сергей Батчиков – экономист, политик, директор Центра проблем управления крупными социально-экономическими системами Международного НИИ проблем управления дал следующую оценку постсоветской российской государственной модели: «В нашей стране, по итогам "либеральных рыночных реформ", создана и действует уникальная по мировым меркам модель экономики: нелегитимная с точки зрения общественного мнения; незаконная с точки зрения источников формирования прав собственности; крайне неэффективная и непроизводительная с точки зрения социального воспроизводства; неконкурентоспособная на мировом и внутреннем рынке; системно управляемая и манипулируемая извне; социально несправедливая; крайне ресурс- и энергоёмкая; примитивная по своей структуре; деиндустриализированная и дезинтегрированная [4].

Функционирование российской либеральной государственной модели периферийного капитализма в первом двадцатилетии XXI в. (2000–2020 гг.) С. Батчиков кратко и предельно емко охарактеризовал следующим образом: «Темпы роста экономики, вопреки бодрым прогнозам министров-либералов, оставались существенно ниже среднемировых, доля России в мировом ВВП неуклонно падала... За 2000–2017 гг. прекратили работу свыше 74 тыс. заводов и фабрик. Из-за падения производства шестой год подряд (с 2014 г.) падают реальные доходы населения, 21 млн чел. живёт за чертой бедности.

Тысяча богатейших семей реально управляет Россией и концентрирует в своих руках подавляющую часть рентабельных активов и национального дохода. По мнению французского экономиста Т. Пикетти, уровень неравенства в России сейчас выше, чем был в 1905 г. и перед революцией 1917 г.! Коррупция на всех уровнях власти, крупномасштабное воровство, бесхозяйственность, экологические бедствия, рост аварийности – всё это сегодняшние реалии... На низовом, т. е. оперативно-тактическом уровне, ключевые государственные решения принимаются в интересах сырьевого олигархата, финансовых спекулянтов, приближённых к власти криминальных структур, а также самих коррумпированных чиновников... Разрушение единой энергосистемы, приватизация ЖКХ, коммерциализация образования и здравоохранения, демонтаж отраслевых академий, а затем РАН, монетизация льгот, бесконечная череда опустошительных пенсионных реформ...

Двадцать лет в жизни страны – это много или мало? При Сталине Советский Союз сумел за 10 лет провести индустриализацию. Нищий в недавнем прошлом Китай успешно ликвидировал бедность и уже готовится к высадке на Луну, отправке аппаратов на Марс и созданию собственной МКС (на момент написания данной статьи первые два проекта реализо-

ваны Поднебесной, а последний успешно претворяется в жизнь). Россия за двадцать лет так и не смогла вырваться из ловушки периферийного капитализма... Миллиарды тонн невозобновляемых природных ресурсов и товаров первичного сектора вывезены на Запад, триллионы долларов безвозвратно утекли в офшоры и в оплату дорогой зарубежной недвижимости олигархов, молодые специалисты продолжают массово уезжать на Запад...

Эти двадцать лет стали годами проедания советского наследия и разграбления страны, разбазаривания природных богатств, нарушения и урезания многих конституционных прав граждан, годами крупномасштабного обольванивания и развращения нашей молодёжи при помощи СМИ, бесконечной лжи, обмана и пустых, не подкреплённых делами обещаний («рывков», «прорывов», «национальных целей»)... Двадцать лет пребывания во власти не изменили либеральное мировоззрение президента В. В. Путина. По своим глубинным убеждениям он по-прежнему с либеральным меньшинством» [6].

Приведем также оценку академика РАН, экономиста Сергея Глазьева: «Во всех сложных сферах деятельности существующая система управления демонстрирует свою неэффективность. Россия потеряла почти все рынки высокотехнологической продукции, за исключением военной техники и атомной энергетики. Россия остаётся единственной страной в мире, где происходит абсолютное сокращение численности учёных и инженеров, снижаются расходы на НИОКР. Воспроизводство экономики переходит на иностранную технологическую базу. Неспособность системы управления решать сложные задачи вызвана, прежде всего, отсутствием ответственности должностных лиц за объективные результаты работы. Если реальный результат неотличим от его имитации, то вся управленческая вертикаль подвергается быстрой коррозии. Кадры подбираются не по профессиональным качествам, а по принципу «свой-чужой» и параметрам личной лояльности» [8].

Автор согласен с точкой зрения С. Ю. Глазьева [7] и многих других аналитиков, состоящей в том, что реализация целей успешного социально-экономического развития страны невозможна без введения ясной и понятной всем гражданам идеологии. В России эта идеология (и государственная модель в целом. – Я. Л.) не может не быть социалистической... На это указывает и история Советского Союза, поразившего весь мир примером стремительного развития на основе социалистической государственной модели. В первой половине XX в. Советский Союз, обескровленный гражданской и Великой Отечественной войнами, смог на основе социалистической модели в кратчайший срок создать вторую в мире по мощи социально-экономическую систему. В постсоветской России, взявшей курс на создание (копирование) западной либеральной модели американского образца, терпят неудачу все попытки не только создать «инновационную экономику», но даже сконструировать современный легковой автомобиль... Борис Шапталов и другие эксперты, сопоставляя вышеупомянутые факты, задаются вопросом: неужели советская государственная модель (социалистическая) была лучше? [13]. Ответ на этот вопрос должен быть, безусловно, утвердительным. Советский проект, по убеждению Б. Н. Шапталова оказался экономически суперэффективным. И здесь можно хоть головой об стенку биться, но доказать экономическую неэффективность советского проекта (государственной модели) нельзя. Можно только врать, что с успехом и делается [13].

Возникает закономерный вопрос: почему же распался СССР? Ответ требует глубокого рассмотрения множества факторов – внутренних и внешних. Но всё же автор полагает, что ключевая проблема функционирования государственных систем коренится в особенностях их эволюции, а если сказать точнее – в механизме их воспроизводства, в эффективности аппарата управления.

Следует иметь в виду, что все элементы общественных систем, в том числе модели государственности не являются чем-то неизменным, застывшим, а постоянно эволюционируют (или инволюционируют) в процессе социального воспроизводства (социогенеза). В этом процессе могут возникать деструктивные, деграционные явления, сбои. Весьма убедительным является предположение Б. Н. Шапталова о том, что наша страна столкнулась во второй половине XX в. с таким явлением как системная деграция [13]. Деграция – это утрата ранее приобретенных положительных качеств и свойств.

Все говорит о том, что изначально процесс деградации стал развиваться в господствующем классе СССР – в правящей партийной (прежде всего) и советской элите. И в дальнейшем процесс стал захватывать другие сферы жизни, в наибольшей степени – идеологию, общественные науки, партийное и государственное строительство. Проблемы развития возникли, по мнению автора, не из-за того, что была плоха государственная модель (которая ранее позволила достичь наибольших высот в истории русской цивилизации), а из-за того, что деградировавшая верховная власть (в периоды правления Хрущева, Брежнева, но особенно – Горбачева и Ельцина) по своему скудоумию и бездарности вместо расширенного воспроизводства и модернизации социалистической модели, затормозила ее обновление и совершенствование, а впоследствии привела к полному разрушению.

К сказанному можно добавить лишь то, что государственная модель может быть успешной лишь тогда, когда она соответствует этноисторическим традициям, менталитету общества, его культурно-цивилизационному коду.

В то самое время, когда в СССР шел процесс деградации правящего политического класса, в мире был успешно реализован вариант конвергентной модели экономики, объединяющей хорошие элементы капиталистической и социалистической систем, и отбрасывающей плохие элементы. Такой синтез был осуществлен в Китае, построившем социалистическую рыночную экономику. Более полувека назад выдающийся социолог Питирим Сорокин конвергентную модель социокультурной системы назвал «интегральным строем», который он рассматривал в виде альтернативы как модели советского социализма, так и модели американского капитализма [11].

Об эффективности китайской государственной модели свидетельствует тот факт, что уже в течение трех десятилетий КНР удерживает мировое лидерство по скорости социально-экономического развития. Достигается это эффективной системой управления, все институты которой работают в слаженном режиме благодаря поддерживаемой подавляющим большинством населения <социалистической> идеологии неуклонного роста общественного благосостояния. Всё, что ей противоречит, отсекается, невзирая на догмы тех или иных учений [7]. В отличие от Российской Федерации, КНР не следует догмам Вашингтонского консенсуса. Не собирается отменять валютный контроль и ограничения на трансграничное перемещение капитала, не отказывается от государственного кредитования инвестиций, сохраняет в государственной собственности базовые отрасли и контроль над ценообразованием на базовые товары [7].

Исторический политологический и социологический анализ недвусмысленно показывает, что для выживания в жестоком мире, выбора имманентной данному обществу эффективной государственной модели, обеспечения ее успешного функционирования и развития должна быть решена архиважная задача – создание тщательно продуманного политического механизма подготовки и конкурентного отбора наиболее талантливых, обладающих высокими морально-волевыми качествами и патриотически ориентированных кандидатов на занятия высших постов в системе государственного управления.

Развитие государств в контексте геополитических вызовов

Рассматривая ту или иную страну с позиций геополитики необходимо оценивать состояние основных элементов ее социоприродной системы. Такими элементами являются: территория, природные ресурсы, народонаселение, расселение, экономика, наука и образование, культура и религия, качество жизни, социальная справедливость, морально-психологический статус общества, вооруженные силы, внутренняя и внешняя политика, система управления и некоторые другие [1]. Суммарная оценка состояния элементов социоприродной системы определяет интегральный показатель государственной мощи или силы. Чем выше уровень развития всех подсистем и чем более сбалансирована их динамика, тем больше государственная сила. В последние годы существования советского государства состояние большинства ключевых элементов социоприродной системы можно было оценить как высокое или достаточно высокое; низких и даже очень низких оценок заслуживали такие элементы как внутренняя и внешняя политика, и, особенно, система управления [1]. Сюда следует также отнести идеологический догматизм и действовавшие запреты на развитие общественных наук.

Здесь необходимо отметить очень важное обстоятельство, заключающееся в том, что не всякое даже очень развитое экономически и социально государство является мощным по геополитическим критериям. Если уровень социально-экономического развития определяется совокупностью относительных (интенсивных) показателей, исчисляемых в расчете на душу населения (например, подушевой ВВП и т. д.), то мощь (сила) государства определяется обязательным сочетанием качественных (относительных) и количественных (абсолютных) показателей по большинству атрибутивных признаков государственной силы. Следовательно, в глобальной геополитической конкуренции способны полноценно участвовать только страны, являющиеся мировыми центрами силы, которые обладают мощными потенциалами (количественными и качественными) по таким ключевым элементам социоприродной системы как территория, природные ресурсы, народонаселение (демографический потенциал), экономика, наука, вооруженные силы, система управления.

В постсоветской России профиль государственной силы резко разбалансирован; долгое время его определяли только два элемента превосходства: территория и природные ресурсы. Примерно после 2015 г. к ним добавился такой важный параметр как вооруженные силы (это несколько неожиданный факт при сохраняющейся слабости экономики; по-видимому, задел советского оборонно-промышленного комплекса был настолько мощным и опережавшим свое время, что «реформаторы» не смогли его столь же тотально разрушить, как другие сферы). В отношении остальных элементов дисбаланс сохраняется; параметрами слабости характеризуются: индустриальный потенциал, уровень и качество жизни, социальный диспаритет, культурно-духовная деградация, система государственного управления (неэффективность), система коммуникаций, демографический потенциал (прогрессирующее сокращение).

По свидетельствам историков, обществоведов подобные несбалансированные профили государственной силы России в прошлом заканчивались на протяжении одного-двух поколений либо социально-политическими коллапсами, либо вассализацией страны в той или иной форме [1].

Автор считает необходимым обратить особое внимание на состояние социально-демографического (этнодемографического) потенциала. Непременным условием достаточности этого потенциала в условиях глобального противоборства является сочетание должного качества населения (определяемого состоянием здоровья, уровнем образованности и др.) и необходимого количества, т. е. численности населения, которая не может быть меньше некоторой критической величины применительно к конкретному социально-историческому этапу развития мировой цивилизации.

Население России составляет совокупно – менее 2 % от населения мира. И этот удельный вес, по всем прогнозам, будет снижаться. Понятно, что удержать в таком состоянии 1/7 часть мировой территории и 22 % мировых ресурсов, которыми обладает сегодня Россия, в принципе невозможно. Что остается делать в таком случае? Выход, по-мнению В. Багдасаряна, один – надо принять под русскую идеологию, под русский цивилизационный «зонтик» других. Это вопрос не просто о сохранении своей идентичности, а о выдвигании глобально-обращенного ко всем народам и странам глобального русского проекта [3].

Для такой многонациональной страны как Россия существует еще одна серьезная угроза – рост этнодемографических дисбалансов и культурально-ментальных противоречий, могущих существенно снижать монолитность и консолидацию общества. После развала СССР огромная значимость данной угрозы для русского мира, русской цивилизации стала совершенно очевидной. Чего только стоит пример Украины. С самого начала обретения независимости властная украинская элита взяла курс на формирование новой идентичности своего этноса, строящейся на радикальном и чудовищно фальсифицируемом пересмотре истории, размежевании с Россией (вплоть до параноидальной русофобии) и сближении с Западом. При этом был нанесен всесторонний ущерб не только самой Украине, но и России, прежде всего ее цивилизационной миссии и геополитическим интересам.

Угроза межэтнических столкновений становится актуальной не только применительно к России. Сегодня уровень ксенофобии в мире приближается к тому уровню, который был в 1930-е годы. В. Э. Багдасарян считает, что и в этой сфере идет борьба за новый передел ми-

ра. И все эти этнократические, националистические силы канализируются под этот проект глобального переустройства по лекалам неофашизма [3].

Что делать в этой ситуации? Целесообразно использовать уроки цивилизационной миссии России, опыт формирования российской цивилизационной идентичности. На протяжении своей истории Россия всегда показывала пример противоборства проектам расово-этнического господства и сегрегации.

Уникальность российской идентичности заключалась в том, что Россия всегда формировалась как «мир миров». Россия – единственная страна мира, в которой были представлены как акторы цивилизационногенеза все мировые религии – христианство, ислам, буддизм. И при этом Россия исторически не знала религиозных войн. Российский опыт в отношении к национальному вопросу оппонировал опыту западному [3].

В Российской империи многоуровневая модель идентичности включала как этническую, так и цивилизационную составляющие. Можно было быть великороссом, малороссом, армянином, грузином и при этом являться русским. Сама принадлежность к русским имела надэтнический характер... Русский в данном контексте – это цивилизационная идентичность, при том, что не отрицалась и этническая. Разрушение Российской империи осуществлялось в последовательном разрушении уровней идентичности – от дезавуирования христианского проекта до подрыва традиций этнического бытия.

Советский вариант идентичностей структурировался сходным образом. Термин «советский» выступал выражением цивилизационной идентичности. К сожалению, определенная часть интеллигенции с сарказмом относилась к идентификатору «советский многонациональный народ». Поэтому весьма примечательно то, как оценивается в современной западной политологии модель идентичностей, исторически выстроенная в СССР.

Вот какую оценку советскому опыту идентификационного строительства дает американское агентство «Stratfor»: «Советский Союз – самый успешный пример русской государственности за всю её историю. В то время удалось создать новую идентичность, которая объединила всех без исключения жителей советского государства нового типа, независимо от расовой, религиозной, национальной и прочих принадлежностей... Стратегия коммунистов была переменчиво успешной, но всеобъемлющая советская идентичность действительно сыграла важную роль собирателя большей части населения Советского Союза. Она создала новый вид патриотизма, массового энтузиазма и гордости быть советским гражданином, благодаря советской идентичности постоянно подпитывалось желание бороться за социалистическую родину и идеалы в тяжелые времена... Такие чувства обычно становились особенно интенсивными во времена больших кризисов, таких как Великая Отечественная война и время от времени во времена Холодной войны. Создание советской идентичности было самой успешной попыткой Москвы объединить множество народов России под властью Кремля за всю историю России» [2].

В то же время американские эксперты уверены, что сегодня для руководства России крайне важно разработать собственную программу конструирования российской идентичности, соответствующей новым условиям. Иначе, в противном случае, Российскую Федерацию рискуют разорвать дезинтеграционные процессы, связанные прежде всего с демографическими изменениями, важнейшим из которых является рост иммиграции [2].

Советского Союза нет уже четверть столетия, но связанная с ним идентичность сохраняется. Это указывает на наличие запроса на формирование интеграционной для постсоветского пространства формы цивилизационной идентичности. Тогда смысл государственной модели состоял бы в реализации цивилизационной миссии России.

О том, что выдвигание Россией общемирового экзистенциального проекта, предложенного всему человечеству, является фундаментальной проблемой ее противостояния с Западом, признают и ее противники. Приведем высказывание, сделанное Бараком Обамой: «Мы не вступаем в новую Холодную войну. Ведь Россия, в отличие от Советского Союза, не возглавляет блок государств, не представляет глобальную идеологию» [9]. То есть речь идет об отсутствии у России идеологической альтернативы. Россия не может быть, по оценке

американского экс-президента достойным соперником США, поскольку у нее отсутствует собственная глобальная идеология.

Подобное признание делал и Збигнев Бжезинский: «Чтобы быть военным противником США в мировом масштабе, России придется выполнить какую-то миссию, осуществлять глобальную стратегию и, возможно, обрести идеологическую основу... Ту тотальную мобилизацию, которую советский строй смог навязать России, очень трудно будет обосновать и узаконить при отсутствии крепкого и всеобъемлющего идеологического фундамента» [5].

С точки зрения наших противников, в геополитическом противостоянии победить Запад мы не сможем, поскольку у нас нет собственной идеологии мирового уровня. Поэтому жизненно важная задача для России – такую идеологию сформулировать. И здесь, безусловно, должен быть использован и опыт Российской империи, и опыт Советского проекта.

Литература

1. Агеев В. А. Возможности и риски будущего России // Актуальная статистика Сибири. 2007. № 1. С. 49–55.
2. Американские эксперты: СССР был самым успешным опытом русской государственности за всю историю. URL: <http://politikus.info/articles/history/3787-amerikanskiye-eksperty-sssr-byi-samyim-uspeshnym-opytom-russkoy-gosudarstvennosti-za-vsyo-istoriyu.html> (дата обращения: 21.04.2022).
3. Багдасарян В. Э. Русская цивилизационная идентичность против космополитизма и нацизма : докл. на науч.-практ. конф. «Русский съезд». СПб. 1.06.2017. URL: <https://rusrand.ru/docconf/russkaya-civilizacionnaya-identichnost-protiv-kosmopolitizma-i-nacizma>.
4. Батчиков С. Гниль либерализма. 21.09.2019. URL: <http://zavtra.ru/blogs/gniliberalizma> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Бжезинский З. Идея сдерживания когда-то превратилась в догму. URL: <http://beta.inosmi.ru/world/20080306/240057.html> (дата обращения: 20.01.2022).
6. В тупике зависимого развития. Есть ли выход? (авт. Докл. Сергея Батчикова) // Изборский клуб. 2020. № 4 (80). С. 90–101.
7. Глазев С. Какая идеология поднимет Россию. 11.01.2018. URL: <http://vperedrossiya.pf/blog/43968164684/Sergey-Glazev.-Kakaya-ideologiya-podnimet-Rossiyu> (дата обращения: 15.04.2022).
8. Глазев С. Ответственность и компетентность. 24.01.2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/otvetstvennost_i_kompetentnost (дата обращения: 20.04.2022).
9. Де Нешнера А. США-Россия: новая «холодная война»? URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/new-cold-war/1894864.html> (дата обращения: 10.12.2021).
10. Понятие, признаки, сущность и социальное назначение государства. URL: http://ru.the-theory-of-state-and-aw.wikia.com/wiki/Понятие,_признаки,_сущность_и_социальное_назначение_государства (дата обращения: 17.05.2018).
11. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Директ-Медиа, 2007. 416 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165> (дата обращения: 27.03.2022).
12. Сулакшин С. С. Россия как государство и цивилизация : докл. на Всерос. науч.-обществ. конф. «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века». Великий Новгород, 19 сент. 2012 г. URL: <http://rusrand.ru/docconf/rossiya-kak-gosudarstvo-i-civilizaciya>.
13. Шапталов Б. Н. Деградиация и деграденты: История социальной деградиации и механизмы ее преодоления. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.

ОЦЕНКА ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена актуальной проблематике, связанной с исследованием, анализом и оценкой эффективности и ограничений европейских инструментов соседства в регионах Республики Беларусь, граничащих с Европейским Союзом. Авторы статьи на материалах репрезентативного социологического исследования проводят анализ количественных данных, содержащий оценку результатов реализации обозначенных инструментов в восприятии населения, а также их понимание роли ЕС в приграничных районах Беларуси.

Ключевые слова: европейские инструменты соседства, программы трансграничного сотрудничества, добрососедство, социальное развитие, экономическое развитие.

A. M. Belski, D. S. Lashuk

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ASSESSMENT OF RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE EUROPEAN UNION THROUGH THE PRISM OF CROSS-BORDER COOPERATION IN THE BORDER REGIONS OF BELARUS

This article is devoted to the issues of research, analysis and evaluation of the effectiveness and limitations of European neighborhood instruments in the regions of the Republic of Belarus bordering the European Union, which is acutely relevant in the context of comprehensive globalization of the modern world, both in theoretical and methodological and purely practical terms. The authors of the article use the materials of a representative sociological study to analyze quantitative data, which contains an assessment of the results of the implementation of these tools in the perception of the population, as well as their understanding of the EU's role in border areas of Belarus.

Keywords: European Neighborhood Instruments, cross-border cooperation programs, good neighborliness, social development, economic development.

Республика Беларусь имеет давние традиции реализации программ сотрудничества с Европейским союзом. Весомое количество таких программ представлено в сфере образования, экологии, туризма и пр. [1]. Наиболее интенсивно сотрудничество развивается в регионах, непосредственно граничащих с Европейским Союзом [3]. Эффективность взаимодействия зависит от степени успешности реализуемых программ и заинтересованности в участии в них обеих сторон [2]. Все это требует научной объективной оценки с целью получения информации о текущем состоянии дел в обозначенном направлении и выработки предложений по повышению эффективности сотрудничества [4–5].

Программы трансграничного сотрудничества (как в рамках Европейских инструментов партнерства, так и в рамках Европейских инструментов добрососедства) относятся к совместным операционным программам. Европейской Комиссии в таких программах отводится роль наблюдателя.

В основу разработки этих программ положены следующие принципы:

- интеграция приоритетов Политики когезии (выравнивания) ЕС, особенно путем дальнейшего сближения правил трансграничного сотрудничества с правилами Европейского территориального сотрудничества (European Territorial Cooperation);
- расширение географии программ с целью охвата важных экономических, социальных и культурных центров, важных для надлежащего функционирования программы;
- полное применение принципа «совместного управления», включая государства – члены ЕС как подписантов Финансовых соглашений;
- софинансирование со стороны стран-партнеров, прежде всего со стороны России [6].

В рамках Европейских инструментов добрососедства существуют три вида программ трансграничного сотрудничества:

– для сухопутных границ и с участием территориальных единиц уровня NUTS 3 или равного ему вдоль сухопутных границ между странами ЕС и странами-партнерами и (или) Российской Федерацией;

– для морских границ и с участием территориальных единиц уровня NUTS 3 или равного ему вдоль морских границ между странами ЕС и странами-партнерами и (или) Российской Федерацией, при условии, что их разделяет расстояние не более 150 км, с учетом потенциальных правок, необходимых для обеспечения когерентности и продолжения существующего сотрудничества;

– вокруг морского бассейна с участием территориальных единиц уровня NUTS 2 или равного ему, выходящих границами на морской бассейн, единый для стран ЕС и стран-партнеров и (или) Российской Федерации [6].

Стратегические приоритеты для разработки программ трансграничного сотрудничества:

А. Содействие экономическому и социальному развитию регионов по обе стороны границ.

В. Решение насущных проблем в сфере охраны окружающей среды, здравоохранения и безопасности.

С. Создание более благоприятных условий для передвижения людей, товаров и услуг [7].

Тематические приоритеты программ трансграничного сотрудничества:

– развитие предпринимательства, в том числе, малого и среднего (Стратегический приоритет: А);

– поддержка образования и научных исследований, а также развития технологий и инноваций (Стратегический приоритет: А);

– содействие развитию местной культуры и сохранению историко-культурного наследия (Стратегический приоритет: А);

– содействие социальной включенности и борьбе с бедностью (Стратегические приоритеты: А, В, С);

– поддержка эффективного управления на региональном и местном уровне (Стратегические приоритеты: А, В, С);

– защита окружающей среды, адаптация к изменениям климата (Стратегический приоритет: В);

– улучшение доступности регионов, развитие транспортных и коммуникационных сетей и систем (Стратегический приоритет: С);

– общие действия в сфере защиты и безопасности (Стратегический приоритет: В);

– содействие сотрудничеству в сфере энергетики (Стратегический приоритет: В);

– содействие управлению границами и безопасности границ (Стратегический приоритет: С) [7].

В рамках международного проекта EU and it's neighborhood. Network for enhancing EU actorness in the Eastern borderlands – ENACTED № 587848-EPP-1-2017-1-RO-EPPJMO Network, реализуемого в рамках программы ERASMUS+ Jean Monnet Network, в 2019–2020 гг. Центром социологических и политических исследований БГУ была проведена оценка восприятия населением роли ЕС в приграничных районах Беларуси в рамках исследования «Роль трансграничного сотрудничества с ЕС в приграничных регионах Беларуси» (репрезентативный социологический опрос в Брестском и Гродненском регионе Беларуси по технологии face-to-face с использованием квотной выборки, N = 400, опрос проведен в феврале 2020 г.).

Данное исследование включало в себя 5 основных блоков, а его результаты позволяют выявить ключевые особенности восприятия роли ЕС и в некоторой степени оценить эффективность политики Восточного партнерства в приграничных регионах Республики Беларусь. Представим далее некоторые результаты блока «Отношения между Европейским союзом и Республикой Беларусь».

В международной политике на дипломатические отношения между странами и наднациональными организациями в значительной мере влияют не только предпочтения политиков, но и общественное мнение, которое грамотные политики должны учитывать при приня-

тии решений. Так, при благоприятном отношении населения к определенному государству будет намного легче установить дружественные отношения с ним, потому что не придется тратить ресурсы (временные, финансовые, силовые) на убеждение населения в необходимости и целесообразности данного решения.

Что касается Беларуси, то можно констатировать, что население страны в целом нейтрально относится к налаживанию дипломатических отношений с ЕС. На вопрос «Каково Ваше мнение об отношениях между Европейским союзом и нашей страной?» 60,8 % респондентов охарактеризовали свое отношение к ЕС как нормальное, 20,5 % – как хорошее, что говорит о том, что большая часть населения нейтрально относится к отношениям между Беларусью и ЕС, а около четверти населения – положительно. Негативное мнение об отношениях с ЕС выявлено только у 4 % респондентов (рис. 1).

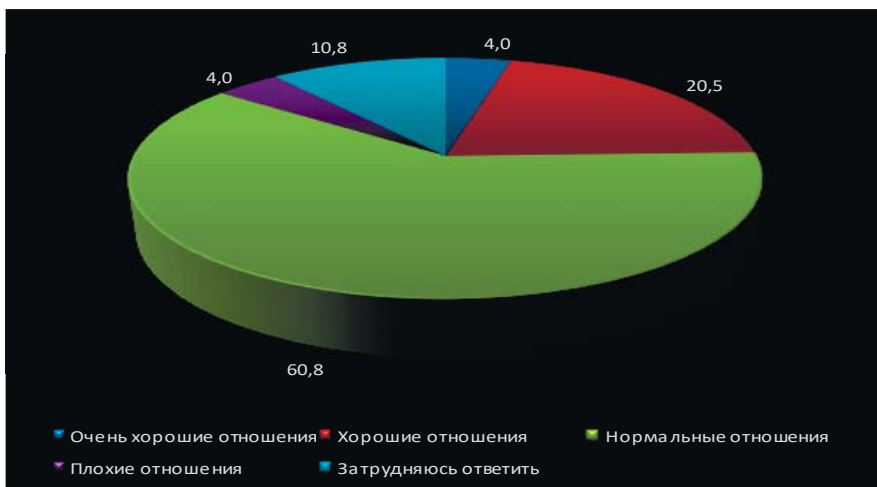

Рис. 1. Мнение населения приграничных районов об отношениях Беларуси и ЕС (в %)

Можно предположить, что преимущественно нейтральное и положительное отношение к ЕС обусловлено многовекторной политикой Республики Беларусь и, следовательно, высокой долей ВВП, основанной не только на торговых отношениях с ЕС.

Интересно, что оценка отношений с ЕС взаимосвязана с возрастом. Данное утверждение было подтверждено на основании рассчитанного индекса оценки отношений с ЕС (рис. 2). Индекс оценки отношений с ЕС рассчитывался по формуле:

$$I_{\text{оц отн}} = A * (1) + B * (2) + B * (3) + G * (4),$$

где А, В, В, Г – варианты ответа, а (1), (2), (3), (4) – присвоенные им значения.

Уменьшение значения индекса с возрастом можно объяснить большей схожестью европейских ценностей с ценностями белорусской молодежи. Многие представители белорусской молодежи видят в странах ЕС пример, которому должна следовать и Беларусь. Белорусская молодежь стремится к достижению такого же уровня жизни и схожих условий для реализации аксиологической модели, как и в странах ЕС, и закономерно перенимает многие европейские ценности.

Что касается видения респондентами нынешних отношений Беларуси и ЕС, то 28,3 % белорусов считают их равноправными и взаимовыгодными, 32 % – основанными в первую очередь на интересах Европейского союза, 14,3 % – на интересах Беларуси (рис. 3).

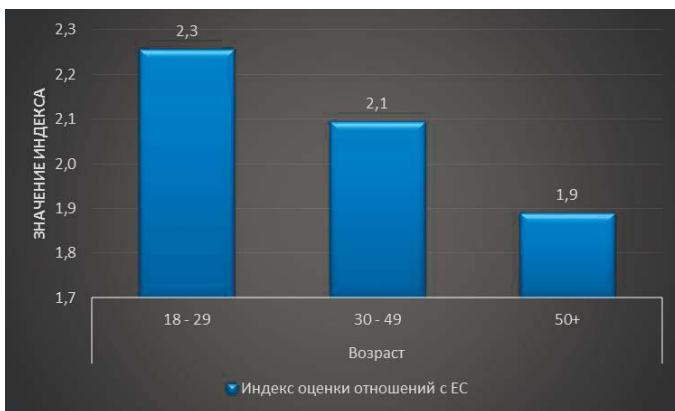

Рис. 2. Взаимосвязь мнения об отношении Беларуси и ЕС с возрастом респондента

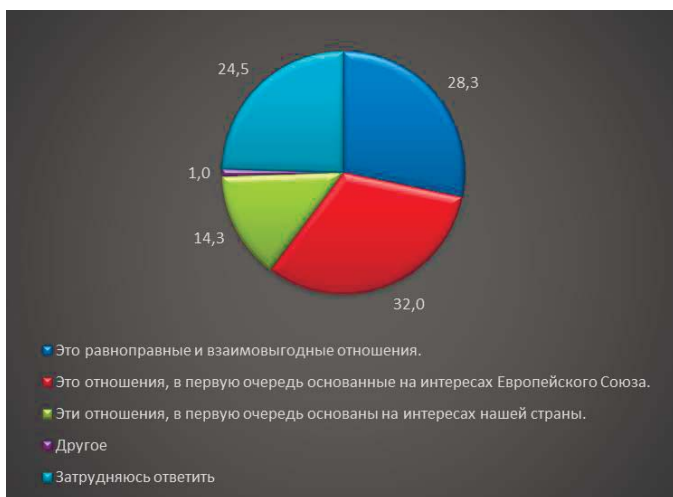

Рис. 3. Характер отношений Беларуси и ЕС в оценках респондентов приграничных регионов (в %)

Как видно из данных диаграммы, среди белорусского общества примерно равно распространены суждения как реалистического характера (о взаимовыгодных отношениях с ЕС), так и пессимистического (о более выгодных для ЕС отношениях с Беларусью), в меньшей степени – оптимистического характера (о более выгодных для Беларуси отношениях с ЕС). Также примерно четверть белорусов затруднилась с ответом, что говорит о низкой степени информированности населения об отношениях с ЕС, т.е 24,5 %, затруднившихся ответить, не имели на момент участия в исследовании необходимой информации о выгодах и издержках отношений с ЕС, чтобы уверенно ответить на поставленный вопрос, что говорит о низкой степени интереса к данной теме, либо же недостаточной работе государства по просвещению населения в вопросах внешней политики и ее последствиях.

В ходе анализа на основании индекса характеристики отношений обнаружена зависимость между характеристикой отношений с ЕС и родом занятий респондентов (рис. 4). Индекс характеристики отношений с ЕС рассчитывался по формуле:

$$I_{\text{хар отн}} = A * (1) + B * (2) + V * (3)$$

где А, В, V – варианты ответа, а (1), (2), (3), – присвоенные им значения.

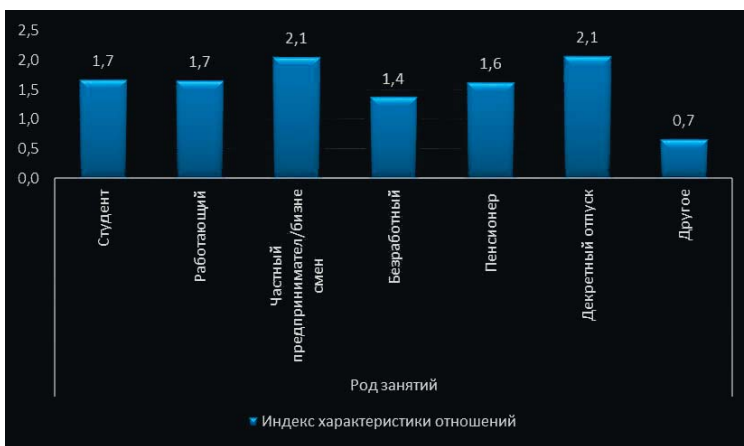

Рис. 4. Взаимосвязь характеристики отношений с ЕС и рода занятий респондента

Как видим, из всех указанных родов деятельности самой оптимистичной оценки придерживаются частные предприниматели и люди, находящиеся в декретном отпуске, а самой пессимистичной – представители неуказанных родов деятельности и безработные. Можно предположить, что подобное распределение значений индекса связано с осведомленностью о сотрудничестве Беларуси и ЕС и непосредственной вовлеченностью в этот процесс. Например, предприниматели могут сами быть вовлечены в торговлю со странами ЕС и расценивать собственную выгоду от торговли как соответствующую приложенным усилиям и затратам. В то же время безработные могут не иметь интереса или доступа к информации о сотрудничестве Беларуси и ЕС и строить предположения, основываясь не на собственном опыте, а на стереотипах и господствующем в его референтной группе мнении.

Одной из блока было изучение мнения белорусов о динамике отношений с ЕС. Изменилась ли специфика отношений? Если изменилась, то в какую сторону? Респондентам предлагалось дать ответ на следующий вопрос «Подумайте об отношениях между ЕС и нашей страной. По вашему мнению, какова сегодняшняя динамика этих отношений по сравнению с десятилетием назад?» Распределение ответов представлено рис. 5.

Значительная часть населения (44 %) считает, что в сравнении с 2010 г. отношения с ЕС в 2020 году стали лучше. На втором по популярности месте стоит суждение, согласно которому отношения с ЕС по сравнению с 2010 г. совершенно не изменились. Всего 5,3 % придерживается мнения об ухудшении отношений с ЕС, снова значительная часть (15 %) затруднилась с ответом, что указывает на отсутствие интереса к данной теме либо же отсутствие необходимой информации у респондентов на момент проведения исследования.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что среди белорусов распространены преимущественно нейтральные и положительные установки касательно налаживания отношений с ЕС, причем молодежь более позитивно относится к налаживанию отношений с ЕС по сравнению со старшими категориями населения. При этом в белорусском обществе наблюдается плюрализм мнений в отношении нынешнего характера отношений с ЕС. Преобладают оценки реалистического характера (о взаимовыгодных отношениях с ЕС) и пессимистического (о более выгодных для ЕС отношениях с Беларусью). Значительная часть (24,5 %) затруднилась ответить. Из всех представленных родов деятельности самой оптимистичной оценки придерживаются частные предприниматели и люди, находящиеся в декрет-

ном отпуске, а самой пессимистичной – представители неуказанных родов деятельности и безработные. Значительная часть населения (44 %) считает, что в сравнении с 2010 г. отношения с ЕС в 2020 г. стали лучше. На втором по популярности месте стоит суждение, согласно которому отношения с ЕС по сравнению с 2010 г. совершенно не изменились.

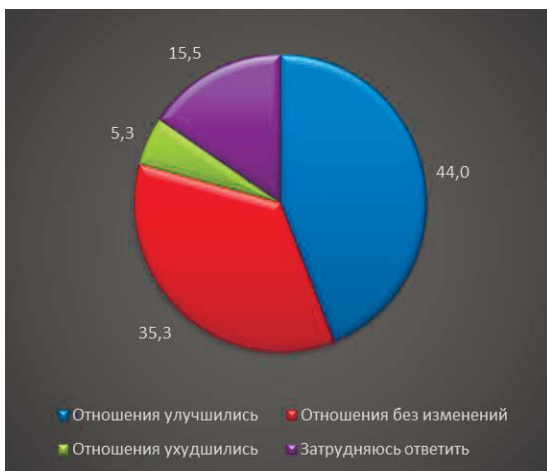

Рис. 5. Динамика отношений Беларуси с ЕС за десять лет в оценке респондентов (в %)

Литература

1. Бельский А. М. Академическое сотрудничество Беларуси и Европейского Союза: противоречия и пути повышения эффективности (по результатам прикладного исследования) // Стратегические коммуникации в современном мире : сб. материалов по результатам науч.-практ. конф. Вып. 3 / под ред. Голуб О. Ю., Коневец С. Н., Сергеевой Е. В. Саратов : Саратов. источник, 2020. С. 13–23.
2. Бельский А. М. Перспективы формирования и развития единого образовательного пространства стран-участниц ЕАЭС: переход от «болонской системы» внутри страны к «евразийской рамке» // Сборник статей финалистов конкурса молодых международных СНГ имени А. А. Громыко 2020 / под ред. В. В. Сутырина, А. С. Пешенькова. М. : Ин-т Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А. А. Громыко. 2021. С. 52–59.
3. Бельский А. М. Институциональная заинтересованность в развитии академических контактов Беларуси и ЕС: текущее состояние, ожидания и перспективы // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания : материалы респ. науч.-практ. конф., приуроченной к 100-летию Белорусского государственного университета. Минск, 14 окт. 2021 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Исторический фак.; [редкол.: В. С. Сайганова (отв. ред.), О. В. Новикова, Т. В. Бурак]. Минск : БГУ, 2021. С. 25–34.
4. Belski A. M. Combination of methods of collection and analysis of information in modern sociological research // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 4–5 нояб. 2021 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Безнюк Д. К. (гл. ред.) [и др.]. Минск : Медисонт, 2021. Р. 28–29.
5. Belski A. M. European-related education programs in the regions of Belarus bordering the European Union: representation, contradictions and ways to increase the effectiveness of the implementation // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 110–116.
6. Программы трансграничного сотрудничества – ТАСИС // Центр международной технической помощи Европейского союза в Республике Беларусь. URL: http://cu4eu.by/programs_in_belarus/the-european-neighbourhood-instrument-eni/cross-border-cooperation-programme/.
7. Структура и возможности международной технической помощи Европейского союза в 2014–2020 гг. // Проект международной технической помощи ЕС «Развитие потенциала в поддержку реализации отраслевых программ в рамках ежегодных программ действий для Беларуси Европейского инструмента добрососедства и партнерства». Минск, 2014. URL: <http://cu4eu.by/upload/iblock/3f2/3f2a9a3267bb76428466703b1f19404c.pdf>.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ВАЖНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются роль и значение экспертной деятельности в устойчивом развитии российской экономики. Анализируется состояние отдельных сфер экономики и социальной сферы; рекомендуется проведение государственной и общественной экспертизы по ряду особо важных направлений социально-экономического развития восточных регионов страны.

Ключевые слова: экспертиза, экспертная деятельность, национальные цели, санкции, стратегическое планирование, доступность жилья, лесное хозяйство, народные предприятия.

S. K. Udalykh

Irkutsk Regional Office Russian Academy of Natural Sciences, Irkutsk

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF EXPERT ACTIVITY TO ACHIEVE IMPORTANT NATIONAL GOALS OF THE RUSSIAN SOCIETY

The article discusses the role and importance of expert activity in the sustainable development of the Russian economy. The state of individual spheres of the economy and social sphere is analyzed; it is recommended to conduct state and public expertise on a number of particularly important areas of socio-economic development of the eastern regions of the country.

Keywords: expertise, expert activity, national goals, sanctions, strategic planning, housing affordability, forestry, national enterprises.

Введение

В настоящий период возрастает роль и значение теории и практики применения в обществе результатов профессиональной экспертной деятельности. Результаты исследовательской экспертизы успешно используются при совершенствовании техники, технологии и экономики, в модернизации управления, в эффективном социальном развитии и сохранении окружающей среды; выводы и рекомендации экспертов способствуют реальному разрешению многих случаев противоречий в обществе. Российское экспертное сообщество активно участвует в достижении к 2030 г. важнейших национальных целей, определенных Указом Президента РФ [4]. Список этих целей следующий: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация.

Россия в течение ряда последних лет переживает массированные односторонние санкции со стороны США, Европейского союза, Канады, Австралии, Франции и других стран. Введённые санкции включают в себя масштабные ограничения финансовой системы России (включая Центробанк и крупнейшие банки), деятельности ряда российских компаний и отдельных отраслей экономики, закрытие воздушного пространства и морских портов, персональные санкции против руководства России и крупнейших предпринимателей; санкции применили к аэрокосмическому, морскому и электронному секторам экономики; санкционные полномочия распространились на сектора различных технологий и оборонной промышленности и т. д. В этих экстремальных условиях руководство страны оперативно и эффективно приняло и продолжает принимать комплексные меры по повышению устойчивости экономики. Так, Правительство РФ реализует пакеты инструментов по поддержке практически всех сфер реальной экономики – от малого и среднего бизнеса до крупных промышленных предприятий; приняты также меры по поддержке населения, за защите внутреннего продовольственного рынка и стабилизации цен на значимую сельхозпродукцию. Для скорейшего разрешения проблем в ситуации внешнего давления на национальную экономику и социальную сферу создана и функционирует Правительственная комиссия по повышению

устойчивости российской экономики в условиях санкций. Кроме того, в федеральных министерствах и ведомствах, в отдельных отраслях и крупных корпорациях, в регионах, муниципалитетах и городах каждодневно оперативно решаются вопросы совершенствования хозяйства, в том числе одна из главных задач по импортозамещению иностранных товаров и услуг. По оценкам отечественных и ряда иностранных экспертов Россия успешно справляется с санкциями; на российских рынках не возник ожидаемый западными странами хаос, и российская экономика под бременем беспрецедентных санкций чувствует себя уверенно.

В сложной хозяйственной и социальной ситуации объективно необходимо и как никогда важно, чтобы реализуемые меры по повышению устойчивости экономики были теоретически обоснованы, детально просчитаны и полностью выверены на предмет их надежности и эффективности. Большой вклад при этом должна внести экспертная деятельность страны, которая участвует в отборе лучших технических, экономических, управленческих и экологических мероприятий.

Краткая история проблемы

По областям конкретной профессиональной деятельности в России выделяют, как минимум, следующие виды экспертиз: строительная, медицинская, судебная, технико-экономическая, экологическая, в том числе объектов недропользования, товароведческая, экспертиза качества товаров, патентная, оборонная, политическая, страховая, аудит, экспертиза при оценке имущества, бизнеса, нематериальных активов и т. д. [1, с. 36]. В России сформировались различные экспертные сообщества (ЭС). Так, например, многочисленные технико-экономические ЭС обеспечивает устойчивый экономический рост и ресурсы для жизнедеятельности; медицинские ЭС отвечают за улучшения качества жизни и её продолжительность, юридические ЭС – в ответе за законотворчество и соблюдение законов, оборонная ЭС обеспечивает безопасность страны и т. д. Все экспертные сообщества развивают разнообразные институты производства, сохранения, применения и передачи новым поколениям экспертизы в своей области.

В стране на разных уровнях управления и принятия решений созданы соответствующие экспертные подразделения. В составе администрации Президента РФ действует Аналитический центр «Экспертный институт социальных исследований» и при Правительстве РФ также функционирует свой Аналитический центр: оба они занимаются оперативным информационно-аналитическим сопровождением и экспертной поддержкой деятельности Президента РФ и Правительства РФ по основным вопросам социально-экономического развития страны. В каждом федеральном министерстве и ведомстве, а также в администрациях регионов страны и крупных корпорациях созданы соответствующие экспертные подразделения. Серьезная экспертная работа налажена во многих научно-исследовательских учреждениях и вузах России. Так, в составе Президентской академии РАНХиГС несколько экспертно-аналитических центров обеспечивают непрерывную генерацию идей, аналитики, экспертизы, а также научно-исследовательские разработки для органов власти и внешних партнеров.

Перед экспертным сообществом в современный период скоростной трансформации всех сторон жизни страны и в эпоху глобальной экономической перестройки стоят важные задачи по активному и профессиональному участию в обеспечении устойчивого развития.

Цель исследования

Обозначить большую роль экспертных институтов в развитии российского общества. Обосновать необходимость проведения общественной экспертизы по ряду особо важных направлений социально-экономического развития восточных регионов страны.

Результаты исследования, выводы и предложения

Для осуществления качественных экспертных мероприятий в стране создана определенная нормативно-правовая база, в том числе приняты Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон «Об экологической экспертизе», Федеральный закон «О защите прав потребителей» Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Рос-

сийской Федерации», а также действуют Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс, Таможенный кодекс и др.

По данным отечественных исследований, в стране усилиями корпоративного менеджмента и экспертных организаций разного уровня управления проводится большая работа по оценке проектов, технико-экономических и прочих решений. Такая деятельность в условиях санкционного давления прямым образом влияет на повышение устойчивости российской экономики и социальной сферы, создает вместе с другими федеральными и региональными рычагами относительную стабильность для бизнеса и населения. Вместе с тем представляется необходимым провести общественную экспертизу по нижеследующим направлениям:

- по стратегическому планированию социально-экономического развития России;
- по обеспечению граждан жильем и по оценке состояния доступности жилья;
- по оценке состояния и перспектив развития лесного хозяйства страны;
- по созданию слоя народной экономики в виде акционерных народных предприятий.

1. *Экспертная оценка стратегического планирования социально-экономического развития России.*

В соответствии с Федеральным законом о стратегическом планировании долгосрочные документы (стратегии, программы) социально-экономического развития должны разрабатываться для отраслей и регионов страны [5]. Этой возможностью воспользовались многие отрасли, подотрасли и производства: в итоге в стране составлено почти 50 таких отраслевых стратегических документов на период до 2030 г. и 2035 г.; было разработано также около 70 стратегий регионального развития. Существенный общий недостаток таких документов в том, что каждый из них был составлен без использования балансового метода. В ряде регионов вертикально интегрированные компании развиваются по своим корпоративным программам, которые не учитывают региональные и муниципальные особенности и направления развития.

Единственным регионом, который при разработке указанного документа частично применил балансовый метод, стала Иркутская область. Руководство региона в 2018 г. приняло решение ввести плановые методы управления, регулирования и координации развитием региональной экономики и ее социальной сферы. Ускоренное развитие региона, по мнению руководства области и местных специалистов, возможно при реализации единых управленческих подходов, основанных на едином сбалансированном среднесрочном и долгосрочном планировании. Для осуществления такой задачи в составе Правительства Иркутской области был образован Государственный комитет по планированию социально-экономического развития региона (Госплан области). По замыслу учредителей такой орган должен был стать координирующим центром, объединяющим усилия менеджеров региона и различных государственных и негосударственных компаний, муниципалитетов и отдельных федеральных органов, а также он должен синхронизировать деятельность территорий региона, ряда местных и центральных ведомств. Государственный план социально-экономического развития Иркутской области на 2019–2023 годы был введен в действие с 01.01.2019 [2]. Забегая вперед отметим, что в связи со сменой высшей власти области, этот план ныне действующим губернатором в 2020 г. официально отменен и реализация его была прекращена (т.е. план «работал» только один год).

План содержал следующие отраслевые блоки: «Производство, инвестиции, наука и т. «Инфраструктурный блок», «Кадровая политика, развитие здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта», «Экология», «Развитие туризма». Для его разработки были привлечены ведущие менеджеры, специалисты и ученые. Стратегические цели Иркутского пятилетнего Госплана – это рост экономики и бюджета. За счет скоординированных действий региональной власти, муниципалитетов и бизнес-сообщества реализация Госплана должна была позволить правильно распределить существующие ресурсы и получить от них максимальную отдачу, которая заключается в приоритетном развитии различных отраслей

промышленности и социальной сферы; в конечном итоге должно было состояться повышение уровня жизни населения.

Первый и единственный год работы «Иркутской пятилетки» (т. е. 2019 г.) показал, что почти все основные задачи, цели и показатели развития были выполнены. Разработку и начало реализации пятилетнего плана развития Иркутской области необходимо считать востребованной и закономерной местной инициативой, осуществляемой без прямых указаний Федеральной власти. При этом задачи, цели и целевые показатели пятилетнего плана корреспондируются с задачами, целями и показателями развития всей страны. Можно отметить трудности при составлении и начале исполнения «Иркутской пятилетки»: не было поддержки со стороны федеральных органов власти (наблюдалось лояльное отношение к этой местной инициативе); отмечалось весьма критическое отношение ряда СМИ (объявлявших о возврате к командно-административному управлению).

Иркутская пятилетка – это серьезный прорыв в системе национального планирования. Поэтому наши предложения для экспертной комиссии следующие:

- оценить необходимость разработки и реализации региональных Государственных пятилетних планов социально-экономического развития;
- осуществить технико-экономический анализ годового действия «Иркутской пятилетки»; оценить возможность и целесообразность возобновления действия «Иркутской пятилетки» с целью получения конечных (пятилетних) результатов;
- оценить целесообразность проведения эксперимента в нескольких регионах страны с целью распространения опыта реализации пятилетних планов развития региональной экономики и социальной сферы.

2. Экспертная оценка обеспечения граждан жильем и доступности жилья.

Одной из приоритетных задач современной социальной политики российского государства является улучшение благосостояния населения. Основное направление для решения этой задачи – повышение доступности жилья. Доступность жилищных благ является индикатором платежеспособности населения и характеризует уровень развития общества. Измерение показателя доступности жилья определяет как «близок» клиент к покупке.

За ряд лет в стране были приняты различные государственные и региональные документы (федеральные и региональные законы, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, Концепция, Стратегии и Программы) по развитию жилищного строительства. Необходимо отметить, что большая часть решений и программных документов по развитию жилищного строительства систематически не выполнялась и не выполняется (часть из них даже «провалена»); предлагаемые указанными документами и осуществляемые далее различные методы, приемы и технологии развития индустрии возведения российского жилья, как показала многолетняя практика, имели и имеют лишь вспомогательный характер. Поэтому ситуация такая: происходит рост объемов строительства, рост ввода в действие жилья и квартир, сокращение числа недостроенных домов, развитие системы ипотеки и прочие организационно-финансовые улучшения (введение системы расчетов «эскроу»), но однако при этом доступность жилья ежегодно снижается. В итоге на сегодняшний день в области «достижения» доступного жилья остались следующие важные проблемы:

- высокая стоимость возведения жилых домов и поэтому весьма высокие рыночные цены на жилье (ежегодный рост цен составляет 15–25 %; цена 1 кв.метра общей жилой площади колеблется в среднем по стране от 60 до 250 тыс. руб.; большие колебания стоимости жилья наблюдаются по городам и регионам: например, в г.Иркутске на 01.01.2022 цена 1 кв. м первичного жилья изменялась от 90 до 120 тыс.руб.);
- высокий средний по стране коэффициент доступности жилья (составляет пока 12–13 лет ожидания);
- невыполнение планов жилищного строительства и натурального ввода в действие жилых домов и квартир в ряде регионов, особенно жилья экономического класса;
- относительно значительная часть квартир во вновь построенных домах длительное время не продается и остается в течение ряда лет незаселенной;

– невысокая покупательная способность части населения, системное снижение этой способности у части граждан (реальные располагаемые доходы многих россиян уменьшаются уже несколько лет подряд, в том числе в 2020 и 2021 гг.);

– относительно низкий уровень комфортности вводимого жилья и низкое качество строительно-монтажных и отделочных работ;

– сложная демографическая ситуация в восточных регионах страны (в том числе в Иркутской области): отток населения продолжается (люди уезжают из-за отсутствия доступного жилья, низкого качества жизни и социальной сферы) и др.

Главнейшей задачей государственного менеджмента является резкое повышение доступности жилья. Руководством страны поставлена цель – к 2030 г. ежегодно вводить в действие 120 млн кв. м жилья (в 2019 г. введено 82,0 млн кв. м, в 2020 – 82,2 и в 2021 г. – 92,6 млн кв. м).

Существуют разные пути повышения доступности жилья: рост платежеспособности населения, развитие кредитной системы, рост спроса и рост предложений жилья, но главным путем является снижение цены жилья. Этот путь пока не рассматривается и не прорабатывается современным менеджментом. Поэтому проблему повышения доступности жилья необходимо решать основательно, но не с помощью реализации вспомогательных мер, а осуществлением конкретных действий, связанных с анализом цены на жилье. Как показывают наши расчеты, общая стоимость жилья складывается из трех укрупненных частей: затраты на землю (земельный участок), затраты на материальные ресурсы (строительные материалы, конструкции, детали и оборудование) и затраты на возведение дома (строительно-монтажные и другие работы). Каждая указанная часть составляет примерно одну третью часть всей стоимости жилья. Поэтому возможны три главных направления снижения цены жилья:

– принятие Федерального закона о резервировании земель и безвозмездной их передаче под массовое жилищное строительство (снижение цены жилья примерно на 30 %);

– создание региональной строительной базы по выпуску местных относительно дешевых строительных материалов и конструкций (отказ от применения дорогих дальнепривозных материальных ресурсов);

– развитие сети местных крупных строительно-монтажных организаций, осуществляющих работы с высоким уровнем механизации, автоматизации и цифровизации производства, не допускающих бесхозяйственности и ведущих инновационное корпоративное управление.

Наши предложения для экспертной комиссии следующие:

– оценка современной системы жилищного обеспечения граждан;

– оценка доступности жилья и предложение реальных мер ее повышения для большинства граждан страны;

– оценка состояния строительного комплекса и предложение реальных мер по его техническому и организационному развитию.

3. Экспертная оценка состояния и перспектив развития лесного хозяйства страны.

В России находится свыше 20 % всех лесов планеты. Общая площадь земель страны, на которых расположены леса, составляют около 1200 млн га; общий запас древесины определен в количестве почти 83 млрд кубометров. Россия известна относительно низким уровнем управления лесным хозяйством, где слабое лесовосстановление, неэффективная охрана лесных массивов, масштабные лесные пожары, незаконные рубки до недавнего времени были почти нормой. В лесных регионах регулярно выявляются серьезные нарушения лесного и природоохранного законодательства. Для осуществления незаконных рубок древесины используются десятки криминальных схем, позволяющих фирмам и предпринимателям незаконно «обезлесивать» большие участки лесного фонда. Ситуация с российскими лесами обостряется: площадь сплошных рубок устойчиво превышает площадь лесов, на которых происходит лесовосстановление, все больше леса погибает из-за пожаров.

Серьезный урон лесному хозяйству наносит отсутствие в последние полтора десятка лет подлинной наземной охраны лесов; так, до начала 2005 г. система охраны лесов в стране

основывалась на «обходах», т. е. на участках леса, персонально закрепленных за работниками лесной охраны (лесниками). Штатная численность лесников в стране составляла по разным источникам от 70 до 100 тыс. чел.; сейчас численность сотрудников лесной охраны уменьшилась в несколько раз (их осталось от 17 до 20 тыс. чел.). В результате леса почти не охраняются и для населения и общественности выглядят практически бесхозными; неподконтрольные участки леса подвержены заболачиванию, обрастанию сухостоем, пожарам и нападению вредителей. В связи с тем, что современное российское лесное законодательство получилось противоречивым и невыполнимым в полном объеме, в стране сформировался так называемый правовой нигилизм как основа лесных отношений.

Отмечается крайне слабое и неполное административное обследование лесов. Даже при таком обследовании вскрываются многие проблемные вопросы, в том числе недостаточная эффективность лесовосстановления, охраны и защиты лесов; низкая актуальность сведений о лесных ресурсах; низкая степень использования лесного сырья; низкая инвестиционная привлекательность отрасли; низкий уровень технического, научного и кадрового обеспечения [6].

Российский лесной комплекс является одним из ведущих национальных блоков, осуществляющих коммерческие, социальные и климатические функции. Климатические функции в последнее время выходят на первое место в связи с переходом на «зеленую» экономику. Российские леса имеют реальные крупные возможности для увеличения поглощающей способности парниковых газов. Главной задачей государства, по нашему мнению, является наведение должного порядка в лесном хозяйстве и в первую очередь в следующих главных направлениях: совершенствование лесного законодательства; совершенствование управления лесным хозяйством на всех уровнях – от федерального до самого низового (лесничеств); эффективное лесосохранение, т. е. пресечение незаконных рубок, охрана леса от болезней и вредителей; сокращение площадей лесных пожаров, в результате которых ежегодно выгорают миллионы гектаров лесов и выбрасываются в атмосферу массы углекислого газа; эффективное лесоразведение и лесовосстановление, т. е. увеличение лесного фонда страны.

В России реализуется большой пакет новых директивных документов по лесному хозяйству. Поэтому рекомендуется проверить на практике последние решения по изменению лесного законодательства, определенные в самых «свежих» директивных документах (Федеральные законы, постановления Правительства РФ, приказы и постановления Минприроды РФ) от 2020–2021 гг. Речь идет о некоторых следующих самых важных документах: «ЛесЕ-ГАИС – Единая государственная автоматизированная информационная система сделок с древесиной и отчеты по сделкам», «Сопроводительный документ», «Учет древесины до ее вывоза из леса», «Электронный сопроводительный документ», «Отчет о балансе древесины на складе», «Отчет о переработке древесины», «Электронные лесные декларации», «Электронный отчет об использовании лесов», «Федеральный надзор в сфере оборота древесины», «Регистрация внебиржевых сделок с древесиной» и прочие изменения.

Наши предложения для экспертной комиссии следующие:

- оценка необходимости разработки, общественного обсуждения и принятия нового Лесного кодекса РФ;
- оценка результатов воздействий на развитие лесного хозяйства и всего лесного комплекса многочисленных последних нововведений в лесное законодательство;
- оценка необходимости и возможности возврата к ранее действовавшему «институту» лесников (т.е. значительное увеличение числа подлинных хранителей леса).

4. *Экспертная оценка создания народной экономики в виде акционерных народных предприятий.*

В соответствии с Федеральным законом о народных предприятиях появилась возможность создания мощного слоя народной экономики [3]. Народное предприятие (НП) – это особая разновидность акционерного общества. Высокий экономический и социальный потенциал НП формируется в связи особенностями этой формы хозяйствования:

- создание предприятия происходит при согласии большинства работников преобразуемой организации; учредительный договор должен подписать каждый работник;

– общее собрание акционеров имеет намного больше полномочий, чем в обычном акционерном обществе; важные вопросы (создание организационной структуры, избрание наблюдательного совета, генерального директора и других руководителей, определение стоимости одной акции) решаются на общем собрании акционеров путем голосования;

– вопросами контроля деятельности НП занимается внутренняя комиссия; ее полномочия намного шире, чем у ревизионной комиссии обычного акционерного общества;

– во владении участников предприятия должно находиться более 75 % акций (т.е. основная доля); при этом каждый из них в отдельности не может иметь больше 5 % акций;

– каждый работник при голосовании может отдать только один голос;

– акции обращаются только внутри предприятия (при увольнении работник обязан продать все свои акции самому обществу);

– закон ориентирует предприятия на регулярный выпуск дополнительных акций, которые безвозмездно распределяются между работниками [7].

В результате особенностей НП имеет конкурентные преимущества, что позволяет повышать эффективность хозяйствования, улучшать условия труда и жизни работников, увеличивать вклад предприятия в бюджет. Преимуществами предприятия являются:

– невозможность закрытия и банкротства предприятия, его поглощения или присоединения к другой компании без решения трудового коллектива;

– создание и развитие прогрессивной корпоративной культуры вследствие формирования мощных стимулов работников предприятия;

– высокий уровень привлекательности для инвесторов, что достигается в результате прозрачной схемы формирования финансово-бухгалтерских документов, разработки согласованных в трудовом коллективе стратегических планов развития предприятия;

– высокая мотивация работников повышать производительность труда, снижать затраты на производство, совершенствовать корпоративное управление;

– коллективное принятие решений о развитии социальной сферы [7].

Несмотря на принятый уже 24 года тому назад Федеральный закон о народных предприятиях такая организационная форма хозяйствования не получила большого распространения. По разрозненным источникам сейчас в стране насчитывается всего лишь около 150 – 200 народных предприятий; системная информация о их хозяйственной деятельности отсутствует; проблемы развития и участия НП в национальной экономике в официальных документах (концепции, стратегии и программы развития страны, ее отдельных регионов и отраслей, приоритетные национальные проекты и др.) не упоминаются и не рассматриваются. Изучение даже не полной информации о деятельности российских НП свидетельствует о сравнительно высокой эффективности работы этих хозяйствующих субъектов по всем важным оценочным показателям [7].

Созданию коллективных форм организации производства в России препятствуют:

– неполноценная с самого начала и уже устаревшая правовая база, противодействие внесению поправок, изменений и дополнений в действующий Федеральный закон о НП;

– отсутствие в Гражданском кодексе (ГК) РФ положения о существовании особой организационно-правовой формы в виде акционерного народного предприятия;

– административное давление и попытки недружественного поглощения или преобразования НП в подконтрольные и управляемые коммерческие структуры;

– почти полное забвение и упоминание в СМИ фактов существования в России народных предприятий; отсутствие рекламы об успешной деятельности даже небольшого числа таких предприятий;

– отсутствие разъяснительной работы среди населения о возможностях организации НП; отсутствие официальных и общедоступных статистических публикаций о деятельности таких предприятий [7].

Необходим комплекс мероприятий для скорейшего формирования в России эффективного слоя народных акционерных предприятий. Реализация такой программы, по нашему мнению, предполагает государственные меры на уровне Президента РФ, Правитель-

ства РФ, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ, администраций субъектов Федерации и российского делового сообщества. Одной из главных мер могло бы быть прямое государственное решение о формировании народной экономики, что включает в первую очередь, как минимум, выступление в СМИ Президента РФ или Председателя Правительства РФ с инициативой (с личным обращением к народу) о начале формирования в стране нового конкурентного слоя экономики в виде создания народных акционерных (коллективных) предприятий;

Наши предложения для экспертной комиссии следующие:

- оценить причины и препятствия для создания в стране народных предприятий;
- оценить эффективность народных предприятий и дать экспертные рекомендации для расширения этой формы народной экономики на территории страны;
- оценить необходимость внесения изменений и дополнений в законодательство о народных предприятиях с целью упрощения и ускорения их образования.

Заключение

Рассмотренные «горячие точки» национальной экономики и социальной сферы (стратегическое планирование, доступное жилье, лесное хозяйство, народные предприятия) являются объектами пристального изучения соответствующих экспертных организаций и сообществ, экспертов счётных палат и специалистов Общероссийского народного фронта. Результаты различных экспертных оценок должны содействовать повышению устойчивости экономики и росту уровня жизни российского населения.

Литература

1. Орлов А. И. Организационно-экономическое моделирование. Экспертные оценки : учебник. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. 486 с.
2. Государственный план социально-экономического развития Иркутской области на 2019–2023 годы. URL: http://irkobl.ru/region/sonko/Госплан_20.06.2019.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
3. Об особенностях правового положения акционерных обществ работников народных предприятий : Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/121112456> (дата обращения: 08.04.2022).
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63728> (дата обращения: 08.04.2022).
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70684666> (дата обращения: 08.04.2022).
6. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р // СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155> (дата обращения: 08.04.2022).
7. Удадых С. К. Социально-экономические процессы образования и развития коллективной собственности в форме акционерных народных предприятий // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 91–97.

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ

В статье проводится анализ воздействия экспертного сообщества на формирование экономических притязаний россиян. Благодаря экспресс-опросу формируются основные сферы и способы воздействия на экономические представления, а также выявляются основные фигуры экспертного сообщества, являющиеся образами-катализаторами, которые направляют представления многих россиян в разные стороны развития экономических представлений и притязаний.

Ключевые слова: экспертное сообщества, экономические притязания, формирование, воздействие, взаимосвязь.

V.A. Skudenkov

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERT COMMUNITY IN THE FORMATION OF ECONOMIC CLAIMS

The article analyzes the impact of the expert community on the formation of the economic claims of Russians. Thanks to the express survey, the main areas and ways of influencing economic ideas are formed, and the main figures of the expert community are identified, which are catalyst images that direct the ideas of many Russians in different directions in the development of economic ideas and claims.

Keywords: expert community, economic claims, formation, impact, relationship

Мы живем в обществе, которое формируется лидерами мнений и транслируется в массы через СМИ и сеть Интернет. Зачастую шоу-звезды, актеры, журналисты имеют значительно более высокий вес и статус, чем аналитики и эксперты в разных областях, обладающие значительно большим уровнем компетенций и навыков в какой-либо сфере. С одной стороны, это эффекты массового общества, общества потребления, где значимыми условиями выступают внешние символы, а не реальные знания и опыт. Но, с другой, благодаря экспертному сообществу могут формироваться совершенно альтернативные взгляды и позиции, способные сформировать новое мировоззрение, ценности и взгляды на социальную реальность.

Самое разнообразное экспертное сообщество может изменить представление обывателей по любому вопросу и чем более глубокими знаниями и публичной представленностью оно будет обладать – тем большее количество социальных групп окажется под его воздействием и тем больше шансов на новые условия и качество жизни будет у каждого. Различные аспекты данных идей нашли свое отражение в исследованиях О. А. Полошкевич [1; 2], А. Н. Пружинина [3], автора [4–8].

Данная же работа посвящена анализу взаимосвязи оценок экспертного сообщества на формирование экономических притязаний россиян. Для этого мы провели онлайн экспресс-опрос россиян на предмет того, кто и как из публичных деятелей, выступающих членами различных экспертных сообществ повлиял и влияет на их экономические притязания. Опрос проходил в марте 2022 г., в нем приняло участие 1450 чел., 58 % женщин и 42 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных субъектах РФ, занимающих разные социально-экономические статусы.

В результате экспресс-исследования выяснилось, что базовые представления и притязания в экономической сфере все еще опираются на семью, взгляды родителей служат опорой для дальнейшего экономического становления для 78 % опрошенных. На втором месте – друзья и коллеги (52 %) и третье место занимают значимые публичные персоны, мнение и оценка которых важна для респондентов, так как они обладают социальным капиталом и привлекательным имиджем в глазах обывателей (47 %). И значительно меньшая часть респондентов указывает на личный опыт формирования экономических притязаний (22 %)¹.

¹ Можно было указывать несколько сфер, поэтому % выше 100 %.

Иными словами, помимо близкого круга – семьи и друзей / коллег, важной социальной когортой выступают представители экспертных сообществ, значимых для разных групп россиян (табл. 1).

Таблица 1

Базовые сферы формирования и развития экономических притязаний

Сферы	Примеры
Семья	<i>Все что важно для человека, формируется в его семье. Уровень финансового мышления родителей становится уровнем и качеством жизни для их детей (мужчина, 47 лет). Экономические притязания старшего поколения ложатся рамками для старта для младшего поколения. Лишь единицы могут из него выбраться, большая часть развивается в этом заданном коридоре (женщина, 31 год).</i>
Друзья / коллеги	<i>Круг общения – формирует притязания. Если твои друзья ездят на крутых машинах – то и тебе это надо делать, если живут на определенном уровне, то и тебе надо так жить. Иначе ты не сможешь быть в этом круге (мужчина, 26 лет). Коллеги – это те, кто постоянно тебя оценивает и сравнивает, это те, благодаря кому ты добиваешься успеха или терпишь неудачи. И экономические притязания также формируются теми, с кем работаешь (женщина, 38 лет).</i>
Публичные персоны	<i>Если есть публичный человек, которым ты восхищаешься, то его образ жизни, образ мысли и конечно же экономические представления становятся ориентиром для тебя, хочется повторить все то, что есть у него. Это и есть формирование новых ориентиров экономических притязаний (мужчина, 44 года). Когда слышишь оценку уважаемого тобой человека, эксперта – невольно ей начинаешь верить и постепенно перенимать для себя его взгляды и оценки в том числе и на экономические процессы, экономические притязания и возможности (женщина, 49 лет).</i>
Личный опыт	<i>Мы растем из кризиса. Только личный опыт экономических поражений и побед делает нас неповторимыми личностями и позволяет сформировать свои собственные экономические притязания (мужчина, 59 лет). Только личное становление и оценка позволяет нам преодолевать все трудности и преграды и получать то, что важно и значимо, в том числе и в экономической сфере. Чужая мораль и экономические представления плохо присваиваются себе если не проживаются на личном опыте (женщина, 41 год).</i>

Эти экспертные сообщества мы разделили на несколько групп: политические деятели (депутаты, губернаторы, мэры) – 23 %, известные экономические фигуры (руководители банков, крупных газовых и нефтяных компаний) – 21 %, общественные деятели (журналисты, правозащитники, ведущие аналитических передач) – 20 %, деятели шоу-бизнеса (актеры, певцы, квншники и т. д.) – 18 %, блогеры¹ – 15 %, другие группы – 3 %.

Отвечая на вопрос, почему именно мнение этих людей повлияло на экономические притязания респондентов, респонденты указали на: личный пример и харизму (27 %), умение логично и аргументированно рассуждать (22 %), социальный статус и обязательства (18 %), умение находить лучшее решение проблем, в том числе экономических (13 %), владение важной информацией и нужными связями (12 %), другое (8 %) (табл. 2).

Таким образом, экономические притязания у значительной части россиян формируются под влиянием лидеров экспертных сообществ. Сохраняется влияние традиционных кругов социально-экономической социализации (семья, друзья, коллеги), но полагаем, с течением времени, их значимость будет уменьшаться, а роль и вес экспертного сообщества (отраженный в виртуальном пространстве), будет только набирать обороты. На выбор экспертов, выступающих личными и социальными ориентирами формирования экономического статуса и круга, влияют как личные, так и социальные условия. Выбор зависит от условий социализации и реальных возможностей реализации собственного потенциала и социальных ресурсов общественного развития.

¹ После начала пандемии COVID-19 эта социальная группа стала расти несравнимо более интенсивно, чем все остальные и полагаем, в будущем будет основной для формирования публичной политики и в целом экспертного сообщества, в любой нише социального развития.

Почему мнение именно этих экспертов повлияло на собственные экономические притязания

Сферы	Примеры
Личный пример и харизма	<i>Смотрю на своего кумира и поражаюсь его умениям, знаниям и опыту и хочу во многом походить на него (женщина, домохозяйка, 33 года). Я восхищаюсь теми, кто прошел не простой путь и может об этом спокойно говорить, – это вдохновляет и восхищает, и сразу появляется вера в себя и понимание того, что есть на кого равняться и куда идти (мужчина, политический аналитик, 37 лет).</i>
Умение логично и аргументированно рассуждать	<i>Доводы и аргументы решают многое, так как не позволяют упустить самое важное. Тот, кто может все систематизировать и убедительно донести – становится моим примером и ориентиром социального развития (женщина, журналист, 40 лет). Умение убедить слушателя, через убедительные аргументы – это единственный показатель того, почему я могу ему верить и отдать свои деньги, вложить их туда, куда он предлагает (мужчина, юрист, 30 лет).</i>
Социальный статус и обязательства	<i>Мне важно кто мне говорит о финансах и каких-то экономических вопросах в целом. Тот социальный статус что есть у человека, его личный ресурс человеческого развития определяет, насколько я могу ему верить и перенять его представления в свою жизнь (женщина, экономист, 34 года). Чем больше выполненных обязательств у человека перед собой и другими – тем больше доверия я к нему испытываю (мужчина, менеджер, 26 лет).</i>
Умение находить лучшее решение проблем, в том числе экономических	<i>Умение находить выход из сложных ситуаций кто-то назовет профессионализмом, кто-то удачей. На мой взгляд – профессиональный и удачливый человек вполне достоин того, чтобы стать моим личным ориентиром в формировании экономических желаний (женщина, НКО, 41 год). Умение решать экономические проблемы – не простая задача, но задача, определяющая навыки и возможности человека, его потенциал реализации, а вместе с тем и мои личные перспективы экономического развития (мужчина, власть, 56 лет).</i>
Владение важной информацией и нужными связями	<i>Информация – это все. И тот, у кого она есть – владеет миром, так как может быть на шаг впереди. Я всегда прислушиваюсь к мнению тех, кто на шаг впереди. И да, это изменило мою жизнь, мори финансы, мои интересы. Я прислушиваюсь к тем, кто владеет информацией и принимаю свои решения (мужчина, бизнес, 47 лет). Нужные связи определяют то, какой информацией ты владеешь и как ей можешь воспользоваться. Важный критерий экономического успеха – знать тех, кого стоит держаться, тогда всегда будешь на вершине экономической цепочки (женщина, бизнес-аналитик, 40 лет).</i>

Литература

1. Полошкевич О. А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 февр. 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 195–199.
2. Полошкевич О. А. Управление конфликтами через просоциальные практики // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 265–267.
3. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–141.
4. Скуденков В. А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 181–183.
5. Скуденков В. А. Кризис притязаний в условиях пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 338–341.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 316–318.
7. Скуденков В. А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 302–306.
8. Скуденков В. А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 февр. 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 104–109.

В. В. Чернов

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

В. М. Кибакин

Московский политехнический университет, г. Москва

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТНЫХ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Рассматриваются перспективы разработки и внедрения социальных экспертных систем, которые могут эффективно работать на цифровых платформах с элементами искусственного интеллекта. На основе результатов социологического исследования дана характеристика отношения российской молодежи к внедрению сложных информационных технологий социо-кибер-физических систем. Обоснованы меры по повышению доверия органов власти к использованию технологий искусственного интеллекта в экспертизе социально значимых проблем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экспертные системы, цифровые платформы, социологическое исследование, социальная экспертиза, доверие, российская молодежь.

V. V. Chernov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow

V. M. Kibakin

Moscow Polytechnic University, Moscow

DEVELOPMENT OF SOCIAL EXPERT SYSTEMS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Prospects for the development and implementation of social expert systems that can work effectively on digital platforms with elements of artificial intelligence are considered. Based on the results of a sociological study, the characteristic of the attitude of Russian youth to the introduction of complex information technologies of socio-cyber-physical systems is given. The measures to increase the confidence of the authorities in the use of artificial intelligence technologies in the examination of socially significant problems are substantiated.

Keywords: artificial intelligence, expert systems, digital platforms, sociological research, social expertise, trust, Russian youth.

Введение (Introduction). Социо-кибер-физические системы находят все большее применение в управлении, производстве, информационно-аналитическом обеспечении деятельности органов власти. Все более привычными становятся такие интеллектуальные технологии, как «умный город», «умный дом», беспилотное движение транспорта и летательных аппаратов. Все более автономно начинают функционировать технологии обработки и анализа данных в экспертных системах управления, социальной инженерии, изготовления высокотехнологичных цифровых продуктов, услуг и сервисов.

Литературный обзор (Literature review). В научно-практический оборот введены наработки и описание опыта применения технологий искусственного интеллекта для анализа Big Date [2], сочетания с экспертными процедурами в кибер-физических системах преобразования, хранения и передачи данных [1] с помощью информационно-коммуникационной системы «Интернет». Имеются научные работы, которые обосновывают использование математико-статистического методического арсенала для создания социальных экспертных систем на основе искусственного интеллекта [3]. Учеными и практиками также рассматриваются возможности технологий искусственного интеллекта в системах поддержки принятия решений [4].

Теория и методы (Theory and methods).

Информационно-цифровые технологии с элементами искусственного интеллекта представляют собой совокупность методов, средств, способов обработки и анализа данных в рамках единого алгоритма преобразования исходной информации, получения ее качественных и количественных характеристик и представляется результатов в форме, необходимой для осуществления производственных процессов, предоставления услуг цифрового сервиса, что может рассматриваться как аналогия отдельным мыслительным операциям.

В изучении проблем развития социальных экспертных систем на основе элементов искусственного интеллекта важно дополнительное осмысление с привлечением современных

данных концепций искусственного интеллекта (Дж. Маккартни, М. Мински), а также методик измерения его характеристик (тест А. Тьюринга).

Для обеспечения адаптации технологий искусственного интеллекта к социальным экспертным системам важно выявить особенности различных его форм (узкая, широкая, глобальная), а также информационно-аналитических продуктов и цифровых сервисов на его основе (системы, роботы, институты, каналы и порталы).

В процессе развития технологий искусственного интеллекта важной проблемой является соотношение функциональной и этических аспектов этого феномена, что в свою очередь востребует переосмысления применительно к сложным информационно-когнитивным цифровым технологиям различных теорий риска (У. Бек, П. Штомпка, Э. Гидденс, Н. Луман, Г. Бехманн и др.).

Для изучения отношения российской молодежи к внедрению технологий на основе искусственного интеллекта в январе-апреле 2022 г. было проведено социологическое исследование, в ходе которого опрошено 147 молодых людей столичного региона (точность данных 4,8 %, при уровне значимости 0,05), некоторые данные которого приведены для раскрытия темы статьи.

Анализ результатов. Основные результаты (Results and discussion). В ходе анализа возможностей использования технологий искусственного интеллекта в социальных экспертных системах был сформирован перечень условий успешного решения этой задачи. К ним относятся: развитие информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих построение цифровой экономики и цифровизации всех сфер жизни; совершенствование отечественных технологий и инфраструктуры сбора, анализа, хранения и передачи Big Data; подготовка современных кадров, обладающих цифровыми компетенциями; укрепление доверия населения к внедрению социо-кибер-физических систем и др.

При этом в содержание технологий на основе искусственного интеллекта включаются: процессы использования цифровых платформ в содействии к занятию ролевых позиций должностными лицами; выявление способности субъекта к переработке информации; условия для реализации рационального и интуитивного подходов к выработке управленческого решения; процессы выработки и реализации коллективных и индивидуальных решений; использование цифровых средств в формулировании проблем управления; использование информационно-коммуникационных средств для выработки альтернативных решений и др.

Существенную роль могут играть технологии на основе искусственного интеллекта в системе управления кадрами в органах власти, государственных предприятиях, ситуационных центрах в системе обеспечения национальной безопасности. В составе этих технологий можно выделить: а) технологии минимизация ресурсов: временных, человеческих, материальных при повышении качества процессов; б) технологии роботизации процессов поиска, подбора и отбора персонала; в) технологии виртуальной и дополненной реальности (VR и AR) для обучения персонала; г) технологии прогнозной аналитики для расчета карьерных перспектив сотрудников; д) перспективные технологии нейромаркетинга в оценке персонала и управлении развитием их компетенций и др.

В ходе авторского социологического исследования получены выявлен уровень доверия молодежи к использованию некоторых из технологий на основе искусственного интеллекта, что отражено на рисунке.

Как следует из полученных характеристик, среди молодых людей отсутствует консолидированная оценка применимости технологий на основе искусственного интеллекта в повседневной жизни. Особенно осторожными являются оценки в отношении использования кибер-физических систем в институте правосудия и вынесения судебных решений, которые респонденты считают важным оставить за человеком. Одновременно влияние массовой культуры, фильмов со спецэффектами снизили порог недоверия к роботам, которые по мнению молодежи вполне могут сосуществовать с человеком. Отношение к этой информационно-коммуникационной технологии с элементами искусственного интеллекта показывают большие возможности СМИ, средств культуры для формирования сознания молодых людей.

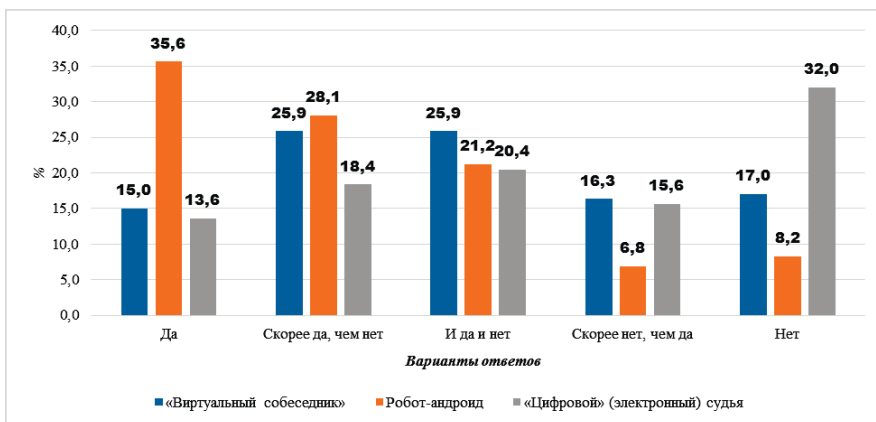

Рис. Доверие молодежи к социо-кибер-физическим технологиям на основе искусственного интеллекта (на основе собственного исследования)

Достаточно сильным является разрыв мнений среди отдельных групп молодежи по поводу активного использования в повседневной социальной жизни коммуникационной технологии «виртуального собеседника», появление которого вызывает недоверие у существенной части респондентов.

Перспективность внедрения технологий на основе искусственного интеллекта в социальные экспертные системы связано с реализацией проектов и программ цифровизации, становления цифровой экономики, которые детерминированы переходом мировой экономики на очередной технологический уклад. Это в свою очередь вносит изменения в организацию социальной жизни, появление новых социоинженерных подходов к обеспечению качества жизни, институционализации сложных социо-кибер-физических решений в обеспечении безопасной жизни в мегаполисах, использования систем «умный город», как нового комфортного социального пространства.

Заключение/Выводы (Conclusion). С бурным развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий, ряд из которых обладает признаками искусственного интеллекта, появляются дополнительные возможности повышения эффективности социальных экспертных систем, которые перерабатывают большой объем информации, что предполагает широкое использование цифровых средств обработки и анализа сведений о социальных явлениях и процессах. Искусственный интеллект не может заменить экспертную оценку специалистов, но может облегчить их работу на различных стадиях работы с существенной для анализа социальных систем информацией.

Литература

1. Бажанов Ю. С., Бухнин А. В. Системы искусственного интеллекта и принятия решений. Оптимизация баз знаний экспертных систем. Нижний Новгород, 2010.
2. Петров С. А. Исследование возможностей применения экспертных систем при анализе и настройке систем компьютерной безопасности // Сборник научных трудов SWorld. 2012. Т. 2. № 2. С. 71–75.
3. Самигулина Г. А. Разработка интеллектуальных экспертных систем прогнозирования и управления на основе искусственных иммунных систем // Проблемы информатики. 2010. № 1 (5). С. 15–22.
4. Сухарева М. А., Виниченко М. В. Построение экспертных систем с применением технологий искусственного интеллекта как системы поддержки принятия управленческих решений // Новое поколение. 2019. № 20. С. 77–83.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ HR-ПРОЦЕССОВ, ПОЗВОЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАТЬ КОМАНДНЫЕ НАВЫКИ

В статье рассматриваются особенности IT-сферы и необходимость применения командного подхода в данной области. В статье проводится анализ специфики деятельности компании ООО «СвязьТранзит», тенденций в области управления персоналом, а также обосновывается необходимость командного подхода в сфере IT. Авторы статьи предлагают инструмент формирования навыков командного взаимодействия у сотрудников компании и определяют важность его внедрения.

Ключевые слова: управление персоналом, командный подход, командное взаимодействие, команда, проектная деятельность.

E. A. Grudinina, T. A. Saprankova
Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITALIZATION OF HR PROCESSES ALLOWING TO FORM TEAM SKILLS

The article discusses the features of the IT sphere and the need for a team approach in this area. The article analyzes the specifics of the activities of SvyazTransit LLC, analyzes trends in the field of personnel management, and also considers the need for a team approach in the IT field. The authors of the article offer a tool for the formation of team interaction skills among the company's employees and justifies the relevance of the implementation of this tool.

Keywords: personnel management, team approach, team interaction, team, project activity.

По данным исследования «Делойт Консалтинг» за 2019 г. [6], были выделены 10 наиболее важных направлений в области HR. В России и мире наибольшую популярность приобретают командный подход, обучение, опыт сотрудника, лидерство, а также HR технологии (рис. 1). Компании стремительно движутся к автоматизации различных процессов управления, в том числе и управления персоналом. Работодатели все больше требуют от сотрудников навыки, необходимые для управления разнообразными IT продуктами.

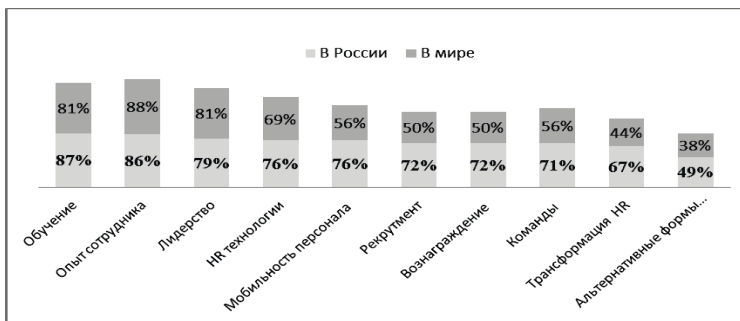

Рис. 1. Важнейшие современные направления в области HR

Исследование Global HC Trends 2019 [6] выявило некоторые тренды в области управления персоналом. В первую очередь появление новых профессий ввиду автоматизации повлечет за собой переосмысление сотрудниками своих навыков и всего рабочего процесса в целом. Организации в свою очередь будут стараться удержать высококвалифицированные кадры, повышая их мотивацию и вовлеченность в процесс, использованием методов индивидуального вознаграждения.

Внедрение командного подхода в управлении организацией позволит минимизировать как финансовые, так и человеческие ресурсы. Развитие HR-направления отразится в первую

очередь на подходах к подбору персонала, так как необходимо будет автоматизировать данный процесс и применять различные облачные решения. Помимо этого, HR-менеджменту следует сосредоточиться на скорости и качестве обучения персонала непосредственно в работе, а также мобильности персонала, что позволит эффективно управлять персоналом.

Наше исследование актуальности внедрения современных трендов в работу HR-отдела мы провели в компании ООО «СвязьТранзит» [5]. Данная компания обладает широким спектром предоставляемых услуг, с возможностью индивидуализации под запросы каждого клиента. Основные направления предоставления услуг компании: интеллектуальная телефония – виртуальные АТС, разработка IT-решений в области телефонии, предоставление фиксированного доступа в сеть Интернет, продажа телекоммуникационного оборудования, сервисное обслуживание (рис. 2).

Рис. 2. Специфика деятельности компании ООО «СвязьТранзит»

Стратегия компании направлена на развитие и разработку IT-продуктов, которые нацелены на решение бизнес-задач потребителей в области телефонного обслуживания. Основная цель компании ООО «СвязьТранзит» – улучшение своего благосостояния, что включает в себя следующие подцели: увеличение прибыли, увеличение доли рынка, выход на новые рынки, привлечение новых клиентов. В компании преимущественно проектная деятельность. Заказы, поступающие от компаний, являются проектами, которые ограничены во времени, с четким конечным результатом, заказчиком и группой людей, которые реализуют этот проект. На схеме (рис. 3) показан жизненный цикл разработки IT-продукта, который говорит о том, разработка IT-продукта является проектом. Специфика деятельности исследуемой компании имеет все предпосылки для внедрения командного подхода, что позволит ей развиваться и сохранить конкурентоспособность компании.

Рис. 3. Жизненный цикл разработки IT-продукта

Для любого проекта важной составляющей является команда. Проект не принесет высоких результатов, если внутри команды нет понимания и гармонии. Еще одна необходимость применения командного подхода в проектной деятельности в первую очередь обусловлена тем, что люди, работая в команде, выполняют работу быстрее и эффективнее. Каж-

дый из членов команды имеет свои способности, умения, знания, которые помогают для достижения общего результата. Синергия в работе, которая присуща именно работе в команде помогает сплотиться всем ее членам в обсуждении проблем, анализе ситуаций, в разработке совместных решений, что делает работу эффективней, нежели каждый по – отдельности придумывал что-то свое [3]. В своей книге «Командный подход» Катценбах Дж. и Смит Д. пишут: «...настоящая команда – сосредоточенная на эффективности и строго дисциплинированная – является наиболее универсальной организационной единицей, способной осуществлять как исполнительские, так и преобразовательные функции в сегодняшнем сложном и переменчивом мире» [2, с. 19]. Действительно, главной целью командного подхода является в первую очередь достижение высоких результатов. Сейчас компании ввиду развития новых технологий, новых способов управления ставят перед сотрудниками задачи, которые сложно решить в одиночку. Те же авторы пишут [11], что многие компании не всегда раскрывают потенциал команд и упускают возможность решения каких-либо сложных задач.

Можно найти множество исследований о том, как формировать команду разработчиков, какие навыки им важно развивать и как организовать пространство для комфортной работы. Если говорить об IT-индустрии, то мы наблюдаем, как происходит быстрая смена трендов, и от участников требуется гибкость мышления, умение подстраиваться под изменения. Для разработчика важно вовремя уметь отказаться или изменить замысел, а для продавца технологий важно умение понять замысел и научиться показать его клиенту [4]. При поиске и отборе специалистов для IT компании важно учитывать различные характеристики не только профессиональных навыков, но и личных качеств. Можно быть умным, целеустремленным продавцом, пытающимся вникнуть в суть IT и разобраться во всех тонкостях технически сложных продуктов, но успех достигается при синтезе технических знаний и коммерческих компетенций [1].

Как выглядит идеальный специалист по продажам в IT-компании: целеустремлен; интеллектуально развит; работает активно и с интересом, задает много вопросов; пытается разбираться в особенностях продаж технически сложных продуктов.

Одна из самых важных задач продаж сложных технологических решений – это подготовка персонала. Для IT компаний сегодня требуются специалисты нового качества, т. е. более профессионально подготовленные и способные развивать свои навыки. Но главная проблема в том, что на рынке труда очень мало таких специалистов и найти их довольно сложно и крайне важно их удерживать. Формирование навыков командного взаимодействия у сотрудников, выстраивание коммуникаций, умение заинтересовать сотрудника еще на этапе отбора, а также правильно разработанная программа адаптации помогут удержать сотрудника в компании.

Учитывая ситуацию на рынке труда специалистов данного профиля, логичным является разработка инструментов, позволяющих формировать необходимые навыки командного взаимодействия у имеющихся и вновь нанятых сотрудников в отдельно взятой компании. В частности для исследуемой компании ООО «СвязьТранзит» нами было предложено внедрение корпоративного приложения «#SVT Team». Данное приложение в первую очередь предназначено для внутреннего пользования компании. Приложение «#SVT Team» предназначено для внутренних коммуникаций сотрудников компании, а также для формирования у сотрудников навыков командного взаимодействия. Каждый пользователь приложения имеет свой логин и пароль, что позволяет разграничить доступ к материалам и информации.

В приложении мы предлагаем сформировать пять основных условных блока: «Адаптация», «Личный кабинет», «Моя работа», «Тестирования и голосования» и «Наши будни». Заходя в приложение, пользователь видит эти блоки, и заходит в тот, который ему необходим.

Первый и самый важный блок, в который попадает кандидат еще на этапе отбора – это блок «Адаптация». Данный блок представляет собой так называемую программу адаптации для сотрудника на испытательном сроке. Первое, что предполагается разместить в данном блоке – это информация о компании, о корпоративной культуре и актуальные в моменте интересные события из жизни компании. Во-вторых, для сотрудника будут представлены рекомендации по подготовке к его первым рабочим дням, а именно, рабочее расписание,

маршрутная карта помещения, рекомендации по внешнему виду, а также необходимая информация о сотрудниках, с которыми ему предстоит в дальнейшем работать. Это поможет новичку легче освоиться в его первые рабочие дни, быстрее познакомиться с коллективом. Также в данном блоке будет представлен перечень целей на испытательный срок, которые новичку необходимо будет выполнять и устанавливать пометки по мере выполнения этих целей. В приложении будет предусмотрена обратная связь. Она будет представлена в виде небольших вопросов или стикеров и смайлов. В данном блоке предусмотрена обратная связь, как от новичка, так и от команды. Новичок в свою очередь также может ставить такие же реакции по мере выполнения своих целей, но помимо этого ему необходимо будет отвечать на небольшие вопросы, которые касаются сложности выполнения данной цели или заинтересованности в ее выполнении. По завершению испытательного срока члены команды, в которой работает сотрудник, а также руководитель могут дать оценку работе новичка, а также рекомендации по ее улучшению.

Для каждого сотрудника создается свой личный кабинет, который будет размещен во вкладке «Личный кабинет», который наполняется фотографиями сотрудника, небольшой информацией о нем, его увлечениях. Это позволит сотрудникам лучше узнавать друг друга, а новичку будет проще освоиться в коллективе, зная свою команду уже по фотографиям. У каждого пользователя приложения формируется свой рейтинг, который будет составляться на основе баллов и наград. Данные баллы и награды могут быть получены за выполнение различных задач, как рабочих, так и во время корпоративных мероприятий (обучение, тренинги командообразования, неформальные встречи и прочие активности). По завершении года сотрудники, возглавляющие рейтинг, смогут получить небольшие вознаграждения. В личном кабинете будет размещен справочник со всем необходимыми контактами сотрудников. Помимо этого сотрудник сможет видеть результаты тестирований, которые будет проходить в блоке «Тестирования и голосования» и видеть рекомендации от руководителя или HR-специалиста.

Самый основной блок данного приложения – «Рабочий кабинет». В данном блоке будет создан общий рабочий чат, в котором сотрудники смогут быстро обмениваться информацией. Через этот блок сотрудники получат доступ ко всей необходимой рабочей документации. Основным элементом данного блока будет панель рабочих заданий, формируемая как самим сотрудником, так и руководителем отдела или старшим сотрудником на определенный период времени. По мере выполнения задач сотрудник также будет получать баллы и бонусы, а руководитель сможет отслеживать своевременность исполнения рабочих заданий. Для этого, в приложении будет предусмотрено напоминание о выполнении задач или о запаздывании. Сотрудник сможет видеть как свой прогресс выполнения задач, так и общий прогресс всей команды или всего отдела. В данном блоке также будет представлен график проведения собраний и встроено напоминание о них. После каждого собрания или мероприятия сотрудник будет иметь возможность оставить обратную связь в виде комментариев к собранию, стикеров. В приложении к собранию будет прикреплена вся важная информация с этого собрания, к которой можно в любое время получить доступ.

Блок «Тестирования и голосования» позволит размещать различные тесты, которые сотрудники будут проходить во время своей работы и в свободное время. Например, в данный блок можно включить тест «16 Personalities», который будет проходить кандидат на этапе отбора. Кандидату можно дать ограниченный доступ в приложение и создать свой пробный личный кабинет. Тем самым он сможет немного ознакомиться с корпоративной культурой компании, увидеть, как сотрудники взаимодействуют в процессе работы и увидеть, как протекает жизнь в компании. Помимо этого в данный блок могут быть включены рекомендуемые для сотрудников обучающие курсы, видео-конференции, видео ролики по формированию определенных компетенций, тестирования, которые будут доступны сотруднику в любое время. В данном блоке могут также проходить голосования. Это могут быть голосования различной тематики и направленности. Они могут затрагивать как рабочие моменты, так и моменты из жизни компании.

Последний блок приложения «Наши будни». В данном блоке предполагается собирать различные фото и видеоматериалы из жизни компании, с различных мероприятий. График и напоминания о предстоящих мероприятиях. Каждому сотруднику можно будет давать оценку прошедшим мероприятиям, тем самым постоянно их улучшать.

Таким образом, можно выделить основной функционал приложения «#SVT Team». Приложение предназначено для внутреннего общения и взаимодействия сотрудников в процессе работы, для упрощения и наглядности процесса выполнения задач, для оптимизации процесса адаптации и отбора, а также для повышения вовлеченности всех сотрудников компании. Все это позволит развивать у сотрудников навыки командного взаимодействия. У каждого сотрудника будет свой логин и пароль, что позволит разграничить доступ к разным функциям приложения «#SVT Team». Мы разработали ориентировочный перечень функционала для различных категорий пользователей приложения (табл.).

Таблица

Разделение функционала приложения

Сотрудники	HR-специалист	Руководители отделов
<p>Оставлять сообщения в общем рабочем чате.</p> <p>Выполнять задачи и ставить прогресс.</p> <p>Оставлять обратную связь (стикеры, смайлы, комментарии).</p> <p>Проходить опросы и тестирования.</p> <p>Доступ в личный кабинет с рейтингом и наградами.</p> <p>Доступ к справочнику документов и контактов.</p> <p>Проходить цели на испытательном сроке.</p> <p>Получение уведомлений</p>	<p>Составление целей для сотрудника на испытательном сроке.</p> <p>Проведение и анализ опросов.</p> <p>Отслеживание успеха сотрудника.</p> <p>Настройка напоминаний.</p> <p>Составление плана встреч.</p> <p>Сбор и анализ обратной связи.</p> <p>Обновление информации в разных блоках.</p> <p>Аналитика и сбор данных</p>	<p>Отслеживания плана выполнения задач.</p> <p>Оповещение сотрудника об отклонении выполнения плана.</p> <p>Корректировка плана задач.</p> <p>Составление и корректировка чек листов для сотрудника на испытательном сроке</p>

Внедрение в деятельность компании приложения «#SVT Team» позволит сотрудникам принимать участие в различных процессах, как рабочих, так и корпоративных. Интересный формат адаптации, представленный в данном приложении, а также упрощение и наглядность рабочих процессов помогут снизить отток персонала, особенно оно может вызвать интерес у сотрудников – представителей более молодого поколения Y и Z, но и для представителей более старшего возраста этот приложение будет доступно в освоении и может способствовать взаимообучению. Руководители отдела смогут проводить мониторинг выполнения задач и вносить корректировки, что сократит время и погрешность передачи информации. HR-специалист может собирать аналитику, а также обратную связь от сотрудников и использовать в своей работе.

Разработка и внедрение корпоративного приложения будет производиться в несколько этапов. Первым этапом планируется проведение опроса среди сотрудников и разработка дизайна приложения. Вторым этапом происходит непосредственно сама разработка приложения. Следующий этап – это апробация приложения и внесение корректировок. Запуск приложения является завершающим этапом. Также стоит отметить, что как только приложение будет готово к запуску, необходимо провести собрание и представить приложение «#SVT Team» сотрудникам компании, рассказать о его функционале и о том, как пользоваться данным приложением. В последующем данное приложение можно развивать и интегрировать с другими CRM системами компании. Например, интегрировать с системой электронного документооборота компании или настроить приложение для внешних коммуникаций.

На данный момент компания ООО «СвязьТранзит» расширяется и открывает филиал в Москве. Приложением «#SVT Team» смогут пользоваться сотрудники и в другом городе. Это поможет сформировать общий подход к работе и построить единую корпоративную культуру во всех филиалах. На данный момент мы считаем актуальным внедрение именно приложения для внутренних коммуникаций в компании.

Литература

1. Десять качеств идеального IT-специалиста // РБК. URL: <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1994223-bez-offera-ne-otpuskat-10-kachestv-idealnogo-it-spetsialista> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Катценбах Дж., Смитт Д. Командный подход / пер. с англ. М. Альпина Паблишер, 2013. 376 с.
3. Командный подход. Создание высокоэффективной организации // РБК. URL: <https://teambuilding.in.ua/thewisdonofteams.html> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Личные качества специалиста в сфере IT и телекоммуникаций // РБК. URL: https://moobrazovanie.ru/lichnye_kachestva_spetsialista_v_sfere_it_tehnologiy.html (дата обращения: 15.04.2022).
5. О компании // РБК. URL: <https://www.stranzii.ru/o-kompanii/> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Тенденции в сфере управления персоналом в России – 2019. Сектор телекоммуникаций, медиа и технологий (TMT) // РБК. URL: <https://www2.deloitte.com> (дата обращения: 21.04.2022).

УДК 316.56

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО В РАЗВИТИИ МЕЖСЕКТОРНОГО ПАРТНЕРСТВА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются вопросы развития межсекторного партнерства. Анализируются задачи и механизмы развития институтов гражданского общества через призму личного участия отдельных представителей экспертного сообщества. Приводятся результаты качественного исследования представителей различных экспертных сообществ (наука, бизнес, власть, НКО, СМИ), вовлеченных в становление межсекторного диалога, формируются необходимые условия и действия, а также личные качества представителей экспертного сообщества, способных влиять на межсекторное партнерство институтов гражданского общества.

Ключевые слова: экспертное сообщество, межсекторное партнерство, институты гражданского общества, личность эксперта, социальная ответственность.

O. A. Polyushkevich

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERT COMMUNITY IN THE DEVELOPMENT OF INTERSECTORAL PARTNERSHIP OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

The article deals with the development of intersectoral partnerships. The tasks and mechanisms for the development of civil society institutions are analyzed through the prism of personal participation of individual representatives of the expert community. The results of a qualitative study of representatives of various expert communities (science, business, government, NGOs, media) involved in the formation of an intersectoral dialogue are presented, the necessary conditions and actions are formed, as well as the personal qualities of representatives of the expert community that can influence the intersectoral partnership of civil society institutions.

Keywords: expert community, intersectoral partnership, civil society institutions, personality of an expert, social responsibility.

Экспертное сообщество регулирует процессы социального взаимодействия, социальных контактов представителей различных институтов. Благодаря экспертному сообществу можно говорить о развитии институтов гражданского общества как рычагов социального развития. Экспертное сообщество выступает двигателем создания диалога и формирует варианты, а затем более точные перспективы социального моделирования.

Межсекторное партнерство также выступает формой социального взаимодействия, где контакты и общий язык между собой помогают найти представители экспертного сообщества в разных сферах (наука, бизнес, власть, НКО, СМИ и т. д.). Каждый из выделенных социальных институтов имеет свою репрезентационную структуру формирования экспертов, помогающих ответить на следующие вопросы.

Почему люди вступают во взаимодействие?

К чему приведет межсекторное партнерство?

Как могут развиваться институты гражданского общества?

В научном сообществе, говоря о развитии гражданского общества, указывают на роль экспертных знаний (Т. И. Грабельных [1]), вовлеченности в практические технологии социальной ответственности и просоциального поведения (Р. В. Иванов [2], А. С. Ким, О. А. Полюшкевич [3]), развития человеческих ресурсов (А. Н. Пружинин, А. Ю. Поджидаева [4; 5]), межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций (П. А. Трескин [6–9]) и многих других аспектах формирования межсекторного партнерства.

Лейтмотивом нашего исследования стало то, что изучение особенности формирования экспертного сообщества поможет выявить направления и векторы развития межсекторного партнерства и укрепления институтов гражданского общества. Для этого, мы провели экспертное интервью у представителей экспертного сообщества из основных социальных институтов (наука, бизнес, власть, НКО, СМИ). В анализе участвовало 25 экспертных интервью (по 5 чел. из каждого сектора). Эксперты подбирались по следующим принципам:

- 1) по принципу публичности (не менее 5 выступлений по ТВ или печатных или интернет-СМИ за последний год по поводу комментариев своей деятельности);
- 2) по принципу представленности своих экспертных суждений на личных ресурсах социальных сетей (вконтакте, фейсбук, инстаграм)¹;
- 3) по временному принципу (участие в профессиональном сообществе своей ниши не менее 7 лет).

На основе этого, экспертами выступили люди от 30 до 65 лет, 70 % мужчин и 30 % женщин, все они проживают в Иркутске или Иркутской области и успешно занимаются в указанных сферах как минимум 7 лет, обладают высоким личным и социальным капиталом, известны как хорошие специалисты в среде коллег и обывателей, поэтому их оценочные суждения являются ориентиром и инструментом развития межсекторного партнерства, способствующего развитию институтов гражданского общества.

Говоря о задачах возникновения и развития межсекторного партнерства, представители экспертного сообщества говорили о нескольких сферах: социального развития, культурного диалога, преемственности опыта и практики.

Межсекторное партнёрство – это возможность выжить в новых условиях, это система социального развития, основанная на том, что я помогаю тебе, а ты мне и мы вместе решаем общие задачи. В новых условиях, межсекторное партнерство – это форма совместного выживания. (И. Б., научное экспертное сообщество). *Для развития межсекторного партнерства необходимо создать условия для общего культурного диалога, где разные взгляды, условия и принципы сходятся в одной точке для решения общих задач. Это своего рода искусственное создание новых условий для совместного взаимовыгодного сотрудничества.* (О. Л., некоммерческое экспертное сообщество). *Для того чтобы мы могли говорить о партнерстве, надо соединить теорию и практику, например извлекать деньги из науки, создавать информационные поводы для формирования имиджа и социального престижа региона и т. д.* (П. А., бизнес экспертное сообщество).

Рассматривая вопросы функционирования гражданского общества, эксперты указывали на необходимость развития публичного пространства, социальной открытости и прозрачности социального взаимодействия.

Чем прозрачнее социальное взаимодействие – тем больше ему доверия. И это уже аксиома. Но сами рычаги и механизмы осуществления открытости требуют внимания и готовности идти на это для всех участников взаимодействия. (Б. В., властное экспертное сообщество). *Социальная открытость, готовность к диалогу, привлечение общественности становится базовым условием для существования гражданского общества.* (М. С., СМИ экспертное сообщество). *Развитие публичного пространства – выступает основой социального моделирования, где власть, бизнес, некоммерческие организации, СМИ, общественность сможет найти место для своей реализации, место социальной включенности в тот социальный диалог, который помогает и регулирует взаимодействие между разными институтами на равных.* (С. Д., бизнес экспертное сообщество).

---

¹ Анализ личных страниц в социальных сетях проводился с согласия участников исследования.

При этом особое внимание экспертами уделялось личной и социальной ответственности, моральному и этическому долгу в профессиональной и общественной деятельности.

Межсекторное партнерство невозможно без личной ответственности, высокой осознанности и рефлексивности руководителей организаций и сообществ, собственно настоящих, реальных экспертов в своей нише, которые создают костяк социально-ответственного партнерства. (Т. А., бизнес экспертное сообщество). *В формировании межсекторного партнёрства на первое место я отвожусь профессиональную этику и личную мораль руководителей подразделений и в конечном счете самих экспертов публичного пространства, способных изменить социальную динамику и направить в русло социальной и личной ответственности.* (М. М., научное экспертное сообщество). *Вовлеченность в общественную деятельность заведомо налагает на человека ответственность, не только за действия, которые совершаются в рамках общественной работы, но и за личную ответственность в рамках повседневной обыденной жизни, в рамках личной морали, взглядов на жить, жизненные сценарии и нормы поведения.* (Н. Н., НКО экспертное сообщество).

Развитие институтов гражданского общества строится на формальной организации социальной инфраструктуры, а также на личной харизме и долгу социальных лидеров (участников экспертного сообщества).

Никакая социальная организация и нормативно-правовое регулирование не изменит ситуации в обществе, если не будет лидера сообщества, по-настоящему харизматичного, умного, энергичного человека, способного взять на себя ответственность за свое дело, за себя и за тех, кто ему доверился. (Н. Н., НКО экспертное сообщество). *Социальное лидерство – это основа формирования экспертного сообщества. Основа взаимодействия безразличных людей в решении социальных задач. Тут нужны личные лидерские качества, голова на плечах и желание изменить социальную реальность, в которой мы живем. Это и есть настоящее социальное партнёрство. Это и есть межсекторный диалог, который осуществляется не на бумаге, а через личное взаимодействие лидеров-экспертов, способных заявить о проблеме и предложить ее решение, принять участие в ее решении и идти дальше, ставя новые задачи и решая их.* (С. В., СМИ экспертное сообщество). *Качество жизни начинается с личной ответственности лидера – руководителя экспертного сообщества, способного направлять, понимать и отвечать за то, что делает сам и что делают те, кто ему помогает. Это осознанность, помноженная на решаемые социальные задачи, которые меняют реальность и дают возможность лучше понимать друг друга и активно социально взаимодействовать.* (Г. А., научное экспертное сообщество).

Указанные ответы представителей экспертных сообществ косвенно подтверждаются их публикациями в личных социальных сетях, где они на примере участия в социальных акциях, вовлеченности в общественные проекты, социальной включенности в важные социальные процессы говорят о том, во что верят, как могут решаться актуальные социальные проблемы и как лично они и те, кто их поддерживает, могут постараться если не решить, то существенно изменить положение вещей в той или иной сфере. Это дает возможность говорить о том, что в процессе экспертного опроса были озвучены ответы на вопросы, которые по-настоящему отражают мировоззрение представителей экспертного партнерства.

Таким образом, по мнению экспертного сообщества для развития межсекторного партнерства институтов гражданского общества необходимо: 1) создавать условия для социального развития, культурного диалога, преемственности опыта и практики; 2) моделировать развитие публичного пространства, социальной открытости и прозрачности социального взаимодействия; 3) активизировать значимость социальной и личной ответственности, морали и этики как в профессиональной, так и в общественной деятельности.

Сила развития институтов гражданского общества, не столько в формальной организации условий и отлаженности рабочих механизмов межсекторного партнерства, а личной заинтересованности и не безразличности представителей экспертного сообщества. Их личная харизма, профессионализм в работе, качество реализации в общественной жизни позволяет говорить о естественных процессах усиления экспертного сообщества и, как следствие, межсекторного партнерства институтов гражданского общества.

Литература

1. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1 : Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. С. 850–851.
2. Иванов Р. В. Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // Социология. 2022. № 1. С. 101–122.
3. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 февр. 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 65–68.
4. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–141.
5. Пружинин А. Н., Поджидаева А. Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
6. Трескин П. А. Некоммерческие организации как ресурсы социального развития регионов // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 147–151.
7. Трескин П. А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 17 февр. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 317–322.
8. Трескин П. А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
9. Трескин П. А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 115–122.

УДК 314.7(47)

А. Е. Анчутина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается роль экспертного сообщества в формировании и реализации государственной миграционной политики на территории РФ, в том числе при разработке новых стратегически важных документов и модернизации существующих проектов. С точки зрения автора статьи необходимо более активное и повсеместное привлечение экспертного сообщества для создания новых миграционных концепций и рекомендаций по их реализации с учетом глобальных и внутренних вызовов, возникающих в современных условиях.

Ключевые слова: экспертное сообщество, миграционная политика, концепция миграционной политики, миграционная стратегия, демографическое развитие.

А. Е. Anchutina

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF THE INFLUENCE OF THE EXPERT COMMUNITY ON THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF STATE MIGRATION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the role of the expert community in the formation and implementation of the state migration policy on the territory of the Russian Federation, including the development of new strategically important documents and the modernization of existing projects. From the point of view of the author of the article, a more active and widespread involvement of the expert community is needed to create new migration concepts and recommendations for their implementation, taking into account the global and domestic challenges that arise in modern conditions.

Keywords: expert community, migration policy, concept of migration policy, migration strategy, demographic development.

В настоящее время функционирование экспертных институтов и сообществ является одним из важных характеристик современного гражданского общества. Практика последних лет доказывает, что государство и отдельные социальные группы всё больше нуждаются в привлечении экспертов в решении различного рода проблем. В рамках российского общества экспертно-аналитические сообщества находятся на стадии развития, а уже имеющиеся экспертные группы созданы на базе государственных структур и направлены на решение конкретных практических задач.

Основная проблема видится в том, что наиболее часто экспертную оценку протекающим в современном мире процессам дают группы специалистов, сформированные административными методами и состоящие из одних и тех членов, что может влиять на объективность представленных заключений. В результате в стороне может оставаться весомое количество представителей научного сообщества и прочих профессионалов в различных областях знаний.

Современные исследователи, в том числе Е. Казакова, считают, что в рамках российских условий чаще всего функционируют закрытые экспертные сообщества, создаваемые при различных министерствах и ведомствах [4] или же они формируются путем «...фабрикации квазиинтеллектуальных статусов административных работников (в первую очередь чиновников) посредством получения ученых степеней и званий» [1]. Именно поэтому необходимо задействовать потенциал независимых экспертных сообществ в формировании, модернизации и реализации различных государственных программ развития территории. Следовательно, на данный момент экспертно-аналитические сообщества являются достаточно сложными образованиями. Однако, несмотря на данный факт, их заключения и рекомендации выступают важным фактором в принятии различного рода решений.

Аргументируя важность роли экспертного сообщества необходимо обозначить позицию членов подобных групп. Согласно результатам исследования, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, где было опрошено 304 представителя российского экспертного сообщества на федеральном и региональном уровнях, 49 % респондентов убеждены в том, что работа экспертов влияет на процессы взаимодействия власти и общества [7].

Опрошенные уверены, что особенно значимым фактором эффективной совместной работы власти и экспертов являются не только компетенции последних, но и условия, в которых они проявляются. Важно, что региональные эксперты (69 %) имеют позитивное видение и ощущают свою востребованность со стороны государственных структур и обычных граждан. Для эффективной работы экспертного сообщества опрошенные отмечают необходимость в более тщательном отношении государственных структур к рекомендациям экспертов – 49 %, более серьезное отношение экспертов к своей деятельности – 39 % и более высокую подготовленность экспертов – 38 %. При этом 42 % от числа всех опрошенных отмечают усиление заинтересованности в сотрудничестве со стороны власти по сравнению с началом XXI в., что свидетельствует о значимых позитивных тенденциях.

Следующим важным явлением представляется то, что в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 и сложившейся социально-экономической напряженностью внимание к демографической и, в частности, к миграционной ситуации в стране многократно усилилось. Настоящие условия подталкивают к изменениям в существующих стратегиях и концепциях регулирования демографических процессов на различных уровнях. Среди множества подходов и предложений на данную тему усиливается потребность в экспертно-аналитических мнениях, от которых зависит состояние и развитие общества в целом.

В настоящее время на территории Российской Федерации с целью эффективной государственной политики в сфере миграционных процессов для органов государственной власти и местного самоуправления разработан особый перечень нормативно-правовых источников. Одним из основных документов, касающийся миграции и смежных областей экономического и социально-демографического развития, является Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [6]. Данный документ

определяет стратегический курс, приоритетные направления, цели, принципы, основные задачи, направления деятельности и механизмы государственного регулирования миграционных потоков.

В содержании документа ставится акцент на проблемы депопуляции и старения населения Российской Федерации, что требует незамедлительного решения за счёт модернизации правовой базы (изменения старых законов и внедрение новых). Также видится создание правовой базы для реализации региональных миграционных программ с целью расширения полномочий субъектов Российской Федерации в решении подобных проблем.

Важно обозначить, что до 2018 г. действовала концепция, принятая в 2012 г. Именно в период разработки новой концепции происходила передача дел от Федеральной миграционной службы к ГУВМ МВД. С точки зрения И. В. Ивахнюк передача миграции в зону ответственности МВД вызвала напряженное отношение среди экспертов [5]. Особенно важным является то, что в отличие от Концепции-2012, которая была подготовлена большой группой экспертов и многократно обсуждалась на разных площадках в течение двух лет. Концепция-2018 не прошла подобных этапов. По мнению исследователя, новую концепцию необходимо модернизировать и подкрепить критическим анализом имеющейся миграционной ситуации и новыми данными миграционной статистики. И. В. Ивахнюк считает, что в измененной концепции стоит обозначить задачу повышения миграционной привлекательности страны для местного населения.

Таким образом, анализ Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года показал, что особенно важным является работа над улучшением информационно-статистического и научного обеспечения принимаемых решений в сфере миграционной политики, а также прозрачность и научная обоснованность принимаемых решений, открытость данных о миграции. С точки зрения автора статьи в решении подобной задачи необходимо активно задействовать экспертно-аналитическое сообщество.

Необходимо обозначить тот факт, что уже поступили предложения по формированию новой миграционной стратегии России до 2035 г. и рекомендации по ее реализации, которые прошли два этапа обсуждения с участием сотрудников различных ведомств и экспертов [3]. Данный документ содержит следующие рекомендации от экспертов:

- 1) создать до 2025 г. экспертный комитет, который бы постоянно работал над оценкой законодательных инициатив в сфере управления миграцией и результатов их реализации;
- 2) разработать до 2025 г. концептуальную основу государственной политики адаптации и интеграции с привлечением научно-экспертного сообщества с учетом и исторического опыта России;
- 3) привлечь до 2025 г. экспертные группы к созданию института научной экспертизы готовящихся административных решений, в том числе относительно усиления антикоррупционной экспертизы миграционных законов.

Важно отметить, что Концепция-2018 и новые предложения больше смещены на внешнюю миграцию, чем на внутреннюю. Российские регионы нуждаются в большей самостоятельности в вопросах миграционной политики. Подобное предложение относится и к территории Сибирского федерального округа, так как согласно статистическим данным миграционная убыль за 2021 г. на территории увеличилась практически в два раза и составила 114 тыс. чел. [8]. Необходимо обозначить тот факт, что несмотря на сложные социально-экономические условия, вызванные пандемией COVID-19, миграционный отток продолжает стремительно увеличиваться. Опираясь на вышеизложенное, необходимо обозначить важность создания концепций и стратегий, направленных на регулирование миграционной ситуации в Сибирском федеральном округе с привлечением экспертно-аналитического сообщества. Согласно исследованию Р. А. Долженко [2] на территорию СФО приходится 7 % от общего числа экспертных сообществ в РФ, что превышает процент экспертов в УФО (5 %), ЮФО (5 %) и ДФО (2 %). Следовательно, территория Сибири обладает весомым экспертным потенциалом для формирования новой, модернизации и реализации уже имеющейся миграционной политики.

Таким образом, еще раз следует подчеркнуть важность экспертизы как основы для принятия управленческих решений на всех уровнях власти, что в свою очередь признается в большинстве стран мира. Что касается России, то можно наблюдать постоянное создание и внедрение новых концепций и стратегий развития государства, в том числе в миграционном плане. В результате представляется возможным наблюдать важную роль и весомый потенциал экспертного сообщества при создании и реализации государственной миграционной политики не только на территории страны в целом, но и отдельных ее субъектах, в том числе в Сибирском федеральном округе.

Литература

1. Бабинцев В. П., Надуткина И. Э., Сапрыка В. А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. 2014. № 7. С. 5–9.
2. Долженко Р. А., Долженко С. Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. № 3. С. 78–87.
3. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. // Центр стратегических разработок. М. : 2017. 82 с.
4. Казакова Е. Роль экспертных сообществ в России в политической модернизации // Власть. 2011. № 3. С. 11–14.
5. Комментарии к Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. // Новости проекта «Собирание народа». URL: <https://migrant.ru/novosti-proekta-sobiranie-naroda-ekspertnyj-analiz-koncepcii-migracionnoj-politiki/> (дата обращения: 05.05.2022).
6. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.oprf.ru/files/conception_2.pdf (дата обращения: 20.04.2022).
7. Российское экспертное сообщество как интерфейс между гражданским обществом и публичной властью // НИУ ВШЭ. М. : 2016. URL: https://grans.hse.ru/14_06_2016 (дата обращения: 28.04.2022).
8. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

УДК 32-058.81

И. Р. Мершеев

Комитет по социальной политике и культуре администрации г. Иркутска, г. Иркутск

Е. А. Маркова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УЧАСТНИКОВ СФЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ КРИТЕРИЕВ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

Рассматривается взаимодействие участников сферы реализации молодежной политики как площадка для установления новых критериев формирования экспертного сообщества. Выделены два типа экспертов в сфере молодежной политики: эксперты, занимающиеся непосредственной проверкой проектных заявок, подаваемых молодежью на различные грантовые конкурсы; профессиональные и опытные специалисты в сфере молодежной политики. Охарактеризована специфика их деятельности.

Ключевые слова: молодежная политика, эксперты, молодежь, проектный подход.

I. R. Mersheev

Committee for Social Policy and Culture of the Administration of Irkutsk, Irkutsk,

E. A. Markova

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERACTION OF PARTICIPANTS IN THE SPHERE OF YOUTH POLICY IMPLEMENTATION AS A PLATFORM FOR ESTABLISHING NEW CRITERIA FOR THE FORMATION OF AN EXPERT COMMUNITY

The article discusses the topic of an integrated approach in the process of perception of youth. The question of the importance of interaction between youth and the state is raised. Also in this article the authors discuss experts in the context of youth policy. In the course of the study, the authors consider two types of experts in youth policy. The article provides a look at the experts engaged in direct verification of project applications submitted by young people for various grant competitions, as well as professional and experienced specialists in the field of youth policy.

Keywords: youth policy, experts, youth, project approach.

Важнейшим вектором любого современного государства является создание необходимых условий для эффективного процесса социализации молодежи и для успешной интеграции представителей молодого поколения в социум. Такая тенденция в первую очередь связана с тем, что будущее страны, включая ее социально-экономическое развитие, определяется в контексте осуществления молодежной политики, так как именно молодежь является особой социально-демографической группой, важной для дальнейшего развития государства.

В современных условиях государство должно оказывать положительное влияние на молодежь, которое будет проявляться в ее воспитание, в формировании тех качественных характеристик, которые будут являться неотъемлемым условием осуществления профессиональных и других направлений деятельности [1]. В данных условиях основным инструментом, выполняющим роль формирования отношений между государством и молодежью, будет являться государственная молодежная политика, осуществляемая органами власти различных уровней.

Ряд современных научных исследователей, занимающихся анализом молодежи как значимой социально-демографической группой населения, в своих работах делают акцент на значимости комплексного подхода в процессе воспитания молодежи. К таким исследователям относятся: С. С. Гиль, И. А. Зимняя, Ю. А. Зубок, Т. Э. Петрова, С. Ю. Попова, Н. Ю. Сиягина, Н. Л. Сомакатина, С. М. Фомина, С. В. Чуев, Ю. И. Щербаков и др. [5].

Для того чтобы организовать комплексное взаимоотношение между государством и молодежью в 2014 г. в Российской Федерации был разработан документ «Основы государственной молодежной политики России до 2025 года», данный документ определяет систему приоритетных задач, принципов и механизмов, которые обеспечивают реализацию государственной молодежной политики [5]. В данном документе говорится о том, что одним из механизмов осуществления государственной молодежной политики является организация в молодежной среде проектной деятельности, а также определение проектного подхода как основного в реализации молодежной политики.

Также стоит отметить, что в рамках формирования взаимоотношений между государством и молодежью, в России 30 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Данный закон решает целый ряд проблем, касающихся правового обеспечения молодежной политики в России. В рамках данного закона на федеральном уровне были закреплены такие понятия, как «молодежь», «молодежная политика», «молодежные общественные объединения», «специалист по работе с молодежью». Также федеральным законом был сформулирован единый подход к возрастному определению молодежи. Так, в соответствии с ФЗ-№ 489 от 30 декабря 2020 г. к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет. В Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» определены цели молодежной политики и ее основные принципы. Данный федеральный закон также определяет, что основу государственной молодежной политики составляет вопрос о проектном подходе в рамках развития молодежной политики в целом.

Под проектным подходом в осуществлении государственной молодежной политики подразумевается важность уровня подготовленности специалистов по работе с молодежью, которые будут заниматься подготовкой и осуществлением социально-проектной деятельности. На сегодняшний день в нашей стране в контексте молодежной политики на практике активно применяется проектный метод: проводятся различные конкурсы проектов, разыгрываются гранты для поддержки молодежных начинаний. За счет активного спроса на проектный метод, возрастают потребности в качественном кадровом составе специалистов по работе с молодежью, и здесь идет речь о специалистах, которые смогут качественно оценить проекты, сделать выбор в пользу лучших, а также рекомендовать их к финансовой поддержке [3]. То есть речь идет о квалифицированных экспертах-консультантах, которые на различных этапах проекта занимаются его оценкой и проведением, с целью финансирование данного проекта, либо с целью оценивания результативности проекта по его окончании.

Вообще, эксперт – это специалист, который обладает знаниями и опытом в определенной сфере деятельности, на основе которых он дает мотивированное заключение по той или иной проблеме [2]. Принято выделять следующие требования к эксперту: компетентность, креативность, эрудированность (информированность в смежных сферах деятельности, касающихся затронутой проблемы), принципиальность и независимость, эвристичность и интуиция, всесторонность и практичность [2].

Таким образом, к экспертной работе в молодежной политике следует допускать компетентных специалистов, имеющих всестороннюю подготовленность, а также опыт не только в сфере аналитической и практической деятельности, но и специалистов, хорошо понимающих и осознающих особенности состояния социальной сферы, усовершенствование которой является основной задачей проектного подхода. Фактически, экспертом могут быть не только руководители, научные работники и практики из определенных сфер бизнеса, таковыми могут стать представители общественных объединений, в которых реализуются проекты, т. е. рядовые участники, выросшие до руководителей проектов. Также необходимо отметить, что при выполнении экспертизы должны быть исключены любые возможные влияния на мнения независимого эксперта со стороны органов власти или конкурсантов, здесь идет речь о том, что оценка эксперта осуществляется вне зависимости как от действий участника проекта, так и от действий субъектов организации данного проекта.

Говоря об обязательных требованиях к потенциальному эксперту, необходимо отметить, что помимо требований, эксперт также нуждается в ряде личных качеств: объективность, т. е. эксперт должен оценивать проект в соответствии с такими параметрами как обоснованность поставленной социальной проблемы, адекватность выбранной целевой аудитории, адресность, конкретность, а также реалистичность поставленных целей, ответственность, суть которой заключается не только в соблюдении законодательства со стороны эксперта, но и в осознание последствий реализации выбранного проекта, а именно в соответствии запрашиваемых финансовых средств и материальных ресурсов, а также в осуществлении поставленных целей проекта, принципиальность, т. е. эксперт должен осуществлять свою деятельность согласно нормам, правилам и принципам, которые действительно в рамках социального пространства действий эксперта и последнее требование к эксперту – это непредвзятость, которая подразумевает под собой то, что в процессе осуществления оценки проекта эксперт имеет право ориентироваться исключительно на качество и эффективность, того проект, анализ которого он осуществляет. Авторы полагают, что при подготовке и корректировке положений о проведении конкурсов проектов так же нужна независимая экспертиза для формирования адекватных требований, понятных и участникам конкурса, и тем, кто будет оценивать.

Под понятием «эксперт в сфере молодежной политики» следует понимать не только экспертов, занимающихся проверкой проектных заявок, подаваемых молодежью на различные грантовые конкурсы, но и профессиональных и опытных специалистов в сфере молодежной политики. Ниже будут рассмотрены сферы, в которых молодежная политика нуждается в экспертизе, а также механизм отбора и привлечения экспертов на примере Иркутского городского форума молодежи.

Деятельность органов власти в разрезе молодежной политики, направлена на две основные цели: воспитание личности и укрепление молодежи на территории. Говоря о воспитании личности, мы подразумеваем патриотическое воспитание, пропаганду здорового образа жизни, сохранение традиционных семейных ценностей и укрепление института семьи, а также популяризацию волонтерской деятельности и просоциально-активной жизни, направленной на пользу общества. Эксперты в этом случае могут подбирать следующим образом: являясь специалистами в своей сфере (например, в случае пропаганды здорового образа жизни, должны знать физиологию и психологию человека, четко понимать основные составляющие здорового образа жизни), и, помимо этого, личным примером демонстрировать те ценности, которые они пропагандируют, участвуя в соревнованиях в качестве представителей команд или в других общественных проектах как рядовых исполнителей. Помимо того, учитывая общий объем информации, с которой сталкивается современная молодежь. К эксперту предъявляются требования к уровню коммуникабельности, умению преподнести ин-

формацию, разговаривая с молодыми людьми без штампов и многословности, на субъект-субъектом уровне взаимодействия, фактически «без галстуков». Важно не только владеть темой, но и уметь представлять ее доступно, подкрепляя качественным визуальным сопровождением, без стремления упрощения смыслового контекста.

Основным требованием к экспертам, занимающимся закреплением молодежи на территории, будет наличие системного мышления. Эксперт в этой сфере должен понимать, что на желание молодежи сменить место жительства могут влиять факторы разного рода: экономические (возможности заработка, стабильность финансового положения и т. д.), социальные (окружение, возможности развития личности, инфраструктура для реализации потенциала), географические и др. В современном мире отношение к миграции в целях личного развития воспринимается положительно. Зачастую желание развивать территорию, на которой родился, не пользуется ярко-выраженным уважением или популярностью вследствие отсутствия поддержки со стороны представителей других поколений или рефератных групп. Проводя аналитические исследования в молодежной среде, эксперт сможет выявлять основные тренды в молодежной среде и давать органам власти рекомендации по сохранению численности молодежи, предлагать использование тех или иных инструментов закрепления молодежи, или привлечению новой.

В публичной среде эксперты наиболее ярко представлены на различного рода форумах, проводимых органами государственной власти и местного самоуправления. К примеру, на площадках Иркутского городского форума молодежи было представлено более 25 лекторов по трем основным направлениям: креативный кластер, студенческая среда и городское развитие. В рамках Иркутского городского форума молодежи 2022 г.а для поиска и привлечения экспертов использовались следующие механизмы:

- анализ обратной связи от молодежи города, на основании открытого (по желанию «анонимного») опроса в социальной сети «ВКонтакте»;
- рекомендации программных кураторов площадок (именно этот механизм позволяет вводить в молодежную политику «новые лица», так называемый метод «снежного кома»);
- привлечение экспертов, традиционно приглашаемых на форумные мероприятия с известными, устоявшимися темами исследования.

Наиболее интересным является второй механизм, так как позволяет вовлечь в общение с молодежью лиц, ранее с молодежной политикой не связанных. Задача программно куратора – убедить организаторов форума в необходимости и успешности привлечения определенного эксперта. Несмотря на определенную степень риска, именно взаимодействие с новыми лицами позволяет расширять экспертную сеть, а также выводить молодежную политику за привычный аспект проведения мероприятий для активистов.

Таким образом, экспертность в молодежной политике можно рассматривать с двух сторон: со стороны проектной деятельности и со стороны непосредственно молодежной политики и ее основных целей. В настоящий момент, во втором случае, четких критериев, единых конкурсных систем по отбору экспертов не установлено ни на одном из уровней власти. Важно понимать, что, учитывая многогранность сферы молодежной политики, её постоянную динамику и изменчивость, установка жестких критериев и регламентов в этой сфере является малоэффективной. Наоборот, для молодежной среды важна гибкость, адаптивность, креативность, следовательно, эти качества равно важны для самих экспертов.

Литература

1. Касьянов В. В., Самыгин П. С., Манучарян А. К. Социально-исторические проблемы осуществления государственной молодежной политики в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-1. С. 50–54.
2. Краткий словарь по социологии / сост. П. Д. Павленок. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2011. 255 с.
3. Лесконог Н. Ю., Шаламова Л. Ф. Технология экспертной оценки социальных проектов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 138–146.
4. Лухманова З. Т. Роль молодежной политики в стабилизации политических режимов // Развитие территорий. 2021. № . 2 (24). С. 96–104.
5. Попова С. Ю., Пронина Е. В. Экспертиза молодежных проектов в России: постановка проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 397–400.

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Проводится анализ роли экспертного сообщества в формировании и развитии социального партнерства. Приводятся результаты качественного исследования, проведенного через экспертное интервью тех, кого общественность и сами эксперты считают значимыми величинами в какой-то сфере, мнение и оценка которых может изменить общее или частное восприятие ситуации, процесса, проблемы или человека. Выделяются внешние и внутренние факторы, способствующие развитию социального партнерства институтов гражданского общества через вовлеченность экспертного сообщества.

Ключевые слова: экспертное сообщество, социальное партнерство, институты гражданского общества, экспертный опрос.

П. А. Treskin

Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod

THE ROLE OF THE EXPERT COMMUNITY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL PARTNERSHIP

The article analyzes the role of the expert community in the formation and development of social partnership. The results of a qualitative study conducted through expert interviews of those whom the public and the experts themselves consider significant in some area, whose opinion and assessment can change the general or private perception of a situation, process, problem or person, are presented. External and internal factors are highlighted that contribute to the development of social partnership of civil society institutions through the involvement of the expert community.

Keywords: expert community, social partnership, civil society institutions, expert survey.

Экспертное сообщество в некоммерческом пространстве регулирует многие стороны и сферы жизни, создавая нишу, где компенсируются недостатки государственной социальной политики и формируются новые уникальные формы и стратегии социального взаимодействия. Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций, органов власти и бизнеса, СМИ и общественности создает условия для формирования социального партнерства.

В развитии социального партнерства участвуют лидеры мнений, руководители организаций и структур, способные как на личном примере, так и через социально-ответственную политику своих компаний осуществить изменения в социокультурном и экономико-политическом формате регионального развития. Социальное партнерство – это итог социального взаимодействия, который конструируется через личную и социальную вовлеченность, не безразличность и ответственность, готовность работать для реализации общих социальных задач, непосредственно не связанных с повседневной деятельностью.

В этих процессах именно экспертное сообщество может стать барометром и маркером социального развития городского публичного пространства, регионального и федерального. Уровень социального взаимодействия строится на выстроенной сети социального взаимодействия, который регулирует инфраструктуру и влияет на личные стратегии и групповые формы интеграции всех участников партнерства.

В работах разных авторов указывают разные стороны активизации экспертного сообщества при развитии социального партнерства. Например, Р. В. Иванов, Л. Н. Батянова [1; 2] указывают на гражданскую активность и осознанность, А. Н. Пружинин и А. Ю. Поджидаева [6; 7] на развитие человеческих ресурсов в рамках развития гражданского общества, С. В. Малых [3] на роль образования и социального партнерства с НКО, О. А. Поллошкевич [4; 5] на общественное недовольство как стимул для изменений социальной политики и социального партнерства различных социальных институтов, в работах автора [8–10] прослеживается изучение роли экспертных сообществ в формировании некоммерческого сектора России и т. д.

При анализе роли экспертного сообщества в процессах формирования социального партнерства мы использовали метод экспертного интервью. Было опрошено 30 чел., участвующих в социальных проектах со стороны разных социальных институтов (бизнес, власть,

НКО, СМИ, наука, общественность). Все эксперты находятся в своей социальной и профессиональной нише минимум 10 лет, имеют выступления и публикации в печатных, ТВ и интернет-изданиях, отражают свою деятельность и оценки происходящих событий на своих личных страницах на различных ресурсах социальных сетей. И на основе этого мы могли сделать заключение о том, что это представители экспертного сообщества, вовлеченные в публичную деятельность, признанные общественностью и самими собой как эксперты в отдельных сферах или вопросах социального развития.

Важный момент – это личное признание своей экспертности – так как это позволяет судить не только о личной мотивации, но и самоидентичности как специалиста способного регулировать социальное партнёрство не только по профессиональным обязанностям или социально навязанным позициям, но и по личным убеждениям и мировоззрению. Признание общественностью – это фиксация и признание внешних заслуг, деятельность, которую видят и могут оценить другие и признать право на экспертность в каком-либо пространстве или сфере.

В результате анализа ответов респондентов мы можем выделить внешние и внутренние факторы развития социального партнерства между разными институтами гражданского общества, где экспертное сообщество выступает ключевым показателем интеграции или дезинтеграции социальных процессов.

К внешним факторам относятся социальные условия, которые создаются общими социально-экономическими и политическими процессами; общим уровнем социального напряжения и конфликтности (пандемия, военные действия и т. д.); механизмами прозрачной отчетности социального взаимодействия, которые регулируются на государственном уровне.

Мы все вовлечены в определённые условия, которые задаются внешней средой, повлиять на которые нельзя, но можно всегда оставаться человеком и выполнять то, что должно, несмотря ни на что. Всегда есть внешние ограничивающие условия – вопрос в том, они будут нас прогибать или мы будем проявлять гибкость и адаптироваться для того, чтобы построить межсекторный диалог и выстроить ту сеть, которая сможет регулировать и решить многие социальные проблемы. (Л. Н., профессор, представитель научного экспертного сообщества). *Политика и экономика влияет на всех, не всегда мы можем понимать, как это происходит, но всегда ощущаем воздействие. Чтобы этот механизм был открытым – необходимо сами процессы общественного взаимодействия разных социальных ниш сделать прозрачными, исключаяющими «серые схемы», коррупцию и т. д.* (О. А., депутат, представитель властного экспертного сообщества).

К внутренним факторам относится личная заинтересованность экспертов, их небезразличность к судьбе страны, Родины, сограждан или конкретных людей.

Социальное партнерство это выбор личности человека, который может отвечать за свои слова и действия и транслировать свою волю окружающим. Экспертное сообщество формируется из инициативных, активных, социально ответственных граждан, вовлеченных в процессы публичной политики и социального воспроизводства. (Д. Д., руководитель общественной организации). *Те, кто вовлечен в социально активную, публичную деятельность – это небезразличные к своей Родине и стране люди, которым есть дело до того, что кому-то плохо и если они могут помочь – то они это делают, а не просто говорят об этом. Быть членом экспертного сообщества – это быть вовлеченным в практики социального взаимодействия и партнёрства, которые наполняют жизнь новым смыслом. По моему мнению – именно это и означает – быть гражданином, быть патриотом!* (С. В., почетный гражданин города, представитель экспертного сообщества общественности).

Результатом этого выступает то, решение актуальных задач, проблем, вопросов эксперты видят во взаимодействии и следствием этого выступает необходимость не просто формирования социального партнерства, но и его желательное формальное признание, через прописывание процедур реализации, условий вовлечения, механизмов решения и т. д.

Важно не просто встретиться и договориться между собой – как ту или иную проблему или вопрос можно решить. Важно отработать механизм и его формально прописать и легализовать. И только тогда – социальное партнерство станет рычагом социального воспроизводства и формирования гражданского общества. В противном случае – это

личная инициатива социально ответственных граждан, которая не становится социальной практикой, а остается единичным примером решения проблемной ситуации. (Л. А., журналист, правозащитник). *Социальное партнерство – это результат, итог соединения личных мотивов и условий внешней среды, где не только другие люди, но и общественные институты включаются во взаимодействие чтобы изменить ту реальность, в которую все вовлечены. Это вопрос признания за собой ответственности не только за себя и своих близких, но и всех тех, кто находится рядом, живет с тобой на одной территории, дышит с тобой одним воздухом, верит в те же ценности. Это вопрос выбора и ответственности. Развитие гражданского общества через социальное партнерство осуществляется благодаря осознанным и мотивированным социальным активистам, экспертам в разных сферах жизни.* (Л. А., бизнесмен, юрист).

Выявленные в экспертном интервью показатели указывают на огромный набор инструментов общественной вовлеченности экспертов в социальное поле общественных перспектив развития. Внешние и внутренние условия, формальное признание и легитимация процессов социального моделирования способны изменить облик, формат и механизмы работы всех институтов гражданского общества в России.

Таким образом, экспертное сообщество при формировании социального партнерства по факту формирует новое сообщество активных, целеустремленных, инициативных и ответственных людей. Качество и эффективность деятельности этого партнерства взаимообусловлена личными мотивами и мировоззрением лидеров мнений, и социальными возможностями реализации совместных инициатив и проектов. Это двусторонний диалог, который приводит к развитию институтов гражданского общества и социального взаимодействия на разных уровнях партнерства.

Литература

1. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
2. Иванов Р. В., Батянова Л. Н. Гражданское общество – связующее звено между социальными субъектами в контексте местного самоуправления в кризисной экономике // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 27–30 июня 2019 г. / [отв. ред.: А. Д. Карнышев, В. А. Решетников]; ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 204–209.
3. Малых С. В. Партиёрство университета и НКО // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 февр. 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 69–73.
4. Полошкевич О. А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Вологда, 26–30 марта 2018 г. : в 2 ч. / ВолНЦ РАН, [Ин-т социологии Национальной академии наук Беларуси и др.] ; [редкол.: А. А. Шабунова и др.]. Ч. 1. 2018. С. 63–68.
5. Полошкевич О. А. Общественное недовольство как форма социального конфликта // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М. : МГУ, 2020. С. 130–132.
6. Пружинин А. Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 137–141.
7. Пружинин А. Н., Поджидаева А. Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
8. Трескин П. А. Роль развития некоммерческого сектора в процессах построения гражданского общества (по материалам Иркутской области) // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полошкевич]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 100–105.
9. Трескин П. А. Социально-правовое регулирование экспертно-аналитических сообществ в общественных инициативах // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 марта 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 285–289.
10. Трескин П. А. Территориальное развитие: взаимодействие органов власти с некоммерческими организациями // Молодые ученые – экономике региона : сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 12 дек. 2018 г. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН. 2019. С. 177–181.

ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО В ОЦЕНКЕ РЕПУТАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

Проводится анализ роли экспертного сообщества в формировании репутации университетов. Приводятся результаты качественного исследования, проведенного методом контент-анализа «репутационных высказываний» представителей экспертного сообщества университетов России с 2011 по 2021 г., где раскрываются количественные и качественные показатели репутационных высказываний, их контекст, а также делаются выводы и последствия конструирования репутации университетов на городском, региональном и государственном уровне.

Ключевые слова: экспертное сообщество, репутация университетов, репутационные высказывания, развитие региона.

S. V. Malykh

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERT COMMUNITY IN ASSESSING THE REPUTATION OF UNIVERSITIES

The article analyzes the role of the expert community in shaping the reputation of universities. The results of a qualitative study conducted by the method of content analysis of "reputation statements" of representatives of the expert community of Russian universities from 2011 to 2021 are presented, which reveals the quantitative and qualitative indicators of reputation statements, their context, as well as conclusions and consequences of constructing the reputation of universities in the city, regional and state level.

Keywords: expert community, reputation of universities, reputational statements, development of the region.

Экспертное сообщество – значимая социально-символическая среда для понимания условий и перспектив развития университетов. Репутация формируется в общественном сознании, но ее вербализируют «эксперты» – значимые фигуры города, региона, страны, имеющие свой личный или социально-профессиональный статус, мнения и оценка которых может изменить восприятие имиджа, статуса и роли того или иного университета. Конечно, история и традиции занимают не последнее место, но в век высоких технологий, цифровизации и виртуализации – лидеры мнений, высказывающие свои суждения, определяют то, как будет развиваться репутация того или иного университета, а вместе с этим определяться его будущее.

Репутация складывается долго, но разрушается быстро. И во многом благодаря экспертному сообществу можно либо повысить имидж и престиж образовательного учреждения или его уничтожить. Некоторые могут сказать, что важнее качество образования и оно говорит о большем, чем имидж и репутация университета. Но в обществе массового потребления, доминирования публичности над приватностью, образности над глубиной – создаваемые образы более важны, чем реальные условия (реклама и продвижение более эффективные стратегии, чем традиционные формы передачи опыта и знаний). Как ни печально это говорить, но экспертное сообщество выступает рычагом регулирования репутации университетов и определяет их развитие или угасание. Эти положения нашли свое подтверждение в исследованиях И. А. Журавлевой [1; 2], О. А. Полошкевич [7; 8] и автора [3–6].

В своем анализе, который мы представили в этой статье, использовался такой термин как «репутационные высказывания» – понимая под ним разнообразные оценочные суждения, которые могли как повышать, так и понижать репутацию того или иного университета. И именно оценка репутационных высказываний стала основой нашего исследования.

В качественном анализе участвовало 2450 высказываний публичных деятелей, входящих в круг экспертных сообществ в университетской среде с 2011 по 2021 г. Публикации брались из открытых источников (онлайн версий газет и журналов, а также материалов форумов и открытых дискуссионных площадок).

В качестве представителей экспертного сообщества были представлены ректоры, проректоры, представители науки и государственные служащие министерства образования РФ – всего 126 экспертов (70 % мужчин и 30 % женщин, в возрасте от 30 до 65 лет, проживающих

в разных регионах РФ), высказывающих свою оценку и работе того или иного вуза, касающуюся качества образования, перспективности студентов и подготовленности преподавателей.

Рассматривая «репутационные высказывания», мы можем их разделить на положительные, отрицательные и нейтральные, которые за рассматриваемый период менялись в зависимости от социокультурных и политико-экономических условий социального развития, зависели от различных социальных условий, но в совокупности влияли на формирование репутации в целом высшей школы и отдельных университетов в частности. В табл. 1 представлена общая динамика за 10 лет.

Таблица 1

Репутационные высказывания с 2011 по 2021 г. по материалам СМИ и открытых ресурсов сети Интернет

Годы	Положительные		Отрицательные		Нейтральные	
	Количество	Объем внимания (в %)	Количество	Объем внимания (в %)	Количество	Объем внимания (в %)
2021	183	36,4	223	58,4	114	5,2
2020	174	37,2	221	57,5	118	5,3
2019	162	38,9	226	57,3	124	3,8
2018	169	37,7	186	54,3	112	8,0
2017	179	36,4	192	52,2	108	11,4
2016	182	34,2	184	56,3	102	9,5
2015	177	35,8	180	50,3	109	13,9
2014	168	33,7	179	53,3	99	13,0
2013	165	36,2	175	47,8	116	16,0
2012	179	34,9	164	46,2	111	18,9
2011	176	34,2	157	44,1	102	21,7

Как видно в табл. 1, количество публикаций примерно одинаково, т. е. зависит от постоянного интереса к университетам и университетской репутации. По разным годам, отрицательных высказываний в СМИ и сети Интернет на треть больше, чем положительных. В 2019–2020 гг. рост отрицательных публикаций связан с изменением системы и формы обучения в связи с пандемией – и чаще звучали оценки об ухудшении качества обучения, а вместе с тем и падения репутации вуза, в другие годы небольшое превышение отрицательных публикаций нами объясняется в целом недовольством трансформации системы высшего образования, начиная от ЕГЭ, заканчивая качеством подготовки сотрудников университетов. Объем внимания не постоянен, но в целом свидетельствует о повышении интереса, а вместе с темами и веса, роли и значения экспертных сообщений в СМИ и сети Интернет, способных повлиять на репутацию университетов.

В табл. 2 показана динамика влияния репутационных высказываний на общую репутацию высшего образования в России¹.

Таблица 2

Влияние репутационных высказываний на репутацию университетов (в %)

Годы	В целом	
	Положительные	Отрицательные
2021	44,3	55,7
2020	43,2	56,8
2019	45,8	54,2
2018	48,9	51,1
2017	46,9	53,1
2016	49,6	50,4
2015	52,3	47,7
2014	53,3	46,7
2013	54,2	45,8

¹ В силу централизации в анализе чаще фигурировали столичные вузы. Региональные имели свои оценочные суждения со стороны экспертов, но в долевом соотношении не отличаются по смыслу высказываний и контексту.

Годы	В целом	
	Положительные	Отрицательные
2012	50,1	49,9
2011	52,7	47,3

Данные табл. 2 показывают устойчивую взаимосвязь с оценками представителей экспертного сообщества университетской среды и в целом формирования репутации и имиджа вузов России. Положительный имидж формируется под влиянием признания качества подготовки, качества уровня квалификации, наличия новых технологий, в включенности во внутрисекторную и международную мобильность. Отрицательные репутационные высказывания негативно влияют на репутацию вуза через неорганизованную современную систему обучения, формальный подход к выполнению своих обязанностей со стороны преподавателей и административного состава университетов, не вовлеченности в научную, исследовательскую и проектную деятельность университетов и регионов и т. д.

Конечно, требуется более детальный анализ по каждому вузу, но это последующая работа над собранным материалом. Пока можем утверждать о том, что репутация университетов напрямую зависит от репутационных высказываний представителей экспертного сообщества университетов и заключается в следующем:

- 1) экспертное сообщество университетской среды конструирует «идеальные» и «реальные» образы значимости образов университетов на муниципальном, региональном и федеральном уровнях;
- 2) экспертное сообщество обозначает как проблемные зоны, так и перспективные направления развития университетов;
- 3) экспертное сообщество определяет место и роль университета в развитии города, региона и страны.

Литература

1. Журавлева И. А. Рекламные стратегии образовательных учреждений в условиях виртуализации общества // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 128–130.
2. Журавлева И. А. Университет в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 145–146.
3. Малых С. В. Имидж университета в городском сообществе // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 147–149.
4. Малых С. В. Механизмы конструирования репутации игу в общественном сознании жителей региона // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 15 февр. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 523–529.
5. Малых С. В. Особенности конструирования репутации классического университета // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмуртс. Гос. ун-та. Ижевск, 2021. С. 253–261.
6. Малых С. В. Стратегические вопросы развития истины: принципы работы над репутацией университетов // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. Конф. Иркутск, 29 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 375–380.
7. Полошкевич О. А. Образование в социокультурном пространстве региона // Иркутск : традиции и проектирование будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию г. Иркутска / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; отв. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 261–263.
8. Полошкевич О. А. Университет как инструмент консолидации // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : науч.-метод. материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 59–61.

РАЗДЕЛ 2. ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА И ЭКСПЕРТНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖОМ

***

CHAPTER 2. EXPERT CULTURE AND EXPERT PRACTICES IN RUSSIA AND ABROAD

УДК 32.019

Е. В. Матвеева

Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово

ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ КАК СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО

Рассмотрены наиболее значимые с позиции экспертной деятельности особенности экспертной культуры, синтезирующие как черты традиционной культуры, так и элементы современности. К числу традиционных характеристик автор относит архаику, специфику политического режима, исторически сложившиеся особенности гражданственности. Современность в экспертной культуре наиболее ярко выражена включенностью в современную общественно-политическую жизнь цифровых возможностей.

Ключевые слова: экспертная культура, культура, экспертное сообщество, архаика, гражданственность, цифровизация.

E. V. Matveeva

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo

EXPERT CULTURE OF REGIONS AS A SYNTHESIS OF TRADITIONAL AND MODERN

The article considers the most significant features of expert culture from the standpoint of expert activity, synthesizing both the features of traditional culture and elements of modernity. Among the traditional characteristics, the author refers to the archaic, the specifics of the political regime, the historically developed features of citizenship. Modernity in expert culture is most clearly expressed by the inclusion of digital opportunities in modern socio-political life.

Keywords: expert culture, culture, expert community, archaic, citizenship, digitalization.

Технологии постиндустриального общества, привносящие в систему организации власти и гражданского общества новые возможности в форме цифровизации политической реальности вносят свои изменения и ожидания от экспертного сообщества, принимающего участие в принятии политических решений как в системе федеральных органов власти, так и на региональном и муниципальном уровнях. Как показывают официальные данные, за последние несколько лет, последовавших после принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», запрос на экспертное мнение со стороны органов власти, Общественных палат субъектов и НКО в регионах продолжает расти. Однако если мы обратимся к региональной практике, несмотря на рост потребности в экспертах в регионах, само количество экспертов как специалистов по определенному кругу вопросов достаточно ограничено.

Недостаточное количество экспертов в регионах отмечают отечественные ученые, в частности Т. И. Грабельных, утверждая, что необходима «активизация деятельности экс-

пертного сообщества в Иркутской области и расширение функций общественных палат регионов как экспертно-консультативных органов» [2, с. 154]. При этом механизмы формирования «пула» экспертов в регионах могут быть различными. По мнению Т. И. Грабельных, одним из решений вопроса может рассматриваться расширение представительства Общественной палаты субъекта в другие общественные организации (общественные советы при органах власти и пр.).

Правовед В. В. Гриб считает, что условием успешного создания и дальнейшего функционирования общественных палат и иных форм гражданского (экспертного) участия выступает уровень институционализации самого гражданского общества, где не последнюю роль занимает имеющаяся нормативно-правовая база [3, с. 5–6].

Несмотря на достаточно весомые наработки в мировой науке в понимании экспертного сообщества (Т. Кун, Р. Мертон, М. Полани, П. Фейерабенд и др.) среди отечественных ученых проблема изучения экспертной культуры в ее разных модификациях не получила достаточного научного анализа. На данный период времени в работах отечественных ученых можно встретить две наиболее распространенные трактовки понятия «экспертная культура».

По мнению В. И. Дудиной, под экспертной культурой следует рассматривать культуру социума для экспертного сообщества [4].

В монографии «Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт» авторы выделяют следующие модификации проявления содержательной стороны экспертной культуры. Экспертная культура – это одновременно участие культурологов в различных экспертизах; это привлечение методик и приемов культурологии при проведении экспертизы; это экспертная практика, в которой в качестве предмета рассматривается культура в своем основополагающем смысле (система ценностей и идей) [6, с. 5].

В определенной степени при рассмотрении экспертной культуры необходимо учитывать концепцию гуманитарной экспертизы, сложившуюся благодаря работам В. Бакштановского как одно из отечественных направлений в изучении экспертного сообщества и роли экспертов [1]. Важность ее применения в изучении вопроса экспертной культуры связана прежде всего с рассмотрением в качестве центральной проблемы в проведении и оценке экспертизы этического компонента. Среди современных ученых, работающих в рамках концепции гуманитарной экспертизы, отметим Г. В. Иванченко, Ф. С. Сафуанова, Г. Л. Тульчинского и др. [5].

На наш взгляд, при определении сущности «экспертной культуры» важную роль занимают следующие характеристики. Во-первых, сам фактор культуры, который выполняет роль не только некоего «идеала» этического (некий аналог этического кодекса социолога при проведении эмпирических исследований) при проведении экспертизы, но и несет в себе определенный «отпечаток» архаической черты российской политической культуры, определяющей специфику и формы выражения собственного «Я» эксперта. Во-вторых, фактор компетентности специалиста-эксперта, привлекаемого для проведения общественной экспертизы, экспертной оценки нормативно-правовых актов и иных документов как для решения «точечных» вопросов, так и в рамках институционализированных форм работы в Общественной палате субъекта, общественных советов при органах власти и системе МВД, иных форм общественного контроля и независимой оценки качества услуг. В-третьих, учитывать условия, в которых эксперт осуществляют экспертизу или дает оценку поставленного круга вопросов.

Обратимся непосредственно к рассмотрению отмеченных характеристик через призму учета специфики традиционной компоненты, преимущественно сосредоточенной вокруг архаической черты российской политической культуры в целом и политической культуры в частности и современного, проявляющегося путем внедрения во все экспертно-аналитические структуры цифровых технологий (социальные сети, мессенджеры, официальные веб-сайты и пр.). Хотя, отметим, что это далеко не весь перечень составных элементов экспертной культуры.

Проблема архаики как традиции политической культуры достаточно полно раскрыта в публикациях Н. Г. Щербининой. Как отмечает Н. Г. Щербинина, несмотря на смену традиций, их модернизацию переходное российское общество оказалось практически неизменным в своих традициях. Черты архаики наполняют современное развитие государства. К их чертам отнесены: игровой элемент политики (политики делают вид, что совершают свои действия во имя благих целей, а население показывает, что верит в это), мифологизированность общественного сознания населения (например, миф о справедливости), персонафикация государства и его лидера (государство приравнивается к лидеру, а патриотизм приобретает характер лояльности и любви к лидеру), сакрализация политических институтов, форм и его структур. В итоге в российской культуре сохраняют свое существенное влияние черты архаики и устоявшиеся стереотипы общественных взаимоотношений [9, с. 130–132].

Необходимо отметить, что помимо архаичности, присущей в целом российскому феномену политической культуры, наиболее полно данная черта проявляется в национальных республиках (Тыва, Чечня, Дагестан, Мордовия, Крым и т. д.) и в регионах с авторитарным политическим режимом с доминированием исполнительной власти (например Кузбасс при А. Тулееве и в меньшей степени при С. Цивилеве).

В определенной степени воздействие на экспертную культуру регионов оказывает не только архаика политической культуры и отмеченная специфика установившегося политического режима, но и исторически сложившиеся особенности гражданственности. Гражданственность, как мы полагаем, будет отличаться в регионах и таким образом оказывать разное влияние на экспертную культуру. Гражданственность, представленная в работах зарубежных ученых (Г. Гегель, А. Токвиль, Р. Патнэм), как правило, определяется как непрменный элемент кооперации граждан. Р. Патнэм в работе «Чтобы демократия сработала» сопоставляет север и юг Италии, обосновывая культурную разницу внутри одного государства. В северных районах сотрудничество и конкуренция между общинами способствовали установлению республики и гражданственности. Гражданственность по Р. Патнэму, это в первую очередь возможность и право граждан оказывать влияние на процесс управления, что сопровождалось процессом политического осознания через категорию «мы» над индивидуалистским восприятием южных районов в категории «я». Помимо этого, характеризуя состояние гражданственности ученый выделяет четыре его аспекта: гражданская вовлеченность; политическое равенство; солидарность, доверие, терпимость; ассоциации [7, с. 216].

Наряду с отмеченными характеристиками на экспертную культуру в ее современном контексте оказывают влияние, установившиеся с учетом отмеченной культуры гражданственности и архаических черт модель взаимодействия экспертов с органами власти. В работах российского политолога А. Ю. Сунгурова уделяется внимание изучению региональных моделей взаимодействия экспертов и власти, в частности называются две наиболее востребованные в регионах модели – это «модель оплаченного результата» и «модель инициативной экспертизы». Основным заказчиком экспертиз чаще всего выступает государство через две наиболее востребованные формы – судебные процессы экстремисткой направленности и экспертиза законопроектов. Как пишет в своих статьях А. Ю. Сунгуров, наиболее независимыми экспертами (а значит это определяет итоговый вид проведенной экспертизы) могут быть ученые, работающие вне государственных университетов, пенсионеры и ученые, получающие грантовую поддержку зарубежных фондов [8, с. 71]. Поэтому можно допустить, что экспертный продукт чаще всего оказывается следствием реализации «модели оплаченного результата», эксперт не имеет возможности и реальных рычагов представить в полной мере «независимый» результат, что в итоге может оказывать влияние на степень объективности исследования.

Современное развитие экспертной культуры подвержено процессу цифровизации как личного контента эксперта, так и «продукта» его деятельности в рамках освещения участия эксперта на странице официального сайта и в социальных сетях. Цифровизация независимо от региональных особенностей экспертной культуры фактически выполняет сегодня несколько задач: получение экспертного продукта, обеспечение независимой оценки со сторо-

ны «внешних» ресурсов с последующим приданием публичной огласки включенности экспертного сообщества в осуждение вопросов (особенно в случае участия экспертов в деятельности общественных советов при органах власти), обеспечивает имиджевые стратегии развития самого органа власти и эксперта.

Обобщая представленные рассуждения, необходимо отметить, что экспертная культура – это достаточно сложное явление, включающее в себя специфику общей культуры и политической культуры как ее части, а также современные характеристики экспертного сообщества с учетом особенностей региональной политической системы. Значимость экспертного «продукта» в нашей стране, несмотря на отмеченные традиционную черту политической культуры как архаика и специфику гражданственности, будет только возрастать. Полагаем, что требования как к экспертам, так и к результатам их деятельности будут только возрастать. Профессионализм, «владение» проблемой и понимание важности представленного результата в итоге будет определять «лицо» и гражданского общества, и органов региональной власти.

Литература

1. Бакштановский В. И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. М. : Знание, 1983. 64 с.
2. Роль интеллектуальных технологий в трансформации структуры гражданского общества / Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесникова, А. Н. Пархоменко / Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск, 2019. С. 153–155.
3. Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : монография. М. : Юрист, 2011. 400 с.
4. Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 2. С. 93–109.
5. К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы / Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев, в Ф. С. Сафуано, Г. Л. Тульчинский // Труды Ярославского методологического семинара / гл. ред. В. В. Новиков. Ярославль : МАПН, 2005. С. 89–110.
6. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: Коллективная монография / под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб. : Астерион, 2011. 384 с.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
8. Сунгуров А. Ю., Шамшурова К. А. Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. 2020. № 1. С. 64–86.
9. Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 127–139.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются основные подходы к образованию экспертных систем различного уровня и вида. Обосновывается, что в современных условиях большее внимание должно быть уделено появлению экспертных систем, основанных на информационных технологиях, что позволит выстраивать логические алгоритмы разработки и принятия управленческих решений на разных уровнях социальной организации. Подчеркивается, что в то же время следует уделять внимание экспертным сообществам, призванным на основе специальных знаний и опыта давать предварительную оценку проектам решений органов власти.

Ключевые слова: экспертные системы; экспертные сообщества; функции и состав экспертных советов.

V. V. Krivosheev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

MODERN PRACTICES OF SOCIAL AND MANAGEMENT EXPERTISE IN RUSSIA: REGIONAL ASPECTS

The article discusses the main approaches to the formation of expert systems of various levels and types. It is meant to show that in modern conditions, great attention should be paid to the emergence of expert systems based on information technologies, which will allow building logical algorithms for the development and adoption of management decisions at different levels of a social organization. At the same time, the author pays attention to expert communities designed to provide preliminary assessment of draft decisions of authorities based on special knowledge and experience.

Keywords: expert systems; expert communities; functions and composition of expert councils.

Современное общество характеризуется все возрастающей сложностью структуры, социальных процессов, которые в нем происходят. Кроме этого, органам власти и управления и на уровне социума, и в региональных социальных образованиях приходится действовать в условиях новых рисков, возрастающей неопределенности. Все это настоятельно требует постоянного отслеживания процессов, которые происходят во взаимодействии органов управления с бизнес сообществом, некоммерческими структурами, населением, вызывает необходимость не только оперативно реагировать на возникающие проблемы, но и в полной мере опираться на научные подходы в управленческой практике.

Именно поэтому управленческие структуры на разных уровнях социальной организации стремятся опираться на точку зрения научного сообщества, привлекать к оценке социальной ситуации, проектов решений и законов специалистов в различных отраслях знания. При этом надо иметь в виду, что сами специалисты, эксперты работают, с одной стороны, по созданию определенных систем, основанных на информационных технологиях, а с другой, – непосредственно включаясь в аналитическую работу в некоторых социальных образованиях. Это могут быть постоянные экспертные советы или временные группы, которые привлекаются органами власти для решения какой-либо конкретной задачи.

Следует иметь в виду, что проблемами использования экспертных систем в различных областях научного знания занимались А. Боланджер [1], Р. Дэвис [2], В. Кланси [3], К. Нейлор [4], Д. Уотерман [5]. Решению проблем функционирования информационно-аналитических систем отведено одно из центральных мест в работах В. Н. Вагина [6], Г. П. Зинченко [7], А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни [8], Э. Ханта [9]. Теоретико-прикладные аспекты, связанные с адаптацией экспертных систем для социальных процессов изложены в трудах В. С. Лозовского [10], С. Ю. Маслова [11], Д. А. Поспелова [12]. Нетрудно заметить, что экспертными сообществами исследователи активно занимались ещё в 1980-е годы.

И все же экспертные системы как относительно новая область человеческих знаний в специальной литературе традиционно стала ассоциироваться с масштабным внедрением информационных технологий [5]. Так или иначе, но большинство современных исследователей

продерживаются той точки зрения, что экспертная система – это прежде всего компьютерная программа, которая включает в себя знания специалистов и используется для обеспечения высокоэффективного решения задач в некоторой узкой предметной области [13]. В качестве таких предметных областей могут выступать социальные процессы и явления в самых разных сферах жизнедеятельности людей. Это может быть и процесс управления войсками, и разработка и принятия решений в здравоохранении, и оптимизация приемов сбора информации, скажем, в системе образования.

С. Н. Макаров, который не только обстоятельно прорабатывал теоретические аспекты экспертных систем, но и на практике показал, насколько точно можно моделировать с помощью определенных программ функционирование системы управления. Этот исследователь разработал компьютерную программу, по которой получил авторское свидетельство, выданное Федеральной службой по интеллектуальной собственности. Программа моделировала процесс организационных управленческих взаимодействий. При этом данный вариант электронной экспертной системы позволяет анализировать процесс управления, исходя из трех его участников: руководитель, подчиненный, а также эксперт [14]. Примечательно, что указанная программа показала свою эффективность в условиях работы нескольких социальных организаций.

Экспертные системы разработаны и применяются в деятельности самых разных социальных объектах. Это может быть интеллектуализация пилотажно-навигационных комплексов в ходе процесса постепенной передачи от экипажа к комплексу задач принятия и реализации решений по управлению летательными аппаратами [15]. Все более активно применяются экспертные системы в сфере медицины. Так, используется экспертная система, которая представляет собой программный комплекс, предназначенный для поддержки принятия решений в процессе баротерапии для формирования режимов гипербарической оксигенации [16]. Не обходит стороной столь инновационные приемы сбора и обработки информации и сфера права. В данном случае чаще всего это прикладные системы искусственного интеллекта, в которых на основе специально систематизированных знаний высококвалифицированных экспертов, решаются конкретные задачи юридической практики [17]. Разумеется, привлечение программного обеспечения к решению конкретных задач в разных областях знания и практической деятельности нельзя свести к сумме примеров. Реальность такова, что экспертные системы действительно все более широко будут применяться в решении самых многообразных задач и в сфере управления, и на производстве, и в системе образования. Словом всюду, где необходимо и возможно моделирование сложных социальных процессов, сведения их к неким алгоритмам действия персонала, управленцев разного уровня. Понятно, что все более активное использование искусственного интеллекта в ещё большей мере определит будущее применение подобных экспертных систем.

Не умаляя значения такого рода компьютерных программ, которые обеспечивают накопление, трансформацию знаний и опыта специалистов, наиболее грамотных и эрудированных людей, владеющих всеми необходимыми компетенциями для решения многообразных задач управления социальными процессами, хотелось бы все же в данной публикации остановиться и на иных принципах работы экспертов. В любом случае, т. е. если создаются компьютерные программы для экспертных систем или компетенции, знания высококвалифицированных специалистов используются, как говорится, напрямую, в режиме непосредственного участия в обсуждении наиболее насущных управленческих задач, главное заключается именно в работе экспертов. Ведь, в конечном счете, и эти программы для экспертных систем разного уровня и назначения создаются, загружаются, отрабатываются специалистами в своей сфере знания. При этом конечно возможно и необходимо участие специалистов в информационных технологиях, которые могут оказать деятельное содействие лишь с чисто технической стороны.

Теперь представляется целесообразным остановиться на работе экспертов, включенных в советы, другие сообщества. И показать это можно, например, на деятельности экспертных советов при общественных палатах регионов, которые на основе определенных норматив-

ных, регламентных документов содействуют в проведении анализа различных проектов законодательных актов, которые поступают для рассмотрения в эти общественные формирования. Естественно, члены общественных палат сами являются высококвалифицированными специалистами во многих отраслях народного хозяйства. Среди них есть и представители бизнес сообщества, и те, кого справедливо называют лидерами общественного мнения, и те, кто имеет немалые заслуги в сфере образования, здравоохранения, других сферах жизнедеятельности регионов. Их позиция, обоснованная точка зрения ни в коей мере не вызывает сомнения.

Вместе с тем привлечение для выработки заключений тех, кто также является профессионалами в своей области, достаточно глубоко и давно именно с научной точки зрения вникает в те или иные проблемы социальной жизни, представляется исключительно полезным. Надо к тому же иметь в виду, что те экспертные заключения, которые регулярно готовят члены экспертных советов при общественных палатах, вовсе не являются, что называется, документами последней инстанции. Имеется в виду, что, конечно же, эти заключения носят исключительно предварительный, рекомендательный характер, а последнее слово остается за самой общественной палатой. Положения, содержащиеся в заключениях, могут быть полностью или частично учтены самой палатой, а могут быть и отвергнуты ею.

Сказанное нуждается в конкретизации. Поэтому представляется целесообразным далее более детально остановиться на практике экспертного совета при Общественной палате Калининградской области. Сразу хочется обратить внимание, что сама эта практика отнюдь не претендует на то, что может являться неким эталоном. Просто любое обращение к опыту деятельности других общественных объединений, действующих в других регионах, по нашему глубококому убеждению, может содействовать и более критичному взгляду на собственную деятельность, что в любом случае представляется полезным.

В своем нынешнем составе экспертный совет при Общественной палате Калининградской области действует с декабря 2020 г. После очередных выборов в областную думу (ныне законодательное собрание) и соответственно обновления состава общественной палаты, которая и была утверждена решением думы уже нового созыва, произошло избрание на совете палаты и экспертного совета. Что совершенно объяснимо и вполне логично, состав этого совета формировался таким образом, чтобы в него вошли не просто известные люди, а действительно специалисты в разных отраслях знания и практической деятельности. Не стремясь называть конкретные фамилии и должности, хотелось бы в то же время обратить внимание на то обстоятельство, что в состав экспертного совета вошли юристы, причем как те, которые глубоко разбираются в вопросах текущего законодательства, так и те, которые реально применяют нормы права на практике. Учитывая геополитическое положение Калининградской области, которая, как известно, является анклавным регионом, имеет только общее морское сообщение с остальной частью России, в экспертный совет вошел специалист, в полной мере владеющий знаниями истории формирования и развития области, ее нынешнего состояния в условиях известного противостояния нашей страны со странами Евросоюза и НАТО. В совет входят юристы, социологи, специалисты по работе медиа, экономист, один из ведущих экспертов в сфере высшего образования, эколог. Как нетрудно заметить, состав совета позволяет рассматривать самый широкий спектр проблем, связанных с деятельностью региона. Но дело заключается, естественно, не только, а может и не столько с региональной спецификой. По положению о совете, он работает по поручениям общественной палаты, что не исключает и проявление им инициативы, т. е. самостоятельного обращения к тем или иным вопросам, которые могут представлять немалый общественный интерес. Что касается поручений общественной палаты, то они за прошедшее время были связаны исключительно с проектами федеральных законов. При этом в свою очередь общественная палата области руководствуется предложениями о проведении экспертиз, которые предлагается сделать Общественной палатой Российской Федерации. Это видится важным с той точки зрения, что данный элемент гражданского общества России, анализируя позиции всех общественных формирований регионов, в состоянии действительно всесторонне обосновать свою точку зрения.

За время работы экспертного совета только в одном полугодии проведены экспертизы и представлены заключения по проектам Федеральных законов «О внесении изменений в Федеральный Закон "О некоммерческих организациях"», «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"», «О системе PROBATION в Российской Федерации», «О науке и государственной научно-технической политике», а также по проекту постановления Правительства Российской Федерации «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций».

Сказанное позволяет сделать следующий вывод. Развитие гражданского общества в России с неизбежностью предполагает все более полное включение как можно большего числа активных индивидов, предшественников научного сообщества в деятельность по совершенствованию нормативной базы развития российского общества, всех государственных структур. Для этого в полной мере должны использоваться самые разные механизмы и социальные технологии, включая как непосредственное участие ученых и специалистов в экспертизе проектов управленческих решений разного уровня, так и отработку экспертных систем, функционирующих на компьютерной основе.

Литература

1. Boulanger A. G. The expert system / University of Illinois. Urbana: IL, 2003. 119 p.
2. Davis R. Expert system: Where are we? And where do we go from here? // The AI Magazine. 2005. P. 3–22.
3. Clancy W. J. Methodology for building an intelligent tutoring system / Stanford University. Stanford, CA, 2006. 119 p.
4. Нейлор К. Как построить свою экспертную систему / пер. с англ. М. : Энергоатомиздат, 1991. 286 с.
5. Уотерман Д. Руководство по экспертным системам / пер. с англ. М. : Мир, 1989. – 380 с.
6. Вагин В. Н. Дедукция и обобщение в системах принятия решений. М. : Наука, 1998. 289 с.
7. Зинченко Г. П. Человек и его работа. М. : Феникс, 2004. 380 с.
8. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М. : Радио и связь, 1987. 341 с.
9. Хант Э. Искусственный интеллект. М. : Мир, 1978. 558 с.
10. Лозовский В. С. Ситуационная и дефиниторная семантика представлений знаний // Кибернетика. 1979. № 2. С. 81–101.
11. Маслов С. Ю. Теория дедуктивных систем и ее применения. М. : Радио и связь, 1986. 133 с.
12. Поспелов Д. А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М. : Радио и связь, 1989. 184 с.
13. Johnson P. What kind of expert should a system be? // The Journal of Medicine and Philosophy. 2007. Vol. 8. P. 77–97.
14. Макаров С. Н. Экспертные системы в управлении организацией // Гуманитарные и социальные науки 2015. № 3. С. 300–308.
15. Бабиченко А. В., Шевадронов А. С., Воробьев А. А., Елесин И. А., Тектов М. В., Кожин В. Р. Прототипирование бортовой экспертной системы // Известия ТулГУ. Технические науки. 2020. Вып. 1. С. 39–45.
16. Бондарчук В. В. Принципы построения и реализации экспертных интеллектуальных систем процесса взаимодействия гипербарического состояния и контролируемых параметров объектов // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал. 2020. № 81. С. 16–21.
17. Гамаюнова К. Экспертные системы в области права // Инновационная наука. 2021. № 2. С. 75–76.

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭКСПЕРТНЫЕ МЕТОДЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДОСТИЖЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Рассмотрены условия и специфика применимости экспертных методов и экспертных технологий в достижении эффективности управления социальными процессами в условиях глобальной турбулентности. Акцентируется внимание на роли экспертных методов и экспертных технологий в системах управления в современную эпоху. Предложены классификация экспертных методов и типология экспертных технологий в управлении социальными процессами. Обоснована необходимость в проведении экспертных исследований специфики достижения социальной устойчивости в условиях мирового кризиса.

Ключевые слова: социальные процессы, социальный мир, глобальная турбулентность, экспертные методы, экспертные технологии, эффективность управления, устойчивое развитие.

T. I. Grabelnykh, N. A. Sablina, E. V. Lesnikovskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERT METHODS AND EXPERT TECHNOLOGIES IN ACHIEVING EFFICIENT MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES UNDER GLOBAL TURBULENCE

The article discusses the conditions and specifics of the applicability of expert methods and expert technologies in achieving effective management of social processes in the context of global turbulence. The attention is focused on the role of expert methods and expert technologies in control systems in the modern era. The paper proposes a classification of expert methods and a typology of expert technologies in the management of social processes. The need for expert research on the specifics of achieving social sustainability in the context of the global crisis is substantiated.

Keywords: social processes, social world, global turbulence, expert methods, expert technologies, management efficiency, sustainable development.

В XXI в. появление новых угроз и вызовов способствовало изменению типов и пределов детерминации социальных процессов. Вследствие расширения условий неопределенности, возникновения новых случайных факторов и непредсказуемых событий изменилась направленность социальных процессов и логика их развития. Проблема приобрела многомерное измерение, когда одновременно под действием внешних и внутренних факторов нарушился ход событий, начались качественные структурные сдвиги, изменились представления о макро- и микросоциальных процессах. В этих условиях происходит формирование новой социальной реальности, что не могло не дать новый импульс для выстраивания новой конфигурации социальных сил, способных обеспечить социальный порядок в системе.

Нарастание социальной напряженности в обществе не могло не усилить проявления глобальной турбулентности. Соответственно, изменилось социальное поведение ведущих акторов глобальных и локальных социальных процессов. Новые конфигурации социальных взаимодействий, приводящие к смене установленного социального порядка, фактически нарушили сами принципы управления социальными процессами. В этой связи актуализировался целый ряд вопросов:

- 1) какие из компонентов социальной системы наиболее устойчивы к воздействию внешних и внутренних факторов;
- 2) какое количество параметров социального порядка должно измениться, чтобы система оказалась неустойчивой;
- 3) наличие системы оперативного реагирования на возникающие угрозы;
- 4) уровень сформированности общественной потребности в установленном порядке;
- 5) каковы возможности самоорганизации и саморегулирования системы в условиях глобальной турбулентности?

Как показывает интенсивность смены моделей современных обществ, закономерности в их развитии приобретают переменный характер, в большей степени отражая не закономерности общественного развития, присущие целой эпохе, а лишь отдельного периода в ее раз-

витии. Как в фокусе формационного общественно-экономического подхода, так и цивилизационного, всегда ставился вопрос о базисных основаниях устойчивости общества. В современном мире общественная парадигма кардинально изменилась: новая цифровая цивилизация требует изменений сегодня и сейчас, только обозначившиеся тенденции сменяются новыми, о закономерностях общественного развития мы получаем представление при быстрой смене индустрий и технологических укладов. Современные системы управления приобретают более технологизированный характер, чем требуется для устойчивого развития общества. Глобальная турбулентность и стремительная цифровизация создают условия, с одной стороны, для ускоренного развития, когда каждое общество должно пройти свой путь до определенной точки цивилизационного развития, с другой стороны, есть вероятность того, что новые технологии вызовут обратный эффект и не позволят пройти необходимые этапы развития. Поэтому постановка вопроса об устойчивом развитии общества в современную эпоху актуальна лишь для определенного этапа его развития. Полагаем, что такой вывод принципиально важен для понимания условий достижения эффективности управления социальными процессами. Как мы видим из вышесказанного, эффективность управления социальными процессами в современных условиях имеет значение только для отдельных событий, ситуаций, реализации больших и малых проектов, решения стратегических и оперативных задач.

Следовательно, отвечая на вышепоставленные вопросы, мы не можем не акцентировать внимание на условиях и специфике применимости экспертных методов и экспертных технологий. В цифровом обществе они приобретают огромное значение, выступая инструментом для измерения важнейших параметров социальной жизни. Иными словами, экспертные методы и экспертные исследовательские технологии в условиях глобальной нестабильности направлены на измерение сущностных характеристик и параметров как разрушающегося социального порядка, так и становящегося нового социального порядка. И в первом, и во втором случаях требуется получение авторитетного экспертного мнения, выработка оптимальной экспертной модели, которая отражала бы желаемые результаты с точки зрения достижения целевых индикаторов. Именно этим обстоятельством мы объясняем повышенный интерес к эффективным моделям управления с учетом значения и роли экспертных технологий.

Современные экспертные методы и экспертные технологии в системах управления в условиях цифровизации можно дифференцировать на две группы: 1) количественные и качественные методы и подходы, характерные для изучения социальных процессов в контексте достижения устойчивости и социального порядка; 2) современные методы, информационные и экспертные технологии, направленные и применяемые при изучении разнонаправленных ускоряющихся социальных процессов в условиях нарастающей турбулентности. Различие подходов проявляется в особенностях применимости экспертных методов и экспертных технологий к исследованию разных систем детерминации в общественном развитии. При этом для каждой из выделенных групп характерен свой уровень сложности исследовательского и экспертного инструментария.

Таким образом, в современных условиях приобретает огромную важность проведение экспертных исследований как специфики достижения социальной устойчивости в стабильных условиях, так и реализации всего спектра возможностей в кризисном обществе под воздействием глобальной турбулентности.

Так, в июле 2021 г. нами на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» был проведен социологический онлайн опрос населения Иркутской области «Традиционные и новые “коридоры” возможности в условиях новой социальной реальности» с целью выявления актуальных возможностей человека, социальных групп и общностей в условиях социальной напряженности и нестабильности в России и мире (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). В рамках исследования было опрошено 1200 чел., ошибка выборки составила 3 %. Среди опрошенных 58,6 % составили женщины и 41,4 % мужчины. В городской местности проживает 84,4 % опрошенных, в сельской – 15,6 %. По возрасту респонденты распределились следующим образом: от 18 до 25 лет – 27,8 %; от 26 до 35 лет – 18,4 %; от 36

до 45 лет – 21,3 %; от 46 до 60 лет – 19,7 %; от 61 года и старше – 12,8 %. По уровню образования – большая часть респондентов с высшим образованием (48,4 %), с незаконченным высшим – 17,0 %, со средним специальным – 23,1 %, со средним общим образованием – 8,7 %, имеют ученую степень – 2,8 % опрошенных.

Проведенный опрос показал, что среди основных возможностей, которые реализуются сегодня в ходе цифровой стадии научно-технологического прогресса, в первую очередь, респонденты выделяют «возможности оснащения современным техническим и технологическим оборудованием школ, колледжей и университетов» (18,6 % от числа полученных ответов), на втором месте – «возможности массового предоставления услуг интернет-провайдеров для всех регионов России» (16,9 %), на третьем – «возможности создания, развития и внедрения сетевых, экспертных и цифровых платформ разного уровня («экспертные сети», «цифровые проекты и платформы» и др.)» (16,0 %), а также «возможности внедрения информационных технологий нового поколения» (15,4 %) (за 100 % принято общее количество полученных ответов – 2285) (табл.).

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы полагаете, какие сегодня реализуются возможности в ходе цифровой стадии научно-технологического прогресса?»

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Возможности оснащения современным техническим и технологическим оборудованием школ, колледжей и университетов	426	18,6
2	Возможности массового предоставления услуг интернет-провайдеров для всех регионов России	386	16,9
3	Возможности создания, развития и внедрения сетевых, экспертных и цифровых платформ разного уровня («экспертные сети», «цифровые проекты и платформы» и др.)	365	16,0
4	Возможности внедрения информационных технологий нового поколения	353	15,4
5	Все вышеперечисленное	303	13,3
6	Возможности сохранения устойчивой позиции России и ее продвижения в сфере научно-технологических достижений	287	12,6
7	Ничего из вышеперечисленного	46	2,0
8	Затрудняюсь ответить	109	4,8
9	Другое	10	0,4
10	Всего	2285	100,0

В заключение отметим, что вопросы об использовании экспертных методов и экспертных технологий в достижении эффективности управления социальными процессами в условиях глобальной турбулентности приобретают актуальное значение и должны стать предметом пристального внимания представителей современных социологических профессиональных сообществ, а также междисциплинарных школ и направлений.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье представлен обзор основных теоретических подходов современных российских социологов к анализу места и роли социологической науки в управленческих и политических процессах. Автор обращается к теории общества риска О. Н. Яницкого и С. А. Кравченко, теории общества травмы Ж. Т. Тошенко и принципам социологической диагностики акад. М. К. Горшкова и Ю. Г. Волкова. Автор проводит анализ обращения к социологам-исследователям в истории современной России, делает вывод о необходимости расширения практики применения социологических экспертных процедур в процессах принятия управленческих и политических решений.

Ключевые слова: экспертное знание, социологическая экспертиза, современные социологические теории.

M. S. Ivchenkova

Institute of Sociology, FCTAS RAS, Moscow

THEORY AND PRACTICE OF SOCIOLOGICAL EXPERTISE' IMPLEMENTATION IN RUSSIA: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article deals with overview of main concepts of modern Russian sociologists focused on analysis of role and capacity of sociological expertise in management and political processes. The author refers to the theory of risk society by Oleg Yanitsky and Sergey Kravchenko, to the theory of trauma society by Zhan Toschenko, to the theory of sociological diagnostics by academician Mikhail Gorshkov and Yuri Volkov. The author conducts a analysis of the appeal to sociologists in the history of modern Russia and makes conclusion about the need to expand the practice of applying sociological expert procedures in the processes of making managerial and political decisions.

Keywords: expert knowledge, sociological expertise, modern sociological theories.

Сегодня информация различного уровня и качества пронизывает все элементы современного общества. Постоянное производство научного, экспертного и обыденного знания требует его сбора, анализа и оценки с целью оперативного и эффективного внедрения в управленческие и политические процессы. С развитием науки и ее популяризацией в XX веке, а позже с цифровизацией, в общественно-гуманитарной мысли появляются концепции «общества знания» и «эксперткратии», в которых ведется дискуссия о месте и роли научного и экспертного знания в обществе, об их потенциале взаимодействия с властью. Причем, именно экспертные процедуры выходят на первый план в изучении привлечения специального независимого знания в социально-политические процессы. Не вызывает сомнения факт, что в современном социуме экспертиза формируется как особый социальный институт, способствующий коммуникации, с одной стороны, науки и власти, с другой – общества и власти.

Современные российские социологи постоянно обращаются к вопросам взаимосвязи науки и общества, к осмыслению возможностей социологической науки сопровождать и поддерживать социальную ориентацию политики и способствовать снижению рисков последствий принятия тех или иных политических решений. В теоретических концепциях отечественных ученых мы встречаем изучение потенциала социологической науки в разрезе осмысления путей развития российского общества. Таким образом, в самом широком смысле, мы можем использовать понятие «социологической экспертизы» как прикладного применения социологической науки и ее имплементации в политический процесс как независимого источника комплексной информации о социуме.

На наш взгляд, ключевыми теоретическими концептами социологической экспертизы в современной отечественной социологической науке можно назвать теории общества риска О. Н. Яницкого и С. А. Кравченко, теорию травмы Ж. Т. Тошенко и принцип социологической диагностики академика М. К. Горшкова и Ю. Г. Волкова.

Так, О. Н. Яницкий через популярную концепцию общества риска У. Бека представляет анализ рискогенного постсоветского российского общества. О. Н. Яницкий принимает за норму факт производства рисков, но говорит о двойственности этого общественного производства, вследствие которого могут образоваться «два качественно различных типа переходного общества: созидательный и разрушительный». Первый тип при производстве активов и рисков использует человеческий капитал,

возможности институтов гражданского общества и «креативный потенциал и ресурс», в результате чего в обществе созидательного (креативного) типа наблюдается позитивная динамика развития. Разрушительный тип общества, наоборот, обесценивает творческий потенциал имеющихся ресурсов, что ведет к демодернизации социума, кроме того, такие «общества становятся периферией глобального societalного пространства или могут вообще исчезнуть с исторической арены» [5, с. 396]. Россию О. Н. Яницкий относит к рискогенному обществу разрушительного типа. Нивелирование рисков он видит в обращении к стратегии креативного развития через развитие институтов публичной политики таких как институционализированный лоббизм, аналитические центры («фабрики мысли»), научные сообщества. О необходимости диалога научного (социологического) сообщества и власти О. Н. Яницкий пишет во многих своих работах, отмечая значимость и высокий потенциал профессионального социологического знания для выработки политических решений [10]. Следует отметить, что в процессах общественного взаимодействия, по О. Н. Яницкому, производится «социально-научное знание». Этот тип знания он не отождествляет с фундаментальной наукой... Социально-научное знание включено в политический процесс, его язык адаптируется под внеакадемическую среду, а его главной целью становится коммуникация между властью и обществом. Именно это социально-научное знание играет значительную роль в выборе пути развития общества [5, с. 398].

Используя принципы теории общества риска, С. А. Кравченко обращается к анализу изменения места и роли науки в социуме под воздействием ускоряющегося социального времени, нелинейности социальных процессов и множющихся рисков [7]. Кравченко не подвергает сомнению значимость научного знания в развитии современного общества, но акцентирует внимание на необходимости адаптации науки и ученого к вызовам современности в виду высокой рискогенности самого производства знания. В первую очередь научное знание должно иметь практическую эффективность и социальную востребованность при оценке рисков и социальном прогнозировании их последствий. Во-вторых, научное знание должно быть мультипарадигмальным, существовать в открытых и подвижных системах для свободной дискуссии и развития, избегать излишнего традиционализма и авторитетности догм отдельных научных школ. Кроме того, научное знание должно быть локализовано культурными и временными пространствами. Важной и уникальной характеристикой современного научного знания, по мнению С. А. Кравченко, должна стать интеграция естественных и гуманитарных дисциплин, такая комплексная междисциплинарность «позволила бы учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии, турбулентности социума, осуществляя при этом поиски новых форм гуманизма» [7, с. 76].

К интерпретации и попыткам социального прогнозирования будущего нашей страны обращается Ж. Т. Тощенко со своей концепцией общества травмы [9]. Под обществом травмы, к которому Ж. Т. Тощенко относит и Россию, он понимает «пограничное состояние социума между эволюционным и революционным развитием, когда общество долгое время находится в стагнирующем неопределенном состоянии» [5, с. 399]. Травма российского общества состоит в отсутствии единой национальной стратегии и рассогласованности действий элит. В виду того, что состояние общества травмы не перманентно, Ж. Т. Тощенко видит выход из состояния неопределенности в том числе через развитие научного потенциала страны. В своей теоретической концепции он акцентирует внимание на необходимости разработки национальной стратегии и эффективности обращения к академической науке в управленческих и политических процессах.

Особое место в теоретическом осмыслении социологической экспертизы занимает принцип социологической диагностики, разработанный академиком М. К. Горшковым. Социологическая диагностика дает не только количественные показатели для оценки материальных величин, но и возможность измерения ценностных измерений, объясняя механизмы формирования отношений к тем или иным социальным процессам. Социологическая диагностика должна быть включена в процессы государственного управления на регулярной основе и представлять собой институт экспертного знания в политическом процессе. По мнению М. К. Горшкова, «социология должна уделять самое пристальное внимание экспертизе законопроектов, призванных регулировать социогуманитарные процессы в обществе на основе учета национального менталитета россиян и тенденций общекультурного развития мирового

сообщества» [4, с. 44]. Именно социологическая диагностика должна стать основой создания эффективных моделей социально-ориентированного управления.

Теоретическое исследование принципа социологической диагностики продолжает в своих работах Ю. Г. Волков. Он концептуализирует социологический диагноз и вводит в научный оборот понятие социологической экспертизы. Под социологическим диагнозом Ю. Г. Волков понимает исследовательскую деятельность, направленную на анализ и интерпретацию социальных явлений и процессов, осуществляемую социологическими методами и конструктами [1]. Социологическая экспертиза носит более общий и прикладной характер. Социологический диагноз фиксирует и описывает объект исследования, социологическая экспертиза же «ориентирована и на определение возможностей реализации управленческих решений, и на моделирование предвидения социальных, экономических и политических последствий» [2, с. 35]. Кроме того, Ю. Г. Волков отмечает, что социолог, осуществляющий социологическую диагностику, является лишь профессионалом-исследователем, транслирующим информацию. Производство же социологической экспертизы подразумевает не только профессиональные компетенции, но и включение гражданской ответственности социолога, ведь социологическая экспертиза может лечь в основу изменения управленческих решений.

Принцип социологической диагностики лег в основу большого количества фундаментальных социологических исследований, проведенных в последние 20 лет учеными Института социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) под руководством академика М. К. Горшкова. Уникальным исследовательским проектом стал мега-грант РФ «Динамика социальной трансформации современной России» (2015–2017 гг.). В рамках проекта был проведен общероссийский мониторинг, позволивший дать комплексный анализ социальных трансформаций в России. Результаты такой масштабной социологической диагностики были представлены в пятитомной серии монографий [8]. Серия получила высокую оценку не только в научных кругах, но и была отмечена Президентом России.

На базе ФНИСЦ РАН функционирует Лаборатория социологической экспертизы, ведущая исследовательскую деятельность исключительно в прикладном ключе и осуществляющая судебную социологическую экспертизу, т. е. процессуальные действия, состоящие из проведения социологического исследования и дачи заключения в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному судебному делу.

Особо следует отметить работу Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, ориентированную на разработку отечественной модели управления инновационным развитием страны, адекватной внутренним и внешним вызовам, а также социокультурным особенностям ее регионов. Для реализации этой практической задачи с 2010 г. Центром реализуется мета-проект с участием регионов «Готовность органов власти и различных социальных групп населения к радикальной модернизации отечественной системы управления». Результаты фундаментальных исследований Центра представляются в качестве рекомендаций органам государственного управления различного уровня.

Исследователи Института демографических исследований ФНИСЦ РАН на регулярной основе осуществляют помощь в разработке проектов и программ демографического развития и регулирования миграции для органов власти Российской Федерации. Институт демографических исследований регулярно проводит международные конференции, на площадках которых осуществляется диалог научного сообщества с представителями власти, в том числе зарубежных дружественных стран.

Социологи ФНИСЦ РАН включены в работу институтов общественного контроля РФ, являясь экспертами Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Научного совета при Свете Безопасности РФ и общественных советов при министерствах и ведомствах.

Следует особо отметить, что социологическая экспертиза востребована и осуществляется не только на федеральном уровне. Активная работа социологов-исследователей ведется и в регионах [6]. Все это говорит о наличии достаточно обширной практики обращения к со-

диологическому знанию в управленческих и политических процессах современной России. Позитивным трендом развития такой практики является запрос на социологическую экспертизу со стороны власти. Так, в выступлениях политиков и чиновников встречаются отсылки к данным социологических исследований. Со стороны научного социологического сообщества так же должна исходить инициатива по информационно-аналитической поддержке управленческих решений. Справедливо отмечает М. К. Горшков, что «...социология является важным ресурсом изменений общественной жизни и общественных институтов, который сосредотачивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем» [3, с. 16].

Сформировавшийся на текущий момент опыт практической имплементации социологического знания в политический процесс, а также его теоретическое осмысление с анализом форм и рискогенности участия ученого/ эксперта/ исследователя, имеет все шансы развития и становления в отдельный независимый институт социальной экспертизы. Именно, такой социальный институт гражданского участия социологического знания в политическом процессе может полностью реализовывать функционал «фабрик мысли» и выступать медиатором между наукой и властью, обществом и властью с целью устойчивого инновационного развития нашей страны.

Литература

1. Волков Ю. Г. Концептуализация социологического диагноза: теоретическая рефлексия // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 29–38.
2. Волков Ю. Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М. : КНОРУС, 2018. 234 с.
3. Горшков М. К. Институт социологии РАН: 50 лет изучая общество, жизненные интересы и ценности людей // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1. С. 7–17.
4. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 416 с.
5. Ивченкова М. С. Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 395–402.
6. Ивченкова М. С. Экспертное знание в управлении регионом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 264–267.
7. Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. М. : АНО «Редакция журнала "Знание-сила"», 2019. 236 с.
8. Горшков М. К. [и др.] Российское общество и вызовы времени. Кн. 1–5 / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. ; Ин-т социологии РАН. М. : Весь Мир, 2015–2017.
9. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с.
10. Яницкий О. Н. Глобализация: новые вызовы для науки // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков М. : Новый Хронограф, 2020. С. 511–528.

ДЕТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЗДОРОВЬЕ, РАЗВИТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Рассматриваются материалы одного из выборочных социально-демографических обследований Росстата – комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого с периодичностью один раз в 2 года. Анализируются данные за 2020 год. Акцентируется внимание, что проведенное обследование охватывает самые разные стороны жизни: здоровье и медицинское обслуживание, образование, занятость и условия труда, жилищные условия, отдых. Отмечается, что один из разделов посвящен детям в возрасте до 15 лет и содержит обширную информацию о них.

Ключевые слова: обследование, население, дети, здоровье, уровень жизни.

I. V. Ivanova

Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region, Irkutsk

CHILDREN OF THE IRKUTSK REGION: HEALTH, DEVELOPMENT, FORMATION OF PERSONALITY

The article deals with the materials of one of the selective socio-demographic surveys of Rosstat – a comprehensive observation of the living conditions of the population, carried out with a frequency of 1 time in 2 years. The latest data is for 2020. This work covers a variety of aspects of life: health and medical care, education, employment and working conditions, housing conditions, recreation. One section is dedicated to children under the age of 15 and contains extensive information about them.

Keywords: survey, population, children, health, standard of living.

Дети – наше будущее, повзрослев, они займут рабочие места, кто-то из них встанет у руля предприятий и организаций, муниципалитетов и регионов, органов власти страны. От их здоровья, багажа знаний, от привычек и устремлений, формируемых с первых лет жизни, во многом зависит, какой станет Россия.

Здоровью и развитию детей уделяется большое внимание. В рамках национального проекта «Демография» действует региональная программа развития детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры для оказания медицинской помощи детям. Данная программа предусматривает снижение показателя младенческой смертности в Иркутской области к 2024 г. до 5,8 на 1000 родившихся живыми путем повышения доступности и качества медицинской помощи на всех этапах ее оказания, профилактики заболеваемости, совершенствования специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи детям. В 2020–2021 гг. на эти цели из федерального и областного бюджетов было выделено 350 млн руб. [1] Средства потрачены на оснащение детских поликлиник медицинскими изделиями и расширение иммунизации.

В Иркутской области младенческая смертность постепенно снижается, предусмотренный программой показатель был достигнут в 2021 г. (рис. 1) [2].

Однако не все дети здоровы. По мнению родителей, опрошенных в Иркутской области, хорошее здоровье имеют 81,9 % детей, есть дети с плохим здоровьем. Более крепкое здоровье имеют девочки в сравнении с мальчиками и городские дети по сравнению с живущими в сельской местности [3]. Однако болели они чуть чаще, при этом девочки выздоравливали быстрее, а болезнь сельских детей была самой продолжительной (в среднем – около 3 месяцев в течение неполного года; табл. 1).

Образование детей начинается с первых лет жизни. Развитием и социализацией малышей занимаются дошкольные образовательные организации. После обеспечения местами в детских садах детей с трехлетнего возраста такая задача встала по отношению к детям до 3 лет. Один из региональных проектов, разработанных в рамках федеральной программы «Демография», предусматривает содействие занятости женщин, создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет.

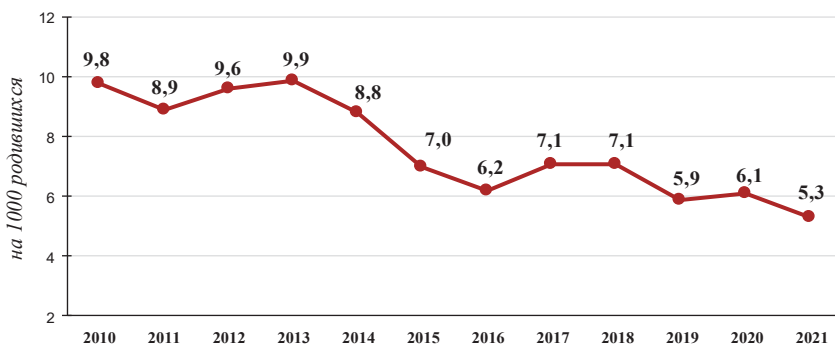

Рис. 1. Уровень младенческой смертности в Иркутской области

Таблица 1

Состояние здоровья и заболеваемость детей
(по оценке родителей; в % от числа опрошенных)

	Всего	из общего количества			
		мальчики	девочки	городская местность	сельская местность
Здоровье					
хорошее	81,9	77,1	86,8	83,0	78,8
удовлетворительное	17,5	22,5	12,4	16,7	20,0
плохое	0,5	0,3	0,7	0,3	1,2
Заболеваемость в январе-сентябре 2020 г. (постельный режим)					
не болел	75,4	76,2	74,6	76,6	72,3
болел	24,6	23,8	25,4	23,4	27,7
Средняя продолжительность болезни, месяцев	2,3	2,6	2,1	2,1	2,8

По данным обследования, в этом нуждается более половины (54 %) малышей младше 3 лет. На конец 2021 г. в отпуске по уходу за детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет находилось около 9 тыс. жителей Иркутской области, многие из них хотели бы вернуться на работу при наличии места в детском дошкольном учреждении.

Чаще всего в детсад или школу дети добираются пешком, иногда на общественном или личном транспорте родителей. При необходимости добираться в школу, расположенную в другом поселке, используется школьный автобус, этим транспортом пользуются более четверти сельских школьников (табл. 2).

Таблица 2

Способы доставки детей в детские дошкольные и общеобразовательные организации (в %)

	В детсад	В школу				
		всего	городская местность	сельская местность	среднее время на дорогу, мин	
					городская местность	сельская местность
Общественный транспорт	7,0	6,6	8,3	2,1	12,6	22,3
Личный автотранспорт	19,7	9,8	10,4	8,2	11,1	14,6
Пешком	73,3	74,1	79,5	59,7	13,3	15,7
Школьный автобус	x	7,8	0,6	27,3	10,0	15,3

На дорогу до детского сада затрачивается в среднем 12–14 мин. Примерно столько же времени тратят городские школьники на дорогу до школы. Затраты времени сельских школьников заметно больше, особенно при использовании общественного транспорта (в среднем 22 мин). В отдельных случаях, при значительном расстоянии до более крупного населенного пункта, дорога в школу может занять и полчаса, и больше. Но значительная часть (16,4 %) детей 3–8 лет не ходит ни в детский сад, ни в школу. Остро стоит данная проблема в сельской местности, где образованием не охвачены более трети детей этого возраста (37,2 %; в городе – 10,1 %).

Дети требуют постоянного присмотра, в том числе после возвращения из школы или детского сада (если не находятся в круглосуточных группах). Присмотр чаще всего осуществляют родители или бабушка (дедушка), другие члены семьи. Не всегда есть такая возможность в сельских домохозяйствах. Иногда это поручается соседям, сторонним людям (3,9 %) или большую часть времени ребенок остается без присмотра (1,6 %).

Для учащихся начальных классов предусмотрены группы продленного дня, где ребенок может отдохнуть и сделать уроки под присмотром педагога. Но такая возможность есть далеко не у всех. Большинство младших школьников (85 %) не посещает такие группы, каждый девятый после уроков предоставлен сам себе.

Часть детей растут в малообеспеченных семьях, где ежегодные сборы в школу, приобретение всего необходимого представляют собой проблему. Без затруднений могут обеспечить своих детей всем необходимым для школы 37 % семей, несколько затруднительно это для половины семей (51 %), а у 12 % семей (на селе – 17 %) возникают сильные затруднения.

Малообеспеченные семьи даже при покупке самого необходимого довольно часто (почти в каждом втором случае) с большими затруднениями «сводят концы с концами». Довольно трудно это сделать также сельским и многодетным семьям. И нет семей, для которых это очень легко (табл. 3).

Таблица 3
Возможности разных семей «свести концы с концами» при покупке самого необходимого (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские	С 1 ребенком	С 3 и более детьми	10 %-я по численности группа с наименьшими доходами
Домохозяйства с детьми до 15 лет, которые «сводят концы с концами»:						
очень легко	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
легко	0,4	0,4	0,4	1,5	0,0	0,0
сравнительно легко	14,1	18,1	2,2	23,1	7,4	0,0
с небольшими затруднениями	40,4	36,2	52,8	35,8	31,8	28,1
с затруднениями	26,9	28,1	23,5	27,3	37,8	26,2
с большими затруднениями	18,1	17,1	21,1	12,4	23,0	45,7

В жизни бывает немало ситуаций, требующих затрат. Каждая вторая семья (а из малообеспеченных – две трети) не может справиться с ситуацией, когда необходим срочный ремонт жилья или оплата медицинских услуг, выходят из строя предметы длительного пользования (телевизор, холодильник и т. п.; табл. 4).

Весьма проблематична замена мебели, хотя бы короткий отпуск с выездом из дома, прием гостей по праздникам. Чаще других это не по карману живущим в сельской местности, а также многодетным и самым малообеспеченным семьям.

Материальное положение семьи может сдерживать культурное развитие ребенка, ограничивать его общение со сверстниками. С такой проблемой не сталкиваются материально обеспеченные семьи. А в самых бедных семьях каждый третий ребенок ограничен в эмоционально-культурном развитии (табл. 5).

В семьях с минимальным достатком каждый пятый из детей, в возрасте от 3 до 9 лет, еще не побывал ни на одном детском мероприятии.

Таблица 4

Ограниченные возможности семей при разных жизненных ситуациях (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские	С 1 ребенком	С 3 и более детьми	10%-ная по численности группа с наименьшими доходами
Домохозяйства с детьми до 15 лет, не имеющие возможности:						
оплачивать жизненно необходимые лекарства	13	12	15	10	21	27
справляться с неожиданными тратами ¹⁾	47	45	54	46	47	66
заменить пришедшую в негодность самую простую мебель	48	49	45	40	55	64
покупать новую одежду по мере износа	4	3	6	3	1	11
покупать каждому члену семьи 2 пары сезонной обуви	27	32	14	32	17	20
позволить питание из мяса, птицы или рыбы 1 раз в 2 дня	5	6	4	5	0	5
фрукты в любое время года	13	12	15	11	6	23
приглашать гостей на семейные торжества (Новый год и др.)	28	27	34	23	40	63
каждый год неделю отпуска проводить вне дома (включая нахождение во втором жилье, у родственников, друзей)	51	48	60	40	67	68

Таблица 5

Влияние уровня жизни семьи на посещение детьми культурно-развлекательных мероприятий (в %)

	Всего	В том числе по 10%-ным группам населения	
		1-я группа (с наименьшими доходами)	10-я группа (с наибольшими доходами)
В семьях, чьи доходы не позволяют ребенку посещать культурно-массовые мероприятия хотя бы раз в месяц			
дети от 3 до 15 лет	17,5	35,0	0,0
дети от 3 до 9 лет	13,1	31,0	0,0
из них ни разу не посещали	14,8	20,2	0,0

Характер мероприятий, посещаемых городскими и сельскими детьми, заметно различается. Из-за удаленности от города, а также по материальным причинам сельские ребята почти не бывают в театрах и музеях, главное событие для них – праздник в клубе по месту жительства (табл. 6).

Таблица 6

Виды культурно-развлекательных мероприятий, посещаемых городскими и сельскими детьми

	Городские дети	Сельские дети
Доля детей (%), посещавших		
кинотеатр	59	36
театр	29	2
зоопарк	61	44
цирк	61	34
музей	14	2
культурно-досуговое учреждение (клуб и т. д.)	23	71

Услуги культуры не относятся к разряду обязательных, от их потребления семья может отказаться по своему усмотрению. А жилищно-коммунальные услуги оплачивают практически все, это весомая часть расходов семьи. Кроме того, многие арендуют жилье или выплачивают ипотечный кредит, что значительно сужает финансовые возможности семьи (табл. 7).

¹⁾ На срочный ремонт жилья, медицинские услуги, замену предметов длительного пользования

Распространенность ипотечного кредитования и наличие задолженности по жилищно-коммунальным платежам (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские	С 1 ребенком	С 3 и более детьми	10%-ная по численности группа с наименьшими доходами
Из числа домохозяйств с детьми до 15 лет:						
платили за аренду жилья или погасили ипотечный кредит	30	33	21	28	33	42
оплачивали услуги ЖКХ	94	97	88	96	87	88
из них – из-за недостатка денег в 2020 г.						
не имели задолженности по платежам	10	10	12	11	11	19
имели задолженность 1 раз	26	24	32	18	36	50
имели задолженность 2 раза и более	64	66	56	71	53	31

Жилищно-коммунальных долгов не имеют только 10 % семей. У остальных случалась задолженность по платежам и чаще всего это не единичные случаи. На общем фоне наиболее финансово дисциплинированными выглядят малообеспеченные, а также многодетные семьи, привычки рассчитывать и экономно тратить свои скромные средства.

Привычка жить экономно выражается и в сумме средств, необходимых, по мнению семьи, для того, чтобы «свести концы с концами» при покупке самого необходимого. Если в среднем это 99 тыс. руб. в месяц на домохозяйство, то в группе с самыми низкими доходами – 66, в сельской местности – 68 тыс. руб. Немногим различается «аппетит» семей с одним ребенком и с тремя детьми, по их оценке, требуется соответственно 95 и 103 тыс. руб.

Аренду или ипотеку платят 30 % семей. Ситуация с долгами по этим платежам примерно такая же, как и по оплате жилищно-коммунальных услуг: нет задолженности у 9 % семей, 24 % однажды сорвали срок выплат и две трети семей-должников (67 %) неоднократно имели задолженность.

Недостаток финансовых средств нередко служит сдерживающим фактором для активных занятий спортом. Высокую оплату таких занятий как причину отказа от них назвали 16 % опрошенных семей (10 % городских домохозяйств и 21 % сельских). Семьи с двумя детьми вдвое чаще по сравнению с однодетными называют именно этот сдерживающий фактор. Это не главная причина. И все же ее устранение способствовало бы более активному приобщению к спорту молодого поколения.

«Спорт – норма жизни» – одно из направлений программы «Демография». В последнее время в городских дворах появляются спортивные площадки и общедоступные тренажеры. А значительная часть (42 %) отказавшихся от занятий ссылаются на отсутствие поблизости мест для занятий. Особенно характерно это для сельской местности (55 % ответов). Более трети опрошенных семей честно признаются, что у ребенка нет желания. И в этом направлении надо работать, чтобы создать мотивацию для занятий.

Детей, не склонных заниматься своим физическим развитием, довольно много, это каждый второй ребенок (табл. 8).

Таблица 8

Приобщенность детей в возрасте от 3 до 15 лет к спортивным занятиям (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские
Удельный вес домохозяйств, где дети ¹⁾ :			
Занимаются в спортивной секции, спортивной школе	30	34	19
Занимаются самостоятельно на спортивных сооружениях, участвуют в активных играх	24	23	29
Не занимаются ничем из перечисленного	47	45	54

¹⁾ Сумма больше 100 % за счет детей, одновременно занимающихся и в секции, и самостоятельно.

Следует отметить, что девочки в сравнении с мальчиками проявляют меньше интереса к спортивным занятиям, секцию или спортшколу посещают 26 % из них (из мальчиков – 34 %). Преобладающее большинство занимающихся (98 %) делают это на регулярной основе, почти каждый день или несколько раз в неделю.

Современные дети с малых лет приобщены к компьютеру. Однако не у всех есть такая возможность, чаще других ее лишены многодетные и сельские семьи. Более трети (36,4 %) ребятишек в многодетных семьях, а в сельской местности 38,9 % лишены возможности выхода в интернет (табл. 9).

Таблица 9

Возможность работы на персональном компьютере в разных семьях (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские	С 1 ребенком	С 2 детьми	С 3 и более детьми
Из числа домохозяйств с детьми до 15 лет:						
семьи, где дети не имеют навыков практической работы на ПК	8,3	7,7	9,9	3,2	7,3	18,0
нет возможности для выхода в Интернет	16,6	8,4	38,9	10,2	12,0	36,4
из числа пользующихся – делают это постоянно, не менее раза в день	76,3	81,8	60,5	77,4	77,8	...

На «ты» с компьютером чаще всего мальчики, из них навыков работы не имеют 5,4 %, тогда как среди девочек 12,1 %.

Цели выхода в интернет можно условно разделить на 2 группы: личные и общественно значимые, с небольшим перевесом преобладают последние. Общение в социальных сетях назвали целью 61 % респондентов, развлечения (фильмы, игры и т. д.) – 70 %, а дистанционное обучение – 66 %, подготовку к урокам, школьным проектам – 76 %.

Работа в интернете учит искать и находить нужные сведения, ориентироваться в огромной массе информации. В условиях пандемии коронавируса и вынужденного перехода на удаленный режим работы и учебы значение персонального компьютера существенно возросло.

Жизнедеятельность современного человека немыслима без умения работать на компьютере, в связи с чем в стране была поставлена задача оснащения всех школ компьютерными классами. Это достижение цивилизации необходимо и в домашних условиях. По данным обследования семейных бюджетов, в расчете на 100 домохозяйств Иркутской области имеется 39 персональных компьютеров, 88 портативных компьютеров (ноутбук, планшет, iPad), 198 смартфонов (iPhone).

Личность ребенка формируется под влиянием многих факторов. Заметную роль в становлении человека играет его участие с малых лет в общественно полезной работе. Многие дети приобщены к труду, помогают старшим, пробуют себя в роли волонтеров, кто-то из них даже успел получить свою первую зарплату (табл. 10).

Таблица 10

Наличие у детей оплачиваемой и неоплачиваемой работы (в %)

	Все семьи	Городские	Сельские
Из числа детей до 15 лет:			
Имели оплачиваемую работу в период обследования	2,3	0,5	7,0
Помогали в собственном деле, принадлежащем кому-то из членов семьи	27,7	15,9	59,7
Участвовали в волонтерской деятельности	2,8	1,4	6,8

Из данных табл. 10 видно, что большим трудолюбием отличаются сельские дети, сама жизнь заставляет их рано познать, что такое труд. Дети, имеющие опыт трудовой деятельности, составят достойную смену старшему поколению.

Таковы краткие итоги обследования по данной теме. С подробными материалами этого и других статистических наблюдений может ознакомиться любой желающий, их итоги размещаются в свободном доступе на сайте Росстата и Иркутскстата. Основной целью проведенных наблюдений является получение статистической информации, отражающей фактические

условия жизнедеятельности российских семей и их потребности в обеспечении безопасной и благоприятной среды обитания, здорового образа жизни, воспитании и развитии детей, установлении и развитии социокультурных связей [4]. Выборочные обследования – действенный инструмент контроля над выполнением и эффективностью государственных и региональных программ, мер демографической и социальной политики. Они – надежный вектор дальнейшего социального развития.

Литература

1. Информация о реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография» в 2021 году // Министерство здравоохранения Иркутской области. URL: <https://www.minzdrav-irkutsk.ru/deyatelnost/detail.php?ID=85025> (дата обращения: 11.03.2022).
2. Оперативные демографические показатели за декабрь 2021 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/demographics_12_2021.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
3. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2020 году // Федеральная служба государственной статистики России. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 30.03.2022).
4. Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения : постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 946.

УДК 316.4

Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

МОЛОДЕЖНЫЙ ГОРОДСКОЙ АКТИВИЗМ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ¹

Рассматриваются оценки экспертами молодежных городских активностей как инструмента реализации права на город. На материалах опроса экспертов с использованием метода «снежного кома» ($n = 15$) утверждается, что молодое поколение присваивает и производит городское пространство, а также стремится изменить его в соответствии со своими запросами и потребностями. По оценкам экспертов отсутствие информации об институционализированных механизмах реализации молодежных инициатив становится барьером успешной и продуктивной деятельности, нацеленной на развитие города.

Ключевые слова: город, городской активизм, право на город, молодежь, эксперты

N. L. Antonova

Ural Federal University, Ekaterinburg

YOUTH URBAN ACTIVISM AS EVALUATED BY EXPERTS

The article deals with the experts' assessments of youth urban activism as a tool for the realization of the right to the city. Based on the materials of the expert survey using the "snowball" method ($n=15$), it is argued that the young generation appropriates and produces urban space, as well as seeks to change it in accordance with their needs and demands. According to experts, the lack of information about institutionalized mechanisms for the implementation of youth initiatives becomes a barrier to successful and productive activities aimed at the development of the city.

Keywords: city, urban activism, right to the city, youth, experts.

Городской активизм относительно новое социальное явление, исследованию которого последнее десятилетие посвящены работы как российских, так и зарубежных авторов. Развитие городской среды, ее наполнение различного рода активностями ставит вопрос об участии горожан в производстве пространства.

Молодое поколение, являясь субъектом становления и воспроизводства социальных связей, выступает не только потребителем городской инфраструктуры, но и определяет новые модели отношений и практик, нацеленных на улучшение территории своей жизни. Со-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a.

гласно нашим исследованиям, молодежь берет на себя ответственность за место своего проживания и реализацию своих жизненных планов [1], соответственно активизм проявляется в самоорганизации участия в городском управлении [2, с. 164].

Ряд исследователей ставят вопрос о новом городском активизме. Так, О. Паченков и Л. Воронкова утверждают, что городские активисты переходят от протестных и защитных инициатив к созидательным, от противостояния – к широкому партнерству и сотрудничеству [3, с. 253]. По мнению М. Н. Королевой и М. А. Черновой новый созидательный городской активизм нацелен на конкретные преобразования городской среды вместо политических шагов [4, с. 93]. Несмотря на высокий протестный потенциал [5; 6] современная молодежь становится субъектом со-творчества городской среды, реализуя как низовые практики активностей, так и формируя социальные коммуникация с представителями властных городских структур.

В фокусе нашего исследовательского анализа – оценки городского молодежного активизма экспертным сообществом. В 2021–2022 гг. нами методом полужформализованного интервью было опрошено 15 экспертов. Выбор экспертов был неслучаен. Мы использовали метод «снежного кома» [7; 8], выбрав ключевого информанта, предложившего 2–3 экспертов, которые далее выделили еще специалистов в области городского активизма молодежи. Таким образом с учетом отказов от интервью была сформирована совокупность экспертов, в которую вошли представители властных структур, специалисты и руководители молодежных городских программ и проектов, ученые-исследователи городского пространства. Полученные в ходе опроса материалы были транскрибированы и обобщены в соответствии с поставленными задачами.

Опираясь на идеи и положения, заложенные в концепции «право на город» и представленные в работах А. Лефевра [9], Д. Харви [10], М. Л. де Соуза [11], мы сформулировали три основных блока исследовательских вопросов. Первый блок нацелен на определение права жить в городе и присваивать городское пространство; второй блок ориентирован на оценку реализации права молодежи на производство городского пространства, в третьем блоке мы попытались осмыслить право молодого поколения изменять городское пространство под собственные запросы.

Право жить в городе и присваивать городское пространство. Материалы опроса экспертов свидетельствуют, что информанты единодушны в определении широкого спектра возможностей, которые предлагают крупные города современной молодежи: *«Большие возможности для самореализации и развития, возможностей выбора работы «по душе», возможностей культурного досуга и развлечений. Города дают ощущение пространства в мегаполисе (в отличие от маленьких компактных городков), ощущение сопричастности в рамках развития инфраструктуры мегаполиса: наличие больших магазинов и брендовых магазинов, наличие всех видов транспорта»* (ж., начальник отдела, Министерство промышленности и науки).

Город – это особая территория с развитой инфраструктурой, которая становится точкой притяжения молодого поколения. По мнению экспертов молодежь – активный участник потребления и присвоения городской инфраструктуры, причем уже школьники рассматривают торговые центры, кафе, публичные открытые площадки как место коммуникативных контактов: *«со школьной скамьи молодое поколение «гуляет» по торговым центрам, сидит в кафе, выходит на набережную. Что они делают? Они общаются, проводят свободное время, и, по сути, одновременно потребляют город и наполняют его особыми смыслами, формируют свои схемы и конструкции, ценностно поддерживая определенные точки и линии городского пространства, придавая им какие-то свои уникальные значения»* (м., кандидат наук, исследователь городского пространства). Таким образом, можно утверждать, что, потребляя и присваивая пространство города, молодое поколение актуализирует «третьи места» [12], которые выполняют различного рода функции: коммуникативную, идентификационную, социализирующую и др.

Право на производство городского пространства. Молодежный городской активизм в оценках экспертов проявляет себя в производстве городского пространства: *«Молодежь у нас все-таки носитель современных идей и творчества. Как ни крути, они мобильнее. Молодежь является носителем современных представлений о жизни. Молодежь же идет на шаг впереди многих поколений»* (ж., специалист отдела, Министерство социальной политики).

Эксперты отмечают, что молодое поколение производит как объекты инфраструктуры, так и новые типы отношений, связей, мобильностей. Городские активисты могут, с одной стороны, «поднять» молодежь на уборку территории, а, с другой стороны, оказать помощь людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. *«Молодежь у нас кстати со школы хорошо подключается в субботники, в какие-то общегородские мероприятия, фестивали, движения»* (ж., специалист отдела, Министерство социальной политики); *«Активисты могут помочь нуждающимся, например, пожилым и одиноким людям, пандемия, кстати, это подтвердила, когда молодые покупали продукты и приносили старикам, оказавшимся в тяжелой ситуации. Могут также для животных в приютах корм собрать. Это и есть, на мой взгляд, производство города, пространство города производят люди в нем живущие»* (ж., кандидат наук, исследователь городского пространства).

Право изменять городское пространство под собственные запросы. Опрошенные эксперты уточняют, что молодежь – это стратегический ресурс в развитии города. Соответственно, *«хочется, чтобы молодые люди создавали новую городскую среду для себя; и они это делают»* (ж., специалист отдела, Министерство образования и молодежной политики). Один из экспертов отметил, что постановка вопроса о праве молодежи менять город звучит современно и актуально, поскольку *«все вокруг говорят об обязанностях, а молодежи так хочется услышать и о правах»* (ж., педагог-организатор молодежного медиацентра).

Вместе с этим эксперты были единодушны: реализовать свои идеи и новации в пространстве города активистам довольно сложно. Основная трудность заключается в том, что большая часть молодежных инициатив должна соответствовать нормативно-правовой базе: *«Инициативы востребованы конечно, но юридически и финансово использовать идеи молодежи сложно. Благоустройство, например, тут при желании горожане могут организовываться (каждый двор может сам выйти на субботник, не дожидаясь распоряжений мэра). Все остальные события в городе должны быть организованы и санкционированы «сверху». Идеи вразрез с законодательством не могут быть реализованы»* (ж., начальник отдела, Министерство промышленности и науки).

Эксперты, представляющие властные структуры, выразили готовность оказывать содействие и помощь в реализации инициатив молодых горожан. Одним из инструментов, способствующих повышению информированности управленцев о запросах и потребностях молодого поколения, выступают публичные слушания, участие в общественных и экспертных советах. По мнению Т. И. Грабельных и Е. В. Лесниковской, вовлечение наиболее активных слоев населения и лидеров в новые общественные структуры является актуальным механизмом общественного участия [13, с. 28]. Однако, как отмечает один из экспертов, *«процедура общественных слушаний не доведена до сведения молодежи, они не знают о ней, и надо бы работать с активистами в этом направлении. А люди высказывают свое мнение и добиваются своих целей, этот механизм – работающий»* (ж., специалист отдела, Министерство образования и молодежной политики).

Особое внимание следует уделить оценке экспертами мотивации участия молодежи в практиках преобразования городского пространства. Речь идет о том, что по мнению трети опрошенных среди активистов имеются горожане, которые стремятся повысить свои статусные позиции, заявить о себе. При этом эксперты настроены весьма критично: *«Активисты часто – «говорунки», делать ничего не хотят или не могут. Но говорить и делать – разные вещи. И делать нужно в рамках законодательства, а не по своим понятиям»* (ж., начальник отдела, Министерство промышленности и науки); *«У нас сейчас активистов много, а экспертов среди них, к сожалению, не так много. Не всегда тот, кто громче всех кричит, тот и прав. Прав зачастую тот, кто больше всех знает. Здесь надо поднять вопрос именно об*

ответственности самих активистов» (ж., специалист отдела, Министерство социальной политики).

Близкую к указанной можно назвать и проблему столкновения интересов представителей разных молодежных групп, имеющих различные потребности и представления о городском развитии: *«Разные группы молодежи с разными запросами – вот здесь может быть проблемная точка. Так, одна группа хочет разбить сквер, другая – создать какой-то арт-объект, например, из мусора. И все это на одной площадке. А третьей группе может захотеться устроить бесплатный прием ветеринара для животных. Вот здесь и могут столкнуться интересы, хотя все практики выглядят созидательными»* (м., кандидат наук, исследователь городского пространства).

В целом материалы исследования позволяют прийти к следующим выводам. Молодежный городской активизм выступает важным и функционально ценным ресурсом в развитии городского пространства. Молодое поколение, выступая инициатором различного рода практик, тем не менее, по оценкам экспертов, пока еще не вполне представляет возможностей их реализации в городской среде. Одним из барьеров успешного осуществления городских активностей становится отсутствие информации о законодательной базе и предлагаемых городом институциональных механизмов. Для разрешения противоречия, которое указывает на приветствие всеми экспертами молодежной партисипации в управление городом, с одной стороны, и недостаточной информационной насыщенностью городских активистов, с другой, необходимы специальные разработки, утверждающие «маршруты» конкретных действий для продвижения инициативных программ и проектов.

Литература

1. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 443–462.
2. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 162–192.
3. Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19(2). С. 253–268.
4. Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.
5. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Факторы протестной активности российской молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 2(2). С. 4–8.
6. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология // NOTA BENE. 2020. № 1. С. 1–14.
7. Алексеевская В. В. Экспертное интервью как метод моделирования психологических последствий глобальных изменений // Вестник науки и образования. 2018. № 3(39). С. 97–100.
8. Слепцова М. В. Выбор экспертов для проведения педагогической экспертизы в E-learning // Перспективы науки и образования. 2019. № 4(40). С. 473–483.
9. Lefebvre H. Writings on Cities. Cambridge, MA : Blackwell Publishers, 1996.
10. Harvey D. The Right to the City // New Left Review. 2008. N 53. P. 23–40.
11. De Souza M. L. Which right to which city? In defence of political-strategic clarity // Interface: a journal for and about social movements. 2010. № 2(1). P. 315–333.
12. Ольденбург П. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М. : Нов. лит. обозрение. 2014.
13. Грabelных Т. И., Лесникова Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 1. С. 25–29.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ САНКЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье с позиции государственного управления рассматриваются вопросы по формированию промышленной политики на территории Иркутской области в условиях применения санкций. Описаны основные инструменты государственной поддержки промышленных предприятий направленных на импортозамещение.

Ключевые слова: регион, промышленная политика, импортозамещение, санкции.

S. P. Kakaulin

Ministry of Economic Development and Industry of the Irkutsk region, Irkutsk

EXPERT ASSESSMENT OF THE IMPACT OF SANCTIONS ON THE FORMATION OF INDUSTRIAL POLICY AND IMPORT SUBSTITUTION IN THE IRKUTSK REGION

In the article, from the position of public administration, the issues of the formation of industrial policy on the territory of the Irkutsk region under the conditions of the application of sanctions are considered. The main instruments of state support of industrial enterprises aimed at import substitution are described.

Keywords: region, industrial policy, import substitution, sanctions.

Всего с территории Иркутской области экспортируются товары в 97 стран мира (8,4 млрд долл. США), из них 33 страны ввели санкции в отношении России. Под санкции попали такие экспортные товары как древесина и бумага (22,8 млн долл. США – 0,3 % от общего объема экспорта), нефть (166,2 млн долл. США – 2 % от общего объема экспорта). При этом к экспортно-ориентированным отраслям, имеющим значительное влияние на формирование областного бюджета, относятся нефтедобывающая, алюминиевая, нефтехимическая, целлюлозно-бумажная промышленность, а также деревообработка.

К наиболее зависимым от экспорта в страны европейского континента и США можно отнести нефтехимическое и металлургическое производства, деревообработку, доля которых в ВРП составляет 5,3 %. Объем налоговых поступлений от указанных отраслей в консолидированный бюджет Иркутской области в 2021 г. составил более 11,2 млрд руб. (порядка 6 % бюджета).

Всего на территорию Иркутской области импортируются товары из 83 стран мира (2,1 млрд долл.), из них 36 стран ввели санкции в отношении России. При этом на долю импорта из этих стран приходится около 46 % (0,98 млрд долл.), из них порядка 94 % – на машины, оборудование и химическую продукцию, что будет оказывать влияние на текущую деятельность крупнейших предприятий региона и реализацию их инвестиционных планов.

Существуют определенные риски неисполнения по уже заключенным контрактам в связи с усложнением и удорожанием схемы доставки продукции до покупателя в европейских странах. Закрыт доступ предприятий на международные электронные площадки Ebay и Amazon, так как требуется регистрации в США. У части предприятий нет возможности реализовывать свою продукцию в страны Европы, в том числе имеются некоторые проблемы с отгрузкой в морских портах.

С введением в феврале 2022 г. новых экономических санкций, принятием Центральным Банком России более высокой ставки рефинансирования, а также учитывая сохраняющуюся высокую степень износа основных фондов субъектов обрабатывающего сектора (55,4 %, что выше среднероссийского показателя на 5,8 п.п.) в настоящее время необходимо усилить внимание модернизации и расширению производственных мощностей предприятий региона.

Потенциал оказания финансовой поддержки субъектам деятельности в сфере промышленности Иркутской области значительно выше минимального прогнозного значения доквалификации Фонда в 2022 г.

Статистика показателей в промышленности характеризует высокую потребность промышленности Иркутской области в обновлении основных производственных фондов (табл.).
Таблица

Отдельные показатели обрабатывающего производства в Иркутской области

Показатель	Значение
Стоимость основных фондов обрабатывающего производства (2020 г.)	446 млрд руб.
Среднегодовой прирост стоимости основных фондов	10 %
Износ основных фондов, в % / млрд руб	53,5 % / 207 млрд руб.
Ежегодная потребность в обновлении основных фондов	40 млрд руб.
Ежегодная потребность в обновлении основных фондов (с учетом показателя экономического роста 8 % в год)	46 млрд руб.
Ежегодная перспективная потребность в софинансировании проектов обновления фондов с участием ФРП	23 млрд руб.

Высокую потребность в привлечении льготного заемного финансирования фонда развития промышленности отражает и перечень перспективных проектов предприятий промышленности Иркутской области, находящихся на разных этапах рассмотрения в Фонде. Так, по состоянию на 1 апреля 2022 г. сумма займов по перспективным проектам превысила 12 млрд руб.

К настоящему времени основным источниками финансирования деятельности Фонда, в том числе его капитализации, являются субсидии областного бюджета, целевые взносы АО «Корпорация развития Иркутской области», межбюджетные трансферты из федерального бюджета согласно постановлению Правительства РФ от 15 марта 2016 г. № 194 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходов по возмещению части затрат на реализацию инвестиционных проектов по модернизации и развитию промышленных предприятий» под брендовым наименованием – «Единая региональная субсидия», а также иные межбюджетные трансферты в целях предоставления финансовой поддержки субъектам деятельности в сфере промышленности в форме грантов на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитным договорам, заключенным субъектами промышленности с кредитными организациями, соответствующими установленным Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» требованиям, в целях пополнения оборотных средств.

Реализация проектов модернизации и расширения производства с помощью займов фонда развития промышленности будет способствовать реализации антикризисной программы региона, направленной на проведение политики импортозамещения по развитию действующих и созданию новых производств с высокой добавленной стоимостью.

Также в связи с увеличением обращений предпринимателей, заинтересованных в государственной поддержке с целью приобретения в лизинг имущественных комплексов на территории Иркутской области для поддержки и развития реального производства, требуется докапитализация Фонда поддержки и развития предпринимательства в Иркутской области Центр «Мой бизнес» в размере не менее 270 млн руб. в 2022 г.

Это позволит оказать поддержку большому количеству предпринимателей, ускорить взаимодействие с региональными и российскими лизинговыми компаниями по обеспечению сделок, направленных на приобретение оборудования, расширение производственных мощностей в регионе, в том числе в приоритетных отраслях промышленности, таких как строительство, машиностроение, сельское хозяйство.

Предлагается рассмотреть возможность увеличения максимального размера займа у микрофинансовой организации для субъектов малого и среднего предпринимательства до 7 млн руб. с увеличением срока такого займа до 3 лет. Кроме этого, для повышения эффективности управления финансовыми ресурсами необходимо оперативное снятие ограничений казначейского сопровождения для использования свободных финансовых ресурсов, предоставляемых институтам развития. В настоящее время данная мера сдерживания ограничивает возможность докапитализации действующих институтов поддержки бизнеса, создает риск

обесценивания целевых поступлений, направленных на оказание финансовой поддержки, и способствует снижению возможного количества поддержанных инвестиционных проектов

Предложения позволят воплотить в жизнь все запланированные проекты, способствуя экономическому развитию региона.

Литература

1. Санкции изменяют структуру экономики России. Галина Смирнова. 21 марта 2022 г. URL: <https://regnum.ru/news/3539521.html>.

2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 1 (ч. 1), 05.01.2015, ст.41.

УДК 316

Н. Г. Хайруллина

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Представлены материалы проведенного социологического исследования, которое позволяет сформулировать вывод о том, что данный вид исследования позволяет улучшить деятельность руководителя муниципального района. Обозначено, что в последние годы приходит понимание у руководителей о необходимости использовать социологический инструментарий в своей повседневной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: глава поселкового совета, управленческие решения, социологические исследования, социологический инструментарий, эффективность управленческой деятельности.

N. G. Khairullina

Tyumen Industrial University, Tyumen

THE ROLE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE ACTIVITIES OF THE HEADS OF RURAL SETTLEMENTS

The article presents the materials of the conducted sociological research, which allows us to formulate the conclusion that this type of research can improve the activities of the head of the municipal district. In recent years, leaders have come to understand the need to use sociological tools in their daily professional activities.

Keywords: head of the village council, management decisions, sociological research, sociological tools, effectiveness of management activities.

Принципы государственной политики в различных сферах нашей жизнедеятельности закреплены в Конституции РФ. Для обеспечения безопасности современного российского социума, для полного контроля над межнациональными, межконфессиональными, общественно-политическими процессами представителям власти разных уровней необходимо максимально учитывать интересы представителей различных сообществ россиян. В целях сохранения социальной стабильности, предупреждения социальных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов государственные структуры должны своевременно их выявлять. Ситуация постоянно меняется и на нее оказывают влияние не только внутренние, но все чаще внешние угрозы. Два года мировое сообщество испытывало негативное влияние пандемии коронавирусной инфекции, сегодня таким фактором является специальная операция на Украине. Такие проблемы как конкуренция за рабочие места, за участие во власти, опасением потерять языковое многообразие или культурную самобытность уходят на второй-степенный ряд, актуализируя проблему угрозы личной и общественной безопасности. Поэтому органы власти должны постоянно исследовать и учитывать общественное мнение при принятии решений в условиях современной действительности.

Так, в Тюменской области принят закон за № 315 от 28 декабря 2004 г. «О государственной поддержке национально-культурных автономий и иных общественных объединений» и Долгосрочная целевая программа «Основные направления деятельности по реализа-

ции государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных и общественно-политических отношений в Тюменской области и профилактике экстремистских проявлений», в которых официально говорится о возможности использования социологических исследований при взаимодействии с населением. Данная форма апробируется социологами Тюменского индустриального университета с 2013 г. в 26 муниципальных районах юга Тюменской области. В данной статье рассмотрим результаты социологического исследования, проведенного в Бердюжском муниципальном районе в 2021 г.

Краткая справка о районе: он образован в июле 1923 г. Расположен в юго-восточной части Тюменской области и с юга граничит с Республикой Казахстан. Районный центр расположен в с. Бердюжье на расстоянии 290 км от г. Тюмени. В составе муниципального района восемь сельских поселений: Бердюжское, Рямовское, Уктузское, Зарословское, Окуновское, Пегановское, Мелехинское, Полозаозерское, Истошинское. Район находится в лесостепном природном комплексе, имеет значительные сельскохозяйственные угодья, большое количество озер.

Проведение социологических исследований по изучению общественного мнения позволяет не только оперативно получать достоверную информацию, но помогает в первую очередь оперативно принимать своевременные управленческие решения для развития сельских поселений в Тюменском регионе в целом и в Бердюжском муниципальном районе в частности.

Целью проведенного исследования являлась разработка индикаторов оценки общественно-политической ситуации в Бердюжском муниципальном районе, проведение онлайн-опроса жителей исследованных сельских поселений, на основании которых Глава района получил данные для корректировки управленческих решений.

В онлайн-опросе приняли участие 163 чел., из них 40 % составили мужчины, 60 % – женщины. Возрастной состав респондентов: до 20 лет – 1 %, низкий охват данной возрастной категории объясняется тем, что на момент опроса молодежь получала образование в колледжах близлежащих провинциальных городов – Ялуторовске, Заводоуковске. Поэтому в опросе участвовала молодежь, оставшаяся работать в сельских поселениях. Возрастная категория от 21 до 30 лет составила 8 %, низкий охват данной категории связан с тем, что большая часть молодежи из-за отсутствия работы в сельских поселениях вынуждена искать работу либо в близлежащих населенных пунктах, либо работает вахтовым методом на Тюменском Севере. Девушки просто уезжают жить в города, где устраиваются на работу и создают семьи. Каждый третий участник опроса – это жители возрастной категории от 31 до 40 лет и 41–50 лет. Пятая часть опрошенных – жители возрастной категории 51–60 лет, а жители возрастной категории 61 год и старше составили 6 %. Незначительное число представителей последней возрастной группы объясняется тем, что они пользуются простыми и не дорогими сотовыми телефонами. Они не владеют современными сервисами, не умеют пользоваться интернетом и поэтому участвовали в онлайн-опросе при помощи библиотечных и клубных работников.

На вопрос, останутся ли молодые люди жить в вашем населенном пункте, 90,2 % ответили отрицательно. Мы выяснили, что помочь задержать молодежь в населенном пункте, может увеличение рабочих мест (92 %), открытие культурно-досуговых заведений (36 %), открытие филиалов учебных заведений в ближайшем городе (23,8 %). Таким образом, создание рабочих мест – гарантия удержания молодежи на малой родине.

В целях исследования рассмотрим блок вопросов, который позволил оценить работу глав и администраций поселковых советов. Напомним, что работа была проведена по заказу Главы муниципального района, которому важно было благодаря социологическому исследованию выяснить оценку сельскими жителями деятельности глав поселковых советов. В ходе опроса выяснилось, что не во всех населенных пунктах есть сельские советы. Это объясняется тем, что в состав сельского поселения может входить несколько населенных пунктов, при этом сельские советы расположены в девяти сельских поселениях, которые перечислены выше.

Оценка респондентами работы главы сельского поселения проводилась через конкретные виды деятельности. В ходе анализа выяснилось, что около трети опрошенных не удовлетворены тем, как глава поселкового совета помогает семьям в улучшении жилищных условий. Это означает, что работа в этом направлении либо отсутствует, либо налажена плохо. Каждый четвертый участник опроса не удовлетворен тем, как глава общается с жителями и работает с обращениями граждан. На хорошо и отлично каждый две трети респондентов оценили деятельность глав по организации и проведению поселковых праздников. Каждый второй поставил такую оценку организации содержания общего имущества. Удовлетворительно каждый второй участник опроса оценил деятельность главы по уровню организации чистоты на поселковых улицах и коммунальных услуг.

Помимо того, что глава сельского поселения должен выполнять определенные функции, он должен обладать определенным набором деловых и личных качеств. Три четверти сельчан считают, глава сельского поселения должен быть компетентным по всех сферах. Каждый второй респондент уверен, что он должен интересоваться проблемами сельчан и примерно такое же число опрошенных считают, что глава должен мгновенно реагировать на любой вопрос/проблему, поступающую от жителей (44,2 %). Остальные качества (доброжелательность, стрессоустойчивость, умением налаживать контакт с людьми, уверенное принятие решений, уметь выслушать и помочь каждому, находить финансирование, организовывать досуг сельчан) указаны в ответах каждого третьего участника онлайн-опроса.

Оценивая работу органов власти сельского поселения в общих чертах, только каждый третий участник поставил положительную оценку (отлично – 7,4 %, хорошо – 27 %); удовлетворительную оценку поставили 40 % респондентов. Остальные не удовлетворены работой органов власти: 8 % признали работу плохой; 7,4 % считают, что они работают только на себя и своих родственников; 3 % заявили, что совсем не работают, а 6,7 % затруднились ответить.

В заключении следует отметить, разработанные индикаторы социологического мониторинга в ходе проведенного исследования позволили оценить удовлетворенность жителей деятельностью глав сельских поселений Бердюжского муниципального района, выявить эффективность их работы, реализацией социальных инициатив и общественно-политической ситуацией в исследованном районе. По результатам опроса можно сформулировать вывод: общественно-политическая ситуация в районе в целом является спокойной, вопросы социальной безопасности являются актуальными в целом для самих сельских жителей, глав и администраций сельских поселений.

В последние годы приходит понимание к руководителям о необходимости использования социологический инструментарий в своей повседневной профессиональной деятельности для повышения эффективности деятельности как руководителя, так и организации в целом.

Литература

1. Силян А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом: учеб. по кадровому менеджменту для студентов вузов. М. : Изд-во РГБ, 2004.
2. Хайруллина Н. Г., Устинова О. В. Профессиональное развитие муниципальных служащих. Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. 88 с.

МЕТОДИКА ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Рассматриваются структура и содержание методики оценки факторов поселенческой среды в аспекте их влияния на демографическое поведение человека. Выделены условия действия организованной личности в социальной среде, прямое и косвенное влияние факторов среды на демографическую ситуацию. Охарактеризованы особенности экспертной оценки отдельных групп факторов поселенческой среды.

Ключевые слова: человек, регион, социальная среда, человекоразмерность, демографическое развитие.

E. V. Goltsova

Irkutsk State University, Irkutsk

METHODOLOGY FOR EXPERT ANALYSIS OF THE STATE OF THE SETTLEMENT ENVIRONMENT

The article describes the structure and content of methods for assessing the settlement environment in the aspect of their study of human demographic behavior. The conditions for the action of an organized personality in the social environment, the direct and indirect influence of the environmental impact on the demographic situation are considered. Peculiarities of expert evaluation of certain population groups in the settlement environment are considered.

Keywords: person, region, social environment, human dimension, demographic development.

Методика экспертного исследования представляет программу действий по применению научно обоснованных методов, применяемых в логической последовательности. Экспертная методика ориентирована на исследование объектов экспертизы и решение определённых задач, поэтому методика экспертного исследования должна быть специфична для каждого рода экспертизы, характеризующегося своими объектами и задачами.

В рамках нашего исследования объектом исследования выступает поселенческая среда регионального уровня (мезоуровня). Предметом исследования являются факторы (составляющие) поселенческой среды, в контексте их человекоразмерности. Теоретическую основу для разработки данной методики составила концепция человекоразмерности социальной среды, сформулированная в предыдущих публикациях [1]. Структура предлагаемой нами методики включает в себя:

1. Объект исследования: поселенческая среда регионального уровня (мезоуровня).
2. Возможности методики, позволяющие оценить все составляющие поселенческой среды в аспекте их значимости для демографического развития региона.
3. Надёжность методики, подтверждённую в предыдущих исследованиях 2015–2017 гг., проведенных в рамках гранта РФФИ № 15-06-08543 «Социально-средовые факторы детерминации демографического поведения молодёжи».
4. Методы и средства: метод глубинного интервью ключевых экспертов, наиболее компетентных в предмете исследования, тех, кто не только «знает», но и «думает» по теме исследования [3]. Интервью может проводиться с помощью средств телефонии, интернета, а также в очной форме по заранее разработанному вопросу.
5. Последовательность использования средств: вопросник рассылается экспертам после предварительной договоренности по телефону. Необходимо предусмотреть время, для ознакомления эксперта с предметом исследования и определения соответствия его компетенции поставленным исследовательским задачам.
6. Условия применения методики: необходимо запланировать время для интервью и обсудить с экспертом продолжительность и способ фиксации информации.
7. Получение от эксперта оценок свойств и характера исследуемых объектов установление их значимости.
8. Описание результатов и их анализ, формулирование выводов.

Подготовка инструментария экспертного опроса начинается с выработки ключевого исследовательского вопроса. Разработка методики нашего исследования основана на методах оценки человекообразности составляющих социальной среды региона, апробированных в исследованиях в предыдущие годы.

В структуре социальной среды жизнедеятельности человека необходимо выявить факторы её воздействия на демографическое поведение человека. При этом структура жизненной среды в условиях городской и сельской местности будет существенно различаться.

Методологической основой нашего исследования является объединение усилий естественных, гуманитарных и технических наук для решения социально-экологических проблем взаимодействия человека с окружающим миром. Оценка воздействия социальной среды на демографическое развитие региона основана на анализе факторов, детерминирующих демографическое поведение. Исследование носит междисциплинарный характер, что позволяет оценить воздействие социальной среды на демографические установки населения региона. Реализация проекта позволит проанализировать составляющие социальной среды, оценить их значимость для демографического развития региона и страны, и предложить меры социальной политики, направленные на оптимизацию и гармонизацию отношений между человеком и социальной средой. Проект включает разработку адекватных способов экологизации социальной среды и открывает новые возможности для решения проблемы воспроизводства населения.

В чем суть проекта? Научно-практическое значение исследования будет представлено в виде оценки человекообразности социальной среды и формирование рекомендаций по разработке программы мониторинга состояния социальной среды в поселениях Иркутской области.

Аналитический обзор современной демографической ситуации в регионе в сравнении с другими регионами Сибирского федерального округа показывает, что она продолжает ухудшаться в сторону демографического истощения и деградаци. На фоне растущей смертности снижается рождаемость. По сравнению с январем – февралем 2021 г. число зарегистрированных родившихся сократилось на 4,3 %, а умерших возросло на 10,2 % [3]. Увеличивается отток населения из региона. В начале 2022 г. отток составил около 1000 чел. в месяц, что больше уровня прошлого года. Миграционные процессы внутри региона также имеют неблагоприятные тенденции к истощению центральных, восточных и особенно северных территорий. В связи с этим диагностика поселенческой среды становится чрезвычайно актуальной.

Первая и наиболее значимая составляющая жизненной среды объединяет жилую площадь, качество жилья и комфорт домашнего пространства. При оценке данной составляющей эксперты должны дать количественную и качественную оценку, поэтому необходимо включить в анкету эксперта минимум две позиции: 1) количество комнат (квадратных метров), необходимых для нормального функционирования индивида и его семьи; 2) качественная оценка жилищной среды с помощью шкалированного вопроса, включающего различные качественные характеристики жилья (наличие благоустройства и комфорт), а также его принадлежности. Третья позиция, которая также желательна для отражения в оценке эксперта, должна содержать рекомендации по улучшения качества жилья и возможности его улучшения (расширения).

Оценка экономических условий также должна оцениваться комплексно: от наличия дохода, до его подушевого уровня и надёжности (регулярности) получения. Важно установить, какой уровень оценивается как средний и выше среднего, а также уровень «бедности». Желательно выяснить наличие перспективы увеличения дохода в ближайшем будущем, а также меры, которые эксперт может рекомендовать для повышения уровня дохода жителей региона.

Оценка условий труда и возможности трудоустройства должна касаться специфики занятости населения региона, в том числе самозанятости, скрытой и частичной занятости. Важно оценить наличие и уровень безработицы, как фактора деструктивной трудовой среды, а также возможности развития трудовой среды региона.

Оценка образовательной составляющей может включать возможность получения и продолжения образования, его качество и доступность, расширения сети образовательных учреждений, в том числе дошкольного образования, а также программ обучения и переобучения населения.

Защищенность прав человека напрямую связана с уровнем уверенности человека в завтрашнем дне и может быть оценена скорее качественно, чем количественно. Это один из самых «трудных» и субъективных вопросов, ответ, на который должен быть не односложным. Действительно, человек должен быть уверен в том, что он не потеряет работу, здоровье, имущество, что не ограничат его конституционные права и свободы, не пострадают его интересы и не ограничатся потребности.

Информационная среда может быть оценена в аспекте обеспечения доступа к объективной и качественной информации, доступа в интернет в любом населенном пункте, наличия свободных, в том числе местных СМИ, возможности создания и распространения информационного контента.

Пространственная составляющая включает сеть транспортных коммуникаций, обеспечивающих доступность населенных пунктов и инфраструктуры. Важно получить оценку логистической составляющей, транспортной доступности отдаленных районов и областного центра, а также возможности улучшения внутри региональных коммуникаций в будущем.

Оценивая состояние сети культурных учреждений важно учитывать потребности населения и получить от эксперта предложения по развитию сети культурных учреждений (театров, музеев, библиотек) и возможность посещения концертов и выставок.

Важнейшее значение имеет открытость и доступность для населения местных политических элит и их роли в представлении и отстаивании их интересов граждан. Особое значение имеет вовлечение в управленческую деятельность молодежи, повышение её политической активности.

Необходима оценка доступности качественных медицинских услуг и лечебно-оздоровительной инфраструктуры: санаториев и профилакториев, спортивных сооружений и рекреационных объектов. Нужна оценка обеспечения сферы здравоохранения квалифицированными кадрами и современным оборудованием.

Таким образом, экспертная оценка факторов поселенческой среды позволит сформулировать предложения в области демографической политики и регулировании процессов социально-демографического развития региона. Полученные выводы и рекомендации будут представлены Правительству Иркутской области. Методика исследования может быть рекомендована для применения в других регионах Российской Федерации.

Литература

1. Гольцова Е. В. Человеческая размерность социальной среды региона в аспекте демографического развития // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 15 февраля 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полощкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 49–54.
2. Лещенко Я. А., Боева А. В., Гольцова Е. В. Исследование семейно-демографических процессов. Иркутск, 2019.
3. Социально-экономическое положение Иркутской области. Обзор / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области Иркутск. 2022. № 3. С. 46.
4. Штейнберг И. Е. Восьмиоконная модель выборки для исследовательского интервью. URL: <http://field.sociology.BlogSpot.com/2011/12/blog-post.html> (дата обращения: 10.05.2022).

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС В МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье актуализирована проблема использования экспертного опроса в процессе изучения управленческой культуры. Критически рассмотрены существующие в настоящее время концептуальные подходы к исследованию управленческой культуры различных социальных общностей. Использование экспертного опроса описывается в рамках апробированной комплексной методики изучения управленческой культуры организации, которая предусматривает расчет агрегированного показателя – (индекса управленческой культуры).

Ключевые слова: экспертный опрос, управленческая культура, методика исследования.

D. G. Perednya

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

EXPERT SURVEY IN THE METHODOLOGY OF RESEARCH OF THE MANAGEMENT CULTURE OF ORGANIZATION

The article actualizes the problem of using an expert survey in the process of studying managerial culture. The currently existing conceptual approaches to the study of the managerial culture of various social communities are critically examined. The use of an expert survey is described within the framework of a proven comprehensive methodology for studying the management culture of an organization, which provides for the calculation of an aggregated indicator – the “managerial culture index”.

Keywords: expert survey, managerial culture, research methodology.

В последнее время ученые различных областей знания часто предпринимают попытки рассмотрения управления сквозь призму культуры. Как правило, синтез управления и культуры приводит к необходимости исследования управленческой культуры, либо культуры управления. Погружение в содержание их исследовательских действий позволяет увидеть, что авторы, во-первых, не всегда замечают существенные отличия этих феноменов. Не редки случаи, когда управленческую культуру и культуру управления рассматривают как синонимы. Во-вторых, используют не релевантные методики изучения управленческой культуры.

Для подтверждения первого тезиса в качестве примера рассмотрим вариант изучения управленческой культуры, предложенный Л. Г. Устиновой. Этот автор рассматривает управленческую культуру через авторитет руководителя, во второй части работы сообщает, что «все вышесказанное подводит нас к понятию «культура управления», которая, наравне с авторитетом руководителя, играет ключевую роль в организации деятельности коллектива» [9, с. 2008]. Это не единственный пример, когда авторы недостаточно четко видят разницу между двумя проявлениями похожих, но различных социальных явлений [4; 5]. Часто исследователи склонны редуцировать управленческую культуру до уровня профессионализма отдельного индивида. Так А. Е. Бусыгин, рассматривая влияние управленческой культуры на социальную реальность пишет: «для повышения уровня управленческой культуры государственного аппарата необходимо: повышение степени профессионализма государственных служащих» [2, с. 37].

На индивидуальном когнитивном уровне существует культура управления, как определенного рода этика, в основе которой лежат управленческие знания, навыки, умения, потенциально способные осуществиться в управленческой деятельности. Иногда эти индивидуальные продукты, как правило, вторичной социализации, могут рассматриваться в сравнении с уровнями совершенства или мастерства управления других индивидов. Может производиться оценивание развития творческого потенциала отдельной персоны, конкретных инновационных приемов регулирования социальных отношений [1, с. 70]. Любой участник управленческого процесса, например, руководитель, являясь носителем культуры управления, постепенно сформирует свой стиль управления. С этим набором индивидуальных свойств и характеристик он, будучи членом организации, становится участником множества

социальных взаимодействий с другими социальными субъектами, в результате разворачивается деятельность по взаимному упорядочиванию элементов организационной системы в интересах достижения различных целей, как основных, так и второстепенных. Такой индивидуальный продукт, образовавшийся в результате совместной регулирующей деятельности и есть управленческая культура.

Из-за искажений в теоретико-методологической основе исследований появляются методики, не позволяющие собрать первичные данные, которые будут адекватно отражать преобладающие способы управления, т. е. управленческую культуру.

Критический анализ методик изучения управленческой культуры.

Методики изучения управленческой культуры, разработанные различными авторами, чаще всего в той или иной степени, сообразны изучению культуры управления, при этом для измерения состояния и выраженности управленческой культуры как целостного социокультурного феномена [6, с. 208] они не пригодны. Рассмотрим несколько примеров. Е. Г. Ерохин разработал подробную методику изучения управленческой культуры офицера Вооруженных сил [3, с. 217]. Приведем некоторые результаты системного анализа, интерпретации основных понятий и индикаторов, на которые вышел автор и которые в последующем воплотились в его опросном инструментарии.

Вопрос: на ваш взгляд, какие из нижеперечисленных правил при отдаче приказов (приказаний) подчиненным необходимо соблюдать в полном объеме, а какие можно не соблюдать? Правила речевого общения. Верное и уместное употребление слов и выражений, которые обеспечивают доступность, понятность и точность речи. Варианты ответа: от 1 – «должны соблюдаться в полном объеме», до 5 – «можно не соблюдать».

Вопрос: Какими управленческими умениями вы желали бы овладеть в будущем? Умение слушать, понимать другого, устранять разногласия, делить с ним успехи и неудачи. Варианты ответа предлагались аналогичные, с использованием порядковой шкалы измерения.

Вопрос: стремитесь ли вы совершенствовать свое профессиональное мастерство? Варианты ответа в диапазоне, от «да стремлюсь», до «такого стремления нет».

Подобные вопросы позволяют измерить, установки, намерения, ценностные ориентации, т. е. все то что соотносится и удовлетворяет целям изучения культуры управления. Но такой подход никак не отражает реальные практики управления присущие организации и которые касаются всех участников управленческого процесса.

Другой пример малопродуктивного подхода к исследованию управленческой культуры можно увидеть, обратившись к концепции, предложенной М. Р. Шавруковой. Данный автор, изучаемый феномен понимает «...как совокупность ценностей, установок, норм, которые определяют методы управленческой деятельности...» [10, с. 7]. Такая интерпретация предметной области существенно снизила степень смыслового соответствия полученных данных сути управленческой культуры. Увидим это через ее методику. Для того чтобы изучить управленческую культуру театральных учреждений, этот автор выбрал носителями информации по исследуемой проблеме зрителей, которым задавались вопросы о формах искусства и культуры, которые они предпочитают, об удобстве расположения театров в городе, о том, можно ли приравнять сферу культуры к сфере услуг и тому подобные. Аналогичные вопросы предлагались респондентам из другой подвыборки, которая включала сотрудников театров. В результате формировались выводы о состоянии управленческой культуры театральных учреждений, которые, на самом деле, отражали другие социальные сущности и уводили в сторону от намеченных целей исследования.

Существенно иной подход к изучению управленческой культуры предложили Ю. В. Мирюшкина и Н. А. Пасько [5]. Используя анализ документов, они из различных исторических источников отбирали информацию, которая, по их мнению, описывает управленческую культуру. Для того чтобы описать управленческую культуру органов власти современной России, они прослеживали ее эволюцию от времен княгини Ольги, через другие периоды, и до наших дней. Такой методический подход не кажется эффективным, уже потому, что авторы не представили теоретическую интерпретацию основного понятия исследования.

На протяжении всего изложения результатов их научного труда, не было ясно что понимается под управленческой культурой органов государственного управления и через какие индикаторы ее следует оценивать.

Экспертный опрос в комплексной методике изучения управленческой культуры организации

Для понимания состояния, особенностей, динамики управленческой культуры в той или иной организации, или большой профессиональной группе, необходима комплексная методика сбора и анализа эмпирических данных, сочетающая как качественную, так и количественную исследовательские стратегии. Управленческая культура представляет собой надиндивидуальный феномен, который в следствии этого является относительно сложным, и недоступным для прямого измерения. Нам, с одной стороны необходима методика, которая обеспечивала бы воспроизводимость процедур исследования, с другой позволяла бы получить валидные эмпирические данные о социальном феномене, отражающим преобладающие способы управления.

Мы не станем много времени уделять методологической части исследования, отметим лишь, что управленческая культура рассматривается с точки зрения деятельностного подхода. Предлагаемую вашему вниманию методику мы апробировали применительно к российским органам внутренних дел (ОВД). Поэтому иногда, при описании последовательности применения методов, мы будем использовать полученный исследовательский опыт. При завершении теоретико-методологического этапа исследования, интеграция концепции управленческой культуры применительно к конкретной организации осуществляется при помощи экспертного опроса. Этот метод сбора данных позволяет уточнять аспекты предметной области исследования, решать задачи по выявлению и изучению проблем и проблемных ситуаций, связанных с современным состоянием практик управления в организации. Информация, получаемая от экспертов, обнаруживает проявления противоречивых отношений, сложившихся в ходе взаимодействия участников процесса управления в организации.

Подбор экспертов осуществляется в соответствии с их компетентностью. В нашем случае, при изучении управленческой культуры ОВД каждый конкретный специалист подбирался исходя из критерия его компетентности с учетом формальных показателей таких как: стаж службы, должность, количество подчиненных, специальное звание, направление служебной деятельности. Важно обратить внимание чтобы в число экспертов были включены представители всех основных направлений деятельности организации в соответствии с ее предназначением. Это необходимо для учета мнений и доводов разных направлений профессиональной деятельности внутри организации.

Компетентность экспертов определяется методом самооценки. Эксперт сам, в ходе предварительной беседы предоставляет информацию о своей компетентности, и степени знакомства с распространенными управленческими практиками в организации. Во избежание получения тенденциозной информации, не желательно привлекать тех экспертов, которые преувеличивают свою компетентность, демонстрируют излишнюю самоуверенность и категоричность в оценках.

Экспертов следует опрашивать в два тура. В первом, путем проведения письменного, индивидуального опроса. Во втором, используя устный групповой опрос. В нашем случае в каждой из групп было по 14 чел. Первая группа опрашивалась на предмет особенностей управления в различных подразделениях российской полиции. Эксперты второй группы высказывали свои мнения по оптимизации управленческих отношений в организации. В ходе второго тура решается задача уменьшения разброса мнений по проблеме исследования. В эвристическом плане при групповом опросе экспертов желательно максимально задействовать потенциал групповой динамики. Эксперты обеих групп не должны быть ознакомлены с результатами работы друг друга это позволяет проконтролировать степень согласованности, как проблем управления, так и путей их решения. На основе данных экспертного опроса создается набор переменных и разрабатываются окончательные индикаторы для массового формализованного опроса.

Цель массового формализованного опроса участников управленческого процесса – получить социальную информацию о типичности, распространенности феноменов, выявленных в ходе экспертного опроса. То есть этот метод позволяет оценить состояние группового мнения по вопросам, касающимся преобладающих способов управления в организации. Общий объем выборки рассчитывается исходя из количества сотрудников учреждения. В нашем случае респондентами стали руководители различных уровней, разных подразделений, как правило, находящиеся в функциональных взаимосвязях.

Множество включенных в методику индикаторов обеспечивает понимание состояния различных сторон управленческой культуры, но есть затруднение в формулировке общего вывода обо всей управленческой культуре. К тому же не представляется возможным отслеживать динамику управленческой культуры. Для преодоления этих сложностей применяется процедура агрегирования полученных данных с помощью метода суммарных оценок [8, с. 244]. Шкала измерения показателей, подлежащих суммированию пятибалльная. Вопросы формулируются в отношении согласия с тезисами или суждениями. Например, переменная «неравномерное распределение служебных обязанностей в вашем подразделении», значение переменной от 1 – «отсутствует», до 5 – «встречается очень часто».

Получив надежные и адекватные компоненты количественной модели управленческой культуры организации, важно выявить и оценить вклад каждого компонента в общую сумму промежуточного индекса управленческой культуры. Для этого необходима процедура взвешивания отобранных для индекса переменных. Для такой оценки снова используем метод экспертных оценок. В качестве экспертов подходят сотрудники организации, большая часть из которых пребывают в статусе руководителей среднего уровня. Их мнения особенно важны, так как эта категория управленцев, находясь на среднем уровне организационного управления, соприкасаются как с нижним, так и с верхним звеньями управления. При этом управленцы среднего звена, одновременно выступают как субъектом, так и объектом управленческого процесса. Осуществляя процедуру взвешивания, эксперты присваивают каждой отобранной переменной весовой коэффициент от 0,1 до 1. Единица соответствует той переменной, которая в наибольшей степени отражает проявление или состояние управленческой культуры в организации. Для определения степени согласованности экспертных оценок применяется метод определения расщепленной надежности (split-half reliability). Весовые значения четных и нечетных экспертов суммируются, после чего рассчитывается коэффициент корреляции. Если его значение превышает 0,6, то это является относительно оптимальным показателем, который приемлемым образом характеризует и единое понимание экспертами сути управленческой культуры, и отражает ее многогранность и сложность, и, при этом демонстрирует определенный разброс мнений относительно значимости какой-либо переменной в общий агрегированный показатель.

Затем в базе данных массового опроса осуществляется суммирование выборов респондентов по переменным, которые прошли отбор для агрегирования [8, с. 244]. Каждое значение переменной при суммировании умножается на весовой коэффициент полученный по результатам взвешивания. Итогом является агрегированный показатель управленческой культуры, или иначе говоря индекс управленческой культуры. Опираясь на значения этого агрегированного показателя, появляется возможность оценки состояния управленческой культуры в текущий период. Характеристики индекса управленческой культуры и его интерпретация, требует отдельного описания, в данном случае без этого можно обойтись.

Наряду с количественными методами, комплексная методика предполагает применение качественных методов сбора данных. Правильно организованная количественная исследовательская стратегия позволяет получить репрезентативные данные, ответить на вопрос о степени распространенности явления или процесса, но понять смыслы, мотивы, мотивировки участников управленческого процесса позволяет применение качественных методов сбора данных. Без них «рельеф» управленческой культуры организации получится относительно плоским.

После подготовительного этапа исследования, когда уже проинтерпретированы основные понятия исследования, и сформирована совокупность индикаторов, описывающая состояние предмета исследования, часть признаков необходимо изучить методом полуструктурированного интервью. Также параллельно с массовыми опросами, целесообразно провести несколько глубинных интервью. Цель которых найти неявные смыслы, содержащиеся в управленческих взаимодействиях. Параллельно с теоретическим осмыслением концепции исследования ее применения, нужно осуществлять интеграцию количественных значений признаков с целерациональными и ценностно-рациональными смыслами индивидов, как проводников управленческой культуры. Неформализованные интервью позволяют лучше понять проявления противоречивых отношений внутри подразделений организации.

Таким образом, предложенный вариант методики исследования управленческой культуры организации есть результат теоретического, методического и эмпирического осмысления автором изученного феномена на текущий момент времени. На основе вышеизложенного можно заключить, что существующие к настоящему времени концептуальные подходы к исследованию управленческой культуры различных профессиональных областей и организаций обладают рядом существенных методологических недостатков. Эти недостатки значительным образом затрудняют и ограничивают возможности качественного исследования изучаемого явления, в том числе и по причине не достаточной прозрачности технологии и методики сбора эмпирических данных. В то же время общеизвестно, что важной особенностью социокультурного исследования как вида деятельности является строгая организационная процедура и наличие технологических этапов [7, с. 10].

Предложенная нами комплексная методика измерения управленческой культуры и ее динамики тесно взаимосвязана с теоретическим осмыслением этого феномена. Данная методика изучения управленческой культуры, учитывает ее надындивидуальный характер и интерпретировать результаты исследования также необходимо с учетом данного факта. В рамках представленной методики исследования управленческой культуры на этапе сбора данных большую роль играет метод экспертного опроса.

Предложенная методика эмпирического исследования управленческой культуры обеспечивает порядковый уровень измерения, в то же время применение экспертных процедур придает использованным шкалам характер, близкий к абсолютному состоянию. В теории измерения принято считать, что использование пяти вариантов оценки признака для каждого суждения позволяет извлечь из них наибольшую информативность, шкальный весовой балл респондентов располагает их по отношению к некоторой объективной норме, определенной экспертами, а не по отношению респондентов друг к другу.

Литература

1. Бикметов Е. Ю. Культура управления как объект социологического познания // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 69–72.
2. Бусыгин А. Е. О влиянии управленческой культуры на процессы становления новой российской социальной реальности // Человеческий капитал. 2020. № 12. С. 29–38.
3. Ерохин Е. Г. Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных сил Российской Федерации: дис. ... канд. социол. наук. 22.00.08. М: Военный университет, 2020. 229 с.
4. Коневская О. Ю. Современное состояние управленческой культуры в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России, 2014. № 1. С. 77–81.
5. Мирюшкина Ю. В., Пасько Н. А. Эволюция управленческой культуры и культуры управления В России // Экономика и социум. 2014. № 2 (11). С. 508–511.
6. Примаков В. Л., Андержанова Г. В. Этноконфессиональная напряженность как социокультурный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 658. С. 207–223.
7. Примаков В. Л., Поповнев А. В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика. М., 2011. 252 с.
8. Рабочая книга социолога / под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 3-е. М., 2003. 476 с.
9. Устинова Л. Г. Управленческая культура руководителя ОВД в контексте современных стилей и методов руководства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2006–2010.
10. Шаврукова М. Р. Управленческая культура театральных учреждений: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2019. 32 с.

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО
ПРОФИЛЯ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
ОПЫТ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Рассматривается опыт и модель подготовки кадров экспертно-аналитического профиля для производства социально-гуманитарной экспертизы, реализуемые в рамках подготовки специалистов по социальной работе и бакалавров конфликтологии в Новосибирском государственном техническом университете. Автор статьи обосновывает актуальность и определяет особенности подготовки кадров для организации и производства социальной и общественной экспертизы, а также конфликтологической экспертизы социальных процессов.

Ключевые слова: социально-гуманитарная экспертиза, конфликтологическая экспертиза, социальная экспертиза, общественная экспертиза.

I. V. Zhdanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

**TRAINING OF EXPERT-ANALYTICAL PERSONNEL FOR THE ORGANIZATION
AND CONDUCT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN EXPERTISE: THE EXPERIENCE OF
NOVOSIBIRSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY**

In the article examines the experience and model of training expert-analytical personnel for the production of social and humanitarian expertise implemented in the framework of training specialists in social work and bachelors of conflictology at Novosibirsk State Technical University. The author of the article substantiates the relevance and defines the features of personnel training for the organization and production of social and public expertise, as well as conflictological expertise of social processes.

Keywords: social and humanitarian expertise, conflictological expertise, social expertise, public expertise.

Проблема подготовки кадров экспертно-аналитического профиля для производства социально-гуманитарной экспертизы в современном Российском обществе является весьма актуальной темой в контексте развития современной экспертологии. Актуальность изучения и описания опыта подготовки кадров экспертно-аналитического профиля именно в сфере социально-гуманитарного знания определяется несколькими факторами.

Во-первых, в настоящее время в современном российском обществе делаются ставки на развитие института экспертизы как инструмента, необходимого для формирования и принятия управленческих решений в условиях информационной загруженности, политической и социальной рискогенности и напряженности, а также в условиях высокой скорости и интенсивности протекания социальных процессов. Специфика протекания социальных процессов в современном обществе такова, что именно эксперты и экспертные структуры могут стать источником наиболее объективной информации о содержании и особенностях динамики общественных явлений.

Во-вторых, социальная и общественная экспертиза может рассматриваться как технология, инструмент, способ, механизм активизации гражданского участия, общественного контроля и в целом развития гражданского общества, что безусловно необходимо для современного российского общества и государства. Институционализация такой разновидности социальной экспертизы как общественная экспертиза актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, проверка соответствия таких актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов требованиям законодательства, а также проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих ор-

ганизаций, закреплена в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в качестве формы общественного контроля [7].

В-третьих, социально-гуманитарная экспертиза, в отличие от других типов и видов экспертиз, является относительно молодой практикой в российском обществе и находится на этапе своего организационного, методического и технологического оформления и безусловно требует исследования и обращения к тому практическому опыту, который накоплен как в профессиональном экспертном сообществе и академических образовательных и научных организациях. Фактически, учебной и методической, равно как и научной литературы, посвященной описанию и исследованиям в области социально-гуманитарной экспертизы в России, крайне мало. Одним из первых и практически единственным самостоятельным учебным пособием по этой тематике является изданное в 2009 г. [2] и переизданное в 2021 г. [6] учебное пособие Т. В. Власовой и М. Д. Сушинской «Социальная экспертиза».

Также потребность в разработке и описании моделей подготовки кадров экспертно-аналитического профиля для производства социально-гуманитарной экспертизы связана с формированием феномена «эксперткратии» и некоторой последующей дискредитацией статуса эксперта в общественном сознании. При этом под эксперткратией, вслед за А. Ю. Ашкеровым [1], мы будем понимать «узурпирование» власти экспертами, которыми в подлинном научном смысле слова не являются экспертами, а продукт их деятельности не имеет отношения к экспертизе. Эксперткраты это скорее те, кто лишь называет себя экспертами, кочуя с одной площадки СМИ на другую, высказывая публично свои оценочные мнения, зачастую провокативные и популистские по своей сути. Эксперткраты выступают как подмена экспертов-профессионалов теми, кто объявил себя экспертом, кого в таковые назначили власти, крупный бизнес или же СМИ, на самом деле не являясь экспертами, и в этих условиях чрезвычайно важно формировать экспертные компетенции у «настоящих» профессионалов, тех в чьи профессиональные действия входит организация и производство экспертных оценок.

В связи со всеми вышеизложенными фактами, нам представляется уместным представить опыт подготовки специалистов, которые смогут стать ресурсом для развития и повышения эффективности социально-гуманитарной экспертизы в современном российском обществе.

Подготовка кадров экспертно-аналитического профиля для организации и проведения социально-гуманитарной экспертизы в практике управления социальными процессами с нашей точки зрения на данный момент в основном реализуется достаточно хаотично и непоследовательно и связано это с многообразием потребностей в производстве социально-гуманитарной экспертизы. В создавшихся условиях сложность представляет формирование моделей подготовки экспертов и специалистов, участвующих в производстве экспертизы. С нашей точки зрения все без исключения специалисты социномических профессий должны иметь компетенции необходимые для выполнения работ как по организации, так и по производству экспертных оценок с целью оптимизации процессов диагностики и управления социальной сферой жизни общества.

Модели подготовки кадров экспертно-аналитического профиля могут быть разделены на две базовых: общепрофессиональная модель, когда люди, получая основное профессиональное образование по программам подготовки бакалавриата, специалитета или магистратуры, формируют экспертные и экспертологические компетенции в рамках освоения основной образовательной программы, и специализированная модель, в рамках которых носители знаний и опыта, уже «действующие» профессионалы, готовы выступать в качестве экспертов в рамках своей основной профессиональной деятельности, и для этого осваивают навыки организации и производства экспертизы, как правило, в рамках изучения основ экспертной деятельности в рамках конкретной экспертной задачи, уже являясь потенциальным кандидатом или действующим экспертом. При этом необходимо отметить, что, представляя действующие модели мы понимаем экспертизу именно как исследовательскую и эвалюаторную (оценочную) процедуру, в которой эксперт рассматривается в первую очередь как исследователь, оценщик, но не как консультант, имеющий свою точку зрения по исследуемым проблемам. Более подробно сравнение общепрофессиональной модели подготовки кадров для социально-гуманитарной экспертизы представлены в таблице.

Модели подготовки кадров экспертно-аналитического профиля
для производства социально-гуманитарной экспертизы

Параметры модели	«Общепрофессиональная модель»	«Специализированная модель»
Участники	Обучающиеся (студенты) по основным образовательным программам высшего образования	Кандидаты в эксперты и действующие эксперты из числа специалистов
Роли в процессе экспертирования	«Менеджеры», организаторы экспертных работ, методисты, эксперты	Эксперты, руководители экспертных организационных структур
Время/длительность подготовки	Количество академических часов асов, определяется графиком учебного процесса, как правило, в течение семестра или нескольких	Интенсифицировано, но, как правило, не имеет строгого оформления в академических часах
Сфера применения компетенций	Широкая, может быть задействованы при проведении исследований в рамках учебной деятельности, волонтерской деятельности, основной профессиональной деятельности в качестве специалиста должностные обязанности которого предполагают организацию и производство экспертных оценок	Узкая, в основном в рамках дополнительной деятельности специалиста, не в качестве основной занятости, для производства конкретных экспертиз в рамках договорных обязательств с заказчиком
Особенности программ подготовки	Учебный курс, дисциплина, блок, модуль, раздел в дисциплине, предусмотренной учебным планом в рамках основной образовательной программы	Обучающие программы реализуются в рамках программ дополнительного образования или без оформления в качестве отдельной образовательной программы дополнительного образования, как часть аттестационных испытаний

Указанные нами модели могут быть использованы при формировании образовательных стратегий и практик подготовки экспертов.

Описывать многообразие опыта реализации специализированных моделей подготовки кадров экспертно-аналитического профиля в современной России в рамках небольшого объема данной работы нам представляется не вполне возможным и уместным, поэтому представим описание опыта реализации общепрофессиональной модели подготовки кадров экспертно-аналитического профиля на примере деятельности Новосибирского государственного технического университета по подготовке специалистов помогающих профессий.

В Новосибирском государственном техническом университете, на базе Института социальных технологий, кафедрой социальной работы и социальной антропологии уже более 15 лет реализуются программы подготовки специалистов по направлениям подготовки 39.03.02 Социальная работа и 37.03.02 Конфликтология (уровень бакалавриат). В рамках концепции подготовки специалистов помогающих профессий как аналитиков и исследователей социальных проблем и процессов, в учебные планы этих направлений подготовки были включены дисциплины, позволяющие формировать экспертные и экспертологические компетенции. Обучающиеся по направлению «Социальная работа» осваивают дисциплину «Социальная и общественная экспертиза», а студенты – конфликтологи изучают дисциплину «Конфликтологическая экспертиза социальных процессов».

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа, компетенции которыми должен владеть выпускник включают в себя способность описывать социальные явления и процессы на основе анализа и обобщения профессиональной информации, научных теорий, концепций и актуальных подходов, что отражает содержание деятельности по производству и организации экспертных работ [4], соответственно, в рамках дисциплины «Социальная и общественная экспертиза», студенты изучают как теорию экспертных методов, так и формируют практические навыки организации экспертной деятельности. В рамках расчетно-графической работы по курсу студенты составляют техническое задание на производство экспертизы, составляют программу экспертизы, на базе использования имитационно-ролевого моделирования.

В Федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 37.03.02 Конфликтология, в разделе профессиональных компетенций присутствует прямая формулировка в группе компетенций, которая звучит как: «диагностика и экспертиза», и расшифровывается как способность выпускника анализировать конфликтные ситуации, применять основные методы, способы и средства получения информации о конфликтах и мирных способах взаимодействия, готовить материалы для экспертных заключений о конфликтно-генном потенциале ситуации и субъектов взаимодействия [5]. Фактически такая формулировка акцентирует внимание не только на способности выпускников быть организаторами экспертных исследований, но и самим выступать в качестве экспертов, в связи с чем в дисциплине «Конфликтологическая экспертиза социальных процессов» предусмотрены модули не только посвященные теории и методике организации экспертных исследований, но и специфике производства экспертных оценок социальных процессов в контексте конфликтологического анализа. Соответственно, в качестве практической составляющей курса студентам предлагается не только разработать техническое задание и программу конфликтологической экспертизы, но и реализовать экспертное исследование по выбранной и согласованной с ведущим преподавателем тематике, при этом необходимо отметить, что эта дисциплина изучается студентами-бакалаврами в 7 семестре и многие затем в своих выпускных квалификационных работах используют экспертный метод, как один из исследовательских методов для написания практической части работы.

Эффективности реализации общепрофессиональной модели подготовки кадров экспертно-аналитического профиля в Новосибирском государственном техническом университете способствует то, что разработчик дисциплин и ведущий преподаватель сам является экспертом-практиком и активно принимает участие в экспертных работах, а также то, что в составе коллектива кафедры социальной работы и социальной антропологии работает большое количество профессорско-преподавательского имеющего опыт организации и проведения экспертных исследований. Однако можно выделить некоторые проблемы и трудности в реализации описанной модели. Так, прежде всего проблемы есть в обеспечении учебного процесса специализированной учебной и научной литературой. К сожалению, на данный момент в открытом доступе фактически отсутствуют методические и учебные материалы по экспертной деятельности в социальной сфере, а научной литературе в основном освещают исследуются проблемы и представляются результаты конкретных экспертиз и крайне слабо представлены теоретические и методические аспекты организации и производства социально-гуманитарной экспертизы. Некоторые сложности также связаны с этапом институционализации экспертной деятельности в социальной сфере и слабой сформированностью экспертного сообщества.

Тем не менее нам представляется весьма продуктивным и целесообразным продолжать развитие общепрофессиональной модели подготовки кадров экспертно-аналитического профиля для нужд социальной и общественной экспертизы, поскольку именно формирование подготовленных высококвалифицированных кадров позволит расширить области и значимость применения социальной и общественной экспертизы как инструмента гражданского участия и механизма социального управления в современном информационном обществе.

Литература

1. Ашкерова А. Экспертотократия. Управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма : монография. М. : Европа, 2009. 132 с.
2. Власова Т. В., Сушинская М. Д. Социальная экспертиза. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 152 с.
3. Егоров В. К. «Экспертотократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertotokratiya-ob-institutsionalnoy-suti-yavleniya> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа : приказ Министерства образования и науки РФ от 5 февр. 2018 г. № 76 (с изм. № 1456 от 26.11.2020). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%2003++/Bak/390302_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 10.04.2022).
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 37.03.02 Конфликтология : приказ Министерства науки и высшего

образования РФ от 29 июля 2020 г. № 840 (с изм. и доп.). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Vak/370302_V_3_23082020.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

6. Сушинская М. Д., Власова Т. В. Социальная экспертиза : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2021. 144 с.

7. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (действ. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 10.04.2022).

УДК 316.754.4

И. В. Цветкова

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТА ПО РАДИАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассмотрены проблемы организации гуманитарной экспертизы технических объектов, которые являются источниками повышенной опасности для населения и окружающей среды. Обосновано, что гуманитарная экспертиза опирается на междисциплинарные знания, поэтому она включает задачи организации экспертного сообщества. Представлены результаты анализа материалов, полученных на основе интервью, проведенных среди специалистов, работающих в атомной отрасли. Мнения и оценки респондентов позволили изучить проблемы формирования экспертного совета по радиационной безопасности в качестве субъекта гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, ядерные технологии, радиационная безопасность, экспертный совет, общественное мнение.

I. V. Tsvetkova

Tolyatti State University, Tolyatti

FORMATION OF THE COUNCIL ON RADIATION ECOLOGY IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF HUMANITARIAN EXPERTISE

The article deals with the problems of organizing humanitarian expertise of technical objects, which are sources of increased danger to the population and the environment. Humanitarian expertise is based on interdisciplinary knowledge, so it includes the tasks of organizing an expert community. The article presents the results of the analysis of materials obtained on the basis of interviews conducted among specialists working in the nuclear industry. The statements of the respondents made it possible to study the problems of forming an expert council on radiation safety as a subject of humanitarian expertise.

Keywords: humanitarian expertise, nuclear technologies, radiation safety, expert council, public opinion.

Введение

Проблемы гуманитарной экспертизы в нашей стране получили разработку в трудах Б. Г. Юдина, И. И. Ашмарина, В. А. Лукова, Г. Б. Степановой. Важная задача философии, согласно Б. Г. Юдину, состоит в том, чтобы создавать картину будущего с учетом описания рисков, которые возникают под влиянием развития технологий. Характеризуя тенденции развития цивилизации, философия выполняет функции гуманитарной экспертизы, поскольку в центре внимания философии находится человек. Философия является важным звеном междисциплинарного синтеза знаний, необходимых для оценки перспектив развития техники. Философия, в отличие от частных дисциплин, принимает во внимание не только технологическую целесообразность или экономические параметры. Гуманитарная оценка техники позволяет рассматривать последствия технологического развития в контексте долговременной перспективы, которая оказывает влияние на духовную жизнь, систему ценностей.

А. А. Воронин на основе работ Б. Г. Юдина выделил основные принципы гуманитарной экспертизы, которую характеризуют: синтез научных знаний на основе междисциплинарных связей между философией и науками; диалог между заинтересованными сторонами относительно перспектив разработки и применения технологий, который способствует достижению консенсуса между участниками; формирование прогнозов на основе оценки потенциальных рисков для общества на долгосрочный период; ориентация на гуманистические ценности, связанные с глобальной этикой, а не рыночными критериями; использование по-

тенциала исследовательской, консалтинговой деятельности на основе создания экспертного сообщества [1]. Таким образом, гуманитарная экспертиза направлена на определение потенциальных рисков, которые возникают в условиях неопределённости, поэтому могут представлять потенциальную угрозу для людей.

По мнению А. А. Воронина, гуманитарная экспертиза технологий направлена на выявление трех видов проблемных сфер. Во-первых, они включают «барьеры», которые выступают в качестве объективных ограничений использования техники. Во-вторых, гуманитарная экспертиза направлена на то, чтобы применять «фильтры». Они необходимы для того, чтобы отделять научно обоснованные знания от мнений, основанных на стереотипах и эмоциях. Третья проблемная сфера, которую рассматривает гуманитарная экспертиза, это функция «катализатора», она дает возможность определить скрытые ресурсы, способствующие развитию технологий [1].

Особенность гуманитарной экспертизы, в отличие от научной, состоит в том, что она осуществляется с позиций человека, а не технического объекта. Сложность работы в рамках гуманитарной экспертизы вызвана тем, что в современном мире система ценностей претерпевает постоянные изменения. Представления о «пользе» и «вреде» для человека являются относительными. Гуманитарная экспертиза носит упреждающий характер, она основывается на положении о том, что любая новая технология может рассматриваться как источник рисков, пока не доказано обратное. При этом сама наука рассматривается в качестве источника рисков. Это проявляется в том, что наука участвует в создании техногенных угроз. Определенными рисками обладает экспертное знание, а также наука порождает сомнения в способах решения возникающих проблем [2].

Объектом научной экспертизы являются ядерные технологии, которые находят широкое применение в различных отраслях производства. Научная экспертиза ядерных и радиационных опасных объектов предполагает применение междисциплинарных подходов для оценки рисков загрязнения окружающей среды, негативного влияния на состояние здоровья людей. Экспертиза объектов ядерной отрасли проводится на основе организации мониторинга. Научное обоснование этой деятельности представлено в ряде публикаций [3]. Историко-графия обеспечения радиационной безопасности представлена в статье И. А. Бочкаревой [4].

Социальные аспекты радиационной безопасности рассматриваются в контексте оперативного информирования населения о состоянии окружающей среды. Некоторые исследователи ставят задачи изучения общественного мнения по этой проблеме [5]. В работах по педагогике рассматривают компетенции необходимые будущим специалистам для обеспечения радиационной безопасности [6]. Анализ научных публикаций показывает, что многие работы по гуманитарной экспертизе носят теоретический характер. В то же время работы по радиационной безопасности посвящены отдельным социальным аспектам проблемы [7], они не рассматриваются в контексте организации гуманитарной экспертизы.

Цель статьи состоит в изучении проблем формирования экспертного сообщества по проблемам радиационной безопасности на основе социологического исследования, проведенного в 2021 г. в трех регионах России.

Методология исследования

Материалы экспертных интервью были получены в январе – феврале 2021 г. в рамках изучения отношения экспертов и различных групп населения к проблемам обеспечения радиационной безопасности. В экспертных интервью приняли участие респонденты из трех регионов России, в которых есть промышленные объекты с применением ядерных технологий: Свердловская и Воронежская область, а также Красноярский край. В качестве экспертов выступили двадцать респондентов: ученые, руководители, журналисты, члены общественных организаций, которые в своей профессиональной деятельности имеют дело с оценкой радиационной безопасности. В гайд неформализованного интервью входили вопросы, связанные с обсуждением проблем создания экспертного сообщества для обеспечения радиационной безопасности. При описании результатов интервью в скобках указаны: должность респондента, его возраст и род, в котором он проживает.

Результаты исследования

Многие респонденты поддерживают идею создания экспертного совета по радиационной безопасности. На основе анализа полученных материалов была составлена структура совета по радиационной безопасности, которая включает следующих субъектов:

- представители атомной отрасли: корпорация «Росатом», руководители, специалисты предприятий;
- контролирующие органы: Ростехнадзор, Санпид, Роспортебнадзор;
- представители власти: руководители городов присутствия, представители региональной власти;
- ученые, эксперты, молодые ученые: специалисты в области радиационной, экологической безопасности, врачи;
- журналисты: блогеры, популяризаторы науки, журналисты;
- представители образования: преподаватели вузов, которые готовят специалистов для атомной отрасли, представители школьного образования;
- общественные активисты: представители экологических общественных организаций.

Респонденты высказали следующие суждения относительно организации работы совета по радиационной безопасности.

Было высказано мнение о том, что проблема радиационной безопасности должна рассматриваться в контексте экологических проблем. В связи с этим нужно создавать совет по экологии или совершенствовать его работу, там, где он уже создан. Это обусловлено тем, что система экспертизы по радиационной экологии уже разработана, она существует на международном уровне. Желающие могут подать заявки и получить статус эксперта, высказал свое мнение респондент (ученый, 54, Екатеринбург).

Участники интервью считают, что при организации работы совета возникнут проблемы с независимой экспертизой. Она состоит в том, что эксперты должны обладать современными знаниями, уметь аргументировать свою точку зрения, обладать навыками общения с СМИ и при этом быть объективным в своих заключениях. Респондент обратил внимание, что состав экспертов совете должен быть междисциплинарным. Остро стоит вопрос нехватки сторонних экспертов, поскольку включение в состав совета специалистов из сферы ядерных технологий воспринимается как стремление действовать в угоду корпорации «Росатом».

Важно, чтобы в состав экспертных советов по радиационной безопасности входили представители региональной общественности. В тех регионах, где такие советы существуют следует обновлять их состав, включая людей, обладающих современными знаниями. Респондент также подчеркнул среди важных компетенций экспертов умение общаться с СМИ, давать комментарии, понятные для людей, которые не являются специалистами в ядерных технологиях, не обладают специальными знаниями. При общении с СМИ не следует использовать научную терминологию, нужно ориентироваться на повседневное восприятие (журналист, 33, Красноярск). В рамках независимых экологических организаций должна осуществляться подготовка экспертов по радиационной безопасности. Это необходимо для того, чтобы эксперты могли общаться с представителями предприятий, на которых используются ядерные технологии, на профессиональном языке (журналист, 45, Красноярск).

Некоторые эксперты считают, что экспертное сообщество уже создано, а проблема в том, чтобы повысить эффективность просветительской работы с населением. Некоторые респонденты считают, что общественные организации, выполняющие функции советов по радиационной безопасности уже существуют на региональном уровне, например, на Урале. Кроме специалистов, которые связаны с практической разработкой и внедрением ядерных технологий, существует взаимодействие между учеными атомной отрасли. Региональное экспертное сообщество включает специалистов, обладающих необходимыми научными и техническими знаниями. Однако члены данных организаций недостаточно подготовлены для того, чтобы общаться с населением. Они не способны решить проблемы низкой информированности по вопросам ядерной безопасности, для этого необходимы специалисты по связи с общественностью, грамотные медиакомпании (журналист, 40, Заречный). В интервью ре-

спонденты указывают на опыт работы экспертных сообществ в советский период и считают необходимым его использовать в современных условиях (ученый, 54, Екатеринбург).

Сомнения в необходимости экспертного совета вызваны опасением того, что его деятельность приобретет политический характер, его решения будут использованы какими-либо лидерами общественного мнения для того, чтобы добиться популярности. Политическая ангажированность деятельности советов может препятствовать развитию научно-технического прогресса. В угоду политическим интересам иногда проводятся протестные действия, на фоне которых лидеры формируют политический имидж. Однако политические интересы групп, которые стремятся получить доступ к власти, вступают в противоречие с интересами научно-технической политики (ученый, 60, Екатеринбург). Некоторые респонденты считают, что необходимость в создании совета по радиационной безопасности отсутствует, так как в настоящее время нет острых проблем в этой сфере, деятельность совета будет формальной. Такая позиция связана с тем, что экспертный совет рассматривают по аналогии со штабом в чрезвычайных ситуациях. Если отсутствует реальная угроза жизни и здоровью населения, то в деятельности совета нет необходимости (специалист, 36, Воронеж). Другие респонденты подчёркивают, что целесообразность совета зависит от того, какие у него будут цели деятельности, насколько он будет способен самостоятельно реализовать сформулированную программу. Совет не должен работать «по заказу», он не должен выполнять функции «оперативного реагирования», его деятельность должна быть постоянной. В этом случае одним из основных направлений должна быть работа по информированию населения.

В интервью было отмечено, что экспертный совет предназначен для формирования вектора научно-технической политики в сфере атомной энергетики. Совет должен обсуждать стратегические направления развития ядерной отрасли на региональном уровне. В советский период, как отметил респондент, такая работа проводилась. Она была направлена на просвещение представителей власти, их задача была в определении промышленной политики, векторов развития области. У представителей власти должна быть правильная оценка рисков и преимуществ технологий, которые связаны с радиационным фактором. Сообщество экспертов необходимо, чтобы власть имеющие люди верно формировали вектор технологического процесса (ученый, 60, Екатеринбург).

С определением технологических приоритетов тесно связана функция согласования интересов хозяйствующих субъектов. Представление о перспективах развития ядерных технологий должно быть не только у властных структур, но также у всех крупных хозяйствующих субъектов. Например, как отметил респондент, при обсуждении строительства атомной электростанции в Красноярском крае возникнет противоречие с отраслью, которая добывает, а также с предприятиями, которые его используют для отопления. Чтобы противоречие не переросло в политический конфликт, необходимо согласование интересов, в этом может оказать помощь экспертный совет. (Красноярск, 40, директор).

Таким образом, обсуждение вопросов ядерных технологий тесно связано с энергетической политикой, которая выступает базисом как современного производства, а также перспектив его развития. Как показывает современная ситуация в Европе, отсутствие оптимального баланса при реализации энергетической политики между экологическими ценностями и потребностями производства может привести к экономическому дисбалансу и ухудшению экологической ситуации.

Одной из главных функций экспертного совета является организация независимой экспертизы. В настоящее время объекты атомной отрасли проверяют эксперты международной организаций МАГАТЭ. Как отмечают респонденты, этого недостаточно, необходима также независимая общественная экспертиза. Ее задачи состоят в том, чтобы дать объективную оценку состояния объектов атомной отрасли, которые были бы понятны населению (ученый, 54, Екатеринбург).

Задачи экспертизы включают сбор информации, ее анализ, а также предоставление информации в виде экспертных заключений (журналист, 40, Екатеринбург).

Должны быть внешние независимые структуры, которые осуществляют совместную работу по контролю загрязнению и оценке возможных экологических рисков. В Европе существуют частные структуры, которые могут заниматься оценкой экологических рисков на профессиональном уровне. Они используют экспертов со всего мира, учёные, которые работают в команде и оценивают экологические риски для разных корпораций вроде «Росатома». Такая практика, по мнению респондента, повышает доверие к отчетам среди различных социальных субъектов (руководитель, 49, Красноярск).

В функции совета должна входить работа по подготовке экспертных заключений для персонала, который работает на атомных объектах. Про него обычно забывают на обсуждениях по безопасности. Эксперты должны иметь возможность право в полном объеме высказывать свою точку зрения. В центре внимания экспертов должны быть вопросы относительно использования атомных технологий: «Насколько это правильно?», «И, насколько реализация этого проекта опасна или безопасна для персонала?» (руководитель, 41, Красноярск).

Организация общественного контроля в сфере радиационной безопасности является важным направлением деятельности совета. По мнению респондента, главная функция совета – «исключительно контрольно-информационная» (руководитель, 41, Красноярск). Она связана с координацией контролируемых функций различных общественных организаций (ученый, 54, Екатеринбург). Контрольная функция должна быть реализована на всех стадиях, начиная от проектирования объектов, их работы, вывода из эксплуатации. Механизм деятельности должен включать активное участие общественных организаций (руководитель, 47, Красноярск).

На основании общественного контроля совет должен формировать экспертные заключения, в них должны содержаться результаты измерений, сведения об актуальности измеряемых факторов, оценка степени их опасности. Также должны быть представлены данные о методиках измерения, их аттестации, а также о приборах, их сертификации. В экспертном заключении должны быть выводы о состоянии радиационной безопасности, изучаемых объектов (Екатеринбург, ученый, 54). Участники интервью подчеркнули значимость образовательной и просветительской функций в работе совета по радиационной безопасности.

Респонденты отмечают значение общественных экологических организаций в просветительской деятельности по теме радиационной безопасности. Респондент аргументировал это тем, что общественные экологические организации имеют больше доверия, потому что они включают в свой состав, как правило, не только профессионалов в области радиационной безопасности, но и популярных людей в регионе (ученый, 60, Екатеринбург).

Члены экологических организаций пытаются на себя труд разобраться в проблеме, взаимодействуя с обществом через СМИ, они стремятся повысить информированность населения. Негативное отношение к атомным технологиям, как правило, связано с низким уровнем информированности населения. Если общественные советы возьмут на себя функции информирования населения о проблемах радиационной безопасности, то они принесут большую пользу.

Респондент подчеркивал преимущества общественного эксперта по сравнению со специалистом, работающим на предприятии атомной отрасли, которые состоят в том, что его высказывания вызывают у населения большее доверие. Общественный эксперт может в популярной форме представить техническую информацию, изложить ее понятным языком (руководитель, 47, Красноярск).

Просветительскую функцию экспертного совета респонденты сравнивают с функцией «публичного учителя», которая важна для информирования населения. Это бывает важно в ситуациях, когда появляется информация о возможных рисках. Экспертный совет нужен, чтобы разъяснить, оказать влияние на стабилизацию общественного мнения (журналист, 40, Заречный).

Функция просвещения важна для повышения эффективности коммуникации между различными заинтересованными субъектами, чтобы «переводить с технологического на общедоступный язык». Специалисты могут возражать против упрощенного представления о

процессах, происходящих в технических устройствах, которое формируется в популярных источниках информации. Однако без этого обойтись нельзя, чтобы объяснить обычному человеку принципы работы ядерных технологий. Если будет такое экспертное сообщество, то оно будет переводить со сложного технологического языка на более простой (журналист, 33, Красноярск).

Участники интервью считают, что члены экспертного совета по радиационной безопасности должны осуществлять эффективную обратную связь между предприятиями атомной отрасли и население. Содержательные аспекты этой информационной связи включают научную оценку степени рисков, представленную на доступном языке (член общественной организации, 34, Воронеж).

Некоторые участники интервью полагают, что экспертный совет должен осуществлять образовательные функции, связанные с подготовкой квалифицированных кадров, популяризацией профессий, которые востребованы на предприятиях атомной отрасли. Их реализация должна быть связана с программой формирования социальной лояльности населения. Помимо технологических аспектов в программу должны входить вопросы обеспечения кадров, развития территорий присутствия (руководитель, 45, Красноярск). Кроме этого важны функции информационные, функция такая контрольная, связанная с опросом мнения сообщества, обывателей, а также профилактическая функция. Они нужны, чтобы предупредить, увидеть и вынести на поверхность какие-то проблемы, которые существуют (специалист, 24, Воронеж).

Респонденты отметили оперативное информирование населения в качестве важной функции экспертного совета по радиационной безопасности. Она связана с донесением информации, до населения, до всех заинтересованных лиц, разъяснение, оперативное донесение информации, о каких-либо изменениях, информирование населения о развитии и достижениях (руководитель, 37, Новоуральск).

Респонденты выразили желание принять участие в работе экспертного совета по радиационной безопасности. Были высказаны следующие мнения относительно ролей, которые эксперты готовы выполнять в совете.

- эксперт, консультант, исследователь, оператор, измеритель (ученый, 54, Екатеринбург);
- популяризатор научных и технических идей, чтобы было больше информации об интересных людях, достижениях в науке и в технике (журналист, 40, Екатеринбург);
- журналист, эксперт в донесении информации (журналист, 40, Заречный);
- наставник, учитель, который может показать, как пользоваться приборами, а также объяснить принципы их работы (ученый, 54, Екатеринбург);
- консультант по вопросам связи с общественностью (журналист, 33, Красноярск);
- ученый-исследователь, который получает первичную информацию, специалист, который получает исходные данные. На основе этих данных можно проводить оценку радиации (ученый, 49, Красноярск);
- слушатель, транслятор, модератор, поскольку эта площадка – это некая призма, некий коммуникационный канал, который необходим простым людям для того, чтобы они понимали, что происходит в атомной отрасли (член общественной организации, 42, Красноярск);
- спичрайтер, ведущий, могу готовить доклады об оценке рисков в общем (руководитель, 63, Красноярск);
- эксперт по оценке социальных аффектов деятельности предприятия отрасли, программы и ее реализации тех или иных информационных поводов, которые возникают в связи с деятельностью предприятий Росатома (ученый, 41 Красноярск).

Заключение и обсуждение

Вопрос о необходимости создания экспертного совета по проблемам радиационной безопасности вызвал неоднозначную реакцию у респондентов. Положительная реакция наблюдается у представителей науки, СМИ, которые заинтересованы в просвещении населения, в формировании положительного имиджа атомных технологий в сознании населения. Сомнения в необходимости экспертного совета были вызваны тем, что безопасность атом-

ных объектов в регионе находится под контролем в настоящее время. Совет был бы необходим в случае увеличения рисков радиационной безопасности. Эта точка зрения характерна для респондентов из Воронежа. Были также высказаны опасения в том, что тема радиационной безопасности может быть использована в политических целях, поэтому оценки экспертов утратят независимость.

Респонденты предложили включить в состав экспертного совета представителей всех стейкхолдеров: предприятий атомной отрасли, контролирующих органов, органов власти, ученых, СМИ, общественных организаций, образования. Участники опроса считают, что экспертный совет должен сосредоточить свою работу на экспертно-контролирующих и просветительских функциях. Некоторые респонденты считают, что экспертный совет должен обсуждать стратегии научно-технического развития атомной отрасли, а также согласовывать интересы хозяйствующих субъектов в регионе, которые относятся к перспективам развития атомных технологий.

Литература

1. Воронин А. А. Б. Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 91–102.
2. Гребенщикова Е. Г. Гуманитарная экспертиза и дискурс антиципации // Идеи и идеалы. 2018. № 2, Т. 1. С. 100–111.
3. Анализ подходов к радиационно-экологическому мониторингу в районах размещения ядерно и радиационно опасных объектов. Обзор / А. В. Панов, Н. И. Санжарова, В. К. Кузнецов, С. И. Спиридонов, Д. Н. Курбаков // Радиация и риск (Бюллетень НРЭР). 2019. № 3. С. 75–95.
4. Бочкарева И. А. Историография создания системы радиационной безопасности в отечественной атомной промышленности // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 2 (357). С. 138–146.
5. Система оценки информированности граждан о радиационной обстановке с использованием социальных сетей и ресурсов открытого доступа / Н. Ю. Поцелуев, О. В. Жукова, А. С. Нагорняк, А. О. Пасеченко // АНИ: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 233–236.
6. Степанова А. Ю., Екидин А. А. Выявление информационных потребностей и компетенций студенческой молодежи по обеспечению радиационной безопасности // АНИ: педагогика и психология. 2018. № 3 (24). С. 233–236.
7. Головихина О. С. Особенности выстраивания конструктивного взаимодействия с заинтересованной общественностью (на примере атомной отрасли России) // Вестник МГОУ. 2021. № 4. С. 49–61.

МОНИТОРИНГ КАК МЕТОД ЭКСПЕРТИЗЫ НАРКОСИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2021 Г.

Обобщается опыт социологической экспертизы наркотизма отдельного региона – Красноярского края на основе результатов ежегодного мониторинга. Отмечается относительную стабильность уровня наркотизма в Красноярском крае на протяжении последних лет. Делается вывод, что для региона остается актуальным повышение уровня антинаркотической культуры, активизация и совершенствование деятельности различных субъектов антинаркотической профилактики по противодействию распространению наркомании.

Ключевые слова: мониторинг, наркоситуация, наркотизм, наркомания, наркобезопасность, антинаркотическая культура.

V. Y. Shinkevich

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

MONITORING AS A METHOD OF EXAMINATION OF DRUG SITUATION IN THE REGION: BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE KRASNOYARSK TERRITORY IN 2021

The article offers the experience of sociological expertise of drug addiction in a separate region – the Krasnoyarsk Territory, based on the results of annual monitoring. The author notes the relative stability of the level of drug addiction in the Krasnoyarsk Territory over the past years. It remains relevant for the region to increase the level of anti-drug culture, to activate and improve the activities of various subjects of anti-drug prevention to counteract the spread of drug addiction.

Keywords: monitoring, drug situation, drug addiction, drug addiction, drug safety, anti-drug culture.

Экспертная деятельность охватывает практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Более того, эти сферы нуждаются в экспертизе, которая позволяет предотвратить возможные негативные последствия, как результат недобросовестной, ошибочной, спорной, проблематичной, незаконной деятельности или последствий социальной деградации. Равно экспертиза может определять и подтверждать позитивно изучаемые состояния, явления и процессы. Предметом анализа экспертизы становятся качество продуктов и любой иной продукции, услуг, результатов труда, восприятие людьми направленных на них, объектов объективной реальности, информации, чистота эксперимента, добросовестность творческой деятельности и многое другое.

Социологическая экспертиза наркоситуации, на том или ином историческом отрезке существования социума, его региональной составляющей, позволяет осознать наркопроблему как на уровне отдельного региона, так и на уровне обществ, государств и их союзов, и обеспечить должный уровень профилактики наркотизма как негативного социального явления, представляющего собой совокупность антиобщественных деяний, обусловленных болезненной зависимостью человеческого организма от постоянного приема наркотических средств и затрагивающих широкий спектр социальных проблем – от отклоняющегося социального поведения до вопросов национальной безопасности государства [1, с. 4]. Существенное значение для оценки наркоситуации и уровня наркотизма имеют социологические исследования, проводимые в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации как одного из трех его основных составляющих. Порядок, сроки, инструментарий определены соответствующими нормативными [5] и методическими документами [2]. Предметом исследования в рамках нашей статьи являются отношение населения Красноярского края к проблемам наркотизации общества и уровень наркотизма региона.

В 2021 г. опрошены 2353 респондента, жителей Красноярского края от 14 до 60 лет, что составляет около 0,1 % жителей края. Выборочная совокупность охватывала наиболее социализированные группы населения, а использованная выборка соответствует в целом научно

обоснованным подходам к определению количества выборочной совокупности. Среди опрошенных были мужчины и женщины, жители края разных возрастов и материального остатка, отрицательно относящиеся к наркотикам, наркопотреблению и те, кто имел опыт употребления наркотических веществ и наркотических средств вне медицинских целей. В целом, как и в предыдущие годы, население края на фоне существующих проблем в регионе не выделяет наркоситуацию как одну из тревожных, первоочередных подрывающих социальную безопасность проблем, требующую решения в первую очередь, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Проблемы, по мнению респондентов, требующие решения в первую очередь

Укажите, пожалуйста, ПЯТЬ наиболее острых проблем, требующих решения в первую очередь в Вашем населенном пункте	Относительное (в %)						
	2019 г.	2020 г.	Динамика к 2019 г.	Рейтинг 2020 г.	2021 г.	Динамика к 2020 г.	Рейтинг 2021 г.
Нехватка жилья	10,6	10,3	-0,3	6	10,3	0	6
Качество дорог	15,6	17,5	+1,9	2	18,3	+0,8	1
Алкоголизм	13,0	11,7	-1,3	5	12,8	+1,13	5
Безработица	18,1	15,1	-3	4	16,0	+0,9	3
Состояние жилищно-коммунальной сферы	13,0	16,6	+3,7	3	13,6	-3,3	4
Наркомания	7,0	5,7	-1,3	7	6,9	+1,2	7
Качество медицинского обслуживания	16,5	18,2	+1,7	1	16,2	-2,0	2
Преступность	4,9	3,8	-1,1	8	5,2	+1,4	8
Другое	1,3	1	-0,3	9	0,7	+0,4	9
Итого	100	100			100		

Людей более беспокоят проблемы, отражающие уровень социальной комфортности: качество дорог, качество медицинского обслуживания, состояние жилищно-коммунальной сферы, состояние жилищно-коммунальной сферы. В условиях сегодняшнего времени, когда проводится специальная военная операция на Украине, данная проблема по оценкам респондентов скорее всего заняла бы также первые рейтинговые места, если бы данный индикатор был предусмотрен инструментарием проведения социологических опросов. Внутреннее осознание беспокойства относительно проявления наркомании в регионе находится внизу рейтинговой таблице. Это позволяет говорить о том, что наркомания как болезнь, зависимость, пристрастие, как негативное социальное явление лично касается относительно небольшого количества населения. Это указывает на качество проведения антинаркотической политики и тех мероприятий, которые она продуцирует.

Вместе с тем ежегодно на вопрос «Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т. д.)?» более 50 % респонденты в ходе опроса выбирают индикаторы «Очень распространена», «Распространена, но не больше, чем везде», что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Распространенность наркомании в регионе

Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т. д.)?	%				
	2017	2018	2019	2020	2021
Очень распространена	14,8	17,2	13,6	12,9	16,5
Распространена, но не больше, чем везде	46,5	51,1	52,0	47,3	41,5
Совсем не распространена	7,6	6,9	7,3	6,3	11,6
Затрудняюсь ответить	31,1	24,8	27,2	33,6	30,4
Итого	100	100	100	100	100

Для социологической экспертизы уровня наркотизма как показателя вовлеченности населения в наркопотребление выделим из общей массы респондентов, тех, кто имеет опыт наркопотребления, тех, кто непосредственно и определяет уровень и остроту наркотизма в регионе. Поэтому оставим за пределами наших рассуждений в данной статье комплексную оценку наркоситуации, которую мы не раз рассматривали в прошлые годы [3; 4; 6; 7], отра-

зим только тот аспект социологической экспертизы, проведенной на основе социологических исследований, который позволяет прямо или косвенно определить хотя бы некоторые показатели наркотизма, характерного для рассматриваемого регионе. При этом должны признать, что в совокупной массе респондентов, опрошенных, которые имеют хотя бы однократный опыт употребления наркотиков, относительно не много, что говорит более об уровне наркоситуации в регионе, чем об уровне наркотизма. Однако, учитывая соотношение генеральной и выборочной совокупности, можно утверждать, что количество лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества и лиц, входящих в группу риска может насчитываться ни одна тысяча человек.

Уровень наркотизма тесно связан с наличием спроса и предложения наркотиков на наркорынке, доступность приобретения и приобретения их наркозависимыми. По мнению 2,0 % респондентов, наркотики в регионе «Очень трудно достать»; 3,7 % считают, что наркотики достать «Трудно». То есть, объединив суммарно полученные результаты по этим двум индикаторам, можно сказать, что только 5,7 % респондентов гипотетически могут испытывают трудности по приобретению наркотических средств и психотропных веществ. В то же время 39,8 % респондентов отметили, что наркотики достать «Легко» и «Сравнительно легко» и данный показатель по сравнению с предыдущим годом имеет положительную динамику. Антирейтинг данных индикаторов, пусть и незначительно, но растет, что отражено в табл. 3.

Таблица 3

Доступность наркотиков в регионе

Как Вы думаете, трудно ли достать сегодня наркотики?	Абсолютное количество ответов	Относительное (в %)	
	2021	2021	Динамика
Очень трудно	47	2,0	+0,3
Трудно	87	3,7	-0,4
Сравнительно легко	649	27,7	+0,9
Очень легко	284	12,1	+0,8
Не знаю	1275	54,4	-1,7
Итого	2342	100	

Данные оценки доступности наркотиков необходимо рассматривать, как наличие на наркорынке предложения наркотиков, и позволяют косвенно говорить о наличии на рынке дешевых наркотиков, возможно синтетики, о хорошо отработанной системе распространения наркотиков в том числе бесконтактным способом. Позволяют говорить о существующей доступности компонентов для собственного производства наркотических средств и психотропных веществ, а также о наличии соответствующей базы для получения наркотиков растительного происхождения как на культивируемых площадях, так и за счет дикороссов.

Наркомания – социальное явление, в основе которого лежит взаимодействие людей, осуществляемое в социальном пространстве. В 2021 г. 84,6 % респондентов указали на то, что они не общаются с людьми, употребляющими наркотики, 11,4 % респондентов выбрали индикатор «Да, в кругу моих друзей, знакомых такие люди есть», 3,5 % – «Да я знаю много таких людей», 0,5 % – «Да, все мои знакомые, так или иначе, употребляют наркотики». Как видим более 15 % респондентов, так или иначе в своем ближайшем социальном окружении имеют возможность контактировать с наркопотребителями, следовательно, и с наркораспространителями.

Продолжает иметь место использование сети Интернет для получения информации о наркотиках. В большей или меньшей степени прибегали к информационным услугам сети Интернет 6,0 % респондентов.

Практически, как и в прошлые года, остается потенциальная опасность и возможность кооптации наркораспространителями новых наркопотребителей. Данный факт может оказывать существенное влияние на ухудшение наркобезопасности Красноярского края, а далее, с учетом логистических схем и особенностей географического расположения региона, отразиться и на соседних областях, республиках и краях. Более пятой части респондентов

(20,3 %) сталкивались с фактами предложений попробовать наркотики. Настораживает то, что некоторые респонденты показали практическую готовность согласиться попробовать наркотики в случае, если они им будут предложены. По результатам опроса таковых 4,7 % респондентов. Возможно, что число наркопотребителей может быть пополнено за счет сомневающихся в себе, а это еще 3,1 % респондентов.

При оценке результатов ответов респондентов непосредственно на вопрос: «Пробовали ли Вы наркотические вещества?» положительно ответили 2,3 % респондентов. Среди наркопотребителей преобладают мужчины. По возрасту чаще других выбирали индикатор «Да» респонденты возрастной группы 18–20 лет, по материальному достатку – респонденты, испытывающие трудности в обеспеченности самым необходимым «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг».

Среди тех, кто имеет опыт наркопотребления большинство, это те, кто ранее пробовали наркотики, но перестали употреблять (более 65,7 % респондентов), 22,9 % опрошенных респондентов употребляют наркотики от случая к случаю, около 11,5 % – регулярно, постоянно, ежедневно. Однако небольшое количественное значение выявленных в ходе социологического опроса респондентов, имеющих опыт употребления наркотических средств, не позволяет с высокой степенью вероятности относиться к количественным результатам опроса. Вместе с тем они позволяют определить наиболее проблемный возраст, когда респонденты получили первый опыт употребления наркотиков, более того это распространяется с высокой степенью вероятности и на генеральную совокупность в целом, каковой является население края от 14 до 60 лет

Существенное значение для профилактики, недопущения получения как первого опыта наркопотребления в немедицинских целях, так и проявления в дальнейшем психической и физической зависимости от психоактивных веществ имеет выявление причин, толкающих человека к употреблению наркотиков, оценка факторов наркотизма. Знание проблемы позволяет своевременно принимать решения по противодействию наркотизму, выстраивать основным субъектам антинаркотической деятельности адекватную антинаркотическую политику, формировать антинаркотическую культуру у населения и культуру здорового образа жизни.

Среди причин, которые чаще всего приводят к употреблению наркотиков, респонденты-наркопотребители отметили следующие: «По глупости» (22,4 %), «Связь с плохой компанией» (20,4 %), «Просто так, от нечего делать, раз попробовать не страшно» (18,4 %), «Для снятия напряжения» (12,2 %). Надо полагать, что респонденты, которые отдали предпочтение выбору «По глупости» осознают пагубность употребления наркотиков в немедицинских целях, нуждаются в помощи специальных антинаркотических акторов для полного и осознанного отказа от дальнейшего употребления наркотиков с последующей реабилитацией и ресоциализацией в социум. Фактор «Связь с плохой компанией», имеющий втрое по весу значение, подчеркивает значимость для человека социального окружения как опасной социальной среды для возможного втягивания его в наркопотребление, неготовности части населения сказать «Нет наркотикам!» или просто «Нет!». В целом в своей совокупности имеют существенное значение также, так называемые депрессивные факторы, такие как: «Отсутствие смысла жизни, четких целей», «Отсутствие силы воли», «Семейные неурядицы», «Отсутствие работы по специальности», «Одиночество», «Депрессия, пессимизм». Таковых в сумме 20,4 % респондентов. Как видим глупость и пессимизм – основные побудители потребления наркотиков большинства современных наркопотребителей. Можно с уверенностью констатировать, что даже в больших городах и населенных пунктах ряд людей страдают от одиночества. Как не вспомнить сатирическую репризу Аркадия Райкина, в которой он говорит о проблеме многоэтажек: «Народу много, а поговорить не с кем».

Среди наиболее востребованных и доступных наркотиков респонденты данной группы отмечают, как и в прошлые годы, такие психоактивные вещества как марихуану, травку, амфетамины, курительные смеси, «соль», спайс. Среди ответов были и такие, как «не знаю». Наиболее доступные и распространенные способы приема наркотических средств и психотропных веществ: курение, вдыхание.

Для анализа распространения наркомании особое значение имеют результаты ответов на вопрос о причинах востребованности и употребления респондентами конкретных наркотиков. Среди факторов употребления конкретных наркотиков чаще всего респонденты отмечали «Менее вредны для организма» (по 21,2 %) и «За компанию» (18,2 %), далее такие причины как: «Легче достать» (12,1 %), «Уже привык к нему» и «Легче изготовить» по 6,1 % каждый. В 2021 г. увеличилось количество ответов по таким факторам как: «Дешевле» (+4,9 %); «Легче изготовить» (+4,0 %); «Легче достать» (+1,7 %).

Существенное значение для всестороннего анализа наркоситуации, профилактики употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях имеет выявление того, в какой ситуации происходит первая проба наркотиков, наркопотребление, где удается достать наркотические средства. Наиболее часто первое употребление наркотических веществ происходит в местах, где низка вероятность контроля за поведением человека со стороны окружающих, а также в местах, наиболее к тому располагающих и принижающих внутренний контроль: «На улице, во дворе, в подъезде» (31,0 %), «В гостях у друзей, знакомых» (24,1 %). Наиболее привлекательными местами первой пробы и у мужчин, и у женщин остаются улица, двор, подъезд. По возрасту – это молодежь 18–25 лет. Старшие возрастные группы к наиболее благоприятным местам первого знакомства с наркотиками относят «В гостях у друзей, знакомых».

Влияния нездоровой социальной среды имеет существенной значение для кооптации новых наркопотребителей. Анализ ответов респондентов на вопрос «Кто впервые предложил Вам попробовать наркотик?» показывает следующее: «Кто-то из знакомых» (38,7 %), «Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы, работы» (32,3 %), «Коллеги по учебе (12,9 %), «Сам решил попробовать» (6,5 %), «Кто-то из членов семьи» (3,2 %).

Субъекты активности предложения первой пробы в основном остаются стабильными – это знакомые, контактеры свободного времени. Так же, как и в прошлые годы, респонденты наркопотребители редко указываются на членов семьи, как на тех, кто впервые предложили попробовать наркотики. Данные единичные факты отмечали только респонденты мужчины. Женщины респонденты практически в три раза чаще указывают, чем мужчины, на коллег по учебе, работе. По возрастному признаку, впервые попробовали наркотики по предложению социального окружения свободного времени, молодые люди 14–20 лет, при этом несовершеннолетние часто отмечали, что приняли решение самостоятельно. Скорее всего – это лишь «видимость самостоятельного решения», оно также принято под влиянием тех, с кем общается молодежь.

В рамках определения уровня распространенности наркотических средств и психотропных веществ в Красноярском крае представляет интерес выявление наиболее распространенных способов и каналов их получения (приобретения) наркопотребителями. Получают наркотики через друзей, знакомых, по результатам ответов респондентов на вопрос «Каким способом Вы обычно получаете наркотики?», 43,2 % опрошенных. По прежнему имеет место распространение наркотиков в клубах, на дискотеках, совершенствуются и формы распространения: бесконтактная через закладки, посредством мессенджеров (6,9 %), в сети «Интернет» (6,9 %). Имеет место также доступность приобретения наркотиков, или отдельных их составляющих, через аптечную сеть, на что указали 8,1 % наркопотребителей.

Проведенная социологическая экспертиза результатов социологических исследований наркоситуации в формате ежегодного мониторинга позволяет говорить об относительной стабильности уровня наркотизма для Красноярского края на протяжении последних лет. В настоящее время остается актуальным повышение уровня антинаркотической культуры в образовательных организациях всех уровней, активизация и совершенствование деятельности различных субъектов антинаркотической профилактики, направленной, с учетом новых технологий, на выявление граждан, попадающих в группу риска, и профилактическая работа с ними. Существенное место занимает своевременная помощь лицам страдающим от наркотической зависимости, равно как и от всяких других зависимостей.

Литература

1. Гушина Т. В., Чепнецова М. В. Понятие наркотизма: проблемы правового и лингвистического толкования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3(72). С. 4.
2. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах : утв. протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 26.06.2021 № 48.
3. Невирко Д. Д., Коробичина Т. В., Шинкевич В. Е. Методология и методика мониторинговых исследований наркоситуации в студенческой среде и профилактика наркопотребления : монография. Красноярск, 2011.
4. Организация и проведение мониторинга наркоситуации в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа (по материалам социологических исследований) : метод. Рекомендации / Невирко Д. Д. [и др.]. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2013.
5. Положение о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации : утв. постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485.
6. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография / В. Е. Шинкевич [и др.]. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.
7. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : монография / В. Е. Шинкевич [и др.]. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021.

УДК 35.075.7(571.54):614.2

Е. Ю. Башкуева

Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ О СОСТОЯНИИ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Проведен анализ проблем качества и безопасности медицинской деятельности с использованием авторских социологических методик (экспертного опроса, глубинных интервью с пациентами). Выявлены и систематизированы факторы влияния на качество и безопасность медицинской деятельности в различных видах медицинских служб Республики Бурятия. Разработаны предложения региональному министерству здравоохранения и медицинским организациям по совершенствованию управления качеством и безопасностью медицинской деятельности с учётом пандемии новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: медицинская деятельность, медицинские работники, здравоохранение, качество, безопасность, пандемия, новая коронавирусная инфекция, COVID-19, министерство здравоохранения, Республика Бурятия.

Ye. Yu. Bashkueva

Buryat Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

EXPERT OPINION ON THE QUALITY AND SAFETY OF MEDICAL ACTIVITIES DURING THE COVID-19 PANDEMIC (BASED ON MATERIALS FROM THE REPUBLIC OF BURYATIA)

The article presents an analysis of the problems of quality and safety of medical activity using the author's sociological methods (expert survey, in-depth interviews with patients). The factors influencing the quality and safety of medical activity in different types of medical services in the Republic of Buryatia have been identified and systematized. Proposals have been developed for the regional Ministry of Health and medical organizations to improve the quality and safety management of medical activities taking into account the pandemic of a new coronavirus infection.

Keywords: medical activities, medical workers, health care, quality, safety, pandemic, new coronavirus infection, COVID-19, Ministry of Health, Republic of Buryatia.

Третий год российская система здравоохранения функционирует в условиях активного противодействия распространению новой коронавирусной инфекции. Медицинские работники всех российских регионов мобилизованы на борьбу с COVID -19, амбулаторно-поликлинические и стационарные службы работают в усиленном режиме. В этих условиях актуальной задачей российского здравоохранения остается обеспечение доступной, безопас-

ной и качественной медицинской помощи населению. Всемирная организация здравоохранения под качеством медицинской помощи понимает степень, в которой услуги здравоохранения, оказываемые отдельным лицам и группам населения, повышают вероятность достижения желаемых результатов в области здравоохранения и соответствуют профессиональным знаниям, основанным на фактических данных [1].

Российские ученые и организаторы здравоохранения уделяют много внимания обоснованию и разработке различных аспектов качества и безопасности медицинской деятельности, критериев их оценки [2–7]. Так, исследователь О. В. Сертакова определяет под качеством медицинской помощи такие свойства данной помощи, которые одновременно: удовлетворяют потребности потребителей (пациентов) в совместимой, доступной, результативной и безопасной медицинской помощи; обеспечивают правильность организации процесса диагностики, профилактики, оздоровления, лечения и реабилитации, учитывают способность медицинского учреждения к формированию устойчивых или уникальных конкурентных преимуществ, одновременно обеспечивающих экономически сбалансированное и социально ответственное его развитие [7, с. 98].

Что касается вопросов безопасности медицинской деятельности, то сегодня в новых эпидемиологических условиях проблема её обеспечения является одной из наиболее актуальных для всего человечества. Как отмечают Т. Н. Шестопалова и Т. В. Гололобова, безопасность, применительно к оказанию медицинской деятельности – это безопасность применяемых медицинских технологий и схем лечения, безопасность пребывания пациентов в медицинской организации, их психосоциальный комфорт [8].

Для Бурятии характерны серьезные проблемы в системе здравоохранения [9–12], однако при этом она одна из немногих регионов Российской Федерации, где выстраивается единая региональная система качества и безопасности медицинской деятельности [13–15] и успешно функционируют инновационные институты управления – Региональный центр компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности, межведомственная комиссия при региональном министерстве здравоохранения.

Цель настоящего исследования – провести анализ качества и безопасности медицинской деятельности в Республике Бурятия с учетом фактора пандемии новой коронавирусной инфекции, определить основные перспективные направления работы системы здравоохранения Бурятия в обозначенном направлении.

Материалы и методы исследования

Исследование базировалось на синтезе следующих методов: изучение и обобщение опыта, статистический, социологические (экспертный опрос, глубинные интервью), аналитический. Эмпирическую базу исследования составили официальные статданные Росстата, Бурятстата, ежегодные сводные отчеты Министерства здравоохранения Республики Бурятия (за 2018–2021 гг.), Территориального управления Росздравнадзора по Республике Бурятия (за 2018–2021 гг.), отчеты медицинских организаций Республики Бурятия (за 2018–2021 гг.), отчеты Регионального центра компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности (за 2018–2021 гг.), данные авторских социологических исследований: экспертного опроса с участием руководителей Министерства здравоохранения Республики Бурятия, Регионального центра компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности, медицинских организаций Республики Бурятия на тему «Проблемы и перспективы качества и безопасности медицинской деятельности в Республике Бурятия» (N=40), глубинных интервью с пациентами, перенесшими новую коронавирусную инфекцию (N=10).

Результаты исследования и обсуждение

По данным Бурятстата, численность населения Республики Бурятия на 01.01.2021 составила 985 937 чел., в том числе городского населения – 583 973 чел., сельского населения – 401 964 чел. [16]. Всего в Бурятии 932 населенных пункта. Для оказания медицинской помощи жителям региона действует сеть медицинских учреждений из 54 медицинских организаций, из них первичную медико-санитарную помощь оказывают 31 медицинские организации.

Так, в 2020 г. в связи с пандемией и внедрением деятельности Центра управления регионом (ЦУР) существенно повысилось число обращений в министерство здравоохранения Республики Бурятия, сам способ подачи обращений стало многоканальным (социальные сети, платформа обратной связи (ПОС), системы «Инцидент-менеджмент» и «Бурятия-инфо»). Анализ ведомственных отчетов министерства здравоохранения Республики Бурятия показал, что в данном органе недостаточно ведется анализ причин нарушения качества и безопасности медицинской деятельности. Контрольные выездные проверки обычно проводятся после поступления жалоб со стороны пациентов, писем и поручений от следственных и надзорных органов. При этом выявляются нарушения порядков оказания медицинской помощи, выносятся предписания об устранении выявленных нарушений и принятии мер дисциплинарного взыскания в отношении лиц, допустивших нарушения. Информация о проведенных проверках является внутренней документацией для служебного пользования и общественность не имеет возможность получить информацию о предпринятых мерах. На наш взгляд, министерству здравоохранения Республики Бурятия целесообразно проводить обзор наиболее резонансных случаев, с указанием корректирующих действий и публиковать данные сведения на сайте этого органа и страницах в социальных сетях.

Эксперты отметили, что в период пандемии существенно сократилось число их выездных проверок медицинских организаций Республики Бурятия, в том числе по соблюдению стандартов качества и безопасности медицинской деятельности, что чревато ростом нарушений в обозначенном направлении. В ходе экспертных интервью выявлено отсутствие слаженного механизма работы министерства здравоохранения Республики Бурятия с надзорными органами в части контроля за качеством и безопасностью медицинской деятельности, особенно с органами прокуратуры. Несмотря на наличие такого совещательного органа как межведомственная комиссия по качеству и безопасности медицинской деятельности, многие важные вопросы не обсуждаются на её заседаниях, присутствует формальный подход к их проведению, не приглашаются члены общественного совета министерства здравоохранения Республики Бурятия и представители пациентских сообществ.

По данным глубинных интервью с пациентами, перенесшими новую коронавирусную инфекцию и проходившими стационарное лечение в ковидных госпиталях г. Улан-Удэ (ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко», ГАУЗ «Республиканская клиническая больница скорой медицинской помощи им. В. В. Ангапова», ГАУЗ «Республиканский клинический лечебно-реабилитационный центр «Центр восточной медицины»), качество оказанной им медицинской помощи было на удовлетворительном уровне, врачи и медицинский персонал работали достаточно слаженно, оперативно, хотя госпитали были переполнены и наблюдался явный дефицит медицинских кадров. Пациенты, проходившие лечение в Республиканской клинической инфекционной больнице высоко оценили качество оказываемой медицинской помощи, отметили высокий уровень профессионализма всего медицинского персонала, командный дух, внимательное отношение к пациентам, отличное питание, что способствовало быстрому излечению от опасной инфекции.

Эксперты указали на серьезные случаи нарушения безопасности медицинской деятельности, приведшие к вспышкам COVID-19, среди медицинского персонала и пациентов в период первой и второй волн распространения НКВИ в 2020 г. [18]. Так, вспышки произошли в ГАУЗ «Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко, Городской больнице № 4, ряде районных ЦРБ. Министерством здравоохранения Республики Бурятия оперативно приняты меры по недопущению повторения вспышек, в отношении должностных лиц, допустивших нарушения были приняты самые строгие меры дисциплинарных взысканий, вплоть до увольнения. В 2021 г. крупных массовых вспышек COVID-19 в медицинских организациях Республики Бурятия допущено не было.

По материалам экспертного опроса с руководством медицинских организаций Республики Бурятия, сотрудниками министерства здравоохранения Республики Бурятия, Регионального центра компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности выяв-

лены и систематизированы факторы влияния на качество и безопасность медицинской деятельности в различных видах медицинских служб Республики Бурятия (табл.).

Таблица

Факторы влияния на качество и безопасность медицинской деятельности в различных видах медицинских служб Республики Бурятия в экспертных оценках

№ п/п	Виды медицинских служб	Факторы, положительно влияющие на К и БМД	Факторы, обуславливающие недостатки в К и БМД
1	Амбулаторно-поликлиническая служба	Внедрение бережливых технологий. Внедрение стандартных операционных процедур (СОПов), в том числе по качеству и безопасности медицинской деятельности	Недостаток площадей, их территориальная разбросанность (особенно по городу Улан-Удэ). Врачебные ошибки в диагностике и лечении. Пробелы в профессиональных компетенциях медицинских работников. Нехватка медицинских кадров, в том числе врачей узкой специализации. Эмоциональное выгорание медицинских кадров вследствие повышенных нагрузок. Отсутствие системы обучения по внутреннему контролю качества медицинской деятельности
2	Нефрологическая служба	Внедрена трансплантация почки на базе ГАУЗ «РКБ им. Семашко». Внедрение СОПов, в том числе по качеству и безопасности медицинской деятельности	Отсутствие диализных центров в сельских населенных пунктах. Нехватка медицинских кадров (врачей, медицинских сестер, санитарок)
3	Онкологическая служба	Строительство нового здания Бурятского республиканского клинического онкологического диспансера. Оснащение новым лечебно-диагностическим оборудованием. Внедрение СОПов. Повышение квалификации в ведущих федеральных медицинских центрах	Нехватка медицинских кадров, в том числе врачей узкой специализации. Недостатки в организации взаимодействия с крупными федеральными медицинскими центрами Отсутствие оборудования для лечения отдельных видов ЗНО (колоректальный рак и др.). Недостаточные профессиональные компетенции врачебного персонала, особенно выпускников МИ БГУ. Эмоциональное выгорание медицинских кадров вследствие повышенных нагрузок. Отсутствие единой информационной системы регионального регистра онкопациентов. Недостаточное взаимодействие БРКОД и амбулаторно-поликлинических учреждений. Отсутствие онкологов в поликлиниках
4	Паллиативная служба	Достаточный коечный фонд	Нехватка медицинских кадров. Отсутствие медицинских психологов для оказания помощи больным и их родственникам. Нехватка медицинского оборудования и средств реабилитации
5	Педиатрическая служба	Внедрение СОПов, в том числе по качеству и безопасности медицинской деятельности. Обучение специалистов в федеральных медицинских центрах, приглашение крупных специалистов для проведения операций в ДРКБ	Врачебные ошибки в диагностике и лечении (в том числе с летальными исходами). Пробелы в профессиональных компетенциях медицинских работников. Нехватка медицинских кадров, в том числе врачей узкой специализации: отоларингологов, нефрологов, неврологов, кардиологов и др.
6	Служба переливания крови	Внедрение СОПов. Есть отдельное здание. Высококвалифицированные кадры	Дефицит донорской крови, особенно редких групп

№ п/п	Виды медицинских служб	Факторы, положительно влияющие на К и БМД	Факторы, обуславливающие недостатки в К и БМД
5	Стоматологическая служба	Внедрение СМК, Практических рекомендаций Росздравнадзора, СОПов по качеству и безопасности медицинской деятельности	Высокий износ зданий, нехватка площадей. В районах отсутствуют врачи – стоматологи. Некомпетентность врачебного персонала. Частые случаи нарушений этики и деонтологии. Нехватка современного оборудования и расходных материалов

В целом анализ показал, что наиболее проблемными службами, где фиксируется наибольшее количество жалоб на качество и безопасность медицинской деятельности являются амбулаторно-поликлиническая, онкологическая и стоматологическая службы.

На основании проведенного исследования разработаны научно-методические рекомендации для министерства здравоохранения Республики Бурятия, подведомственных медицинских организаций:

Министерству здравоохранения Республики Бурятия:

1) в целях повышения качества медицинской помощи:

- рекомендовать усилить работу по совершенствованию управленческих, профессиональных компетенций медицинского персонала, в том числе по качеству и безопасности медицинской деятельности с использованием современных технологий обучения;

- рекомендовать усилить проведение социологических исследований в рассматриваемой области с разработкой единой программы и методики и обеспечить согласование действий медицинских и социологических служб различного уровня в регионе. На основе полученных данных мониторинга следует проводить углубленный анализ ситуации с качеством и безопасностью медицинской деятельности на территориальном уровне и осуществлять разработку рекомендаций для медицинских организаций региона;

- систематизировать количество надзорных мероприятий, внедрить методы экономического стимулирования при наличии системы управления качеством в медицинской организации.

2) в целях повышения безопасности медицинской деятельности в период пандемии новой коронавирусной инфекции:

- совершенствовать систему обучения персонала и организации безопасных эпидемиологических условий;

- создать региональную систему выявления нежелательных событий и устранения их корневых причин;

- усилить контроль за четкой и разделенной маршрутизацией персонала и пациентов в подведомственных медицинских организациях.

Медицинским организациям амбулаторно-поликлинического звена:

- обеспечить наличие системы обучения по внутреннему контролю качества медицинской деятельности;

- внедрить методики снижения эмоционального выгорания медицинских кадров в условиях пандемии COVID-19;

- усилить информационную работу в социальных сетях с целью снижения количества обращений и жалоб, в том числе на качество и безопасность медицинской деятельности.

Ковидным госпиталям:

- использовать передовой опыт российских и зарубежных стационарных учреждений в области повышения качества и безопасности медицинской деятельности в период пандемии;

- проводить анкетирования пациентов на предмет удовлетворенности качеством медицинской деятельности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что обеспечение качества и безопасности медицинской помощи является одной из ключевых задач системы здравоохранения Республики Бурятия. Продолжающаяся пандемия COVID-19 существенно усугубила эту проблему, при

этом максимально возросла нагрузка на всю медицинскую отрасль, отмечался серьезный кадровый дефицит, медицинские работники работали в условиях постоянного психоэмоционального стресса. Рост жалоб на качество и безопасность медицинской деятельности отмечен во многих медицинских организациях Республики Бурятия, причем граждане стали активно выражать свое недовольство в социальных сетях. На наш взгляд, министерству здравоохранения Республики Бурятия целесообразно максимально объединить усилия всех надзорных государственных органов, медицинских организаций и обществности, пациентских сообществ и населения в целях выработки единой стратегической линии по повышению качества и безопасности медицинской деятельности. В свою очередь, региональная академическая наука продолжит объективный и взвешенный анализ существующих проблем в обозначенном направлении с последующей разработкой научно-практических рекомендаций, с учетом передового мирового и российского опыта.

Литература

1. Качественные услуги здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services> (дата обращения: 20.02.2022).
2. Линденбратен А. Л. Качество организации медицинской помощи и критерии его оценки // Бюллетень Национального НИИ общественного здоровья РАМН. 2013. № 2. С. 20–23.
3. Ходакова О. В. Организационно-правовое регулирование в системе управления качеством медицинской помощи на территориальном уровне : автореф. ... дис. д-ра мед. наук. Кемерово, 2014. 43 с.
4. Вядлов А. И., Воробьев П. А. Управление качеством медицинской помощи и клиничко-экономический анализ в ЛПУ // Экономист лечебного учреждения. 2012. № 9. С. 3–20.
5. Современные подходы к управлению качеством медицинской помощи на различных иерархических уровнях / под общ. ред. О. П. Щепина. М. : Нац. науч.-исслед. ин-т обществ. здоровья РАМН, 2012. 162 с.
6. Стародубов В. И., Галанова Г. И. Методологические технологии и руководство по управлению качеством медицинской помощи. М. : Менеджер здравоохранения, 2011. 207 с.
7. Сертакова О. В. Повышение качества медицинской помощи населению лечебно-профилактическими учреждениями, службами и здравоохранением в целом. М. : РУСАЙНС, 2021. 118 с.
8. Шестопалова Т. Н., Гололобова Т. В. Использование стандартных операционных процедур как одно из направлений обеспечения безопасности медицинской деятельности // Анализ риска здоровью. 2018. № 2. С. 129–137.
9. Башкуева Е. Ю. Государственная политика в области кадрового обеспечения системы здравоохранения Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2015. № 2а. С. 176–179.
10. Башкуева Е. Ю. Проблемы доступности и качества медицинской помощи в пригородных районах Улан-Удэ как показатель социально-экономического благополучия в регионе // Московский экономический журнал. 2019. № 11. С. 731–739.
11. Башкуева Е. Ю. Оценка качества функционирования сельского здравоохранения Республики Бурятия (по материалам экспедиционного обследования Заиграевского района) // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 4. С. 143–149.
12. Башкуева Е. Ю. Медико-социологический мониторинг качества и безопасности медицинской деятельности как эффективная организационно-экономическая технология управления здравоохранением на региональном уровне // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 50.
13. Лудупова Е. Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской деятельности : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2019. 47 с.
14. Лудупова Е. Ю. Подходы к построению региональной модели управления качеством и безопасностью медицинской деятельности // Вестник Росздравнадзора. 2018. № 6. С. 24–31.
15. Лудупова Е. Ю., Гришина Н. К., Соловьева Н. Б. Совершенствование информационного обеспечения управления территориальной системой качества медицинской деятельности // Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 100-летию факульт. клиник ИГМУ (1920–2020). Иркутск : Изд-во ИГМУ, 2020. С. 396–402.
16. Население // Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/people> (дата обращения: 20.02.2022).
17. Стресс, тревога и депрессия у медицинских работников, оказывающих помощь пациентам с COVID-19 в Республике Бурятия / С. В. Лубсанова, О. В. Петрунько, В. Л. Гриф, Т. А. Сымбелова, Е. А. Убеева // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2021. № 3 (112). С. 48–55.
18. Башкуева Е. Ю. Проблемы управления безопасностью медицинской деятельности в многопрофильном стационаре в условиях пандемии COVID-19: социологический и экономический анализ (по материалам Республики Бурятия) // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 51.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Обобщается зарубежный опыт применения экспертизы для решения социальных проблем. Раскрываются основные направления и функции экспертизы как социальной технологии. Рассматривается работа экспертов в контексте судебной, медицинской, социальной экспертизы. Приводятся примеры экспертной деятельности социальных работников с семьями, мигрантами, бездомными за рубежом.

Ключевые слова: социальная экспертиза, социальная работа, социальный работник, социальные проблемы, экспертная деятельность.

V. V. Popova

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN FOREIGN PRACTICES OF EXPERTISE IN SOCIAL WORK

The article analyzes the foreign experience of using expertise to solve social problems. The main directions and functions of expertise as a social technology are revealed. The work of experts in the context of judicial, medical, social expertise is considered. Examples of expert activities of social workers with families, migrants, homeless people abroad are given.

Keywords: social expertise, social work, social worker, social problems, expert activity.

Социальная работа как профессиональная деятельность по оказанию помощи людям в трудной жизненной ситуации представляет собой широкую предметную область применения навыков специалистов по оценке явлений, условий, ресурсов, факторов с выдачей мотивированного заключения. Диапазон категорий населения, нуждающихся в социальной защите, обширен. К ним относятся: инвалиды, заключенные, бездомные, пожилые, безработные, малоимущие, семьи, находящиеся в социально опасном положении, дети-сироты, душевнобольные, лица, подвергшиеся жестокому обращению и другие группы клиентов. Это позволяет выделить широкий спектр направлений экспертной деятельности.

Социальная экспертиза является технологией, активно применяемой в практике социальной работы. Преимуществом данной технологии является сочетание диагностической, прогностической, профилактической, консультативной практик. В качестве предмета экспертной оценки могут выступать: адаптационный потенциал получателя социальных услуг, степень утраты трудовых функций, соответствие оказываемой помощи потребностям клиента, условия организации бытовой, игровой и учебной деятельности несовершеннолетнего и т. д.

Перечислим основные направления, в которых экспертиза в социальной работе развивается как вид деятельности. Это социальная экспертиза нормативных решений государственных органов разного уровня, влияющих на оказание социальной помощи; социально-психологическая экспертиза для развития адаптационного потенциала клиента; социально-психиатрическая экспертиза, применяемая в целях профилактики девиантного поведения клиентов; судебно-медицинская экспертиза для работы с жертвами насилия; медико-социальная экспертиза для определения видов услуг и реабилитационных мероприятий.

В качестве эксперта могут выступать как опытные специалисты из системы «заказчика», так и научные учреждения соответствующего профиля, как работники государственные социальных служб, так и некоммерческих организаций. Экспертная деятельность основана на оценке влияния социальной, психологической, физической среды на жизнедеятельность субъекта, его роли в принятии решения об оказании услуг. Обращение к экспертам, являющимся практикующими специалистами, позволяет выявить не только проблемы клиентов, но и проблемы взаимодействия в диаде «специалист-клиент», проблемы самого социального работника, возникающие при профессиональной деформации. Обращение в учреждения научного профиля позволяет разработать стратегию развития определенного направления

оказания помощи, выявить тренды и перспективные направления на основе сравнительного анализа с другими практиками, в том числе за рубежом.

Существуют типичные случаи обращения за помощью к эксперту. Во-первых, при необходимости утвердить или скорректировать план реабилитационных и адаптационных мероприятий. Примером такого случая может служить изменение формы социального обслуживания клиента или помещение его в стационарные условия. Во-вторых, при введении в действие новой социальной услуги. Так, появление услуги по развитию коммуникативного потенциала клиента, предполагает необходимость разработки шкал измерения и оценки этих возможностей с учетом имеющихся условий. В-третьих, при обнаружении новой социально значимой проблемы, которую затруднительно решить с помощью имеющихся технологий и ресурсов. В частности, при реализации доступной среды для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата, необходимо проведение экспертизы информационных и физических барьеров, ограничивающих жизнедеятельность инвалидов. В-четвертых, при появлении новой группы клиентов, для которой необходима разработка пакета мер поддержки. Таких групп становится все больше. Это представители сексуальных меньшинств, лица с компьютерной зависимостью, несовершеннолетние матери и т. д. В-пятых, в целях квалитетрии и стандартизации социальных услуг. Государственное финансирование социальных услуг и грантовая поддержка предусматривает жесткие формы отчетности по фиксируемым и легко определяемым показателям, оптимизирующим и автоматизирующим контроль деятельности специалистов.

Для анализа возможностей экспертизы в практике социальной работы предлагаем обратиться к зарубежному опыту. Большинство категорий клиентов в нашей стране являются объектами социальной работы и за рубежом. Вместе с тем практическая социальная работа и функционал специалистов значительно отличаются. Это обусловлено различием в методиках обучения, образовательных и профессиональных стандартах, квалификационных характеристиках. Учитывая относительную «молодость» социальной работы как профессии в России, анализ практик социальной работы за рубежом является актуальным в части расширения спектра оказываемых услуг и определения потенциально проблемных моментов оказания помощи населению.

Анализируя возможности экспертизы в практике социальной работы в сфере здравоохранения, Nilsson D. и др. [4] отмечают две главные проблемы.

Во-первых, социальные работники после получения образования очень быстро теряют связь с теорией, у многих в соответствии с узкой специализацией (например, консультирование), возникает «синдром единичного питомца», происходит сужение профессионального поля, кругозора, т. е. специалист не видит применения экспертной оценки как технологии в отрыве от своей непосредственной задачи. Исследователи обосновывают необходимость разрабатывать механизмы вовлечения практикующих социальных работников в экспертные профессиональные сообщества, союзы, призывают сотрудничать с академическими кругами, в целях саморазвития и реализации возможностей экспертной работы, способствующей эффективности оказания помощи клиентам в стационарных условиях.

Во-вторых, экспертиза необходима для разделения социальных работников в сфере здравоохранения на классы в соответствии с выполняемыми ими функциями и необходимыми для этого навыками. Проведение такой экспертизы позволяет разрабатывать процедуры отбора персонала, контроля, надзора и премирования труда социальных работников.

Экспертная деятельность социальных работников в здравоохранении строится с учетом достижений современной науки, в том числе развития знаний о геноме человека. С точки зрения Werner-Lin A. и др. [6], анализирующих опыт США, социальные работники могут тестировать вмешательства, улучшающие уход за незащищенными и стигматизированными группами населения, страдающими генетическими заболеваниями.

Обучение социальной работе за рубежом включает формирование навыков составления карты наследования семейных болезней, выявления проблем в семейном и медицинском общении, приверженность биопсихосоциальной перспективе. Межпрофессиональное образо-

вание и сосредоточенность на междисциплинарной практике позволяют социальным работникам донести ценности социальной работы до генетиков, консультантов по генетическим вопросам, врачей и других лиц, чтобы просветить их о проблемах равного доступа, исследованиях маргинализированных групп, различиях в состоянии здоровья и других психосоциальных аспектах геномной помощи. Расширение знаний специалистов в области геномики позволит социальным работникам со временем улучшить показатели общественного здравоохранения.

Участие социальной работы в регулирующих, консультативных и этических советах на национальном и международном уровнях стимулируется посредством активной адвокации. Экспертные знания в социальной работе должны включать базовую генетику в дополнение к рассмотрению того, как передается генетический риск; выявление неравенства в доступе и использовании геномного тестирования среди маргинализированных групп; учитывать многофакторный и сложный характер большей части генетической и геномной информации, для предоставления возможностей диагностики или лечения.

Анализируя специфику экспертной работы при оказании помощи бездомным и больным наркоманией, Т. Amslem [1] обосновывает необходимость стандартизации социальной работы, особенно в сфере социального предпринимательства. Изначальное понимание социальной работы как деятельности, призванной заменить церковную благотворительную работу специальной, предполагает ее профессионализацию, т. е. предусматривает введение определенных стандартов. Первоначально основанная на эмоциональном отклике, чувствах, милосердии и выслушивании нуждающихся, социальная работа давно перешла в область решения социальных проблем по четко разработанным алгоритмам. Это, в свою очередь, диктует необходимость выработки количественных показателей результативности социальной работы с конкретным клиентом.

Традиции американской школы социальной работы, предполагающие тесное эмоциональное взаимодействие с клиентом, доверительные отношения, вовлеченность в решение его проблем, делают упор на трудноизмеримые качественные показатели. Это препятствует пониманию многими социальными работниками необходимости количественных показателей работы и отчетности по ним для более рационального финансирования деятельности специалистов, оценки качества оказываемых услуг.

Проанализируем опыт Франции, где NORIA была первой цифровой онлайн-панелью, в которой социальным работникам пришлось зарегистрироваться, заполнив графы, тем самым предоставив возможность руководству контролировать разрешение социальной проблемы клиента в установленные сроки. По результатам каждого интервью с клиентом социальные работники должны были написать качественный отчет. Результаты были доступны руководству, которое могло соотносить задачи и результат деятельности, тем самым оценивая эффективность решения проблемы клиента и квалификацию сотрудника. Данная программа позволила создать эффективную систему подотчетности и контроля.

Другой проект оценочной сетки под названием OASIS, появившийся позже, сыграл важную роль в легитимации количественных подходов к социальной работе. Главной причиной этих инициатив была необходимость стандартизации и количественной оценки, которые могли помочь управлять техническими навыками сотрудников и прогрессом в решении социальных проблем, а также нарушить барьеры исключительности, которые социальные работники исторически стремились воздвигнуть в отношении с бездомными.

В результате внедрения системы экспертных оценок профессиональной деятельности социальных работников, основанной на количественных показателях, были обнаружены следующие изменения: переформирование эмоциональных границ социальных работников, преуменьшение значения виктимизации как ключевого референта и дестабилизация претензии на исключительность. Это изменило суть социальной работы, предоставив сотрудникам возможность технологизировать взаимодействие с клиентами, направив основные усилия на разрешение жизненных проблем (предоставление документов, жилья, работы), как показатели эффективности профессиональной деятельности.

Анализируя возможности работы в сфере оказания помощи мигрантам (на примере Финляндии), М. Anis [2] указывает на необходимость экспертной оценки новых вызовов, особенно с 2015 г., когда в Европу устремился большой поток беженцев. Социальные работники отмечали, что их существующий опыт, например, коммуникативные навыки, этическое понимание и методические знания, часто ухудшаются в ситуации, когда они работают с семейными проблемами беженцев. Часто они сталкивались с враждебным отношением получателей социальных услуг.

При анализе было выявлено, что важнейшим элементом при работе с мигрантами должна стать деконструкция категоризаций, как этическое требование эмансипации. Это дает возможность избежать чрезмерных обобщений или стигматизации. Такое осознание может быть отправной точкой для того, чтобы избежать риска воображаемых культурных барьеров или культурализации поведения клиентов. На практике это означает понимать связи между локальными и глобальными процессами, рассмотреть возможные неэтичные национальные практики, которые имеют несправедливые последствия для людей в уязвимых жизненных ситуациях, с которым сталкиваются просители убежища и беженцы после их прибытия в Финляндию.

Социальные работники должны знать, как травматические события, такие как пытки, могут повлиять на благополучие людей, как разделение членов семьи препятствует адаптации и интеграции в новой ситуации, и как неуверенность в возможности получения вида на жительство или длительные процессы ожидания вида на жительство влияют на человеческие жизни. Проведенная экспертиза социальных практик в скандинавских странах выявила определенные лакуны в правовом поле, нарушающие такой принцип работы, как конфиденциальность а также специфику работы с беженцами.

К примеру, языковой барьер препятствует прямому, двустороннему общению, обсуждению конфиденциальных проблем клиентов, связанных с обсуждением детско-родительских отношений, насилия, психологического и социального неблагополучия. Для коммуникации требуется переводчик, иногда искажающий слова социального работника или мигранта, нарушается установление доверительных отношений с клиентом. Ограниченные права людей при получении убежища создают риск усугубления проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, социального неблагополучия, требующего недобровольного вмешательства со стороны социальных служб, которое расценивается клиентом как враждебные действия.

Подход, основанный на правах человека, дает возможность для понимания сложных состояний клиентов, как ситуации с двойной (или более) уязвимостью (травмы, статус, отсутствие свободы воли). Дифференцированная система социального обеспечения и виды контроля, которым подвергаются ищущие убежище в другой стране, являются формами более широкого структурного притеснения со стороны принимающего государства. Это является одной из основных проблем в текущей практике социальной работы многих европейских стран.

В работе J. Lindsey [3] анализируется вклад профессионального опыта социальной работы в процесс принятия решений, отвечающих наилучшим интересам психически больных людей, в официальных судебных разбирательствах. Социальные работники выступают в качестве экспертов в официальных судебных разбирательствах, так как социальная работа как профессия воспринимается наряду с другими в контексте принятия решений по социальному уходу за взрослыми в рамках закона о психической дееспособности Великобритании.

Социальные работники не могут выступать в качестве экспертов при диагностике психических расстройств, но могут выступать как независимые эксперты по принятию наилучшего решения в интересах клиента, особенно по делам о благосостоянии, даже вступая в конфликт с медицинскими работниками по вопросам планирования ухода. Важно понимать, что наилучшее решение, отвечающее интересам – это решение, отвечающее наилучшим интересам именно оцениваемого лица, а не курс действий, который предпочтителен для треть-

их лиц. Особенно это касается принятия решения о самостоятельном проживании или помещении клиента в специализированное реабилитационное учреждение.

Возможности применения экспертизы в практике социальной работы с пожилыми рассматривают М. Рау и др. [5]. В частности, раскрывается проблема роста числа нуждающихся в социальной защите пожилых людей в Великобритании и во всем мире, требующая введения новых мер поддержки и помощи. Увеличение числа пожилых людей со сложными хроническими заболеваниями требует не только квалифицированного персонализированного вмешательства для оценки их потребностей, но и принятия во внимание жизненного пути и контекста, в целях повышения эффективности этого вмешательства. Специалисты признают пересекающееся влияние таких факторов, как хроническое нездоровье, неблагоприятное положение, уязвимость, неопределенность, изменение, риски и т. д.

Анализ социальных практик свидетельствует, что такие уязвимые и зависимые пожилые люди могут оказаться под угрозой исключения из доступа к высококачественной помощи, осуществления выбора и контроля социальных услуг. Кроме того, по экспертным оценкам, пожилое население будет все больше характеризоваться разнообразием и многообразием, в том числе: больше пожилых людей, живущих в одиночестве, разведенных или никогда не состоявших в браке; большее число чернокожих и пожилых людей из числа этнических меньшинств; более высокий уровень бедности [5]. Есть вероятность увеличения числа пожилых людей, сталкивающихся с трудными решениями в ситуациях перемен, риска, сложности, неопределенности и перехода.

Выстраивание отношений со старшим пользователем услуг и лицом, осуществляющим за ним уход, в том числе с учетом индивидуального социального и семейного контекста, жизненного пути и желаний, потребностей, защита прав пожилых пользователей сервиса – основные мишени экспертизы. Экспертиза в сфере геронтологической социальной работы пересекается с возрождением «этики заботы», с напоминанием о том, что отраслевые услуги были разработаны для поддержки пожилых людей, которые являются «необходимыми иждивенцами», имеющими право на выбор, контроль и высококачественную помощь.

Таким образом, мы рассмотрели на конкретных примерах реализацию экспертных практик за рубежом, связанных с оценкой нуждаемости в социальных услугах различных категорий населения, а также выявили роль экспертизы в повышении эффективности профессиональной деятельности социальных работников. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает практика консультирования клиентов и членов их семей в учреждениях здравоохранения, как перспективное направление реализации экспертного потенциала социальной работы.

Литература

1. Amslem T., Gendron Y. From emotionality to the cultivation of employability: An ethnography of change in social work expertise following the spread of quantification in a social enterprise // *Management accounting research*. 2019. Vol. 42. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000459839900003> (дата обращения: 26.04.2022).
2. Anis M., Turtiainen K. Social Workers' Reflections on Forced Migration and Cultural Diversity-Towards Anti-Oppressive Expertise in Child and Family Social Work // *Social sciences-basel*. 2021. Vol. 10, N3. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000683769900001> (дата обращения: 26.04.2022).
3. Lindsey J., O'Reardon M. Social work expertise, best interests and the court of protection // *Journal of adult protection*. 2021. Vol. 23, N 6. P. 397–406. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000703118600001> (дата обращения: 26.04.2022).
4. Nilsson D., Ryan M., Miller J. Applying a theory of expertise in health social work administration and practice in Australia // *Social work in health care*. 2007. Vol. 44, N 4. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000248100500001> (дата обращения: 26.04.2022).
5. Ray M. Gerontological Social Work: Reflections on its Role, Purpose and Value // *British journal of social work*. 2015. Vol. 45, N 4. P. 1296–1312. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000356724400014> (дата обращения: 27.04.2022).
6. Werner-Lin A. Leadership, Literacy, and Translational Expertise in Genomics: Challenges and Opportunities for Social Work // *Health & Social work*. 2016. Vol. 41, N 3. P. 52–59. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000383246900001> (дата обращения: 26.04.2022).

ГЮСТАВ ЛЕБОН КАК ЭКСПЕРТ-ТАНАТОСОЦИОЛОГ: ПРОЗРЕНИЯ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

С позиций историко-социологического подхода рассматривается специфика взглядов и научной деятельности французского исследователя Г. Лебона как эксперта-танатосоциолога. Определяется вклад ученого в развитие методологии социологии смерти, причины и характер его заблуждений. Автор доказывает актуальность обращения к изучению творческого наследия Г. Лебона для выявления эвристичности и ограниченности его исследований.

Ключевые слова: Г. Лебон, эксперт, танатосоциолог, социология смерти.

I. E. Levchenko

Ural Federal University, Yekaterinburg

GUSTAVE LEBON AS AN EXPERT THANATOSOCIOLOGIST: EPIPHANIES AND MISCONCEPTIONS

The article examines the specifics of the views and scientific activity of the French researcher G. Le Bon as an expert thanatosociologist from the standpoint of the historical and sociological approach. The contribution of the scientist to the development of the methodology of the sociology of death, the causes and nature of his delusions are determined. The author proves the relevance of the appeal to the study of the creative heritage of G. Lebon to identify the heuristics and limitations of his research.

Keywords: G. Le Bon, expert, thanatosociologist, sociology of death.

Шарль-Мари Гюстав Лебон (1841–1931) родился в небогатой дворянской семье, получил медицинское образование со специализацией «инфекционист», как врач-доброволец участвовал во Франко-Прусской войне и стал кавалером ордена Почетного легиона. По мнению одних исследователей, его отличали талант и универсальность: умение проводить лабораторные опыты по физике и химии, великолепные навыки верховой езды, разработка психолого-социологических проблем и др. [9, p. 13–41]. Иные ученые отзывались о нем критически: он – «дилетант» [7, с. 79], его книги «научнообразны по форме и публицистичны по содержанию» [5, с. 767].

За свою долгую жизнь ученый совершил много путешествий по Европе, Азии и Африке, где осуществил археологические и антропологические изыскания, материалы которых дали ему разнообразную «пищу» для размышлений об истории человечества, специфике поведения людей и социологии смерти. В его наследии есть сочинение, которое обычно оказывалась вне внимания историков социологии. Между тем известно, что тафофобия в форме страха быть заживо погребенным получила широкое распространение в XVIII–XIX вв. в Европе. Анатомические манипуляции с телом отчасти гарантировали защиту от совершения врачебной ошибки в констатации смерти. В значительной мере под влиянием этих настроений в городах повсеместно стали открываться морги как особые институты [1; 2, с. 224–236; 6].

Первая монография Г. Лебона «Очевидная смерть и преждевременные захоронения» (1866) сразу же продемонстрировала его возможности как эксперта, специфику его теоретического подхода и методов исследования социальных аспектов проблемы смерти. Как истинный социолог, он последовательно, начиная с данных античных историков и вплоть до репортажей современных журналистов, рассмотрел достоверность сведений о случаях, когда хоронили людей, находившихся в летаргическом сне или ином состоянии без признаков жизни. На примере проверки газетных сообщений о происшествии, якобы имевшим место в 1866 г. в Антверпене, Лебон наглядно разоблачил лживость растиражированной в печати информации, представив в качестве опровержения официальный ответ представителя городских властей [11, p. 49–51].

Будучи профессиональным медиком, исследователь выделил основные признаки смерти – остановка дыхания, состояние зрачка, отсутствие сердцебиения, трупное окоченение и

др. [11, p. 105–112]. Кроме того, он подробно охарактеризовал проявления «кажущейся» смерти – обморок, апоплексию, удушье и др. С учетом этого Лебон разделил индивидов, похороненных заживо, на две группы: 1) «тех, кто может спонтанно вернуться к жизни»; 2) «тех, кто могут оживать только тогда, когда они помещены в особые условия» [11, p. 119]. Закономерно, что в своей книге ученый уделял особое внимание способам «возвращения к жизни» больных и умирающих.

Отдельная глава монографии посвящена анализу древних и современных погребальных обычаев. Автор, основывается на том, что «разложение – это явление, которое внушает отвращение, и, которое, однако, мы должны рассматривать с восхищением». Последнее он объясняет тем, что данный способ используется самой природой: продукты разложения органических существ поглощаются растениями, а затем животными: «материя вечна и вечныи также являются метаморфозы, которым она подвергается» [11, p. 146].

Проведенный анализ позволил Лебону выделить несколько социально-медицинских проблем, связанных с совершением захоронений и обеспечением санитарно-гигиенической безопасности жителей в различные периоды истории: 1) в Средневековье кладбища перемещались за пределы городов; 2) во время Французской революции (1789–1799) пытались найти экономичные и нравственно приемлемые способы кремации; 3) во второй половине XIX в. была обоснована допустимость использования хлорной извести в качестве мало затратного дезинфицирующего средства [11, p. 147–152].

Г. Лебон специально посетил в Германию, где провел экспертный опрос кладбищенских смотрителей, врачей и профессоров медицинских факультетов университетов. Опираясь на материалы интервью и изученные документы, он предложил ряд практических мер, позволявших предотвратить осуществление преждевременных похорон во Франции: 1) до погребения в течение трех дней помещать трупы в покойнички при кладбищах; 2) не заколачивать полностью крышку гроба; 3) после захоронения в течение восьми дней не закапывать могилу, прикрыв ее настилом [11, p. 191–208].

Таким образом, книга «Очевидная смерть и преждевременные захоронения», появившаяся на столетие раньше, чем развернулись широкие общественные и юридические дискуссии об «установлении границ смерти», убедительно продемонстрировала результаты успешного прикладного танатосоциологического исследования, проведенного Г. Лебоном по этой тематике.

С нашей точки зрения, социолог придерживался социал-дарвинистской позиции, хотя П.-А. Тагиефф определял ее как «псевдодарвинизм» [8, с. 75]. Так, в работе «Человек и общество» (1881), проанализировав обычаи антропофагии, инфантицида и геронтоцида у «дикарей», Лебон пришел к выводу, что они появляются в результате «борьбы за существование, которая наблюдается у всех существ»: «эта борьба своего рода» отбор «в каждом поколении наиболее одаренных лиц», при этом «как для дикаря, так и для цивилизованного человека состояние войны против своих собратьев – естественное состояние» [10, p. 107].

Исследователь также считал, что большинство религиозных ритуалов происходят из «культы мертвых и привычки предлагать им подарки и жертвоприношения» [10, p. 360].

В монографии «Психология народов» (1894) Г. Лебон обосновал свое видение «механики влияния» на поведение индивидуума, выделив три ее составляющие по степени значимости: 1) самая важная роль принадлежит предкам; 2) авторитет родителей; 3) слабое воздействие – физическая и нравственная среда [3, с. 19]. По его мнению, человек, прежде всего, является представителем своей расы. Опирируя последним понятием, он вкладывал в него не столько биолого-анатомическое, сколько культурно-психологическое содержание. Согласно Лебону, раса «должна быть рассматриваема как постоянное существо, не подчиненное действию времени. Это постоянное существо состоит не только из живущих индивидуумов, образующих его в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками» [3, с. 20].

Мыслитель, критикуя контовскую иерархию во главе с первосвященником, во многом следовал его фундаментальному танатосоциологическому послы, когда провозглашал:

«Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели» [3, с. 20].

Г. Лебон придерживался идеи расового детерминизма. Так, ссылаясь на историю США, он утверждал, что низшие расы осуждены на гибель: «Краснокожие, став бесполезными, были истреблены железом и голодом; китайцы-работники, труд которых составляет очень неприятную конкуренцию, скоро подвергнутся той же участи». От негров же стараются избавиться, когда они становятся опасными: «...короткая расправа по закону Линча признается повсюду для них совершенно достаточной. При первом серьезном преступлении их расстреливают или вешают» [3, с. 60–61].

Лебон полагал, что фундаментом социальной эволюции является иррационально-волевая, эмоциональная сфера психической жизни – чувства и верования (в первую очередь религиозные). В основе всех общественных процессов лежит изменение идей, внушаемых массам немногими лидерами посредством утверждения, повторения и заражения. Главным фактором «падения» народов исследователь считал «понижение» их характеров: сомнение и оспаривание абсолютной ценности моральных законов и учреждений неизбежно осуждает общество на скорую смерть.

Развивая свои идеи, в следующей книге «Психология масс» (1895 г.) Лебон доказывал, что поведение индивида в массе (толпе) в значительной мере имеет бессознательный характер, ему свойственны нетерпимость, догматизм, утрата чувства ответственности, умственный примитивизм и т. п. (рис.).

Однородность людей (премат бессознательных предстателей) («дух расы»)	⇔	Общий интеллектуальный уровень ниже, чем людей ее составляющих	⇔	Человек способен совершить действия, в обычных условиях представляющихся ему немислимыми	⇔	Повышенная эмоциональность и импульсивность
---	---	--	---	--	---	---

Рис. Свойства толпы (по Г. Лебону)

По мнению исследователя, «...есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые голосом мертвых» [3, с. 148]. При этом он признает, что сущность «голоса мертвых» до сих пор неизвестна.

Социолог предложил свою классификацию организованных (одухотворенных) толп (табл. 1) [3, с. 266–268].

Таблица 1

Классификация организованных толп (по Г. Лебону)

№	Тип	Род	Состав
1	Разнородная	Анонимная	Уличная толпа
		Неанонимная	Присяжные, парламентские собрания и т. д.
2	Однородная	Секта	Политическая, религиозная и т. д.
		Каста	Военная, духовенство, рабочие и т. д.
		Класс	Буржуазия, крестьянство и т. д.

Лебон, указывая на ошибочность понятия «преступная толпа», подчеркивает, что «...преступления толпы всегда вызваны каким-нибудь очень могущественным внушением, и индивиды, принявшие участие в совершении этого преступления, убеждены, что они исполнили свой долг, чего нельзя сказать об обыкновенном преступнике» [3, с. 269]. Хотя толпа часто бывает преступна, она может пойти на смерть ради торжества какого-нибудь верования или идеи. Толпа легко становится палачом, но также легко она идет и на мученичество. С нашей точки зрения, осуществленный Лебоном анализ противоречий деперсонализации и деиндивидуализации людей в толпе до сих пор сохраняет свою актуальность.

Отметим, что в книге «Психология социализма» (1908) социолог солидаризовался с теорией Т. Мальтуса о роли голода, эпидемий и войн в поддержании равновесия между насе-

лением страны и условиями его существования [4, с. 330]. Практически во всех поздних сочинениях автор отчетливо выражал свое экспертное мнение как танатосоциолог. Например, в «Политической психологии и социальной защите» (1910) содержатся следующие его размышления:

1) все великие войны человечества (завоевательные, династические, религиозные) чаще всего происходили только как войны рас, единственный серьезный недостаток войн, заключается в том, что «насильственные смерти поражают самые стойкие мужественные элементы (уменьшают будущий прирост населения и увеличивают его дебилность)» [12, р. 85, 91];

2) «для меня смертная казнь – это вопрос целесообразности», «я за очень суровые расправы над преступниками и особенно над большими преступниками, потому что они самые опасные. Будьте уверены, что это произведет на некоторых больших очень лечебный эффект» [12, р. 306];

3) «политические убийства являются одним из проявлений нынешней социальной анархии», они демонстрируют «практический абсурд»: «очевидно, что убитые государи будут немедленно заменены, а режим, что они представляют, не изменится. Эти убийства даже вызывают реакции, укрепляющие режим» [12, р. 315].

В книге «Французская революция и психология революции» (1912) Г. Лебон с учетом социально-психологических особенностей определил состав участников событий времен «великих кризисов» – крестовых походов, Реформации, гражданских войн и революций. Ученый выявил сходные элементы в мистическом, революционном и криминальном менталитетах. Помимо революционеров, он выделил две категории – обычных и случайных («отходы цивилизации») преступников, образующих «армию беспорядка, которая не годится ни для чего, кроме создания расстройств. [...] все основатели религиозных или политических лиг, постоянно рассчитывали на их поддержку» [13, р. 86] (табл. 2).

Таблица 2

«Армия беспорядка» (по Г. Лебону)

Преступники	«Полупреступники»
«Яростные сектанты», «мистики, всегда готовые убивать, если убийство распространит их веру», фанатики, «мятежники, которые хотят уничтожить общество», убийцы, воры, беглецы от правосудия	Дегенераты, алкоголики, бедняки, нищие, обездоленные «случайные люди», «безразличные труженики», бродяги, неадаптированные лица

Обращаясь к прецедентам из французской истории, социолог заключает: «Эта пылающая летопись опустошения доказывает не только силу фанатизма: она показывает нам, что происходит с людьми, освобожденными от всех социальных ограничений, и страны, которая попадает в их руки» [13, р. 199]. Его вывод однозначен: «Нельзя экспериментировать с обществом, как с аппаратом в лаборатории» [13, р. 298].

Опираясь на психолого-социологическую методологию, Лебон исследовал влияние религии, образования, прусской военной системы и объединения Германии на формирование национального менталитета противника. В «Психологии Великой войны» (1915) его рассуждения о причинах резни, поджогах и грабежах, базирующиеся на анализе записных книжек немецких военнопленных и других документах, выглядят достаточно убедительно, но его указание на роль «расовой ненависти» в военном противостоянии не вызывает доверия.

При всем том, что Г. Лебон подробно разбирал преимущества новой тактики боя, значение фортов и траншей, артиллерии и боеприпасов, морских и воздушных сил в современной войне, он высоко оценивал значимость именно духовного фактора: «Жизнь – драгоценное достояние человека, но он с готовностью жертвует им при определенных обстоятельствах, [...] которые являются сильнее, чем инстинкт самосохранения. Мужество – это сопротивление естественному страху смерти» [14, р. 284].

Будучи в весьма преклонном возрасте, в книге «Разбалансированный мир» (1923) он поставил пессимистический диагноз последствиям Первой мировой войны: «Мы сейчас являемся свидетелями рождения дух или трех центров верховенства в разных частях мира, становление и эволюция которых регулируются следующим психологическим законом: каж-

дая растущая нация стремится, прежде всего, к господству, и затем к уничтожению соперничающих государств» [15, р. 284]. Данный вывод полностью подтвердился спустя полтора десятилетия. Неслучайно, что интерес к работам Г. Лебона проявляли крупнейшие политики первой половины XX в. – Т. Рузвельт, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Б. Муссолини, А. Гитлер и др.

Публикационная плодовитость ученого соответствовала читательским запросам современников, его труды переиздаются и в наши дни. Зарубежные (Ф. Гиддингс, Дж. Г. Мид, С. Московичи, П.-А. Тагиефф и др.) и отечественные (Е. П. Белинская, Н. В. Лепетухин, А. В. Окатов, М. В. Почакалов и др.) ученые в целом позитивно отзываются о творчестве французского социолога. В качестве его заслуг выделяют: вклад в конституирование социологической науки, эффективное применение метода наблюдения и теоретико-эмпирическое изучение деперсонализации личности. В плане становления танатосоциологического знания добавим к этому перечню верность контовской традиции, анализ похоронных практик, криминального поведения и феномена смерти на войне. Однако мы разделяем мнение исследователей о том, что штудиям Г. Лебона были присущи изъяны, снижавшие их научно-экспертную ценность: психобиологический детерминизм, ксенофобия, антиэгалитаризм и «культивирование» краниометрии.

Литература

1. Богданов К. Преждевременные похороны. Филантропы, беллетристы, визионеры // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. статей. М.: Новое изд-во, 2006. С. 55–80.
2. Лаврин А. П. Хроники Харона: Энциклопедия смерти. М.: Моск. рабочий, 1993. 509 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
4. Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. 541 с.
5. Лепетухин Н. В. Жизнь и «психологию» доктора Гюстава Лебона // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 4. С. 751–779.
6. Морг, место опознания // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19а: Михаила орден – Московский Телеграф. СПб., 1896. С. 837.
7. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии: КПС+, 1998. 556 с.
8. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь: французские теории расизма: пер. с фр. М.: Ладомир, 2009. 236 с.
9. Gustave Le Bon: the man and his works // A presentation with introd., first transl. into Engl., a. ed. extracts by Alice Widener. Indianapolis: Liberty press, Cop. 1979. 316 p.
10. Le Bon G. L'homme et les societees. Paris: Éditions Jean-Michel Place, 1987. 520 p.
11. Le Bon G. De la mort apparente et inhumations prematurees. Paris: Librairie d'Adrien Delahaye, 1866. 219 p.
12. Le Bon G. La Psychologie politique et la Défense sociale. Paris: E. Flammarion, 1910. 404 p.
13. Le Bon G. The Psychology of Revolution. The Floating Press, 2013. 336 p.
14. Le Bon G. The Psychology of the Great War. N. Y.: The Macmillan Company, 1916. 479 p.
15. Le Bon G. The World Unbalanced. London: T. F. Unwin Ltd., 1924. 256 p.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)¹

Рассматривается динамика населения в регионах Сибири за двадцатилетний период, акцентируется внимание на демографической структуре населения по трудоспособности. В разрезе регионов Сибири выделены три типа возрастных структур населения: прогрессивный, стационарный и регрессивный. В исследовании выявлена значительная дифференциация в абсолютных величинах численности и территориального размещения населения в трудоспособных возрастах.

Ключевые слова: демографические структуры, трудоспособный возраст, регионы, Сибирь.

Yu. N. Dmitrieva

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

SPATIAL DIFFERENTIATION OF DEMOGRAPHIC STRUCTURES IN THE REGIONAL CONTEXT (ON THE EXAMPLE OF SIBERIA)

The author examines the dynamics of the population in the regions of Siberia over a twenty-year period. The article focuses on the demographic structure of the population in terms of working capacity. In the context of the regions of Siberia, three types of age structures of the population are distinguished: progressive, stationary and regressive. The study revealed a significant differentiation in the absolute values of the number and territorial distribution of the population of working age.

Keywords: demographic structures, working age, regions, Siberia.

Актуальность исследования возрастных структур населения по трудоспособности в Сибири актуально по двум причинам, во-первых, большинство регионов имеют ресурсную направленность экономики, требующую рабочую силу; во-вторых, общероссийские демографические процессы, такие как снижение рождаемости, характерны и для территорий Сибири. Взаимосвязь демографических процессов и современного рынка труда исследуется авторами на уровне Сибири [1–2] и России [3–4]. В настоящее время для оценки структурных сдвигов социально-экономических групп населения применяется распределение на три укрупненные возрастные группы: моложе трудоспособного, в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста [5, с. 12]. Процентное соотношение возрастных групп определяет условную формулу возрастной структуры: Прогрессивного типа, в котором доля лиц младше трудоспособного населения превышает долю лиц старше трудоспособного возраста (условная формула возрастной структуры соответствует соотношению – 30:60:10 или 30:50:20); Стационарного типа, в котором доли лиц младше и старше трудоспособного возраста равны (условная формула – 20:60:20 или 25:50:25) и Регрессивного типа, в котором доля лиц старше трудоспособного населения превышает долю лиц младше трудоспособного (условная формула – 10:60:30 или 20:50:30) [6].

В статье проведен анализ демографических данных территорий Сибирского макрорегиона, включая Тюменскую область с автономными округами: Ямало-Ненецким авт. округом (ЯНАО) и Ханты-Мансийским авт. округом (ХМАО-Югра), Республику Саха (Якутия), Республику Бурятия, Забайкальский край и регионы Сибирского федерального округа. В исследовании использованы демографические показатели базы данных Федеральной службы государственной статистики [7].

За последние двадцать лет общая численность населения Сибири сократилась на 560 тыс. чел.: за 2002 г. она составляла 24 276,8 тыс. чел., за 2021 г. – 23 714,1 тыс. чел. В результате естественных и миграционных процессов население одних регионов значительно увеличилось, других сократилось (табл. 1).

¹ Исследование выполнено за счет средств гос. задания (№ темы – АААА-А21-121012190019-9) в рамках научного проекта «Дифференциация и закономерности эколого-социально-экономического пространства сибирского макрорегиона с позиций восточного вектора развития в условиях глобальной нестабильности».

Динамика общей численности населения в регионах Сибири [7]

Регион	Год					Прирост	
	2002	2005	2010	2015	2022	в тыс. чел.	%
Республика Алтай	203,0	203,9	206,2	213,7	221,6	+18,6	+9,2
Республика Тыва	305,5	307,7	307,3	313,8	332,6	+27,1	+8,9
Республика Хакасия	546,1	538,0	532,4	535,8	528,3	-17,8	-3,3
Алтайский край	2607,4	2539,4	2419,8	2384,8	2268,2	-339,2	-13,0
Красноярский край	2966,0	2925,3	2828,2	2858,8	2849,2	-116,8	-3,9
Иркутская область	2581,7	2545,3	2428,8	2415,0	2357,1	-224,6	-8,7
Кемеровская область	2899,1	2855,0	2763,1	2725,0	2604,3	-294,8	-10,2
Новосибирская область	2692,2	2662,3	2666,9	2746,8	2780,3	+88,1	+3,3
Омская область	2079,2	2046,6	1977,7	1978,2	1879,5	-199,7	-9,6
Томская область	1046,0	1036,6	1047,4	1074,5	1068,3	+22,3	+2,1
Тюменская область	1325,0	1315,1	1343,2	1340,6	1552,2	+227,2	+17,0
ХМАО-Югра	1432,8	1469,0	1532,2	1612,0	1702,2	+269,4	+18,8
ЯНАО	507,0	523,4	523,0	540,0	552,1	+45,1	+8,9
Республика Бурятия	981,2	969,1	972,0	978,5	982,6	+1,4	+0,1
Забайкальский край	1155,3	1135,7	1107,1	1087,5	1043,5	-111,8	-9,7
Республика Саха (Якутия)	949,3	950,7	958,5	956,9	992,1	+42,8	+4,5

В регионах Сибири рост населения обусловлен несколькими причинами. Основной причиной является притяжение рабочей силы на предприятия добывающей промышленности, что произошло в ХМАО-Югра на 269,4 тыс. чел., в Тюменской области на 227,2 тыс. чел., что составило 18,8 % и 17 % прироста за 20 лет в данных регионах. Рост населения в Республике Саха (Якутия) – на 42,8 тыс. чел., Республике Тыва – на 27,1 тыс. чел. и Республике Алтай – на 18,6 тыс. чел. связан с высокими многолетними показателями рождаемости. Притяжение молодого населения по причине получения образования, в поисках работы в многофункциональные большие города Сибири обеспечил рост населения в Новосибирской области – на 88,1 тыс. чел. и в Томской области – на 22,3 тыс. чел.

Из 16-ти регионов Сибири в 7-ми произошло сокращение население, при этом в абсолютных значениях сокращение населения значительно превысило прирост. Наибольшая убыль населения произошла в Алтайском крае – на 339,2 тыс. чел. (на 13 % от общей численности за 2002 г.), в Кемеровской области – на 294,8 тыс. чел. (на 10,2 %), в Иркутской области – на 224,6 тыс. чел. (на 8,7 %), в Омской области – на 199,7 тыс. чел. (на 9,6 %) и в Забайкальском крае – на 111,8 тыс. чел. (на 9,7 %).

Рассматривая структуру населения по трудоспособности (население моложе трудоспособного возраста (до 15 лет), трудоспособного возраста (мужчины – от 16 до 59, женщины от 16 до 54 лет) и старше трудоспособного возраста) следует отметить, что крайне неравномерное размещение населения по территории Сибири обуславливает значительный разброс по численности разных групп в разрезе регионов. В 2021 г. наибольшая численность населения выявлена в Красноярском крае (2855,9 тыс. чел.), соответственно здесь же проживало самое большое количество людей трудоспособного возраста (1634,2 тыс. чел.). Минимальная численность населения среди регионов Сибири зафиксирована в Республике Алтай (221 тыс. чел.), что в трудоспособном возрасте составило 119,2 тыс. чел. (рис. 1).

По рис. 1 заметна последовательность регионов по численности населения в трудоспособных возрастах. Численность населения в группах возрастов младше трудоспособного не во всех регионах соответствует их последовательности по общей численности. В частности, поменялись местами Иркутская и Кемеровская области, Омская область и ХМАО (Югра), Республика Тыва и Республика Хакасия, «обогнали» Томскую область Забайкальский край, Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия. По численности населения старше трудоспособного также выявлено изменение последовательности регионов: Алтайский край превошел Иркутскую область, а Тюменская область опередила ХМАО (Югра).

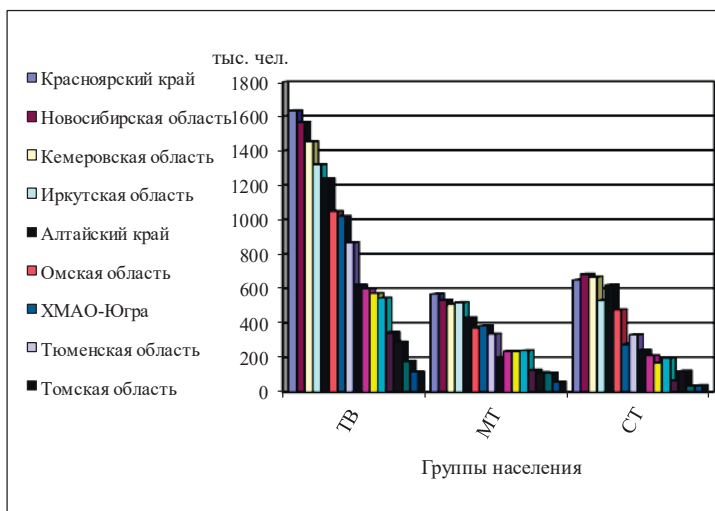

Рис. 1. Численность населения по отдельным возрастным группам в регионах Сибири, 2021 г. [7] (ТВ – трудоспособный возраст; МТ – младше трудоспособного; СТ – старше трудоспособного)

Выявлена значительная дифференциация и в самой структуре населения по трудоспособности в разрезе регионов Сибири. Анализ динамики структуры населения по трудоспособности с 2010 по 2021 г. выявил снижение доли трудоспособного населения во всех регионах. В 2010 г. максимальная доля населения в трудоспособном возрасте составляла – 70,2 %, в 2021 г. – 63,6 %, лидером по этому показателю остается Ямало-Ненецкий авт. округ. За 2010 г. во всех регионах доля трудоспособного населения была выше 60 %, в 2021 г. таких регионов осталось два: ЯНАО и ХМАО. К лидерам по данному показателю на сегодня также можно отнести Республику Саха (Якутия) – 58,5 % и Томская область – 58,1 % (табл. 2). Более высокая доля трудоспособного населения, таким образом, характерна в основном для регионов с развитой добывающей промышленностью, высокооплачиваемым трудом для населения.

В плане развития социально-демографического потенциала следует выделить регионы с более высокой долей населения младше трудоспособного возраста: Республика Тыва (34,1 %), Республика Алтай (27,6 %) и Республика Саха (Якутия) (24,2 %).

Согласно долям населения по трудоспособности в регионах Сибири сложились все типы условных формул возрастных структур. Прогрессивный тип возрастной структуры сохранился в Республике Алтай, Республике Тыва, ХМАО-Югра, ЯНАО, Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия), в которых доля населения младше трудоспособного превышает долю старше трудоспособного населения. Стационарный тип характерен для Иркутской и Тюменской областей, в которых практически равнозначные доли детей и пенсионеров. За десятилетний период в Республике Хакасия, в Красноярском крае и Забайкальском крае выявлено своеобразное переходное состояние в сторону увеличения доли населения старше трудоспособного.

С учетом неравномерного размещения населения в Сибири следует отметить, что к прогрессивному типу возрастной структуры населения за 2010 г. относилось 35,8 % населения Сибири, к стационарному 18,2 %, к регрессивному 41,6 %, оставшиеся 4,4 % приходились на переходный тип от стационарного к регрессивному. В 2021 г. к прогрессивному типу населения относились 20 %, к стационарному – 16,5 %, к регрессивному – 44,9 %, к переходным: от прогрессивного к стационарному – 4,4 % и от стационарного к регрессивному – 14,2 %.

Динамика структуры населения по трудоспособности населения в регионах Сибири [7]

Регион	2010 г.			Тип	2021 г.			Тип
	МТ	ТВ	СТ		МТ	ТВ	СТ	
Республика Алтай	24,3	61,6	14,1	П	27,6	54,0	18,4	П
Республика Тыва	29,2	61,2	9,6	П	34,1	54,7	11,2	П
Республика Хакасия	18,2	62,9	18,9	С	21,8	54,9	23,3	С Р
Алтайский край	16,2	62,2	21,6	Р	18,9	54,0	27,1	Р
Красноярский край	20,7	63,0	16,3	П	20,0	57,2	22,8	С Р
Иркутская область	18,9	62,5	18,6	С	22,0	55,6	22,4	С
Кемеровская область	16,8	62,4	20,8	Р	19,4	55,2	25,4	Р
Новосибирская область	15,7	62,6	21,7	Р	19,2	56,2	24,6	Р
Омская область	16,3	63,5	20,2	Р	19,7	55,2	25,1	Р
Томская область	16,2	65,2	18,6	С Р	19,1	58,1	22,8	Р
Туменская область	17,7	64,3	18,0	С	21,9	56,4	21,7	С
ХМАО-Югра	19,8	69,7	10,5	П	22,9	60,6	16,5	П
ЯНАО	21,0	70,2	8,8	П	23,8	63,6	12,6	П
Республика Бурятия	21,0	62,7	16,3	П	24,5	55,5	20,0	П
Забайкальский край	21,0	62,5	16,5	П	22,7	57,1	20,2	П С
Республика Саха (Якутия)	23,3	64,1	12,6	П	24,2	58,5	17,3	П
Сибирь (среднее значение)	19,8	63,8	16,4	П С	22,6	56,7	20,7	С

Примечание: МТ – младше трудоспособного возраста; ТВ – трудоспособного возраста; СТ – старше трудоспособного возраста; П – регрессивный тип демографической структуры; С – стационарный; Р – регрессивный.

Возрастная структура Сибири по среднему значению 16 регионов соответствует формуле: 22,6:56,7:20,7, что более благоприятно в плане демографического потенциала воспроизводства населения (соответствует прогрессивному типу), чем в среднем по России – 18,7:56,0:25,3, с большей долей группы населения старше трудоспособного возраста (регрессивный тип).

Рассматривая регионы с точки зрения выявленных в них условных формул возрастных структур, возможно сделать выводы: в регионах Сибири за десятилетний период изменились пропорции возрастных групп в структуре населения; население стареет, и крупная группа, составляющая в 2010 г. основу трудоспособного населения постепенно переходит в группу старше трудоспособного; в регионах с высокими показателями рождаемости происходит своеобразное восстановление группы трудоспособного возраста из группы младше трудоспособного; в регионах с ресурсной направленностью трудоспособное население восполняется прибывающей рабочей силой из других регионов.

Литература

1. Виноградов В. Г. Особенности формирования трудового потенциала Сибири : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 17 с.
2. Глухова З. В., Алексеев Н. Е. Современные тенденции на рынке труда Сибири и Омской области // Вестник СибАДИ. 2012. № 3(25). С. 105–111.
3. Снина А. Л. Численность населения в трудоспособном возрасте в России и возможные ответы на ее снижение // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 11. С. 2005–2017.
4. Гусарова О. М. Исследование тенденций демографической ситуации региональных субъектов // Научное обозрение. Экономические науки. 2018. № 3. С. 21–26.
5. Энциклопедия статистических терминов. В 8 т. Т. 5. Демографическая и социальная статистика / М. В. Габелко [и др.]. М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2011. 822 с.
6. Вандескрик К. Демографический анализ. М. : Акад. проект, 2005. 241 с.
7. Федеральная служба государственной статистики. Базы данных. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.04.2022).

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрено текущее состояние социально-демографических характеристик села в Беларуси: динамика численности, рождаемость, занятость, старение сельского населения, миграционная активность молодежи. Установлено, что современное белорусское село переживает демографический кризис. Определена необходимость сохранения и развития агрогородков, сочетающих в себе элементы городской и сельской жизни.

Ключевые слова: село, численность населения, рождаемость, старение, агрогородок.

A. Y. Sakovich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF A VILLAGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article presents the current state of socio-demographic characteristics of rural areas in Belarus: population dynamics, fertility, employment, aging of the rural population, migration activity of young people. It is established that the modern Belarusian village is experiencing a demographic crisis. The necessity of preservation and development of agro-towns combining elements of urban and rural life is determined.

Keywords: village, population, fertility, aging, agro-town.

Развитие села и сельского хозяйства является приоритетной задачей государства Республики Беларусь. На протяжении многих лет в стране осуществляется ряд мероприятий, направленных на поддержку сельхозпроизводства, социальной сферы села, агробизнеса. В частности, в 11 марта 2016 г. была принята Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [1]. 20 июня 2018 г. Президентом был подписан Указ № 247 «О проведении Года малой родины» (2018–2020) [2]. 4 марта 2019 г. была принята Директива Президента Республики Беларусь № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» [3]. В настоящее время реализуется Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы [4]. Однако существенным барьером для развития агропромышленного комплекса и сельских регионов в целом является ухудшающаяся в них демографическая ситуация. Данное обстоятельство требует мониторинга ключевых социально-демографических характеристик современного белорусского села. В связи с этим рассмотрим текущее состояние динамики численности сельского населения, показатели рождаемости, старения, уровень занятости сельчан в трудоспособном возрасте, что во многом определяет их миграционное поведение.

Численность сельского населения ежегодно сокращается. Так, в 2021 г. в Республике Беларусь насчитывалось 2069,3 тыс. чел., проживающих в селе, что на 220,9 тыс. чел. меньше, чем в 2012 г. [6; 7].

Отмечается старение сельского населения. В 2021 г. средний возраст сельчан составил 44,6 лет, горожан – 39,8 лет [8, с. 48]. В сельской местности происходит сокращение числа молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. В 2021 г. данная возрастная группа насчитывала 370 тыс. чел., что на 43,7 тыс. чел. меньше по сравнению с 2009 г. [8, с. 50]. Связано это с тем, что молодые люди, заканчивая школу уезжают учиться в высшие и средние специальные учебные заведения, расположенные преимущественно в городах. Однако, получив образование и профессию, лишь незначительная часть выпускников возвращается в сельскую местность. В большинстве своем это молодые специалисты, которые направлены на работу в сельские населенные пункты по распределению. Подавляющее большинство молодых людей, закончив учебное заведение стремится закрепиться в городе, где, по их мнению, лучшие условия труда, выше заработная плата, более интересная жизнь в целом. Как следствие, сельские населенные пункты теряют наиболее образованные, активные, целеустремленные трудовые ресурсы, что является барьером для развития не только сельского хозяйства, но и социальной инфраструктуры села, его социальной и культурной составляющей.

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Республики Беларусь [6; 7]

Следует отметить, что уровень занятости трудоспособного населения в сельской местности достаточно высокий. В 2020 г. он составил 82,3 %. Среди городского населения данный показатель чуть выше – 83,2 %. Уровень безработицы в городах и сельских населенных пунктах отличается незначительно, и составляет 4,1 % и 3,7 % соответственно [7, с. 121]. В сельской местности кроме основного места работы многие имеют личное подворье, которое является хорошим подспорьем для семьи. Вместе с тем результаты многолетних социологических исследований указывают на снижение значимости приусадебного участка для сельского населения, особенно для молодежи.

В сельской местности отмечается снижение рождаемости. В течение последних десяти лет максимальный уровень рождаемости был зафиксирован в 2013 г. и составил 26,7 тыс. чел. В последующем данный показатель начал падать. В 2019 г. в селе родилось 20,5 тыс. чел. [9, с. 66]. Сокращение количества детей приводит к закрытию дошкольных и школьных учебных заведений. Так, например, в период с 2012 по 2020 г. численность сельских учреждений дошкольного образования сократилось на 351 ед. и составила 1685 ед. [8, с. 143]. Убыль сельского населения приводит к сокращению большого кооперативного фонда, объектов торговли, публичных библиотек в сельских населенных пунктах. Подобные изменения в социальной инфраструктуре подталкивают молодежь к переезду в города.

Таким образом, в сельских населенных пунктах наблюдаются кризисная демографическая ситуация. В настоящее время в стране существуют деревни, численность которых не превышает 20 чел. В скором времени эти поселения исчезнут. Вместе с тем в результате реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы [5] в Беларуси был создан новый тип сельского поселения – агрогородок, сочетающий в себе преимущества городской и сельской жизни. В этих населенных пунктах широко представлена медико-амбулаторная помощь населению, торговая сеть, газовое отопление домов и др. Однако, как свидетельствуют результаты проведенного нами в 2019 г. опроса молодых специалистов, направленных на работу в агрогородки Мядельского района, главная трудность с которой сталкивается сельское население – транспортное сообщение с районными центрами и крупными городами. Данное обстоятельство необходимо учитывать в развитии агрогородков. Их сохранение является важнейшей задачей на современном этапе.

Литература

1. О Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 585 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 марта 2016 г., № 196 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.07.2019 // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. URL: www.mshp.gov.by/programms/a868489390de4373.html (дата обращения: 12.04.2022).

2. О проведении Года малой родины : Указ Президента Респ. Беларусь, 20 июня 2018 г. № 247 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
3. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли : Директива Президента Респ. Беларусь, 4 марта 2019 г. № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
4. О Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2020–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 февраля 2021 г. № 59 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
5. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 марта 2005 г. № 150 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.01.2010 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.
6. Регионы Республики Беларусь, 2019 = Regions of the Republic of Belarus, 2019 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. 808 с.
7. Регионы Республики Беларусь, 2021 = Regions of the Republic of Belarus, 2021 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. 776 с.
8. Статистический ежегодник : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. 407 с.
9. Регионы Республики Беларусь, 2020 = Regions of the Republic of Belarus, 2020 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. 776 с.

УДК 316.354.2

Н. В. Рудакова, Г. К. Перваго

ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ КУЛЬТУРЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Представлены результаты экспертного опроса руководителей органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области, проведенного по поручению министерства культуры и архивов Иркутской области. Статья отражает данные по части вопросов, направленных на получение от руководителей сферы культуры информации относительно проблем развития отрасли и путей их решения.

Ключевые слова: культура, Иркутская область, проблемы отрасли культуры, пути решения проблем в сфере культуры, руководители органов управления муниципальных образований.

N. V. Rudakova, G. K. Pervago

Irkutsk educational and methodical center of culture and art «Baikal», Irkutsk

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE CULTURAL SECTOR AND WAYS TO SOLVE THEM IN THE VIEWS OF THE HEADS OF THE CULTURAL MANAGEMENT BODIES OF THE MUNICIPALITIES OF THE IRKUTSK REGION (BASED ON THE RESULTS OF AN EXPERT SURVEY)

The paper presents the results of a questionnaire survey of heads of cultural management bodies of municipalities of the Irkutsk region, conducted on behalf of the Ministry of Culture and Archives of the Irkutsk region. The article reflects the data on the part of questions aimed at obtaining information from the heads of the cultural sphere regarding the problems of the industry development and ways to solve them.

Keywords: culture, Irkutsk region, problems of the cultural sector, ways to solve problems in the field of culture, heads of municipal authorities.

В целях получения информации относительно проблем развития отрасли культуры в муниципальных образованиях Иркутской области и путей их решения отделом аналитики и мониторинга Иркутского областного учебно-методического центра культуры и искусства «Байкал» по поручению министерства культуры и архивов Иркутской области произведен

экспертный опрос. Экспертной группой при проведении опроса выступили руководители органов управления муниципальных образований Иркутской области.

В опросе, прошедшем с 01.02.2022 по 22.02.2022, приняли участие 39 руководителей органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области (39 принято за 100 %), что при объеме генеральной совокупности в 42 единицы составило 93,0 % кадрового состава руководителей органов управления культуры. По социально-демографическому статусу в опросе участвовало 4 мужчины (10,3 %), 35 женщин (89,7 %).

В опросе приняли участие руководители органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области трех возрастных групп:

- до 35 лет – 6 чел. (15,4 %);
- от 35 до 55 лет – 23 чел. (59,0 %);
- от 55 и старше – 10 чел. (25,6 %).

По уровню образования участники опроса распределились следующим образом:

- высшее образование – 38 чел. (97,4 %);
- незаконченное высшее – 1 чел. (2,6 %).

Направленность образования респондентов:

- культура и искусство – 36,0 % респондентов;
- менеджмент и управление – 23,0 % респондентов;
- образование и педагогика – 19,6 % респондентов;
- экономика и финансы – 6,6 % респондентов;
- гуманитарные и социальные науки – 6,6 % респондентов;
- юриспруденция – 1,6 % респондентов;
- другое – 6,6 % респондентов (техническое, архитектура, математика).

По стажу работы в занимаемой должности респонденты составили 3 группы:

- до 3 лет – 8 чел. (20,5 %);
- от 3 до 10 лет – 19 чел. (48,7 %);
- свыше 10 лет – 12 чел. (30,8 %).

Таким образом, можно составить социально-демографический портрет среднестатистического руководителя органа управления культуры муниципальных образований Иркутской области, принявшего участие в опросе, – это женщина в возрасте от 35 до 55 лет с высшим образованием, имеющая стаж работы в должности руководителя органа управления культуры муниципального образования от 3 до 10 лет.

В процессе анализа полученных в результате опроса ответов было выявлено, что оценивая по пятибалльной шкале уровень развития сферы культуры муниципального образования (где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий уровень) наибольшая часть респондентов, а именно 84,6 % (сумма вариантов ответа «5» – 23,1 % и «4» – 61,5 %) отмечают достаточно высокий уровень развития сферы культуры. Средняя оценка уровня развития сферы культуры в муниципальных образованиях составила «4,0» балла.

Опрос показал, что чем больше стаж руководителя органа управления культуры, тем выше требования к уровню развития сферы культуры муниципального образования Иркутской области. Все без исключения руководители со стажем работы в занимаемой должности до 3 лет оценивают уровень развития сферы культуры на «4» и «5». В то же время 15,8 % руководителей со стажем работы от 3 до 10 лет оценивают уровень развития сферы культуры на «3», а по 9,1 % руководителей со стажем работы свыше 10 лет, оценивают уровень развития сферы культуры на «3» и «2».

На вопрос «Укажите, пожалуйста, наиболее острые проблемы в развитии сферы культуры Вашего муниципального образования?» респонденты дали 194 ответа (приняты за 100 %). Ответы руководителей на данный вопрос распределились следующим образом:

1. «Дефицит специалистов в учреждениях культуры» – 13,4 %;
2. «Недостаточный объем финансирования статей, определяющих развитие учреждений культуры, – информатизация, обучение/повышение квалификации работников, приобретение оборудования, мебели, транспорта и т. п.» – 12,4 %;

3. «Несоответствие современным нормам состояния зданий и помещений, в которых расположены учреждения культуры» – 11,3 %;
4. «Нехватка штатных единиц» – 9,8 %;
5. «Сложности осуществления деятельности в условиях распространения новой коронавирусной инфекции» – 8,8 %;
6. «Отсутствие опыта проектной деятельности, участия в грантовых программах и конкурсах» – 7,7 %;
7. «Отсутствие действенных механизмов привлечения кадров» – 7,2 %;
8. «Невысокий уровень квалификации работников» – 6,7 %;
9. «Увеличение объема работы, рост требований к работе специалистов» – 5,7 %;
10. «Низкая скорость или отсутствие интернет соединения» – 4,1 %;
11. «Слабое развитие системы привлечения в муниципальную систему культуры внебюджетного финансирования» – 3,1 %;
12. «Другое» – 2,6 %;
13. «Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей сферу культуры на муниципальном уровне» – 2,6 %;
14. «Недостаточная обеспеченность населения муниципального образования учреждениями культуры» – 2,6 %;
15. «Низкий уровень востребованности производимых культурных проектов и услуг со стороны населения» – 1,5 %;
16. «Низкий уровень заработной платы в сфере» – 0,5 %;
17. «Проблемы отсутствуют» – 0,0 %.

Таким образом, анализ ответов руководителей определил три основные проблемы в развитии сферы культуры муниципальных образований региона, связанные с дефицитом кадров, недостаточным уровнем финансирования отрасли и несоответствием материально-технической базы современным требованиям.

Несмотря на наличие возможности выбрать варианты ответа на вопрос «Укажите, пожалуйста, наиболее острые проблемы в развитии сферы культуры Вашего муниципального образования», руководители органа управления культуры предложили свои варианты ответа:

- «Отдаленность территории от областного центра, выезд населения с территории крайнего севера»;
- «Невозможность закрытия бюджетными финансами тех потребностей, которые продиктованы новыми требованиями к пожарной безопасности, антитеррористической защищенности»;
- «Привлечение молодых квалифицированных специалистов для работы в селе»; «Невозможность ремонта и комплектования учреждений сельских поселений на финансирование из районного бюджета»;
- «Очень сложно управлять учреждениями культуры не имея на это полномочий, рычагов управления. Считаю необходимым, передать полномочия в сфере культуры с первого уровня на второй, централизовать систему управления в сфере культуры для принятия оперативных решений по развитию учреждений культуры».

На вопрос, «Укажите, пожалуйста, какие затруднения при осуществлении своей деятельности испытывают работники органа управления культуры Вашего муниципального образования?» было получено 127 ответов (приняты за 100 %):

1. «Увеличение объема и функционала работы, большая загруженность работников» – 18,1 %;
2. «Дефицит специалистов» – 15,0 %;
3. «Нехватка штатных единиц» – 14,2 %;
4. «Недостаточное финансирование на осуществление основной деятельности и модернизацию материально-технической базы органа управления культуры (устаревшая оргтехника, нехватка канцелярии, бумаги и др.)» – 13,4 %;
5. «Отсутствие/недостаток финансирования на обучение сотрудников» – 10,2 %;

6. «Низкий уровень заработной платы» – 10,2 %;
7. «Отсутствие специалистов, имеющих образование в сфере управления культуры и искусства» – 7,4 %;
8. «Сложности взаимодействия между органом управления культуры и органом местного самоуправления» – 3,1 %;
9. «Другое» – 2,4 %;
10. «Сложности взаимодействия между органом управления культуры и отдельными учреждениями культуры» – 2,4 %;
11. «Недостаточное или несвоевременное информирование органа управления культуры по различным вопросам деятельности» – 1,6 %;
12. «Проблемы отсутствуют» – 0,0 %.

Руководители органов управления культуры предложили свои варианты ответа:

- «Межпоселенческий центр культуры осуществляет деятельность отдела культуры при штате 7 чел., считаю это неправильно»;
- «Двоевластие в управлении учреждениями культуры сельских поселений. Зарплату выплачивает поселение, а отчетность и планирование работы лежит на отделе культуры. Не всегда Главы сельских поселений рассматривают эти вопросы адекватно».

В ходе опроса респондентам было предложено сформулировать ответ на вопрос «На Ваш взгляд, какие меры могли бы решить указанные Вами проблемы и улучшить ситуацию в сфере культуры Вашего муниципального образования?»

Предложения сформулировали 37 респондентов (95 % от общего числа опрошенных). Количество высказанных предложений составило 74 ед. (74 ед. принято за 100 %).

Полученные предложения были систематизированы в ряд групп.

1. Увеличение финансирования сферы культуры – 14,5 %;
2. Реорганизация и передача полномочий на районный уровень – 11,8 %;
3. Совершенствование системы взаимодействия и организации работы региональных и муниципальных органов власти в сфере культуры – 9,1 %;
4. Разработка региональной программы «Кадры» – 9,1 %;
5. Предоставление жилья и «подъемных» выплат молодым специалистам – 9,1 %;
6. Внедрение системы распределения выпускников вузов и учреждений СПО в сфере культуры, обучающихся на бюджетной основе» – 7,8 %;
7. Создание эффективной системы продвижения культуры и культурного продукта в муниципальном образовании и за его пределами – 7,8 %;
8. Развитие материально-технической базы – 7,8 %;
9. Повышение квалификации работников – 5,3 %;
10. Разработка нормативно-правовых актов в сфере культуры – 4,1 %;
11. Оказание методической и организационно-сопроводительной помощи учреждениям – 4,1 %;
12. Целевое обучение специалистов с обязательной отработкой в учреждениях культуры муниципального образования – 2,7 %;
13. Повышение заработной платы – 2,7 %;
14. Внедрение программы «Земский работник культуры» – 2,7 %;
15. Затрудняюсь ответить – 1,4 %.

В качестве положительных моментов в развитии сферы культуры муниципальных образований Иркутской области в 2021 г. руководителями органов управления культуры были отмечены строительство зданий для учреждений культуры и проведение капитальных ремонтов, проведение мероприятий по улучшению материально-технической базы учреждений, успешное участие учреждений культуры в государственных, региональных, муниципальных программах, грантовых конкурсах, внедрение и развитие новых форм работы, повышение уровня квалификации специалистов учреждений культуры, проведение фестивалей, конкурсов, получение наград и др. [1].

Экспертами были определены следующие приоритетные направления работы органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области:

1. Продолжение деятельности по совершенствованию форм работы с использованием современных информационных технологий, развитию инфраструктуры культурной деятельности, повышению квалификации работников.

2. Активизация работы по развитию проектной деятельности, участию в грантовых программах и конкурсах, региональных проектах национального проекта «Культура», активное сотрудничество с заинтересованными структурами в целях привлечения дополнительных ресурсов для развития деятельности по оказанию услуг в сфере культуры для населения области.

3. Освоение новых подходов в системе подготовки кадров – усиление профориентационной работы, активная работа в данном направлении с общеобразовательными школами, использование возможностей системы целевого обучения, оказание дополнительных мер социальной поддержки при трудоустройстве молодых специалистов.

Литература

1. Рудакова Н. В., Перваго Г. К., Качан М. К. Состояние сферы культуры муниципальных образований Иркутской области на 1 января 2022 года : аналит. сб. Иркутск : Копирайт, 2022. 150 с.

УДК 659

Н. Г. Ткачева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕКЛАМНОЙ ОТРАСЛИ (НА ПРИМЕРЕ СРО АМИ «РЕКЛАМНЫЙ СОВЕТ»)

Определены значение и цели саморегулирования в рекламной отрасли. Выделены основные направления реализации экспертной деятельности в саморегулируемых организациях рекламной отрасли, обозначены ее особенности. Сделан вывод о том, что экспертная деятельность способствует развитию саморегулирования как альтернативного механизма регулирования рекламной сферы.

Ключевые слова: реклама, рекламная отрасль, саморегулирование, СРО, саморегулируемые организации, экспертная деятельность.

N. G. Tkacheva

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF EXPERT ACTIVITIES IN SELF-REGULATING ORGANIZATIONS OF THE ADVERTISING INDUSTRY (ON THE EXAMPLE OF “ADVERTISING COUNCIL”)

The importance and goals of self-regulation in the advertising industry are determined. The main directions of implementation of expert activity in self-regulating organizations of the advertising industry are highlighted, its features are outlined. It is concluded that expert activity contributes to the development of self-regulation as an alternative mechanism for regulating the advertising sphere.

Keywords: advertising, advertising industry, self-regulation, SRO, self-regulating organizations, expert activity.

В последние годы в России получила воплощение тенденция передавать бизнес-обществу элементы государственного регулирования. Механизмы саморегулирования уже существуют и развиваются в разных сферах: в строительстве, фармацевтике, ретейле, проектировании. Рекламная отрасль – не исключение.

Саморегулирование в рекламной отрасли осуществляется в рамках саморегулируемых организаций (СРО). В Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» устанавливается, что «саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности, исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг)

или рынка произведенных товаров (работ, услуг), либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида» [11]. В Законе также отражена норма о возможности объединения в одной СРО субъектов предпринимательской деятельности и субъектов профессиональной деятельности определенного вида. При этом членство в СРО является добровольным.

В соответствии со ст. 31 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» «саморегулируемой организацией в сфере рекламы признается объединение рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламораспространителей и иных лиц, созданное в форме ассоциации, союза или некоммерческого партнерства в целях представительства и защиты интересов своих членов, выработки требований соблюдения этических норм в рекламе и обеспечения контроля за их выполнением» [10].

Целесообразно подчеркнуть, что для получения статуса СРО в сфере рекламы в ее состав должны входить субъекты предпринимательской или профессиональной деятельности: рекламодатели, рекламопроизводители, рекламораспространители. Это могут быть как лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, так и физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность. Членство в СРО в сфере рекламы является добровольным. Настоящее всесторонняя субъектная представленность, как следствие, обеспечивает привлечение к функционированию СРО максимально широкий круг участников рекламных отношений.

Целями СРО в сфере рекламы являются представительство и защита интересов своих членов, выработка требований соблюдения этических норм в рекламе и обеспечение контроля за их выполнением. Достижение целей СРО определяет права таких организаций, обозначенные в статье 32 Закона «О рекламе». Согласно положениям данной статьи СРО в сфере рекламы имеет право:

- представлять законные интересы членов саморегулируемой организации в их отношениях с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;
- участвовать в рассмотрении антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения членами саморегулируемой организации законодательства Российской Федерации о рекламе;
- обжаловать в соответствующий суд нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления;
- применять в отношении членов саморегулируемой организации предусмотренные учредительными и иными документами саморегулируемой организации меры ответственности, в том числе исключение из членов саморегулируемой организации;
- разрабатывать, устанавливать и опубликовывать обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации правила профессиональной деятельности в сфере рекламы;
- осуществлять контроль за профессиональной деятельностью членов саморегулируемой организации в части соблюдения требований настоящего Федерального закона и правил профессиональной деятельности в сфере рекламы, в том числе требований профессиональной этики;
- рассматривать жалобы на действия члена саморегулируемой организации;
- разрабатывать и устанавливать требования, предъявляемые к лицам, желающим вступить в саморегулируемую организацию;
- осуществлять сбор, обработку и хранение информации о деятельности членов саморегулируемой организации, раскрытие которой осуществляется в форме отчетов в порядке и с периодичностью, которые установлены учредительными и иными документами саморегулируемой организации;

– осуществлять ведение реестра лиц, являющихся членами саморегулируемой организации [10].

Как видим, одна из задач СРО в сфере рекламы – реализация негосударственного регулирования посредством перераспределения надзорных и контрольных функций по отношению к субъектам рекламной отрасли с государства на непосредственных участников рынка. Вместе с тем следует согласиться с В. А. Андроновой в том, что «на сегодняшний день в России основным регулирующим инструментом на рынке рекламы является государственное регулирование. Именно оно обеспечивает правила взаимодействия между участниками рынка при помощи системы правовых и организационно-экономических форм и методов воздействия на рыночные процессы в целях защиты прав и интересов всех субъектов рынка» [11, с. 13]. Таким образом, саморегулирование на рынке рекламы является дополнительным регулирующим инструментом.

Стратегическая цель саморегулирования в рекламе – формирование эффективной сбалансированной системы со-регулирования отрасли на основе учета интересов всех заинтересованных сторон: рынка, потребителя, общества и государственного регулятора (Федеральной антимонопольной службы России). Саморегулирование во многом выполняет превентивные функции, позволяя решать спорные и проблемные ситуации в рекламной деятельности, не прибегая к государственным инстанциям. Также оно способствует консолидации рекламной отрасли на определенных принципах, координации предпринимательской деятельности участников СРО, внедрению инноваций, установлению межрегиональных и международных связей.

В Постатейном комментарии к Закону «О рекламе» от 13.03.2006 обозначены формы реализации интересов членом СРО в сфере рекламы в отношениях с органами власти и местного самоуправления, общественными организациями и объединениями. К ним относятся:

- участие в разработке требований к рекламе, реализуемое посредством подготовки аналитических материалов, экспертных заключений и предложений по совершенствованию законодательства;
- членство в общественных консультативных и экспертных советах;
- участие в рабочих группах по подготовке изменений и дополнений в федеральное и местное законодательство о рекламе;
- проведение независимой экспертизы рекламы на предмет установления ее соответствия требованиям законодательства Российской Федерации о рекламе;
- предоставление необходимых материалов маркетинговых и социологических исследований [4].

В российской рекламной индустрии существует довольно много саморегулируемых организаций, которые различаются по территориальному и отраслевому охвату. Однако они разрозненны и невелики по масштабу, поэтому вряд ли способны эффективно вырабатывать общие стандарты профессиональной деятельности и обеспечивать контроль за их исполнением, централизованно формировать и продвигать законодательные инициативы, а также единообразно реализовывать делегированные ФАС России полномочия.

В 2017 г. Федеральная антимонопольная служба России, Торгово-промышленная палата РФ, Ассоциация коммуникационных агентств России и другие индустриальные объединения выступили с инициативой создания единой саморегулируемой организации в сфере рекламы. Министерство юстиции РФ 14 июня 2018 г. утвердило создание единого органа рекламного саморегулирования – Ассоциации маркетинговой индустрии «Рекламный Совет», а в феврале 2019 г. «Рекламный Совет» получил статус саморегулируемой организации (СРО АМИ «РС»).

СРО АМИ «РС» – саморегулируемая некоммерческая организация, объединяющая рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламораспространителей, а также их объединения, и объединения, представляющие интересы потребителей. Организация образована с целью развития саморегулирования в сфере маркетинговых коммуникаций, разработки стандартов

и правил рекламной деятельности, контроля за исполнением стандартов и правил членами Ассоциации [9].

Единый орган саморегулирования призван решать следующие задачи:

- разработка стандартов и правил рекламной деятельности, в том числе этических, способствующих принятию участниками правоотношений в этой сфере повышенных обязательств в части содержания и распространения рекламы, а также унификация правопримени- тельной практики;
- внедрение системы предварительной оценки рекламных материалов на предмет их соответствия законодательству и стандартам СРО с целью сокращения количества ненадле- жащей рекламы;
- проведение правового просвещения в рекламной сфере, способствующего профи- лактике совершения административных правонарушений;
- проведение профессиональных экспертиз и квалифицированных опросов по вопро- сам восприятия рекламы потребителями;
- снижение нагрузки на ФАС России в связи с контролем рекламы, предоставление бизнесу возможности самостоятельно решать основные спорные вопросы [9].

На сегодняшний день в состав СРО АМИ «РС» входят 87 организаций из девяти регио- нов, из них 16 профессиональных ассоциаций, остальные – индивидуальные члены. Среди членов организации Ассоциация коммуникационных агентств России, Национальная ассоци- ация визуальных коммуникаций, Ассоциация брендинговых компаний России, Союз издате- лей «ГИПП», Российская академия радио, Национальный рекламный альянс, Ассоциация развития интерактивной рекламы (IAB Russia), Ассоциация букмекеров, Ассоциация рекла- мотделей и другие ассоциации, а также крупнейшие игроки на рекламном рынке.

СРО АМИ «РС» осуществляет закрепленное Соглашением взаимодействие с Феде- ральной антимонопольной службой России, которая активно поддерживает инициативу раз- вития рекламного саморегулирования. В рамках этого соглашения усилия антимонопольного ведомства и единого органа саморегулирования рекламной отрасли направлены на организа- цию сотрудничества по обмену информацией, взаимные консультации по вопросам соблю- дения законодательства о рекламе, а также на реализацию совместных мероприятий [8].

В декабре 2017 г. в целях повышения эффективности государственного контроля за со- блюдением законодательства РФ о рекламе, при Федеральной антимонопольной службе был создан Экспертный совет по применению законодательства о рекламе и защите от недобро- совестной конкуренции. Эксперты СРО АМИ «РС» являются постоянными членами этого консультативно-совещательного органа.

Согласно «Положению» [3] основными задачами Экспертного совета являются:

- экспертиза и оценка содержания рекламы, представленной на рассмотрение Экс- пертного совета, в том числе оценка воздействия рекламы на потребителей рекламной ин- формации и анализ соответствия действительности сведений, сообщаемых в рекламе;
- оценка действий хозяйствующего субъекта на предмет соответствия обычаям де- лового оборота, принципам добросовестности, разумности или справедливости;
- экспертиза сведений, распространяемых хозяйствующим субъектом в отношении конкурента, с точки зрения их соответствия действительности;
- подготовка методических, аналитических и информационных материалов по во- просам применения законодательства о рекламе и антимонопольного законодательства в ча- сти недобросовестной конкуренции;
- взаимодействие с саморегулируемыми организациями, ассоциациями и обще- ственными объединениями профессиональных участников различных товарных рынков, рынка услуг по распространению рекламы;
- подготовка рекомендаций по координации действий федерального антимоно- польного органа и федеральных органов исполнительной власти в части защиты от недобро- совестной конкуренции.

Эти задачи находят свое отражение в практике деятельности Экспертных советов при территориальных Управлениях Федеральной антимонопольной службы (УФАС). Сотрудничество СРО АМИ «РС» с территориальными органами УФАС осуществляется на основе «Соглашения о взаимодействии». Предметом Соглашения является организация профессионально-консультационного взаимодействия по вопросам экспертизы и оценки рекламы на соответствие требованиям действующего законодательства; регламентация участия СРО «АМИ «РС» в рассмотрении жалоб и дел о нарушении рекламного законодательства, возбужденных в отношении членов СРО; информационное сотрудничество.

В случае возникновения у УФАС вопросов относительно содержания и восприятия рекламы, распространяемой на территории региона, на основании обращения юридических или физических лиц или в результате собственного мониторинга, УФАС направляет соответствующий запрос в единый орган саморегулирования. СРО организует его рассмотрение в соответствующем комитете Ассоциации. Комитет в установленные сроки должен рассмотреть запрос и предоставить решение, в котором даётся оценка рекламного продукта на соответствие международным и национальным рекламным стандартам и российскому рекламному законодательству, а также дать ответы на вопросы, поставленные в запросе. При рассмотрении запроса СРО АМИ «РС» должна обеспечить объективное, беспристрастное, профессиональное рассмотрение поставленных вопросов. Если проведение экспертизы требует особых компетенций, то Ассоциация привлекает экспертов из списка утвержденных независимых экспертов, с которыми у СРО заключены соглашения. Ответ на запрос оформляется решением комитета по утверждённой форме с приложением протокола заседания. Решение комитета является публичным и размещается на информационных ресурсах СРО АМИ «РС» (за исключением особых случаев).

Наиболее показательные решения в отношении неэтичной рекламы, использования в рекламе оскорбительных образов, бранных слов и выражений, случаи скрытой рекламы («джинсы») на телевидении и на радио, вопросы, связанные с недобросовестной конкуренцией в рекламе, в частности, по необоснованному использованию слов в превосходной степени без достоверных подтверждений, СРО публикует в Обзоре (нюслеттере). Кроме того, в бюллетере приводятся данные по работе комитета по рассмотрению жалоб потребителей и обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга СРО. В целом такая практика позволяет выработать чёткие и понятные рекомендации по правоприменению рекламного законодательства, что является одной из важнейших задач Ассоциации.

Необходимо подчеркнуть, что за последние два года число заседаний Экспертных советов при территориальных УФАС увеличилось, возросло и число регионов, прибегających к подобной практике: на текущее время между СРО АМИ «РС» и территориальными органами УФАС заключено 38 соглашений.

В структуре Ассоциации действует Комитет по рассмотрению жалоб потребителей и обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга. Комитет является специализированным органом СРО АМИ «РС», рассматривающим жалобы физических лиц на любой вид рекламы, жалобы юридических лиц на действия другого юридического лица, нарушающего рекламное законодательство при распространении рекламы, обращения государственных органов и общественных организаций с предложением провести экспертизу с целью установления отступлений от норм рекламного законодательства. Председатель комитета осуществляет взаимодействие с Экспертными комитетами при УФАС России, формирует реестр экспертов, рассматривающих жалобы и обращения [2]. При этом экспертом может быть человек как имеющий опыт работы в рекламной сфере, так и независимый эксперт, не связанный с рекламной индустрией или работающий вне рекламной отрасли (учёный, юрист и пр.). Эксперты отбираются на основе их знаний и беспристрастности. Обязательная сертификация экспертов, за исключением случаев, предусмотренных нормативными правовыми актами Роскомнадзора, не требуется.

Следует отметить, что за 2021 г. эксперты комитета рассмотрели 134 жалобы по поводу спорной рекламы, тогда как в 2019 г. – 43. Как видим, экспертиза жалоб становится более

оперативной, что особенно важно в контексте намерения ФАС России передать СРО в сфере рекламы право самой рассматривать споры о нарушении отраслевого законодательства. В частности, СРО сможет «рассматривать жалобы и заявления от любых лиц на рекламу в отношении любого рекламодателя, рекламодателя или рекламопроизводителя» и «выносить решения о признании рекламы соответствующей или не соответствующей требованиям законодательства». Кроме того, члены СРО смогут устанавливать внутренние стандарты рекламы для участников своей организации, несоблюдение которых будет чревато исключением из СРО. Сейчас эти полномочия есть только у ФАС России [5].

Обратим внимание на то, что на сайте СРО АМИ «РС» в разделе «Услуги» с 2021 г. имеется функция «Аудит коммуникаций», позволяющая членам ассоциации получать предварительные консультации по разработанным рекламным кампаниям, согласовывать макеты и ролики. Фактически, речь идет о предварительной экспертизе. В настоящее время это направление экспертизы еще не получило широкого распространения. Вместе с тем ее внедрение в практику деятельности Ассоциации – важный шаг в развитии саморегулирования на рекламном рынке.

СРО АМИ «РС» активно взаимодействует с Торгово-промышленной палатой РФ. Ключевые направления этого сотрудничества: продвижение в России международных стандартов рекламного саморегулирования, обсуждение законодательства о рекламе, создание территориальных органов рекламного саморегулирования при региональных образованиях торгово-промышленной палаты, методическая и информационная поддержка реализации концепции саморегулирования в регионах. Основными формами партнерского взаимодействия являются: обмен информацией, относящейся к области сотрудничества, консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес, планирование и проведение совместных мероприятий, создание и обеспечение деятельности совместных комиссий, рабочих групп, консультативных и экспертных органов.

Вопросы саморегулирования рекламной отрасли постоянно обсуждаются в Комитете по предпринимательству в сфере рекламы Торгово-промышленной палаты (ТПП). Так, в последнее время приобрела актуальность проблема реализации механизма «регуляторной гильотины» в части рекламы. Как известно, он направлен на отмену потерявших актуальность подзаконных актов. В этих целях в 2019 г. при ТПП была создана рабочая группа, в которую вошли около 20 представителей крупнейших профильных индустриальных ассоциаций и эксперты ТПП. Для обеспечения деятельности рабочей группы была сформирована представительная группа экспертов из компаний – участников рынка, как от малого и среднего бизнеса, так и от ведущих игроков. Членом рабочей группы стал заместитель председателя правления СРО АМИ «РС» Алексей Ковылов.

В ходе дискуссии об упрощении неактуальных правительственных актов встал вопрос о саморегулировании как альтернативном механизме регулирования в рекламной отрасли. Эксперты, действующие при рабочей группе, не только направляли свои предложения по решению данной проблемы, но и пригласили на рабочие заседания. Основной целью заседания была разработка дополнений к законам «О рекламе» и «О саморегулируемых организациях», в соответствии с которыми СРО могла бы обрести федеральный статус саморегулирования с четко обозначенными полномочиями.

Большое внимание было уделено вопросам саморегулирования на региональном уровне. Важное значение придавалось тому, чтобы в составе СРО были сбалансированно представлены все участники рынка. Рассматривались вопросы относительно степени детализации организационно-процедурных аспектов саморегулирования. Окончательная версия дополнений к законам была одобрена заместителем руководителя ФАС России, президентом АКАР, председателем Комитета ТПП по предпринимательству в сфере рекламы. С учетом предложенных дополнений, ФАС России разработала проект Закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» (в части систематизации обязательных требований в сфере рекламы и введения института саморегулируемых организаций в сфере рекламы)» [5].

Однако в процессе публичного обсуждения законопроекта на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов были обнаружены противоречия между нормами законов «О саморегулируемых организациях», «О рекламе» и «О некоммерческих организациях»; продемонстрированы расхождения в подходах к саморегулированию. Законопроект был отправлен на доработку. В связи со сложившейся ситуацией, в Комитете ТПП по предпринимательству в сфере рекламы была проведена серия круглых столов, в которых эксперты СРО АМИ «РС» принимали самое активное участие. Приведем перечень вопросов, по которым были даны экспертные оценки:

- ограничение функций СРО на федеральном и муниципальном уровнях;
- допустимость и методы воздействия на участников рекламного рынка, не являющихся членами СРО, в вопросах соблюдения рекламного законодательства и кодексов СРО;
- соотношение коллективного (ассоциации, объединения) и индивидуального членства в СРО;
- принципы взаимодействия СРО с ФАС России и территориальными УФАС [7].

Необходимо констатировать, что в настоящее время проблема остается открытой – работа над законопроектом продолжается, отрабатываются механизмы защиты рекламной отрасли от излишнего регулирования.

Заинтересованность бизнес-сообщества в формировании эффективного института саморегулирования находит выражение в создании кодексов профессиональной деятельности, способствующих установлению цивилизованных норм и правил поведения на рекламном рынке. В 2012 г. задолго до основания СРО АМИ «РС» был принят «Российский Кодекс практики рекламы и маркетинговых коммуникаций», организация руководствуется его положениями в своей деятельности.

Содержание кодекса отражает положения консолидированного Кодекса Международной торговой палаты, который послужил моделью для выработки аналогичных документов не только в России, но и в других странах. Соблюдение требований кодекса носит добровольный характер, поскольку данный документ не является нормативным правовым актом. Положения кодекса носят дополняющий характер по отношению к требованиям Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» и не противоречат им.

Целью кодекса является формирование высоких этических стандартов рекламной деятельности и их соблюдение всеми субъектами рынка. Основными принципами, провозглашаемыми в кодексе, являются законность, достоверность, добросовестность. Участники рекламного рынка в своей деятельности должны следовать общепринятым нормам морали и нравственности, обладать социальной ответственностью, руководствоваться принципами добросовестной конкуренции, поддерживать доверие общества к рекламной индустрии [6].

В 2020–2021 гг. эксперты Ассоциации принимали активное участие в создании Этической хартии коммуникационных индустрий России, работа над которой была организована Координационным советом коммуникационной индустрии при Общественной палате РФ в рамках подготовки к первому Всероссийскому коммуникационному форуму. Этическая хартия, будучи общим документом для коммуникационной отрасли, закладывает основополагающие принципы существования и развития коммуникационной сферы в России. Она призвана продемонстрировать степень самостоятельности, ответственности данной отрасли, её готовности стать важной системной частью экономики страны, а также объединить организации, бизнес-структуры, общественные объединения, работающие в сфере коммуникаций, едиными императивами деятельности. Следует отметить, что Этическая хартия одобрена на заседании правления СРО АМИ «РС» 31.01.2022 и вынесена на общее собрание членов ассоциации с предложением присоединиться к ней.

Еще один аспект экспертной деятельности Ассоциации касается работы Комитета рекламных практик СРО АМИ «РС». Его усилия направлены на создание отраслевых и секторальных стандартов – правил, регламентирующих требования к рекламе. Данные стандарты принимаются отраслевым объединением, являющимся членом СРО АМИ «РС», и верифици-

руются комитетом с последующим утверждением правлением Ассоциации, рекомендуются для исполнения всеми членами СРО АМИ «РС».

В заключении следует отметить, что экспертная деятельность обеспечивает основные направления функционирования СРО АМИ «РС» – единой саморегулируемой организации в сфере рекламы. Она направлена на разработку отраслевых стандартов и правил рекламной деятельности, подготовку изменений и дополнений в законодательство о рекламе, унификацию правоприменительной практики, обеспечение объективной и профессиональной оценки рекламных материалов, реализуется в работе общественных консультативных и экспертных советов, рабочих групп и комиссий. Но главное в том, что экспертная деятельность, в конечном счете, способствует развитию саморегулирования как альтернативного механизма регулирования рекламной отрасли.

Литература

1. Андропова Т. А. Саморегулирование в сфере рекламы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 112–117.
2. Положение о Комитете по рассмотрению жалоб потребителей и обращений государственных органов, общественных организаций, служб мониторинга. Утверждено протоколом заседания правления СРО АМИ «РС» от 23 июля 2020 г. URL: <https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/komitet-po-rassmotreniyu-zhalob> (дата обращения: 06.05.2022).
3. Положение об Экспертном совете по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при Федеральной антимонопольной службе / Приложение к приказу ФАС России от 19.12.2017. № 1736/17 // Официальный интернет-портал ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/pages/ekspertnyij-soveto-po-reklame-i-nedobrovestnoj-konkurenczii-polozheniye_soveta (дата обращения: 03.05.2022).
4. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» / под ред. В. А. Ларионовой. М.: 2011. URL: <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=998> (дата обращения: 28.04.2022).
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» (в части систематизации обязательных требований в сфере рекламы и введения института саморегулируемых организаций в сфере рекламы) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#departments=41&npr=99288> (дата обращения: 05.05.2022).
6. Российский кодекс практики рекламы и маркетинговых коммуникаций // СРО Ассоциация маркетинговой индустрии «Рекламный Совет». URL: <https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/dokumentyi/> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Саморегулирование обеспечит рекламной отрасли стабильность на долгие годы // Рекламный Совет. URL: <https://sovetreklama.org/2021/04/samoregulirovanie-obespechit-reklamnoj-otrasli-stabilnost-na-dolgie-gody/> (дата обращения: 30.04.2022).
8. Соглашение о взаимодействии между Федеральной Антимонопольной службой и Ассоциацией маркетинговой индустрии «Рекламный совет» от 14.11.2018 № 09-169. // СРО Ассоциация маркетинговой индустрии «Рекламный Совет». URL: <https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/dokumentyi/> (дата обращения: 03.05.2022).
9. Устав Ассоциации маркетинговой индустрии «Рекламный Совет». Утвержден решением общего собрания учредителей (протокол от 13 марта 2018 г.). // СРО Ассоциация маркетинговой индустрии «Рекламный Совет». URL: <https://sovetreklama.ru/ob-assocziaczii/dokumentyi/> (дата обращения: 05.05.2022).
10. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.04.2022).
11. О саморегулируемых организациях : федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.04.2022).

ТЕХНОЛОГИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Анализируется процесс формирования и развития понятия «социально-культурная деятельность». Разбираются технологические основы социально-культурной сферы, а также структурируются основные типы технологий. Рассматривается экспертная технология в совокуности с технологиями планирования, прогнозирования и проектирования. Доказывается целесообразность выделения экспертизы как самодостаточного типа технологии социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: социально-культурная сфера, технологии социально-культурной деятельности, технологические основы, технология экспертизы.

K. M. Razumova

Irkutsk State University, Irkutsk

TECHNOLOGY OF EXAMINATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPHERE

The article analyzes the process of formation and development of the concept of "socio-cultural activity". The technological foundations of the socio-cultural sphere are analyzed, and the main types of technologies are structured. The expert technology is considered in conjunction with the technologies of planning, forecasting and design. The expediency of allocating expertise as a self-sufficient type of technology of socio-cultural activity is proved.

Keywords: socio-cultural sphere, socio-cultural activity, technological foundations, technology expertise.

Направление деятельности социально-культурной сферы занимает огромный пласт в современном обществе. Если на начальном этапе изучения этой деятельности, она воспринималась только как «...деятельность, направленная на создание условий для наиболее полного развития, самоутверждения и самореализации личности и группы в сфере досуга» [1, с. 1]. То в процессе развития науки социально-культурная сфера стала восприниматься как деятельность создания культурных продуктов как профессиональной, так и любительской сферы, которая направлена на «восприятие и освоение ценностей культуры, сохранение ценностей материальной и духовной культуры, трансляцию культурной информации, создание возможностей для культурного диалога, распространение ценностей культуры» [2, с. 97]. Следовательно, специалисты социально-культурной сферы больше не ограничиваются досуговой частью организации общественного пространства.

Отправной точкой, благодаря которой профессиональная деятельность данных специалистов стала распространяться и на другие области общественной и культурной жизни, была научная работа учёных Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильникова. Наиболее ярко это обнаруживается в созданной ими типологической характеристике технологических основ социально-культурной сферы, представленной в первом учебном пособии по рассматриваемой в данной статье деятельности. Беря в основу три характерных признака социально-культурных технологий, разделяют их на несколько видов и подвидов. В рамках историко-содержательного признака выделены оздоровительные, культуроориентированные, культуротворческие, экологические и предпринимательские технологии; по функциональному признаку технологии делятся на образовательные, коммуникативные, рекреативные, художественно-зрелищные, компенсирующие и технологии прогнозирования; социально-демографический признак делит технологии на индивидуально ориентированные, групповые или специализированные, а также массовые или общедоступные [3]. Данная классификация на протяжении двадцати с лишним лет не подвергается критики в связи с научной разработанностью и обоснованностью, но данное разделение технологий не расширяется, хотя развитие социально-культурной сферы совершило большой скачок по сравнению с девяностыми годами прошлого столетия. Наибольшее развитие получило экспертное исследование, которое проникло из других сфер деятельности в социально-культурную. Таким образом, ограничиваться классификацией технологий, в которой отсутствует экспертиза, не совсем

целесообразно. Для расширения классификации необходимо провести анализ современных исследований в области социальной и культурной сфер деятельности.

Анализ современных исследований развития как социальной, так и культурной сферы показал, что обновление и расширение технологической классификации, сделанной учёными в 1995 г., отсутствует. Данный застой в этой сфере отражает не столько отсутствие углубленных исследований, сколько не заинтересованность учёного пласта заниматься технологическими основами. Безусловно, существуют единичные исследования в области новых технологий социально-культурной сферы, однако они не включены в общую типологию из-за отсутствия массового изучения темы в научных кругах. В своём учебном пособии исследователь Г. Н. Новикова совершает попытку выделить социально-культурную экспертизу как отдельный тип общих технологий. Однако рассмотрение данной проблемы ведётся не как самодостаточный тип технологий, а только в совокупности с технологиями прогнозирования и проектирования. Эксперт в данном случае выступает либо как диагност-проектировщик, либо как составитель прогноза. Причём основными субъектами экспертных оценок по Новиковой выступают органы государственной власти, а негосударственные структуры и общественные объединения выступают в качестве альтернативных заказчиков, которые формируют заказ на экспертизу при ни посредственном участии государственной структуры [6]. Таким образом, хоть учёная и выделяет в учебном пособии экспертные технологии социально-культурной деятельности в отдельный подпункт, но она не избавляется от восприятия понятия «экспертиза» как исследования какого-либо вопроса, требующего специальных знаний с предоставлением мотивированного заключения, которое проводится только на этапе планирования того или иного социально-культурного проекта или прогноза.

Исследователи Л. В. Никифорова и Е. А. Рудакова в рамках культурологической экспертизы расширяют функциональную деятельность экспертов. Помимо «эксперта-практика», который занимается анализом конкретных проблем или выработкой рекомендаций в процессе планирования, они выделяют ещё и «универсального эксперта», а также «эксперт-интеллектуала» [5]. «Универсальный эксперт» «понимает сам порядок вещей», он описывает и даёт «советы, прибегая к аргументации и убеждению» [5, с. 59]. А «эксперт-интеллектуал» подвергает резкой критике универсальные типы знания, ставит под сомнение устоявшееся в обществе отношение к какому-либо культурологическому процессу или событию, побуждая и стимулируя культурное общество или некоторые группы людей к определённым изменениям в социально-культурной сфере [5]. Учёные, благодаря анализу экспертизы в культурологии, разрушают сложившееся стереотипное восприятие деятельности экспертов в сфере культуры. Однако данные типы экспертов ещё ни разу не рассматривались в рамках именно социально-культурной сферы.

Безусловно, в классическом научном понимании экспертизу воспринимают как исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения, что не противоречит изучению экспертизы в рамках технологических основ. Общим для множества специальных видов экспертиз является то, что они представляют собой исследование, а в некоторых случаях освидетельствование [4]. В рамках социально-культурной деятельности понятие «освидетельствование» понимается как предоставление и установление наличия особых примет, свойств и признаков, имеющих значение для той или иной сферы. Таким образом, экспертная технология – это совокупность осуществляемых в определенной последовательности операций, действий, выполняемых на основе специальных знаний, в связи с проведением исследования каких-либо объектов, в целях поиска ответов и решений на поставленные перед экспертом вопросы в рамках планирования, прогнозирования или проектирования, а также с целью описания существующей реальности, как в нейтральном, так и в радикально-критическом ключе, с целью либо освещения социально-культурных прецедентов, либо с целью побуждения к тому или иному действию в рамках анализируемой темы. Опираясь на данное определение, выведенное благодаря теоретическому анализу исследований в области культурологии, технологическую экспертизу можно с уверенностью внедрить в типологию технологий социально-культурной деятельности как само-

стоятельную категорию, имеющую свой функциональный признак. В связи с этим экспертная технология может самостоятельно развиваться, изучаться и реализовываться в сфере социума и культуры, а также реализовываться в рамках других технологий, причём ограничиваться не только технологиями прогнозирования и проектирования, но и взаимодействовать с культуроориентированными, культуротворческими, природоохранными, культурно-зрелищными и другими технологиями, имеющие статус самостоятельных категорий в технологических основах социально-культурной деятельности.

Литература

1. Ерошенков И. Н. Культурно-досуговая деятельность в современных условиях : лекция. М. : МГИК, 1994. 42 с.
2. Кемерова Т. А. Теория социально-культурной деятельности : учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 103 с.
3. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Основы социально-культурной деятельности : учеб. пособие. М. : МГИК, 1995. 164 с.
4. Михайлова Т. Б. Экспертиза культурных ценностей : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 156 с.
5. Никифорова Л. В., Рудакова Е. А. Особенности экспертного знания и культурологическая экспертиза // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт : монография. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2011. С. 57–64.
6. Новикова Г. Н. Технологические основы социально-культурной деятельности : учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2004. 174 с.

УДК 31:654.197(571.53)

М. М. Малых

Филиал АО «Регион Медиа Иркутск», г. Иркутск

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕЗРИТЕЛЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ) ВСЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИИ И ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Рассматривается влияние глобальных изменений и вызовов на повседневную жизнь человека. Акцентируется внимание, что в таких условиях меняется психоэмоциональное состояние, физическая активность человека и его потребительское поведение, он начинает искать пути выхода и стремится к информационному насыщению. Обосновано, что именно по этой причине в кризисное время средства массовой информации наблюдают приток своих потребителей. Аргументируется тезис, что несколько лет назад у самого охватного медиа современности – телевидения стал наблюдаться отток зрителей, но пандемия и военная операция выправили ситуацию в короткие сроки.

Ключевые слова: телесмотрение, ролик, зрители, телевидение, идея.

M. M. Malykh

Branch of JSC "Region Media Irkutsk", Irkutsk

CHANGES IN THE SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE MODERN RUSSIAN TV VIEWER (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION) DUE TO THE PANDEMIC AND THE MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Global changes and challenges have a powerful impact on a person's daily life. Everything changes: psycho-emotional state, physical activity, consumer behavior. In difficult circumstances, a person begins to look for ways out, and of course, strives for information saturation. It is for this reason that in times of crisis, the mass media observe an increase in their consumers. A few years ago, the most comprehensive media of our time, television, began to experience an outflow of viewers, but the pandemic and the military operation corrected the situation in a short time.

Keywords: TV viewing, video clip, viewers, television, idea.

Согласно опросу, проведенному в марте 2022 г. Левада-центром, 70 % респондентов отметили телевидение как основной источник информации, что на 6 пунктов больше, чем в аналогичном периоде 2021 г. (рис. 1) Более того, 54 % опрошенных отметили, что к телевидению у них максимальный уровень доверия.

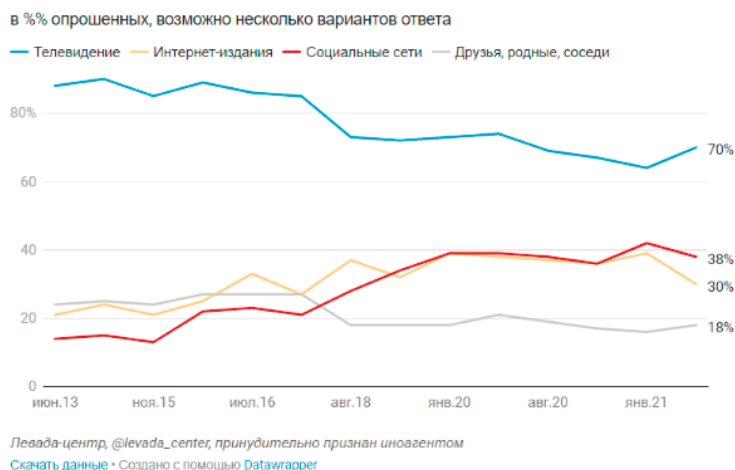

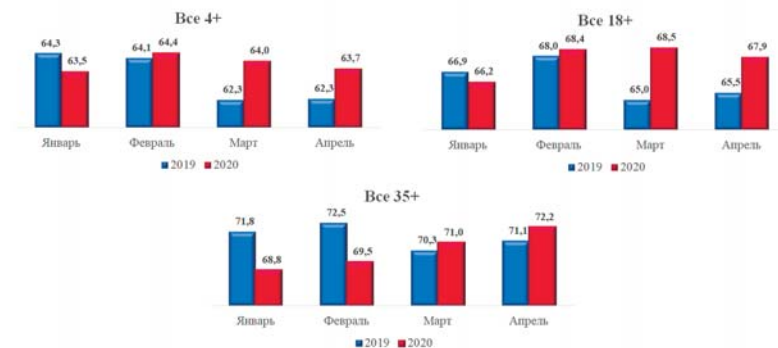
Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Откуда Вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?»

Смотреть телевизор является нормальным для индивидуума, живущего в обществе. Психолог Марина Новикова-Грунд говорит, что люди смотрят телевизор, чтобы не оказаться на периферии стаи. Из телевизора понятно, в какой манере надо говорить, кого ругать, про кого молчать, что хвалить, а чего вообще не знать. Это поведенческая стратегия беззащитных существ. В качестве примера-доказательства она приводит открытие великого ныряльщика Кусто, который обнаружил когда-то замечательный эффект: если оказаться в косяке рыбок и достать зеркало, то можно управлять всем косяком. Плынешь среди плотного косяка мелких полосатых рыбок и подставляешь обычное карманное зеркальце ближайшей из них. Рыбка останавливается – и замирает весь косяк. Начинаешь поворачивать зеркальце под разными углами – и вся стая рыбок поворачивается вслед за зеркальцем. Можно буквально размахивать стаей как знаменем.

Это абсолютно оправданное поведение рыб: благодаря «растворению» в стае они выживают в окружении хищников. Большая рыбина кусает за бока всю стаю, как единый организм. Чтоб прожить дольше, надо повторять движения всего косяка и стараться не вылететь на периферию. По мнению психолога, привычки человека в обычной жизни очень схожи по своей сути с поведением рыбок в стае. Человек делает то же самое, что и другой человек, чтобы быть в безопасности, а безопасность – это социум. И телесмотрение – одна из главных привычек современного человека.

Обращение же к телевизору в кризисное время – это своего рода терапия. Поэтому цифры телесмотрения растут. Человек ищет ответы на вопросы, на которые сам не может или не хочет отвечать. По сути, люди из телевизора могут работать с экранов телевизоров личными психотерапевтами, аналитиками, экономистами. Там уже все подготовлено, собраны данные, подтвержденные различными цифрами, и включив телевизор, человек в короткие сроки заполняет пробелы в знаниях о тех или иных ситуациях.

Для примера возьмем апрель 2020 г. Официальное признание пандемии в России, в Иркутске в том числе и объявление изоляции. Телесмотрение выросло резко в разных целевых аудиториях (рис. 2).

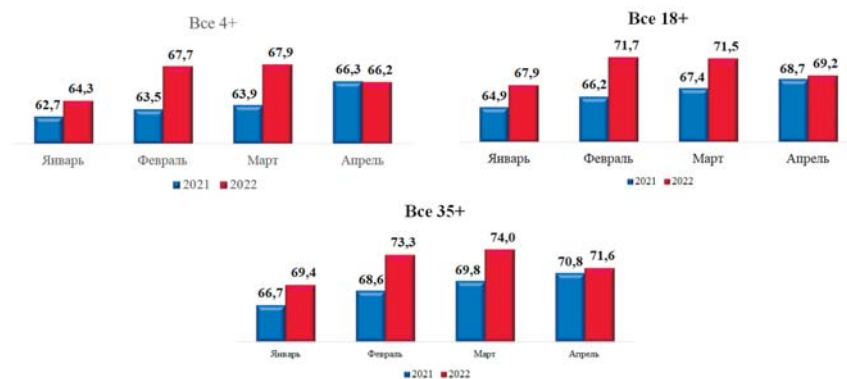

Источник: Mediascope, TV Index, Иркутск, 01.01.2019-30.04.2020, Целевая аудитория: Все 4+, Все 18+, Все 35+, Share

Рис. 2. Динамика доли просмотров телеканалов г. Иркутск 2019|2020 гг.

Если же говорить об аудитории, где присутствуют дети (Все 4+), то в целом телесмотрение осталось на привычном уровне, потому что дети – это в целом постоянная аудитория телевизора. Во взрослых аудиториях (Все 18+ и 35+) в марте и апреле 2020 г. наблюдается стабильный рост показателей просмотра, отличающийся от более ранних периодов. Безусловно, на эти показатели повлияла безысходность ситуации, в которой все оказались запертыми в собственных домах со своими членами семьи на длительный отрезок времени. В этой ситуации телевизор стал центром досуга немного навязано.

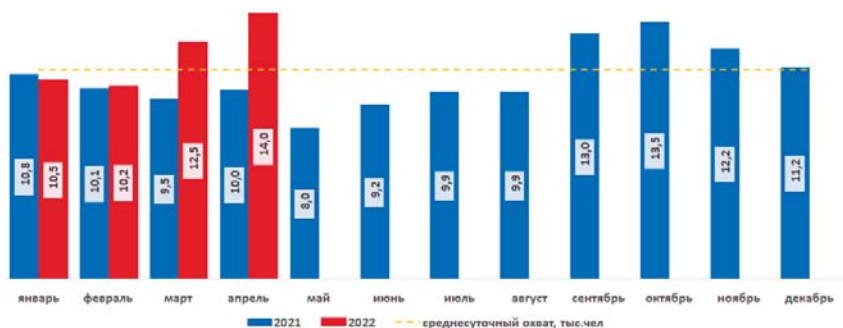
Но если посмотреть на другую кризисную для общества ситуацию, произошедшую совсем недавно, военную операцию на Украине, то мы тоже можем наблюдать резко возросший интерес к телевидению (рис. 3).

Источник: Mediascope, TV Index, Иркутск, 01.01.2021-22.04.2022, Целевая аудитория: Все 4+, Все 18+, Все 35+, Share

Рис. 3. Динамика доли просмотров телеканалов г. Иркутск 2021|2022 гг.

В этой ситуации рост цифр телесмотрения наблюдается с января 2022 г. и усиливается к февралю и марту. Любопытно, что если анализировать отдельные программы на каких-то каналах, то мы увидим за счет чего идет рост телесмотрения. Не удивительным будет тот факт, что интерес зрителей проявился в основном к информационным программам (рис. 4).

Источник: Mediascope, TV Index, Иркутск, телеканал Россия 1, 01.01.2021-10.04.2022, 5.00-9.30, Целевая аудитория: Все 18+, Reach

Рис. 4. Динамика просмотра программы «Вести» на канале «Россия 1» в г. Иркутске с 5.00 до 9.00

В кризисные времена телевидение не просто информирует человека о событиях, происходящих в стране и мире оперативно и лаконично, но и позволяет остаться с адекватным восприятием ситуации. Телевизор в критической ситуации обеспечивает, с одной стороны, фокусировку на проблеме, с другой, дает возможность отвлечься от нее. Разнообразие телевизионных каналов и программ сегодня настолько велико, что они могут закрыть разнообразные потребности человека от информации до досуга. В итоге в кризисное время привычка потреблять телевизор усиливается. Доказано не одним кризисом.

Литература

1. Исследование Tinkoff Data: как изменились траты россиян в феврале – марте 2022 года // New Retail – портал о розничной торговле и электронной коммерции. URL: https://new-retail.ru/business/ekonomika/issledovanie_tinkoff_data_kak_izmenilis_traty_rossiyan_v_fevrale_marte_2022_goda1359/ (дата обращения: 20.04.2022).
2. Новикова-Грунд М. Почему люди верят телевизору? // Новости Вологодской области, Вологды и Череповца. URL: <https://newsvo.ru/blogovo/119374> (дата обращения: 20.04.2022).

ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИЦИТА РАБОЧЕГО ПЕРСОНАЛА

Рассматриваются возможные пути решения проблемы нехватки рабочего персонала на современных промышленных предприятиях. Акцентируется внимание, что приход молодых специалистов поколения Y и Z на рынок труда вынуждает компании находить инструменты подбора персонала в соответствии с современными трендами в области управления человеческими ресурсами. Сделан вывод, что комплексное сотрудничество промышленных компаний с учебными заведениями позволит решить проблему нехватки персонала, повысить имидж компании на рынке труда и обеспечить новые пути развития бизнеса.

Ключевые слова: производственный персонал, рынок труда, учебные заведения, подбор, рабочие специальности, студенты.

D. A. Ivankovich, T. A. Saprankova
Irkutsk State University, Irkutsk

ORGANIZATION OF COOPERATION BETWEEN EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND INDUSTRIAL ENTERPRISES AS A SOLUTION TO THE PROBLEM OF SHORTAGE OF WORKING PERSONNEL

The article discusses possible ways to solve the problem of shortage of working personnel at modern industrial enterprises. The arrival of young specialists of generation Y and Z on the labor market forces companies to find recruitment tools in accordance with modern trends in the field of human resource management. Comprehensive cooperation of industrial companies with educational institutions will solve the problem of staff shortage, improve the company's image in the labor market and provide new ways of business development.

Keywords: working personnel, labor market, educational institutions, recruitment, working specialties, students.

Уже много лет наблюдается тенденция отсутствия привлекательности рабочих профессий среди соискателей рабочих мест. Актуальностью и престижем в настоящее время пользуются офисные работники, где заработная плата выше и нет вреда для здоровья [15]. Это произошло из-за резкого спада производства и массовое сокращение рабочих, служащих, инженерно-технических работников в 1990-х гг. [2] Со временем началось возрождение промышленной сферы, создавая потребность в людях, способных работать на крупных предприятиях, в итоге это спровоцировало резкий дисбаланс между спросом на рабочий персонал и предложением на рынке труда [3].

Такая проблема сохраняется и в настоящее время, поскольку замечается отсутствие практически во всех отраслях промышленности достаточного количества высококвалифицированных рабочих даже несмотря на возможности и стабильную работу. В особенности это можно заметить при сравнении возрастных категорий рабочего персонала, которые в большей степени состоят из людей в возрастном диапазоне от 35 до 50 лет. Со временем данная категория сотрудников будет уходить с рынка труда, предоставляя возможность молодым специалистам занять их место. Однако, как показывает статистика, молодые люди не стремятся получать рабочую специальность, считая ее не престижной в современных реалиях. Стоит отметить, что множество молодых людей поступает в учебные заведения рабочих специальностей, но возникают трудности, которые не позволяют специалисту дойти до работодателя. К ним относятся уход в армию, поступление предложений устроиться на вахту и в целом нежелание работать по специальности. Несмотря на все сложности, среди большинства студентов учебных заведений с техническим профилем можно найти молодых людей, кто действительно заинтересован в получении профессии. Именно поэтому производственные предприятия могут активно взаимодействовать с различными учебными заведениями с целью закрытия вакансий молодыми специалистами прямо с школьной скамьи. Поскольку конкуренция за рабочий персонал активно ведется, компании должны использовать совре-

менные инструменты, чтобы заинтересовать будущих специалистов. Таким образом, основным предложением для решения данной проблемы для промышленных предприятий города Иркутска будет организация сотрудничества с профессиональными учреждениями (вузами и колледжами) с учетом современных тенденций на рекрутинг с целью обеспечить предприятие рабочим персоналом.

Иркутск обладает большим потоком студентов, так как основная масса школьников области стремится поступить именно в этот город. Учебные заведения города охватывают широкий спектр профессий, включая профессии в сфере промышленности и машиностроения. Основным «поставщиком» рабочей силы является Иркутский национальный исследовательский технический университет, который обучает молодых студентов различным техническим направлениям, от архитектуры до энергетики. Поскольку данное высшее учебное заведение одно из крупнейших в области, конкуренция среди компаний, которые желают сотрудничать с ним, достаточно высокая. Важно отметить, что в городе развивается большое количество профессиональных колледжей и техникумов с более узкой направленностью. Примерами таких учебных заведений являются Иркутский колледж автомобильного транспорта и дорожного строительства, Иркутский техникум транспорта и строительства, Иркутский авиационный техникум и Иркутский техникум машиностроения им. Н. П. Трапезникова [1]. Даже при неполном совпадении профессии с требованиями предприятия, студенты данного направления гораздо быстрее обучаются профессиям нужного профиля уже на рабочем месте. Таким образом, для промышленных компаний открывается множество возможностей для сотрудничества.

Данный комплекс мероприятий преследует такие цели как закрытие рабочих вакансий на предприятиях, повышение HR-бренда компании на рынке города, создание кадрового резерва, поддержание статуса предприятия как современной компании, повышение престижа рабочей профессии в городе Иркутске и распространение информации о компании для привлечения новых клиентов.

В основные задачи комплекса мероприятий по организации совместного сотрудничества входят поиск подходящего под специфику предприятия учебного заведения, организация переговоров о сотрудничестве, планирование совместного комплекса мероприятий с учетом современных тенденций и закрепление сотрудничества на будущие годы. Данные меры помогут компании решить проблему с нехваткой персонала и позволят переключить свое внимание на повышение качества других аспектов деятельности.

Организация взаимного сотрудничества требует реализации некоторых шагов и определенных временных затрат. Существуют трудности и риски, главными из которых является отказ большинства учебных заведений сотрудничать и невозможность договориться о плане и взаимных обязательствах. В план работ входят такие этапы как согласование идеи сотрудничества с УЗ с генеральным директором; назначение ответственных по работе с вузом/колледжем; мониторинг ресурсных сайтов и сайтов университетов/колледжей; связь с подходящими под специфику организации университетом/колледжем; оценка финансовой составляющей; подготовка требуемой документации для рассмотрения университетом/колледжем; запрос на соответствующие документы от вуза/колледжа; проверка соответствий всем совместным требованиям; договоренность о совместных обязательствах УЗ и компании; проведение экскурсий на предприятие и в университет/колледж; составление плана мероприятий от организации на год (планирование дней открытых дверей для студентов; организация квестов, заданий и другого интерактивного взаимодействия со студентами; планирование лекций и семинаров для студентов в УЗ; организация стажировок и прохождения практики) и согласование всех планов.

В ресурсы, которые требуются для организации сотрудничества, входят человеческий ресурс, документация, дополнительное оборудование, рекламная продукция, программное обеспечение. Основные работы в большей степени охватывают формальные процедуры. Перед стартом проекта предприятия должны подготовиться и оценить готовность к новому формату сотрудничества. Для этого, отделу управления персоналом (ОУП), финансовому

отделу и руководству компании следует проанализировать документацию и финансовое состояние компании, которые продемонстрирует состояние компании в настоящее время и степень возможности компании вложиться в реализацию проекта. Помимо этого, деятельность компании должна соответствовать требованиям учебного заведения.

Другой не менее важной частью реализации работ является составление плана сотрудничества компании и учебного заведения. Именно на этом этапе создаются необходимые мероприятия, которые повлияют на желание молодых специалистов стать частью организации. Компания должна использовать разнообразный инструментарий для наиболее эффективного взаимодействия с молодым поколением. Как было выявлено ранее, молодое поколение очень адаптивное, при этом ценит свободу выбора, возможность самовыражения, креативность. Помимо этого, молодые люди разбираются в трендах и обращают внимание на новинки и технологии. Для производственного предприятия это непростая задача, так как в реальной работе присутствует минимум творческой реализации. Однако все меняется, поэтому будущие молодые сотрудники привнесут новые форматы в деятельность даже в такие консервативные сферы бизнеса. Именно поэтому компании следует заинтересовать молодых студентов возможностью предлагать свои идеи, карьерного роста и получением ценного опыта в современной организации.

Можно сделать промежуточный вывод, что одним из ценных для компании мероприятий может быть проведение дня открытых дверей. Одна из классических техник привлечения. Компания сможет продемонстрировать свой потенциал не только как производственное предприятие, но и управленческое. Студенты наглядно смогут увидеть общую картину организации, пообщаться с сотрудниками различных подразделений и задать интересующие вопросы. Мероприятие сопровождается раздачей брошюр и интерактивным взаимодействием со студентами.

Необычным и действенным будут являться организация игр, квестов, квизов со студентами. В настоящий момент интерактивный метод взаимодействия с молодыми людьми является одним из самых эффективных. Данные форматы взаимодействия с аудиторией обеспечивают заинтересованность к тематике беседы и повышение интереса к самой компании. Поскольку такой формат взаимодействия необычен для специфики предприятия, это может привлечь еще большее внимание к HR-бренду предприятия. Компания организует игры, где команды могут смоделировать реальные ситуации в компании с использованием подготовленных реквизитов и почувствовать себя мастерами участков, рабочими и т. д.

Организация квестов сложнее, так как предприятие не должно останавливать свою работу. Однако при грамотной организации точек и структуры команд такой вариант возможен. Так, небольшие группы с куратором от предприятия перемещаются по точкам и выполняют несложные задания (или отвечают на вопросы) от сотрудников, которые повышают как теоретические знания молодых специалистов, так и практические. Такой формат работы позволит молодым специалистам не только попробовать себя в деле, но и сотрудникам компании наблюдать за работой и выделить способных студентов для дальнейшего сотрудничества.

Важно также отметить, что такой инструмент сопровождается использованием IT-методов. Так, можно разработать электронные брошюры, в которых представлена информация про основные моменты истории и деятельности компании, каждый раз их можно адаптировать под конкретную аудиторию. Брошюры должны быть оформлены красивым дизайном с рисунками, тексты должны быть написаны простыми и понятными фразами и, возможно, с юмористическими высказываниями, характерными как сленговые для данной компании. На мероприятиях компания может организовывать игры и квизы-онлайн, где студенты на скорость могут давать ответы через свой смартфон. Помимо этого, у компании появляется возможность развиваться в социальных сетях для поддержания общения со студентами. Поскольку направленность аккаунта будет посвящена деятельности компании, организации будет легче выбирать контент для публикации.

После освоения данного сегмента взаимодействия на одной аудитории, компания может расширять фокус для поиска кандидатов из других категорий персонала в зависимости

от возраста, профессии и т. д. Данный способ позиционирования позволит продемонстрировать окружающим гибкость компании с точки зрения современных тенденций и готовность меняться с учетом сменяемости поколений.

Еще одним инструментом поддержания взаимодействия – это лекции наиболее лояльных представителей компании в университете или колледже. В компании множество опытных сотрудников, которые долгое время работают в организации и готовы поделиться своим опытом с другими. Это возможность ответить на волнующие вопросы, развеять мифы о работе и вдохновить на выбор будущего. В дополнение могут проводиться семинары, где студенты будут предлагать свои решения реальных ситуаций в компании.

Главной возможностью для студентов развить свои навыки и получить опыт являются практики и стажировки. Компания благодаря организации стажировок/практик позволит молодым специалистам получить реальный опыт в компании на рабочем современном оборудовании. Это классический способ привлечения молодых специалистов на производственное предприятие. Используя различные методы, предложенные нами, компания может вдохновить студентов развиваться в производственных профессиях, начиная со стажировки и заканчивая трудоустройством в компанию на полный день.

Можно сделать вывод, что совокупность данных инструментов создает необходимые предпосылки для увеличения потока молодых людей, которые готовы остаться работать в компании. Комплекс работает также на формирование HR-бренда компаний, который будет работать на компанию в будущем. Однако для получения успешного результата следует понимать потребности и ценности аудитории, на которую нацелен подбор и дальнейшее сотрудничество.

Литература

1. Колледжи Иркутска // EduNetwork: информ. портал. URL: <https://college.edunetwork.ru/38/13/> (дата обращения: 10.04.2022).
2. Многообразие рабочих профессий: востребованные на рынке специальности // Легкопоздно: информ. портал. URL: <https://legkopolezno.ru/rabota/karera/rabochie-professii/> (дата обращения: 07.12.2021).
3. Особенности подбора персонала в производственной компании // KPI Lib: информ. портал. URL: <http://www.kpilib.ru/article.php?page=216> (дата обращения: 03.12.2021).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР КАК СОВРЕМЕННАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Рассматривается государственный надзор как современная экспертная практика некоммерческих организаций. Сделан акцент, что их численность сократилась, а деятельность подлежит государственному контролю (надзору). Проанализированы основания для проведения внеплановых проверок деятельности некоммерческих организаций. Рассмотрены нарушения в ходе государственного надзора и экспертные оценки, сформулированные в адрес некоммерческих организаций. Охарактеризован опыт ресурсного центра по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области.

Ключевые слова: некоммерческие организации, «третий сектор» экономики, министерство юстиции, государственный контроль, государственный надзор, экспертиза, ресурсный центр.

E. V. Chernysheva

Irkutsk State University, Irkutsk

STATE SUPERVISION AS A MODERN EXPERT PRACTICE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

The article gives a brief description of non-profit organizations. It is emphasized that their number decreased by 4.5 %. 198.8 thousand non-profit organizations are subject to state control (supervision). The grounds for conducting unscheduled inspections of the activities of non-profit organizations are analyzed. Violations in the course of state supervision and expert assessments formulated against non-profit organizations are considered. The author covers regional non-profit organizations, a resource center for supporting non-profit organizations in the Irkutsk region.

Keywords: non-profit organizations, «third sector» of the economy, Ministry of Justice, state control, state supervision, expertise, resource center.

Согласно данным Министерства юстиции РФ, в 2020 г. было зарегистрировано более 213 тысяч некоммерческих организаций (НКО) [5]. С 2021 г. можно наблюдать незначительное сокращение количества данных организаций. Так, за последние три года численность НКО уменьшилась на 4,5 %. По мнению экспертов, это прогнозируемая ситуация, которая обусловлена последовательной работой в сфере контроля и экспертиз за деятельностью некоммерческих организаций. Прежде всего это касается исключения сведений о фактически прекративших деятельность организациях из ведомственных реестров [6]. Также эксперты неоднократно упоминают новую коронавирусную инфекцию, внесшую коррективы практически во все сферы жизнедеятельности, в том числе и «третий сектор» экономики. В большой степени пострадали такие формы НКО, как фонды и частные учреждения.

В настоящее время в распоряжении государства есть множество различных инструментов для того, чтобы воздействовать на некоммерческие организации. Наиболее распространёнными можно считать: административный метод (лицензирование отдельных видов деятельности), правовой метод (гражданское и хозяйственное законодательство, устанавливающее систему норм и правил), прямой метод (безвозмездное и льготное субсидирование, предоставление субвенций, дотаций, доплат, налоговых льгот, льготных кредитов и государственных гарантий), косвенный метод (денежная политика, налоговая политика, социальная политика).

Непосредственно все эти методы в совокупности касаются руководителей, а также трудовые и имущественные ресурсы организации. Косвенно – клиентов, подрядчиков и посредников, конкурентов, лидеров общественного мнения, в особых случаях – конкурентов.

На сегодняшний день 198,8 тыс. НКО подлежат государственному контролю (надзору). Процедуру экспертизы государственного надзора осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы, действующие на основании положения «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» [4].

В нижеприведенной таблице видно какие проверки осуществляет Министерство юстиции, какие полномочия делегированы территориальным органам, которые есть во всех субъектах РФ.

Таблица

Проверки, которые осуществляет Министерство юстиции и территориальные органы

<p><i>Министерство юстиции</i> осуществляет проверки в отношении общероссийских и международных общественных объединений, политических партий, отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, торгово-промышленных палат, созданных на территории нескольких субъектов РФ, Торгово-промышленной палаты РФ, филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, централизованных религиозных организаций, имеющих местные религиозные организации на территории двух и более субъектов РФ, религиозных организаций (в том числе учреждений), образуемых указанными централизованными религиозными организациями</p>	<p><i>Территориальные органы</i> проводят проверки межрегиональных, региональных и местных общественных объединений, региональных отделений и других структурных подразделений политических партий, местных религиозных организаций, централизованных религиозных организаций, имеющих местные религиозные организации на территории одного субъекта РФ, религиозных организаций (в том числе учреждений), образованных указанными централизованными религиозными организациями, а также иных некоммерческих организаций (за исключением потребительских кооперативов, товариществ собственников недвижимости, садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан, органов государственной власти, иных государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами органов местного самоуправления, а также автономных учреждений)</p>
---	---

В практике Министерства юстиции есть полномочие – обязать территориальный орган отозвать вынесенное НКО территориальным органом предупреждение, противоречащее законодательству РФ. Необходимо отметить, что Министерство юстиции – это орган, принимающий решение о государственной регистрации некоммерческой организации и осуществляющий контроль за ее деятельностью.

Рассмотрим предмет проверок Министерства юстиции в отношении НКО. Так прежде всего – это соблюдение некоммерческими организациями (за исключением политических партий, региональных отделений и иных структурных подразделений политических партий) требований законодательства Российской Федерации и целей, предусмотренных их учредительными документами, в том числе требований по расходованию некоммерческими организациями денежных средств и использованию ими иного имущества. Немаловажным считается соблюдение политическими партиями, региональными отделениями и иными структурными подразделениями политических партий законодательства Российской Федерации и соответствие их деятельности положениям, целям и задачам, предусмотренным уставами политических партий.

Контроль министерства можно условно разделить на два вида: *проведение проверок в отношении некоммерческих организаций и получение (и проверка) отчетов некоммерческих организаций.*

Важным критерием в проведении надзора является его регулярность. Как и управленческий контроль, государственный надзор некоммерческих организаций может быть *плановым* (не чаще одного раза в три года и не чаще, чем одного раз в год) и *внеплановым*.

Считаем целесообразным рассмотреть более подробно внеплановый надзор. Так, согласно законодательству, установлены следующие основания для проведения внеплановых проверок деятельности НКО:

1) истечение срока устранения нарушения, содержащегося в предупреждении, ранее вынесенном некоммерческой организации Министерством юстиции и/или его территориальным органом (при выявлении факта не устранения ранее выявленных нарушений приведет к привлечению некоммерческой организации к ответственности об административных правонарушениях);

2) поступление в Министерство и/или его территориальный орган информации от государственных органов, органов местного самоуправления о нарушении некоммерческой орга-

низацией законодательства РФ в сфере ее деятельности и/или о наличии в ее деятельности признаков экстремизма;

3) поступление в Министерство юстиции и/или его территориальный орган представления избирательной комиссии о проведении проверки основных гарантий избирательных прав и права Плановые и внеплановые проверки;

4) наличие приказа (распоряжения) руководителя Министерства юстиции и/или его территориального органа, изданного в соответствии с поручением Президента РФ или Правительства РФ, либо на основании требования прокурора о проведении внеплановой проверки в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям;

5) поступление в Министерство юстиции и/или его территориальный орган информации от государственных органов, органов местного самоуправления, граждан или организаций об осуществлении некоммерческой организацией деятельности в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, которая не подала заявление о включении ее в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента [4].

Для внеплановой проверки достаточно даже одного основания из пяти. Также Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ может устанавливать иные основания для проведения внеплановой проверки, с которыми должны быть ознакомлены руководители организации.

Обращаясь к специализированным сайтам, данным социологических исследований мы можем выделить следующие распространенные ошибки, впоследствии очень часто трансформирующиеся в нарушения [6; 7]:

1. Непредставление в уполномоченный орган обновленных сведений о месте нахождения организации, иных сведений, указанных в Федеральном законе № 129 от 08.08.2001 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

2. Непредставление (или представление в искаженном виде) в уполномоченный орган ежегодной отчетности по установленным формам и в установленные сроки.

3. Неисполнение общественными объединениями обязанности по ежегодному опубликованию отчета об использовании своего имущества или обеспечения доступности ознакомления с указанным отчетом.

4. Несоответствие устава некоммерческой организации требованиям действующего законодательства.

Нельзя не отметить следующие моменты: руководители некоммерческих организаций неоднократно отправляют денежные средства и иное имущество на цели, не предусмотренные уставом, должные лица используют имущество организаций в личных интересах. По результатам государственного контроля в адрес некоммерческих организаций формулируются экспертные оценки. Иными словами, вырабатывается ряд определенных мер, касаемых напрямую действующих некоммерческих организаций.

Наиболее лояльной мерой, касаемой организаций «третьего сектора» можно считать предупреждение. *Предупреждение* – документ-напоминание, который обязательно выносится в письменной форме за нарушение действующего законодательства. В предупреждении всегда отражены выявленные нарушения, устанавливается срок для их устранения. Предупреждение требует обязательного ответа об устранении нарушений либо мотивированных возражений на него. По истечению срока для устранения выявленных нарушений, проводится внеплановая проверка. В случае не устранения нарушений Министерство может вынести дополнительное (повторное) предупреждение. Игнорирование предупреждений или неполное устранение нарушений влечет за собой привлечение организации к административной ответственности. Следующей мерой является *составление протокола*. Составление протокола об административном правонарушении, обязательным условием считается направление протокола в суд для привлечения организации к административной ответственности. Эксперты, проводящие надзор некоммерческих организаций выделяют третьей мерой – *приостановление деятельности*. Приостановление деятельности – такое право предоставлено

Министерству юстиции в соответствии с законодательством о противодействии экстремизму и применяется на период рассмотрения судом заявления о принудительной ликвидации организации. Параллельно с вышеуказанной мерой, нельзя не упомянуть о *направлении заявления в суд*. Направление заявления в суд – данное направление составление в отношении ликвидации некоммерческой организации, о признании общественного объединения (религиозной организации) прекратившей свою деятельность в качестве юридического лица и об исключении его из единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ). Пятой – завершающей список мер по итогам проверки мы выделяем – *направление документов в органы внутренних дел, прокуратуру, иные контрольно-надзорные органы*. Направление документов в органы внутренних дел, прокуратуру, иные контрольно-надзорные органы. Данная мера будет применена в случае выявления нарушения некоммерческими организациями нормативных правовых актов Российской Федерации, контроль за соблюдением которых не входит в компетенцию Министерства юстиции России и территориальных органов.

Руководство некоммерческой организации в случае несогласия с фактами, выводами, предложениями, изложенными в акте проверки, и соответственно с мерами, выработанными экспертами Министерства юстиции в течение пятнадцати дней с даты получения акта вправе представить в письменной форме возражения в отношении акта в целом или его отдельных положений с приложением документов, подтверждающих обоснованность возражений.

Изучив ситуацию в Иркутской области и г. Иркутске, мы наблюдаем важность некоммерческих организаций, вносящих вклад в социальную и экономическую жизнь, как региона, так и страны. Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова формирует культурное пространство города и области, находится в постоянном поиске общения с потенциальной и постоянной аудиторией. Благотворительный фонд Юрия Тена помогает детям с проблемами здоровья, одаренным детям, большое внимание оказывается ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, инвалидам и пенсионерам. Союз «Иркутское областное объединение организаций профсоюзов» координирует действия членских организаций по представительству и защите социально-трудовых прав, производственных, профессиональных, экономических и социальных интересов членов профсоюзов, коллективных прав и интересов работников, а также представительства и защиты общих интересов и достижения общих целей членских организаций, содействия в обеспечении деятельности организаций профсоюзов.

Несмотря на свою значимость, в проанализированных региональных некоммерческих организациях и проч., на сегодняшний день стабильно осуществляется такая экспертная практика, как государственный надзор. Данная работа ведется прежде всего территориальными органами. Не можем не отметить, что ошибки и вышеперечисленные оценки актуальны для «третьего сектора» экономики региона.

В Иркутской области есть практика, когда в качестве информационной поддержки НКО выступает – Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций. Данное учреждение неоднократно проводило семинары, затрагивающие темы регистрации, изменения юридического лица, а также вопросы социального проектирования. На сегодняшний день благодаря деятельности центра многие организации региона проходят процедуру государственного надзора без особых нареканий. Чаще всего в адрес НКО выписывают предупреждение, которое устраняется.

Как в регионе, так и в целом по стране, «третий сектор» экономики растет значительными темпами. Целесообразность проведения государственного контроля (надзора) – очевидна. Именно экспертное мнение может помочь организациям устранить нарушения, сформировать новые идеи и концепции развития. При необходимости провести диверсификацию или ликвидацию некоммерческой организации. Все эти мероприятия должны повысить роль некоммерческих организаций в обществе.

Литература

1. Молчанова О. П. Стратегический менеджмент некоммерческих организаций. М. : Юрайт, 2016. 261 с.
2. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.05.2022).
3. Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций : закон Иркутской области от 8 июня 2011 г. № 37-ОЗ // ОГКУ «РЦ НКО Иркутской области». URL: <http://resurs.irkobl.ru/category/materials/materialy-dlja-nko/> (дата обращения: 01.05.2022).
4. Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций : постановление Правительства РФ от 11 июля 2012 г. № 705 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132544/cc26aca4e06203859af86aff9b1c059a1a805abe/ (дата обращения: 01.05.2022).
5. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).
6. ОГКУ «Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций Иркутской области». URL: <http://resurs.irkobl.ru/> (дата обращения: 02.05.2022).
7. Всероссийский центр общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 02.05.2022).

УДК 371.315

Ю. В. Сибiryakova

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются потенциальные опасности и перспективные направления применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе. Автором проанализированы теоретический и эмпирический материалы, что позволило сделать вывод о необходимости технологий искусственного интеллекта для организации и управления различными сторонами академической компетентности. Тем не менее, отмечается, что в этой области остается ряд вопросов, требующих детального рассмотрения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, виртуальная реальность, образование, цифровой разрыв.

Yu. V. Sibiryakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN EDUCATION: RISKS AND PROMISING DIRECTIONS

The article discusses the potential dangers and promising areas of application of artificial intelligence technologies in the educational process. The author of the article analyzes theoretical and empirical materials, which made it possible to conclude that artificial intelligence technologies are necessary for the organization and management of various aspects of academic competence. Nevertheless, it is noted that a number of issues remain in this area that require detailed consideration.

Keywords: artificial intelligence, virtual reality, education, digital divide.

Изменения, происходящие в сфере образования, протекают под воздействием широкого спектра факторов: технологических инноваций, преобразований в социально-экономической сфере, а также трансформации политических институтов. Практика внедрения цифровых технологий в учебные учреждения связана не только с новациями в оснащении учебного процесса, но также затрагивает и направления научно-исследовательской деятельности. Развитие цифровых технологий в системе образования определяет человеческий и профессиональный потенциал, оптимизацию внутренних процессов вуза, а также рост эффективности взаимодействия его подразделений и сотрудничества с другими высшими учебными заведениями. Катализаторами происходящих изменений выступают явления, которые можно определить следующими терминологическими единицами: софт, онлайн, цифровизация, работо-

техника, IT и другие [7, с. 13]. Принципиально новое развитие современного образования связывается с использованием технологий искусственного интеллекта.

Термин «искусственный интеллект» был введен в 1956 г. Джоном Маккарти, американским ученым и основоположником функционального программирования [1, с. 125]. Изначально применяясь относительно вычислительных систем, сейчас искусственный интеллект используется для обработки больших данных с помощью систем, управляемых программным обеспечением, и интеллектуальных агентов [10, с. 46].

Определения термина «искусственный интеллект», представленные в современных словарях и энциклопедиях [14; 18], показывают неоднозначное его понимание: с одной стороны, это область исследования особого поведения машин, с другой, как само это поведение, отличающееся «выполнением задач, связываемых с использованием человеческого интеллекта» [19].

При этом важно отметить, что искусственный интеллект – общий термин, описывающий определенные технологии и методы: машинное обучение, нейронные сети, интеллектуальный анализ данных.

Целью настоящей работы является рассмотрение потенциальных опасностей и перспективных направлений применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Актуальность рассмотрения использования технологий искусственного интеллекта в сфере образования подтверждается конкретными практическими результатами, полученными в российских и зарубежных исследованиях.

К вопросам мирового опыта применения искусственного интеллекта в образовании в своих работах обращались Е. С. Павлюк, которая показала десять основных технологий, являющихся отличительными особенностями будущей образовательной среды и объединяющих международный опыт: коммуникативный интерфейс, умный кампус, «прогноз-анализ», гибридные интеграционные платформы и другие [8]; О. Л. Сиротюк, ссылаясь на данные исследования ООН, представила информацию о ведущих направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в Европе [12]; О. А. Пырнова и Р. С. Зарипова, рассматривающие будущее развитие технологий искусственного интеллекта в образовании. По их мнению, прогресс в области искусственного интеллекта не достиг предела своих возможностей, и в ближайшей перспективе будет способен оптимизировать работу преподавателей [9].

В области анализа влияния технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере также накоплен значительный опыт. Так, М. А. Измайлова оценивает влияние искусственного интеллекта с точки зрения положительных и отрицательных эффектов в образовательной среде. Гибкость, персонализированность, а также инклюзивность и эффективность – позитивные результаты, угрозы – социально-психологические и этические проблемы [2]. С. В. Карпухин делает акцент на специфических особенностях искусственного интеллекта в соотношении с традиционным пониманием образования [5]. В своей статье В. А. Чулюков и В. М. Дубов показывают, что образовательные технологии за счет использования искусственного интеллекта становятся личностно-ориентированными и доступными для всех субъектов образовательного процесса, что позволяет организовать высокоэффективное обучение [13].

Сфера образования – одно из перспективных направлений использования технологий искусственного интеллекта. Наиболее распространенными являются следующие практики применения искусственного интеллекта:

- Персонализация обучения. На основе алгоритмов и нейронных сетей выстраивается соответствующая траектория обучения каждого отдельного учащегося с учетом его индивидуальных особенностей.

- Автоматизация образовательного процесса: обратная связь, оценка и адаптация учебного контента. Например, такие средства дистанционной оценки и контроля как ProctoredU, Duolingo, позволяющие отслеживать и прогнозировать результативность образовательных процессов.

– Интервальное обучение. Методика, позволяющая эффективно закреплять уже изученный материал.

Одним из перспективных направлений является интеграция виртуальной реальности и искусственного интеллекта. ARTutor – разработка Криса Литридиса, представляющая собой платформу, которая состоит из инструмента дополненной реальности и мобильного приложения для доступа к контенту. Преподавателям предоставляется возможность дополнять имеющиеся материалы визуальными объектами [17]. Исследователи А. В. Кургузов и В. А. Латушкина предлагают создание системы, которая позволит сопровождать учебники интеллектуальными функциями. Согласно их проекту, система должна состоять из ряда модулей: AR, VR, чат-бот, распознавание текста, обнаружение объекта и другие, – что позволит повысить познавательную мотивацию обучающихся, привнеся элемент интерактивности в работу с текстовыми источниками информации [6, с. 156–157].

Однако несмотря на все положительные аспекты использования технологий искусственного интеллекта в образовании, отмечаются и отрицательные стороны. Особого внимания заслуживает вопрос, связанный с равенством возможностей. Согласно данным, приведенным в аналитической записке ИИТО ЮНЕСКО, 43 % населения мира не имеют доступа к интернету, 40 % – ни разу его не использовали [4, с. 7]. В этой связи важно затронуть тему цифрового разрыва.

В образовании цифровым разрывом называют то расхождение, которое возникает между теми участниками образовательного процесса, кто имеет доступ к интернету и цифровым устройствам, инструментам и сервисам, и теми, кто такового доступа не имеет. Согласно ряду зарубежных исследований, по мере преодоления технологического цифрового разрыва в образовании начинает увеличиваться разрыв в использовании цифровых технологий [15; 20; 21]. Новый цифровой разрыв усложнит «традиционное» образовательное неравенство, связанное с разными культурными и социальными возможностями обучающихся, принадлежащих к разным социальным группам. Предполагается разработка нормативных и этических рамок для того, чтобы у различных образовательных групп была возможность воспользоваться преимуществами технологий искусственного интеллекта.

Все чаще в процессе обучения используются чат-боты или виртуальные собеседники, позволяющие отвечать на вопросы, быстро анализировать информацию, осуществлять проверку знаний, а также выполнять сложные вычислительные операции. Тем не менее известны случаи, при которых чат-бот проявлял агрессию по отношению к пользователю. Следовательно, имеет место быть риск, что программа может копировать недостойное поведение людей, грубость [3, с. 41].

Проанализированный теоретический и эмпирический материалы позволяют сделать вывод, что технологии искусственного интеллекта необходимы для организации и управления различных сторон академической компетентности. Тем не менее, в этой области остается ряд вопросов, требующих детального рассмотрения: во-первых, сбой в работе искусственной интеллектуальной системы, во-вторых, непредсказуемые реакции на неожиданные ситуации. Согласно предсказаниям американского футуролога Рэймонда Курцвейла, ожидается совместное развитие традиционного биологического мышления с мышлением искусственного интеллекта [16, с. 139–155]. Актуальным также становится вопрос о вытеснении человека как несовершенного вида более совершенной системой. Несмотря на все положительные эффекты применения искусственного интеллекта в образовательном процессе, нельзя говорить о полной замене преподавателя. Как отмечает В. А. Садовничий, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: «Настоящее образование невозможно без диалога учителя и ученика, глаза в глаза, без вопросов и ответов, без живого человеческого общения. Заменить учителя его высокотехнологичным воспроизведением – значит лишить процесс обучения жизненной силы. С экрана компьютера можно получить информацию, много информации, но энергии для интеллектуального роста, т. е. для настоящего обучения, электронных ресурсы не дают» [11, с. 8].

Литература

1. Дробахина А. Н. Информационные технологии в образовании: искусственный интеллект // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 125–128.
2. Измайлова М. А. Возможности и угрозы искусственного интеллекта в образовании // Психология обучения. 2020. № 3. С. 84–94.
3. Измайлова Ю. М. Искусственный интеллект в образовательном процессе // Среднее профессиональное образование. 2018. № 10. С. 40–42.
4. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С. Ю. Князева; пер. с англ. А. В. Паршакова. М.: Ин-т ЮНЕСКО по информ. технологиям в образовании, 2020. 44 с.
5. Карпухин С. В. Актуальные проблемы использования искусственного интеллекта в образовании // Вестник Национальной академии туризма. 2019. № 2 (50). С. 40–41.
6. Кургузов А. В., Латушкина В. А. Совместное использование дополненной реальности и искусственного интеллекта в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–4. С. 155–157.
7. От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики = Artificial Intelligence on the Way to Artificial Sociality: New Research Agenda for Social Analytics / под ред. А. В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2021. 272 с.
8. Павлюк Е. С. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении // Современное педагогическое образование. 2020. № 1. С. 65–72.
9. Пырнова О. А. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Т. 10, № 3. С. 41–44.
10. Ракитов А. И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 41–49.
11. Садовничий В. А. Университеты, общество и будущее человечества // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2019. № 2. С. 3–20.
12. Сиротюк О. Л. Использование искусственного интеллекта в западном образовании // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. М, 2019. С. 126–139.
13. Чулюков В. А., Дубов В. М. Искусственный интеллект и будущее образования // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 27–31.
14. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (accessed: 18.04.2022).
15. Fishman B., Dede C., Means B. Teaching and technology: New tools for new times // Handbook of Research on Teaching / H. Gitomer, C. A. Bell (eds). 5th ed. AERA, 2016.
16. Kurzweil R., Trothen T. J. Spiritualities, ethics, and implications of human enhancement and artificial intelligence. Vernon Press. 304 p.
17. Lytridis C., Tsinakos A., Kazanidis I. ARTutor – an augmented reality platform for interactive distance learning // Education Sciences. 2018.
18. Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 18.04.2022).
19. Oxford dictionaries. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence (accessed: 18.04.2022).
20. Valadez J. R., Durán R. P. Redefining the digital divide: Beyond access to computers and the Internet // The High School Journal. 2007. Vol. 90 (3).
21. Warschauer M. The digital divide and social inclusion // Americas Quarterly. 2012. Vol. 6 (2).

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Рассмотрены подходы к пониманию и содержанию конфликтологической экспертизы, выделены объекты конфликтологической экспертизы и ее основные этапы.

Ключевые слова: конфликтологическая экспертиза, экспертиза, социальная напряжённость, прогнозирование, консультирование, эксперт.

S. A. Burdukovskaya

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

CONFLICTOLOGICAL EXPERTISE

The article considers approaches to the understanding and content of conflictological expertise, identifies objects of conflictological expertise and its main stages.

Keywords: conflictological expertise, expertise, social tension, forecasting, consulting, expert.

В условиях кризиса, когда обостряется социальная напряжённость и возрастает уровень конфликтности, а общественные настроения поляризуются, общество наиболее остро нуждается в экспертной оценке ситуации. В специалистах, которые бы объяснили, что произошло, что происходит и что произойдёт в ближайшей перспективе. В поисках ответов на эти вопросы общество и обращается к экспертам. Поэтому на современном этапе экспертиза становится значимым социальным, политическим и правовым институтом. Стало нормой проведение экспертизы на стадии подготовки документов и проектов, предшествующей принятию официальных государственных, муниципальных, внутриведомственных и пр. решений (например, нормативные акты, закрепляющие процесс специфической антикоррупционной экспертизы законопроектов).

Следует отметить, что понятие «экспертиза» широко применяется в различных отраслях научного знания и не имеет единого толкования. В широком смысле под экспертизой понимают деятельность человека (эксперта), вобравшую в себя анализ сложившейся ситуации и прогнозирование её развития [12]. С. В. Туманов, А. А. Оносов и Н. Е. Савина дополняют характеристику экспертизы «приращением научного знания» [9]. В свою очередь, К. А. Устинова под экспертизой понимает всесторонний анализ объекта, который опирается на «профессионализм» или «компетентность» эксперта, т. е. экспертиза понимается как специализированная деятельность субъекта, обладающего особым знанием [10]. Авторы акцентируют внимание: в первом случае – на результате экспертизы, во втором – на субъекте, проводящем экспертизу (эксперте), такие интерпретации не исключают, а дополняют друг друга.

О фигуре эксперта также не существует единого мнения среди исследователей.

1. Это профессионал в области, к которой относится объект экспертизы [9] (например, строительно-техническую экспертизу скорее проведёт человек со знанием и практикой проектирования и строительства зданий).

2. Это учёный-теоретик, специализирующийся на объекте экспертизы и обладающий наиболее полным знанием о нём [12] (например, лингвистическую экспертизу текста доверяют лингвисту именно потому, что он исследователь, знаток лингвистических приёмов и средств).

3. Это способный управленец, который кроме знания об объекте экспертизы обладает юридической компетенцией (например, социальная экспертиза, направленная на защиту интересов общества и предотвращение негативных социальных последствий, требует от эксперта знание законодательных актов, регулирующих социальную политику государства [2, с. 40]).

Данные подходы небезосновательны – в отношении эксперта существует запрос на многообразие компетенций, а потому невозможно выделить одну, отбросив остальные. Тогда

эксперт – это профессионал, исследователь, управленец, который владеет междисциплинарным знанием об объекте экспертизы и наделён множеством функций.

Конфликтный характер кризиса предопределяет потребность в особом роде экспертизе – конфликтологической, где многофункциональность и междисциплинарность эксперта в особенности значима. И ее применимость не ограничивается макроуровнем (государство, общество), так как рост конфликтности отражается и на отдельных общностях, и на каждом человеке, в частности. Тогда конфликтологическая экспертиза выступает гарантом успешного и социально ориентированного проекта на региональном или местном уровнях, эффективного управления конфликтами в организациях или в неформальных группах.

Конфликтологическая экспертиза, несмотря на почти 30-летнюю практику (начало было положено в 90-х XX в. и связано с периодом демократизации российского общества), остаётся малоизученным и относительно непопулярным направлением экспертной деятельности. Тем не менее, перспектива ее использования многообещающая. Эксперт-конфликтолог – это одновременно узкий специалист, владеющий методологией анализа и управления конфликтами, и многопрофильный исследователь, в виду специфики конфликтологического знания, охватывающего социологические, психологические, политологические теории, юридическую науку и менеджмент и др.

Конфликтологическая экспертиза актуализируется в силу нарастающего социально-экономического кризиса. Тем не менее, на данном этапе нет устоявшихся подходов к ее содержанию и процедурам применения, что несомненно предопределяет необходимость исследования в данной области.

В ходе исследования нами были проанализированы публикации, содержащие в себе как теоретические (методологические) основы конфликтологической экспертизы, так и сами экспертные заключения. Прежде всего определим, что авторы понимают под «конфликтологической экспертизой» (КЭ):

А. В. Дмитриев, Е. И. Степанов, А. Н. Чумиков, проводя экспертизу российского общества первой половины 1995 г. (одни из первых), анализируют факторы риска, т. е. факторы, детерминирующие конфликтную ситуацию и питающие социальную напряжённость. Но, как считают сами авторы, всестороннего анализа всё-таки недостаточно. КЭ должна носить управленческий характер, т. е. «извлекать уроки» из диагностируемого материала, подбирать и рекомендовать управленческие решения. Исследователи задают две ключевых цели КЭ: аналитическую и технологическую (управленческую), которыми и определяется ее содержание [4].

А. Н. Гирнык предпринял попытку охарактеризовать проблематику конфликтологической экспертизы: объект КЭ, процесс и субъект, осуществляющий КЭ (эксперта). В понимании автора, КЭ трёхаспектна. Во-первых, это диагностика существующего или потенциального конфликта. Во-вторых, прогнозирование последствий воздействия на конфликтную ситуацию (моделирование). В-третьих, А. Н. Гирнык включает в КЭ этап консультирования (снижение «неопределённости выбора решения» [3] или «интеллектуальная поддержка их принятия» [6]).

А. В. Глухова осуществляя комплексный анализ региональной ситуации, определяет конфликтные точки, которые при недостаточном контроле или отсутствии мониторинга способны мобилизовать вокруг себя протестно настроенных граждан. То есть КЭ, в понимании автора, ограничивается научным исследованием [7].

И. В. Юрченко и М. В. Донцова применяют узко политологический подход к КЭ и ограничиваются в ее понимании комплексным анализом политических процессов. И хотя авторы касаются способов уменьшения социальной напряжённости, они делают это прежде самого анализа и в общих чертах, т. е. не дают конкретных рекомендаций на основании, полученных в результате экспертного опроса, данных, а потому нельзя однозначно определить относятся ли исследователи к КЭ также элементы консультирования [11].

В. Г. Бажан и Е. С. Петрова рассматривают применимость КЭ в рамках малых социальных групп, в данном конкретном случае – трудовом коллективе. Это наиболее практико-

ориентированный подход, так как конечную цель процесса КЭ авторы видят в выработке конкретных решений по снижению (реального или возможного) социального напряжения в коллективе (группе) [1].

И. Н. Ключковская и Э. Т. Майборода придерживаются узкоспециального подхода к КЭ, под которой понимают комплексный конфликтологический и лингвистический анализ текста экстремистского или спорного характера, в некоторой степени такой подход КЭ подразумевает прогнозирование [8].

М. В. Иванова даёт конфликтологическую оценку сетям этнических и земляческих молодёжных сообществ города Новосибирск, и понимает под КЭ – анализ факторов, которые потенциально могут повлиять на конфликт. КЭ осуществляется на предконфликтной стадии, и включает в себя прогнозирование конфликта, по мнению автора [7].

На основании авторских подходов, целесообразно выделить три понимания конфликтологической экспертизы:

1. Анализ-исследование (А. В. Глухова, И. В. Юрченко и М. В. Донцова)

2. Анализ-исследование и прогнозирование (И. Н. Ключковская и Э. Т. Майборода, М. В. Иванова).

3. Анализ-исследование, прогнозирование и консультирование (А. В. Дмитриев, Е. И. Степанов, А. Н. Чумиков, А. Н. Гирнык, В. Г. Бажан и Е. С. Петрова)

Наиболее полно процесс конфликтологической экспертизы отражает третий подход, потому как позволяет отделить экспертизу от анализа и диагностики конфликта.

Объектами КЭ могут выступать:

- объект конфликта на латентной или открытой стадии (частные случаи);
- процессы (прежде всего – на макроуровне: регион, страна, общество), детерминирующие социальную напряжённость;
- нормативные документы и прочие информационные носители, в том числе проекты законов, постановлений, материалы СМИ и т. д.;
- социально-значимые проекты (например, по благоустройству территорий города или строительству), которые несут в себе конфликтогенный характер, если не отвечают интересам общества.

Ощутим недостаток работ по проблематике конфликтологической экспертизы, которые бы содержали описание и систематизацию этапов процедуры. В данном исследовательском поле это направление можно считать наиболее перспективным. Тем не менее, из общей логики проводимых экспертиз, могут быть выделены следующие этапы КЭ:

1. Организационный этап: установление и согласование задач экспертизы;

2. Диагностический: сбор и фиксация информации из различных источников и непосредственное исследование экспертом (как исследователем) объекта экспертизы;

3. Аналитический: анализ и интерпретация данных;

4. Прогнозный: прогнозирование, поиск и фиксация инвариантов выхода из конфликтной ситуации;

5. Презентационный (консультационный): подготовка и презентация экспертного заключения, консультирование заказчика экспертизы.

6. Сопроводительный: в силу специфики конфликта как процесса, возможно сопровождение экспертом процесса развития конфликта после презентации.

Таким образом, методика конфликтологической экспертизы предполагает всесторонний (комплексный) анализ объекта конфликта, социальных процессов, информационных материалов и проектов, на основе которого составляется прогноз и предлагаются варианты воздействия на социальную напряжённость. Именно в совокупности эти три аспекта (анализ, прогнозирование и консультирование) наиболее точно определяют специфику конфликтологической экспертизы.

Литература

1. Бажан В. Г., Петрова Е. С. Урегулирование социально-трудовых конфликтов посредством конфликтологической экспертизы // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 1 марта 2016 г., г. Уфа. В 4 ч. Ч. 2. Уфа : АЭТЕРНА, 2016. С. 143–147.
2. Власова Т. В., Сушинская М. Д. Социальная экспертиза : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 152 с.
3. Гирнык А. Н. Конфликтологическая экспертиза // Журнал практикующего психолога. 2003. № 9. С. 146–156.
4. Дмитриев А. В., Степанов Е. И., Чумиков А. Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 6–23.
5. Иванова М. В. Конфликтологическая экспертиза сетей этнических и земляческих молодёжных сообществ // Дни науки НГТУ-2018 : материалы науч. студ. конф. / под ред. Е. А. Хайленко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 353 с.
6. Гирнык А. Н. Гуманитарная и конфликтологическая экспертизы: попытка сравнения // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-i-konfliktologicheskaya-ekspertizy-roryutka-sravneniya> (дата обращения: 27.04.2022).
7. Глухова А. В. Воронеж-2006: конфликтологическая экспертиза // Pro nunc. 2006. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voronezh-2006-konfliktologicheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 27.04.2022).
8. Клюковская И. Н., Майборода Э. Т. Комплексная экспертиза: проблемы оптимизации и применения правовой базы // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-ekspertiza-problemy-optimizatsii-i-primeneniya-pravovoy-bazy> (дата обращения: 27.04.2022).
9. Туманов С. В., Оносов А. А., Савина Н. Е. Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-ekspertiza-teoreticheskie-podhody-i-praktiki-ih-realizatsii> (дата обращения: 17.04.2022).
10. Устинова К. А. Теоретико-методические основы экспертизы нормативно-правовых актов, регламентирующих научную, научно-техническую и инновационную деятельность // КЭ. 2020. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskie-osnovy-ekspertizy-normativno-pravovykh-aktov-reglamentiruyuschih-nauchnyu-nauchno-tehnicheskuyu-i> (дата обращения: 17.04.2022).
11. Юрченко И. В., Донцова М. В. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края) // ИСОМ. 2016. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktologicheskaya-ekspertiza-problem-regionalnoy-bezopasnosti-v-novom-elektoralnom-tsikle-na-primere-krasnodarskogo-kraja> (дата обращения: 27.04.2022).
12. Grundmann R. The Problem of Expertise in Knowledge Societies // Minerva. 2016. Vol. 55, N 1. P. 25–48. URL: <http://www.jstor.org/stable/26302093> (accessed: 28 Apr. 2022).

РАЗДЕЛ 3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: РОЛЬ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

***

CHAPTER 3. PUBLIC EXPERTISE: THE ROLE OF THE SUBJECTS OF PUBLIC CONTROL IN THE IMPLEMENTATION OF MANAGEMENT DECISIONS

УДК 338.467

М. А. Вахтина

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье аргументируется, что общественная экспертиза нормативных правовых актов является одной из форм участия граждан в управлении государством, способом трансляции потребностей, отражающих интересы всей совокупности индивидов. Подчеркивается, что если механизм действует эффективно, то это положительно сказывается на качестве государственного управления, поддерживает социальную направленность принимаемых нормативных актов и публичных решений. Обосновано, что в настоящее время механизм общественной экспертизы, ведущим субъектом которого являются общественные палаты всех уровней, нуждается в совершенствовании. В статье предлагается максимально расширять круг участников общественной экспертизы, обеспечить информационную открытость законотворческой деятельности, проводить мониторинг реализации нормативных правовых актов, прошедших процедуру общественной экспертизы. Сделан вывод, что предлагаемые меры положительно повлияют на выбор массива экспертируемых нормативных правовых актов и повысят эффективность общественной экспертизы.

Ключевые слова: общественная экспертиза, общественный контроль, общественные интересы, гражданские институты.

M. A. Vakhtina

Samara University of Public Administration «International market institute», Samara

PUBLIC EXPERTISE: WAYS TO IMPROVE EFFICIENCY

Public examination of normative legal acts is one of the forms of citizens' participation in government, a way of translating common needs that reflect the interests of the entire population of individuals, and is one of the elements of the mechanism for the formation of social interest. If the mechanism operates effectively, this has a positive effect on the quality of public administration, the social orientation of the adopted acts and public decisions. At present, the mechanism of public examination with the participation of public chambers of all levels needs to be improved. The article proposes to expand the circle of participants in public examination as much as possible, to ensure informational openness of legislative activity, to monitor the implementation of regulatory legal acts that have passed the procedure of public examination. It can be expected that the proposed measures will positively influence the choice of an array of expert legal acts.

Keywords: public expertise, public control, public interests, civil institutions.

Общественная экспертиза, в трактовке Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», является одной из форм общественного контроля. Под общественной экспертизой в законе понимается анализ и оценка актов (в ряду которых – законодательные акты всех уровней), решений, проектов решений, документов, действий (бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления, а также органов и организаций, осуществляющих публичные полномочия. Целью общественной экспертизы, как сказано в законе, является проверка соответствия актов и решений требованиям законодательства, а также проверка соблюдения прав и свобод граждан, прав и законных интересов негосударственных некоммерческих организаций.

Такая трактовка общественной экспертизы, ее понятие, объекты, субъекты и механизмы появилась не сразу. Определенные возможности контроля принимаемых публичными органами решений были заложены в федеральном законе «Об общественных принципах организации местного самоуправления» (принят в октябре 2003 г.), где предусматривалась такая форма общественного участия, как публичные слушания. Создание Общественной палаты Российской Федерации (а затем региональных общественных палат) стало заметной вехой в этом процессе. Эти гражданские институты посредством общественной экспертизы законодательных и других нормативных правовых актов были призваны содействовать согласованию общественно значимых интересов граждан и общественных объединений с органами власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод человека, демократических принципов развития гражданского общества, что нашло отражение в федеральном законе «Об Общественной палате Российской Федерации», принятом в 2005 г. Механизм общественной экспертизы был детально прописан в соответствующем Положении Общественной палаты.

Актуальность общественной экспертизы в действующей общественно-политической системе России заключается прежде всего в том, что она выступает одной из форм соучастия граждан в управлении государством, способом трансляции общих потребностей, интересов граждан, из союзов и объединений на вышестоящие уровни управления. То есть общественную экспертизу следует рассматривать в качестве одного из элементов механизма формирования социального интереса, носителем которого являются индивиды.

С учетом того, что принятие законотворческих решений на федеральном и региональном уровне является ведущим элементом в системе управления государством, это придает особую значимость общественной экспертизе. Если механизм трансляции интересов отдельных граждан и социальных групп на вышестоящие уровни государственного управления в должной степени не налажен, то повышаются риски негативных последствий принятия ошибочных решений, идущих в разрез с интересами общества. Принцип приоритета прав и законных интересов человека и гражданина, содержащийся в российском законе об общественном контроле, отражает характер вышеназванных зависимостей. Наряду с этим общественное участие (применительно к законотворческой деятельности) сокращает барьеры между законодателями и гражданами, снижает правовой нигилизм в общественном сознании, повышает уровень доверия граждан к государству.

Для того чтобы добиваться вышеназванных целей, механизм общественного участия в законотворческой деятельности должен быть эффективным с точки зрения не только результирующей характеристики действия самого закона, но и с точки зрения решения социально значимых задач и создания общественно полезных благ. Особую значимость в этой связи приобретает выбор из всей массы законопроектов (или управленческих решений) тех, которые подвергаются процедуре общественной экспертизы, а также этапы, на которых данная экспертиза проводится.

Мониторинг экспертной работы по общественному обсуждению законопроектов федерального уровня Общественной палатой России показывает следующую статистику. В 2014 г. было проведено 64 общественных экспертизы, в период с октября 2016 по октябрь 2021 г. (время работы Государственной думы Федерального собрания Российской Федера-

ции VII созыва) было проведено, по заявлению секретаря Общественной палаты России Л. Михеевой, порядка 270 экспертиз законопроектов, т. е. примерно пятьдесят законопроектов в год. На 2022 г. план общественной экспертизы Общественной палаты включает 38 законопроектов. При этом в примерной программе законотворческой работы Государственной думы на период весенней сессии 2022 г. в списке для первоочередного рассмотрения числится более сотни законопроектов, в том числе по разделу «государственное строительство и конституционные права граждан» – 33, «социальная политика» – 16, «экономическая политика» – 49.

Сложно судить много или мало проводится общественных экспертиз, гораздо важнее оценить социальную значимость экспертируемых законопроектов. В планах экспертизы Общественной палаты на 2021 и 2022 гг. не содержатся такие значимые, но принятые за этот же период федеральные законы, как «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части совершенствования законодательства при проведении дистанционного голосования, внесенный на рассмотрение в Государственную думу в декабре 2021 г. и принятый в марте 2022 г.; «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты» в части предупреждения и ликвидации загрязнения окружающей среды, а также установления целевого использования экологических платежей, относящиеся к тематической области «государственное строительство и конституционные права граждан». В тематических блоках по экономике, бюджетному, налоговому и финансовому законодательству были приняты такие, не вошедшие в план экспертизы российской Общественной палаты, социально значимые законы, как «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» (поступил в ГД 30.09.2021, принят 06.12.2021), «О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части упразднения запретов деятельности в границах рыбоохранных зон (внесен 01.03.2021, принят 30.12.2021), а также еще несколько федеральных законов, касающихся земельных участков, расположенных в поясе зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения и ширины прибрежной защитной полосы. Тенденция, связанная с опережающим принятием, без предварительного общественного обсуждения, значимых для общества законопроектов, отмечалась нами и ранее [1]. Следствием такого подхода, наряду с другими, становится негативный общественный резонанс от поспешно принятых правовых норм, которого можно было избежать при соответствующей общественной проработке.

Другой стороной вышеназванной тенденции является замещение социально значимых законопроектов – кандидатов на общественную экспертизу – теми законодательными актами, которые имеют более узкую направленность и затрагивают интересы отдельных социальных, профессиональных или бизнес групп, для которых поддержка общественности является дополнительным важным аргументом в пользу принятия законопроекта.

Очевидно, что причина кроется в несовершенстве механизма отбора законопроектов, требующих общественного обсуждения. Кто должен такой отбор осуществлять и возможно ли урегулировать этот вопрос формально-правовыми методами? В законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в частности, содержится отсылочная норма, указывающая, что проведение общественной экспертизы является обязательным в отношении актов, решений, проектов решений, документов и других материалов в случаях, установленных федеральными законами. То есть данный закон не закрепляет круг вопросов, по которым общественная экспертиза является обязательной. Положение о порядке проведения общественной экспертизы, утвержденное Общественной палатой России, вносит определенную ясность в определение массива законов, которые должны проходить процедуру общественной экспертизы. Согласно вышеназванному Положению Общественная палата проводит экспертизу законопроектов Российской Федерации о поправках к Конституции РФ, федеральных конституционных законов и проектов федеральных законов, затрагивающих во-

просы государственной социальной политики и конституционных прав граждан в области социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Этот перечень соответствует критериям законопроектов, содержащимся в федеральном законе «Об общественной палате Российской Федерации». Таким образом, правовые критерии для выделения из всей массы законов (проектов законов) тех, которые имеют наибольшую общественную значимость, формально определены. Однако это есть необходимое, но недостаточное условие общественной эффективности экспертной деятельности, так как законопроекты, относящиеся к вышеназванным группам, часто, как показывает практика, оказывались «за бортом» общественной экспертизы, а некоторые общественно значимые законы, отражающие интересы большинства граждан, в установленный перечень не попадают.

Для определения приоритетного массива законопроектов, нуждающихся в общественной экспертизе, важно задействовать широкий круг субъектов, иницирующих экспертные процедуры. Регламент Государственной думы Федерального собрания РФ в статьях, касающихся законотворческой деятельности, детально прописывает порядок проведения экспертизы законопроектов, в том числе с участием Общественной палаты. Согласно Регламенту, решение о направлении законопроекта в Общественную палату принимается либо профильным, либо ответственным за принятие законопроекта комитетом Госдумы. Процедура предусматривает в дальнейшем рассмотрение экспертного заключения и допускает присутствие на его обсуждении тех организаций, в которые законопроект направляется для дачи отзывов, предложений и замечаний. Инициация в данном случае принадлежит Государственной думе. В свою очередь, закон «Об общественной палате Российской Федерации» дает основания для инициации экспертной законотворческой деятельности самой федеральной Общественной палате в случае, если это касается законопроектов о поправках к Конституции РФ, федеральных конституционных законов или федеральных законов, затрагивающих вопросы государственной социальной политики и конституционных прав граждан в области социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Что касается закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», то в нем на этот счет содержится отсылка к специальным нормам федерального законодательства (если такие имеются).

Таким образом, процедуры инициации общественной экспертизы законопроектов со стороны Общественной палаты РФ строго регламентированы. Что касается такого субъекта общественного контроля, как общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, то порядок их участия в общественной экспертизе законопроектов формально не урегулирован, поэтому на практике данные органы этим видом общественного контроля не занимаются. Вопросы возникают также со статусом граждан как общественных экспертов и лично, и в составе общественных организаций. С одной стороны, они вправе участвовать в общественном контроле, с другой – в перечне субъектов общественного контроля, содержащимся в законе об общественном контроле в РФ, они формально не значатся. Таким образом, круг инициаторов проведения общественной экспертизы законопроектов формально ограничен строго определенным кругом субъектов, что сужает социальную базу выразителей общественного интереса в лице отдельных граждан, социальных групп и общественных организаций. Такого рода «ограничительная» политика оказывает качественное влияние на формирование массива законопроектов, направляемых на общественную экспертизу.

Дополнительным фактором, усиливающим эту тенденцию, является нарушение регламента законотворческой деятельности самой Государственной думой, когда установленные сроки принятия законопроектов по тем или иным причинам сокращаются, вносятся существенные поправки в период второго и даже третьего чтения. В таком случае установленный порядок взаимодействия комитетов Госдумы с Общественной палатой (или другими организациями – потенциальными участниками общественного обсуждения) по вопросам общественной экспертизы нарушается. В сокращенные сроки провести процедуры, требующие согласований и привлечения широкого круга участников, не представляется возможным.

С целью разрешения проблем взаимодействия заинтересованных сторон в процессе законотворческой деятельности, особенно в части принятия конституционных законов, иссле-

дователями выдвигаются предложения их законодательного урегулирования. В частности, предлагается активизировать работу над законопроектом «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», где была бы прописана процедура их предварительного обсуждения. С целью добиться целостного понимания общественной экспертизы и порядка ее проведения ряд ученых предлагает принять специальный закон об общественной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [3]. На мой взгляд, такие шаги являются малопродуктивными. Значительно важнее в сложившейся социально-политической ситуации расширять круг потенциальных участников общественной экспертизы, и в плане инициации, и в плане проведения самой процедуры. Суть общественной экспертизы заключается именно в том, что это «независимая система действий, решений и исследований граждан и негосударственных организаций, общественных палат всех уровней, иных консультативных органов, направленных на изучение нормативных правовых актов органов власти и местного самоуправления с целью фиксации общественного мнения и защиты интересов граждан при реализации государственной политики» (такая трактовка общественной экспертизы содержится у В. В. Гриба) [2].

Проводить такую работу нужно не только на федеральном уровне, значительно эффективнее это делать на базе общественных палат субъектов Российской Федерации или муниципалитетов, там, где люди непосредственно живут, работают и могут обращаться с предложениями о проведении экспертизы, затрагивающих их интересы нормативных правовых актов. Так как общественная экспертиза документов федерального уровня проводится в основном во взаимодействии с Общественной палатой России, необходимо наладить процедуры обмена информацией, взаимодействовать на этапе планирования, оперативно реагировать на инициативы граждан и их объединений, обеспечить связь с регионами и муниципалитетами. При этом целесообразно законодательно закрепить право общественных палат субъектов Федерации на общественную экспертизу иных (кроме законопроектов) правовых актов федерального уровня.

Ведя речь о расширении общественного участия в экспертизе нормативных правовых актов и решений, следует остановиться еще, как минимум, на двух моментах. Первый касается обеспечения информационной открытости. Необходима исчерпывающая информация о планируемых к принятию законопроектах и ходе их подготовки в представительных органах законодательной власти и правительстве. Так как Общественная палата РФ остается ведущим гражданским институтом, проводящим экспертизу нормативных правовых актов, следует уже на этапе планирования экспертной деятельности взаимодействовать с региональными общественными палатами по этому вопросу. Если общественная экспертиза находится на стадии проведения, важно системно информировать участников о том, какие нормативные правовые акты уже обсуждаются, на какой стадии обсуждения они находятся, кто и какие предложения внес. То есть, необходимо обеспечить «информационный след» экспертируемого законопроекта или решения. В настоящее время такой уровень открытости не достигнут.

Другой важный аспект связан с рассмотрением (принятием, отклонением) предложений и рекомендаций общественных экспертов. Несмотря на то что итоговые заключения не носят обязательного характера, важно, чтобы каждая позиция, содержащаяся в них, получила аргументированную оценку. В этой связи участие экспертов в процедуре обсуждения и принятия законодательных актов в первом (а возможно втором и третьем) чтении должно стать нормой. Важно понимать приняты или отклонены и по каким причинам, содержащиеся в заключениях мнения общественности. Без обратной связи процедура общественной экспертизы превращается в чисто формальный акт, а интерес к этому способу участия граждан в управлении снижается до критического уровня.

Таким образом, для повышения эффективности общественного контроля и общественной экспертизы, в частности, необходимо:

- общественным палатам всех уровней максимально расширять круг участников экспертизы, привлекая к этому процессу все заинтересованные негосударственные обществен-

ные организации, которые могут выступать инициаторами экспертизы любых нормативных правовых актов и решений;

– обеспечить максимальную информационную открытость в вопросах законотворческой деятельности, планировании и сроках рассмотрения законопроектов;

– наладить должную обратную связь с участниками экспертизы, которые должны располагать всем необходимым объемом информации о судьбе их предложений и критических замечаний;

– общественным палатам следует проводить мониторинг реализации нормативных правовых актов, которые подверглись общественной экспертизе.

Если наряду с другими вышеназванные меры заработают, можно рассчитывать, что это повлияет на качественный состав законопроектов и других нормативных правовых актов, которые направляются на общественную экспертизу.

Литература

1. Вахтина М. А., Игнатова Т. В., Полянин А. В. Институциональный статус общественного обсуждения законопроектов в системе публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 235–243.

2. Гриб В. В. Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институционализации гражданского общества : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2010. С. 52.

3. Кудашкина Е. В., Худойкина Т. В. Общественная экспертиза законопроектов и законодательных актов как форма участия гражданского общества в законотворчестве // Бюллетень науки и практики / Bulletin of Science and Practice. 2018. Т. 4. С. 345–347.

УДК 519.6:550.40

И. А. Ершов

Общественная Палата Камчатского края, г. Петропавловск-Камчатский

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ: ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается роль общественных советов в выдвижении инициатив по совершенствованию деятельности органов власти, принципы формирования общественных экспертных советов, характеризуются цели и задачи, принципы работы с органами власти. Акцентируется внимание на совместной деятельности общественных экспертных советов нового формата и органов исполнительной власти (на примере Камчатского края), а также деятельности совета «Общественный экспертный совет по обеспечению безопасности граждан». Формулируются предложения по улучшению деятельности общественных экспертных советов и повышению ответственности членов советов.

Ключевые слова: Общественные советы, общественные экспертные советы, Камчатский край, институты гражданского общества, Общественная Палата Камчатского края, органы исполнительной власти, муниципальные образования, общественный контроль, ФОИВ.

I. A. Ershov

Public Chamber of the Kamchatka Territory, Petropavlovsk-Kamchatsky

PUBLIC COUNCILS UNDER EXECUTIVE AUTHORITIES: TASKS AND PRIORITY AREAS OF EXPERT ACTIVITY

The article examines the role of public councils in putting forward initiatives to improve the activities of authorities, the principles of forming public expert councils, discusses the goals and objectives, principles of working with authorities. The author of the article examines the joint activities of public expert councils of a new format and executive authorities on the example of the Kamchatka Territory, describes in detail the activities of the council "Public Expert Council for ensuring the safety of Citizens". The article formulates proposals for improving the activities of public expert councils and increasing the responsibility of council members.

Keywords: Public councils, public expert councils, Kamchatka Krai, civil society institutions, Kamchatka Krai Public Chamber, executive authorities, municipalities, public control, FOIV.

Работа общественных советов осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2].

Общественные советы при любых органах власти выполняют консультативно-совещательные функции. Общественный контроль осуществляется на основании Конституции Российской Федерации [1], настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных и правовых актов Российской Федерации. Наша статья в основном посвящена деятельности общественных советов в Камчатском крае, и поэтому мы более подробно остановимся на их деятельности.

Развитие Камчатского края во многом зависит от эффективного взаимодействия институтов гражданского общества и исполнительных органов государственной власти, что предусмотрено Уставом Камчатского края. Постановление Губернатора Камчатского края от 12.02.2021 за № 19 «Об общественных советах в Камчатском крае» [6], (далее – Постановление) позволило сформировать общественные экспертные советы на совершенно новых, по нашему мнению, основаниях.

Постановлением утвержден Порядок образования и перечень общественных советов в Камчатском крае. Функции по организационному обеспечению деятельности общественных советов в Камчатском крае возложено на Министерство развития гражданского общества, молодежи и информационной политики. Министерство цифрового развития Камчатского края определено исполнительным органом государственной власти Камчатского края, ответственным за обеспечение технической поддержки деятельности общественных советов в Камчатском крае. Постановление рекомендует органам местного самоуправления муниципальных образований в Камчатском крае осуществлять взаимодействие с общественными советами по актуальным вопросам развития муниципальных образований в Камчатском крае.

Проект Положения «Об общественных советах в Камчатском крае» рассматривался на заседании Общественной палаты Камчатского края. Хочется отметить, что в Общественную Палату Камчатского края поступило много комментариев и предложений по внесению изменений в Проект Положения. Многих смутил термин «экспертный». При рассмотрении положения о Советах возникло много разногласий по вопросам деятельности самих советов, так как они отличались от деятельности, ранее созданных общественных советов в Камчатском крае. Однако в конечном результате в нескольких рассмотрениях Общественной Палатой Камчатского края был одобрен Проект Положения «Об общественных советах в Камчатском крае» с поправками.

Одним из преимуществ, по нашему мнению, стало то, что в советы будут входить эксперты по направлению деятельности совета, т. е. специалисты, имеющие большой опыт работы по определенному профилю. На протяжении работы общественных экспертных советов в Камчатском крае мы убедились в правоте такого выбора эксперта, что существенно сказалось на качестве работы советов в целом. Общественные экспертные советы созданы при Правительстве Камчатского края.

Ранее созданные экспертные советы были подчинены определенному Министерству или Агентству Камчатского края, их деятельность регулировалась постановлением Правительства Камчатского края от 23.08.2013 № 370-П «Об общественных советах при исполнительных органах государственной власти Камчатского края» [5].

В первом случае общественные экспертные советы напрямую подчиняются губернатору Камчатского края и могут проводить общественный контроль деятельности любого Министерства, агентств, в пределах своих полномочий согласно Положению об общественных экспертных советах. Во втором случае работа общественных советов затрагивала деятельность только одного министерства или агентства, и работа совета во многом зависела от них, что в недостаточной мере, по нашему мнению, позволяло советам осуществлять свою деятельность. Нам удалось поработать в Общественном совете при Агентстве по внутренней политике Камчатского края. По нашему мнению, ранее созданные общественные советы также играли важную роль в развитии гражданского общества, обеспечивали коммуникацию

между институтами гражданского общества и органами власти, но справедливости ради хочется отметить, что у общественных советов не было такой возможности в деятельности разного направления, по взаимодействию со многими органами исполнительной власти одновременно. Наша работа в общественном экспертном «Совете по обеспечению безопасности граждан», позволяет нам сделать такой вывод. По нашему мнению, такая причина и стала толчком создания общественных экспертных советов нового формата.

По нашим сведениям, общественные экспертные советы созданы в нескольких дальневосточных регионах, включая Приморский край. Таким образом, можно сделать вывод о том, что это начало формирования нового подхода к коммуникациям между институтами гражданского общества и органами власти в регионах.

Далее мы рассмотрим принципы формирования общественных экспертных советов нового формата на примере Камчатского края. Рассмотрим некоторые выдержки из Положения «Об общественных советах в Камчатском крае» (Постановление Губернатора Камчатского края от 12.02.2021 № 19) [6]. По нашему мнению, это необходимо отметить в нашей статье, по причине того, что общественные экспертные советы образованы в нескольких регионах, и многим будет полезно узнать об опыте формирования советов, и, возможно, другие регионы пойдут по нашему пути.

Советы формируются на основе гласности, добровольного и безвозмездного участия в их деятельности граждан, в том числе выдвинутых общественными объединениями, некоммерческими неправительственными организациями, зарегистрированными в установленном федеральным законодательством порядке и осуществляющими деятельность на территории Камчатского края. Членами Советов не могут являться следующие граждане: признанные недееспособными на основании вступившего в законную силу решения суда, имеющие непогашенную или неснятую судимость, имеющие двойное гражданство и моложе 18 лет на момент подачи документов. Граждане, замещающие государственные должности Российской Федерации и Камчатского края, должности государственной службы Российской Федерации и Камчатского края, муниципальные должности и должности муниципальной службы, а также другие лица, которые в соответствии с Федеральным законом от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» не могут быть членами Общественной палаты Российской Федерации. Срок полномочий Советов составляет три года со дня проведения первого организационного заседания Совета. В составы Советов могут быть включены граждане, обладающие знаниями и опытом в сферах, являющихся предметами деятельности Советов [6], что и стало причиной, по нашему мнению, расширением возможностей гражданского общества на основе экспертного подхода.

Решение о начале формирования Советов принимал Губернатор Камчатского края по собственной инициативе (оформляется в виде распоряжения), а также по инициативе Общественной палаты Камчатского края. 19 февраля 2021 г., Общественной палатой Камчатского края, была начата процедура формирования общественных экспертных советов при Правительстве Камчатского края. С нашей точки зрения, инновацией была уже сама организация данной процедуры, которая позволила осуществить формирование советов на основе рационального подхода и одновременно с опорой на демократические принципы. С февраля по март 2021 г. граждане, желающие войти в состав общественных советов, направили 721 пакет документов, в Общественную палату [10]. Большое количество людей, желающих работать в общественных советах говорит о желании гражданского общества принимать активное участие во взаимодействии с органами власти по организации развития Камчатского края, защите нашего общества, обеспечению благополучия населения.

Положением было определено 20 общественных советов. В общественный экспертный совет по вопросам демографии было подано 5 пакетов документов при необходимом количестве в 12 пакетов. По этой причине формирование совета не произошло. Наибольший интерес у граждан проявился к совету по развитию туризма, куда было подан 61 пакет документов.

На основании Постановления Губернатора в состав одного общественного экспертного совета входит 12 членов [6]. После окончания приема документов Общественная палата

направила Губернатору Камчатского края итоговый список кандидатур в состав Советов, из которого он выбрал по три в состав каждого из советов. После этого Общественная палата отобрала еще по три кандидатуры в состав Советов. Следующий этап отбора по 6 кандидатов в Советы, по нашему мнению, был самым трудным, как для членов Общественной палаты, так и для самих участников отбора. Общественная палата организовала и провела 19 рейтинговых голосований, в ходе которых кандидаты рассказывали о себе, а также просматривались ролики с участием самих кандидатов. Каждый кандидат давал оценку всем кандидатам, кроме себя самого, оценивал уровень компетенции, профессионализм, уровень знаний кандидата в сфере, являющейся деятельностью Совета. Члены Общественной палаты, выступали в качестве модераторов рейтинговых голосований и членов счетной комиссии. Результаты голосований оглашались публично. Неоценимую помощь при проведении рейтинговых голосований оказали волонтеры.

6 мая 2021 г. Распоряжением Правительства Камчатского края № 223-ПП, были утверждены составы 19 общественных экспертных советов (всего 228 чел.) [7]. В мае 2021 г. Общественной палатой были организованы и проведены первые заседания общественных советов, на которых были избраны председатели, заместители председателя, а также секретари каждого совета [10]. Цели и задачи, направления деятельности советов, подробно описаны в Постановлении Губернатора Камчатского края от 12.02.2021 за № 19 [6]. Целью советов является обеспечение эффективной коммуникации институтов гражданского общества и исполнительных органов государственной власти Камчатского края в развитии региона, содействие учету прав и законных интересов общественных объединений, других организаций при общественной оценке деятельности исполнительных органов государственной власти [6].

Далее нами в статье будет рассмотрена деятельность общественных экспертных советов за период начала формирования и по настоящее время с целью оценки эффективности их работы.

Советы принимали активное участие в обсуждении, экспертизе разного рода деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций Камчатского края в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В целях координации деятельности Советов Губернатором Камчатского края был создан Координационный общественный экспертный совет, состоящий из Председателей Советов, под Председательством Губернатора.

По нашему мнению, работа Советов, при участии экспертов, представителей органов законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления дает свои положительные результаты. Председатели Советов имеют возможность высказать свои мнения или предложения по решению возникших вопросов напрямую Губернатору Камчатского края или на заседании Координационного Совета.

Ярким примером совместной работы Советов, Общественной палаты Камчатского края, органов законодательной и исполнительной власти Камчатского края было совместное обсуждение Законопроекта № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный Закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Для обсуждения Законопроекта также было привлечено население Камчатского края на основе опроса в местах массового сосредоточения граждан. От гражданского общества поступило более 20 поправок к Федеральному Закону.

7 декабря 2021 г. на внеочередном Заседании Общественной палаты Камчатского края по вопросу подведения итогов обсуждения законопроекта на платформах общественных экспертных советов принято решение поддержать проект Федерального Закона № 17357-8 «О внесении изменений в Федеральный Закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» с определенными поправками. Итоги общественного обсуждения законопроекта направлены в Законодательное Собрание Камчатского края.

Остановимся на деятельности совета «Общественный экспертный совет по обеспечению безопасности граждан», в котором автор статьи состоит.

За неполный 2021 г. было рассмотрено 11 вопросов, касающихся основного направления деятельности совета, проведено 7 заседаний. В заседаниях Общественного совета принимали участие представители Министерства специальных программ, Министерства образования, Министерства развития гражданского общества и молодежи, Министерства здравоохранения Камчатского края, Управления МВД России по Камчатскому краю, Администрации Петропавловск – Камчатского городского округа, КФ Федерального исследовательского центра «Единая геофизическая служба РАН», Краевое государственное казенное учреждение «Центр обеспечения действий по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности в Камчатском крае». Общественный совет активно взаимодействовал с исполнительными органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также с организациями и учреждениями края. Такое взаимодействие со многими Министерствами и ведомствами, подтверждает наши слова, о новом формате работы Советов, не зависящих от какого-то либо Министерства или Агентства. По рассматриваемым вопросам принимались решения рекомендательного характера, как Правительству Камчатского края, так и администрации города. Любое заседание Совета и принимаемые решения оформлялись протокольно.

Наиболее важным, по нашему мнению, была рекомендация Министерству специальных программ Камчатского края рассмотреть вопрос организации внесения изменений в Закон Камчатского края от 29.12.2014 № 569 «Об обеспечении участия граждан и их объединений в охране порядка в Камчатском крае», в части, касающейся изменения характеристик формы народного дружинника, с учетом предложений народных дружин Камчатского края и климатических особенностей в крае.

Предложенные Советом рекомендательные меры направлены на решение накопившихся проблем, а также повышение эффективности реализации мер, направленных на обеспечение безопасности граждан в Камчатском крае.

С работой общественных экспертных советов можно ознакомиться на официальном сайте Правительства Камчатского края (Министерство развития гражданского общества, молодежи и информационной политики, в разделе Общественные экспертные советы) [9].

На 2022 г. нашим Советом запланировано рассмотреть 7 вопросов, касающихся безопасности граждан, запланировано 9 заседаний. По нашему мнению, по результатам деятельности Советов, в целях улучшения их работы, необходимо выполнить ряд мероприятий:

1. Разработать Положение по каждому Совету отдельно, (сейчас уже возникают вопросы по введению в состав советов новых членов, вместо выбывших по разным причинам членов). Необходимо разработать процедуру введения нового члена совета.

2. Предложить Министерству развития гражданского общества, молодежи и информационной политики Камчатского края рассмотреть вопрос по разработке Кодекса Этики члена Совета. В Кодексе необходимо прописать обязательные правила поведения члена Совета при осуществлении своих полномочий, основанных на морально-нравственных нормах, уважении к обществу и своим коллегам. В Кодексе может быть сформулирована ответственность за нарушение Кодекса Этики.

3. В Положении внести принципы функционирования общественных советов нового формата. К принципам может быть отнесено использование новых механизмов внесения инициатив (расширение принципа демократизма), персонафицированная или групповая экспертиза отдельных обсуждаемых вопросов (принцип персональной ответственности членов совета), отслеживание эффективности вносимых советом предложений (принцип прозрачности), широкое привлечение к участию в заседании советов представителей исполнительных органов власти (принцип расширенного взаимодействия).

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с изм. на 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2022).

2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2014 г. № 212-ФЗ (с изм. от 03.07.2016, от 29.12.2017, от 27.12.2018).

3. Об Общественной палате Российской Федерации : федер. закон № 32-ФЗ от 4 апр. 2005 г. (с изм. от 11.06.2021).

4. Об Общественной палате Камчатского края : закон Камчатского края № 205 от 12.03.2018 (в ред. законов Камчатского края от 04.03.2021 № 567, № 574).

5. Об Общественных советах при исполнительных органах государственной власти в Камчатском крае : постановление Правительства Камчатского края № 370П от 23.08.2013 (с изм. от 16.04.2020 № 140-П).

6. Об общественных советах в Камчатском крае : постановление Губернатора Камчатского края № 19 от 12.02.2021.

7. Об образовании Составы Общественных экспертных советов в Камчатском крае : Распоряжение Правительства Камчатского края № 223-ПП от 06.05.2021.

8. Типовое Положение об Общественном совете : Постановление Правительства Камчатского края № 169-П от 04.05.2021.

9. Общественные экспертные советы // Официальный сайт Правительства Камчатского края Министерства развития гражданского общества, молодежи и информационной политики. URL: <https://kamgov.ru> (дата обращения: 14.04.2022).

10. Доклад о деятельности Общественной палаты Камчатского края за 2021 год : утв. Решением Совета Общественной палаты Камчатского края 25 апр. 2022 г.

УДК 316.43

Ю. В. Мананникова

Институт регионального развития Пензенской области, г. Пенза

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И МОНИТОРИНГ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С позиции социального развития рассматриваются вопросы организации общественного контроля и мониторинга в региональной системе оценки качества образования, приводится анализ результатов социологических исследований мнения различных групп участников образовательных отношений: обучающихся и их родителей, педагогов и руководителей общеобразовательных организаций. Дана сравнительная оценка качества общего образования в регионе по мнению различных групп респондентов. Выявлены основные проблемы, ограничивающие потенциал школы в предоставлении качественного образования, намечены пути их решения на региональном и муниципальном уровнях управления.

Ключевые слова: общественный контроль, мониторинг, независимая оценка, качество общего образования, регион.

Yu. V. Manannikova

Institute for Regional Development of the Penza Region, Penza

PUBLIC CONTROL AND MONITORING IN THE REGIONAL SYSTEM OF EDUCATION QUALITY ASSESSMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article discusses the issues of organizing public control and monitoring in the regional system of assessing the quality of education from the standpoint of social development, and analyzes the results of sociological research on the opinions of various groups of participants in educational relations: students, their parents, teachers and heads of educational organizations. A comparative assessment of the quality of general education in the region in the opinion of various groups of respondents is given. The main problems that limit the potential of the school in providing quality education are identified, ways to solve them at the regional and municipal levels of government are outlined.

Keywords: public control, monitoring, independent assessment, quality of general education, region.

В современной России ускоренными темпами формируется единая система оценки качества образования. На ближайшие годы в масштабе всей страны поставлена задача обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования и войти в десятку ведущих стран мира по его качеству [3]. Достижение указанных целей является приоритетным направлением деятельности для большинства субъектов РФ, и Пензенская область не является здесь исключением.

Инновационные процессы, происходящие в обществе и региональном социуме, ставят перед системой образования задачи быстрого реагирования на изменяющиеся условия и ак-

тивного поиска новых средств, форм и методов управления. Поэтому в Пензенской области все более актуальным становится развитие региональной системы оценки качества образования. Такая система позволяет не только практически решать проблему оценки образовательных результатов обучающихся, но и способствует построению обучения в соответствии с их образовательными потребностями, служит информационным ресурсом для принятия обоснованных управленческих решений и развития эффективных управленческих практик.

Региональная система оценки качества образования Пензенской области функционирует в соответствии с нормами федерального законодательства [2] и строится на основе концептуально-методической модели, предполагающей комплексное применение нормативного, системного, институционального и деятельностного подходов. Это обеспечивает не только эффективное «встраивание» в общероссийскую систему оценки качества образования, но и способствует развитию региональных механизмов управления в данной сфере (рис. 1).

Рис. 1. Развитие региональных механизмов управления качеством образования

Основной целью внедрения данной системы является получение объективной информации для эффективного управления качеством общего образования на региональном и муниципальном уровнях. В числе задач необходимо отметить не только мониторинг качества образовательных результатов, но и мониторинг качества образовательной деятельности образовательных организаций (далее – ОО).

В соответствии с нормами федерального законодательства на территории региона действует Общественный совет при Министерстве образования Пензенской области по проведению независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность на территории Пензенской области [2, ст. 95; 5].

Также осуществляется мониторинг эффективности механизмов управления качеством образования по следующим направлениям:

- оценка качества подготовки обучающихся;
- работа со школами с низкими результатами обучения и школами, функционирующими в неблагоприятных социальных условиях;
- выявление, поддержка и развитие способностей и талантов у детей и молодежи;
- работа по самоопределению и профессиональной ориентации обучающихся;
- оценка деятельности руководителей образовательных организаций;
- обеспечение профессионального развития педагогических работников;
- организация воспитания обучающихся;
- оценка качества дошкольного образования [2, ст. 97].

Данная деятельность осуществляется в рамках реализации плана мероприятий «Концепции региональной системы оценки качества образования Пензенской области [1]. Региональным оператором при проведении мониторинга по указанным направлениям выступает ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области».

Сбор и анализ первичных данных проводится на базе автоматизированных информационных систем, а также по итогам организации диагностических мероприятий в ОО и по результатам социологических исследований мнения участников образовательных отношений. Таким образом, в региональной системе оценки качества образования Пензенской области происходит целенаправленное развитие процессов общественного контроля и мониторинга.

Важным аспектом изучения здесь является независимая общественная оценка качества образования. Комплексный мониторинг данного аспекта и связанных с ним вопросов был проведен в 2021 г. методом опроса на базе онлайн-сервисов, размещенных на информационно-аналитическом портале «Региональная система независимой оценки качества образования Пензенской области» [4].

В исследованиях приняли участие более 20 000 респондентов (включая обучающихся и их родителей, педагогов и руководителей общеобразовательных организаций 3 городских округов и 27 муниципальных районов Пензенской области). Тип выборки – многоступенчатая (с квотированием на уровне муниципалитетов и общеобразовательных организаций). Обработка первичных данных проведена на основе программного продукта IBM SPSS Statistics Base.

По результатам проведенных исследований было выявлено следующее:

Большинству обучающихся (87,8 %) нравится учиться в школе, более половины из них (58,2 %) вполне удовлетворены полученными знаниями (рис. 2).

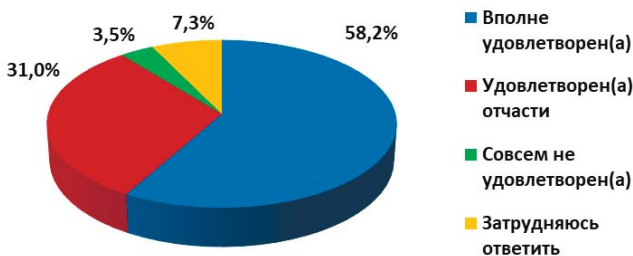

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством знаний, получаемых в школе?»

Однако лишь 53,3 % школьников вполне по силам усвоение учебной программы. Затруднения в процессе обучения связаны, прежде всего, с необходимостью усвоения большого объема учебных материалов, недостаточным пониманием отдельных тем по учебным предметам, сложностями в общении с педагогами и снижением учебной мотивации обучающихся.

Результаты исследования также позволяют сделать вывод, что в школах Пензенской области проводится большая работа по профессиональной ориентации обучающихся, что способствует повышению качества образования. Большинство респондентов отметили, что, обучаясь в общеобразовательных организациях, они не только приобретают необходимые знания по учебным предметам, но и получают помощь при выборе будущей профессии – это: проведение тестирования на интересы, способности и личные качества (43,7 %), организация экскурсий на предприятия (29,8 %), проведение лекций о профессиях (26,1 %), презентации учреждений профессионального образования (23,5 %), деловые игры и тренинги на самоопределение (16,0 %).

Большинство родителей обучающихся в целом положительно оценивают качество образования, предоставляемого их детям в школе (рис. 3).

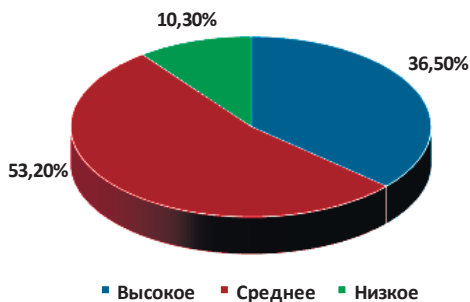

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество образования, предоставляемого Вашему ребенку в школе?»

Однако здесь отмечается ряд проблем, связанных с высоким уровнем учебной нагрузки, сложностями самостоятельного выполнения домашних заданий, неустойчивым интересом детей к обучению и др. Также 75,8 % родителей считают необходимым ежегодное проведение в школе независимой оценки качества образования.

Педагоги дают более высокие оценки качеству общего образования, чем родители обучающихся (рис. 4).

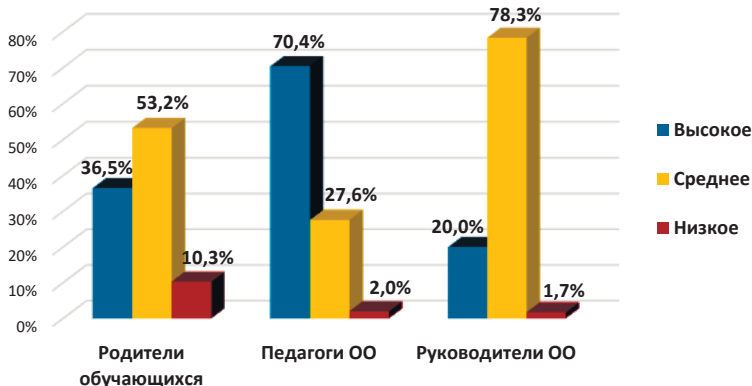

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оценка качества общего образования (по мнению участников образовательных отношений)»

Кроме того, педагоги отмечают: высокую степень учебной нагрузки в школе (49,0 %), сложности с усвоением учебных материалов (55,4 %) и неустойчивость интереса к школьникам к учебе (68,3 %). Также 28,4 % педагогов не вполне знают образовательные запросы своих учеников, а 40,2 % констатируют, что школа лишь частично обеспечивает удовлетворение образовательных запросов обучающихся и их родителей.

В качестве условий, оказывающих положительное влияние на качество образования, отмечены: интенсивное применение педагогами образовательных технологий (81,5 %) и повышение качества образовательных программ (60,8 %). Также 80,0 % респондентов полностью удовлетворяет качество образования, обеспечиваемое их школами, а остальные 20,0 % – оценивают его критически, предлагая возможные подходы к совершенствованию работы в данном направлении.

Самые умеренные оценки качеству общего образования дают директора школ (рис. 4). Также 75,3 % руководителей считают, что школа полностью обеспечивает образовательные запросы обучающихся и их родителей. В числе основных проблем, ограничивающих потенциал школы в предоставлении качественного образования, руководители отмечают: проблемы кадрового обеспечения (65,3 %), сильную перегрузку при подготовке отчетной документации (57,7 %), недостаточность материальной базы (48,3 %) и технического обеспечения (50,0 %), нехватку вспомогательного персонала (35,0 %) и сложности взаимодействия с родителями обучающихся (35,3 %).

В качестве основных причин снижения успеваемости школьников и проблем повышения качества общего образования, руководители отмечают:

- наличие детей с низкими интеллектуальными способностями, снижение творческой активности и мотивации обучающихся, самоустранение родителей от взаимодействия со школой и, как следствие, снижение мотивации к эффективной работе у учителей;
- отсутствие преемственности между начальной и основной школой, недостаточный профессиональный уровень некоторых педагогов, отсутствие индивидуальной работы с обучающимися;
- расхождение позиций обучающихся, педагогов и родителей по вопросам качества образования и определения причин снижения успеваемости, недостаточный уровень социально-психологической диагностики школьников, зависимость обучающихся от гаджетов;
- перегрузка учебными предметами, а также проблемы, связанные со сложной эпидемиологической ситуацией и необходимостью организации дистанционного обучения, подчас в ущерб качеству общего образования.

Результаты проведенного мониторинга использованы на региональном и муниципальном уровнях с целью повышения качества образования и совершенствования деятельности общеобразовательных организаций Пензенской области. Разработаны и реализованы планы дальнейшей работы, включающие проведение информационной работы с родителями обучающихся и методической работы с педагогами образовательных организаций.

Мониторинг и своевременное принятие управленческих решений, направленных на снижение остроты указанных проблем, безусловно способствует повышению качества общего образования в масштабе региона, что является обоснованием для регулярных замеров общественного мнения по утвержденным показателям с отслеживанием динамики результатов.

Таким образом, общественный контроль и мониторинг, реализуемые в рамках функционирования региональной системы независимой оценки качества образования Пензенской области, выступают основой для принятия обоснованных управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях, способствует построению обучения в соответствии с образовательными потребностями обучающихся, служит эффективным механизмом развития современной школы.

Литература

1. Концепция региональной системы оценки качества образования Пензенской области : утв. Приказом Министерства образования Пензенской области от 15.07.2021 № 361/01-07.
2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204.
4. Информационно-аналитический портал «Региональная система независимой оценки качества образования Пензенской области». URL: <http://noko.rcoi58.ru>.
5. Общественный совет по независимой оценке качества образования // Сайт Министерства образования Пензенской области. URL: <https://minobr-penza.ru/o-ministerstve/obshchestvennye-sovety/obshchestvennyy-sovet-po-nezavisimoy-otsenke-kachestva-obrazovaniya>.

К ВОПРОСУ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ ПОСРЕДСТВОМ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ЖИТЕЛЕЙ ИРКУТСКА И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ, ЖИВУЩИХ С ДАННЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ И ВЫНЕСЕНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДАННОМУ НАПРАВЛЕНИЮ

В статье аргументируется, что для принятия важных стратегических решений всегда необходима полная картина происходящего, которая может быть получена проведением социологического опроса внутри целевой группы. Подчеркивается, что люди, живущие с ВИЧ (ЛЖВ), они среди нас, они мы, и одновременно, они вне общества. Сделан вывод, что слишком высокая стигматизированность не дает возможности жить с «открытым лицом». Приведены данные проведенного исследования, где дается анализ от путей заражения до побочных эффектов лечения.

Ключевые слова: ВИЧ, статистика, пути передачи, побочные эффекты, приверженность лечению, рекомендации, медицинские услуги.

Т. В. Bashkatova

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF THE SPREAD AND PREVENTION OF HIV THROUGH THE DATA OF A SOCIOLOGICAL PLHV SURVEY AND MAKING RECOMMENDATIONS FOR FURTHER ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ACTIVITIES IN THIS AREA (IRKUTSK REGION)

To make important strategic decisions, a complete picture of what is happening is always necessary, it can be obtained by a sociological survey within the target group. People living with HIV (PLHIV), they are among us, they are us, and at the same time, they are outside society. Too high stigmatization makes it impossible to live with an "open face". Thus, the data of the study, which provides an analysis from the ways of infection to the side effects of the treatment, is even more valuable.

Keywords: HIV, statistics, transmission routes, side effects, treatment adherence, recommendations, medical services.

Чтобы оказание помощи было действительно нужным, актуальным и востребованным необходимо понимать запросы, которые присутствуют внутри целевой группы. Работая с категорией ЛЖВ (люди живущие с ВИЧ), мы видим, что на контакт данная категория людей идет неохотно доверие можно заслужить только многолетней работой. Благотворительный фонд «ТАК надо!», за плечами которого 5 лет деятельности в данном направлении, провел опрос. Его результатом стали выводы, которые могут быть использованы как для рекомендаций госорганам, так и для написания грантовых заявок. В опросе приняли участие 200 респондентов из числа иркутян, живущих с ВИЧ в возрасте от 16 до 50 лет. Среди них 55 % мужчин (110 чел.), 45 % женщин (90 чел.). Это совпадает с процентным соотношением полов среди группы населения «люди, живущие с ВИЧ» (далее – ЛЖВ) в городе Иркутске.

Распределение по возрасту и роду занятий также соответствует данному соотношению, что позволяет говорить о высокой степени репрезентативности выборки проведенного исследования. С учётом того, что размер выборки составил 1,74 % от общего числа ЛЖВ в Иркутске (11,5 тыс. чел. по данным ГБУЗ «ИОЦ СПИД»), то при доверительной вероятности его результатов в 95 % доверительный интервал («погрешность») составляет 1,37 %. Всё это говорит о высокой степени достоверности полученных по результатам анкетирования данных.

Опрос проводился на сайте Благотворительного фонда «ТАК надо!», в мае-июле 2021 г. Исследуемая тематика была разбита на 4 блока: 1) социально-демографические характеристики и путь передачи ВИЧ; 2) лечение и диспансеризация ЛЖВ; 3) жизнь с ВИЧ; 4) обратная связь и обращение за помощью к НКО.

Блок 1. Социально-демографические характеристики и пути передачи ВИЧ

Проведя анализ данных, распределение по путям передачи оказалось весьма близким к соотношению путей передачи вируса в популяции ЛЖВ в городе Иркутске: 47 % (94 чел.) получили вирус естественным – половым – путём, 45 % (90 чел.) – через кровь (при использовании нестерильного инструментария для инъекций), 8 % (16 чел.) опрошенных оказались детьми, рождёнными от ВИЧ-положительных матерей в период с 1999 по 2004 г., и тем самым получившими вирус по рождению. Такое соотношение также свидетельствует о высокой степени достоверности данных проведённого опроса при проекции его на всю группу иркутян-ЛЖВ.

39 % опрошенных (78 чел.) состоит в официально зарегистрированном браке или в сожительстве, 61 % (122 чел.) не имеют постоянных личных отношений. Отметим, что участвовавшие в опросе женщины в 1,5 раза чаще отвечали, что состоят в браке и в отношениях (44 чел. / 49 % от всей женской выборки), чем мужчины (33 чел. / 33 % от мужской части ответивших).

Вероятно, это может быть связано с 3 факторами (как с каждым в отдельности, так и в целом со всеми):

1) остающиеся актуальными стереотипы о гендерных ролях в обществе (женщине «неприлично» быть не замужем);

2) более высокая сложность в построении семейных отношений для мужчин, живущих с ВИЧ, которые из-за физиологических особенностей могут представлять большую опасность в качестве источника заражения для своего сексуального партнёра, чем ВИЧ-положительные женщины;

3) присутствие в выборке гомо- и бисексуальных мужчин, которые могут чаще, чем гетеросексуалы отвергать понятия семьи и брака как устарелые и не соответствующие современному уровню развития общества (в самой анкете вопросы о сексуальной ориентации и гендерной идентичности отсутствовали).

Блок 2. Лечение и диспансеризация ЛЖВ

Ответы на вопросы данного блока частично подтвердили официальные данные, распространяемые ГБУЗ «ИОЦ СПИД», частично их опровергли, а также отчасти выявили новые проблемы и аспекты эпидемии ВИЧ-инфекции в г. Иркутске, на которые в размещаемых официальных информационных материалах редко обращали внимание.

Охват терапией ВИЧ-положительных иркутян составляет 74,5 % – к таким выводам можно прийти по данным анкетирования, в котором 149 респондентов ответили на вопрос «Принимаете ли Вы АРВТ?» утвердительно и ещё 51 чел. (25,5 %) отрицательно. При этом информацию о побочных и нежелательных эффектах от приёма АРВТ подтвердили 70 % респондентов, получавших медпрепараты, 30 % признались, что таких эффектов в период проведения опроса не испытывают, но раньше они имели место быть.

Чаще всего, по результатам ответа на следующий вопрос, принимающие терапию сталкиваются или сталкивались с головокружением и диареей – 28 % от числа всех принимающих АРВТ ответили положительно. Неожиданно частым оказалось выпадение волос – 18 %. В меньшей степени участвовавшие в опросе отметили появившуюся у них желтушность – 9 % от числа принимающих АРВТ, повышение холестерина – 7 %, повышение ферментов печени – 5 %. Самыми редкими из отмеченных побочных эффектов стали галлюциногенные состояния. Об их наличии сообщили 3 % от числа всех принимающих АРВТ.

Возможное несоответствие частоты встречавшихся побочных эффектов показателям, выявлявшимся при исследовании препаратов АРВТ, можно объяснить двумя причинами:

– респонденты не до конца разбираются в вопросах собственного здоровья и, скорее всего, невнимательно следят (или не имеют такой возможности) за показателями анализов и биологических исследований собственного организма (внешние проявления фиксируются чаще, чем внутренние – желтушность замечают чаще, чем повышение ферментов печени);

– общее подавленное состояние, вызванное стигматизированным диагнозом и страхом за собственную жизнь, вызывающее психосоматические проявления (подробнее о душевном состоянии респондентов из числа иркутян – ЛЖВ будет описано в блоке «Жизнь с ВИЧ»), из чего можно сделать вывод об объективном отсутствии столь частого проявления побочных и нежелательных эффектов по причине, непосредственно связанной с приёмом препаратов АРВТ.

60 респондентов, принимающих АРВТ – 43 %, сообщили, что их схема лечения не изменялась за всё время приёма препаратов. Для 15 чел. (10 %) схема лечения изменялась в связи с нехваткой препаратов старой схемы лечения, для 9 чел. (6 %) схема менялась из-за выработки резистентности к старым препаратам. Отметим, что только 37 чел. (24 % – почти каждый 4-й из всех принимающих АРВТ) рассказали, что именно нежелательные эффекты от лекарств привели к изменению схемы лечения хотя бы один раз. В 22 случаях (13 %) схема лечения изменялась по причине выхода новых эффективных препаратов. 7 чел. (4 %) признались, что не знают причину изменения схемы лечения.

Внимание заслуживает факт, что 16 чел., принимавших АРВТ и столкнувшихся с побочными эффектами (11 %), не сообщали лечащему врачу об этих эффектах. Хотя большая часть опрошенных, столкнувшихся с такими явлениями, рассказывала об этом медикам. Об этом, отвечая на вопросы анкеты, заявили 89 чел. (60 %), принимавших АРВТ.

По словам респондентов, схему лечения после первого сообщения врачам о побочных и нежелательных эффектах сменили только в 18 случаях (20 %). Ещё для 19 чел. (21 %) были даны рекомендации по смене образа жизни, чтобы свести побочные эффекты к минимуму. Большинству пожаловавшихся на побочные эффекты врачам – 35 чел. (40 %) – было рекомендовано продолжить приём выписанных препаратов, сохраняя схему, для лучшей адаптации их организма к назначенным лекарствам. Среди опрошенных ЛЖВ-иркутян, жаловавшихся на побочные эффекты своему лечащему врачу, почти каждый пятый заявил о недостаточности обратной связи на их первую жалобу на «побочку» от медиков. Таковых было 17 чел. (19 % – почти каждый 10-й, принимающий АРВТ).

Для 45 чел. (50,56 %, или чуть больше половины от всех пожаловавшихся) побочные эффекты после первого обращения к врачу не исчезли. Это составляет 42,86 % всех испытавших побочные эффекты / 30,2 % всех принимающих АРВТ / 22,5 % всех участвовавших в опросе ЛЖВ-иркутян. В зависимости от полученных (или не полученных врачом рекомендаций) распределение в этой подгруппе выглядит следующим образом:

– 6 чел. (33,33 %, или каждый третий) из числа тех, кому была изменена схема лечения (6,74 % пожаловавшихся на «побочку» / 5,71 % испытавших «побочку» / 4,02 % принимающих терапию / 3 % выборки);

– 9 чел. (47,37 %, или почти половина) из тех, кому были даны рекомендации сменить образ жизни (10,11 % из числа пожаловавшихся врачу на АРВТ / 8,57 % из числа испытавших нежелательные эффекты / 6,04 % всех принимающих АРВТ / 4,5 % выборки);

– 20 чел. (57,14 %, или больше половины), кому рекомендовали продолжить приём препаратов для лучшей адаптации организма к терапии (22,47 % или чаще, чем каждый пятый из числа пожаловавшихся на побочные эффекты АРВТ / 19,04 % или почти каждый пятый из всех испытавших эти явления / 13,42 % принимающих АРВТ / 10 % всей выборки ЛЖВ);

– 10 чел. (58,82 %) тех, кто по собственному признанию не получил обратной связи от врача на поступившую жалобу (11,24 % пожаловавшихся врачу на побочные эффекты АРВТ / 9,52 % испытавших эти эффекты / 6,04 % принимающих АРВТ / 5 % выборки из ЛЖВ-иркутян).

В пропусках или срывах приёма препаратов АРВТ признался 61 опрошенный (40,94 %). Об отсутствии пропусков или срывов заявили 88 чел. (59,06 %).

Чаще всего пропуски и срывы в лечении опрошенные объясняли психологической усталостью от лечения – такой ответ был получен от 41 опрошенного (70,5 % всех пропускавших или останавливающих приём АРВТ).

Причиной пропусков или срывов также стали побочные и нежелательные эффекты для 34 респондентов (57 % случаев). 13 респондентов (23 %) сообщили, что срывы и сбои в лечении у них происходили из-за сложности попасть к врачу ввиду удалённости лечебного учреждения или нехватки времени в часы приёма. Среди причин срывов и пропусков приёма АРВТ фигурируют нежелание ходить к врачу – 3 случая (5 %) – это самый редкий ответ на вопрос. Самым «экзотическим» и вместе с тем самым тревожным, поскольку это может свидетельствовать об опасном поведении, на вопрос о причинах пропусках или срывов в приёме препаратов стал ответ «не считаю заболевание серьёзным». Его дали 8 чел. (15 %).

Среди факторов, отличающих в лучшую сторону профильное лечебное учреждение, в котором они наблюдаются в связи с ВИЧ-положительным статусом, 54 респондента (27 % выборки) отметили современное оснащение, 81 чел. (40,5 %) – профессионализм врачей, 103 участника опроса (51,5 %) – современное здание, 13 (6,5 %) опрошенных или небольшие очереди, 29 ЛЖВ-иркутян (14,5 %), заполнявших анкету, выбрали ответ «индивидуальное ведение пациентов», ещё 42 анкетированных (21 %) – возможность получить консультации разных специалистов в одном месте. 86 чел. (43 %) считают, что лечебное учреждение, в котором они наблюдаются, в лучшую сторону не отличается ничего.

Среди десяти вариантов ответа на вопрос о том, что осложняет получение медицинских услуг в профильном учреждении здравоохранения, где респонденты наблюдаются в связи с ВИЧ-положительным статусом, наиболее популярным стала нехватка или отсутствие необходимых специалистов. О ней заявили 88 чел., или 44 % опрошенных. Второе и третье места занимают соответственно невозможность дозвониться до регистратуры (39 % – 78 чел.) и низкая вероятность попасть на приём к врачу в день обращения (37 % – 74 чел.). Среди остальных вариантов ответа поддержку респондентов получили (в порядке убывания по популярности) собственная высокая загруженность на работе пациентов (33,5 % – 67 чел.), большие очереди (25,5 % – 53 чел.), неудобное расписание режима работы врачей (13,5 % – 27 чел.), невозможность пройти общую диспансеризацию в профильном лечебном учреждении (13 % – 26 чел.), страх раскрытия своего диагноза среди знакомых (12,5 % – 25 чел.), собственная ограниченность передвижения пациента в связи с потерей значительной части здоровья, слабость, ухудшение самочувствия (11,5 % – 23 чел.).

Среди ответов на открытый вопрос «Что в работе профильного лечебного учреждения, где Вы наблюдаетесь в связи с ВИЧ-положительным статусом, по Вашему мнению, можно было бы улучшить?» было дано несколько десятков разнообразных ответов. Среди них присутствовали те, которые сводились к введению электронной очереди (16,5 % – 33 чел.), продлению режима работы регистратуры и увеличению численности её штата (14 % – 28 чел.), увеличению приёма врачей в вечернее время (21,5 % – 43 чел.), расширению ассортимента диагностических и лечебных услуг (11,5 % – 23 чел.), расширению ассортимента лекарств, выдаваемых в аптеке (17 % – 34 чел.), введению стационара (9 % – 18 чел.). Самыми популярными среди ответов стали обеспечение лучшей возможности пройти приём у узких специалистов (47 % – 94 чел.), неожиданно, увеличение зарплаты медикам (39,5 % – 79 чел.).

На вопрос, насколько просто респондентам соблюдать правила диспансерного наблюдения в ЛПУ общего профиля, к которому они прикреплены по месту жительства/прописки/работы/ по страховому полису, 38 чел. (19 %) сообщили, что диспансерное наблюдение у них не вызывает сложностей, а 162 чел. (81 %) отметили, что сложности всё же присутствуют. Они обусловлены длинными очередями для 123 чел. (61,5 %), нехваткой специалистов для 69 чел. (34,5 %), удалённостью места проживания от учреждения и сложность с транспортом для 28 чел. (14 %), хамством и негативным отношением медперсонала к ЛЖВ для 16 чел. (8 %), отсутствием документов для 8 чел. (4,94 % подгруппы / 4 % выборки).

Блок 3. Жизнь с ВИЧ

Субъективная оценка состояния собственного здоровья по 5-балльной шкале респондентами на момент проведения опроса распределилась следующим образом: на 5 баллов состояние своего здоровья оценили 19 чел. (9,5 %), на 4 балла – 47 чел. (23,5 %), на 3 балла –

91 чел. (45,5 %), на 2 балла – 43 чел. (21,5 %). В сумме отлично и хорошо состояние своего здоровья оценили чуть менее трети опрошенных – 66 чел. (33 %), «тройку» и «двойку» поставили более двух третей – 134 респондента (67 %).

При этом в зависимости от того, получают ли ЛЖВ терапию или нет, оценки распределяются по-разному. На 5 баллов состояние своего здоровья оценивают 6 чел., не принимающих АРВТ (3 % из выборки / 11,76 % из подгруппы без АРВТ) и 13 чел. из группы принимающих АРВТ (6,5 % выборки / 8,72 % подгруппы на АРВТ). Факт, что лица, которые не принимают АРВТ, оценивают отлично своё здоровье в 1,35 раза (на 35 % в относительных долях величинах) чаще, чем те, кто уже принимает терапию, по мнению клиентов и равных консультантов фонда можно объяснить тем, что на начальных стадиях развития ВИЧ-инфекции, когда ещё не все получают терапию, в целом самочувствие ЛЖВ остаётся хорошим, так как вирус ещё не успел причинить организму значительного вреда. Однако по мере развития болезни отсутствие терапии вскоре начинает изменять оценку собственного самочувствия на противоположное. Это подтверждают дальнейшие результаты исследования.

На 4 балла своё здоровье оценили 7 чел. без терапии (3,5 %), т. е. в 1,96 раза реже, чем те, кто принимают терапию – таковых было 40 чел. (20 %). На 3 балла своё самочувствие оценили 23 чел. без терапии (11,5 %) – почти так же часто, как и те, кто принимает терапию. Таковых было 68 чел. (37,5 % выборки/45,64 % на АРВТ). Примерно равное распределение долей в подгруппах принимающих и не принимающих АРВТ, поставивших такую оценку может объяснять наличие побочных эффектов, о которых говорилось в предыдущем блоке исследования. Полностью не удовлетворены состоянием своего здоровья оценившие его в 2 балла 15 чел. без терапии (7,5 %) – в 1,41 раза чаще, чем 28 чел. на терапии (15,5 %).

В подгруппе тех, кто не принимает терапию, «четвёрку» и «пятерку» своему здоровью в сумме поставили 13 чел. (6,5 %), а «двойку» и «тройку» – 38 чел. (19 %). В подгруппе тех, кто принимает терапию, положительные оценки своему здоровью дали 53 чел. (26,5 % выборки – на 40 % или в 1,4 раза чаще ЛЖВ без АРВТ), а отрицательно оценили его 96 чел. (48 %).

50 % (ровно 100 чел.) опрошенных сообщили об отсутствии у них сопутствующих с ВИЧ диагнозов. Оставшиеся 100 (50 %) рассказали о том, что на фоне ВИЧ-инфекции у них имеются сопутствующие болезни. В общей сложности было названо 18 диагнозов. Однако наиболее часто упоминались следующие патологии: вирусный гепатит С (21 % / 42 чел.); вирусный гепатит В (18,5 % / 37 чел.); различные формы туберкулёза (12 % / 24 чел.).

Сложности в получении медицинских услуг в профильных медицинских учреждениях, тем не менее, почти половине респондентов (44,5 % – 89 чел.) не мотивировали обращаться в частные клиники. Во то же время чуть больше половины опрошенных в связи со своим состоянием, обусловленным ВИЧ-положительным статусом, получали платные услуги (111 чел. / 55,5 %) в коммерческих медучреждениях. При этом все из них обращались туда, чтобы сдать анализы (111 чел. / 55,5 %), 21 чел. (18,92 % подгруппы обратившихся в платные клиники / 10,5 % ЛЖВ) также проходили там приём или осмотр врача, а 9 чел. (8,11 % подгруппы / 4,5 % выборки) обращались в коммерческие медицинские заведения за психологической помощью.

На вопрос об оценке своего душевного состояния 9 чел. (4,5 %) назвали его отличным, 83 чел. (41,5 %) дали ответ «среднее, как обычно», 93 чел. (46,5 %) признались, что испытывают депрессию, ещё 25 респондентов (12,5 %) признались в суицидальных мыслях. Отметим, что в сумме респондентов, негативно оценивших своё душевное состояние, оказалось подавляющее большинство – 118 чел. (59 %). При этом, по данным опроса, к психологу для решения своих проблем обращался только 51 чел. (25,5 %), а почти две трети – 149 чел. (74,5 %) не делали этого.

О работающих группах взаимопомощи, куда ходят, в том числе равные консультанты, на базе профильных медицинских учреждений, где респонденты наблюдаются в связи с положительным ВИЧ-статусом, или на базе некоммерческих организаций 102 участника анкетирования (51 %) никогда не слышали. Из тех, кто о них знает, в них обращалось чуть мень-

ше половины респондентов – 47 чел. (24 %), а большая часть – 51 чел. (25 выборки) такие группы не посещали. Тем не менее, индивидуальную помощь равных консультантов в решении проблем, связанных с душевным состоянием, состоянием здоровья и по правовым вопросам, получали 52 чел. (26 %), 148 (74 %) человек такую помощь не получали. Для собственного информирования о жизни с ВИЧ интернет-ресурсами пользуется лишь 26 чел. (13 %), а 174 чел. (87 %) не пользуется для этих целей интернетом.

Среди проблем, с которыми пришлось столкнуться респондентам после постановки им диагноза «ВИЧ-инфекция» подавляющее большинство отметили страх смерти (123 чел. / 61,5 %) и разглашение диагноза (102 чел. / 51 %). Чуть меньше половины, но тоже довольно часто среди ответов присутствовали сложность в поиске сексуального партнёра (99 чел. / 49,5 %), проблемы и дискриминацию, стигму в семье и на работе (91 чел. / 45,5 %), сложность в получении медицинской помощи (42,5 % / 95 чел.). 71 опрошенный (35,5 %) признался, что после диагноза ему стало сложнее искать и находить новую работу.

За помощью в некоммерческие организации приходилось обращаться 31 участнику анкетирования (15,5 %). При этом наиболее часто участники обращались в Иркутское отделение Российского красного креста (13 чел., 6,5 %), а также немного реже поровну в Центр соц.услуг «Навигатор» и в Благотворительный фонд «ТАК надо!» (по 11 чел., 5,5 %). Ещё 169 чел. (84,5 %) ответили, что за такой помощью они никогда ранее не обращались. На вопрос «Какую помощь Вы хотели бы получить от нашей организации (возможно несколько вариантов ответа)?» 62 респондента (31 %) выбрали консультацию, 18 опрошенных (9 %) – паллиатив (сопровождение), 181 участник анкетирования (90,5 %) выбрал психологическую помощь, 34 заполнивших анкету (17 %) – юридическую, правозащитную, 55 чел. (27,5 %) – психологическую помощь.

Блок 4. Обращение за помощью

После обработки анкет и удаления результатов без должного качества обратной связи по этому блоку, в пропорциональном соотношении были получены приблизительно те же результаты, какие принёс ответ на последний вопрос блока «Жизнь с ВИЧ». В описании социологического исследования мы не можем подробно изложить полученные данные, так как взяли на себя обязательство по сохранению личных тайн респондентов. Однако полученные результаты в целом подтвердили высокое качество и репрезентативность выборки из числа ЛЖВ-иркутян.

Выводы

ВИЧ-инфекция – сложное заболевание, требующее постоянного контроля состояния здоровья, своевременного лечения и оказания психологической поддержки. Борьба за здоровье больного – это улица с двухсторонним движением для врачей и пациентов. Число схем терапии всё ещё ограничено, но их уже значительно больше, чем 10–15 лет назад, а современные препараты уже способны свести побочные эффекты к минимуму и даже побороть резистентность. Однако рекомендации назначать лекарства практически сразу после постановки диагноза на практике всё ещё не соблюдаются: высокий процент охвата лечением, тем не менее, далёк от обозначенной в Парижской декларации цифр «90 – 90 – 90». Почти четверть ЛЖВ-иркутян не принимает терапию. Помимо этого, пациентам, вероятно, не разъясняется достаточно доходчиво, чем важен приём терапии и принципы её действия – это подтверждает расхождение данных по видам и частоте побочных эффектов с результатами клинических испытаний. Смене схемы лечения после первого сообщения о побочных эффектах врачи предпочитают дать рекомендации сменить образ жизни или «потерпеть», очевидно, не всегда досконально раскрывая причины этих эффектов. К слову, иногда эти рекомендации срываются, что тоже скорее свидетельствует об отсутствии достаточной информационной и психологической работы с ЛЖВ.

Проблемы во взаимосвязи врачей и пациентов можно объяснить большим числом ЛЖВ и не достаточным для такого объёма пациентов числом врачей, вызывающее перегруженность профильных медицинских учреждений, где наблюдаются и проходят лечение ЛЖВ. Об этом

свидетельствуют отзывы о длинных очередях и трудностях в получении медицинских услуг для каждого отдельно взятого пациента, очевидно сокращение времени реального взаимодействия врачей и больных.

Обусловленная этим нехватка информации о болезни и способах лечения у самих пациентов приводит к появлению догадок и гипотез, а также вместе с другими упомянутыми выше факторами ухудшает соматическое и душевное состояние. Чтобы избавиться от этих проблем, более половины опрошенных обращались в частные клиники, чаще всего, чтобы сдать анализы. Фактически забранные пробы крови и других биоматериалов в частных клиниках, в дальнейшем направляются на исследование в те же государственные профильные лечебно-профилактические учреждения, в которых ЛЖВ наблюдаются в связи со своим диагнозом. Из этого можно сделать вывод о необходимости реорганизации процесса оказания медицинских услуг в целях сделать его более комфортным для пациентов, увеличив число узких специалистов и рабочих часов, дав реальную возможность посещения врача в удобное для себя время.

Наличие побочных эффектов у препаратов, которые придётся принимать всю жизнь, вероятно, заставляет многих начинать лечение как можно позже. Но на деле о состоянии своего здоровья те, кто принимает терапию, в среднем отзываются лучше, чем те, кто эту терапию не принимает. Разъяснительная и просветительская работа с пациентами, а также психологическая поддержка способны увеличить их приверженность лечению, тем самым существенно снизив риски дальнейшего распространения ВИЧ в популяции.

Между тем такая деятельность в профильных лечебных учреждениях не поставлена на высокий уровень. Об этом свидетельствует низкое число пациентов, обратившихся к психологам и равным консультантам, как в лечебных учреждениях, так и в некоммерческих организациях. Более того, значительное число ЛЖВ вообще не слышали о такой работе. Хотя она уже давно проводится, хоть и нуждается в поддержке своего развития и расширении.

Информация о лечении, снижении побочных эффектов, о современных схемах терапии, позволяющих буквально не чувствовать на себе никакого влияния болезни, и психологическая поддержка доступна в группах взаимопомощи с равными консультантами. Эти группы находятся в перманентно зачаточном состоянии, хотя порой охватывают несколько десятков человек, и нуждаются в более широкой поддержке и взаимодействии с профильными медицинскими учреждениями. И именно они способны в доступной форме дать понять людям с опасным вирусом в организме, как перестать бояться и начать жить. Это также разгрузило бы лечебно-профилактические учреждения по профилю ВИЧ-инфекции от большого пласта работы, а освободившиеся ресурсы можно было бы направить на улучшение качества оказываемых медуслуг.

Суммируя вышеизложенное, основные рекомендации, сделанные из выводов конкретного социологического исследования, можно свести к следующим трём пунктам:

- 1) более широкое внедрение и применение в лечебной практике современных схем терапии с препаратами, имеющими минимальное число побочных и нежелательных эффектов, что увеличит приверженность лечению среди пациентов;

- 2) более широкое и тесное привлечение пациентских ВИЧ-сервисных НКО для оказания психологической, консультационной и иной поддержки по принципу «равный – равному» для улучшения психологического состояния ЛЖВ и повышения их лояльности к действующей в городе и регионе системе оказания помощи им, а также снижению опасного поведения;

- 3) реорганизация работы профильных лечебных учреждений, ориентированных на оказание медпомощи ЛЖВ, переформатирование их деятельности с акцентом на оказание широкого спектра медицинских услуг в более удобной и комфортной для пациентов форме за счёт делегирования части функций по психологической и консультационной работе пациентским некоммерческим организациям и объединениям.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

Работа посвящена определению функций и ресурсов современного экспертного сообщества. Автор предлагает сделать переоценку ресурсного потенциала экспертного сообщества в части тех ресурсов, которые сегодня наиболее востребованы в обществе, при решении государственных задач. Акцентировано внимание на расширение функций российского экспертного сообщества в современных условиях.

Ключевые слова: экспертное сообщество, ресурсный потенциал экспертного сообщества, экспертные технологии, экспертная культура.

P. I. Grabelnykh

Irkutsk regional branch of the Union of local historians of Russia, Irkutsk

MAIN FUNCTIONS AND RESOURCES OF THE MODERN EXPERT COMMUNITY

The work is devoted to defining the functions and resources of the modern expert community. The author proposes to reassess the resource potential of the expert community. Attention is focused on expanding the functions of the Russian expert community in modern conditions.

Keywords: expert community, resource potential of the expert community, expert technologies, expert culture.

У каждого времени и народа есть свои «герои». У последних же, есть свое предназначение. Представляется, что одним из ключевых субъектов исторического / политического процесса сегодня являются общественные деятели. Именно благодаря их вкладу обеспечивается гибкость и адаптивность, открытость и прозрачность в процессах принятия управленческих / политических решений. Опираясь на большой социальный/политический опыт, они выполняют функцию «мягкой силы», проявляемой посредством внедрения культуры согласия и культуры несогласия в аспекте их общественно-политической и социокультурной динамики. Иными словами, основным предназначением общественных деятелей в настоящее время является понимание / отражение / интерпретация современных социальных процессов, формирование представлений о них и создание реальных возможностей для принятия политических решений, отвечающих требованиям социального мира и безопасности. Риску предположить, что *общественные деятели в переходные периоды развития обществ, когда переосмысливается связь времен между прошлым и будущим, таковыми становятся*. Они становятся признанными «героями» на пике той волны, которая в дальнейшем их вынесет на «берег». Сущностным признаком их деятельности становится «трансляция культурного / экономического кода». Именно благодаря такому коду обеспечивается преемственность поколений во всех сферах жизнедеятельности, сохранение традиций, видение условий для реализации инноваций. Без опоры на традиции, нет понимания инноваций. Традиция формирует инновацию, проявляется посредством инновации, инновация – это, по сути, новая традиция.

Выдвижение новой инициативы и ее продвижение в сложных условиях – своего рода «геройство» Субъекта по самому факту социального действия и социальной инициативы. Общественная активность – категория с несколькими переменными. То, что сегодня является инициативой, завтра ею уже не является. У каждой инициативы свой срок существования. Инициатива и инициативность ускользают во времени – могут «раствориться», могут быть отвергнутыми, а могут быть услышанными и поддержанными. Неслучайно общественное участие многие исследователи рассматривают как проект. Выдвижение и участие в реализации государственных и социальных инициатив формирует пространство общественной активности, которое в свою очередь функционально определяет задачи так называемого проекта «общественное участие».

Если основной характеристикой общественного деятеля является его личный вклад в общественное развитие, в силу выдвижения им зачастую смелых инициатив и их безуслов-

ное продвижение, то наделенный экспертными и контрольными функциями общественный деятель приобретает формальный статус «властных полномочий». Отныне его участие опосредовано формальным включением в структуру власти (открытые правительства, органы общественного контроля при исполнительных органах власти и проч.). Субъект фактически утрачивает свою независимость. Между тем ресурсы для выдвижения инициатив и проявления социальной активности остаются и возрастают.

У каждого общественного деятеля свой масштаб возможностей, независимо, в какой сфере он проявляет свою общественную активность (наука, культура, образование, религия, строительство, здравоохранение и др.). Среди новых форматов деятельности – общественное участие по линии экспертных сообществ. Современные экспертные сообщества имеют большой интеллектуальный и организационно-коммуникационный потенциал, который содействует движению общества к прогрессивному развитию. Общественные деятели в составе экспертных сообществ в достаточной мере реализуют свои важные функции и ресурсы. Среди основных функций экспертных сообществ в настоящее время – сохранение общественной активности, консолидация общественных сил, развитие организационно-коммуникационных связей, содействие накоплению и реализации интеллектуального потенциала своего народа, нации и мн. др. Придавая большое значение контрольным и оценочным функциям, мы видим необходимым сделать переоценку ресурсного потенциала экспертного сообщества, именно в части тех ресурсов, которые сегодня наиболее востребованы в обществе, при решении государственных задач.

Требуется четко обозначить основные пути и механизмы активизации имеющихся общественных ресурсов. *Общественные деятели должны быть интегрированы в существующие современные экспертные системы и группы.* Благодаря такой интеграции на общественно-профессиональной и научной основе могут быть найдены оптимальные пути и способы к регулированию целого ряда острых социальных проблем. Широкое включение общественных деятелей как особой социально-активной группы (ученых, педагогов, врачей, военных, волонтеров, представителей культуры и специалистов в области информационных технологий, представителей промышленности и сельского хозяйства и мн. др.) приведет к безусловному расширению функций российского экспертного сообщества и обеспечит большой совместный вклад в прогрессивное развитие российского общества.

В целом полагаем, что в обществе должны быть «Маяки», образцы для подражания по силе общественной активности в сфере удовлетворения образовательных, культурных, духовных и других запросов общества. И такие «Маяки» должны составлять основной ресурс и быть частью современного экспертного сообщества.

ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Выделяются виды экспертиз в сфере культуры, говорится о специализированных советах и организациях Иркутской области, проводящие экспертную оценку в сфере культуры, их функции и роли в жизни региона. Делается попытка постановки проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: культура, экспертиза, Общественный совет, Иркутская область.

М. К. Качан

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERTISE IN THE SPHERE OF CULTURE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM (BY THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

The article highlights the types of expertise in the field of culture, talks about the specialized councils and organizations of the Irkutsk region, conducting an expert assessment in the field of culture, their functions and role in the life of the region. An attempt is made to formulate a problem in this area.

Keywords: culture, expertise, public council, Irkutsk region.

Рассматривая культуру в самом широком значении – как совокупность материальных и нематериальных достижений человечества, как сферу жизнедеятельности общества, – возникает вопрос возможности ее исчерпывающей оценки и полноценного анализа ввиду колоссальной глубины и величины феномена культуры. На помощь приходит дифференциация сферы культуры на более конкретные объекты изучения и оценки. Так, выделяют следующие виды экспертиз в культуре:

1. Оценка эффективности реализации культурной политики.
2. Культурологическая экспертиза объектов культурного наследия (памятников, зданий, одежды, оружия, антиквариата, ювелирных изделий и т. д.).
3. Художественная критика (экспертная оценка произведений литературы, кинематографа и др.).
4. Анализ законодательства Российской Федерации в сфере культуры и привлечение молодежи к мероприятиям по обсуждению в данном направлении (основная деятельность Экспертного совета по культуре Молодежного Парламента при Государственной Думе РФ).

Агентами экспертизы в сфере культуры могут выступать как аттестованные Министерством культуры РФ эксперты (на основании Постановления Правительства РФ от 14.09.2020 № 1425), так и частные организации или частные лица.

В Иркутской области при министерстве культуры и архивов созданы такие совещательные органы, как Координационный совет по культуре при Губернаторе Иркутской области, Координационный совет руководителей органов управления культуры муниципальных образований, Общественный совет при министерстве культуры и архивов Иркутской области и Коллегия при министерстве, в состав которых входят представители законодательной и исполнительной властей Иркутской области, руководители органов управления культуры муниципальных образований Иркутской области, руководители и работники областных и муниципальных учреждений культуры, заслуженные работники культуры, председатели Иркутских региональных отделений Общероссийской организации «Союз писателей России», Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», Молодежного центра Иркутского областного отделения «Союз кинематографистов России», заслуженные работники культуры. Деятельность Общественных советов при исполнительных органах власти является неотъемлемой частью гражданского общества. Они осуществляют контроль от лица общественности и выполняют консультативно-совещательную функцию [2].

В Иркутской области также функционируют Комиссия по культуре и сохранению историко-культурного наследия, входящая в состав Общественной палаты Иркутской области, и ОГАУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия», основанный еще в советские годы. Такое обилие экспертных учреждений в Иркутской области: Общественный совет, Комиссия и Центр вызвано необходимостью соблюдения российского законодательства, а также потребностью региона в сохранении своей историко-культурной аутентичности.

Однако, говоря о культурологической экспертизе и отмечая ее «чрезвычайно широкое предметное поле», важно отметить ее принадлежность к группе «новых видов экспертиз» [1, с. 2]. Экспертиза в сфере культуры в настоящее время находится в процессе становления, в особенности же экспертиза культуры как духовной, нематериальной сферы общества, «культурности». Все еще является затруднительным объективно, достоверно, полноценно и рационально оценивать культурную составляющую личности, социальных групп и общностей, а также социума в целом. На сегодняшний день акцент (в частности, в национальном проекте «Культура») ставится в большей степени на формирование современной инфраструктуры, материально-технической базы в учреждениях культуры регионов и дополнительное профессиональное образование их работников.

Таким образом, на наш взгляд, существует запрос на формирование методологических и методических практик экспертизы в сфере культуры с точки зрения реализации всех ее функций, в том числе коммуникативной, интегративной и аксиологической.

Литература

1. Садохин А. П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-resursy-kulturologicheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 09.05.2022).
2. Об утверждении положения об Общественном совете министерства культуры и архивов: приказ министерства культуры и архивов Иркутской области от 28.10.2015 № 56-мпр-о. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/sovnet/56-mpr-o.docx> (дата обращения: 09.05.2022).
3. Общественный совет при министерстве культуры и архивов Иркутской области // Министерство культуры и архивов Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/sovnet/> (дата обращения: 09.05.2022).

УДК 316.4

Д. Д. Денисов

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск

РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ПРОВЕДЕНИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Обозначена роль общественных советов при исполнительных органах власти и граждан-получателей услуг в проведении независимой оценки качества условий оказания услуг в организациях социальной сферы с анализом каждого пункта оценки. Выделены слабые стороны и недостатки. Рассмотрен региональный опыт применения инструментов общественного контроля и на его основе предложены пути совершенствования системы независимой оценки.

Ключевые слова: независимая оценка качества услуг, общественный совет, общественный контроль, социальная сфера.

D. D. Denisov

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

THE ROLE OF PUBLIC CONTROL TOOLS IN CONDUCTING AN INDEPENDENT ASSESSMENT OF THE QUALITY OF SERVICES PROVIDED BY SOCIAL ORGANIZATIONS

The article describes the role of public councils under the executive authorities and citizens-recipients of services in conducting an independent assessment of the quality of services provided by social organizations with analysis of each item of the assessment. Weaknesses and shortcomings are indicated. The regional experience in the use of public control tools is considered, and ways to improve the system of independent assessment are proposed.

Keywords: independent quality service assessment, public council, public control, social sphere.

Независимая оценка качества оказания услуг организациями социальной сферы – это определённая процедура оценивания организаций социальной сферы, которая позволяет определить качество оказания социальных услуг и предоставить гражданам-потребителям услуг необходимую информацию об уровне проверенной организации. Такую независимую оценку можно назвать инструментом общественного контроля. На законодательном уровне это стало закреплено в 2014 г., когда были приняты следующие нормативные акты:

– Федеральный закон № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования». В рамках этого закона общественные советы, которые действуют при исполнительном органе государственной власти (ИОГВ) региона, должны принимать участие в НОК [9].

– Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля», который регулирует деятельность общественных советов [10].

Применение инструментов общественного контроля в целом должно помочь развитию ответственности гражданского общества, а применительно к сфере оценки способствовать честности проведения и прозрачности итогов проверки [7, с. 20].

Формой проведения НОК является оценочное исследование, которое основано определённой методологии, представляющий собой систему критериев, установленных на законодательном уровне. Поэтому кроме общественных советов участниками являются органы государственной власти в регионах (местные министерства).

Для исследования роли общественного контроля надо более детально рассмотреть деятельность общественных советов и граждан-получателей услуг в рамках независимой оценки качества (схема представлена на рис.), выявить определённые недостатки и описать возможные пути их устранения, а также описать существующие критерии оценки и определить их проблематику.

Рис. Участники независимой оценки качества

Деятельность общественных советов регулируется 212-ФЗ [10]. У общественных советов при ИОГВ существуют следующие обязанности: составление списка организаций, которые подлежат оценке; проведение оценки на базе учреждений социальной сферы; обработка информации, предоставленной организацией-оператором.

Согласно действующему законодательству, общественный совет НОК при ИОГВ должен состоять из:

- членов общественных объединений инвалидов и ветеранов;
- представителей общественных организаций, созданные с целью защиты прав и свобод граждан.

В подобные советы не могут входить представители организаций социальной сферы, в которых проводится оценка; общественных объединений, относящихся к подлежащей оценке социальной сфере; государственной власти и органов самоуправления.

Для осуществления своей деятельности в рамках НОК, общественный совет должен соблюдать следующие предписания: совет должен состоять минимум из пяти человек; совет должен ротировать одну треть своего состава каждые три года; представители совета проводят свою деятельность на общественных началах.

Участники совета имеют следующие права:

- 1) выступать инициатором мероприятий в рамках независимой оценки и принимать в них непосредственное участие;
- 2) запросить у органов государственной власти и муниципалитета информацию, которую может быть нужна для осуществления оценки;
- 3) в ходе проведения оценки свободно посещать ИОГВ и различные муниципальные организации.

Кроме деятельности общественного совета необходимо разобрать роль граждан-получателей услуг в независимой оценке. Они имеют права отмечать недостатки в работе организаций социальной сферы, предлагать различные пути улучшения качества оказания услуг и участвовать в проверке в составе общественных советов. Также граждане могут принять участие в следующих формах опроса:

- анкетирование – представлено на сайте организации-оператора или организации, подлежащей оценке;
- интервьюирование – проводится представителями общественного совета или сотрудниками организации оператора;
- телефонный опрос – проводится теми же лицами, что и интервьюирование.

Объём выборки респондентов формируется для организации исходя из численности получателей услуг в течение календарного года и должен составлять 40 % от рекомендуемого объёма, но не более 600 респондентов.

Участники общественных советов и граждане-получатели услуг оценивают следующие критерии оказания услуг, которые законодательно закреплены приказом министерства труда Российской Федерации от 31 мая 2018 г. № 344 [11].

«Открытость и доступность информации об организации».

В рамках этого критерия оценивается присутствие на сайте организации информации о способе связи (электронная почта, номер телефона, форма подачи жалоб и предложений, анкета о качестве обслуживания); наличие информационных стендов внутри здания учреждения; уровень удовлетворённости граждан получателей услуг доступностью информации об учреждении.

«Комфортность условий предоставления услуг».

Данный критерий включает в себя оценку комфортных условий в здании организации (зона отдыха, понятная схема навигации, наличие питьевой воды и санитарно-гигиенических помещений, возможность забронировать услугу); время ожидания (только для организаций здравоохранения и социального обслуживания); доля получателей услуг, удовлетворённых комфортностью.

«Доступность услуг для инвалидов».

В этот критерий входит оценка доступности для инвалидов помещений и прилегающих территорий организации социальной сферы; наличие условий, позволяющих инвалидам получать услуги (дублирование звуковой и зрительной информации, альтернативная версия сайта учреждения, возможность предоставления дистанционных услуг).

«Вежливость работников учреждения».

Для оценки данного критерия проводится опрос или анкетирование среди получателей услуг об уровне вежливости и доброжелательности работников организации.

«Общая удовлетворённость условиями оказания услуг».

В рамках этого критерия также проводится опрос или анкетирование, результаты которых должны показать уровень удовлетворённости получателей услуг.

На сайте www.bus.gov.ru обозначен следующий механизм подсчёта результатов независимой оценки. Сначала формируется оценка отдельных показателей для каждой организации, после высчитывается средняя оценка для организации, региона (с учётом оценок всех организаций), отрасли социальной сферы. Для каждого этапа максимальная оценка равна 100 баллам.

Роль инструментов общественного контроля уже достаточно давно изучается в научной среде. На данный момент в литературе отмечаются следующие недостатки:

– Введение прямой ответственности из-за рейтинга организации (на сайте www.bus.gov.ru) может сказаться на честности оценки. Для того чтобы избежать негативного влияния из-за низкого рейтинга, руководители учреждений социальной сферы могут прибегать к незаконным методам воздействия на проверяющие органы. Это связано с нынешним механизмом составления рейтинга и с малым количеством независимых участников проверки [1, с. 57].

– Существующие методики предоставления социальных услуг и требования, закреплённые законами, слабо проработаны. Из-за этого учреждения могут находить определённые лазейки в законодательстве, помогающие избежать ответственности за нарушения [6, с. 131].

– Наибольшее влияние на интерпретацию результатов независимой оценки оказывают федеральные и региональные министерства. Например, Федеральный закон № 212-ФЗ «об основах общественного контроля» не предоставляет достаточно инструментов влияния для общественных советов в рамках НОК [10].

– Несмотря на то что количество общественных организаций в России растёт, их роль в проведении оценки всё ещё незначительна. Можно назвать несколько причин, обуславливающих данную проблему: подобные организации создаются, чтобы заполнить недостающее звено в системе независимой оценки, принимая в ней лишь номинальное участие; у многих из них нет чёткой структуры вступления, а их составы меняются крайне редко, в основном чередуя одних и тех же людей; низкий уровень доверия к подобным организациям среди населения [5, с. 103–104].

– Также на эффективность общественных советов влияют некоторые представители некоммерческих организаций, стремящихся попасть в советы при ИОГВ не для того, чтобы обеспечить честность проверки, а для влияния на распределение бюджетов. Из-за этого у руководителей учреждений социальной сферы появляются вопросы о необходимости формирования подобных советов [5, с. 104].

– Отмечается, что основным участником независимой оценки, которые проводят саму проверку, являются общественные советы и организации, создающиеся при непосредственном участии органов муниципального управления (состав совета утверждается представителями исполнительных органов власти). Но из-за подобного отношения к их формированию не принимаются во внимания главные принципы общественного контроля, так как подобные советы принимают решения в интересах государственных структур, а не потребителей услуг [4, с. 68].

– Роль граждан-получателей услуг в проведении независимой оценки представлена в статье 3 федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Они обладают лишь наблюдательными функциями и могут участвовать только в проведении опроса и анкетировании. Правом полного участия в проверке они не обладают [4, с. 69].

– Также критике подвергаются и установленные критерии проверки [2, с. 33–34].

В критерии «открытости и доступности информации» важные для потребителя единицы информации (такие как график работы и перечень услуг) имеют одинаковую ценность с менее значимыми, а для проверки сайтов и стендов представлены одинаковые требования, хотя количество размещённой информации на них совершенно разное.

Для «комфортности предоставления услуг» также присутствует много незначительных аспектов проверки (состояние гардероба и т. д.), которые позволяют набрать необходимое количество баллов, даже если выявлены нарушения в более крупных (большое время ожидания предоставления услуги или ненадлежащее состояние санитарных помещений).

Как уже выше отмечалось, у проверяющих может быть недостаточно компетенций для оценивания уровня оказания услуг для инвалидов.

Критерий «доброжелательность и вежливость работников» достаточно субъективен, а для более объективной оценки необходимо проводить масштабное анкетирование у большинства получателей услуг, что представляется довольно сложной задачей, учитывая установленные сроки проведения независимой оценки.

Обобщая вышеуказанную информацию, можно заявить, что исследователи общественного контроля в рамках независимой оценки качества сходятся в том, что существующая система требует определенных изменений. В разных регионах Российской Федерации используются следующие методы для исправления недостатков федеральной системы:

1. В Архангельской области представлено дополнительное звено проверки – общественные советы при организациях социальной сферы. Они создаются на время проведения оценки и осуществляют следующую деятельность: проведение анкетирования; заполнение экспертной анкеты; проверка на наличие необходимой информации на сайте учреждения и на стендах в здании [7, с. 25–26].

Подобный дополнительный орган проверки позволяет уменьшить нагрузку на совет при ИОГВ и организацию-оператора, а также предоставит дополнительное мнение по деятельности организации социальной сферы, что позволит сделать итоговую оценку более объективной.

2. В Тамбовской области для обеспечения более объективной оценки организаций образования в общественные советы активно привлекаются родители учащихся. Семьи обучающихся высказывают своё мнение об учебном заведении, что позволяет более качественно оценить уровень оказания услуг [12, с. 23–25].

3. В 2015 общественный совет при министерстве образования Новосибирской области по проведению независимой оценки был создан уникальным способом – в форме открытого рейтингового интернет-голосования граждан. Кандидатами в состав общественного совета были представители общественных организаций, а также независимые заинтересованные кандидаты-самовыдвиженцы.

При этом большая часть кандидатов (83,6 %) активно участвовали в общественной деятельности на территории региона. Среди кандидатов были депутаты различных уровней власти (5 чел.), члены регионального штаба Общероссийского народного фронта (2 чел.), члены Общественного совета при министерстве образования прошлого созыва (7 чел.), члены Общественной палаты Новосибирской области (4 чел.), члены общественной организации Профсоюза работников образования и науки (6 чел.). В период голосования граждане отдали более 30 тысяч голосов за кандидатов [8].

4. В Республике Мордовия представлена собственная форма независимой оценки организаций культуры – социологическое исследование. Общественный совет при министерстве культуры и туризма совместно с научным центром социально-экономического мониторинга предоставили следующую методику. Первый этап представляет собой стандартную выборку организаций и составление базы данных.

Второй этап проверки имеет определённые отличия от федеральной модели. Вместо стандартного выставления баллов по критериям, в анкетах для потребителей были расширены сами критерии и представлено несколько вариантов ответов в интервале «удовлетворён – не удовлетворён», в дальнейшем эта информация обрабатывается и переводится в систему

баллов. То есть вместо одного вопроса «уровень открытости и доступности информации об организациях культуры» человек, заполняющий анкету, должен дать ответ на несколько вопросов (по типу «удовлетворены ли вы информацией об выставках» или «удовлетворены ли вы информацией о предстоящих мероприятиях») [3]. Подобный подход позволяет более широко взглянуть на полученную информацию в результате оценки и предоставить по итогу более объективные результаты. В некоторых регионах представители общественного совета должны проходить обучение, которое может длиться несколько дней. Это необходимо для того, чтобы они понимали суть критериев, так как у многих из них может не быть необходимой квалификации для, например, оценки качества предоставляемых услуг для инвалидов.

Подобная практика была взята из опыта стран Северной Америки, где также проводится обучение членов общественных советов, которые участвуют в оценке качества услуг, предоставляемых организациями здравоохранения. Но кроме обучения они проходят тщательные проверки и отбор, в дополнении они дают письменное согласие на оценку собственной деятельности (при этом их работа никак не оплачивается) [5, с. 102–103].

Таким образом, для существующей на сегодняшний день модели проведения независимой оценки научным сообществом представлены различные варианты ее улучшения. Обмен опытом между регионами мог бы помочь ускорить движение в данном процессе и упростить совершенствование нынешней модели.

Литература

1. Бердников В. А., Вахтин А. А. Экономико-правовые аспекты независимой оценки качества услуг в социальной сфере // АНИ: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 2. С. 56–57.
2. Давыдов Д. В. Недостатки критериев независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями // Исследование и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере. 2020. С. 32–34.
3. Калачина О. С. Независимая оценка качества оказания услуг организациями культуры в Республике Мордовия: опыт проведения социологического исследования // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации. 2017. С. 16–26.
4. Михеев Д. С. Некоторые размышления о субъектах общественного контроля // Вестник Марийского государственного университета, серия: Исторические науки, юридические науки. 2019. № 1. С. 66–71.
5. Рагозина Л. Г. Общественное участие в развитии и контроле качества социальных услуг: опыт России и зарубежных стран // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 97–108.
6. Скудалова О. В. Оценка контроля качества оказываемых социальных услуг в России // Вестник Тверского государственного университета, серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 127–132.
7. Ушакова Р. И., Голубева Е. Ю. Совершенствование модели независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания // Новаторство в социальной работе: теоретические и практические аспекты : монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2020. С. 14–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38214995> (дата обращения: 21.04.2022).
8. Документы Общественного совета при министерстве образования Новосибирской области // Общественный совет при министерстве образования Новосибирской области. URL: <http://os54.ru/documents> (дата обращения: 21.04.2022).
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70701066/> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70170950/> (дата обращения: 20.04.2022).
11. Об утверждении единого порядка расчета показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы : приказ Минтруда России № 344 от 31 мая 2018 г. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1319> (дата обращения: 20.04.2022).
12. Эффективные практики общественного контроля в образовании // Фонд президентских грантов. URL: <https://cutt.ly/LGoHIRa> (дата обращения: 21.04.2022).

РАЗДЕЛ 4. СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***

CHAPTER 4. SOCIOLOGY IN THE SYSTEM OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: SCIENTIFIC GROUNDING OF EXPERT ACTIVITY

УДК 316.2+004.946+004.8

Л. И. Найденова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассмотрены основы и исторические предпосылки возникновения новой научной отрасли – цифровой социологии. Дана эволюционная классификация теорий и подходов, предшествующих появлению цифровой социологии. Охарактеризованы основные тенденции ее развития в теоретическом и практическом направлениях. Показаны перспективы применения ее методологии и научного инструментария для исследования новых социальных явлений и регулирования социальных процессов.

Ключевые слова: цифровая социология, информатизация общества, информационное общество, цифровые технологии.

L. I. Najdenova

Penza State University, Penza

DIGITAL SOCIOLOGY: DEVELOPMENT TRENDS AND OPPORTUNITIES OF MODERN RESEARCH

The article examines the foundations and historical prerequisites for the emergence of a new scientific branch – digital sociology. The evolutionary classification of theories and approaches preceding the emergence of digital sociology is given. The main trends of its development in theoretical and practical directions are characterized. The prospects of applying its methodology and scientific tools for the study of new social phenomena and regulation of social processes are shown.

Keywords: digital sociology, informatization of society, information society, digital technologies.

Появление и очень быстрое распространение цифровых технологий значительно изменило многие сферы жизни общества. И изменения оказались такими, что существующих социологических теорий стало недостаточно, чтобы с помощью их теоретико-методологического подходов объяснить новые явления и спрогнозировать возможные последствия.

С середины XX в. заметно усилилась роль информации в организации и функционировании общества, и появились значительные трансформации в общественных отношениях, в социальной структуре и социальных процессах под влиянием или при активном участии информации. Футурологи быстрее, чем социологи заметили это, и увидели, какой потенциал несет возрастающее значение информации, поскольку она уже стала определять новые основы отношений в изменяющемся обществе.

В 2010 г. Р. Нил охарактеризовал сущность цифровой социологии. В 2013 г. был определен предмет цифровой социологии, а в 2015 г. была опубликована научная работа Д. Лаптон «Цифровая социология». Эта предметная область охарактеризована как субдисциплина, которая направлена на понимание применения цифровых средств массовой информации в качестве неотъемлемого атрибута повседневной жизни, и применения разных научных технологий для исследования моделей поведения человека, социальных отношений и создания концепции самоуправления [1].

Историческими предпосылками возникновения цифровой социологии следует считать информатизацию всех сторон жизни общества, которая определяется как организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов [2].

Следует различать понятия «Информационные технологии» и «цифровые технологии». Существует достаточное множество определений этих понятий. В обобщенном виде можно охарактеризовать информационные технологии как формализованное выражение научных знаний и практического опыта, с помощью которых возможно эффективно организовать информационный процесс получения, переработки, анализа и хранения информации, для дальнейшего ее использования (в экономических, социальных, культурных и р. процессах общественной жизни).

Цифровые технологии – это дискретная система, основанная на способах кодирования и передачи информации, которые необходимы для решения разных задач за сравнительно короткие периоды времени. Цифровые технологии – это частный, более узкий и практический вид информационных технологий.

Информационных технологии, включающих цифровые технологии, уже на рубеже XX и XXI вв. быстро стали распространяться в производственных процессах и в социальных взаимодействиях, а сейчас заняли важное и стабильное место в жизни каждого индивида и всего общества. Теоретическими основами появления цифровой технологии следует считать три основных группы теорий: теории постиндустриализма; теории информационного общества и информатизации общества; теории цифровизации.

Постиндустриализм как социологическое направление раскрывается в трудах Д. Белла, Т. Веблена, М. Кастельса. Знания и информация стали рассматриваться как ресурс развития постиндустриального уклада жизни людей, со своей стоимостью. Теоретики постиндустриализма предвидели, что на смену индустриальным укладам жизни придут новые, где будут преобладать информация и знания. Заслуга постиндустриализма в том, что он теоретически обосновал будущие трансформации общества, основу которого составят информация и знания.

Уже в конце 60-х гг. XX в. Ю. Хаяши (Hayashi) сформулировал понятие «информационное общество», а в работах И. Масуды (Masuda) были обоснованы возможные изменения в общечеловеческих ценностях под влиянием информации и информационных технологий. В качестве проблем, которые уже в недалеком будущем составят предмет социологических исследований, авторы теорий информационного общества назвали изменения в социальной стратификации и в социальных отношениях. Поскольку основную ценность будет иметь информационная емкость продукта, то разработка информационных продуктов и ресурсов будет преобладать по сравнению с производством материальных благ. Сами эти продукты и ресурсы станут материализованными благами, что мы сейчас видим на примерах распространения техники и технологий беспроводной связи. Такие явления неизбежно должны изменить и формы взаимодействия индивидов в обществе.

В 2000 г. М. Кастельс в научной работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» анализирует роль информации в современном обществе, дает основные характеристики и динамику усиливающегося применения информации в современном обществе, и показывает значение информации в общественных переменных [3]. Социологический аспект прослеживается в научных трудах Г. Шиллера. Этот автор обосновал, что в «информацион-

ную эпоху» классовое неравенство не исчезает, а может приобретать иные, новые формы. Это возможно, потому что определяющим фактором оказывается содержание и условия создания информации, а также то, кто получает при этом выгоду. Сейчас можно сказать, что сбылись предвидения Г. Шиллера насчет усиления роли информации [4]. И появление новых социальных групп или слоев (прекариат, креативный класс), которые в начале XXI в. стали объектом социологических исследований, подтверждает предположение о новых формах классовой стратификации в обществе.

Э. Тоффлер (ТоШер) внес большой вклад в теорию информационного общества. В его научных работах «Третья волна», «Футурошок», «Метаморфозы власти» проводится основная идея о том, что будет и уже увеличивается число лиц, занятых преимущественно информационной деятельностью. При этом система интерактивных коммуникаций активно меняет и характер межличностных, а также групповых отношений, и содержание общественных процессов. Становление информационного общества – это глобальный процесс производства и использования информации как общественного ресурса. Все это приводит к глубоким изменениям в социально-экономических, политических и социокультурных структурах общества.

Развитие цифровой социологии наблюдается в России. Отечественные социологи и другие специалисты (Н. П. Ващекин, В. М. Лейбин, В. Г. Пушкин, А. Д. Урсул, А. И. Раки-тов) давно начали исследовать проблемы информатизации общества, создания и применения искусственного интеллекта, а во втором десятилетии XXI в. развитие цифровой социологии происходит в двух важных направлениях: теоретико-методологические подходы к исследованию (В. И. Дудина, М. В. Кобакин, В. Ф. Ницевич, Е. В. Щекотин) и сами исследования различных сторон жизни общества с помощью цифровых технологий и формирующихся подходов цифровой социологии (В. В. Волков, Е. Ю. Журавлева, И. В. Розина).

С 2018 г. в России выпускается журнал «Цифровая социология», где делается обзор исследований цифровой среды, в том числе с применением онлайн методами, и характеризуются тенденции развития цифровой среды. По мнению В. Ф. Ницевича, пока еще нет единой теории цифровизации, но уже имеются направления частного характера, которые рассматривают ее составляющие [5]. Происходят принципиальные изменения в социологической науке и практике, на которые обращает внимание О. В. Крыштановская [6, с. 4–8]. Появление новых и компьютерных технологий для сбора и обработки социологической информации приводит к прогрессивным изменениям в разработке методического инструментария социологии, характерной для цифровой эпохи. А. Г. Полякова отмечает качественно новое направление – цифровое моделирование социальных механизмов, которое используется для сценариев развития социальных процессов, проверки согласованности описательных теорий, изучения механизмов развития возникающих явлений [7, с. 52].

Цифровые гуманитарные науки воздействовали на разработку теоретической базы и предметного поля цифровой социологии, они создали основы следующих направлений исследований: профессиональная цифровая практика; проблемы применения цифровых средств массовой информации; проблемы критической цифровой социологии; проблемы публичной цифровой социологии; социологические аспекты формирования киберпространства и киберкультуры.

Появляются новые сферы социологических знаний: «социология интернета», «социология социальных средств массовой информации», «социология киберкультуры». Е. Ю. Журавлева выделяет вычислительную социологию как «сферу исследовательских стратегий, проектирования, методов сбора и анализа данных, являющихся результатом применения технологий Web 2.0», и относит эту вычислительную социологию вместе с социальной информатикой к «электронным социальным наукам» [8, с. 29].

Цифровизация заняла важное и прочное место в социальной сфере, связанной с, предоставлением услуг социального обеспечения определенным категориям населения. Незаменимыми стали цифровые сервисы в медицинском обслуживании, а цифровые технологии – в образовании, особенно с вынужденным переводом студентов многих вузов на дистанционное обучение в период пандемии коронавируса. Эти процессы не только вызвали необходи-

мость исследования современных общественных процессов для управления ими, но и начали формировать теоретические основания для приращения знания о новой цифровой социальной реальности.

Появились и конкретные теории, которые можно отнести к теориям среднего уровня. Например, это теория цифрового неравенства (Е. А. Григорьева, Д. Е. Добринская, Т. С. Мартыненко); или регулирование общественно-политических коммуникаций, включая интернет-коммуникации (Ю. В. Асочаков, Ю. Д. Артамонова, Д. В. Иванов). Другие примеры – это исследования, предметом которых является цифровой труд, цифровое благополучие, цифровое образование, цифровая общественная сфера. Все они также закладывают основу для теорий, которые уже в ближайшем будущем могут получить статус социологических теорий среднего уровня.

Цифровые технологии повлияли социальную идентичность человека, сообщества индивидов в новом цифровом измерении. Именно цифровая социология способна выявить специфику этих коммуникаций. Следует согласиться с определением цифровой социологии Д. Е. Добринской, которое представляется довольно исчерпывающим в методологическом смысле. Цифровая социология – это направление в современной социологии, целью которого является изучение цифрового общества, и технологическая инфраструктура которого представлена новейшими цифровыми технологиями (сети, большие данные, алгоритмы, платформы) [9, с. 255]. Это определение следует дополнить описанием предметов цифровой социологии, которое дает А. Г. Полякова. Цифровая социология изучает социальную среду и социальные механизмы, т. е. устойчивые во времени отношения между различными деятелями, которые обеспечивают достижение определенного результата, поскольку основаны на исследованных закономерностях функционирования, ориентированных на взаимодействие индивидов [7, с. 53].

В научных трудах современных социологов можно выделить основные научные принципы, которыми руководствуется цифровая социология.

Американский социолог Дж. С. Коулман в своей теории рационального выбора (Coleman) утверждает объяснительный принцип социальной активности человека цифрового мира, на основе того, что индивиды рационально выбирают свои стратегии поведения, чтобы они были наиболее эффективными в отношении конечного результата. Другой принцип, введенный Дж. Коулманом – это принцип особого методологического индивидуализма, на основе которого можно вывести следующие принципы, применимые для цифровой социологии:

1) виртуальные коммуникации имеют значение в условиях социальных практик, подверженных влиянию цифровизации как макрофактора, при использовании интернет-ресурсов на микроуровнях социального взаимодействия;

2) поэтому при исследовании виртуальных коммуникаций необходимо учитывать особенности виртуального взаимодействия на микроуровнях между пользователями социальных сетей онлайн;

3) а также надо учитывать влияние микроуровня на макро-условия, главным из которых является восприятие пользователя интернетом в качестве социального субъекта: и экономического человека [10, с. 8–9].

Еще один важный принцип – привлекательность интернет-ресурсов для удовлетворения личных и групповых потребностей – можно усмотреть в научных трудах современных российских социологов. М. В. Кибакин и С. А. Гришаева отмечают, что несмотря на все риски виртуального взаимодействия (недостовверная информация, хакерские атаки, информационные перегрузки) индивиды предпочитают входить в цифровое пространство для социальных коммуникаций. Использование интернет-ресурсов больше соответствует удовлетворению личных и групповых потребностей, чем отказ от социальной активности в сети Интернет [10, с. 8–9].

Развитие цифровой социологии открывает великие перспективы в направлениях эмпирических исследований. Например, становится реальным создание информационной системы инновационного типа, на основе систематизации подходов к разработке социально-

экономических мониторингов. При этом большие перспективы открывает применение технологий больших данных (Big Data). Создается теоретико-методическое обоснование для принятия управленческих решений и оценки эффективности деятельности органов власти [7, с. 60].

Уже ведутся исследования социального доверия в эпоху цифровых трансформаций (Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов), а социальное доверие, как известно, является важной составной частью социального, политического, культурного и, возможно, новых, пока формирующихся, внеэкономических форм капитала.

Выводы

Цифровая социология может быть отнесена к междисциплинарным направлениям исследований, поскольку существует взаимосвязь технических и естественнонаучных теорий с социальными последствиями информатизации общества и цифровизации ряда отраслей в обществе.

Цифровая социология – это не просто «теория среднего уровня». В ней объединены:

– Основания для новых теоретико-методологических подходов к исследованию социальных (возможно, не только социальных) явлений; возможно, это станет началом развития новой социологической концепции, которую, например, могут назвать, например, «информационно-сетевой стратификацией» (условное название), по аналогии с социальной стратификацией, и которая позволит успешно исследовать макро- и микросоциологические процессы, включая информацию как определитель социальных взаимодействий на любом из этих уровней.

– Новые направления для практических междисциплинарных исследований (социология управления, политическая социология, политология).

– Новый методический инструментарий и технологии для углубленного исследования и понимания современных социально-экономических, социально-политических и собственно социальных процессов в жизни современного общества. Это не только применение облачных технологий или баз Big Data для хранения и анализа информации, но еще и применение искусственного интеллекта для выработки управленческих решений в качестве прикладного аспекта проводимых исследований. Становится возможным непрерывный мониторинг социальных явлений и процессов, выбор оптимальных решений для их регулирования, и прогнозирование сценариев развития многих современных явлений и процессов в различных вариантах, в условиях неопределенности и риска.

Литература

1. Lupton D. Digital sociology: An Introduction // SSRN Electronic Journal. 2012. August. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2273418.
2. Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 25.12.1995 № 24-ФЗ (в ред. от 10.01.2003). URL: https://phys.bspu.by/static/lib/inf/posob/stu_m/index.html (дата обращения: 27.04.2022).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 595 с.
4. Уэбстер Ф. Теория информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова и Н. В. Малыхиной. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
5. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 18–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-teoretiko-metodologicheskie-istoki-i-osnovaniya>.
6. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 4–8.
7. Полякова А. Г. Цифровая социология и исследование социальных механизмов в интернет-пространстве // Социодинамика. 2021. № 2. С. 51–64. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32163.
8. Журавлева Е. Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 25–33.
9. Добринская Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 223–227.
10. Кибакин М. В., Гришаева С. А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 1. С. 4–9.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В СВЕТЕ ФЕНОМЕНА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Рассматривается частный случай функционирования экспертного знания, при котором экспертиза не может дать полную гарантию объективности. Обращение к экспертному знанию происходит в случае прерывания повседневности, или в проблемной ситуации. Эксперт восстанавливает нормальное течение жизни за счет типизации проблемной ситуации. Однако сам процесс типизации экспертом не рефлексивируется; осознание данного обстоятельства означает понимание логической структуры повседневности.

Ключевые слова: повседневность, экспертное знание, типизация.

A. E. Smirnov

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk

SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF EXPERT KNOWLEDGE IN THE PERSPECTIVE OF THE PHENOMENON OF EVERYDAY LIFE

The article considers a special case of the functioning of expert knowledge, in which the examination cannot give a complete guarantee of objectivity. Access to expert knowledge occurs in the event of an interruption in everyday life, or in a problematic situation. The expert restores the normal course of life by typing the problem situation. However, the typing process itself is not reflexed by the expert; awareness of a given circumstance means understanding the logical structure of everyday life.

Keywords: everyday life, expert knowledge, typing.

Сюжет, о котором мы хотели бы поведи речь, заключается в следующем. В ряде случаев между теоретическим экспертным знанием и его применением существует цезура, некое «слепое пятно». Причина его «невидимости» заключается в специфическом типе функционирования *повседневности*. Последняя же, ввиду своей принципиальной понятности и прозрачности, с точки зрения не-социологических, региональных дисциплин, по определению не нуждается в каком-либо учете и тем более научном рассмотрении. Такого рода «неопознаваемое» существенным образом влияет на специфику функционирования экспертного знания, а точнее – на профессиональное поведение эксперта-профессионала как субъекта этого знания.

Содержательная часть данной работы опирается на исследования А. Л. Ионина, результаты которых были опубликованы в 90-х гг. прошлого века, однако остающихся актуальными [1; 2]. В методологическом отношении мы опираемся на традицию представления бытия как становления, позволяющую рассматривать социальность как то, что превышает связность сознания и субъекта. Важные аспекты такого подхода в социологии были следующим образом сформулированы Б. Ванденфельсом. Во-первых, повседневность не существует, не дана сама по себе; она всегда *является* в результате соответствующих практик; во-вторых, повседневность в качестве понятия неявным образом выполняет дифференцирующую функцию, отделяя повседневное от не повседневного. Наконец, в-третьих, дискурс о повседневности не отождествим с самой повседневностью: «речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью в повседневной жизни» [3, с. 41].

Не рассматривая всю сложность явления повседневности, а также огромное количество литературы, посвященной этой теме, будем понимать под повседневностью привычное, упорядоченное, близкое. Близкое, привычное и упорядоченное настолько, что оно естественным образом не замечается: повседневное как противоположность не-повседневному. Повседневность есть всегда; это абсолютно неустраимая грань социальной жизни. Она естественным образом не воспринимается нами. Повседневность есть некий незаметный фон, гарантирующий устойчивость и покой. Фактически о повседневности мы незаметным образом «узнаем» лишь в ситуации ее отсутствия, т. е. посредством некоторого эксцесса, взрывающего привычный ход событий. Иными словами, повседневность может нарушаться определенного

рода *проблемными ситуациями*. Речь идет о ситуациях, когда нормальное течение жизни оказывается по каким-то причинам прерванным. Соответственно, возникает необходимость восстановления *нормы*. И тогда люди в ряде случаев обращаются для разрешения экстраординарной, эсцессивной ситуации к специализированному профессиональному, т. е. к экспертному знанию. Именно экспертное знание призвано нормализовать ситуацию, вернуть жизнь в ее привычное измерение.

С проблемными ситуациями сталкивается каждый. Например, болезнь – это эксцесс, требующий нормализации посредством умений и знаний врача. Совершенное преступление – это событие, нарушающее повседневность, и оно для нормализации ситуации требует вмешательства полиции. Если на заседании Государственной Думы депутат начнет петь застольную песню, тогда для восстановления нормальной работы представительного и законодательного органа, возможно потребуются эксперт – психиатр. Словом, одна из социальных функций экспертизы – нормализация повседневности, возвращение ее в нормальные рамки. Назначение эксперта – переопределить ситуацию, сделать так, чтобы она перестала быть непонятной и бессмысленной.

Обратимся к специфике экспертного знания. Каким образом происходит нормализация проблемной ситуации? Человек существует, понимая. Поэтому проблемная ситуация прежде всего должна быть *объяснена*, интерпретирована. Распевание песен на заседании Госдумы может быть интерпретировано как нарушение психического здоровья певца; нарушение здоровья – как переохлаждение организма и т. п. Интерпретации подобного рода выполняют важную социальную функцию – они переопределяют ситуацию. Интерпретированный эксцесс перестает быть эксцессом и вписывается в повседневность. Эксперт всякий раз объясняет случившееся. Начиная с этого момента каждый знает, каким образом обходиться с «ненормальным» и что нужно делать, если человек болен или нарушил закон. Что бы ни произошло, благодаря экспертному знанию ситуация перестает быть взрывной по отношению к повседневности и при всей своей возможной тяжести и непереносимости перестает быть *немыслимой*.

Люди верят экспертам – начиная с эпохи Просвещения это обстоятельство является важнейшим условием социальности. Традиционно принято считать, что компетенция эксперта и его профессиональные навыки решительным образом превосходят скромные способности обыденных деятелей [2, с. 71]. И неудивительно – ведь характер экспертного знания заключается в том, что оно объективно, а следовательно – глубже, систематичнее и конкретнее обыденного знания.

Присмотревшись внимательно к специфике экспертных интерпретаций, можно выделить универсальную объяснительную процедуру, благодаря которой экспертное знание выполняет свою социальную и профессиональную функцию. Такая процедура может быть обозначена как *типизация*. Нормализация ситуации происходит благодаря сведению проблемной ситуации к некоему стереотипу. Проблемная ситуация типизируется. Так, например, партнер по социальному взаимодействию, даже несущественно разрушающий каноны повседневности, неизбежно типизируется как «шизик», «больной», «ухажер», «странный» и т. д. Начиная с момента типизации повседневность возвращается в норму, так как эксцесса больше не существует – ведь он объяснен.

Отвечая на вопрос о «странном» поведении предполагаемого «шизика», ученый-эксперт определил бы его причину. Возможно, она заключалась бы в психологических особенностях личности нарушителя спокойствия либо в особенностях его воспитания в раннем возрасте, особенностях его социокультурной среды и т. д. Но самое главное здесь заключается в следующем: *в поле зрения ученого никогда не попал бы сам процесс переопределения ситуации*. Другими словами, сам субъект переопределения ситуации эту ситуацию не рефлектирует. Эксперт действует в специфическом поле непонимания, которое парадоксальным образом позволяет ему выступать в качестве эксперта. В каком-то смысле открытие этого явления было сделано еще в первой трети XX в., причем в философии. М. Хайдеггер, в попытке ответа на онтологический вопрос о смысле бытия, нашел к последнему доступ именно через повседневность. Прорыв, совершенный немецким философом в онтологии, заключался в от-

крытии того обстоятельства, что повседневность схватывается человеком в совершенно особом, *экзистенциальном* понимании, которое при этом раз и навсегда закрыто для понимания теоретического, основывающегося на процедуре объективации понимаемого [4, с. 142–148]. Иными словами, Хайдеггер показал, что любое возможное (теоретическое, а значит, и экспертное) понимание базируется на понимании *экзистенциальном*, которое связано прежде всего со способностью *быть*. Параллельно в философской феноменологии позднего Э. Гуссерля (серьезно повлиявшей на становление социологических концепций повседневности А. Шютца, Г. Гарфинкеля, П. Бергера, Т. Лукмана), происходит формирование понятия «жизненного мира». Жизненный мир есть мир допредикативных истин; он выступает анонимно и априорно по отношению к научно-теоретическим построениям. Анонимность и априорность жизненного мира, т. е., фактически, его непонимание, выступает условием возможности понимания. Т. Х. Керимов, комментируя хайдеггеровский *экзистенциал* понимания, предельно ясно определил конструктивную и конститутивную роль непонимания субъектом своих собственных *оснований понимания*: «Понимание, поскольку оно означает способность быть, должно быть структурировано как не-понимание этого понимания. Оно может понять себя только как возможное непонимание, и поскольку эта возможность не является случайным довеском, а скорее с самого начала определяет его, оно может понять себя через себя-непонимание и не-понимание как таковое. Не понимание принадлежит к наиболее собственному и исходному пониманию. Не-понимание оказывается в одно и то же время условием возможности и невозможности всякого понимания, в том числе и *Dasein*, которое ничего не понимает, а себя тем более» [5, с. 42].

Возвращаясь к нашей проблематике, напомним: процесс переопределения ситуации самим субъектом *не осознается* в той же самой мере, в какой субъект не осознает собственное становление [6]. Последнее обстоятельство автоматически означает также и то, что субъект по причинам естественного порядка никогда не обращает внимания на то, *как именно он осознает*; на то, что взаимодействие не соответствует принятой норме. Человек в обыденной ситуации никогда не обращает внимания на то, каким образом новое, переопределенное взаимодействие типизируется; каковы необходимые и достаточные признаки того или иного типа; какова логическая структура повседневной интерпретации и т. д. Быть в состоянии ответить на эти вопросы – значит понять формальную структуру повседневности. Пафос приведенных выкладок заключается в следующем. Так называемая повседневная жизнь не является простой, понятной и очевидной. Но *она* в качестве простой, ясной и очевидной *принимается на веру*.

Итак, обращение к экспертам зачастую осуществляется в проблемной ситуации. Следовательно, нормальное течение повседневной жизни нарушается, а типологическая интерпретация не спасает положения. Конкретная ситуация правонарушения, встреча с сумасшедшим требует вмешательства эксперта (полицейского или психиатра), которые обладают специальными знаниями и умениями, позволяющими нормализовать ситуацию. Однако как только ситуация вкуче с ее участниками передана в полномочия эксперта, наступает момент ее полной реинтерпретации. Все дело заключается в том, что хулиганство в глазах полицейского или сумасшествие с точки зрения врача есть вполне типичное, т. е. «нормальное» хулиганство или безумие. Отсюда следует сделать важный вывод: с точки зрения повседневности обе ситуации «взрывают» ее. Но с точки зрения эксперта они являются элементом их профессиональной рутины, их собственной нормальной ситуацией.

И вот в невидимом зазоре между этих двух жизненных миров – мира повседневности и мира эксперта – возникает главная проблема. Эксперт имеет дело с типичными представителями своего мира: милиция – с «обычными» преступниками, врачи – с больными и т. д. Конечно, определенность такого рода может быть поставлена под сомнение: следовательно вправе сомневаться во вменяемости обвиняемого и направить его на психиатрическую экспертизу; психиатр, в свою очередь, может признать пациента «клиентом» правоохранительных органов. Однако главное здесь заключается в следующем: эксперт в своей сфере имеет дело с

субъектом, который *уже признан* подлежащим именно его компетенции, причем признан не им самим, но лицами, не обладающими для этого никакими профессиональными знаниями.

Что же касается самого эксперта, то «клиент» для него есть лишь рутинный элемент профессиональной деятельности, он является тем самым «типичным случаем», в отношении которого «все ясно». Субъект экспертной оценки подвержен стандартной процедуре обработки согласно нормам и правилам, которые институционально установлены и социально санкционированы. В результате роль профессиональной экспертизы самой логикой повседневности может легко свестись к тому, чтобы собственной печатью утвердить социальный диагноз, поставленный некомпетентными людьми. Фактически это означает следующее. Как только субъект типизируется в качестве «преступника», у него всегда появляются шансы действительно стать таковым. «Преступника» поставляет эксперту сама повседневность в лице принципиально некомпетентных ее представителей (не забудем, что они не могут быть компетентными, потому они и обращаются к *эксперту*), а «дело» для него *создают* следователи или психиатры, потому что технология создания «дела» – нормальный процесс их рабочей повседневности.

Разумеется, случаи невинно осужденных людей или помещение здоровых индивидов в ПНД можно трактовать как «преступную халатность». В некотором смысле это так и есть. Но *исток* подобных эксцессов нельзя искать только в персональной недобросовестности или злонамеренности. Главная причина кроется «в области контактов «экспертных организаций» с внешним миром, в частности там, где происходит типизация индивидов, признание их подлежащими компетенции того или иного рода экспертизы. *Сам парадоксальный характер этого процесса делает судебные, диагностические ошибки в какой-то степени неизбежными* (Выделено мною – Т. М.)» [2, с. 55].

Никто не станет отрицать, что экспертиза предназначена для вынесения именно объективных суждений; объективное суждение и есть мнение эксперта-профессионала. Более того, в каждой специализированной экспертной сфере существуют методологические требования, призванные защитить людей, случайно попавших «не по тому ведомству». К таковым в правовой сфере можно отнести презумпцию невинности. Последняя как раз и вводится с целью разрушения типологической определенности «преступника».

И все же экспертиза, будучи изначально несвободной от «уз» повседневности, не может дать полную гарантию объективности. Л. Г. Ионин делает следующие интересные замечания по поводу психиатрической судебной экспертизы, касающейся проблемы вменяемости или невменяемости [1, с. 55–57]. Их суть такова. В соответствии с процессуальным кодексом, суд имеет право направлять подсудимого на повторную экспертизу в случае, если он не удовлетворен мнением экспертов. Если повторная процедура с точки зрения суда окажется неудовлетворительной, то данный процесс может повторяться сколько угодно. При этом четкие критерии принятия или отклонения выводов экспертизы отсутствуют (за исключением сугубо формальных соображений, вроде родственной связи с подсудимым, отсутствием у эксперта должного опыта и т. д.). Фактически это означает, что экспертиза будет повторяться до тех пор, пока кто-то из экспертов не даст заключения, совпадающего с представлениями суда о вменяемости или невменяемости клиента. Но ведь судья о вменяемости или невменяемости судит не на основании специальных (собственно, экспертных) знаний, а из опыта повседневной жизни, в частности, из своего личного опыта! Институциональность в судебно-психиатрической судебной практике отсутствует, а заключение экспертизы, в соответствии со специальными справочниками, оценивается в зависимости от ее «научной убедительности». Но ведь судить о научной убедительности как раз призваны люди, некомпетентные именно в этой сфере... Точно также вопрос о том, совершено ли расследуемое преступление под влиянием «внезапно возникшего сильного душевного волнения». Справочник по судебной психиатрии (Калашник Я. М. Судебная психиатрия. М., 1961. С. 55. Цит. по: [1, с. 56]) говорит по этому поводу следующее: «Этот вопрос разрешается самим судом, и, как правило, без привлечения психиатрической экспертизы». Следовательно, и вопрос о том, подлежит ли лицо специальной экспертизе, и контроль выводов экспертов могут осуществляться с помощью некритического повседневного понимания.

Итак, мы должны констатировать, что в ряде значимых моментах своей профессиональной деятельности эксперт либо полагается на суждения некомпетентных лиц, либо прибегает к помощи мыслительным стереотипам повседневности. Данное обстоятельство – отнюдь не личный недостаток целой профессиональной группы. Просто такова универсальная черта профессиональной деятельности эксперта в той мере, в какой последняя соприкасается с миром повседневности. Доверие к экспертам – естественная составляющая социальности, ее важная «скрепа» – однако это доверие часто преувеличено, и порождается оно скорее не логикой или здравым смыслом, но скорее специфическими «обрядами» и «ритуалами» специализированной экспертной работы.

Нам хотелось бы отметить, что изучение повседневности в разрезе ее взаимодействия с наукой является недостаточно изученной и перспективной темой. Изучение дорефлексивных повседневных оснований привычной дихотомии «теория-практика» позволило бы многое прояснить как относительно природы современного соционаучного дискурса, так и насчет возможных перспектив его развития и применения.

Литература

1. Ионин Л. Г. Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 48–57.
2. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 432 с.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС : сб. ст. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 451 с.
5. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М.: Акад. Проект : Трикта, 2007. 218 с.
6. Смирнов А. Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск: НЦРВХ СО РАН, 2011. 306 с.

УДК 303.732+303.093.7+316.43

Ю. И. Прохоренко

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

МЕТОД ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК В СОЦИАЛЬНОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ: ФОРМАЛЬНЫЙ НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье аргументируется, что социальное прогнозирование как институт развития общества находится в стадии становления. На основе библиометрических критериев научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU проводится анализ востребованности метода экспертных оценок в социальном прогнозировании. Делается вывод, что метод экспертной оценки по своей онтологической сущности должен быть очень эффективным для прогнозирования современной социальной реальности, однако его использование в социальном прогнозировании в настоящее время недостаточно результативно.

Ключевые слова: социальная реальность, социальное прогнозирование, экспертный метод, метод экспертной оценки, институционализация.

Yu. I. Prokhorenko

Pacific National University, Khabarovsk

THE METHOD OF EXPERT ASSESSMENTS IN SOCIAL FORECASTING: FORMAL SCIENTOMETRIC ANALYSIS

Social forecasting as an institution for the development of society is in its infancy. On the basis of bibliometric criteria of the scientific electronic library, an analysis of the relevance of the method of expert assessments in social forecasting eLIBRARY.RU has been carried out. The author comes to the conclusion that the method of expert assessment in its ontological essence should be very effective for forecasting modern social reality; however, its use in social forecasting is currently not efficient enough.

Keywords: social reality, social forecasting, expert method, method of expert assessment, institutionalization.

Современный мир находится в точке бифуркации, поэтому будущее современных обществ, которые постоянно дрейфуют между социальностью и социетальностью, трудно поддаётся прогнозированию уже не только в среднесрочной, но и краткосрочной перспективе. В этой связи способность социального прогнозирования давать точные и обоснованные прогнозы на заданный период упреждения – альфа и омега эффективного социального управления, в основе которого лежит принятие обоснованных решений, определяющих тактику и стратегию социального развития.

Экспертные оценки являются одним из эффективных инструментов разработки и принятия управленческих решений. Поэтому они широко используются в социальном управлении, где для принятия обоснованных решений в условиях неопределённости и многозначности необходимо опираться на опыт, знания и интуицию специалистов, где экспертные исследования проводят с целью подготовки информации для принятия решений.

Неопределённость и многозначность, на наш взгляд, связана с *выражением, развёртыванием потенциальности социальной реальности*. Эта потенциальность вытекает, питается тем, что динамичная социальная реальность не когерентна ни одномоментной социальной действительности, ни проектному социальному бытию. Именно это онтологическое свойство социальной реальности обуславливает как вероятностный характер протекания социальных процессов, так и все сложности прогнозирования динамики социальных объектов [20].

К большому сожалению, такая философская дисциплина как потенциология, предметом которой является исследование всех форм и сфер проявления потенциальности [27], ещё не укоренилась ни в научном, ни в общественном сознании. Поэтому исследователи видят разные аспекты этой потенциальности, и выражают их, зачастую, в художественных образах. Так, например, О. Н. Яницкий возмущается порождения глобального риска в любой точке социального пространства связывает с социальным феноменом «силы слабости» [28]; Насим Талеб выпустил «чёрных лебедей» – этим образом он обозначил непредсказуемые события, имеющие колоссальное, чрезвычайное влияние на то, каким будет будущее [22]; социальный анализ позаимствовал в естественных науках «эффект бабочки», где он используется для выражения таких свойств взаимодействий, когда даже незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия, порой даже в совершенно другом месте (если говорить о социальном контексте – то в любой точке социального пространства).

Именно о развёртывании потенциальности социальной реальности, как представляется, пишет П. Штомка, когда обращает внимание на то, что для социологии «...общество должно рассматриваться не как статичное, стабильное состояние, а как процесс ...как постоянно дийщийся, бесконечный поток событий. Было признано, что ...онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа и не случайно мы часто говорим о “социальной жизни”. ...ведь жизнь – ни что иное, как движение, стремление и изменение. Когда движение, изменение отсутствует, нет и жизни, наступает смерть» [26, с. 26].

Низкая результативность социального прогнозирования на сегодняшний день подтверждается, прежде всего, верификацией теорий социальных изменений о чём свидетельствует социальная практика. Проведённый нами социально-философский анализ современного состояния социального прогнозирования и его институциональных аспектов, позволил сделать вывод о необходимости институционализации социального прогнозирования как одного из институтов развития общества: «социетальные системы в третьем тысячелетии могут поддерживать свою стабильность и реализовывать стратегии развития в стохастической социальной реальности лишь при научном прогнозировании социальных изменений на локальном и глобальном уровнях в их взаимообусловленности» [19, с. 86]. В настоящий момент социальное прогнозирование находится на пути к своей институционализации. Причина этого видится в том, что прогнозирование состояний социальных объектов, которые представляют собой человекообразные системы, возможно лишь с привлечением большого объёма ресурсов и на междисциплинарном уровне. И чем сложнее социальный объект – тем глубже дол-

жен быть междисциплинарный синтез. Если же говорить об обществе как сверхсложной динамической системе, то такое прогнозирование возможно только научными коллективами, «встроенными» в эту социетальную систему и получающими от неё все необходимые ресурсы – материальные, финансовые, информационные, людские. Принципиальным видится то, что направить и управлять этим процессом может и должна государственная власть; но она будет это делать только в том случае, если она выражает интересы государства не как института управления (при существующей политической культуре, де-факто – бюрократических и элитарных слоёв общества), а государства в своей онтологической сущности – как «политически организованного народа».

Очевидно, что повышение результативности социального прогнозирования напрямую связано с развитием его методологии в целом и совершенствованием конкретных методов прогнозирования. Учёные осознают имеющиеся методологические проблемы социального прогнозирования и работают над их решением [4; 7; 13; 16; 21; 25; 28]. Что касается конкретных методов, то здесь особое внимание надо уделить, в силу описанной выше ситуации, экспертному методу. Только человек (пока?) может синтезировать цепочку детерминационных/индетерминационных связей в социальном пространстве/времени в различных временных модальностях, что позволяет использовать его как эксперта для предвосхищения будущего. Несмотря на то что «экспертная оценка понятие довольно плюралистичное, ...ученые выделяют из всего многообразия свойств одну главную черту. Она заключается в применении экспертной оценки в ситуации неопределенности характера объекта, а именно носителя социальной проблемы» [10, с. 76]. И. В. Антохонова, трудно предсказуемые изменения объекта прогнозирования в условиях частичной или полной неопределенности связывает с:

- отсутствием достоверной информации за достаточно продолжительный период;
- наличием информации, отражающей только качественную сторону явлений, и невозможностью количественной характеристики всех факторов, оказывающих существенное влияние на принимаемое решение;
- процессами, направления развития которых зависят от принимаемых решений, и, следовательно, далеких от объективности;
- условиями неустойчивого развития и нарушения инерции в динамике процессов и явлений;
- анализом качественно новых процессов и явлений [2, с. 143].

По оценке исследователей, теория и практика экспертных оценок как самостоятельная дисциплина быстро стала развиваться после Второй мировой войны в рамках кибернетики, теории управления, менеджмента и исследования операций. Тем не менее, в настоящее время не существует ни научно обоснованной общепринятой классификации методов и технологий экспертных оценок, ни однозначных рекомендаций по их применению, а «специалистам, применяющим экспертные оценки, зачастую известны лишь отдельные методы и технологии из этой развитой научно-практической области» [17, с. 1].

Для более полной оценки состояния метода экспертной оценки в социальном прогнозировании был проведён (в рамках жанра журнальной статьи) формальный наукометрический анализ. Формальный в том смысле, что он анализирует внешние параметры научных источников, обращающихся к методу экспертной оценки, без глубокого анализа содержания этих источников и той социальной практики, которая в них отражается. Базой анализа выступили материалы научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU с использованием библиометрических критериев, представленных в информационно-аналитической системе РИНЦ, на дату обновления показателей от 28.04.22 г. [14].

Методика запросов состояла в том, что сначала формировалась база публикаций по запросу «метод(ы) экспертной оценки» и/или «экспертный метод». Такой алгоритм был продиктован тем, что по причине выше отмеченного отсутствия научно обоснованной общепринятой классификации методов и технологий экспертных оценок, а также разной методологической культуры в написании аннотаций статей и формулировки ключевых слов, приходилось для запроса (и последующего анализа) выбирать те формулировки, которые расширяли,

а не сужали поле поиска. Выборочным анализом было установлено, что все публикации, которые содержатся в меньшем по объёму результате – содержатся и в выборке большего объёма. Так, по запросу «экспертный метод» (фильтр: понятие содержится в названии публикации) выборка составила 2 138 публикаций, а по аналогичному параметру при запросе «метод экспертной оценки» – 1 064 публикации, при этом все первые сто публикаций из данной выборки вошли в выборку по запросу «экспертный метод». Так как предметом нашего анализа является применение метода экспертных оценок в социальном прогнозировании, мы и ориентировались на большие объёмы выборок, рассматривая понятия «метод экспертной оценки» и «экспертный метод» не тождественными, но равными по объёму.

На следующем этапе, исходя из целевой установки и предмета анализа, уже среди найденных результатов осуществлялся поиск по запросу «социальное прогнозирование». Тем самым можно отследить частотность обращения к методу экспертных оценок как в целом для научно-прикладного анализа, так и его использование, собственно, в социальном прогнозировании. Поэтому в результатах запроса при любых фильтрах нас всегда интересовала доля публикаций, касающихся социального прогнозирования.

Следует отметить, что сначала проводился расширенный поиск по запросу «экспертный метод», т. е. это понятие содержалось не только в ключевых словах, аннотации и в названии публикации (что говорит об объектно-предметной ориентации статьи на анализ феномена экспертных оценок), но и в полном тексте публикации, а также в списках цитируемой литературы. Фактически, при таком поиске устанавливается как эпистемологическая и семантическая корреляция метода(ов) экспертных оценок с остальной научно-практической проблематикой, так и выявляется его инструментальная ценность в социальной практике.

Как видно из представленных в табл. 1 данных, фактически весь объём публикаций по экспертным методам (оценкам) и их применение для социального прогнозирования относится к нынешнему веку, хотя временной период их становления и развития как инструмента научного анализа в век минувший был почти в три раза дольше. Безусловно, что вывод этот относителен, поскольку платформа eLIBRARY.RU была создана только в 1999 г., а проект РИНЦ, который позволяет на основе объективных данных оценивать результативность исследовательской работы по всем отраслям знаний, реализуется с 2005 г. Однако по многим источникам глубина архивов больше и ежегодно в РИНЦ добавляется более полутора миллионов публикаций российских ученых в обеих временных векторах.

Таблица 1

Количество публикаций на eLIBRARY.RU по запросам «экспертный метод» – «социальное прогнозирование»

Запрос:	Всего публикаций	XX век	%	XXI век	%
Экспертный метод	28 471	964	3,4	27 507	96,6
Социальное прогнозирование	573	14	2,4	559	97,6

Самая ранняя публикация по интересующему нас запросу относится к 1969 г. [1], и примечательно то, что уже шестой в хронологическом ряду (1975 г.) стоит статья М. Е. Поздняковой «Из опыта прогнозирования некоторых форм воспитательной деятельности методом экспертных оценок», опубликованная в первом выпуске сборника «Проблемы социального прогнозирования» [18].

Однако более интересна общая картина динамики публикаций в этом веке, которая сгруппирована по пятилетним интервалам и представлена в табл. 2. Из представленных данных видно, что интенсивность публикаций стабильно растёт. За второе десятилетие этого века, опубликовано в 9 раз больше работ, чем за первое. При этом с 2016 г. в три раза выросла доля публикаций в сегменте социального прогнозирования. Однако если экстраполировать ту тенденцию, которая обозначилась в сегменте социального прогнозирования с 2021 г., то доля публикаций в это пятилетие уменьшится почти на 40 % (к концу текущего года может быть опубликовано 94 работы, а за все пятилетие – 233 работы), что нельзя считать положительным явлением.

Количество публикаций в 2001–2022 гг. на eLIBRARY.RU
по запросам «экспертный метод» – «социальное прогнозирование»)

Годы	Всего публикаций	Социальное прогнозирование	% публикаций по социальному прогнозированию
2001–2005	1 686	15	0,9
2006–2010	3 879	34	0,9
2011–2015	7 996	74	0,9
2016–2020	11 662	374	3,2
2021–2022*	2 284	62	2,7
2001–2022	27 507	559	2,0

*Примечание: По состоянию на 25.04.2022.

Однако нам более важен анализ выборок, сделанных не по расширенному поиску, фиксирующему инструментальную роль экспертных оценок, а статей с объектно-предметной ориентацией на их анализ как сущности экспертного метода. Это выражается в том, что авторы понятия «метод(ы) экспертной оценки», «экспертный метод» прежде всего включают в название публикации, а также отражают в ключевых словах и аннотации (табл. 3). Хотя тот факт, что количество работ, содержащих указанные понятия в аннотациях, почти в 4,5 раза больше по отношению работам, включивших их в названия и ключевые слова говорит, опять же, о том, что в них экспертные оценки играют инструментальную роль в конкретной области исследования.

Таблица 3

Количество публикаций на eLIBRARY.RU по запросу «экспертный метод»
(объектно-предметный критерий)

Понятие «экспертный метод» содержится*:								
в названии статьи	в т. ч. социальное прогнозирование	%	в ключевых словах	в т. ч. социальное прогнозирование	%	в аннотации	в т. ч. социальное прогнозирование	%
2138	26	1,2	2225	48	2,2	9997	273	2,7

*Примечание: Так как автор сам определяет роль, вес и место концепта в своём исследовании и включение его в методологический аппарат, то общее количество публикаций распадается на три пересекающиеся области.

Поскольку в названии статьи так или иначе фиксируется объектно-предметная область исследования и она же отражается в ключевых словах, то можно считать, что из имеющихся в базе eLIBRARY.RU публикация по исследуемому вопросу только 7,8 % статей рефлексируют собственно проблемы методологии экспертного метода и, шире – экспертной деятельности. И в этой незначительной доле 2,2 % (48 публикаций) относятся к сфере социального прогнозирования (0,2 % от всей массы публикаций). Можно предположить, что значительного методологического прорыва в развитии метода экспертной оценки в социальном прогнозировании ожидать не приходится, несмотря на его востребованность. Об этом говорит и почти полное отсутствие монографических исследований по проблеме экспертной деятельности в целом. В базе eLIBRARY.RU нашлось только пять монографий, которые метод(ы) экспертной оценки включили в свою предметную область [5; 6; 8; 12; 23]. В ближайшие годы следует ожидать выход монографий по рассматриваемой нами проблеме.

Если провести расширенный поиск в обратной последовательности «социальное прогнозирование» – «экспертный метод», то увидим, что публикации, обращающиеся к экспертному методу, составляют лишь 2 % от всего массива. При этом 93 % – это публикации XXI века. При фильтре на объектно-предметное содержание публикации, связанные с экспертным методом, составляют 1,5 % массива. При этом в нынешнем веке опубликованы 96 % работ. Как видим, и этот алгоритм показывает, что экспертный метод начал активно применяться в социальном прогнозировании лишь в этом веке и занимает незначительное место во всей массе работ.

На основании вышеизложенного можно предположить, что низкая результативность социального прогнозирования зависит и от состояния методологии экспертной деятельности.

В этой связи можно сослаться на психолога из Пенсильванского университета Филипа Тетлока. Он примечателен тем, что сделал изучение прогнозирования делом своей жизни. В период с 1987 по 2003 г. он провёл опросе 284 чел., которых попросил профессионально составить серию прогнозных суждений о мире. На основе обработки 82 361 прогнозного суждения он оценил точность экспертных заключений и сравнил прогнозные оценки экспертов с группой шимпанзе, бросающих дробтики в доску, полную предсказаний (метафора случайного выбора). По знаменитой уже фразе Ф. Тетлока, эти «шимпанзе, метаящие дробтики» были бы более точными, чем так называемые эксперты. Свои выводы Тетлок задокументировал в книге под названием «Экспертное политическое суждение» (2005) [29].

Если обратиться к оценкам российских экспертов, то можно сослаться на политолога Екатерину Шульман, которая, анализируя кризисные события начала 2022 г. в Казахстане и связанную с ней протестную активность, дала оценку современным прогнозным способностям экспертов. По её мнению, политологи и социологи по ряду маркеров научились измерять протестную готовность, но эти показатели могут и не конвертироваться в какие-либо практические последствия; у аналитиков и экспертов нет такого градусника, «который мы вставляем в нужное место и там нам показывают протесты завтра или протесты послезавтра – такого нет» [9].

Причину сложившейся ситуации, на наш взгляд, отчасти объяснил В. Ю. Баштовой, который считает, что в социальном прогнозировании в настоящее время существует множество разногласий и противоречий, корень которых *в отсутствии обоснованной таксономии оценок и системы представлений о структуре оценочных явлений*. Это приводит в социальном прогнозировании к неправомерным обобщениям, трудно определить его функциональное содержание и порядок реализации [3].

Тем не менее, экспертный опрос как метод социального прогнозирования развивается и совершенствуется. Так, Т. Нестик показал, что экспертный метод напрямую связан с личностными качествами экспертов. Им присущи когнитивные и социально-психологические эффекты, которые искажают результаты форсайта и мешают видеть будущее таким, каким оно реально может быть. Исходя из полученных результатов исследования, он формулирует рекомендации для тех, кто организует и ведёт форсайт-сессии, позволяющие снизить влияние этих эффектов в ходе групповой работы экспертов [15].

На развитие экспертного метода неизбежно влияют и активно внедряющиеся во все сферы жизнедеятельности информационные технологии, которые создают новые возможности, инструменты для разработки прогнозных состояний социальных объектов – экспертов начинают «вытеснять» модераторы. Это связано с тем, что оставляемые социальными субъектами в процессе коммуникации цифровые следы, «оцифрование прошлого» формируют новый феномен – Big Data. Это позволяет исследователям с использованием растущих возможностей искусственного интеллекта обрабатывать колоссальные массивы данных и на основании выявленных корреляций прогнозировать состояния конкретных параметров объектов [11]. Для решения задач прогнозирования социально-экономических показателей конкретных социальных объектов всё активнее начинает применяться аппарат нейронных сетей, по оценке экспертов «наиболее прогрессивными моделями прогнозирования социально-экономических показателей на сегодня являются модели, построенные с использованием нейронных сетей» [24, с. 174]. Прогрессивность этих моделей связана с тем, что они позволяют выявить зависимость прогнозируемого показателя от большого числа независимых факторов и, существенное – учесть динамику этих факторов. Немаловажно и то, что использование нейронных сетей в этом случае не зависит от выбора математической модели, так как построение этой модели происходит непосредственно в процессе обучения нейронной сети, и может проходить даже без участия экспертов. Возникает резонный вопрос – так как будет будущее экспертов?

Таким образом, можно утверждать, что метод экспертной оценки по своей онтологической сущности должен быть очень эффективным для прогнозирования современной социальной реальности, раскрывающей всю свою потенциальность. Будучи очень востребован-

ным в различных направлениях деятельности, его использование в социальном прогнозировании, как показал формальный наукометрический анализ, недостаточно эффективно. Это связано со сложившейся практикой привлечения экспертов к разработке прогнозов, которая на сегодняшний день не институционализована. Очевидно, что более объективный, не формальный, вывод можно сделать лишь при условии, что формальный наукометрический подход будет дополнен углублённым анализом текстов, что позволит дать объективную оценку состоянию исследований в области социальной экспертизы и методологического статуса работ, в которых она раскрывается.

Литература

1. Азгальдов Г. Г. Применение экспертного метода для количественной оценки качества кухонных плит // *Техническая эстетика*. 1969. № 1. С. 41–43.
2. Антохонова И. В. Методы прогнозирования социально-экономических процессов. М. : Юрайт, 2019. 213 с.
3. Баштовой В. Ю. Категориальный строй социологически определяемого социального прогнозирования // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2012. № 5. С. 94–96.
4. Вильданов Х. С., Деркач В. В. Методологические особенности социального прогнозирования // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2017. № 1(19). С. 132–137.
5. Губарев Р. В. Формирование и реализация эффективных систем стимулирования труда на предприятиях торговой сети. Уфа : Башкир. акад. гос. службы и управления при Президенте Респ. Башкортостан, 2013. 179 с.
6. Гутцайт Е. М. Теоретические основы аудита. М. : Сам Полиграфист, 2020. 876 с.
7. Деркач В. В., Закиров И. Д. Роль общей методологии в познании современной социальной динамики // *Мировоззренческие основания культуры современной России* : сб. материалов V Междунар. науч. конф. Магнитогорск, 17 мая 2014 г. / под ред. Жилиной В. А. Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2014. С. 48–54.
8. Иванов М. В., Самарин Ю. Н. Методы научного прогнозирования в полиграфии : монография. М. : Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2011. 171 с.
9. Казахстан: неудавшийся транзит // *Эхо Москвы* : [YouTube.ru]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qWiFnoWz1sl&t=3s> (дата обращения: 06.01.2022).
10. Казорина Ж. А. История и теория развития метода экспертных оценок в социологии управления // *Экономика. Социология. Право*. 2020. № 2(18). С. 73–79.
11. Каложная О. И., Белоглазова Л. А. Проблемы социального прогнозирования в информационном обществе // *Россия в эпоху глобальных перемен: философские и историко-политологические аспекты* : материалы Междунар. науч.-практ. студ. конф. Воронеж, 16 дек. 2020 г. Воронеж : Воронеж. гос. техн. ун-т, 2020. С. 114–118.
12. Коробов В. Б. Экспертные методы в географии и геоэкологии. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008. 236 с.
13. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Социальное прогнозирование: от форсайта к методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42, № 2. С. 115–121.
14. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <http://elibrary.ru/> (дата обращения: 28.04.2022).
15. Нестик Т. Психологические аспекты корпоративного Форсайта // *Форсайт*. 2018. Т. 12, № 2. С. 78–90.
16. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Социальное прогнозирование: достижения, недостатки, пути совершенствования // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2020. № 2. С. 57–68.
17. Орлов А. И. Теория экспертных оценок в нашей стране // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2013. № 93. С. 1–32.
18. Позднякова М. Е. Из опыта прогнозирования некоторых форм воспитательной деятельности методом экспертных оценок // *Проблемы социального прогнозирования*. Красноярск : Красноярский государственный педагогический институт, 1975. С. 206–216.
19. Прохоренко Ю. И., Лях П. П. Институциональные аспекты социального прогнозирования // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 2. С. 83–89.
20. Прохоренко Ю. И. Прогнозирование динамики современных обществ: пролегомены // *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ* : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 59–65.
21. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 3. С. 1–11.
22. Талёб Н. Чёрный лебедь: Под знаком непредсказуемости. М. : Колибри : Альпина Паблишерз, 2010. 456 с.

23. Технологии измерения сформированности компетенций в образовательном процессе / Э. А. Зелетдинова [и др.]. Астрахань : Астрахан. гос. техн. ун-т, 2018. 240 с.
24. Толкачева Е. В. Генезис развития концепций нейросетевого прогнозирования социально-экономических показателей регионов России // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., 26 ноября 2021 г., г. Москва. М. : ИРОК, 2021. С. 173–179.
25. Штейнберг И. Е. Интуитивная экспертиза в прогнозах социальных процессов (методика «Трехфазный движок») // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 250–259.
26. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.
27. Эпштейн М. Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб. : Алетейя, 2001. 334 с.
28. Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 11–28.
29. Beauchamp Z. This study tried to improve our ability to predict major geopolitical events. It worked // VOX. URL: <https://www.vox.com/2015/8/20/9179657/tetlock-forecasting> (дата обращения: 01.02.2022).

УДК 316.7

Э. В. Давлетшина, С. В. Толмачева

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается трансформация понятия ценностей и, соответственно, изучение ценностного аспекта социального познания в философии и социологии культуры. Выявляя временное первенство философских теорий аксиологии, в статье обосновывается приоритетность социологических теорий ценностей и предлагается обзор некоторых из них. Целью исследования является изучение различных подходов к понятию «ценность».

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации.

E. V. Davletshina, S. V. Tolmacheva
Industrial University of Tyumen, Tyumen

THE CONCEPT OF VALUE IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE

The article deals with the transformation of the concept of values and, accordingly, the study of the value aspect of social cognition in the philosophy and sociology of culture. Revealing the temporary primacy of the philosophical theories of axiology, the article substantiates the priority of sociological theories of values and offers an overview of some of them. The aim of the study is to explore different approaches to the concept of value.

Keywords: values, value orientations.

Изучение аксиологического аспекта человеческой деятельности как никогда актуально в современном социуме. Социальная, экономическая и духовно-культурная трансформация индивидов определяет последующее экономическое развитие общества. По сложившимся системам ценностей можно делать выводы о текущем состоянии общества и его развитии, вследствие этого проблема ценностного познания всегда будет актуальна для научного сообщества. Изучение ценностей находится на стыке нескольких наук: социологии, философии, психологии, экономики. Ценности являются частью сознания социальных групп и индивидов, являясь для исследователей ключом к пониманию культуры и проявляясь в традициях, обычаях, социальных нормах социальных групп.

Рассматривая само понятие «ценностей», необходимо отметить его многогранность и динамизм. В XIX в. началось переосмысление понятия ценностей, переход от традиционной культуры к личностной. Философ П. Лапи в 1902 г. ввел термин и науку о ценностях – «аксиологию». Термин «аксиология» обозначает ученье о природе ценностей и структуре ценностного мира, а также их месте в реальности. Данная наука изучает связи всевозможных ценностей как между собой, так и с социальными и культурными факторами [3]. В настоящее время особую значимость изучения ценностей принимают в социологии, несмотря на то, что понятие «ценность» зародилось в философии. Например, М. Роквич в своём труде «При-

рода человеческих ценностей» писал, что социология как раз является наукой о ценностях человека и общества. В любой теории общества всегда присутствует общая теория ценностей [6].

Социологи XIX–XX вв. предлагают различные определения и подходы к пониманию ценностей. Фундамент представлений о ценностях с точки зрения философии заложен в работах В. Дильтея, где впервые было предложено разделить понятия «объяснение» и «понимание». Далее изучение термина «ценности» продолжили В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Они объявили ценность главным предметом изучения философии, противопоставляя ценности реальной жизни. Согласно формулировкам Г. Риккерта, ценность есть идеальное выражение бытия, а естественные науки по Г. Риккерту освобождены от ценностей [9].

Макс Вебер впервые вводит в социологию термин ценности. В теории социального действия он исключает отождествление ценностей с благами, подходя к термину в неокантианском смысле. В его понимании ценность является установкой какой-либо эпохи, так как отражает свойственное данному времени направление интереса. В аксиологической методологии он относит систему ценностей к поведенческим стереотипам людей, подробно описав это в «теории социального действия» [7]. Макс Вебер анализирует и отслеживает данную связь в ходе социологического анализа религии в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма». В его работах впервые рассматривается влияние ценностей на характер культуры социума в целом, тем самым Макс Вебер произвел переоценку ценностей, заменив трансцендентальный подход на исторический. Важное место в работах занимает разработанная М. Вебером концепция «идеальных типов» – подразумевается идеальная модель того, что полезно для человека, в соответствии с интересами эпохи [8].

Французский социолог Эмиль Дюркгейм определял ценности как своеобразные идеалы, являющиеся мотиваторами поведения человека в социуме. В отличие от мнения В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера, Э. Дюркгейм считал, что любые ценности, даже самые высокие, исходят из реальной жизни. В работе «Ценностные и реальные суждения» автор писал, что на основе данных двигателей поведения формируются как отдельные группы людей, так и целые цивилизации [8]. Именно поэтому он заострял внимание на месте ценностей в науке. Э. Дюркгейм дает определение ценностям как интеграции индивидов в собственный мир общественных интересов и норм, так как ценности обладают свойствами морального принуждения, являются внешними и обязательными для исполнения [10]. Несмотря на весомый вклад в изучение понятия ценность, в своих работах он использовал термин «коллективные представления».

Определение общества Э. Дюркгеймом как ценностно-нормативной системы послужило центральной идеей при формировании западным социологом Т. Парсонсом структурно-функциональной концепции. Томас Парсонс рассматривал ценности не в духовном, а социальном аспекте. Согласно определению Парсонса ценности представляют собой принципы, обеспечивающие согласие между малыми группами и обществом. В социальном плане ценности содействуют появлению социальных классов, слоев, наций, объединяют и разъединяют группы людей. Они способствуют созданию модели общественной системы, где взаимодействие между индивидами является минимальной частью этой системы.

Американский психолог Милтон Рокич в своих трудах отмечал, что большое внимание изучению ценностей уделяет социология. К примеру, в работе «Природа человеческих ценностей» автор акцентирует внимание на том, что социология является наукой о ценностях, так как изучает взаимодействие человека и общества; поскольку в любой теории общества, явно или неявно, всегда присутствует общая теория ценностей [4]. Милтон Рокич ввёл классификацию ценностей: терминальные и инструментальные. Инструментальные представляют собой одобряемые в социуме или конкретном обществе ценности, которые используются в качестве достижения целей индивида, а терминальные – это ценности, выражающие идеалы и важнейшие цели, к которым стоит стремиться.

Очень значительный вклад в развитие понятие ценности внес П. А. Сорокин, обозначив это важнейшим понятием в социологии. По его мнению, совокупность ценностей определяет культуру, и, соответственно, систему, в которой происходит взаимодействие индивида и со-

циума, придает смысл бытию. Культурные ценности в работах Сорокина выступают в качестве сущности и основы культуры общества и личности. Анализируя развитие культур народов, он разрабатывает теорию ценностей и выделяет три типа: чувственный, идеациональный, идеалистический [10].

Можно отметить, что в начале двадцатого века исследования проблемы ценностей активизировались в рамках философской науки, социологии, политической экономии, истории и т. д. Однако именно в рамках социологической науки данные исследования нашли свое прикладное значение. Социологи У. Томас и Ф. Знанецкий рассматривали ценности как коллективное, а не индивидуальное явление, они продолжали развивать подход, разработанный Дюркгеймом. Ценность трактуется ими практически как норма поведения, определенный регулятор отношений в обществе. Ценность согласно работам данных авторов – совокупность «правил поведения», являющихся своеобразным регулятором одобряемых действий общества [5]. Согласно работам Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого, социальной ценностью является любой факт, имеющий определенное понятное содержание и значения для членов какой-либо общества, и исходя из которого он может быть или может стать объектом деятельности.

Современный социолог Н. И. Лапин считает, основываясь на теоретической базе Э. Дюркгейма и М. Вебера, что ценности играют роль базовых норм, представляя собой обобщенные цели и средства их достижения [2]. Эти нормы ориентируют индивида на одобряемое социумом поведение в различных ситуациях, обеспечивают эффективное взаимодействие общества. В исследованиях молодежи СССР Лапин подтверждает гипотезу, что базовые ценности остаются неизменными, меняются только приоритеты.

Таблица

Трансформация понятия «ценность» в социологическом дискурсе

Авторы	Определение
Г. Риккерт	Ценность есть идеальное выражение бытия, а естественные науки освобождены от ценностей
М. Вебер	Ценность – это установка какой-либо эпохи, так как отражает свойственное данному времени направление интереса
Э. Дюркгейм	Ценности – это идеалы, являющиеся мотиваторами поведения человека в социуме
Т. Парсонс	Ценности – это принципы, обеспечивающие согласие между малыми группами и обществом
М. Рокич	Ценность – это устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения
П.А. Сорокин	Ценности выступают в качестве сущности и основы культуры общества и личности
У. Томас, Ф. Знанецкий	Ценность – это норма поведения, определенный регулятор отношений в обществе
Н.И. Лапин	Ценности – это базовые нормы, представляющие собой обобщенные цели и средства их достижения

Таким образом, можно отметить (табл.), что ценности являются неотъемлемой частью как индивида, так и общества в целом, они не могут существовать без общества. Общим признаком анализируемых теорий является то, что человек сам создает ценности, а на базе этих ценностей регулируется его поведение [11]. На сегодняшний день в социологии ценности выступают как этические, нравственные и фундаментальные нормы поведения. Ценности обеспечивают целостность социальных систем, служат регулятором происходящих процессов в обществе [1]. На основании ценностей социума проводится анализ поведения и перспектив развития индивидов. Однако до сих пор нет единого определения понятия ценности и существуют различные подходы к их изучению.

Литература

1. Грабельных Т. И. Возможности гармонизации общественных интересов в современную эпоху // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». Сборник материалов. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 1034–1036
2. Елишев С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 87.

3. Жуйкова Т. П. Идеи ценностей, их развитие в общей аксиологии // Молодой ученый. 2014. № 21(80). С. 632–634.
4. Колосова В. В. Социологические подходы к изучению ценностей личности в процессе профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 999–1002.
5. Липатова Т. Н. Ценностные предпочтения и духовный потенциал населения в контексте этнокультурного развития региона: на материалах Республики Татарстан : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / ФГАОУ ВПО КФУ. Казань, 2012. 187 с.
6. Нагой Ф. Н. Теории ценностей и проблемы целостности мировоззрения личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 20–28.
7. Радугин А. А. Проблема онтологического статуса ценностей в истории аксиологии // НОМОГНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2015. № 8 (205). С. 34–42.
8. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции): монография. М. : РУСАЙНС, 2019. 228 с.
9. Спиридонова В. А. Проблема ценностей в социологии (Историко-теоретический аспект) : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01 / СПбГУ. СПб., 2004. 150 с.
10. Таланова К. А. Теории ценностей в классической и современной социологии // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург : УрФУ. 2017. С. 594–601.
11. Толмачева С. В., Ситева С. С., Третьякова О. В. Межкультурные коммуникации в восприятии рекламы молодежью. Тюмень : ТИУ, 2021. 163 с.

УДК 316

Ш. Ф. Фарахутдинов

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

ЭКСПЕРТНЫЕ ПАНЕЛИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья носит обзорный характер и посвящена экспертным панелям. Рассматривается цель экспертных интервью. Актуализируется проблема поиска подходящих респондентов, обладающих необходимой информацией и опытом для ответов на ключевые исследовательские вопросы. Показаны алгоритмы формирования экспертных панелей. Приведены примеры действующих в настоящее время в России экспертных панелей. Показаны основные сложности, связанные с функционированием экспертных панелей в нашей стране.

Ключевые слова: социологическое исследование, маркетинговое исследование, экспертный опрос, исследовательские панели.

Sh. F. Farakhutdinov

Tyumen Industrial University, Tyumen

EXPERT PANELS IN SOCIO-POLITICAL AND MARKETING RESEARCH

The article is of a review nature and is devoted to expert panels. The purpose of expert interviews is considered. The problem of finding suitable respondents who have the necessary information and experience to answer key research questions is being updated. Algorithms for the formation of expert panels are shown. Examples of expert panels currently operating in Russia are given. The main difficulties associated with the functioning of expert panels in our country are shown.

Keywords: sociological research, marketing research, expert survey, research panels.

Основная цель экспертных интервью заключается в развитии, дополнении и уточнении маркетинговых и социологических данных, полученных с использованием других методов. Даже на развитых рынках, где статистика позволяет описывать рынки и их субъекты с большой точностью, экспертное интервью остаётся важнейшим источником информации. Прогнозы, зарождающиеся тренды, особенности восприятия и выбора продукта среди различных потребителей – всё это не может дать ни одна самая точная и своевременная статистика.

Основной проблемой в экспертном опросе является поиск подходящих респондентов, обладающих необходимой информацией и опытом для ответов на ключевые исследовательские вопросы. Конечно, наработанный опыт поиска и рекрутирования экспертов позволяет в большой степени снимать эти риски, однако они все равно остаются. Так, если для исследо-

вания требуется не 10–15 экспертов для качественного проекта, а 300–400 для количественного, то риски соответственно возрастают.

В маркетинговых B2B исследованиях база данных экспертов, с которыми ранее осуществлялось взаимодействие, – очень полезный актив. Однако эксперт может во второй раз отказаться отвечать на вопросы по той же теме, по которой в первый раз давал консультацию. Для решения этой проблемы специализированными компаниями создаются экспертные панели. Под экспертной панелью понимается группа постоянных экспертов, с которыми по предварительной договорённости проводятся систематические и длительные беседы по определённой теме и в соответствии с утверждённым перечнем вопросов (гайдом), с подробными записями в специально и заранее разработанных формах (опросных листах, дневниках, таблицах и т. п.) для последующего анализа.

Существуют самые разнообразные экспертные панели, объединённые либо профессиональной принадлежностью (специалисты пищевой промышленности, строители или нефтяники), либо должностной (бухгалтеры или главные инженеры, заведующие лабораториями или маркетинговые директора). На пересечении профессиональных и должностных панелей возникают более точечные и более применимые в реальных исследованиях панели – инженеры в машиностроении, директора по закупкам в легкой промышленности и так далее.

Можно пойти дальше и предположить, что многие из экспертов могут быть не только профессионалами в своей области, но и представителями сложно достижимых потребительских групп – владельцами дорогих авто, недвижимости, пользователями редких услуг. В этом случае получается инструмент, значимо повышающий коэффициент конверсии при работе с труднодоступными аудиториями, превращающий довольно сложный и малоформализованный поиск нужных экспертов в технологичный и предсказуемый процесс.

Формирование экспертных панелей происходит следующим образом. Чаще всего ссылка экспертам-панелистам ссылки на анкету и заполнение ими анкеты онлайн – это наиболее удобный способ как для исследователя, так и для экспертов. Преимущества онлайн-способа сбора информации заключается практически в полном исключении ручного труда, который нужен только в начале – при программировании анкеты, и в конце – на этапе проверки и уточнения информации. Другим важным преимуществом является более высокая скорость проведения исследования. Для респондента – возможность в удобное ему время заполнить анкету, подумать над сложными вопросами, которыми изобилуют экспертные исследования, точно сформулировать своё мнение или ответ. Это не означает, что онлайн-опрос – единственный способ получения информации от индустриальных панелистов. Если эксперту удобнее общаться по телефону или клиент, заказывающий исследование, настаивает на личных интервью, то с участниками панели можно договориться о таком варианте. Часто такие условия оговариваются ещё при включении его в панель. Некоторые из экспертов готовы давать индивидуальные консультации под своим именем и должностью, что очень востребовано в проектах с консалтинговой составляющей.

Набор кандидатов в эксперты формируется следующим образом:

- Кандидат заполняет заявку и краткое резюме, прикладывает к ним в электронном виде развёрнутое резюме (в свободной форме), которое позволит сотрудникам исследовательской организации в полной мере оценить опыт и научные компетенции кандидата и отправляет сформированный пакет на рассмотрение.

- Кандидат проходит процедуры внутреннего отбора и уточнения инновационных приоритетов.

- Организация направляет кандидату договор и формирует приказ о составе экспертного пула.

- Кандидат становится экспертом.

К экспертам предъявляются высокие требования. Так, например, фонд «Сколково» выделяет следующие критерии для отбора по различным направлениям деятельности:

- Научные эксперты. Опыт работы на научных должностях в научных/исследовательских/образовательных российских или зарубежных организациях (или научным редактором ведущих мировых научных журналов) не менее 5 лет.

– Технические эксперты. Опыт работы не менее 5 лет в течение последних 10 лет на руководящих должностях в R&D или технологической сфере в российских или зарубежных производственных и сервисных компаниях с крупным оборотом.

– Бизнес-эксперты. Опыт работы в высокотехнологичной компании на руководящей должности не менее 3 лет в течение последних 10 лет или опыт работы не менее 3 лет в течение последних 10 лет в частных венчурных компаниях.

В качестве примера можно привести несколько российских экспертных панелей.

1. Региональная экспертная панель Фонда ИСЭПИ. Включает в себя 315 экспертов; по пять экспертов, представляющих каждый из 63 субъектов РФ. Эксперты представлены тремя кластерами: депутаты законодательных органов власти субъектов РФ; руководители общественных организаций, журналисты региональных СМИ. Базовые критерии отбора региональных экспертов: высокий уровень осведомлённости о своей территории, способность аргументированно излагать собственную позицию, готовность участвовать в работе экспертной панели. В настоящий момент фонд ИСЭПИ достраивает региональную экспертную панель ещё одним кластером, состоящим из представителей региональных бизнес-сообществ.

2. Экспертная панель Федерального научного центра пищевых систем им. В.М.Горбатова Российской академии наук. В качестве экспертов к панели приглашены представители предприятий мясопереработки из разных регионов России. Задача экспертной панели: сформулировать консолидированное мнение по поводу актуальных вопросов, встающих перед экспертами бизнеса и выявление тенденций, наблюдаемых в мясной отрасли. Вопросы экспертной панели: оценка состояния рынка, вопросы конкуренции и стратегий развития, планы развития рекламной активности, вектор развития продаж и работа с поставщиками. Респондентами являются генеральные директора, владельцы/совладельцы бизнеса или ТОП-менеджеры компаний (директора по маркетингу, продажам, развитию и производству).

3. Маркетинговая панель врачей и медицинских работников «МедМнение» компании OMI (Online Market Intelligence). Панель рекрутируется на специализированных медицинских сайтах; по базам данных врачей, которыми владеют партнеры OMI (например, крупнейшие организаторы отраслевых конференций, медицинские ассоциации и сообщества). Данные детального профиля врачей позволяют таргетировать приглашения к опросам на медицинскую специализацию, уровень принятия решений о закупке лекарственных препаратов и оборудовании, стаж работы, тип медицинского учреждения, а также на ряд других параметров.

4. Также существуют отдельные компании, специализирующиеся на отраслевых и промышленных маркетинговых исследованиях. Одной из таких является маркетинговое агентство – B2B Research, которое проводит исследования во всех отраслях и сферах экономики. Всего компания реализует проекты на 60 экспертных панелях, включающих около 15 000 экспертов, и проводит исследовательские проекты на всем пространстве бывших союзных республик.

Основные сложности, связанные с экспертными панелями, заключаются в следующем: во-первых, работа по созданию и поддержанию панелей – кропотливый и не всегда оправданный труд. Если к участнику какой-либо панели в течение года ни разу не обратились и они не получили ожидаемую от проекта выгоду, то значительная часть её состава может перестать в ней участвовать. В отличие от потребительской панели, где один панелист может принимать участие в нескольких исследованиях, а основным требованием к нему являются его социально-демографические характеристики, эксперты гораздо более узко специализированы.

Другая системная проблема – это неразвитость экспертного сообщества в России. Как показывают специализированные исследования, отечественные профессионалы ощущают себя экспертами, но во вполне традиционном смысле слова. Это означает, что они готовы давать советы, высказывать своё мнение коллегам и знакомым или даже не очень знакомым, но вызывающим их доверие людям. При этом как оплачиваемую деятельность эти консультации они воспринимают не всегда и затрудняются оценить свой труд в денежном выражении. Отрицательным фактором данного отношения является необязательность, факультативность такого консультирования. Поэтому, договариваясь с экспертами об их участии в пане-

ли, важно рассказать им о смысле экспертной работы, о том, что накопленный ими опыт может использоваться не только ими, но и другими людьми и такого рода информация – это ресурс, имеющий конкретную цену.

Очень важно, чтобы эксперты-панелисты чувствовали, что берут на себя определённые обязательства. Для этого с ними необходимо заключать договоры, где заранее оговариваются условия их участия в панели. Часто вместо денег у эксперта есть возможность получить в качестве оплаты за его работу сопоставимый бонус – значимые скидки на профессиональные услуги (подписки на издания, конференции и т. д.). Такая система не только служит мотивирующим фактором, но и способствует развитию профессиональных компетенций эксперта.

Литература

1. Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 434–443.

2. Овешникова Л. В. Развитие региональной инфраструктуры на основе прогнозирования методами экспертных панелей, сценариев и дорожного картирования // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 110–118.

УДК 338.48

Н. А. Лоншакова

Российская международная академия туризма, г. Химки

КАЧЕСТВО ТУРИСТСКИХ УСЛУГ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ТУРИЗМА)

Представлены результаты пилотного социологического исследования студентов и их родителей по выявлению степени удовлетворенности россиян качеством туристских услуг.

Ключевые слова: степень удовлетворенности, качество туристских услуг

N. A. Lonshakova

Russian International Academy of Tourism, Khimki

THE QUALITY OF TOURIST SERVICES THROUGH THE EYES OF STUDENTS AND THEIR PARENTS (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL STUDY AT THE RUSSIAN INTERNATIONAL ACADEMY OF TOURISM)

The article presents the results of a pilot sociological study of students and their parents to identify the degree of satisfaction of Russians with the quality of tourist services.

Keywords: degree of satisfaction, quality of tourist services

Развитие внутреннего туризма в России в настоящее время является актуальной проблемой в связи со сложившейся напряженной обстановкой в сфере международных отношений. Большинство стран, наиболее часто посещаемых нашими туристами, проводят по отношению к нам недружественную политику, что довольно часто приводит к угрозе жизни и здоровья наших туристов. Поэтому немалый поток туристов в зарубежье необходимо переключать на внутренний туризм. Для этого необходимо сделать внутренний туризм более привлекательным как по цене, так и по условиям отдыха. Это потребует существенного улучшения и расширения материальной базы сферы туризма, а также условий отдыха россиян.

В Российской международной академии туризма было проведено пилотное социологическое исследование на тему «Отношение населения к отдыху в России». Исследование проводилось автором статьи с декабря 2021 г. по январь 2022 г. В исследовании принимали участие студенты колледжа, студенты дневной, очно-заочной и заочной форм обучения Российской международной академии туризма, а также их родители. Было опрошено 250 чел. Цель исследования – выявить степень удовлетворенности россиян качеством туристских услуг в России. В исследовании проведен сравнительный анализ качества туристских услуг в России и за рубежом.

Распределение зон отдыха респондентов по годам сложилось следующим образом. Последний раз отдыхали летом 2021 г. 34 %, в 2020 г. – 19,6 %, в 2019 г. – 14 %, значительно раньше – 30,1 % и 3 % не отдыхали давно. Ареал отдыха дает следующую картину. Большая часть респондентов – 35 % отдыхали в Крыму, в Сочи – 25 % и остальные 40 % указали на ответ «другое» – это и зарубежный отдых и в регионах нашей огромной страны. В этой группе отдали предпочтение отдыху за рубежом 18 % респондентов, затруднились с ответом 8 %. Сфера интересов в ответах на вопрос, «Какой это был тур?» дает следующую картину: 17,5 % ответили, что познавательный; 23,1 % сказали, что санаторно-курортный; развлекательный – 40 %; экстремальный – 7 %; пляжный – 12,4 %. Как видим, большая часть отдыхающих отдает предпочтение развлекательным турам. Диапазон ответов о впечатлении от отдыха – все было отлично – 46,2 %, хорошее – 41,3 %, удовлетворительное – 7,7 %, ужасное – 2,1 %, и 2,8 % затруднились с ответом.

Туристское обслуживание это, по сути дела, туристский продукт, представляющий собой комплекс услуг, оказываемых туристам. Как известно, покупая на рынке товары, люди приобретают не товар, а их способность удовлетворить определенную человеческую потребность. При покупке путевки турист оплачивает не гостиничное размещение, а новые ощущения и знакомство с неизвестным. Как только клиент осознает, что товар способен удовлетворить его, он становится покупателем.

С целью определения степени удовлетворенности предоставленными услугами респондентам было предложено оценить качество услуг по 10-балльной шкале. Оценка качества производилась по услугам: питание, лечение, обслуживание, чистота и порядок, развлечения, цена отдыха. Результаты опроса представлены на гистограмме (рис.).

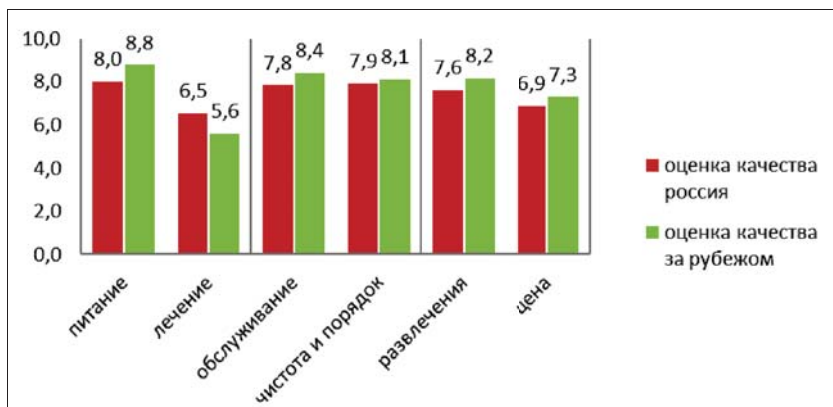

Рис. Оценка качества услуг

Приведенные данные на гистограмме представляют собой средние значения оценок услуг, оказанных на отдыхе в России и за рубежом соответственно: питание – (8,0 и 8,8); лечение (если было) – (6,5 и 5,6); обслуживание – (7,8 и 8,4); чистота и порядок – (7,9 и 8,1); развлечения – (7,6 и 8,2); цена – (6,9 и 7,3). В целом по услугам оценки респондентов с небольшим расхождением, но тем ни менее, указывают на более высокое качество услуг за рубежом. Исключение составляют лечебные услуги.

Проанализируем ответы более детально в сравнении с зарубежным отдыхом с учетом гендерного аспекта. Для российского человека питание является очень важным показателем качества. Качество питания в России оценили практически одинаково мужчины (8,1 балла) и женщины (8 баллов). Качество питания за рубежом мужчины и женщины оценили выше, чем в России, соответственно 9,4 и 8,3 балла.

Наиболее низкий балл за питание в России поставили возрастные группы 21–23 лет (7 баллов), до 17 лет (7,7 балла), 17–18 лет (7,8 балла). Респонденты возрастных групп 19–20 и 31–40 лет питание в России оценили на 8,6 балла, а возрастная категория более 55–10 баллов. Сравнительный анализ показал, что почти все возрастные категории отдали предпочтение питанию за рубежом (9–10 баллов).

Влияние социального статуса респондента на оценку качества питания было проанализировано для групп: предприниматели, госслужащие, интеллигенция, семьи из сельской местности и семьи рабочих. Анализ показал, что семьи рабочих и предпринимателей ниже всех остальных категорий оценили питание в России (по 8 баллов), семьи госслужащих – 8,2, интеллигенции 8,6. Только семьи из сельской местности поставили 10 баллов. Сразу надо оговориться, что никто из респондентов из сельской местности не отдыхали за рубежом. Респонденты практически всех категорий отдали предпочтение питанию за рубежом, не ниже 9 баллов (а семьи госслужащих даже 10). Только семьи интеллигенции поставили средний балл 8,7.

Следующая услуга – лечение. Необходимо сразу сказать, что здесь все опрошенные категории лиц намного выше оценили лечение в России. Молодежь не смогла адекватно оценить лечение, так как им не было необходимости его проводить, а более возрастные категории, как правило, лечатся в России. На вопрос отвечали только те респонденты, кто проходил лечение. Эта группа респондентов составляет 10 % от общего числа опрошенных, Общие результаты при оценке лечения в России и за рубежом (6,5 и 5,6). Женщины выше оценили лечение в России, а мужчины за рубежом.

Роль гостеприимства в сфере туризма велика. Это наиболее важная составляющая, играющая огромную роль для клиента, создающая комфорт и уют во время его проживания вне своего дома. Качество обслуживания в России респонденты оценили на 7,8 баллов, а за рубежом этот балл значительно выше 8,4. Такая же тенденция сохраняется как у мужчин (7,6 и 8,7) так и у женщин (7 и 8,2). Таким образом, качество обслуживания, по единодушному мнению, за рубежом выше, чем в России. Анализ мнений респондентов различных возрастных групп дает аналогичный результат. Качество обслуживания в России оценивается в пределах от 6 до 8 баллов, за рубежом – от 8 до 10 баллов.

Чистота и качество фактически включает услуги размещения и прочие бытовые услуги. Респонденты оценили этот параметр в России на 7,9 баллов, а за рубежом 8,1. Но мнения мужчин и женщин разделились. Если в России мужчины оценили чистоту и порядок на 7,5 баллов, женщины на 8, то за рубежом мужчины – 8,4, а женщины – 9,4. Менее чувствительной возрастной группой к показателю «чистота и порядок» оказались молодежные группы до 17 лет и 17–18 лет. Расхождение оценок этого показателя в России и за рубежом было пределах 0,1 балла от 7,8. Более старшие возрастные группы считают, что чистота и порядок за рубежом выше, чем в России. Члены семьи интеллигенции (8,7 и 8,3) и семьи госслужащих (7,8 и 5,5) выше оценили чистоту и порядок в России. Прямо противоположную оценку дали семьи предпринимателей (8,2 и 9) и семьи рабочих (7,9 и 8,6).

Развлечения – это особая услуга цель, которой заключается в повышении показателей качества обслуживания в досуговой сфере. Развлечение как услуга представляет собой комплекс анимационных программ, призванных удовлетворить потребности в общении, движении, развитии, культурно творчески и приятно проводить время, развлекаться.

Анализ результатов исследования показал, что эта услуга (развлечение), по мнению респондентов, является востребованной. Средняя оценка этого показателя в России составляет 7,6 баллов и за рубежом – 8,2. Удовлетворенность с учетом гендерного признака: мужчины 7,1 и 8,8, женщины 7,8 и 10. Женщины выбирают тур, как правило, учитывая развлечения, которые могут предоставить предприятия туризма. Известно, что эта услуга у женщин стоит на 1 месте. Наиболее востребована эта услуга у возрастных категорий 24–30 лет (9 и 10) и лиц старше 55 лет (10 и 10). Очень низко оценили развлечения в России лица возрастной категории 41–55 лет (6,6 баллов). Поэтому они стараются ехать отдыхать за границу, где оценивают систему развлечений на 9 баллов.

Принадлежность к определенной социальной группе накладывает свой отпечаток. Семьи интеллигенции развлечения в России оценили выше, чем за рубежом (8,4 и 7,3). Противоположное мнение высказали госслужащие (7,5 и 10) и предприниматели (7,7 и 8,8).

Важным параметром, определяющим успешность фирмы и востребованность ее турпродукта, является ценовая политика. Цена это мощный рычаг, позволяющий обеспечить туристской фирме конкурентоспособность. И любая ошибка в ценовой политике может обернуться неудачей всего бизнеса, даже при условии нормального функционирования других элементов.

Совокупная оценка цены на тур услуги в России и за рубежом по оценкам респондентов составляет 6,9 и 7,3 баллов соответственно, т. е. по мнению респондентов, цена отдыха в России дороже, чем за рубежом. Аналогичное мнение высказали мужчины (6,7 и 7,4) и женщины (7,3 и 7,9). Оценка удовлетворенности семей ценовой политикой отдыха в России по социальным категориям примерно одинаковая, она варьируется от 6 баллов до 7,5, цена за рубежом от 4,3 (интеллигенция) до 8,3 (предприниматели). Респонденты с различным уровнем образования указали следующие баллы: начальное (7,1 и 6,6) , среднее (7,4 и 8), незаконченное высшее (7,6 и 6,8), высшее (6,8 и 7,3). Выше всех удовлетворенность ценой отдыха в России отметили респонденты в возрасте от 55 лет (9,0) и 31–40 лет (8,2), ниже удовлетворенность у студентов до 17 лет (6,6 и 6,3).

Родители 41–55 лет поставили 6,7 баллов в России и 9 баллов за рубежом. Эта категория считает, что цены за отдых в России намного завышены и не соответствуют принципу «цена-качество». Примерно так же считают многодетные семьи (7,2 и 6,6). Студенты дневного отделения (6,5 и 7,3) и очно-заочного резко отличаются в оценке цены за отдых (8,2 и 10). Это объясняется тем, что практически все студенты очно-заочной формы обучения работают и могут позволить себе более дорогой отдых.

Анализ показал, что если туриндустрия хочет привлечь туристов, то необходимо повышать качество услуг.

УДК 378

Н. В. Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

СОВРЕМЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

На основе анализа отношения к высшему образованию в России и изменений социальной реальности под влиянием глобальной информатизации выделяются тактические и стратегические задачи развития современного высшего образования. Отмечается необходимость взаимодействия онлайн и офлайн обучения для реализации гуманистического принципа образования.

Ключевые слова: высшее образование, практико-ориентированное обучение, дистанционное обучение, цифровая социальная реальность.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

MODERN HIGHER EDUCATION AND NEW CHALLENGES OF SOCIAL REALITY

Based on the analysis of attitudes towards higher education in Russia and changes in social reality under the influence of global informatization, the article identifies tactical and strategic tasks for the development of modern higher education. The necessity of interaction between online and offline learning is noted for the implementation of the humanistic principle of education.

Keywords: higher education, practice-oriented learning, distance learning, digital social reality.

В эпоху становления высшего образования в Российской империи принадлежность к этой сфере деятельности была уделом избранных. Причем, что очень важно, избранность определялась не рождением в определенном сословии, а талантом и способностями. В Пет-

ровскую эпоху в высшие учебные заведения попадали люди из разных сословий (представители духовенства, солдатского звания, приходские, дворянские и боярские дети). В эпоху контрреформ при Александре III министром просвещения И. Д. Деляновым был предложен циркуляр, вошедший в историю как «указ о кухаркиных детях», направленный на ограниченные передвижения из «неблагородных» сословий в разночинцы, путем повышения платы за обучение в гимназиях и ликвидации подготовительных курсов. В советской историографии этому документу уделялось много внимания как реальному показателю монархического деспотизма Российской империи в противовес демократической Европе. Вместе с тем необходимо отметить, что данный циркуляр, во-первых, был отвергнут императором, а, во-вторых, в самом докладе И. Д. Делянова обеспокоенность была связана с ростом революционных настроений, которым, как он ошибочно считал, более подвержены представители низших сословий. Доктор исторических наук С. В. Волков отмечает, что в докладе говорилось: «мы... предположили, что было бы, по крайней мере, нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию». При этом очевидно, что в считающихся демократическими европейских странах вопрос о приеме в высшие учебные заведения людей из низших сословий вообще не стоял, так как такое образование традиционно было сословной привилегией. С. В. Волков приводит показательную статистику, в которой отмечает, что накануне 1914 г. в России «доля высших сословий составила в университетах 46,2 %, в технических вузах – 37,3 % (в том числе потомственных дворян – 7,6 % и 9,7 % соответственно)», а доля таких социальных групп «в Пруссии 52, Вюртемберге 58, Англии 63, Франции – 64 %» [2]. Таким образом, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для высшего образования в Российской империи важнейшим приоритетом в его доступности была не сословная принадлежность, а одаренность (талант), которая конечно свойственна далеко не всем, даже если считать, что талант – это 10 % успеха, а 90 % – трудолюбия. Вот именно об этой избранности высшего образования в России и следует говорить.

У людей, выросших в СССР, наличие у человека высшего образования воспринималось как результат его добросовестного обучения в средней общеобразовательной школе, как склонность к получению глубоких знаний и желание заниматься наукой. И в таком понимании высшее образование по-прежнему оставалось уделом не многих, хотя социалистическая идеология стремилась к воспитанию трудолюбия у всех. Получение высшего образования становилось как бы входным билетом в иную, более красивую и удобную жизнь, надеждой на успешность и уважение. Именно поэтому каждый советский родитель мечтал, чтобы его ребёнок поступил в высшее учебное заведение, а если оно было расположено еще и в Москве или Ленинграде, то это практически лотерейный билет для счастливой беспечной жизни.

Глобальные изменения в отношении к высшему образованию стали происходить в 90-е годы XX века, когда в силу происходящих «демократических» преобразований в России, поступление в высшие учебные заведения стало уже даже не результатом связей, а исключительно результатом денег. Открытие коммерческих высших учебных заведений, платных факультетов в рамках государственных учебных заведений, привело к осущению, что высшее образование реально доступно каждому. Образование стало сферой оказания услуг! Поэтому главный вопрос – это вопрос соотношения цены и качества. Учитывая бедственное материальное положение профессорско-преподавательского состава того времени, о качестве образования уже мало кто задумывался. Отчисление любого студента с платного факультета грозила потерей денежных средств как для вуза в целом, так и для отдельного преподавателя в частности, так как сказывалось на уменьшении и без того низкой доплаты, осуществляемой за счет коммерческих групп.

Возможность получить диплом о высшем образовании без особых усилий, в том числе при полном отсутствии одаренности к обучению, нивелировало высшее образование как ценность. При этом сохраняющийся критерий наличия высшего образования для занятия большого количества должностей (включая должность продавца-консультанта) делало такое образование желаемым для многих еще примерно до 2016 г.

Значительные изменения в отношении к высшему образованию стали происходить в течение последних пяти лет. С развитием цифровой реальности и появлением новых специальностей, получение которых стало доступно за рамками образовательных учреждений, высшее образование вступило в конкурентную борьбу за абитуриентов с новым неспецифическим цифровым учебным контентом. На этом фоне высшие учебные заведения, скованные огромным числом требований ФГОС, выглядят очень инертными и далеко не всегда способными идти в ногу со временем. Вынужденный переход на дистанционное обучение в связи с пандемией COVID-19 продемонстрировал неготовность многих представителей профессорско-преподавательского состава включаться в новые формы образовательного процесса и, что не мало важно, продемонстрировал отсутствие необходимой материальной базы для осуществления современного образования в самих вузах. Исследования, которые проводились НИУ ВШЭ в 2019 г. показали, что «сами преподаватели вузов с ученой степенью невысоко (3,2 балла из 5) оценивают свой уровень владения дистанционными технологиями, а каждый 4-й из них ни разу за последние 3 года не использовал сервисы удаленной видеосвязи для участия в вебинарах и видео-конференциях или проведения аналогичных мероприятий» [4]. Конечно, на сегодняшний день ситуация уже на много лучше, так как за два года проделана огромная работа по развитию электронной информационно-образовательной среды и дополнительному образованию преподавателей, но появилась новая проблема. Эта проблема связана с нежеланием многих молодых людей тратить четыре, пять и более лет на обучение.

Быстрые темпы развития современного мира заставляют молодых людей совершенно иначе относиться ко времени. Кроме того, завтрашние абитуриенты – это сегодняшние школьники, которые уже окунулись не просто в вынужденное дистанционное обучение, а стали активными участниками онлайн-обучения. Многие из них смогли не только увидеть его минусы, но и оценить его плюсы. Самостоятельные и высоко мотивированные обучающиеся смогли организовать свое время таким образом, что за время дистанционного обучения восстановили недостающие пробелы в своем образовании. Низко мотивированные к обучению школьники просто получили большое количество свободного времени.

30 марта 2022 г. на образовательной платформе «Юрайт» [5] проходила всероссийская онлайн-конференция с международным участием «Новый учебный контент: создание, распространение, использование», где в качестве экспертов выступали: первый проректор Южно-уральского гуманитарно-педагогического университета А. Богачев, директор по образовательной политике Северо-Кавказского федерального университета В. Иванов, проректор по учебно-методической работе Самарского государственного социально-педагогического университета Н. Кислова, проректор по учебной и воспитательной работе Сибирского университета геосистем и технологий С. Янкевич. Говоря о современном образовании, эксперты сходились во мнении о том, что высшее образование вступает в эпоху конкуренции не только образовательных программ между собой, но вынуждено конкурировать и с образовательными контентом, реализуемыми различными коммерческими платформами, а в нынешних условиях еще и со средними профессиональными образовательными учреждениями за привлечение к себе абитуриентов. Это требует серьезных содержательных изменений образовательных программ вариативной части (ежегодного обновления до 30 %), которые должны стать прозрачными как для заказчиков, так и для потребителей образовательных услуг и обеспечить востребованность выпускников на рынке труда. Вместе с тем гуманистический принцип образования, связанный с подготовкой не только специалиста в определенной области, но и с формированием человека, что осуществляется за счет самой вузовской социально-образовательной среды, заставляет пересматривать образовательные программы и с позиции воспитательных задач, которые ставятся государством перед высшими образова-

тельными учреждениями. По мнению Председателя Правительства РФ М. В. Мишустина университетскую среду нельзя заменить онлайн-образованием: «Среда, которую дает университет, это совершенно уникальный, если хотите, ресурс. Среда, которая есть в университете, – дружба и обмен мнениями со своими однокурсниками, общение с преподавателями, а также получение колоссального опыта и взаимный обмен – это гораздо больше, чем просто получение информации» [3]. Сравнительно онлайн и офлайн образование руководитель Forbes Education Ю. Черепанова отмечает, что главным преимуществом сегодняшнего времени остается возможность выбирать в условиях существования и того и другого. «Безусловно, учеба онлайн отличается от классической. Однако сложно говорить о том, что какой-либо из форматов лучше другого. То, что для одного студента станет достоинством, для другого может оказаться недостатком» [6].

Требования, которые выдвигаются ФГОС для высшего образования, касаются качества образования, материального обеспечения, социальной организации, уровня подготовки профессорско-преподавательского состава и многое другое. Аккредитация любой новой специальности растягивается на года. Современный рынок труда, даже в условиях практико-ориентированного обучения, меняется быстрее, чем происходит выпуск специалистов. Все чаще начинает звучать мысль о необходимости сокращения времени на получение образования. В этой связи обсуждение стандарта единой системы обучения 2+2+2 и сетевых программ обучения для бакалавриата и магистратуры уже не выглядит оторванным от реальной жизни и устремленным в далекое будущее. Сегодня уже ставится вопрос о создании новых институтов в системе образования. В докладе председателя Комитета по образованию Ж. В. Воробьевой на пленарном заседании Петербургского международного образовательного форума отмечалось, что «мы подходим к осознанию потребности создания новых институтов в системе образования через: развитие современных многопрофильных образовательных комплексов; поддержку «авторских» школ; реализацию межотраслевых образовательных проектов; системную организацию инновационной деятельности, обеспечивающей рост качества педагогических и управленческих практик и многое другое» [7].

По сути, в развитии современного образования сегодня можно выделить тактические и стратегические приоритеты. Первые связаны с потребностями рынка труда и практико-ориентированностью обучения, подготовкой специалистов для обеспечения народного хозяйства, а вторые являются отражением потребностей современного общества в университетах нового поколения, которые эксперты часто называют «инновационными вузами». Как отмечает В. Л. Крайник: «Обучение в таком вузе должно быть нацелено на подготовку людей и команд, не только умеющих осуществлять трансформацию уже существующего социокультурного опыта, но и способных проектировать новое, ранее не существовавшие общественно-полезные виды деятельности человека» [1].

На фоне развития указанных приоритетов количество классических и отраслевых вузов должно определяться потребностями регионов в подготовке специалистов, а образовательные программы и время для их освоения, готовностью бизнеса и социальной сферы ждать выпуска таких специалистов. Кроме того, количество таких вузов будет определяться и количеством абитуриентов, готовых в них обучаться.

Многие современные школьники начинают отказываться от поступления в высшие учебные заведения сразу после школы, а выбирают среднее профессиональное образование, допуская, что после этого смогут получить высшее образование в системе онлайн-образования, без отрыва от работы. По мнению некоторых экспертов, это объясняется страхом перед ЕГЭ. Однако, на наш взгляд, здесь не столько страх перед ЕГЭ, сколько очевидное желание получить возможность уже через пару лет самостоятельно зарабатывать. Кроме того, не следует закрывать глаза и на то, что часть школьников допускает возможность зарабатывать деньги, вообще не получив профессионального образования. Кумирами многих из них сегодня являются не космонавты и врачи, а успешные блогеры, сумевшие за короткое время создать большие капиталы. Те же молодые люди, которые уже имеют капитал за счет родителей,

предпочитают развивать свои творческие возможности за пределами учебных заведений, не видя для себя каких-либо привилегий от наличия высшего образования.

Очевидно, что на этом фоне количество классических и отраслевых вузов неизбежно будет снижаться. Возможно будет сокращаться и время для освоения образовательных программ. Не стоит видеть в этом некую «задумку» власть имущих оградить от высшего образования детей рабочих и крестьян. Последние более чем, когда либо, при наличии способностей могут легко поступить на бюджетные места по специальностям, направленным на обеспечение социальных сфер. Вопрос в том, смогут ли они позволить себе учиться четыре года, не работая, и главное: хотят ли они поступать на такие специальности? Что касается инновационных вузов, то их не должно быть много по определению, так как они будут ориентироваться на подготовку управленцев высшего уровня, способных выходить за рамки общепринятых представлений и самостоятельно действовать в нестандартных ситуациях. Здесь нельзя не увидеть потребность в той самой избранности обучающихся, которая позволит им поступать в инновационные вузы. Если подлинным приоритетом будет талант и особые способности, а не кастовая система формирования управленцев высшего звена, то именно за ними будет будущее России и реализация наших надежд на создание прорывных технологий, способных обеспечить выживание в современном мире.

Литература

1. Крайник В. Л. Высшее образование в России: тенденции и перспективы развития // Биологический вестник МГПУ им. Б. Хмельницкого. 2015. № 1а. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-v-rossii-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (дата обращения: 13.04.2022).
2. Волков С. В. Кое-что о «демократизме» в сфере образования. URL: <https://salary.livejournal.com/75771.html> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Михаил Мишустин: онлайн-обучение не сравнить с университетской средой // Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4439/> (дата обращения: 12.04.2022).
4. Дистанционное обучение в экстремальных условиях // Интерфакс – Высшее образование в России. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Онлайн-конференция «Новый учебный контент: создание, распространение, использование» // Образовательная платформа «Юрайт». URL: <https://urait.ru/> (дата обращения: 30.03.2022).
6. Онлайн-образование: разбираемся в особенностях дистанционного обучения // Forbes Education – все об обучении и образовании в России и за рубежом. URL: <https://education.forbes.ru/authors/online-obrazovanie> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Современное образование: новая реальность. Доклад председателя Комитета по образованию Ж. В. Воробьевой на пленарном заседании Петербургского международного образовательного форума. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/educ/ current_activities/speeches/4537/ (дата обращения: 13.04.2022).

Е. С. Кузьмина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

А. О. Шишкина

Автономная некоммерческая организация по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы», г. Иркутск

ОНЛАЙН-СОЦИОЛОГИЯ В XXI В.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена исследованию возможностей цифровой социологии и перспективам ее развития в современную эпоху. Авторы анализируют преимущества и ограничения онлайн-исследований в профессиональной социологической практике. Проводят теоретический анализ научной литературы в области онлайн-социологии, а также материалов секции «Социология: онлайн или офлайн?» в рамках XI Международной Грушинской социологической конференции. На основе кейсов проведенных онлайн-исследований АНО «Диалог Регионы» (г. Иркутск) в статье сформулированы выводы о специфике применения качественной и количественной методологии в онлайн-социологии.

Ключевые слова: онлайн-социология, цифровое общество, социологические исследования.

E. S. Kuzmina

Irkutsk State University, Irkutsk,

A. O. Shishkina

Autonomous non-profit organization for the development of digital projects in the field of broad connections and communications «Dialogue of Regions», Irkutsk

ONLINE SOCIOLOGY IN THE XXI CENTURY: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article is devoted to the study of the possibilities of digital sociology and the prospects for its development in the modern era. The authors analyze the advantages and limitations of online research in professional sociological practice. The authors conduct a theoretical analysis of scientific literature in the field of online sociology, as well as materials from the section «Sociology: online or offline?» within the framework of the XI International Grushin sociological conference. Based on the cases of online research conducted by ANO «Dialogue Regions» (Irkutsk), the article formulates conclusions about the specifics of applying qualitative and quantitative methodology in online sociology.

Keywords: online sociology, digital society, sociological research.

Появлению онлайн-социологии способствовало развитие технологий и повсеместное распространение и доступность интернета (по данным ВЦИОМ, около 80 % россиян являются его пользователями). Значительный рост онлайн-исследований и популяризация онлайн-социологии произошли в 2020 г. в связи с введенными ограничениями на проведение офлайн-исследований и опросов общественного мнения из-за пандемии COVID-19. Многие исследовательские компании (как коммерческие, так и научные) по всему миру активно включили онлайн-методы в свой арсенал. Кроме того, профессиональная социологическая практика стала во многом опираться на цифровые следы, получая большие массивы данных, не задавая вопросы респондентам, что послужило толчком к развитию безопросной социологии на основе больших данных. Благодаря современным методикам проведения онлайн-исследований (таким, как ривер-сэмплинг, онлайн-панели и др.), с одной стороны, открылись дополнительные преимущества: скорость («моментальная фотография» большого объема выборки), более широкий охват различных социальных групп (онлайн-опрос может охватить одновременно труднодоступные для традиционной социологии аудитории, например, маргинальные или элитные группы), вовлеченность респондента (открытость его позиции за счет анонимности и определенная лояльность со стороны респондента, выраженная готовностью идти на контакт в сети), уменьшение посредников в цикле исследования, а также оперативность и серьезная экономия финансового и временного ресурса. С другой стороны, возникли новые ограничения и методологические проблемы, связанные с обоснованием репрезентативности из-за смещения выборки и ее стихийности, которые требуют дополнительных решений (введения квот, сопоставления с результатами предшествующих опросов или офлайн-

опросов общественного мнения, проведенных другими центрами на схожую тематику). Также существуют ограничения длины анкеты. Рекомендованное количество вопросов в онлайн-анкетах – 20–25 вопросов. С каждым следующим вопросом сверх обозначенного увеличивается вероятность того, что респондент может отказаться от заполнения и с легкостью выйти из исследования. Еще одним ограничивающим фактором выступают риски намеренного искажения личной информации, что влечет за собой составление не всегда точного социально-демографического портрета. Для снижения указанных рисков к минимуму необходимо исключить брак заполненных анкет с помощью специального программного обеспечения.

Проблемы и перспективы онлайн-социологии в настоящее время находятся в фокусе внимания отечественных социологов. Так, ведущие эксперты теоретической и практической социологии на площадке Международной Грушинской социологической конференции в рамках секции «Социология: онлайн или офлайн» в 2021 г. посвятили свои доклады обозначенным вопросам (Е. Куроедова, Д. Рассадина, Е. Исакова, К. Дивеева, В. Романенко). По мнению генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения К. В. Абрамова, «офлайн как такового на серьезном рынке осталось не так много», поскольку даже популярные телефонные исследования проводятся через IP-телефонию [4]. При этом директор по исследованию Фонда социальных исследований В. Б. Звонковский выделяет среди важных проблем при проведении онлайн-опросов достижение репрезентативности выборки и ее обоснование [4]. Кандидат социологических наук А. П. Платонова, осмысливая прошедшую на конференции дискуссию, справедливо отмечает, что «растущая популярность онлайн-опросов также объясняется тем фактом, что при использовании доступных программных средств обеспечения для онлайн-опросов появляется возможность быстро связаться с целевой аудиторией и собрать отзывы пользователей» [3, с. 88]. Кроме того, когда социологи организуют онлайн-опросы на базе специализированных программных продуктов (например, EnjoySurvey), они могут воспользоваться расширенными настройками целевой аудитории онлайн-панели, а также запрограммировать логику ветвления внутри анкеты, что в результате приводит к исключению логических ошибок при переходе респондентов к ответам на последующие вопросы.

В числе основополагающих научных работ в области онлайн-социологии в России следует выделить труд доктора социологических наук И. Ф. Девятко «Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности», в котором подробно представлены ограничения и специфика использования онлайн-исследований в социологии, дана оценка валидности получаемых данных, спрогнозированы перспективы [1, с. 17–30]. Важно отметить, что при финансовой поддержке компании OMI (Online Market Intelligence), с 2007 г. выпускается сборник «Онлайн-исследования в России», посвященный особенностям использования интернета для осуществления социологических и маркетинговых онлайн-исследований, в котором представлены научные статьи зарубежных и отечественных ученых (И. Бурдейн, Л. Джим, Д. Петер, К. Пит, Дж. Пулестон, М. Ревилла, К. А. Гаврилов, С. Г. Давыдов, О. Е. Кузина, Н. Г. Малощонок, Н. С. Мамян, С. И. Некрасов, Е. Ю. Рождественская, А. Т. Тинчурин, А. В. Шашкин и др.).

Эксперты отмечают, что специфика возможностей и ограничений онлайн-социологии связана с динамичными темпами роста интернет-технологий и все более активным вовлечением пользовательской аудитории в интернет-пространство. По данным международной статистики интернета Global Digital, в 2022 г. число активных пользователей сети Интернет увеличилось на 4 % (+192 млн чел.) и составляет 4,95 млрд чел. – это 58,4 % от общей численности населения мира [5]. Доля ежедневных пользователей интернета в России достигла 68 % [2]. Непрерывное увеличение пользовательской аудитории и освоение интернет-пространства повышает исследовательский интерес как к изучению цифрового общества в целом, так и разработке современного исследовательского инструментария. В этой связи цифровая социология становится новой отраслью социологического знания, в задачи которой входит изучение закономерностей взаимовлияния социальных процессов, протекающих в виртуальном пространстве и окружающей реальности [4].

Все чаще к онлайн-социологии обращаются, когда возникает запрос на описание характеристик интернет-аудитории, ее активности, степени осведомленности по тому или иному вопросу; изучение социального самочувствия населения по проблемной теме; оценку интернет-контента разного формата (аудио, видео, тексты, подкасты и т. д.). Накопление практик и уникального материала благодаря проведенным социологическим исследованиям с использованием сети Интернет позволяет проводить анализ социальных медиа и виртуального пространства, определяя динамику реакции населения по социально значимым вопросам, а также осуществляя прогностическую функцию социологии. При этом уровень доверия к информации в интернете становится вопросом личной ответственности и культуры потребления информации.

Рассмотрим особенности применения качественной и количественной методологии в онлайн-социологии на основе опыта проведенных онлайн-исследований АНО «Диалог Регионы» (г. Иркутск). Как правило, для той или иной цели используются комплексный подход: например, чтобы изучить тенденции, следует начать с опроса, а чтобы лучше понять причины рекомендуется провести интервью. В количественном подходе в онлайн-социологии различают телефонные интервью и онлайн-опросы. Их проводят как в отдельных сервисах, так и в социальных сетях или мессенджерах, например, Telegram. Riversampling – еще одно набирающее популярность направление онлайн-исследований, которое реализуется в свободном отборе респондентов среди пользователей интернета, находящихся в онлайн-в конкретный временной промежуток. Респонденты приглашаются к участию в опросе посредством размещенных объявлений, а не формируются из баз данных, как в онлайн-панели. В настоящий момент метод riversampling является оперативным и репрезентативным инструментом социолога благодаря кратчайшим срокам сбора ответов, многомиллионной аудитории потенциальных участников исследования, практически неограниченному таргетингу. Однако в России метод распространен не так широко, поскольку требует дополнительных знаний, навыков и технических возможностей.

Качественные методы дают аналитическую информацию и глубокий анализ проблемы, позволяют выявить причины и мотивы респондентов. В качественном подходе в онлайн-социологии различают фокус-группы, глубинные интервью и форумы. Проводить их следует как в специализированных программных продуктах – Discuss.io, Focus Vision IntarVu, QualMeeting, так и в неспециализированных – Skype, Zoom, Microsoft Teams. Участники онлайн фокус-группы имеют свободную форму выражения своей точки зрения и взаимодействуют друг с другом и модератором. В ходе работы они могут вовлекаться в офлайн-задания модератора (например, ведение записей дневника или свободная фиксация ключевых мыслей, оценок, выводов). Специфика проведения онлайн фокус-группы заключается в необходимости модератора удерживать динамику группы, рабочую атмосферу для достижения исследовательских целей, «групповой тонус», поскольку в случае потери внимания участников исследования появляется высокий риск ухода респондента.

Таким образом, возможности онлайн-социологии позволяют значительно облегчить и ускорить процедуру сбора данных, расширить исследовательский арсенал, однако, по-прежнему необходимо учитывать ограничения онлайн-методов, разрабатывая все новые решения возникающих методологических проблем. Несмотря на возросшую актуальность онлайн-социологии в XXI в., классическая социология остается востребованной даже в цифровую эпоху.

Литература

1. Девятко И. Ф. Онлайн-исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн-исследования в России 2.0 / под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17–37.
2. Интернет, социальные сети, VPN: пресс-выпуск Левада-Центра от 08.04.2022 // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/08/internet-sotsialnye-seti-i-vpn/> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Платонова А. П. Социология онлайн или офлайн коммуникаций: по материалам дискуссии на Грушинской конференции – 2021 // Коммуникология: электрон. науч. журн. 2020. Т. 6, № 1. С. 83–92.
4. Стенограмма XI Международной Грушинской социологической конференции Секция «Социология: онлайн или офлайн?» 19 мая 2021 г. URL: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2021/sociology_online_or_offline.pdf (дата обращения: 12.04.2022).
5. Digital 2022: another year of bumper growth. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 28.04.2022).

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА МОЛОДЁЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Рассматривается социальный оптимизм и его формирование в аудитории студенческой молодёжи в пространстве классического университета. Определены основные факторы влияния на повышение уровня социального оптимизма молодежи, выявлены корреляции социального оптимизма и социальной активности студентов, а также направления работы вуза по расширению жизненного пространства молодёжи с целью повышения социального оптимизма в социокультурном пространстве образовательного учреждения. Приведены результаты исследования уровня социального оптимизма в классическом университете.

Ключевые слова: социальный оптимизм, социокультурное пространство, социальная активность молодёжи.

L. A. Gurinovich, A. E. Manzula
Irkutsk State University, Irkutsk

FORMATION OF SOCIAL OPTIMISM OF YOUTH IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE UNIVERSITY AS A FACTOR IN THE STABILITY OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION

The article deals with social optimism and its formation in the audience of students in the space of a classical university. The article defines the factors influencing the increase in the level of social optimism of young people, reveals the correlations of social optimism and social activity of students, as well as the direction of the university's work to expand the living space of young people in order to increase social optimism in the socio-cultural space of an educational institution. The results of a study of the level of social optimism in a classical university are presented.

Keywords: social optimism, sociocultural space, youth social activity.

Открытое образовательное пространство как социальная среда в настоящее время становится одним из критериев оценки привлекательности образовательных учреждений. Его важно исследовать в контексте инновационной деятельности отдельных аспектов развития социальной сферы. Актуальной теорией исследования социокультурного пространства вуза как части жизненного пространства разных поколений является социологический витализм. Формирование жизненного пространства человека и групп, в которые он включен в процессе жизнедеятельности, их местонахождение в составе общественных структур становится важным процессом. Этот процесс сопровождается научной, общественной, управленческой экспертизой, формирующей многосторонность отношения к необходимости общественной интеграции.

По мнению исследователей, работающих в концепции социологического витализма, развитии теории способствуют ряд аспектов трансформации российского общества, а именно: расширение, обострение и усложнение сфер рисков для человека и общества; интеграция наук и появление новых научных концепций; появление новых возможностей технологизации не только исследовательских практик, но и социоинженерной деятельности, её модернизации; развитие профессионального социального образования [1, с. 11]. К числу таковых нам видится важным отнести социальное воспитание как технологию, присущую образовательным учреждениям. Поскольку одним из элементов исследования жизненного пространства С. И. Григорьев предложил исследование социального микрорайона, авторы полагают возможным считать таковым социокультурное пространство университета, формируемое как кампус [6].

Ш. Х. Боташева, длительное время изучающая социальный феномен оптимизма, подтверждает, что социальному оптимизму характерны такие характеристики, как уверенность людей в прогрессивной перспективе развития общества, вера в то, что будут созданы благоприятные условия для реализации их творческих потенций, надежда, что обществом будут востребованы их профессиональные качества, формирование позитивных ожиданий будущего [2]. Таким образом, утверждает автор, формируется мотив к активным действиям субъектов, является социальным критерием чувства стабильности и восприятия качества жизни.

А. Ю. Дитятев, проводя исследование социального оптимизма, цитирует его определение, ссылаясь на А. Рязских, в следующем контексте: «...позитивное восприятие индивидом какой-либо социальной группы или её части, перспектив общественного развития, обусловленное социальными факторами», добавляя свой вывод, что социальный оптимизм есть благоприятный прогноз о возможности реализации индивидом своих потребностей в рамках общества [3].

Ситуация ярко выраженной социальной разрозненности в период распространения COVID-19 индивидов и групп отразилась на многих аспектах жизненного пространства жителей большинства стран и регионов нашей планеты. Молодежь, встроенная в образовательное пространство вуза, менее других была исключена из взаимодействия, несмотря на последовавший виртуальный образ жизни и обучения, тем не менее, получила определенные социальные эффекты такого преобразования. Большое число исследований включало задачи выявления качества получаемого образования после тотального применения дистанционных технологий. Так, И. А. Журавлева приводит результаты исследования методом онлайн опроса, в котором приняли участие 2600 студентов различных вузов России, проходивших обучение с применением дистанционных технологий. Автор отмечает повышение мобильности обучающихся как положительный момент, а также такие негативные как нестабильность доступа к проводимым занятиям или обрыва связи в связи с нестабильностью интернет-связи, психологическую неготовность восприятия информации через гаджеты и увеличением времени для усвоения материала [4]. Похожие результаты были получены и в наших исследованиях [6]. Изменение формата обучения в смешанном режиме расширило спектр проявления образовательной и социальной активности.

Исследования последнего года в отношении проявления социального оптимизма и его корреляции с социальной активностью проводилось с целью выявления позитивного восприятия действительности. Нами был проведен вторичный анализ данных исследования социального оптимизма в новосибирских вузах в ноябре 2018 – феврале 2019 гг. по теме «Студенчество сегодня» [5]. Участники были разделены исследователями на три кластера: «оптимисты», «умеренные» и «пессимисты». Авторы исследования отмечают, что социальную активность реализуют представители всех выделенных кластеров, в разной мере и различных видах социальных практик, в коммуникациях и при построении дружеских отношений. Частично взгляд на свои жизненные возможности участники опроса определяют, вне зависимости от указанного разделения, как доступ к ресурсам и благам. Был сделан вывод о корреляции социальной пассивности с наличием определенных условий, ресурсов и возможностей. При этом социальный оптимизм зависит от возможностей удовлетворения материальных и духовных потребностей в рамках общества и реализации творческого и социокультурного потенциала. Также авторы констатируют наличие высокого потенциала студенческой молодежи в плане достижения социально значимых целей и удовлетворения собственных социальных потребностей в преобразовании социальной реальности при условии положительного самовосприятия, позитивной оценки жизни в целом и собственных жизненных перспектив в частности [5].

Нами было проведено исследование уровня социального оптимизма среди обучающихся в Иркутском государственном университете в марте 2022 г. Опрос проводился по дополненному инструментарию общероссийского исследования под руководством НИУ ВШЭ. Дополнения касались задачи выявления настроений, акторов и форм снижения социальной напряженности в социокультурном пространстве университета. Тип выборки – гнездовая, с приглашением к участию студентов всех подразделений ИГУ, принимающих участие в деятельности различных организаций и клубов, осуществляющих внеучебную деятельность в виде различных социальных практик ($n = 432$). Среди опрошенных мужчин 27,3 %, женщин – 72,7 %. Более 58 % обучаются на первом курсе, 25 % – на втором, 15,5 % – на третьем курсе программ подготовки бакалавриата.

На косвенный вопрос о посещаемости занятий и времени, затрачиваемом на подготовку к занятиям, были получены следующие варианты ответов. О том, что посещаемость занятий не изменилась, ответили 57 % опрошенных. Посещаемость стала ниже обычного по мнению 28,5 % респондентов. О повышении числа посещающих занятия заявили только 10,2 % респондентов. Анализ результатов показывает, что пространство вуза воспринимается как ста-

бильно развивающееся социальное пространство, о чем утверждает стремление к получению образования.

На вопрос о затрачиваемом на подготовку к занятиям времени получены такие ответы, которые были проранжированы по степени убывания: немного больше, чем раньше (33,3 %); не изменилось (28 %); существенно увеличилось (28,4 %); уменьшилось (10,4 %); практически не готовилось к занятиям (3,9 %). Остальные опрошенные выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Эти данные косвенно подтверждают вывод И. А. Журавлевой об изменении структуры проведения занятий и оценки уровня подготовки к ним.

На предложение оценить, какая часть знакомых у участников исследования испытывает тревогу, откликнулись большинство опрошенных, выбрав следующие варианты ответа: больше половины (31,3 %); меньше половины (23,4 %); немного таких людей (16,7 %); почти никто не встревожен (9,3 %); все или почти все (7,2 %).

Для уточнения причин тревожности обучающимся был задан вопрос: «Что именно более всего тревожит Вас и/или Ваших знакомых?» с возможностью выбора трех вариантов ответа. Были получены следующие результаты:

- возможность нехватки средств на самое необходимое, в том числе продукты питания и транспортные расходы (54,2 %);
- что будут сложности с оплатой жилья, обучения, медицинского обслуживания (32,2 %);
- люди, пострадавшие в ходе спецоперации в Украине (31 %);
- сложности с покупкой техники и ПО (29 %);
- ожидание сложностей в поиске работы, если начнутся сокращения кадров (24,1 %);
- возможность возникновения дискриминации в отношении себя со стороны других людей (23,6 %);
- что появились ограничения на путешествия за рубежом (22,2 %);
- возможное изменение привычек и стиля жизни (20,2 %);
- проведение спецоперации затронет студентов непосредственно, а также их родных и близких (18,5 %);
- что придется поменять образовательные или профессиональные планы (15,1 %);
- конфликты с родственниками и друзьями из-за разных мнений при оценке различных событий (13 %);
- появятся сложности доступа к образовательным ресурсам (11,4 %).

Анализ полученных результатов демонстрирует реакцию опрошенных на понижение уровня коллективного оптимизма, подчеркивает преобладание индивидуализированных планов и просчитывание ресурсов пополнения жизненных сил индивидов и всей группы в целом. Подтверждение такому выводу наблюдается при анализе ответов на вопрос: «Какие события вызывают у вас оптимистичное настроение?», с возможностью выбора двух вариантов ответа. Наибольшее число ответов набрали варианты «хорошие взаимоотношения с друзьями» (59,5 %) и «взаимопонимание с родителями» (46,8 %); вторую группу формируют ответы «наличие ресурсов для собственного жизнеобеспечения» (22,7 %), «чувство стабильности и безопасности» (20,4 %) и «хорошая погода» (19,9 %). В третьей группе ответы «нейтральные и хорошие отношения с преподавателями» (10,4 %), «нетрудные задания в процессе обучения» (7 %) и «доступ к любимым мессенджерам» (5,8 %). Как видно при анализе полученных данных, опрошенным студентом важны окружение и отношения с ним.

Основными источниками повышения уровня оптимизма можно считать те формы социального взаимодействия, которые влияют на мнение о доступности ресурсов. К таковым в настоящее время относятся социальные сети, в том числе корпоративные, и взаимодействия внутри образовательной среды.

Основные проекты университета, дающие такие возможности, направлены на ресурсообеспеченность и расширение социальных контактов. После ослабления ограничений, вызванных Covid-19, для самореализации молодежи вернулись традиционные формы массовых активностей, вроде спортивных чемпионатов с болельщиками, игр КВН, больших творческих конкурсов со зрителями. В связи с высокой степенью адаптации к онлайн форматам большей популярностью стали пользоваться конкурсы грантов на реализацию молодежных

проектов, регулярно проводимые в формате онлайн, например, Всероссийский конкурс молодежных проектов, Всероссийская форумная кампания, гранты различных фондов.

Для студентов, испытывающих материальные затруднения, упростили доступ к институтам материальной поддержки как внутри кампуса и университетов, так и на уровне муниципальных образований в которых они зарегистрированы.

Особую роль продолжают играть онлайн активности, разнообразие которых стало проявляться именно в молодежной среде. Например, традиционные акции, митинги и шествия, с легкостью могут быть проведены на онлайн ГИС-платформе с еще большим количеством участников.

Необходимо отметить, что вслед за упрощением доступа к любым видам событий возникает необходимость постоянного повышения уровня проведения и наличия элементов шоу в самих мероприятиях. Часто мероприятия, которые не содержат в себе яркой повестки, экстравагантного нестандартного содержания, остаются незамеченными в онлайн среде, а значит, рискуют еще больше потерять свою аудиторию или вовсе исчезнуть. Это необходимо учитывать при формировании направлений, касающихся социального воспитания молодежи, при проведении различных видов занятий или других аспектов деятельности.

Еще одной отличительной особенностью развития современного социокультурного пространства вуза становятся микро-активности. Неважно, в какой сфере это проявляется: микро-гранты, микро-мероприятия или социальные акции, главное, что это формирует новые ин-группы, в которых происходит поиск поддержки, сотрудничества и солидарности. Основным принципом становится быстрый результат здесь и сейчас, к которому нужно приложить минимум усилий, при этом повысив степень своего признания и значимости в малой группе. Такой эффект повышения социального оптимизма может спровоцировать увеличение дистанции внутри вуза, между основными группами социального взаимодействия, если снизится число мероприятий, где преподаватели, сотрудники и обучающиеся могут объединять совместные усилия по достижению образовательных и внеучебных задач университета.

Таким образом, устойчивость образовательного учреждения является важным фактором привлекательности высшего образования наряду с такими аспектами как успешность, выражаемая местами в научных и социальных рейтингах, признание, отмечаемое экспертами профессионального сообщества, коммуникационная активность, демонстрирующая социуму важность развития и привлекающая новых участников образовательного пространства.

Литература

1. Беспалов А. М., Григорьев С. И., Прудникова М. М. Социологический витализм: постнеклассический контекст развития социальной теории, технологий и социоинженерных практик в России рубежа XX–XXI веков // Социология социальной работы: ежегодник. Вып. 4. Виталистская социология социальной работы в России рубежа XX–XXI веков : сб. ст. / под ред. А. М. Беспалова, С. И. Григорьева, Л. Г. Гусяковой, М. М. Прудниковой. 2-е изд. М. : Барнаул, Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. С. 10–12.
2. Боташева Ш. Х. Роль социального оптимизма в изменении социальной стратификации общества. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25325487_33918282.pdf (дата обращения: 21.04.2022).
3. Дятлев А. Ю. Методологические предпосылки изучения социального оптимизма в социологии Питирима Сорокина. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20135939_68666665.pdf (дата обращения: 21.04.2022).
4. Журавлева И. А. Качество жизни и дистанционное обучение университетской молодежи во время и после COVID-19 // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : Всерос. науч. конф. с междунар. участием : сб. материалов / под общ. ред. Ю. П. Аверина. М. : МАКС Пресс, 2020. 215 с.
5. Ильных С. А., Мельникова А. С. Социальный оптимизм и социальная активность: точки пересечения. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47546641_40416695.pdf (дата обращения: 21.04.2022).
6. Манзула А. Е., Гуринович Л. А. Формирование социокультурной среды вуза в контексте теорий социального благополучия в аспекте развития университетской среды // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25–27 нояб. 2021 г. : темат. сб. ст. Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). Иркутск : Аспринт, 2021. С. 207–213.

К ВОПРОСУ О ВИКТИМОГЕННОМ СЛОЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Исследуется отражение виктимности в условиях мирового кризиса. Культурогенность (маргинальность) характеризуется как состояние, возникающее в результате социокультурной кризисной ситуации в обществе, приводящее к нарушению уровня самоидентификации, утрате ценностно-культурных ориентаций. Обосновано, что виктимогенная личность является жертвой кризисных процессов. Понятийное поле эпи-феномена «виктимогенный слой культуры» определено как кризисное социокультурное явление, имеющее онтологические основания.

Ключевые слова: виктимогенная личность, «жертвопригодность», культурогенность (культурная маргинальность), виктимогенный слой культуры, 24 февраля 2022 г., девиктимизация.

E. I. Melnikova

Kuzbass Orthodox Theological Seminary Kemerovo of the Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Novokuznetsk

ON THE ISSUE OF THE VICTIMOGENIC LAYER OF CULTURE IN THE CONDITIONS OF THE GLOBAL CRISIS

The article examines the reflection of victimhood in the contemporary culture of the global crisis. Culturogenicity (marginality) as a result of a socio-cultural crisis situation in society, leading to a violation of self-identification, loss of value and cultural orientation. Victimogenic personality is a victim of crisis processes. The conceptual field the epiphenomenon "victimogenic layer of culture" is defined as a crisis cosio-cultural phenomenon with ontological grounds.

Keywords: victim personality, "the sacrificability", innate cultural layer (cultural marginality), victimogenic layer culture, February 24, 2022, devictimization.

24 февраля 2022 г. становится важнейшим триггером целого комплекса глобальных трансформаций в сфере политики, экономики, общества и культуры. Возникает необходимость находить категории, способные объяснить социокультурные процессы мирового кризиса в контексте нетрадиционной парадигмы. Такой подход может быть задан применением концепции виктимогенного слоя культуры к анализу социокультурных кризисных процессов.

Сформировалась концепция виктимогенного слоя культуры на философской антропологии, психоаналитической культурологии, основного генетического закона культурного развития психики Л. С. Выготского, аналитической социальной психологии А. Адлера, К. Хорни и Э. Фромма, межличностной психиатрии Г. С. Салливана, психологической теории интеракционизма Т. Шибутани, психосоциальной теории развития личности Э Эриксона, психоаналитической терапии Х. Томэ и Х. Кэхеле, транзактного анализа Э. Бернса, Я. Стюарта, В. Джойнса, классической социологии и основах социокультурного анализа. Углубленное изучение данных исследовательских материалов в сопоставлении с опытом собственной практики дали основание для определения концептуальных основ виктимогенного слоя культуры. Исследование продолжает ранее опубликованную монографию «Виктимогенный слой в культуре детства» 2020 г. [2] и статьи автора, посвященные проблеме виктимогенного слоя культуры.

Р. Ф. Латыпов, проводя ситуационный анализ, констатирует, что начавшиеся 24 февраля 2022 г. кризисные события приведут к политическим, экономическим, социальным и культурным сдвигам такого масштаба, что уже сейчас можно говорить о них как о революции [1, с. 137]. На основе мирового кризиса появляется новое мировоззрение, новый вид личности человека, новые намерения и новые поведенческие образцы, установленные в новом культурном жизненном пространстве.

Важнейшим благом человечества является категория «Мир», которая как аксиома незыблема, доказавшая свою жизнеспособность. Категория «Война» – худшая из вариантов разрешения мирового кризиса. «Война» – апофеоз всеобщей несправедливости, ненависти и злости, всеобщего горя и страдания, попрание прав и свобод человека, посягательства на

жизнь, здоровье и собственность. «Мир» первичен по определению, так как при мировом кризисе сначала накапливаются различные противоречия, что и приводит к военному кризису, если эти противоречия не разрешаются мирным путем.

Впоследствии жертвам военных кризисов присущи невыносимые психологические переживания. С. П. Ставило предлагает ввести в сферу научных интересов «военную виктимологию» [6, с. 59], которая будет изучать явление военной спецоперации и выработать рекомендации легитимным органам власти по девиктимизации населения на подконтрольных территориях.

Буквально «виктимность» означает жертвенность. Мы рассматриваем людей, которые объективно или субъективно могут стать жертвами. Трактует «виктимность» с помощью неологизма «*жертвопригодность*» [3, с. 135]. «Жертва» – это человек (сторона взаимодействия), который утратил значимые для него ценности в результате воздействия на него другим человеком, как стороной взаимодействия, группой людей, определёнными событиями и обстоятельствами [2, с. 22], например, такими как спецоперация.

Начиная с 1970-х годов вопросами виктимологии в СССР, в частности в г. Иркутске, начинают заниматься такие ученые как В. С. Минский, В. Я. Рыбальская, Г. И. Чичель и др., которые внесли вклад в развитие отечественной виктимологии. В их работах в основном освещались вопросы предупреждения виктимизации личности. Современная виктимология в полной мере рассматривается как академическая научная дисциплина с широким применением в различных научных и прикладных областях. Понимаем виктимность как повышенную уязвимость человека к различным формам агрессии.

Культура – это проективное сознание, оперирование вновь созданными современными фактами и приверженность классическим, традиционным нормам. Специфика культурогенной ситуации порождает различные типы культурогенных позиций и совершенно различные типы социального поведения, которые могут иметь различную направленность. В любой культуре есть «чужеродные» явления – заимствования и пережитки, находящиеся либо в стадии становления, либо исчезающие. Взаимоотношения между «слоями» культуры нередко противоречивы... Целостность культуры лишь относительна, ее нельзя преувеличивать. Тем не менее, идея целостности культуры и взаимосвязи между её элементами обладают ценностью для исследователя культуры. Эта идея заставляет нас рассматривать любое социальное явление или изменение в широком культурном контексте [3, с. 134–135].

Проявление виктимогенного слоя культуры как деструктивного антипода социокультурных процессов формирует пространство, приграничное («при», «возле») в отношении функционального ядра культуры, в которой возникают и существуют явления, вступающие в конфликт с этим ядром, либо им пока невостремованные.

Е. В. Руденский в контексте культурогенетической концепции личности А. Кардинера сформулировал методологический принцип – принцип компенсирующей проекции травматического переживания одной личности, как стороны взаимодействия, на другую. Вводит впервые понятие «виктимогенная культура» как культура компенсирующей проекции своих социальных фрустраций аутичной личности, стороной взаимодействия, на виктимогенную личность как другую сторону взаимодействия [3, с. 135].

Любая мысль, предмет, попадающий в новый культурный контекст, переосмысливаются и видоизменяются. Пути их дальнейшего развития сложны, ибо из культурного контакта всегда рождается нечто, ранее не существовавшее. Возникают феномены и эпи-феномены уникальные для конкретных культур и не свойственные их собственной. Мы наблюдаем, как различные аспекты социокультурного мира формируют “Я-концепцию” личности. Таким образом, культурные процессы влияют на формирование психологических феноменов [3, с. 136]. Психологическая деформация личности, как транзитивная форма детерминирована с одной стороны, дефектами интерактивной системы личности, с другой – дефицитами, которые порождаются культурной дефектностью интерактивной системы личности. Методология интеракционизма позволяет вскрыть интерактивную природу культурных дефектов личности. Б. Брукс, изучающая последствия психологических травм, отмечает, что появляется чувство пустоты, одиночества, стремление к саморазрушающему поведению, враждебностью, неспособностью доверять другим [5, с. 192].

В короткий период времени изменения, которые вызвали социально-стрессовые состояния и дезориентаций личности посредством термина – «футурошок». Футурошок является своеобразным психоиндуктором возникновения критических ситуаций жизнедеятельности личности, когда к её адаптивным возможностям и интересубъективной готовности предъявляются более высокие, чем ранее требования. В книге «Футурошок» Алвин Тоффлер дает характеристику социально-психологического состояния личности в условиях быстрого изменения социокультурной ситуации личности [5, с. 24]. Другой феномен, посредством которого А. Тоффлер предложил раскрыть влияния кризисного общества на социальное функционирование личности – это «культурошок». Культурошок деформирует психологические механизмы социализации личности, создает стимулы для нарушения и расстройств социального функционирования. Распад традиционной культуры ведёт к ускорению того исторического процесса, который даёт обществу мозаику субкультур. Перед каждым человеком встает проблема выбора в разноцветье культурного спектра, ответственность за последствия которого невозможно предвидеть. Большинство людей между тем не подготовлено к осуществлению выбора, что усиливает настроение неопределенности и страха перед будущим. Изменения, как подчеркивает А. Тоффлер, сам процесс принятия решений, так как в нем нарушился баланс между запрограммированными и незапрограммированными действиями [5, с. 26–27].

Виктимогенная личность является жертвой кризисных обстоятельств. Основа концепции психологической виктимологии развития личности определяется тем, что положен принцип патогенной детерминации личности. Это принцип системной психокультурной деформации личности как «Я-Системы», обусловленной формированием у нее интерактивного дефекта как следствия нарушения эмоционально-символической интеракции. Виктимогенная личность рассматривается с позиции «Основного генетического закона культурного развития психики», обоснованного Л. С. Выготским. Этот закон обосновывает социогенетическое направление в исследовании проблем личности.

Следствиями психотравматических событий становятся социально-психологические установки личности. Формируются, как отмечает А. Эллис, иррациональные установки. Одной из 4-х установок являются: катастрофические установки – значимые для личности отдельные негативные события, происходящие в жизни. Возникает ситуация угрозы интерактивного коллапса личности. То есть возникает угроза развития самой личности, культурация ее психики, а значит, угроза самому факту существования культуры. Патогенным фактором, ведущим к декультурации личности, является противоречие между социально-психологическими установками личности и ценностными ориентациями культуры трансформируемого общества [4, с. 98].

Применение концепции виктимогенного слоя культуры, к анализу культуры в условиях мирового кризиса считаем обоснованным.

Итак, в условиях мирового кризиса можно выделить следующую конкретизацию понятия «виктимогенный слой культуры»:

1. Характер мировых кризисных социальных процессов делает и само это явление, с одной стороны, совершенно специфичными, а с другой – в них можно найти черты и закономерности, характерные для состояния общества, как социального организма в период принципиально нового, глубинного переструктурирования.

2. Общей причиной возникновения культурогенных явлений в рамках трансформации мировой культуры является социально-стрессовое состояние мирового общества.

3. Существенно изменяются характеристики социальных субъектов, приобретающих культурогенный статус. Специфика в том, что они не исключаются полностью из социально-экономических, политических и социокультурных структур, но их положения и роли существенно изменяются. Ими становятся группы населения, где наиболее интенсивны и радикальны изменения.

4. Культурогенность (маргинальность) – состояние индивидов, групп и общностей, возникающее в результате изменения социокультурной кризисной ситуации в обществе, приводящее к нарушению уровня самоидентификации, утрате ценностнокультурных ориентаций [3, с. 137].

5. Введение в сферу «Виктимогенного слоя культуры» научных интересов «военной виктимологии», которая будет изучать явление военной спецоперации и выработать рекомендации легитимным органам власти по девиктимизации населения на подконтрольных территориях.

Таким образом, понятийное поле эпи-феномена «виктимогенный слой культуры» определено как социокультурное кризисное явление, имеющее онтологические основания.

Литература

1. Латыпов Р. Ф. Специальная военная операция на Украине: ситуационный анализ // Экономика и управление : науч.-практ. журн. 2022. № 2 (164). С. 134–137.
2. Мельникова Е. И. Виктимогенный слой в культуре детства: монография. СПб. : КСИ-Принт, 2020. 110 с.
3. Мельникова Е. И. К вопросу о виктимогенном слое в культуре российской действительности // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 134–137.
4. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 177 с.
5. Руденский Е. В. Социальная патология : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. 199 с.
6. Ставило С. П. Защита мира и военная виктимология // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9. С. 58–59.

УДК 65.015.6

Д. А. Иванкович, Т. А. Сапранкова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

О ДЕФИЦИТЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛА НА РЫНКЕ ТРУДА ГОРОДА ИРКУТСКА

Рассматривается проблема подбора производственного персонала на примере рынка труда города Иркутска. Актуальность обусловлена многолетней тенденцией низкой заинтересованности в получении рабочих специальностей, которая отражается на разнице спроса работодателей и предложения кандидатов на рынке труда города Иркутска.

Ключевые слова: производственный персонал, рынок труда, требования, вакансии, подбор, рабочие специальности.

D. A. Ivankovich, T. A. Saprankova
Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE SHORTAGE OF PRODUCTION STAFF IN THE LABOR MARKET OF IRKUTSK CITY

The article deals with the problem of recruiting of production staff on the example of the labor market of the city of Irkutsk. The relevance is due to the long-term trend of low interest in obtaining working specialties, which is reflected in the difference between the demand of employers and the supply of candidates in the labor market of the city of Irkutsk.

Keywords: production staff, labor market, requirements, vacancy, recruitment, working specialties.

На протяжении уже долгого времени наблюдается тенденция нехватки рабочей силы на производственных предприятиях. Можно предположить, что все дело кроется в работодателях и в условиях работы, но это далеко не так. Проблема нехватки представителей рабочих профессий актуальна не только для города Иркутска, но и в масштабах всей страны. Данный факт подтверждается как статическими данными, так и исследованиями рекрутинговых агентств.

По данным Росстата, продолжительность жизни в России растет, но одновременно с этим уменьшается численность населения. За последние 30 лет численность упала более чем на миллион человек [1]. Параллельно с этим сокращается доля людей в возрасте 15–72 лет,

которых принято называть трудоспособными. Это влияет на рабочие профессии, среди которых конкуренция находится на низком уровне. Агентство HeadHunter в своем отчете за 2019 г. определили категорию рабочих профессий в рейтинге на 24 позиции из 25, при этом обозначая данную категорию как один из антилидеров по размеру средней заработной платы в Москве [2].

Общество изменяется под влиянием современных технологий и возникновением новых ценностей общества. Именно общество в большей степени формирует отношение к профессии. Так, родители с самого детства могут закладывать в сознание ребенка, какие профессии, по мнению общества, являются наиболее престижными и дорогими, а какие наоборот. Это подтверждают результаты опроса исследовательского центра «РОМИР», который был проведен среди российских родителей для выяснения мнений, какими они хотят видеть своих детей в будущем. Рабочие профессии даже не вошли в десятку: кондитер или повар – 3 %, косметолог, водитель или строитель – 2 %, только по 1 % родителей думают о том, чтобы их дети в будущем стали парикмахерами, слесарями или простыми рабочими [1]. Возможно это связано с желанием родителей дать детям высшее образование и спокойную работу, без риска для жизни и здоровья. Как видно из простой статистики, современные люди не готовы формировать у нового поколения ценности работы на производстве, даже при условии доступного образования, стабильности, постоянной заработной плате и хороших условий труда.

Для более глубокого рассмотрения проблемы, мы проанализировали специфику рынка труда города Иркутска и его ближайшего окружения, где развит крупный производственный бизнес. Так, было выявлено, что большое количество рабочего персонала стремится работать на вахте в более крупных компаниях нефтедобывающей отрасли. Таким компаниям требуется персонал, который сможет обеспечить работу оборудования на точках добычи сырья на долгий период. Отдаленность, изоляция от семьи и высокий уровень опасности работы отражается на размере заработной платы. Таким образом, размер оплаты труда за работу на вахте в той же должности, что и на гидравлическом заводе, может быть в 4–5 раз больше. Для рядовых работников это конкурентная сумма, которая перекрывает все сомнения в выборе компании. Из-за этого в компаниях дислоцирующихся в городах появляется дефицит рабочих, который заставляет сотрудников по управлению персоналом бросать все силы на их поиски.

Еще одной насущной проблемой, по мнению сотрудников отдела управления персоналом одного из производственных предприятий города Иркутска, является призыв молодых специалистов в армию. После получения образования в среднем или высшем учебном заведении, большое количество молодых людей уходит в армию. Даже небольшой перерыв сказывается на специалистах, которым потом тяжелее вернуться в рабочую среду. Помимо этого, перерыв также может повлиять на желание сотрудника перейти на другое место работы или сменить род деятельности. Для компании такой исход является неожиданной и серьезной потерей.

Для того чтобы представить сложность поиска и подбора рабочего производственного персонала, был проведен анализ ресурсов поиска на примере одной из требуемых компаний вакансий. Сотрудники отдела УП компании используют для подбора HeadHunter и Super Job, так как данные порталы наиболее популярны у соискателей Иркутска. Основное исследование проводилось на базе HeadHunter. Одной из востребованных профессий является оператор станков с ПУ (ЧПУ) (фрезерная группа). Исследуемая компания предоставила ряд требований к вакансии и возможности для сотрудника. Минимальный размер заработной платы установлен от 40 000 руб. на руки. Кандидат должен иметь опыт работы от 1 до 3 лет на аналогичном оборудовании, готов работать полный день по договору услуг, подряда, ГПХ, самозанятого или ИП. В его основные обязанности входят выполнение технологических операций на станках с программным управлением, наладка оснастки и инструмента, выполнение управляющих программ, техническое обслуживание и контроль за работой оборудования. Помимо опыта работа, в основные требования входят умение читать машиностроительные чертежи и умение работать с измерительным инструментом. Сотрудник должен работать по пятидневной рабочей неделе с 8:00 до 17:00, получая систематически заработную плату два раза в месяц. Компания открыто говорит о возможности официального трудоустройства с

полным социальным пакетом. Важно также сказать, что условия и размер заработной платы могут обсуждаться на собеседовании непосредственно с кандидатом. Как можно увидеть из опубликованного объявления, условия и требования достаточно гибкие, даже несмотря на стандартизированные задачи профессии. Это можно интерпретировать желанием привлечь как можно больше специалистов из разных сфер деятельности.

На основе этих требований можно рассмотреть основных кандидатов на должность оператора станка с ПУ. Уже с первых шагов поиска можно заметить проблему небольшого количества резюме соискателей. Классический запрос в поиске hh.ru демонстрирует не более 20 резюме, что говорит о низкой заинтересованности в профессии и малой осведомленности. Другими словами, многие соискатели не могут или не хотят оставлять резюме на сайтах поиска работы, пользуясь более старыми и непопулярными методами поиска. При дальнейшем отборе кандидатов для компании подходит все меньше и меньше людей. Это может быть связано с требованиями к заработной плате, вероятностью переезда, местоположением компании, низким стажем работы и т. д. Мы сопоставили имеющиеся на портале резюме соискателей по вакансии «оператор станков с ПУ», проанализировали основные характеристики: занятость, имеющийся уровень образования, место проживания и ожидаемая заработная плата (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики резюме кандидатов на должность оператор станков с ПУ (ЧПУ)

Стаж	Занятость	Образование	Город	Ожидаемая ЗП
12 лет	Полный день	академия	Ангарск	125 000
3 мес.	Полный день	высшее	Иркутск	40 000
9 лет	Полный день	среднее высшее	Санкт-Петербург	90 000
15 лет	Полный день	высшее	Иркутск	90 000
11 лет	Полный день	высшее	Шелехов	40 000
8 лет	Полный день	техникум	Иркутск	70 000
7 лет	Полный день	среднее, высшее в процессе	Иркутск	45 000
15 лет	Полный день	высшее	Иркутск	60 000
15 лет	Полный день	высшее	Иркутск	45 000

Как видно из данных табл. 1, некоторые резюме уже не подходят по определенным параметрам, например, слишком завышенные требования заработной платы и недостаточный опыт работы в данной профессии. Однако даже подходящие резюме не всегда могут быть полезными для компании. Связь с потенциальным кандидатом не всегда может оказаться успешной по причине неявки на собеседование спустя несколько дней, невозможности дозвониться до кандидата или отсутствие интереса к получению должности в данной компании. Даже несмотря на договорные условия приема, кандидаты не всегда доходят до рекрутера, который уже потом предлагает ему выгодные условия и возможности роста.

Дополнительным усложняющим фактором являются открытые вакансии конкурентов. Как уже было сказано, в Иркутске действует довольно много предприятий промышленного сектора. Сведения о характеристиках вакансий компаний-конкурентов нами были также проанализированы по таким характеристикам как: месторасположения компании, требуемый стаж работы, характер занятости, требования к личностным качествам соискателей, заработная плата и дополнительные системы поддержки персонала (табл. 2). Из представленного можно сделать вывод, что в данной ситуации спрос практически равен предложению на рынке труда. Помимо предложений непосредственно от компании, кандидаты могут видеть составленные вакансии в рекрутинговых агентствах, которые также конкурируют с анализируемой компанией за немалочисленный персонал.

Сравнение структуры вакансии и ее составляющих исследуемой компании и компаний-конкурентов показало, что различия в формулировках незначительные, включая условия труда, требования к стажу и образованию. Более заметные изменения можно увидеть в размере заработной платы, которая может варьироваться в диапазоне от 35 000 до 100 000 руб. В свою очередь, это зависит от возможностей самой организации и требований вакансии.

Как уже было сказано выше, работа на вахте имеет другие условия, предлагаемые кандидатам, поскольку будущему работнику придется адаптироваться к новому формату деятельности и жизни.

Таблица 2

Характеристики вакансии компаний-конкурентов

Место / Организация / Занятость			
Стаж	Требования	ЗП	Условия
Иркутск / ООО «Спецмашактив» / полный день			
3–6 лет	Аккуратность, ответственность, исполнительность	от 60 000 до 70 000	Соцпакет, своевременная оплата
Иркутск / Кадровое агентство Приоритет / полный день			
1–3 года	Положительные рекомендации от работодателей обязательны средне-специальное техническое образование навык работы на станках с ЧПУ, токарем	от 45 000 до 55 000	ЗП 45–55 тыс. руб. первых 3 мес. – 35 тыс. руб. соцпакет пн – пт 8.00–17.00
Иркутск / Сантехника Мауро / полный день			
1–3 года	Опыт работы на станках ЧПУ от 5 лет Техническая грамотность	от 60 000	Соц.пакет, компенсация питания. Рабочий день с 08.00 до 17.00 по пятидневке на период вхождения в должность (2 недели), далее работа по сменному графику 2/2 с 08.00 до 20.00.
Иркутск / ОАО Байкалкварцсамоцветы / полный день / работа в с.Смоленщина			
не требуется	Образование: среднее/среднее специальное Аккуратность, ответственность, обучаемость	от 35 000	Полный Соц.пакет Официальное трудоустройство 5-дневная рабочая неделя, с 08.00 до 17.00, перерыв на обед с 12.00 до 13.00 Своевременная заработная плата (выплата 2 раза в месяц), доставка служебным автобусом, услуги по ДМС
Иркутск / Вертикаль. Центр подбора персонала / вахта			
1–3 года	Опыт работы от 2 лет, документы по специальности, запись в трудовой книжке	от 80 000 до 100 000	Вахта 60/30, график работы 6/1 по 11 часов. Официальное трудоустройство, полный соцпакет. Выплата зпл. два раза в месяц без задержек. Проживание предоставляется бесплатно в благоустроенных съемных квартирах. Питание за свой счет, есть столовая на производстве. Спецодежда предоставляется. Компенсация медкомиссии, стоимости проезда на вахту и обратно
Иркутский завод тяжелого машиностроения			
1–3 года	Образование среднее техническое, среднее специальное; Удостоверение 3 группы по электробезопасности.	от 35 000 до 40 000	Пятидневная рабочая неделя с 8,00 до 17.00 Официальное трудоустройство. Служебный транспорт.

Таким образом, потенциальные кандидаты, в зависимости от возраста и образования, ориентируются в большей степени на предоставляемые условия. Однако, как показывает практика, основную ценность для будущих сотрудников составляет именно заработная плата. В настоящий момент ведется настоящая борьба за рабочий персонал. Такую тенденцию можно проследить как в масштабах города Иркутска, так и в масштабах всей страны. Уже долгое время молодые люди не видят перспективы работы на крупном заводе или небольшом промышленном предприятии, так как с этим связано множество факторов – низкая заработная плата, отсутствие перспектив развития, риск для здоровья. Однако данные утвер-

ждения постепенно начинают терять свою силу, поскольку работодатели тратят огромное количество сил и ресурсов на то, чтобы найти подходящего сотрудника рабочей квалификации. Компании готовы идти на диалог и предлагать кандидатам наиболее выгодные для них предложения по оплате труда, даже если для самой компании данная тактика является рискованной.

Литература

1. Почему рабочие профессии будут востребованы в будущем // РБК Тренды: информ. портал. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ed8fdcf9a7947a14eae9784> (дата обращения: 06.03.2022).
2. Что происходит на рынке труда: итоги-2019 // HH.ru : информ. портал. URL: <https://irkutsk.hh.ru/article/26045> (дата обращения: 20.03.2022).

УДК 316.334.56(571.1/.5)

А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

ОГРАНИЧЕНИЕ КАПИТАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА В СОЗИДАТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается проблема неограниченной капитализации индивида. Обосновывается, что если общество осознает необходимость отойти от потребительского формата и видит перспективу построения Созидательного общества как единственно разумную, то ключевым мероприятием на этом пути выступает введение института ограничения капитализации индивида и его семьи. Сделан вывод, что это одно из ключевых условий, создание которого открывает реальную перспективу построения Созидательного общества как общества свободных и счастливых людей, в котором человечность доминирует над эгоистическим сознанием.

Ключевые слова: неограниченная капитализация, потребительский формат, ограничение капитализации индивида, самоуправление, Созидательное общество.

A. A. Zaikovskaya, I. R. Libenson

Irkutsk State University of Railway Transport, Irkutsk

LIMITING THE CAPITALIZATION OF AN INDIVIDUAL IN A CREATIVE SOCIETY

The problem of unlimited capitalization of an individual is considered. If society realizes the need to move away from the consumer format and sees the prospect of building a Creative Society as the only reasonable one, then the key event on this path is the introduction of the institution of limiting the capitalization of an individual and his family. This is one of the key conditions, the creation of which opens up a real prospect for building a Creative Society. This is a society of free and happy people, in which humanity dominates over egoistic consciousness.

Keywords: unlimited capitalization, consumer format, limitation of individual capitalization, self-government, Creative society.

Неограниченная капитализация – это древний социальный институт. Начиная с первых государств Шумер и Вавилона, в которых как раз и стартовал потребительский формат общественного сознания и социального строя (6 тыс. лет назад), менялись социально-экономические формации, но данный институт оставался.

Неограниченная капитализация индивида и его семьи – это фундаментальная опора потребительского формата общества, ведущее условие его воспроизведения и развития от поколения к поколению [1]. Прописная истина состоит в том, что институт неограниченной капитализации как дверь для накопления благ материи является ведущим условием для монополии социальной власти, которая стремится всегда стать абсолютной. Абсолютная (неограниченная) власть – это идеологическая (жреческая), политическая и финансовая власть, сконцентрированная в одних руках.

В потребительском формате общества жрецы (идеологи) и политики всегда стремятся к абсолютной власти и борются за нее. Именно по этой причине мировые жрецы и политики не вводят институт ограничения капитализации индивида. Этот институт призван выполнять две ключевые функции: 1) поддерживать в массах иллюзию земного счастья, которое они

видят в собственной перспективе обогащения; 2) обеспечить приток молодой крови в свои ряды тех, кто продемонстрировал устойчивое и мощное стремление к финансовой «свободе». И это несмотря на то что все религиозные учения содержат предостережения людям о вреде богатства, воспринимаемого как главная ценность. Действительно, ведь когда хочешь обладать – то потребляешь и разъединяешь, а когда хочешь быть счастливым – создаешь и объединяешь.

Политики не только навязывают идеологиемы, которые придумывают жрецы, «обогащайтесь», «общество равных возможностей» и т. п., но и постоянно совершенствуют модель своего управления на основе этих внушений общественному сознанию. Стратегия, которую жрецы и их политики всех времен выстраивают по поколениям, состоит в том, чтобы построить свои структуры до пирамидального уровня с максимально широкой опорой на народные массы и строго определенной иерархической верхушкой. И драйвером этой стратегии выступает навязывание обществу ценности неограниченной капитализации индивида и его семьи.

Вопрос об ограничении капитализации индивидов, как правило, возникает во времена кризисов и революций: «Грабь награбленное!». Но в основном возможность обогащения превозносится как благо, как условие процветания индивида и общества. Лелеется мечта о незаконном обогащении: «За то, чтобы у нас все было, и нам за это ничего не было!». Ни одного человека в потребительском формате общества нет довольного тем, что имеет. Стремление к неограниченной капитализации питает и питается эгоцентризмом и манией величия многих людей, и не только и не обязательно «богатых».

Проводившаяся администрацией президента США Ф. Рузвельта с 1933 по 1939 г. экономическая и социальная программа, нацеленная на преодоление последствий Великой депрессии, в качестве пятой «обязательной» меры содержала налоговую реформу. Президент заявлял, что законы о доходах мало сделали для предотвращения несправедливой концентрации богатства и полагал, что передача из поколения в поколение огромных состояний не соответствует идеалам и настроениям американского народа – по примеру британской налоговой системы, он предлагал значительно увеличить налог на наследство. Рузвельт также запросил увеличение налогов на доходы корпораций и на их дивиденды. Всё это он назвал «налогом на богатство». Критики назвали законопроект «выкачай деньги из богатых» (англ. *soak-the-rich*). Губернатор Луизианы Хьюи Лонг подчёркивал, что именно он являлся вдохновителем президентских инициатив: «Не верьте тем, кто говорит, что трудно перераспределить богатство этой земли. Это просто» [2].

Окончательный вариант закона облагал налогом в размере 79 % все доходы свыше 5 млн долл.: под подобную «конфискационную» ставку подпадал только один американец, основатель нефтяной компании «Standard Oil» Джон Рокфеллер.

«Новый курс» Ф. Рузвельта даже оказал влияние и в XXI веке: политики и активисты со всего мира регулярно призывали к тому или иному «новому курсу». В 2000 г. генеральный секретарь ООН К. Аннан призвал к «глобальному новому курсу», а девять лет спустя с аналогичной идеей выступил британский премьер-министр Г. Браун.

В мире широко разрекламирован «шведский социализм», в основе которого находится прогрессивный подоходный налог с высокими ставками на высокие доходы. Но, в отличие от косвенного способа ограничения индивидуальной капитализации, такого как налогообложение, в истории был применен прямой способ ограничения индивидуальной капитализации. В СССР и странах социалистического лагеря было установлено прямое ограничение заработных плат и запрещались любые «нетрудовые доходы» (кроме незначительных процентных доходов по государственным облигациям). Частный капитал был исключен. Государство как единственный собственник средств производства присваивало овеществленный труд общества и отчуждало от индивида доход на капитал.

Социализм был все же инородным вкраплением в потребительском строе мирового капитализма. В 1991 г. социалистический строй системы, которую также называли государственным капитализмом, был разрушен. Мир полностью вернулся на круги частного капитализма, но уже в гораздо более опасном масштабе, чем вначале XX века. Сегодня 1 % людей

владеет 99 % всего капитала в мире. Начиная с 2020 г. 10 богатейших семей мира более чем удвоили свое состояние. Их богатство во время пандемии увеличивалось со скоростью 15 тыс. долл. в секунду, или 1,3 млрд долл. в день. При этом в тот же период значительно сократились реальные доходы большинства людей на планете. Только 160 млн чел. оказались за чертой бедности. В современном мире, по данным ВОЗ, каждый день более 25 тыс. чел. умирает от голода и более 5 тыс. чел. – от нехватки воды и антисанитарии. Наша цивилизация теряет около 11 млн чел. в год просто из-за своей жестокости и бесчеловечности.

В чем причина этого колоссального неравенства в обществе? Ответ простой: бесчеловечность и жадность единиц. На счетах у 1 % людей, которым принадлежат мировые корпорации, банки, фондовые биржи лежит мертвым грузом такое количество неиспользованных средств, которого бы хватило для решения проблем голода, нехватки воды и продовольствия для всего человечества. Разве это справедливо? При этом люди могут не иметь средств для обеспечения элементарным набором необходимых продуктов, медицинского обслуживания, доступного образования и других жизненно важных благ. Большинство людей вынуждены выживать в этом мире и постоянно бороться за свою жизнь и жизнь своей семьи. С каждым годом все больше и больше людей попадает за черту бедности, лишаясь даже самого простого: жилья и возможности прокормить свою семью. Что будет завтра?

Потребительский формат – это чуждый человечности формат. В этой структуре общества, те кто уже имеет большие капиталы зарабатывают с их помощью еще больше денег. Они не заинтересованы в улучшение жизни всех. Потому что формула потребительского формата – «деньги просто делают деньги». Как результат, большинство денег стекаются к верхушке этой финансовой пирамиды и концентрируются в одних руках. Разрыв между богатыми и бедными растет с огромной скоростью. Этот 1 % продолжает играть в эту игру, но цена этой игры жизни миллиардов. Власть единиц может существовать потому, что есть неограниченная капитализация индивида.

Сегодня вопрос ограничения капитализации официально не ставится. Вместе с тем, по оценке И. Валлерстайна, капиталисты уже не хотят делать три вещи, на которые опирается капиталистическая система, – платить налоги, нанимать рабочих, делать инвестиции. Человечество является свидетелем системного кризиса капитализма, выходов из которого по большому счету всего лишь два. Это «масочный режим навсегда» по сценарию «Великой перезагрузки», опубликованному глашатаем глобальной власти К. Швабом. Это сценарий прозябания народов и гибельного конца данной цивилизации. Или Созидательное общество. Это сценарий пролонгации Жизни и возможность подлинного процветания человечества.

Какова главная ценность потребительского формата? Мертвый капитал. А какова главная ценность Созидательного общества – Человеческая Жизнь [3].

Что же думает общественность про ограничение капитализации? В информационном поле встречаются дискуссии на эту тему. Вот примеры аргументов разных специалистов «против» ограничения индивидуальной капитализации. «Ограничение капитализации – в смысле? Отнять и поделить?». «Кто хочет ограничить? Те самые 100 человек?» (сверхбогатые. – *Прим. авт.*). На реплику, что ограничение капитализации должны инициировать люди «снизу», последовал ответ: «Люди снизу хотят попасть в топ-100, остальное похоже на фантазии». «Вряд ли бедность и голод когда-либо исчезнет. Психология бедности впечатана в целые поколения. Им дай миллион долларов – а через 3 года они снова будут сидеть под мостом и грызть червивую воблу». «Нет никакого общественного контроля. Есть люди и есть ресурсы. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Стремление к такому контролю, есть борьба за власть. С чего Вы решили, что Вам, например, можно что-то контролировать?». «Это идеализм. Никогда такое ограничение не выйдет. Причём утопия одновременно и наивная, и оголтелая». «Это пример так называемого «простого решения». Их в истории человечества уже было очень много. Например, ликвидировать частную собственность, семью и государство. Попытка это сделать привела к трагедии планетарного уровня. А рождалось все на основе стремление личностей определенного типа поднять свою социальную значимость с помощью порождения и популяризации сверхценных идей по преобразованию общества».

«Очередная фантазия бедных о том, как ликвидировать богатых. Ну, слишком, по их мнению, богатых. То есть эти самые бедные будут определять, что такое «слишком богатый». Уж сколько раз твердили миру... «Несправедливость» – это фантазия обиженных. Нету в природе, в мироустройстве никакой справедливости. Нету никакого равенства возможностей и никогда не будет».

И далее, «Даже наша страна (РФ. – *Прим. авт.*), с её постсоветской социалистической идеализацией, никак не хочет принять закон о налоге на богатство, вернее есть предложение, но оно мизерное: для тех, кто зарабатывает больше 5 млн руб. в год, ставка НДФЛ вырастет с нынешних 13 до 15 %... И семимильными шагами уже пришла к капитализму». «Без лидера невозможно. Получится кто в лес, кто по дрова. Каждый со своим видением проблемы и ее решения. В итоге будут драки, конфликты, деление на группировки и кланы, и как итог война. А если выбирать лидера, то делегировать ему власть для решения проблем. Так или иначе опять к власти приходим» (и к потере актуальности ограничения капитализации – *прим. авт.*) [4].

А вот пример аргумента «за» прямое ограничение капитализации индивида в приведенной дискуссии. «Если все ваше имущество + ежемесячный доход меньше этой суммы (посчитайте для интереса), то никто ничего отнимать не собирается. С капитализацией более 10 млн долл. на самом деле очень малый процент людей. Суммы сверх этой капитализации должны идти на улучшение коммуникаций, например, но 10 млн долл. останутся самому человеку. Останется и его бизнес, который будет развиваться. Зато он будет чувствовать себя благотворителем, меценатом, люди будут относиться к нему с уважением, так как он создаёт рабочие места и занимается благотворительностью. То есть сам формат взаимоотношений меняется, не будет вечной гонки за потреблением» [4].

Авторы данной статьи заметили, что те, кто проявляют скепсис или даже выступают против ограничения капитализации, под это ограничение сами не попадают, и можно предположить с высокой вероятностью, что никогда не попадут, так как не смогут в силу способа получения дохода в виде оплаты труда скопить сумму, равную предлагаемому лимиту капитализации индивида и его семьи равному 10 млн долл. Такова игра человеческого самовнушения от собственного воображения, когда участники дискуссии сами на себя, возможно бессознательно, примеряют перспективу достижения личной финансовой неограниченности, в основе которой находится банальная гордыня, алчность и тайное желание власти над людьми и условиями существования. Так в современных людях проявляется тысячелетнее манипулирование общественным сознанием.

Зададимся вопросом, к чему приводит отсутствие контроля с точки зрения распределения доходов? Как полагает экономист Тома Пикетти: «Контроль за капиталом должен быть намного строже, чем за реальной экономикой. Чем выше уровень неравенства, тем ниже социальная мобильность, ступеньки социальной лестницы отделяются друг от друга, люди с деньгами крепко держатся на вершине, значит, другим подняться по социальной лестнице становится все сложнее. Это несправедливая система и люди это осознают».

В условиях промышленных революций производительность постоянно росла, но прибыль от этого получала и получает небольшая группа людей. Будущее капитализма это крайнее неравенство и отсутствие социальной мобильности. И знаете, это будущее уже наступило. Богатство само по себе приносит доход. Уровень доходности капитала превышает темпы экономического роста. Проблемы возникают тогда, когда собственность и власть сосредоточены в руках небольшой группы людей. Это приводит к воспроизведению социальной иерархии и напряжённости среди представителей рабочего, и среднего класса.

2/3 населения развитых стран будут жить беднее, чем их родители. Это серьезнейший мегаполитический тренд и приведет к военным конфликтам. Чтоб остановить прогрессирующее неравенство надо ограничивать капитализацию. Таким образом, мы сможем контролировать концентрацию капитала и политической власти и обеспечить отсутствие бедности и нищеты» [5].

Таким образом, Т. Пикетти выступает за ограничение капитализации индивида. Однако он предлагает это сделать путем ограничения права наследования и установления высокого налога на наследство, не меняя сам формат общества. Также сомнительно социальную мобильность представлять, как безусловное благо. В потребительском формате общества обывательская логика считается нормой, и когда носителям такой логики открывается путь с низов наверх, они воспринимают это не как возможность улучшить ситуацию для всех, развить свое государство и общество, а как шанс, который дала ему судьба для личного обогащения.

Авторы данной статьи полагают, что проблему неограниченной капитализации индивида и идеи по ее ограничению необходимо увязывать с идеей смены потребительского формата общества, экономической модели и модели социального управления потребительского формата на Созидательные. В этой связи единственно верным видится метод прямого ограничения капитализации, который может быть введен только политическим решением, принятым объединенным мировым сообществом. Возможно ли это?

Нынешняя модель мировой экономики потребительского формата устроена так, что создаются все условия для обнищания большинства. 1 % людей, которые владеют огромными капиталами и корпорациями, диктуют свои условия и цены всей мировой экономике. Мы видим, как сегодня в мире уничтожают малый и средний бизнес крупные корпорации, буквально поглощая все активы. А через них деньги стекаются на счета единиц. И каждый член общества своим молчанием, бездействием и равнодушием принял активное участие в создании условий, при которых возможны монополизация власти у одних, боль и страдания других. И все являются жертвами условий потребительского формата.

Капитал – это сумма движимого, недвижимого имущества и всех активов индивида и его семьи. Сегодня предлагается ввести прямое ограничение капитализации индивида и его семьи в размере эквивалентном 10 млн долларов. При этом суммы финансовой поддержки, которые родители передают детям, когда они создают свою семейную ячейку и отделяются имущественно, учитывается в общей капитализации семьи родителей.

Смысл ограничения капитализации не в том, чтобы отобрать у богатых и раздать бедным. Созидательное общество не против богатства, оно против бедности. Это высвобождает средства на построение Созидательного общества и его благ для всех людей. Экономика и технологии могут послужить исключительно для улучшения качества жизни всех людей.

Ограничивая капитализацию, общество меняет цель экономики с накопления богатства единицами, на обеспечения каждого человека достойным уровнем дохода, всеми необходимыми товарами и услугами в любой точке мира. На основании потребностей людей в каждой стране, городе, в каждой точке мира, общественное самоуправление сможет планировать и распределять продукты, товары, ресурсы и деньги. Это мировые СМИ, технологии, энергетика, финансовая система, медицина, образование, важные отрасли производства и стратегические предприятия. Каждый человек за счет информационных технологий будет иметь доступ к полной и достоверной информации об использовании средств общества. Общество само для себя будет устанавливать необходимое качество услуг.

Появляется возможность устанавливать стабильные единые цены на одинаковые товары и услуги по всему миру. Сегодня как для миллиардеров, так и для простых людей – деньги обесцениваются. Сколько бы человек ни заработал денег, через десять-двадцать лет его капитал намного уменьшится. Потому что инфляция их обесценит. То есть человек беднеет, даже ничего не тратя.

Исчезнут монополии, которые скрывают от нас новые полезные для людей технологии и навязывают нам только то, что выгодно для их хозяев. И это будет выгодно всем, как простым людям, так предпринимателям и даже тем, кто еще владеет сегодня большими капиталами. Бизнесмены смогут жить без страха за то, что будет приняты законы, разрушающие их бизнес. Они перестанут бояться захвата бизнеса партнерами и конкурентами. Глобальные и локальные монополии уничтожают малый и средний бизнес, буквально поглощая в себя все деньги. Через эти корпорации деньги стекаются на счета единиц – владельцев огромных капиталов, а масса частных предпринимателей разоряются. За счет отсутствия возможности

сосредоточения огромных капиталов в одних руках не будет возможности монополизировать рынки и лоббировать интересы единиц. Это позволит активно развиваться малому и среднему бизнесу.

Предприниматель в Созидательном обществе сможет инвестировать в развитие общества и сам контролировать эти инвестиции. Приносить пользу обществу и создавать социальную капитализацию будет выгодно и престижно. К таким людям будут относиться с благодарностью и уважением. Само общество гарантирует предпринимателям свою поддержку и защиту. Созидательное общество предоставит множество выгод тем, кто будет создавать доход и увеличивать социальную капитализацию.

В экономике Созидательного общества возможно использовать самые передовые экономические инструменты. Например, прогнозировать потребности каждого человека, планировать производство и распределение для полного обеспечения необходимых потребностей. Уже сегодня существуют информационные технологии, которые отслеживают в реальном времени изменение спроса на товары и услуги, и рассчитывают необходимый объём производства. Хотя уже сегодня существуют передовые технологии и эффективные экономические инструменты, но они используются на уровне больших компаний и корпораций только для того, чтобы приносить прибыль их распорядителям и акционерам.

В погоне за прибылью тысячи компаний по всему миру уже давно научились эффективно управлять своими ресурсами благодаря использованию технологий, планируемой экономике и логистике. Это весьма эффективно в рамках частных компаний. В каждой из них работают инструменты прогнозирования спроса на продукцию, планирование производства и логистики. Но общество не может использовать эти инструменты на уровне государств и всего мирового сообщества, потому что оно существует в потребительском формате, где все разобщены и руководствуются только личными меркантильными интересами.

Одно из простых решений, которые предлагают специалисты уже успешно применяется в микроэкономике, и оно работает по формуле: технологии, планируемая экономика, логистика. Технологии Созидательного общества помогут человечеству качественно в корне изменить подход к природным ресурсам, в том числе полезным ископаемым, воде и навсегда прекратить войны за дефицит этих ресурсов. Потому что технологии позволят людям больше никогда не зависеть от природных ресурсов.

Планируемая экономика позволит качественно учесть абсолютно все потребности каждого жителя планеты. Передовые технологии позволяют четко контролировать урожаи на всей планете, задавать необходимые циклы для производства важных и нужных товаров, услуг. Вместе с тем регулировать и прекращать ненужные производственные процессы. Зная количество людей на планете, а также потребность каждого в разнообразных товарах и услугах легко прогнозировать полное обеспечение каждого необходимым. Также, планируемая экономика позволит избежать массового перепроизводства, ненужной траты времени и ресурсов, а весь потенциал будет направлен на улучшение качества товаров и услуг.

Еще одним инструментом в Созидательном обществе будет правильно выстроенная логистика, которая позволит оперативно, качественно, а главное дешево доставить в любую страну мира необходимые товары. Благодаря наличию единой открытой логистической платформы, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, общество сможет мгновенно реагировать и доставлять к месту катастроф спасателей, медикаменты, технику, продовольствие и требуемые товары, исключая таможенные и бюрократические барьеры.

Гарантируемая экономическая стабильность: отсутствие инфляции и кризисов, стабильные и равные цены по всему миру, единая денежная единица, фиксированное минимальное налогообложение или отсутствие такового позволят перераспределять и доставлять товары и услуги быстро и по доступной цене в любой регион мира. Правильно выстроенная логистика позволяет быстро, качественно, а главное дешево доставить в любую страну мира необходимые товары. Каждый получит необходимое по той же цене без лишних таможенных пошлин и других скрытых налогов. Уже существующие информационные технологии помогают отслеживать в реальном времени любые изменения в потребностях общества, в необхо-

димом объеме производства товаров и услуг. Однако постановка таких глобальных задач и решение всех проблем возможно только в объединенном обществе в масштабе планеты.

Используя весь научный потенциал, передовые технологии и методы управления экономикой общество сможет больше не зависеть от природных ресурсов. Ведь уже сейчас есть разработки, которые позволяют обеспечить в изобилии пищей и водой 25 млрд человек, превратить пустыни в цветущие сады и собирать урожай круглый год. Технологии Созидательного общества помогут человечеству качественно в корне изменить подход к природным ископаемым, воде, и навсегда прекратить войны за дележ этих ресурсов. Каждый человек сегодня мечтает жить в счастливом, идеальном обществе. Решение всех проблем и воплощение Созидательных идей в жизнь возможно только в объединенном обществе на всей планете. В Созидательном обществе!

Литература

1. Международный онлайн-форум «Глобальный кризис. Мы люди. Мы хотим жить». 07.05.2022 // Созидательное общество. URL: <https://creativesociety.com/ru>.
2. Schlesinger A. M. The Age of Roosevelt. In 3 vols. Boston : Houghton Mifflin, 1956–1960. Cont.: Vol. 1: The crisis of the old order, 1919–1933. Vol. 2. The coming of the New Deal. Vol. 3. The politics of upheaval.
3. Основы и этапы построения созидательного общества. 18.05.2020. URL: <https://allatraunites.com/ru/news/osnovy-i-etapy-postroeniya-sozidatel'nogo-obshchestva1>.
4. Ограничение капитализации. Вопросы к специалистам. URL: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=340124>.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с англ.: Дунаев А. А. М. : АД Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

УДК 796.01:316

О. А. Ницина, Т. И. Бонько

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИОЛОГИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматривается социология физической культуры и спорта в фокусе современных условий, её роль, а также основные векторы становления и развития. Аргументировано, что современное значение данной научной дисциплины в области физической культуры и спорта имеет особую важность и значимость в связи с противоречиями и проблемами, возникающими все чаще на пути развития физкультурно-спортивного движения. Сделан вывод, что в рамках социологии с позиций социальной роли и теоретико-практических знаний можно не просто грамотно управлять сферой физической культуры и спорта, но и решать сложные социальные и задачи и трудности, тем самым способствуя прогрессивному развитию не только физической культуры и спорта, но и общества в целом.

Ключевые слова: социология физической культуры и спорта, социальные процессы, спорт как социальный феномен, физическая культура, социология.

O. A. Nitsina, T. I. Bonko

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIOLOGY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS: RELEVANCE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article examines the sociology of physical culture and sports in the focus of modern conditions, its role, as well as the main vectors of formation and development. The modern significance of this scientific discipline in the field of physical culture and sports is of particular importance and significance in connection with the contradictions and problems that arise more and more often on the path of the development of the physical culture and sports movement. Within the framework of sociology, from the standpoint of social role and theoretical and practical knowledge, it is possible not only to competently manage the sphere of physical culture and sports, but also to solve complex social tasks and difficulties, thereby contributing to the progressive development of not only physical culture and sports, but also society as a whole.

Keywords: sociology of physical culture and sports, social processes, sport as a social phenomenon, physical culture, sociology.

В настоящий период особую актуальность и значимость приобретают социологические проблемы физической культуры и спорта. Это связано с тем, что в период мирового кризиса и нестабильности, которые имеют глобальный характер, всё больше и больше возрастает необходимость в грамотном управлении социальными процессами в сфере физической культуры и спорта обусловленная потребностью принятия научно обоснованных управленческих решений. Особенно в тех условиях, в которых сейчас находятся физическая культура и спорт, имея в своём активе большое количество проблем и негативных тенденций [3]. Следует также подчеркнуть важность физической культуры и спорта как социальных феноменов, которые имеют прямое воздействие на уровень здоровья человека и их колоссальную важность в рамках здорового образа жизни, что является и являлось крайне актуальным для общества во все времена и весьма актуальным в период пандемии. В этой связи особенно важно иметь широкий круг теоретических знаний в аспекте социологического анализа, на основе которых впоследствии можно решать практические вопросы и задачи. К тому же, для принятия эффективных управленческих решений необходимо знать реальное отношение различных групп населения к физической культуре и спорту, чему в большей степени способствуют методы социологических исследований, как одни из наиболее эффективных в данной связи способов изучения тенденций и проблем в рассматриваемой области. С позиций социологического знания можно проанализировать физическую культуру и спорт в контексте тех социальных трансформаций, которые она претерпевает в последние время, что является немаловажным фактором. Таким образом, социология физической культуры и спорта и связанные с ними социальные проблемы, процессы и явления, приобретают как теоретическую, так и огромную практическую значимость.

Достаточное долгое время научное изучение физической культуры и спорта целиком и полностью было во внимании «спортивных наук», в основном медико-биологического профиля и сводилось к изучению физиологическим, биомеханическим и другим закономерностям. Основными объектами были физические упражнения с точки зрения тех или иных аспектов (технологий использования, средств и методов применения, влияния на здоровье, физическое развитие и прочее). Но, как в своё время отметил Пьер Бурдьё, ученые столкнулись с рядом проблем, которые были связаны с тем, что в области физической культуры и спорта весьма сложно переплетены как природные, так и социально-культурные детерминанты [1]. По мере развития физкультурно-спортивного движения и научного знания возникла потребность в изучении социальной структуры, характерной для физической культуры и спорта, характера общественных отношений в данной сфере и социально-культурных механизмов ее развития и функционирования. Актуальным также стало изучение роли и места физической культуры и спорта в образе жизни людей и их социальные взаимодействия в связи с участием в физкультурно-спортивной деятельности. Что, в частности, и является областью изучения социологии физической культуры и спорта как науки.

Предпосылкой создания и развития социологии физической культуры и спорта стало массовое формирование физкультурно-спортивного движения в нашей стране с 1930-х годов. В то время стала активно развиваться материальная база и нормативно-программное обеспечение. Физическая культура и спорт в тот период становятся крайне востребованными и охватывают все слои населения. Вместе с тем усложняются и процессы их функционирования. Таким образом, возникает потребность в проведении социологических исследований, которые были бы направлены на изучение не только эффективности развития и функционирования физической культуры и спорта в стране, но и на изучение потребностей, мотивации и интересов людей в рассматриваемой области, а также на изучение роли и места физической культуры и спорта в образе жизни людей и социальных проблем, возникающих в этой связи. Если говорить о периодизации, то выделяют три этапа в развитии социологии физической культуры и спорта в советский период. Это этап осмысления, теоретического обобщения и определения социальных функций физической культуры и спорта (период с послевоенных лет до начала 1960-х годов). Этап использования социологических исследований применительно к физической культуре и спорту (1960–1970 гг.). И этап теоретического

обобщения данных различных социологических исследований в сфере физической культуры и спорта, выявление основных тенденций, проблем, перспектив и закономерностей развития (начало 1970-середина 1980-х годов). И позже уже идет более широкое развитие рассматриваемой дисциплины, включающее в себя привлечение большого количества социологов в область физической культуры и спорта, оформление социологии физической культуры и спорта в самостоятельную научную дисциплину [2].

Если говорить о месте социологии физической культуры и спорта в системе наук, можно отметить следующее. В процессе дифференциации, имеющей место, как в рамках социологического знания, так и в сфере научного познания физической культуры и спорта, произошло формирование социологии физической культуры и спорта как относительно самостоятельной научной дисциплины. Рассматриваемую нами науку можно идентифицировать в качестве одной из специализированных спортивных наук, а также в качестве прикладной социологической дисциплины [4]. Бесспорно, социология физической культуры и спорта, как научная дисциплина, должна развиваться в рамках социологии и всегда находиться с ней в контакте. Тем не менее, ориентируясь непосредственно на социологический подход и социологические методы в анализе физической культуры и спорта, не стоит забывать об идентификации и демаркации, что в любом случае имеет место быть, в связи со спецификой изучаемых предметов и явлений. А также о её сотрудничестве и взаимодействии с представителями других наук [4].

На современном этапе общественного развития социология физической культуры и спорта занимается многочисленными социологическими исследованиями, направленными на выявление тенденций развития и функционирования физической культуры и спорта, а также модернизацией сложившихся подходов к оценке значимости физической культуры и спорта. Социально-экономические условия развития современного общества вносят свои коррективы и в область физкультурно-спортивного движения, ставя перед ним проблемы формирования новых ценностных ориентаций, стилей поведения, образа жизни, приоритетов и стратегий в данной деятельности. Сложностей на данном этапе возникает довольно много. Но одной из ключевых проблем является формирование мотивационно-ценностного отношения к физической культуре и спорту. Важно понимать огромную значимость физической культуры и спорта для здоровья человека, которое является величайшей ценностью для каждого из нас. Особенно в непростой период пандемий и кризиса мирового масштаба. Вклад в здоровье личности – это вклад в перспективное развитие социума. Но, к сожалению, процессы коммерциализации, уклон в сторону возвышения материальных ценностей и постановка физической культуры и спорта в разряд финансово-затратных сфер вызывает серьезные опасения и требует переосмысления на всех уровнях, и в первую очередь на уровне государственной политики. Социология физической культуры и спорта в том числе, занимается и критическим переосмыслением устоявшихся взглядов, исходя из исследований социальных, исторических, социально-культурных и других особенностей физической культуры и спорта. Стремясь переосмыслить позиции и точки зрения на различные аспекты физической культуры и спорта, которые считаются утвержденными и доказанными, социология физической культуры и спорта способствует «выработке социологически определённых и научно обоснованных понятий и представлений, более адекватных действительности и помогающих усовершенствовать не только решения и действия отдельных людей, но также политику властно-управленческих структур и спортивных организаций» [1].

Таким образом, социология физической культуры и спорта в современных условиях имеет очень важное значение. Результаты социологических исследований в данной области могут быть использованы в рамках актуализации социокультурной и гуманистической ценности физической культуры и спорта, значимости здоровья и здорового образа жизни, а также в рамках определения вектора дальнейшего развития данной сферы и принятия грамотных управленческих решений. Здоровая личность – это здоровое общество. А здоровое общество – это социально и экономически эффективная и благополучная страна. И важно понимать в этой связи те процессы, которые происходят в физкультурно-спортивной сфере, изучением которых и занимается социология физической культуры и спорта.

Литература

1. Пашарина Е. С., Москвичев Ю. Н. Социология физической культуры и спорта как наука // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2011. № 1 (1). С. 7–10.
2. Токтоналиева М. А. Исторические аспекты развития социологии, физической культуры и спорта // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 5–6 (49). С. 124–130.
3. Сахарцева Н. В. Основные проблемы социологии физической культуры и спорта на современном этапе общественного развития // Современные направления научных исследований : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск : НИЦ «Мир науки», 2017. С. 188–191.
4. Столяров В. И. Социология физической культуры и спорта (введение в проблематику и новая концепция): научно-методическое пособие для институтов и академий физической культуры. М. : Гуманит. центр «Спарт» РГАФК, 2002. 346 с.

УДК 371.3

Л. А. Гуринович, Е. В. Решетникова, С. А. Королев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ: Тьютор, ментор или эксперт?

Описывается специфика профессии учителя и выполняемых им ролей, обосновывается падение престижа профессии учителя. Показана закономерность старения учительских кадров. Продемонстрирована причина введения инноваций в процесс обучения, а также приведены некоторые возможные инновационные методы. Проанализированы плюсы и минусы компьютеризации учебного процесса и онлайн обучения. Приведены доводы внесения новых критериев в квалификационную систему и показана государственная разработка по улучшению этой системы.

Ключевые слова: учитель, образование, престиж, инновации, изменения.

L. A. Gurinovich, E. V. Reshetnikova, S. A. Korolev

Irkutsk State University, Irkutsk

A MODERN TEACHER IN A NEW TIME: TUTOR, MENTOR OR EXPERT?

The article describes the specifics of the teaching profession and the roles it performs, substantiates the decline in the prestige of the teaching profession. The pattern of aging of teaching staff is shown. The reason for the introduction of innovations in the learning process is demonstrated, as well as some possible innovative methods. The pros and cons of computerization of the educational process and online learning are shown. Based on the survey, an argument was made for introducing new criteria into the qualification system and the state development was shown to improve this system.

Keywords: teacher, education, prestige, innovation, changes.

Сегодня человечество находится в новой фазе общественного развития – постиндустриальном обществе. Факторами развития в данном обществе являются информация и интеллектуальные способности человека. Эксперты в области профориентации и подготовки кадров утверждают: чтобы добиться успехов в современном обществе, нужно обладать большими знаниями. Одновременно нужны и другие качества, которые многие обозначают как *soft skills*. Именно поэтому образование в наше время становится очень важной частью жизни.

В Российской Федерации каждый имеет возможность и доступность получить общее среднее образование. Школьное образование формирует базовые знания и навыки, на его основе строится вся национальная система образования, а, следовательно, весь научный и технический прогресс государства. От качества школьного образования зависит то, чему будут учиться будущие студенты профессиональных и высших учебных заведений, от этого же зависит и то, каких профессионалов будут выпускать такие учебные заведения [7, с. 2–3].

Двигателями качества и уровня образования были и остаются учителя. Учитель – очень разносторонняя профессия; он выполняет роли наставника, воспитателя, тьютора, руководителя, психолога, а также является агентом социализации для нового поколения. От качества и эффективности выполнения учителем своих профессиональных обязанностей, без преуве-

личения, зависит функционирование всего общества. К сожалению, в условиях современности российское учительство находится в очень сложной ситуации, вследствие общесистемных трансформационных процессов.

В общественном сознании учительская профессия воспринимается как более важная и значимая, чем другие профессии. Однако престиж профессии учителя в новом тысячелетии был крайне низок. За последнее время отношение к учителю и его труду изменилось к лучшему, и, тем не менее, общественные массы считают более престижными профессии работника государственных органов, органов других форм управления и предпринимателя [1, с. 1–2].

Почему же так произошло и значимость профессии учителя утрачивается?

Общество в большинстве своём считает, что престиж профессии учителя снижается из-за низкой оплаты труда [8]. К несчастью, оплата настолько мала, что учителя не могут обеспечить себе и членам своей семьи прожиточный минимум. А. М. Осипов отмечал, что общество налагает на учителей значительный объём моральной и юридической ответственности, но про достойное вознаграждение забывает, из-за чего учитель в России должен бороться за место в среднем классе [5, с. 159].

И хоть сейчас учительский престиж поднимается за счёт осознания важности для общества, государство по-прежнему не может обеспечить достойную заработную плату, из-за чего приведённые выше профессии выглядят престижнее, закрывая собой профессию учителя. Оплата все еще привязана к тем результатам, которые получают обучающиеся, например, при сдаче ЕГЭ или представлении научно-исследовательских работ на конференциях, что выглядят как плоды труда конкретных учителей.

Вследствие таких настроений, молодые люди не стремятся становиться учителями, из-за чего происходит старение учительских кадров. Безусловно, опыт и знания этих учителей имеют огромную ценность. Однако молодые учителя имеют преимущества перед ветеранами учительского труда в ином отношении к новому времени, новым ситуациям, в их оценке и передаче этих представлений молодому поколению учеников, которым жить дальше и уметь адекватно воспринимать происходящее в стране и обществе [4, с. 3].

Учительство – это социально-профессиональная общность людей, выполняющих преимущественно умственный квалифицированный сложный труд [1, с. 2]. Приведённое определение говорит о том, что у учителей, как у любой общности, существует определённая система отношений и взаимодействий, которая препятствует быстрому вхождению в учительскую среду. В результате действия этого механизма, многие молодые учителя покидают рабочие места, не проработав и года, потому что не могут сопротивляться консерватизму старших коллег. Большинство учителей социально разобщены, по мнению А. М. Осипова: более 20 % учителей общаются друг с другом на профессиональные темы, около 5 % оказывают коллегам профессиональную помощь и около 11 % принимают такую помощь [5, с. 163]. Именно поэтому следует обучать вхождению в среду студентов педагогических отделений, развивать в них стрессоустойчивость и коммуникабельность. В школах же можно проводить тренинги по сплочению коллектива, по взаимодействию представителей разных поколений.

Ряд трудностей в педагогической деятельности возникает вследствие устаревания классических методов обучения, из-за чего учителя вынуждены вводить новые (инновационные) методы, а также вести образовательный процесс с применением цифровых технологий.

Классический метод обучения таков: учитель проводит урок, сам рассказывает и объясняет материал, проводит лекции – изложение значительного объёма новых знаний, во время лекций может начать беседу, тем самым заинтересовав учеников изучением нового материала. Затем задаётся домашнее задание, т. е. происходит закрепление материала. Далее происходит применение учениками знаний на практике путём назначения учителем контрольных и лабораторных работ, что оценивается по критериям успеваемости учащихся [6, с. 188–219].

Восприятие материала на слух – дело трудное, требующее от учащихся сосредоточенности и волевых усилий. При неумелом ведении урока, обучающиеся могут лишь сохранять видимость заинтересованности, а на самом деле думать о своём или же постоянно отвлекаться на смартфон: проверять свои социальные сети, слушать музыку, играть в игры и так далее.

У учителей существует множество способов заинтересовать ученика, будь то содержательное и интересное изложение материала или же поставка перед учениками определённых задач по ходу ведения лекции, из-за чего они (ученики) не будут ослаблять внимания, однако метод устного изложения постепенно теряет свою эффективность.

Именно поэтому требуются инновационные методы обучения. Инновации предусматривают, что обучающиеся должны иметь информацию о состоянии и реальных потребностях рынка труда, о качестве получаемого образования и его соответствии с государственными образовательным стандартам, одновременно с этим должна отрабатываться и реализоваться специализированная подготовка (профильное обучение) в старших классах школы, ввод системы государственных минимальных социальных стандартов, а также получение государственных гарантий [2, с. 133–134]. Также учитель может проводить открытый урок не для других учителей, а для родителей учеников, что способствует восстановлению тройственного союза: учитель-ученик-родитель [4, с. 4], который должен сохранению для наиболее успешного воспитания личности.

Для улучшения качества учебной работы сегодня проводится компьютеризация обучения. По мнению ряда психологов, компьютер является таким средством и орудием человеческой деятельности, применение которого качественно изменит и увеличит возможности накопления и применения знаний каждым человеком, а также возможности познания [6, с. 265]. Выделяются три основные формы, в которых может использоваться компьютер при выполнении им обучающих функций: а) как тренажер; б) как репетитор, выполняющий определенные функции за учителя, причем машина может выполнять их лучше, чем человек; в) как устройство, моделирующее определенные предметные ситуации (имитационное моделирование) [6, с. 268].

Компьютеризация существенно облегчает процесс обучения, но она не всегда носит эффективный характер. К примеру, обучающиеся, привыкнув к тому, что компьютер делает всё за них, не смогут выполнять самые простые задания самостоятельно, без использования технологий. Именно поэтому учителям есть необходимость становится экспертами в данной области и следует давать обучающимся задания, которые смогут раскрыть все их способности, а не только умение использования интернета и программ. Также необходимо четко объяснять, что нужно сделать с помощью компьютера, а что самому.

Наиболее важной проблемой была и остаётся проблема подготовки учителей. Выпускники, освоившие программу бакалавриата по направлению «Педагогическое образование», должны быть готовы решать множество профессиональных задач, среди которых обеспечение образовательной деятельности с учетом особых образовательных потребностей; формирование образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий. Выполнение этих задач на протяжении всей профессиональной деятельности учителя невозможны без постоянного самообразования, подтверждения и повышения квалификации, которая проводится один раз в 5 лет [7, с. 3]. Также важным является повышение уровня социального образования педагога, потому что исподволь учитель передает обучающимся свое представление об общественной структуре и функциях, выполняемых каждым элементом.

Стоит отметить, что сейчас умение вести образовательный процесс в электронной среде очень важен. Во время эпидемии COVID-19 учителя были вынуждены осуществлять свою деятельность в дистанционном формате, что отразилось на образовательном процессе. По результатам опроса Фонда «Общественное мнение», на вопрос: «Как Вы считаете, почему, по каким причинам учителя не справились с преподаванием в дистанционном формате?» вариант ответа «Это новый формат обучения, учителя были не готовы к нему» выбрали 6 % респондентов из 36 % тех, кто считает, что дистанционное обучение не прошло успешно [8]. Только на основе этого можно сказать, что в квалификационную систему следует вносить новые критерии, связанные с умением использовать технологии.

В настоящее время квалификационная система не до конца объективна, так как сводится к анализу результатов учеников. Но ведь есть и такие ситуации, в которых сами ученики

заинтересованы в отдельной дисциплине, а учитель не заинтересован в качественном обучении своих учеников и, следовательно, не имеет никакого отношения к достижениям этого ученика. Таким образом, формируется ложное представление о проделанной работе учителя. Однако в России нет качественных образовательных программ и курсов, которые бы были доступны для всех педагогических кадров. И это огромная проблема государства в области образования [7, с. 7]. На помощь приходят не только лекции в рамках открытого информационного общества, к сожалению, обучающемуся могут попасть примеры текстов альтернативного характера, что приводит к конфликту между группами учителей и учеников, как это произошло в школе посёлка Любовь Забайкальского края, когда ученик школы, опираясь на труд сомнительного автора, начал спор с учителем истории, и, проиграв в нём, обратился к автору того самого труда, который встал на защиту школьника и устроил крупный скандал [3].

Для решения национальных проблем в области повышения квалификации педагогических кадров в 2015 г. Президент РФ В. В. Путин поручил создать национальную систему учительского роста. Система представляет собой комплекс мер, направленных на совершенствование системы повышения квалификации и создания непрерывного роста учителя в школе [7, с. 8]. Помимо этого, следует сделать доступнее курсы для повышения квалификации и снизить у учителей бумажную работу, чтобы у них было больше времени для саморазвития.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время для многих молодых людей учитель является носителем всех указанных статусов. Это означает, что на педагогическую общественность возлагаются новые формы ответственности, что предполагает необходимость внедрения новых форм учителями: методической, организационной и мотивационной. Взаимодействие в этом аспекте управленцев и работодателей, научных работников и представителей родительской общественности предполагает субъект-субъектное отношение, что увеличит значимость профессии.

Литература

1. Ефимова Г. З. Ключевые барьеры, препятствующие эффективной работе учителя: по материалам социологического исследования // КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-bariery-prepyatstvuyuschie-effektivnoy-rabote-uchitelya-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 13.03.2022).
2. Журавлева И. А. Модернизация российского образования: ведомственный проект или национальная задача // Российская цивилизация в альтернативах развития: материалы ежегод. науч.-практ. конф. Иркутск, 25 марта 2010 г. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 132–137.
3. Карпицкая Д. Наполеон дошёл до Забайкалья: в сельской школе по наущению столичного блогера разгорелся грандиозный скандал // Комсомольская правда. 5 марта 2022.
4. Конева Н. Д. Современное российское учительство в поле проблем социального развития // eLIBRARY.RU – научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21579282_85445535.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
5. Осипов А. М. Современная социология образования : учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 320 с.
6. Харламов И. Ф. Педагогика : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарики, 2003. 519 с.
7. Шершнев С. А. Совершенствование системы повышения квалификации учителей России. Новый вектор развития педагогического мастерства // eLIBRARY.RU – научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45279812_59898202.pdf (дата обращения: 13.03.2022).
8. Престиж профессии учителя // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14464> (дата обращения: 05.04.2022).

ЭТИКА ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассмотрена взаимосвязь телесных практик женщин и их социального положения. Определены методологические основы исследования телесных практик как способа конструирования телесности. По результатам проведенных исследований выделены основные факторы, влияющие на социальное положение женщин, и тенденции, которые усиливают взаимосвязь социальных ролей женщин и телесных практик, реализуемых ими.

Ключевые слова: телесные практики, социальная роль, женщины, социальное положение, социальный статус.

A. A. Lineytseva

Irkutsk State University, Irkutsk

ETHICS OF CORPORAL PRACTICES IN THE FOCUS OF PUBLIC OPINION AND EXPERT TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The interrelation of corporal practices of women and their social position is considered. The methodological foundations of the study of corporal practices as a way of constructing corporality are determined. Based on the results of the research, the main factors influencing the social status of women and trends that strengthen the relationship between the social roles of women and the bodily practices implemented by them are identified.

Keywords: bodily practices, social role, women, social position, social status.

Постановка проблемы

Современное общество переживает общесистемный мировой кризис, который был вызван различными вызовами глобального и регионального происхождения. Существующие сегодня цивилизационные сдвиги и социальная напряженность порождают различного рода противоречивости, а также предполагают кардинальную смену подходов и методологии. Значительный вклад в формирование методологических основ изучения глобальных и региональных воздействий в развитии современных обществ внесла российский социолог Т. И. Грабельных. В своих исследованиях автор, опираясь на диалектические методы, выделяет новые циклы в социальном развитии пандемического общества, а также предлагает типологию глобальных и региональных воздействий и классифицирует их [3, с. 29]. Белорусский социолог А. Н. Данилов в своих работах подчеркивает, что современное общество существует в условиях аномии, где «...до предела усложняется и заметно ускоряется социокультурная динамика, парадоксальность общественного сознания становится нормой» [4, с. 22].

Цивилизационные сдвиги несут в себе новую культуру и в том числе культуру телесности. Главным элементом, который существенно влияет на представление человеческого тела, является социокультурный контекст, в условиях которого происходит существование и развитие человека. По внешнему виду тела на сегодняшний день стало возможным выявлять важные качества личности, а результаты такого прочтения оказывают прямое воздействие на разнообразные формы социального взаимодействия, в которые индивид оказывается включен. Тело, которое является наиболее приближенным к стандартам красоты, которые присущи определенному социокультурному полю, симпатизирует обществу и вызывает социальное одобрение. В то же время, телесность, которая далеко или противоположна идеалам и эталонам красоты, способствует порицанию и неприятию. Повысив свою привлекательность в собственных глазах, женский пол делает попытки увеличить уровень личной значимости в глазах общества, в том числе и повысить и удержать свой социальный статус.

Методология исследования

Большое внимание к вопросам реализации телесных практик проявилось сравнительно недавно. Одним из первых к данной проблеме обратился М. М. Мосс, который разработал

концепцию «техник тела» для обозначения традиционных способов, с помощью которых люди используют свое тело в разного рода обществах [5]. Французский социолог и антрополог акцентирует внимание на социальной природе телесности и считает, что различные человеческие общности характеризуются наличием свойственных для них формы обращения со своим телом. Постмодернисты М. Фуко и М. Мерло-Понти рассматривали в своих работах телесность как основу существования в современном мире и считали, что социальные практики создают некоторые телесные практики и, как результат, формируют определенное понимание тела [6; 7]. С середины 1960-х гг. традиционные подходы сменяются феминистскими концепциями. С. де Бовуар в своем труде «Второй пол» видит цель доказать, что качества и функции женщины в повседневной реальности не являются характерными ей и были навязаны обществом и в результате патриархального устройства общества [1]. Другая представительница феминизма Н. Вульф в научной работе «Миф о красоте» рассматривает влияние эталонов и идеалов красоты на формирование женской телесности и утверждает, что слепое следование им может привести к нервным расстройствам или даже самоубийствам [2].

Проведенный нами обзор показал, что сегодня вопросы конструирования телесности и реализации телесных практик актуальны так же, как и в XIX–XX вв.

Методы и методика исследования

В период с 30 апреля по 3 мая 2022 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» автором было проведено пилотажное исследование «Специфика телесных практик в трансформации социальных ролей женщин в условиях новой социальной реальности», целью которого являлось выявление мнений респондентов по вопросам влияния телесных практик на реализацию социальных ролей женщин в условиях новой социальной реальности в России (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). Опрос имел целевой характер, в качестве респондентов выступили жители Иркутской области. В рамках исследования было опрошено 300 чел., из которых 64,7 % составляют женщины и 35,3 % мужчины. В городской местности проживает 89,7 % опрошенных, в сельской – 10,3 %. По возрасту распределение было таким: от 18 до 30 лет – 52 %, от 31 до 45 лет – 33,7 %, от 46 до 60 лет – 12,7 %, от 60 лет и старше – 1,7 %.

Опрос проводился на онлайн-площадке Webanketa.com. Статистическая обработка данных осуществлена через программы Microsoft Office Excel и SPSS Statistic for Windows 22.0.

Результаты исследования

Факторы, влияющие на социальное положение женщин

По результатам исследования выявлено, что в кризисных условиях уровень социального положения женщин является нестабильным. Анализ данных табл. 1 показал, что 10,8 % респондентов выделяют основным фактором внешней среды распространение гендерных стереотипов; 9,1 % – переживание перманентного экономического и финансового кризиса; 8,2 % – развитие рынка услуг. 7,9 % – вовлеченность в сетевые взаимодействия; 7,7 % – научно-технический прогресс; 7,3 % – формирование новой структуры потребностей. Вариант ответа «Всё вышеперечисленное» выбрали 39,5 % респондентов.

Из табл. 2 отчетливо видно, что 10,5 % респондентов выделяют основным фактором внутренней среды высокую мотивацию к саморазвитию и самопознанию; 10,3 % – рост потребностей в самовыражении и самопозиционировании во внешней среде; 8,1 % – возникновение новых интересов; 7,9 % – рост потребностей в поддерживаемых ценностях в соответствии с модой, культурными трендами; 6,7 % – рост потребностей в появлении новых идей. Вариант ответа «Всё вышеперечисленное» выбрали 36,5 % респондентов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Выделите основные внешние факторы, которые в наибольшей степени влияют на реализацию социальных ролей женщин в настоящее время», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Все вышеперечисленное	179	39,5
2.	Распространение гендерных стереотипов	49	10,8
3.	Переживание перманентного экономического и финансового кризиса	41	9,1
4.	Развитие рынка услуг	37	8,2
5.	Вовлеченность в сетевые взаимодействия	36	7,9
6.	Научно-технологический прогресс, в том числе в сфере красоты	35	7,7
7.	Формирование новой структуры потребностей	33	7,3
8.	Трансформация социальной структуры общества	30	6,6
9.	Затрудняюсь ответить	13	2,9
	Всего	453	100,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Укажите внутренние факторы, которые в наибольшей степени влияют на реализацию социальных ролей женщин в настоящее время», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1.	Все вышеперечисленное	184	36,5
2.	Высокая мотивация к саморазвитию и самопознанию	53	10,5
3.	Рост потребностей в самовыражении и самопозиционировании во внешней среде	52	10,3
4.	Возникновение новых интересов	41	8,1
5.	Поддерживаемые ценности в соответствии с модой, культурными трендами	40	7,9
6.	Появление новых целей	34	6,7
7.	Потребности в красоте	32	6,3
8.	Сформированность жизненных принципов	27	5,4
9.	Способности к конструированию жизненных пространств	24	4,8
10.	Производство и воспроизводство артефактов (конструирование своего тела через творчество)	13	2,6
11.	Затрудняюсь ответить	4	0,8
	Всего	504	100,0

Основные тенденции, которые усиливают взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик

Данные, представленные в табл. 3, показывают, что 13,7 % респондентов считают основной тенденцией, которая усиливает взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик, – расширение рынка услуг в сфере услуг; 11,8 % опрошенных считают основной тенденцией, которая усиливает взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик, развитие индустрии красоты; 10,5 % называют стремительную сменяемость моды; 7,6 % выделили тенденцию, которая усиливает взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик, – расширение сети фитнес-центров. Вариант ответа «Всё вышеперечисленное» выбрали 40,3 % респондентов.

Виды телесных практик, которые наиболее распространены в современный период

Рассматривая данные, приведённые в табл. 4, авторы делают вывод о том, что 15,9 % опрошенных считают одной из наиболее распространённых телесных практик косметические процедуры и уход за телом. Вариант ответа «Диеты и ограничения в еде» выбрали 13,7 % опрошенных респондентов. Распространённой телесной практикой «хирургические и нехирургические модификации тела» считают 11,6 % респондентов. Вариант ответа «Регулярные занятия спортом» выбрали 10,4 % опрошенных. Мониторинг телесных процессов как основную телесную практику выбрали 6,3 % респондентов. Вариант ответа «Всё вышеперечисленное» выбрали 41 % респондентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, основные тенденции, которые усиливают взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Все вышеперечисленное	191	40,3
2	Расширение рынка услуг в сфере красоты, в т. ч. углубление коммерциализации	65	13,7
3	Определите основные тенденции, которые усиливают зависимость социальных ролей женщин и телесных практик? Развитие индустрии красоты	56	11,8
4	Стремительная сменяемость моды, актуальных трендов	50	10,5
5	Расширение сети фитнес-центров	36	7,6
6	Развитие алгоритмов смены внешности в интернете	35	7,4
7	Индивидуализация услуг в сфере фитнеса	33	7,0
8	Затрудняюсь ответить.	8	1,7
	Всего	474	100,0

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, основные тенденции, которые усиливают взаимозависимость социальных ролей женщин и телесных практик?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Все вышеперечисленное	194	41,0
2	Косметические процедуры и уход за телом	75	15,9
3	Диеты и ограничения в еде	65	13,7
4	Хирургические и нехирургические модификации тела	55	11,6
5	Регулярные занятия спортом	49	10,4
6	Мониторинг телесных процессов (например, ношение фитнес-браслета)	30	6,3
7	Затрудняюсь ответить	5	1,1
	Всего	473	100,0

Роль телесных практик в трансформации социальных ролей женщин

В табл. 5 представлены данные, которые показывают на возрастание роли телесных практик в трансформации социальных ролей женщин. Так, 58,7 % опрошенных считают, что «телесные практики» в значительной степени влияют на социальное положение женщин. 15,7 % респондентов разделяют мнение о том, что «телесные практики» в некоторой степени влияют на социальное положение женщин. Считают, что «телесные практики» в определённой степени влияют на социальное положение женщин, указали 14 % опрошенных. И лишь 6,7 % признали, что «телесные практики» не влияют на социальное положение женщин.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Влияют ли так называемые «телесные практики» как «работа над собственным телом» на социальное положение женщин?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, влияют в значительной степени	176	58,7
2	Да, влияют в некоторой степени	47	15,7
3	Да, влияют в определенной степени	42	14,0
4	Нет, не влияют	20	6,7
5	Затрудняюсь ответить	15	5,0
	Всего	300	100,0

Рассматривая данные, представленные в табл. 6, мы можем сделать вывод о том, что большинство опрошенных респондентов считает, что «телесные практики» обеспечивают создание более яркого образа женщины в глазах других (13,3 %). Считают, что «телесные практики» формируют престижный образ женщины назвали 10,5 % респондентов. Считают, что «телесные практики» усиливают рост популярности женщин в сетевых и других взаимодействиях, назвали 9,6 % респондентов. Считают, что «телесные практики» способствуют расширению коммуникативного пространства – 8,7 % респондентов. Вариант ответа «Все вышеперечисленное» выбрали 37 % опрошенных респондентов.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Если в той или иной степени влияют, то в чем это проявляется?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Все вышеперечисленное	170	37,0
2	Обеспечивают создание более яркого образа женщины в представлениях других	61	13,3
3	Формируют престижный образ женщины как способ достижения различных целей	48	10,5
4	Усиливают рост популярности женщин в сетевых и других взаимодействиях	44	9,6
5	Способствуют расширению коммуникативного пространства	40	8,7
6	Помогают в выстраивании трудовой карьеры	29	6,3
7	Если в той или иной степени влияют, то в чем это проявляется?	28	6,1
8	Затрудняюсь ответить	21	4,6
9	Позволяют занимать свое место в нескольких социальных полях одновременно	18	3,9
	Всего	459	100,0

Инновационный проект по разработке Экспертной общественной платформы по этике телесных практик в условиях цифровизации

Респондентам было предложено ответить на вопросы по целесообразности разработки Экспертной общественной платформы по этике телесных практик в условиях цифровизации. Рассматривая данные, представленные в табл. 7, мы можем сделать вывод о том, что 60,7 % опрошенных респондентов *полностью разделяют инициативу по разработке и реализации нашего проекта*. 17,3 % – скорее разделяют инициативу нашего проекта, 12,7 % – скорее не разделяют инициативу нашего проекта. 4 % – не разделяют инициативу нашего проекта.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «На наш взгляд, современные телесные практики также находят свое отражение в цифровой среде. В этой связи, мы видим необходимость в разработке Экспертной общественной платформы по этике телесных практик в условиях цифровизации в российских регионах. Разделяете ли Вы такое мнение?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Да, полностью разделяю	182	60,7
2	Скорее да, чем нет	52	17,3
3	Скорее нет, чем да	38	12,7
4	Затрудняюсь ответить	16	5,3
5	Нет, не разделяю	12	4,0
	Всего	300	100,0

Выводы

Из всего вышесказанного следует вывод, что телесные практики действительно играют существенную роль в формировании социального статуса современной женщины. На положение женщин в социальной структуре общества оказывают существенное влияние как внешние, так и внутренние факторы. В результате исследования выявлено, что основной тенденцией, которая способствует усилению взаимосвязи между телесными практиками женщин и их социальным положением оказалось расширение рынка услуг в сфере красоты, в том числе углубление коммерциализации. Среди наиболее распространенных на сегодняшний день телесных практик оказались косметология, пластическая хирургия, ограничения в пище, занятия спортом и мониторинг физических процессов. Таким образом, тело современной женщины в социуме приобретает статус стратификационного фактора, который может обеспечить существенное повышение или понижение социальной значимости личности.

Литература

1. Бовуар С. Второй пол. Т. 1, 2 : пер. с фр. М. : Прогресс ; СПб. : Алетей, 1997. 832 с.
2. Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 445 с.

3. Грабельных Т. И. Диалектика глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: концептуальные основания // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : ИГУ, 2021. С. 27–30.
4. Данилов А. Н. Глобальная нестабильность сегодня рождает новый мир грез // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : ИГУ, 2021 С. 22–26.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст., комментарии А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. 416 с.
6. Мерло-Понти М. Человек и его злключения // Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. 452 с.
7. Фуко М. Власть и тело / пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. 384 с.

РАЗДЕЛ 5. ГЛОБАЛЬНО ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ СОЦИАЛЬНЫЙ МИР: ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО ВИДЕНИЯ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

***

CHAPTER 5. GLOBALLY TRANSFORMING SOCIAL WORLD: FORMATION OF EXPERT VISION AMONG STUDENTS

УДК 343.85

Р. К. Балтабаев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА И ОСОБЕННОСТИ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ В АСПЕКТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Проанализированы особенности детской преступности и основные факторы, влияющие на проявление девиантного поведения у детей и подростков. Также рассмотрено регулирование вопроса преступности со стороны органов государственной власти в рамках межведомственных решений и экспертизы по работе государственных программ в сфере молодежи.

Ключевые слова: дети, подростки, преступность, девиация, социальная группа.

R. K. Baltabaev

Irkutsk State University, Irkutsk

MINORS AS A SPECIAL SOCIO-DEMOGRAPHIC GROUP AND THE PECULIARITIES OF THEIR SOCIALIZATION IN MODERN CONDITIONS IN RUSSIA IN THE ASPECT OF REGULATING CHILD CRIME

In this paper, the features of child crime and the main factors influencing the manifestation of deviant behavior in children and adolescents are analyzed. The author also considered the regulation of the issue of crime by public authorities within the framework of interdepartmental decisions and expertise on the work of state programs in the field of youth.

Keywords: children, teenagers, crime, deviation, social group.

Актуальность данной темы обусловлена стремительным ростом детской преступности и влиянием девиантного поведения преступных группировок на социализацию детей и подростков на рубеже XX–XXI вв. Рассматривая историю создания комиссий по регулированию преступности несовершеннолетних, мы можем сделать вывод о том, что проблема детской преступности в России всегда была актуальна, однако общественность заинтересовалась ею лишь в конце XIX века. Следует отметить, что профилактикой детской преступности начали заниматься лишь в постреволюционное время.

Степень остроты данной темы описывал ещё в начале XX века Ф. Э. Держинский: «Детская беспризорность, часто являющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как

детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжелыми последствиями» [4].

В современных реалиях, когда общество в наибольшей степени подвержено трансформациям, преступные деяния, совершенные детьми и подростками, являются одними из наиболее опасных форм девиантного поведения. Данная проблема является основой процветания криминала и преступности в будущем, что в значительной мере ставит под угрозу развитие будущего поколения.

Следует отметить, что по данным Министерства внутренних дел России, в стране за последние 5 лет снизился уровень детской преступности. Однако на фоне ухудшения социально-экономических условий наблюдаются и негативные тенденции. Но активные межведомственные взаимодействия способствует предупреждению и предотвращению преступности среди детей и подростков.

Рассматривая молодёжную и детскую преступность, следует уделить особое внимание особенностям правового статуса подростков, психологическими и социальными особенностями развития.

Переходим к факторам, влияющим на формирование деструктивного поведения. Наиболее важным, по мнению автора, можно считать нарушение функциональности института семьи. Также можно выделить социально-психологическую особенность развития личности и воспитательную деятельность педагогов и учителей. Не стоит забывать и о роли подростковых и молодежных неформальных групп и низком уровне социокультурного развития молодёжи.

Относительно социальных условий, можно выделить несколько уровней:

1. Микроуровень. На данном этапе, социальные условия тесно связаны с особенностями межличностных отношений в семье, стрессом, практиками девиантного поведения и особенностями воспитания.

2. Мезоуровень. Здесь активно проявляется «уличного» характера социализации, смена агентов социализации с семейных на уличные и другие социальные группы. Также, на данном этапе стоит отметить способы получения социальной принадлежности.

3. Макроуровень. На данном этапе вход вступают социокультурные, экономические и политические факторы.

Стоит отметить, что важным фактором автор считает проблемы материальной обеспеченности и влияние массовой культуры на сознание подростков, вследствие чего может усложниться процесс формирования адекватного социального поведения. Относительно мер пресечения преступности несовершеннолетних, на территории Российской Федерации, распространяют свое действие не только нормы отечественного законодательства, но и нормы международного права.

Социализация детей и подростков напрямую оказывает влияние на рост преступности. В детском возрасте, основным агентом социализации является семья и ближайшие родственники, в подростковом возрасте основным агентом социализации являются группы сверстников и учебные заведения. Если в какой-то социализационной группе преобладает девиация и деструктивное поведение, то ребёнок, с неокрепшим сознанием и отсутствием критического мышления, становится потенциальным «приёмником» негативных моделей поведения. Нельзя также упускать из поля зрения то, что социальное и материальное положение семьи может оказывать фактором, влияющим на мировоззрение ребенка или подростка.

Однако при анализе данной проблемы следует опираться на актуальные данные социологических исследований. ВЦИОМ 25 августа 2005 г. представил данные, полученные в рамках исследования «Отношение общества к проблемам детской беспризорности и безнадзорности. Информационное обеспечение проблем сиротства и беспризорности» [1].

Проанализировав данные, представленные в аналитическом отчете ВЦИОМ, можно сказать следующее: 72 % опрошенных респондентов считают, что вопрос безнадзорности детей и подростков должно решать государство. 58 % опрошенных респондентов считают что вышеперечисленная ответственность за воспитание детей лежит на плечах семьи и род-

ственников [1]. Наиболее важными и первостепенными мерами по регулированию и сокращению детской беспризорности респонденты выделяют меры государственной социальной и материальной поддержки. Прежде всего, отмечают респонденты, такая поддержка должна оказываться малоимущим семьям и многодетным семьям. Также респондентам было предложено выделить наиболее важные проблемы детей в современном обществе. Детскую и подростковую преступность, алкоголизм, наркомания среди детей и подростков, отмечает 41 % опрошенных [1].

Среди проблем детей, которые должны, по мнению россиян, находиться в фокусе общественного внимания, «45 % отметили алкоголизм, наркоманию среди детей и подростков, 35 % – детскую и подростковую преступность, 29 % – низкий уровень жизни российских семей, имеющих детей, 21 % – беспризорников и безнадзорных детей. Существенно реже в качестве предпочтительной информации респонденты называют освещение вопросов усыновления ребенка как российскими (5 %), так и иностранными гражданами (4 %)» [1].

Резюмируя данные, представленные в опросе, можно сделать вывод о том, что большинство населения России считают проблемы детской и молодежной преступности актуальными и требующими незамедлительного решения и контроля со стороны государственной власти при совместной работе на межведомственном уровне. Необходимыми мерами по решению проблем детской преступности, по нашему мнению, являются проведение воспитательных бесед в школах, семьях, а также работа с трудными подростками социальных педагогов и психологов.

Следует отметить, что со стороны государства оказывается поддержка неимущим слоям населения. В рамках государственной программы Иркутской области «Социальная поддержка населения» был рассмотрен вторичный анализ материалов проведённой экспертизы Контрольно-счетной палаты Иркутской области. Анализ экспертизы показал, что данная программа только набирает силу: «Проект ГП Иркутской области «Социальная поддержка населения» на 2019–2024 годы предусматривает ресурсное обеспечение реализации мероприятий подпрограмм в объеме 138 954 997,8 тыс. руб., из них: на 2019 г. в объеме 25 223 980,5 тыс. руб. (ОБ – 21 353 763,3 тыс. руб., ФБ – 3 870 217,2 тыс. руб.). Прогнозная (справочная) оценка ресурсного обеспечения ГП 139 060 734,6 тыс. руб., из них: на 2019 г. 25 241 603,3 тыс. руб.» [3].

Данная программа в достаточной степени профинансирована и результатом её реализации должно быть снижение уровня бедности и малоимущих детей в регионе, а вследствие, снижение уровня несовершеннолетней преступности. Государственная социальная поддержка населения Иркутской области возросла по сравнению с 2017 г. и стала иметь еще более детальные и углубленные векторы развития данной структуры, однако в дальнейшем данная программа стала иметь некоторые расхождения с федеральным законодательством.

Подводя итоги, следует отметить, что несмотря на сроки давности, данная проблема являлась и является актуальной для всего российского общества, по мнению автора данной работы, начало всей молодежной преступности лежит в проблемах социализации и отсутствии государственного контроля и регулирования проблем несовершеннолетних. Государственная политика углубляется в данную тему и подбирает наилучшие пути решения проблем преступности среди несовершеннолетних. Важным аспектом решения данной проблемы является межведомственная работа в рамках всей страны и регионов в частности, что в свою очередь и формирует самый оптимальный комплекс мер по регулированию несовершеннолетней преступности.

Литература

1. Исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Отношение общества к проблемам детской беспризорности и безнадзорности. Информационное обеспечение проблем сиротства и беспризорности» // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=3228> (дата обращения: 24.04.2022).
2. Писаревская Е. А. О некоторых криминологически значимых показателях преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 206–209.

3. Заключение Контрольно-счетной палаты Иркутской области по результатам экспертизы проектов государственных программ Иркутской области от 15 октября 2018 г. № 132-р «Государственная программа Иркутской области «Социальная поддержка населения» на 2019–2024 годы». URL: http://irksp.ru/wp-content/uploads/2018/10/01_38–18э.pdf (дата обращения: 09.05.2022).

4. Дзержинский Ф. Э. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в России // Иркутская область : [официальный портал]. URL: <https://irkobl.ru/sites/kdnizp/commission/history/> (дата обращения: 12.05.2022).

УДК 330.322.5

В. А. Бенденко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВАЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ В ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА ЧАСТНЫМИ ИНВЕСТОРАМИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Рассматривается специфика использования экспертных онлайн-платформ в оценке инвестиционного климата частными инвесторами в условиях мирового кризиса. Акцентируется внимание на низком уровне компетентности большей части инвесторов и потенциально детерминированная этим потеря капитала в условиях мирового кризиса, ведущая к обострению социальной напряженности. Обосновывается способ смягчения данных проблем посредством использования экспертных онлайн-платформ, предоставляющих инвесторам возможность получить экспертную помощь в удобном для них формате.

Ключевые слова: частные инвесторы, экспертиза, экспертные платформы, экономика, мировой кризис, онлайн-платформа, инвестиционный климат.

V. A. Bendenko

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPORTANCE OF USING EXPERT ONLINE PLATFORMS IN ASSESSING THE INVESTMENT CLIMATE BY PRIVATE INVESTORS IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CRISIS

The article discusses the importance of using expert online platforms in assessing the investment climate by private investors in the context of the global crisis. Attention is focused on the low level of competence of a large part of investors and the loss of capital potentially determined by this in the conditions of the global crisis, leading to an aggravation of social tension. The paper substantiates a way to mitigate these problems through the use of expert online platforms which provide investors with the opportunity to receive expert assistance in a format convenient for them.

Keywords: private investors, expertise, expert platforms, economics, global crisis, investment climate.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается существенный тренд на увеличение количества частных инвесторов. Так, например, в 2019 г. их количество увеличилось на 1,9 млн чел., в 2020 г. уже на 5 млн чел., а за десять месяцев 2021 г. ещё на 6,2 млн чел., в общей сложности составив приблизительно 14 млн чел. [8] Беря на себя существенную долю оборотов на биржевых рынках, частные инвесторы оказывают значительное воздействие на экономику России. При их успешной активности в долгосрочной перспективе страны демонстрируют более высокие темпы социально-экономического роста. Так, некоторые эмпирические данные по большой выборке стран, находящихся на разных этапах развития с 1960 г. по настоящее время, показывают, что увеличение на 10 процентных пунктов отношения частных инвестиций к ВВП соответствует увеличению на 3.1 пункта долгосрочного темпа роста дохода на душу населения [9]. Учитывая это, трудно преувеличить значимость и важность частных инвесторов как субъектов экономической деятельности. В текущей геополитической ситуации и в вызванной её глобальной социально-экономической нестабильности, частные инвесторы в силу своих особенностей могут оказывать на государство и деструктивное влияние путем выстраивания цепочек иррационального распределения денежного капитала внутри Российской Федерации. Как показывает исследование аналитического центра НАФИ, 60 % интересующихся инвестициями имеют посредственные знания в данной теме [6]. Это говорит о высоких рисках неудачных инвестиций, вызванных отсут-

ствием должных компетенций у человека, что также усугубляется и беспрецедентной ситуацией в мире, в результате которой терпят неудачи даже профессионалы рынка. Неудачные инвестиции большого числа людей, в свою очередь, потенциально способны привести к потере сбережений целой прослойки людей, негативно преобразив их социальный статус, и редуцировать финансирование нуждающихся в экономических стимулах предприятий.

Исходя из вышеизложенного, в ситуации, когда частные инвесторы полезны обществу, однако их деятельность ввиду недостаточной компетентности обладает вероятностью обострения социально-экономического напряжения в непростое для государства время, важным видится поиск путей снижения опрочечивых и неблагоприятных капиталовложений, осуществляемых частными лицами, что положительно скажется на устойчивом общественном развитии.

Ключевой этап процесса принятия решения относительно того, стоит ли инвестировать или нет, который в значительной степени определяет успешность вложения, – это оценка инвестиционного климата объекта капиталовложения, под которым понимают совокупность финансовых, экономических и социально-политических условий, характеризующих текущее состояние предприятия и позволяющих спрогнозировать его положение в будущем. Рассматривая данную дефиницию и опираясь на работы О. А. Будиловской, Т. Л. Баженовой, нам следует отметить, что оценка инвестиционного климата представляет собой комплексную задачу, для решения которой необходимо сочетание сложных экономико-математических методов и факторного анализа [1, с. 69]. Полагаясь на мнения экспертов из НАФИ, а также на исследование П. Ф. Кравчука и Б. Б. Подгорного, «Российский частный инвестор фондового рынка – кто он?», мы можем проследить неоднородность инвесторов как социально-экономической группы, где большая часть не обладает достаточными компетенциями для осуществления качественного исследования инвестиционного климата. Отсюда следует, что эффективные методы оценки недоступны широкой массе частных инвесторов из-за их сложности, а также из-за ряда других факторов, которые препятствуют их освоению (затруднительное семейное положение, недостаток свободного времени, материальные трудности, вызванные с необходимостью платить за обучение). В результате, случаи, когда человек без профильного экономического образования в состоянии беспристрастно и качественно проводить многоуровневые экспертизы того или иного предприятия для точного анализа инвестиционного климата, крайне редки в российских реалиях. В этой связи возникает необходимость поиска такого пути оценки инвестиционного климата, который бы обеспечил человека качественным анализом интересующего его объекта инвестирования, независимо от уровня его (человека) компетенций [3, с. 93].

В качестве одного из способов оценки инвестиционного климата, обладающих потенциалом помочь широкому кругу инвесторов, мы рассматриваем консультацию с профессиональным экспертом, имеющим достаточный набор знаний, умений и навыков, чтобы отвечать конъюнктуре современного рынка. Данный выбор обусловлен в первую очередь тем, что экспертное знание и его применение в экономике – это инновационный ресурс, без которого цифровая экономика не может существовать должным образом [2, с. 851]. Основное преимущество данного способа состоит в его простоте использования ordinary инвестором. Без существенных временных затрат, инвестор получает независимую, беспристрастную экспертизу, основанную исключительно на профессионализме эксперта. Необходимо также отметить, что уже сам эксперт в силу своих навыков может использовать в своей деятельности другие известные методы оценки, необходимые для анализа инвестиционного климата, в то время как инвестор будет избавлен от потребности в тщательном изучении огромного количества информации. Реализовать и популяризовать данный способ в широких масштабах видится возможным посредством использования экспертных онлайн-платформ, целью которых является агрегирование экспертов из разных отраслей знания, готовых предоставить профессиональную экспертизу или аудит любому заинтересованному в этом лицу. Благодаря технологическому прогрессу человеку стало возможным воспользоваться услугами профессионала, не выходя из дома; все, что требуется, – это выход в интернет, которым обладает

подавляющее большинство жителей Российской Федерации. Таким образом, присутствие экспертных-площадок в интернете – это удобный для большинства людей, а, следовательно, и частных инвесторов, способ взаимодействия с экспертами, информированность граждан о котором можно повысить, например, с помощью средств массовой информации.

Однако использование предложенного нами способа помощи инвесторам посредством обращения к экспертизе, проведенной профессионалом, имеет и несколько недостатков. Во-первых, обращение за помощью к профессиональному эксперту – это денежная затрата, которая может быть негативно воспринята частью инвесторов. Осложняет это ещё и отсутствие фиксированной стоимости услуг экспертов, так как она зависит от ряда факторов, которые могут сильно различаться в зависимости от нужд заказчика. Во-вторых, экспертная оценка носит отчасти субъективный характер, что актуализирует строгость отбора экспертов, предоставляющих услуги инвесторам [1, с. 71]. Первый недостаток имеет непосредственное отношение к тому, как инвестор лично расценивает риски своих вложений. Если первостепенная цель инвестора – сохранить и преумножить свои средства и ни при каких обстоятельствах их не лишиться, то ему следует относиться к качественной экспертизе, проведенной профессионалом, как к необходимой составляющей вложения, без которой риски потери капитала могут существенно возрасти. В этом ключе плата за услуги эксперта оправдана, так как в конечном счете она с большей вероятностью ведет к успеху, в то время как избегание экспертных услуг или отказ от них, наоборот, увеличивают вероятность потери капитала. Второй недостаток – сложность, которую необходимо всегда иметь в виду и учитывать, работая с экспертной деятельностью.

Наконец, третий недостаток заключается в том, что развитие экспертных платформ в России находится ещё только на начальном этапе. Если для сферы business-to-business (то есть b2b) уже появились успешные проекты, которые дают возможность бизнесу получать экспертизу высокого качества напрямую от профессионалов (примером такого проекта можно назвать платформу ExpertMe.ru), то для сектора person-to-person (то есть p2p) в русскоязычном секторе Сети нет ни одной сертифицированной компании, которая бы предоставляла экспертный наем сертифицированных специалистов [7]. Существует ряд так называемых «фриланс-бирж», которые помогают найти необходимого специалиста в той или иной сфере физическому лицу, однако они не отвечают главному требованию экспертной платформы – отбору экспертов на основе верификации их навыков. Без данной особенности кто угодно способен представить себя экспертом, что делает функционирование экспертной платформы бессмысленной в рамках рассматриваемой нами проблемы частных инвесторов и использования консультации профессионального эксперта в области инвестирования с целью успешного анализа инвестиционного климата частным инвестором.

Поэтому, учитывая необходимость помощи частным инвесторам и отсутствие в «рунете» специализированной экспертной платформы типа p2p, видится разумным при поддержке федеральной или региональной властей создание такого сервиса, который в перспективе может регулировать проблемы, вызванные некомпетентностью частных инвесторов посредством экспертной помощи, относительно просто предоставляемой любому нуждающемуся [4, с. 51–52].

Таким образом, ущерб, который неудачная деятельность частных инвесторов потенциально способна нанести обществу, требует нахождения путей минимизации необдуманного капиталовложения. Опираясь на особенности частных инвесторов и их возможности в оценке инвестиционного климата, мы предполагаем, что одним из оптимальных способов решения поставленной проблемы может стать консультация с профессиональным экспертом, реализуемая с помощью специализированных экспертных онлайн-платформ. Несмотря на то что в российском сегменте интернета нет p2p экспертной платформы, в рамках которой можно было бы апробировать данный способ, её создание представляется возможным и осуществимым при поддержке власти. Кроме того, преимущество данного способа, заключаемое в простоте использования инвестором и присутствии в онлайн-пространстве, позволит популяризировать его среди широких масс, что необходимо для решения поставленной проблемы.

Литература

1. Будилковская О. А., Баженова Т. Л. Инвестиционная привлекательность региона и методы ее оценки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13(132). С. 67–73.
2. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества ; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2020. С. 850–851.
3. Кравчук П. Ф., Подгорный Б. Б. Российский частный инвестор фондового рынка кто он? // НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право. 2009. № 10(65). С. 90–104.
4. Стырин Е. М., Дмитриевна Н. Е., Снятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–59.
5. Ултургашева О. Г., Лавренко А. В. Анализ методик оценки инвестиционной привлекательности региона // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2012. № 2(13). С. 53–58.
6. Аналитики составили портрет «нового инвестора» в России // РБК Инвестиции. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/602556669a7947e083aa9e2c> (дата обращения: 04.05.2022).
7. Информация о компании // ExpertMe. URL: <https://expertme.ru/about> (дата обращения: 04.05.2022).
8. На фондовом рынке почти 15 млн розничных инвесторов // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12205> (дата обращения: 04.05.2022).
9. Global Private investment as the engine of economic growth and social welfare // BBVA Research. URL: <https://www.bbvarsearch.com/en/publicaciones/global-private-investment-as-the-engine-of-economic-growth-and-social-welfare/> (дата обращения: 04.05.2022).

УДК 004.92

К. А. Бирюкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ УСЛУГИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена вопросам развития графического дизайна в России в связи с популяризацией сети Интернет и предоставляемых там интеллектуальных услуг. Рассматриваются зарождение графического дизайна, возможности его применения как в настоящем, так и в будущем. Также приводятся объективные причины популярности этого направления.

Ключевые слова: интеллектуальная услуга, дизайн, графический дизайн, интернет, теория дизайна, искусство, популяризация.

K. A. Biryukova

Irkutsk State University, Irkutsk

POPULARIZATION OF GRAPHIC DESIGN AS AN INTELLECTUAL SERVICE IN THE MODERN WORLD

The article is devoted to the development of graphic design in Russia in connection with the popularization of the Internet and the intellectual services provided there. The author of the article considers the origin of graphic design, the possibilities of its application both in the present and in the future. The article also describes the problems that a graphic designer may face.

Keywords: intellectual service, graphic design, Internet, design theory, art.

XXI век – это эпоха цифровизации, которая предполагает развитие интеллектуального капитала и массового производства. Всё это популяризировано в сети Интернет. Она занимает в жизни современного человека далеко не последнее место, его развитие не стоит на месте, а, наоборот, с каждым днем оперативно внедряется в жизнь человека. По данным ВЦИОМ от 23 сентября 2021 г. «...среди российской аудитории почти каждый третий (29 %) тратит на времяпрепровождение в интернете более трех часов в день (72 % среди 18–24-летних), 16 % – от двух до трех часов, 25 % – один-два часа в день, 19 % – полчаса, а 9 % – менее получаса» [4]. Это время тратится не только на общение в социальных сетях, но и на поиск одежды, еды, образовательных услуг, работы и т. д. Исходя из этого, мы можем сделать вы-

вод, что рынок интернет-услуг стремительно растет, и набирают популярность интеллектуальные услуги.

Актуальность статьи заключается в постоянной заинтересованности и интересе к развивающимся IT-технологиям, а в особенности к сфере графического дизайна как возможности творческого и разностороннего развития. Основным методом исследования, примененным в статье, является анализ используемых в статье материалов и обобщения полученной информации.

В настоящее время информационная деятельность предоставляет безграничные виды услуг, одним из таких типов являются интеллектуальные услуги. На сегодняшний день попытки раскрыть сущность этого понятия предпринимают не только отечественные, но и зарубежные ученые. Из-за того, что этот сектор возник совсем недавно, он считается малоизученным, в частности, нет конкретных подразделений этой категории. Существует мнение о том, что интеллектуальные услуги – это «нересурсоемкие услуги», поскольку полезный эффект от их осуществления «слабо коррелирует с затраченным на них живым и овеществленным трудом» [1]. Мы считаем, что интеллектуальной услугой может считаться любая деятельность, связанная с предоставлением новых знаний, использованием интеллектуального труда, базирующихся на новых процессах и технологиях. Одной из них является область, которая стремительно набрала популярность, – это сфера графического дизайна.

Дизайн как самостоятельная единица появился с началом развития массового производства и технологий. История его развития не сводится к одной конкретной науке, наоборот, она вбирает в себя идеи из области архитектуры, социологии, техники, культурологии, рекламы и маркетинга и т. д. Что касается графического дизайна, то он выступает внутренней областью всего дизайна. С точки зрения методологии, если рассматривать дизайн как вид проектной деятельности, то он является системно-организованным феноменом, представляющий двухуровневый процесс. В общей теории дизайна существуют два метода: деятельность и системный. Они распространяются на все типы дизайна, но с разным охватом. По мнению Г. В. Вульфена, ведущего эксперта в области инновационных решений, в дизайне как и в любой другой науке «...только одна из семи инновационных идей может оказаться успешной, но только дизайнер как человек, обладающий целостным мышлением, сможет рассмотреть все парадоксальные стороны какой-либо проблемы, чтобы найти правильное решение в рамках предметной и социальной среды, являющихся системными объектами» [2]. Само направление «графический дизайн», как любая другая наука, не стоит на месте, постоянно развивается, тенденции из приближенных областей, таких как маркетинг, экономика, культурные и межличностные коммуникации, осваивая новые технологии: «новые средства графического дизайна применяются в рекламе и инфографике, при визуализации веб- и автомобильных интерфейсов, при создании различного рода справочников и элементов городской навигации, в туризме, медицине, музейном деле» [3]. Тем самым, графический дизайн популяризируется и выходит на новый уровень, охватывая разные сферы взаимодействия как online, так и offline. Как мы видим, в графическом дизайне много сегментов, что выделяет его по сравнению с другими областями, предоставляя хорошие возможности для развития в разных сферах деятельности.

На становление графического дизайна как одной из популярных областей в сфере IT повлияли следующие факторы. Прежде всего, это широкая область деятельности. Она не сводится только к тому, чтобы создавать брендированную рекламу или логотипов, в нее входит широкий спектр работы, которой может заниматься специалист. Востребованность – одно из главных качеств этой деятельности. Бизнес-среда активно развивается, появляются новые компании, не устоявшиеся на этом рынке, поэтому услуги графического дизайна для них будут актуальны. А правильно оформленные социальные сети принесут в 2 раза больше клиентов. Графический дизайн мы видим абсолютно везде, как на крупном рекламном баннере, так и на упаковке от жвачки, он охватывает абсолютно все области, а быстрый рост его популярности можно объяснить тем, что мы живем в век информационных технологий, где у людей наиболее хорошо развита область зрительного восприятия. Тем самым, он не потеряет свою актуальность, а наоборот, поможет облегчить жизнь современным людям [3].

Сегодня, когда графический дизайн используется в огромном количестве разнообразных сферах современной жизни – от создания рекламы для бренда до проектирования интерьера, вполне можно интегрировать эту сферу не только в коммерческую деятельность, но и в социально-образовательную. Например, технологии графического дизайна можно использовать в школах и вузах для лучшего усваивания материала обучающимися.

Таким образом, можно сделать вывод, что услуги графического дизайна не потеряют свою актуальность ещё долгое время. Развитие виртуальной и дополненной реальности происходит довольно активно, раскрывая потенциал цифровой реальности, предоставляя возможности для развития в различных сферах деятельности. Это хороший инструмент для начала своей карьерной деятельности.

Литература

1. Горн А. П. Развитие рынка интеллектуально-креативных услуг (теория и методология) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Самар. гос. экон. ун-т. Самара, 2009. 44 с. URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01004652087.pdf>.
1. Овчинникова Р. Ю. От общей теории дизайна – к методологии графического дизайна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25371944>.
2. Петрухина О. В. Графический дизайн и виртуальная среда: реальность и перспективы // Философия и культура. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graficheskiy-dizayn-i-virtualnaya-sreda-realnost-i-perspektivy/viewer>
3. Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete>

УДК 314.1(571.53)

Х. А. Богатырев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

УСИЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ПАНДЕМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследуется усиление взаимосвязи девиантного поведения населения и демографических изменений вследствие влияния пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19 в Иркутской области. Проанализированы официальные статистические данные за пять лет в период с 2017 по 2021 г. Также рассмотрены основные причины изменения направленности демографических процессов.

Ключевые слова: демографические изменения, девиантное поведение, пандемические процессы, смертность, рождаемость, брачность, разводимость.

H. A. Bogatyrev

Irkutsk State University, Irkutsk

STRENGTHENING THE RELATIONSHIP OF THE POPULATION'S DEVIANT BEHAVIOR AND DEMOGRAPHIC CHANGES AS A CONSEQUENCE OF PANDEMIC PROCESSES IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

The article discusses the strengthening of the relationship between deviant behavior of the population and demographic changes due to the impact of the pandemic caused by the coronavirus infection COVID-19 in the Irkutsk region. The official statistics for five years from 2017 to 2021 were analyzed. The paper also considers the main reasons for the change in the direction of demographic processes.

Keywords: demographic changes, deviant behavior, pandemic processes, mortality, fertility, marriage, divorce.

Вследствие пандемии коронавирусной инфекции произошла дестабилизация основных сфер жизни общества, в том числе изменилась направленность демографических процессов. Многие современные социологи отмечают основные направления и тенденции их развития.

В данной статье планируется рассмотреть актуальные фактические данные и официальную статистику по основным демографическим процессам в Иркутской области. Объектом статьи является динамика девиантного поведения граждан, предметом – негативное влияние пандемии на поведение людей и их жизнедеятельность.

Демографические процессы подразумевают особую последовательность событий в обществе, которая напрямую влияет на смену поколений. Традиционно к таким процессам относят: миграцию, рождаемость, смертность, брачность и разводимость. Решение многих проблем, связанных с демографическими процессами, требует применение совокупности методов, среди которых математические и статистические, а также социологические методы.

Коронавирусная инфекция COVID-19 оказала большое влияние на общество. Многим людям пришлось перестраивать повседневный образ жизни, что привело к росту девиантного поведения граждан и социальной депрессии. Также пандемия повлияла на основные демографические процессы в Иркутской области. Можно отметить рост смертности, снижение рождаемости, ухудшение ситуации брачности и миграции. Повысилось употребление алкоголя и наркотических средств, а также увеличилось количество суицидов. Рассмотрим влияние пандемии на изменение некоторых демографических процессов.

Смертность подразумевает статистический показатель количества смертей за определенный период. COVID-19 оказал негативное влияние на количество смертей. Рассмотрим официальную статистику смертности по Иркутской области за пять лет. В 2017 г. число смертей составило 31 032 чел., в 2018 г. – 32369 чел. В 2019 г. ситуация ухудшается и количество умерших составило 34 553 чел., 2020 г. – 35 690 чел. и в 2021 г. умерло 41 889 чел. Безусловно, можно увидеть динамику роста числа смертей за год [6]. В период самоизоляции усиливается девиантное поведение граждан: употребление алкогольных и наркотических средств, проявление домашнего насилия. Все эти причины способствовали увеличению смертности.

Рождаемость – основной демографический показатель, указывающий на число родившихся людей за определенный период. Также рассмотрим статистические показатели на пять лет по Иркутской области. В 2017 г. число родившихся составило 32 253 чел., в 2018 г. – 308 47 чел. В 2019 г. родилось 28 258 чел., в 2020 – 26 948 чел. И в 2021 г. рождаемость составила 25 180 чел. Можно отметить ухудшение ситуации с рождаемостью в Иркутской области за пять лет. Число родившихся сократилось за пять лет более чем на 7 тыс. чел. [6].

Итак, были рассмотрены показатели смертности и рождаемости в Иркутской области за пять лет. Пандемия оказала негативное влияние на данные процессы. Можно ответить, что в 2017 г. естественный прирост населения был положительным, последующие годы показали отрицательный прирост населения. Разумеется, главной причиной такой ситуации является высокий уровень заболеваемости. Также можно выделить боязнь людей рожать детей в условиях дестабилизации общества и неопределенной ситуации.

Брачность подразумевает статистический показатель, указывающий на количество зарегистрированных браков за определенный период. Рассмотрим число зарегистрированных браков и разводов за последние пять лет по Иркутской области. В 2017 г. число браков составило 20 248 и разводов 11 778, в 2018 – 18 082 и 11 919 соответственно. В 2019 г. ситуация ухудшилась: 17 351 браков и 11 961 разводов. В 2020 г. наблюдалось 14 060 браков и 10 670 разводов, в 2021 г. – 14 890 и 11 883 соответственно [4]. Таким образом, на пик пандемии приходится наименьшее количество зарегистрированных браков, и примерное одинаковое число разводов за пять лет. Вследствие самоизоляции люди не имеют возможности познакомиться для создания семьи.

Негативная ситуация наблюдается и с миграцией населения, где в среднем за год убывает 5 тыс. человек. За пять лет убыло примерно 30 тыс. чел. [6].

Самоизоляция повлияла на рост домашнего насилия и количество суицидов. Некоторые люди, находясь на самоизоляции, испытывают стрессовое состояние. Это приводит к потреблению спиртных напитков и запрещенных веществ, что способствует к росту домашнего насилия и суицидов. Стоит отметить, увеличение количества преступлений вследствие роста

безработицы. Из-за потери работы многие стали удовлетворять свои потребности незаконным путем. Все это связано с неравным распределением социально-значимых средств для достижения определенных общественных целей и удовлетворения потребностей.

Таким образом, COVID-19 повлиял на основные сферы жизни людей, динамику отклоняющегося поведения, в том числе на демографические процессы. Рассмотренные ранее статистические показатели указывают на негативное влияние пандемии на эти процессы: увеличилось количество смертности, сократилась рождаемость; число браков сократилось; изменилась ситуация с миграцией населения. Увеличилось число преступлений, поскольку повысилась безработица.

Литература

1. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. № 6, Т. 1. 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42799985> (дата обращения: 01.05.2022).
2. Пауль И. А., Сысова Е. Л. Влияние пандемии на демографические процессы // Наука, технологии, инновации в мире глобальных трансформаций: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ростов-на-Дону : Юж. ун-т (ИУБиП) : Изд-во ВВМ, 2021. С 88–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45801134> (дата обращения: 01.05.2022).
3. Бессонова Л. П. Пандемия коронавируса и ее влияние на демографические процессы и качество жизни в России // Human Progress. 2020. № 4, Т. 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45653750> (дата обращения: 01.05.2022).
4. Служба записи актов гражданского состояния Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/zags/raboty/> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Сиднева И. А. Социально-демографические вызовы для России в эпоху пандемии // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ : материалы XXVI социол. чтений. М. : Изд-во РГСУ, 2021. С. 234–237. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47206366> (дата обращения: 30.04.2022).
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697> (дата обращения: 30.04.2022).

УДК 316.4

Р. С. Волкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДИНАМИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ КАК ПРЕДМЕТ ЭКСПЕРТНЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИИ

Рассматривается динамика потребительского поведения населения в интернет-среде как предмет экспертных платформ в России. Приведены примеры исследований потребительского поведения в интернет-среде. Сделан вывод о роли интернета в трансформации потребительских привычек.

Ключевые слова: потребительское поведение, интернет-среда, экспертная платформа, интернет-коммерция.

R. S. Volkova

Irkutsk State University, Irkutsk

DYNAMICS OF CONSUMER BEHAVIOR OF THE POPULATION IN THE INTERNET ENVIRONMENT AS A SUBJECT OF EXPERT PLATFORMS IN RUSSIA

In this article, the author examines the role of expert platforms in the study of consumer behavior. Examples of studies of consumer behavior in the Internet environment are given. Based on the data of the author's research, the role of the Internet in the transformation of consumer habits are approved.

Keywords: consumer behavior, Internet environment, expert platform, Internet commerce.

В последние годы с достаточно высоким уровнем развития и глобального распространения интернета и различных, связанных с этим технологически оснащённых инструментов распространения товаров и услуг, стала очевидной трансформация потребительского поведения

населения. В настоящее время формируется совершенно новая интернет-среда, которая в результате может во многом заменить привычные нам способы приобретения продукции.

Роль экспертных платформ в изучении рынка онлайн-торговли довольно высока в данное время. Аналитика трансформации потребительского поведения вследствие глобальных изменений, произошедших за последние годы, продвинулась далеко вперед, формируясь в отдельную тематику экспертных исследований. Важно, что приоритетными методиками исследования до сих пор остаются опросы населения, в частности, онлайн-опросы, а также анализ различных источников информации.

Научное сообщество стало обращать повышенное внимание рынку интернет-коммерции в период, когда вирус COVID-19 уже привнес в жизнь общества свои порядки. Находясь в режиме самоизоляции, потребительские привычки всего мира были вынуждены трансформироваться. Исходя из этого, множество экспертных площадок вынесли свое мнение по поводу сложившейся ситуации на рынке. Аналитическая компания Data Insight, главным направлением деятельности которой является онлайн-ритейл, опубликовала собственный прогноз развития рынка интернет-торговли в России, где главным выводом стал прогноз среднего роста онлайн-торговли – с 2019 по 2024 г. он составит 33,2 % [1]. Таким образом, поведение потребителей всё больше склоняется к приобретению товаров и услуг в интернете, чему во многом поспособствовала пандемия коронавирусной инфекции. Потребители во многом положительно оценили удобство приобретения продукции на интернет-площадках, многие из них готовы остаться постоянными посетителями интернет-магазинов.

Как известно, международная компания PricewaterhouseCoopers (PwC) ежегодно проводит исследование, всецело посвященное анализу потребительского поведения и в рамках 11 выпуска исследователям удалось провести опрос потребителей в пред- и посткарантинных условиях. В ходе изучения мнений потребителей, экспертам компании удалось выявить следующие наиболее яркие трансформации потребительского поведения, которые выделили аналитики Фонда Росконгресс: потребители стали более чувствительны к ценам; удобство и доступность в совершении покупок – приоритет покупателей; усилилась роль технологий и интернет-рынка; ускорение процесса цифровизации; стремление потребителей заботиться о собственном здоровье [2].

Нами также было проведено авторское пилотажное исследование в рамках выпускной квалификационной работы по теме «Влияние агрессивной рекламы на динамику потребительского поведения в интернет-среде». Опрос прошел в апреле 2022 г. на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). В опросе приняли участие 300 чел., представляющих население Иркутской области. В анкете были представлены вопросы, ответы на которые могут позволить проанализировать мнение респондентов к изменениям потребительского поведения и его структуры, а также место интернет-среды в этих процессах.

Согласно данным, приведенным в таблице, большинство респондентов считают, что благодаря доступности интернет-среды произошла замена традиционных источников удовлетворения и регулирования потребностей (65 %), что соответствует результатам исследований множества экспертных платформ. Также достаточно большое количество респондентов полагают, что в наши дни появились новые источники удовлетворения потребностей, в том числе виртуальные (62,67 %), а остальные опрошенные считают, что именно интернет выступил одним из главных источников формирования потребительского поведения (45,33 %).

Как видно из таблицы, большинство опрошенных отводят интернету достаточно важную роль в формировании новых потребительских привычек и трансформации потребительского поведения, что подтверждает экспертное мнение по этому вопросу.

Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, каким образом развитие интернета и становление новой интернет-среды способствует изменению структуры потребностей населения?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Благодаря доступности интернет-среды произошла замена традиционных источников удовлетворения и регулирования потребностей	195	65,0
2	Появились новые источники удовлетворения потребностей, в том числе виртуальные	188	62,67
3	Интернет выступил одним из главных источников формирования потребительского поведения;	136	45,33
4	Усиление роли власти в определении и регулировании потребностей посредством технологий цифровизации;	114	38,0
5	Произошел дисбаланс в структуре материальных и духовных потребностей	93	31,0
6	Формирование новых потребительских страхов	90	30,0
7	Изменение положения ведущих субъектов влияния на потребительское поведение в интернет-среде	78	26,0
8	Затрудняюсь ответить	15	5,0
9	Все вышеперечисленное	13	4,33
10	Всего	922	100

Подводя итоги всему вышесказанному, важно отметить, что роль экспертных платформ в изучении динамики потребительского поведения в интернет-среде является одной из самых важных. На мнению экспертов основываются производители товаров и услуг, что позволяет им наиболее эффективно распространять собственную продукцию (товары, услуги), оказывая влияние на потребителя и его желания. Потребительское поведение в интернет-среде требует глубокого изучения, чем в данный момент занимаются многие исследователи, и что, в итоге, поможет понять, в каком направлении движется его трансформация.

Литература

1. Электронная торговля 2020–2024, прогноз Data Insight. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce2020_2024 (дата обращения: 07.05.2022).

2. Глобальное исследование потребительского поведения за 2020 год: Россия. Трансформация потребителя // Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/materials/globalnoe-issledovanie-potrebitelskogo-povedeniya-za-2020-god-rossiya-transformatsiya-potrebitelya/> (дата обращения: 07.05.2022).

УДК 378

К. А. Головчун, В. А. Хандагурова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЗНАЧИМОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Рассматривается значимость высшего образования среди молодежи. Авторами описаны современные тенденции развития общества и технологии, полученные с помощью образовательных стандартов. Также анализируются различные мнения по поводу необходимости высшего образования среди молодежи.

Ключевые слова: образование, высшее образование, общество, социализация, карьера, молодежь.

K. A. Golovchun, V. A. Khandagurova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPORTANCE OF HIGHER EDUCATION AMONG YOUNG PEOPLE

The article discusses the importance of higher education among young people. The authors describe the current trends in the development of society and technologies obtained with the help of educational standards. Various opinions on the need for higher education among young people are also analyzed.

Keywords: education, higher education, society, socialization, career, youth.

На данный момент в условиях глобализации, разнообразия культурных обществ, постоянно изменяющихся социально-экономических процессов, образование играет большую роль в первую очередь как важнейший институт социализации, который присутствует в жизни каждого человека с самого рождения. Также высшее образование набирает большую популярность, как признак подразделения общества на определенные группы людей. В текущее время высшее образование перестает быть редким явлением, становясь все более доступным. Так, по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, число обучающихся в высших учебных заведениях составляет 4,7 млн человек [4].

Образование как самостоятельный вид деятельности существует с древних времен. Это объясняется тем, что человек постоянно нуждается в повышении уровня своих знаний и умений. Образовательная сфера постоянно направлена на развитие по причине быстро сменяющихся условий внешней среды. Под образованием принято понимать процесс и результат овладения человеком определенной системы знаний, умений и навыков, которые необходимы для нормального функционирования человека в обществе и выполнения определенного функционала [2]. Образование определяет в себе представления о социально-значимых функциях человека, которые приняты в обществе в текущий период времени. Именно эти факторы определяют сущность образовательных процессов, как системы, так как от них зависит совокупность социального опыта, который, в свою очередь, необходим будущему поколению для эффективного функционирования в обществе.

Высшее образование гарантирует теоретическую и научную базу, профессиональную и практическую подготовку, что позволяет человеку получить качественное образование, соответствующее его интересам и способностям. Так, по мнению Б. Маджидова и С. Б. Бобоева, современное высшее образование формирует в личности нравственность, что позволяет студентам быстрее и легче адаптироваться в трудных ситуациях. Также образовательный процесс способствует развитию таких качеств личности, как уважительное отношение к себе и окружающему себя социуму и миру, устойчивое мировоззрение и признание ценности [2].

Нельзя не упомянуть влияние высшего образования на технический прогресс, конкретно, возрастающий из года в год спрос на высококвалифицированных работников, способных начать трудовую деятельность сразу после окончания учебного заведения [1]. Ни для кого не секрет, что в современном обществе большинство интеллектуальных профессий требуют обязательного высшего образования, поскольку общество не способно стоять на месте, человечество постоянно находится в движении, становясь новаторами в тех или иных сферах жизни и открывая новые возможности. Будущее развитие стран и государств, в большей степени, зависят от уровня системы высшего образования, так как вследствие развития технологий внедряются различные инновации, влекущие за собой модернизацию образовательной системы вузов.

Несмотря на влияние высшего образования в современном мире, существуют споры в его необходимости среди молодежи. Те, кто выступают за необходимость получить высшее образование, считают, что высшее образование является неотъемлемой частью жизни человека. Ведь вуз обеспечивает социализацию, социальную адаптацию и сформированность человека, как личности. Следовательно, в будущем человеку будет легче выстраивать свою карьеру в крупных компаниях и не только. Сторонники, которые выступают против высшего образования, убеждены в том, что высшее образование – это лишь формальность, так как достичь высот можно и без диплома. С развитием технологий стало доступно самообразование, которое помогает приобрести любой уровень образования. Но такое мнение обуславливается лишь тем, что некоторые специальности перестают быть востребованными и специалистам приходится работать не по своей специальности [3].

Таким образом, роль образования в жизни молодежи весьма значительна, поскольку является важнейшим агентом социализации наряду с семьей, церковью, школой и др. профессиональными организациями, помимо этого является одним из главных каналов социальной мобильности, выстраивая отправную точку карьеры для молодого выпускника. Также

высшее образование наряду с семейным воспитанием и окружающей средой человека способно влиять на формирование ярких личностных качеств, ценностных ориентаций в целом способствует развитию общего мышления и разработке новых целей, стремлений и путей их реализации.

Ведь во многом, ввиду степени образованности у человека, формируются различные жизненные взгляды, осознанные цели и потребности, новые пределы самосовершенствования и появляется ценный опыт, который не предстает возможным приобрести в обыденной жизни.

Литература

1. Коваленко Л. В. Система высшего образования как главный ресурс инновационного развития общества // Концепт. 2020. № 8. С. 43–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-vysshego-obrazovaniya-kak-glavnyy-resurs-innovatsionnogo-razvitiya-obschestva>.
2. Маджидова Б., Бобоева С. Б. Роль образования в формировании нравственных качеств студенческой молодежи // Вестник педагогического университета. Серия 2, Педагогика и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. 2020. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-v-formirovani-nravstvennyh-kachestv-studencheskoj-molodyozhi>.
3. Яковлева А. Ю., Клейменова Н. Л., Орловцева О. А. Роль высшего образования в современном обществе // Образование. Наука. Карьера : сб. науч. ст. Междунар. науч.-метод. конф. Курск, 24 янв. 2018 г. : в 2 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Унив. кн., 2018. С. 281–282.
4. Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobmauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatel>.

УДК 316.46

Д. Д. Голубь, А. С. Захарова, Е. А. Тестова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИДЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается понятие «лидер» и его наиболее важные качества. Проведен анализ предполагаемых современных лидеров Иркутской области.

Ключевые слова: лидер, индивид, личность, типологии лидерства, личностные качества.

D. D. Golub, A. S. Zakharova, E. A. Testova
Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN TYPOLOGY OF LEADERS (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

This article describes and analyzes the concept of a leader as such from different sides, represented by various figures of their time. Based on the analysis, the most important qualities that are applicable in modern times are highlighted. The authors of the work carried out an analysis of the alleged modern leaders of the Irkutsk region.

Keywords: leader, individual, personality, leadership typologies, personal qualities.

Понятие «лидер» рассматривается и трактуется в разных науках согласно имеющимся специфичным отличительным чертам. Для того чтобы вывести одно полное и объективное понятие с опорой на мнения общепризнанных деятелей в различных сферах науки, мы проанализируем их труды, в которых так или иначе рассматривается понятие лидер. Выбор лидера является одним из самых злостных социально-психологических процессов современности.

Многие гуманитарные науки берут своё начало из философии. Одним из первых именитых философов стал Н. Макиавелли. Макиавелли Никколо ли Бернардо – итальянский мыслитель, философ и политический деятель, в своё время оказавший большой вклад в основы психологии [1, с. 97]. Во Флоренции имел должность секретаря второй канцелярии, занимался и курировал дипломатические связи республики, а также являлся автором большого

количества теоретических трудов. Следовательно, из-за занимаемой им должности, в основу лидерства Макиавелли вкладывал ориентацию на власть, выражающуюся в виде получения богатства и привилегий. Данная ориентация свойственна каждому индивиду, независимо от личных достоинств или недостатков, а также воли и сознания. Однако в достижении власти важную роль играет не только стремление, но и знание психологии людей, особенности их образа мыслей и их нравственные принципы.

В своих работах Н. Макиавелли писал, что базисом поведения людей служат два мотива – страх и любовь, которые лучше всего сочетать в совокупности для достижения власти [7, с. 23]. Соблюдать баланс необходимо для того, чтобы один мотив не преобладал над другим, и лидер не потерял свой авторитет и позицию власти.

Психология и философия – взаимодополняющие друг друга науки, которые занимаются изучением человека, его разума и поведения. В то время как философия изучает вопросы природы и дальнейшей жизни, психология работает с поведением человека и его умом. В изучении последнего вопроса преуспел Сигизмунд Шломо Фрейд (Зигмунд Фрейд) – австрийский психолог, психоаналитик и психиатр. Фрейд приобрёл известность как основатель психоанализа, оказав большое влияние на большинство научных сфер XX века. В своей работе «Psychology and the Analysis of the Ego» он размышлял, что любая группа обладает инстинктивной потребностью в лидере, чьи личностные качества доминируют над качествами группы. З. Фрейд также отмечал, что отношения между лидером и последователями основаны на эмоциональной привязанности. Такую эмоциональную привязанность испытывает ребёнок по отношению к своим родителям, где родители – лидеры, а ребёнок – последователь [2, с. 45]. Таким образом, в основе лидерства, по мнению З. Фрейда, лежит способность притягивать к себе людей, вызывать бессознательно чувство восторга, обожания и любви по отношению к лидеру.

Психология является не только наукой, но и инструментом, с помощью которого лидер влияет на свой электорат, понимает его, а также манипулирует им. Использование таких инструментов в политике изучал американский политолог – Гарольд Дуайт Лассуэлл. Он являлся одним из основоположников современной политологии и был теоретиком междисциплинарного подхода к исследованию поведения личности в различных сферах деятельности [9]. Г. Лассуэлл сформулировал следующее понятие о политическом лидере. Политический лидер – это человек, способный менять направление политических процессов и являющийся лицом группы, чьи интересы он успешно претворяет в жизнь с помощью своих политических привилегий. Истинный политический лидер удерживает и совершенствует политическую власть, способствует мобилизации и организации масс к достижению определённых общественно-значимых идей.

Политика и политология тесно взаимосвязаны между собой, а также взаимосвязаны с социологией, и, в совокупности они все дают полную картину общества, рассматривая его с разных сторон. Большой вклад в социологию как в науку внёс Максимилиан Карл Эмиль Вебер – немецкий социолог, философ, историк, политический экономист. Вебер понимал под лидерством авторитетное, властное руководство, заключающееся в способности отдавать приказы и вызывать повиновение [8, с. 23]. В качестве основания одной из первых типологии лидеров он опирался на «авторитет» и выделял следующие типы, в зависимости от получения авторитета:

1. Традиционное лидерство характерно для доиндустриального общества и основано на вере в традиции, которые подразумевают переход власти из поколения в поколения при условии благородного происхождения и принадлежности к элите.

2. Рационально-легальное лидерство присуще индустриальному обществу и основано на установленном законом порядке. Рационально-легальное лидерство возникает в том случае, когда пост лидера приобретает в соответствии с законными бюрократическими структурами и закреплёнными правилами.

3. Харизматическое лидерство может проявляться в любом из типов обществ, а также основано на принятии и уважении исключительно личностных качеств индивида, перерас-

тающих в культ личности. Харизматическое лидерство имеет место в критических ситуациях и, как только социальная система стабилизируется, принимает вид традиционного или рационально-легального лидерства.

В отличие от М. Вебера, Г. Ласуэлл ориентировался на психологию и психическое развитие политика, выделяя три типа лидерства: теоретик, агитатор, организатор. Лидерство агитатора основывается на эмоциональной составляющей аудитории. Г. Ласуэлл писал: «Неотъемлемая черта агитатора – стремление добиться эмоционального отклика публики, что представляет для него наивысшую ценность» [9, с. 223]. Таким образом, главными инструментами агитатора являются вербальные и не вербальные жесты, риторика, эмоции и др. Однако администраторские функции вызывают у агитатора гнетущее напряжение и тревожность. Лидерство организатора сконцентрировано на отдельных объектах и манипуляциях определенной группой. Эмоциональная составляющая играет менее важную роль для лидера-организатора, что вследствие выражается в спокойствии и лояльности индивида.

Юнг, в свою очередь, являясь последователем Зигмунда Фрейда, предложил следующую типологию лидерства, базирующуюся на основах психологии личности:

1) «соверен» – строгий, но любимый всеми отец, способный искоренить негативные эмоции и заставить людей верить в себя (такого лидера почитают и уважают);

2) «вожак» – носитель групповых стандартов, отражающий желания и интересы группы через свои действия (лидеру «вожаку» стремятся подражать);

3) «тиран» – доминант и авторитет в группе, чье поведение базируется на внушении страха и желании повиновения всем членам группы (такого лидера боятся и беспрекословно подчиняются ему);

4) «организатор» является силой, поддержкой «Я-концепции» каждого члена группы, его деятельность направлена на удовлетворение потребностей каждой личности в отдельности (такого лидера благодарят и уважают);

5) «соблазнитель» базируется на слабостях, с помощью которых способствует эмоциональному очищению индивидов, давая выход их негативным эмоциям и снимая их напряжение (такого лидера обожают и часто не замечают его недостатки);

6) «герой» идет на жертвы ради членов группы, проявляя храбрость и становясь стандартом справедливости (люди следуют за таким лидером и стараются также подражать ему);

7) «кумир» в силу своих личностных харизматических качеств влечет и притягивает окружение («кумира» любят, боготворят и идеализируют);

8) «изгой» и «козел отпущения» – антилидеры, собирающие вокруг себя негативно настроенных людей, чья деятельность направлена на борьбу и уничтожение этих антилидеров (к таким лидерам относятся враждебно, без уважения и почитания) [5, с. 156].

Н. Макиавелли формировал характер лидера из связи «правитель – подданные». Хороший лидер сочетает качества льва (силу и честность) и качества лисицы (мистику и искусное притворство). Такой лидер имеет и прирожденные, и приобретенные качества.

В современных реалиях понятие лидер воспринимается обществом немного иначе в силу различных изменений в сознании людей, их привычках и ценностях. Большинство опросов демонстрируют малое использование лидерами в процессе работы их сильных сторон, согласно исследованиям они в целом не прикладывают усилий для их развития. Об этом заявил Алексей Улановский на II конференции НИУ ВШЭ «Психоанализ и бизнес: HR Практики: развитие или адаптации организации в период кризиса».

В условиях пандемии COVID-19 некоторые лидеры покинули общественные онлайн площадки в силу невозможности реализовать те или иные качества. В своих научных исследованиях Д. Г. Трунов, Ю. В. Перовщикова и К. Брюзов пишут о психологических и личностных качествах, которыми должен обладать современный лидер: уверенность в себе, острый ум, компетентность в своём деле, сила воли, наличие навыков понимания психологии людей, организаторские способности, а также умение выбирать цели и средства к их достижению [10]. Чтобы выявить личностные и психологические качества лидера, востребованные в условиях пандемии, чьей особенностью является дистанционный формат, обратимся к со-

циальной сети для обмена и оценки фотографий и коротких видеороликов – «Instagram». Сделать это можно, используя следующий перечень критериев, самостоятельно подобранных для анализа страниц публичных личностей города Иркутска:

1) навык побуждения подписчиков к обратной реакции с помощью качественно написанных публикаций (сопоставление количества комментариев с количеством подписчиков для анализа умения использовать психологическое воздействие на аудиторию для достижения определённой цели);

2) количество развлекательного и побуждающего контента (анализ контента для определения позиционирования медийной личности);

3) реакция подписчиков на контент до и после пандемии (анализ количества комментариев до и после пандемии для выявления уровня адаптации к информационному пространству).

Авторы исследования спроецировали теоретическую часть работы на некоторых предполагаемых лидерах Иркутской области. Для более объективного вывода по первому критерию была взята такая медийная личность из социальной сети Instagram, как Гусейн Гасанов. Так как его основная активная аудитория находится в этой сети, на основе его процентных показателей был установлен эталонный показатель отношения активной аудитории (количество комментариев) к количеству подписчиков. На основе этих данных были проанализированы следующие лидеры:

Игорь Бялоус:

1. Показатель навыка побуждения подписчиков к обратной реакции с помощью качественно написанных публикаций у блогера Игоря Бялуса равняется 0,3 % – соотношение комментариев к количеству подписчиков. В сравнении с эталоном, можно утверждать, что данный показатель имеет уровень выше среднего – это показывает его высокий уровень адаптации к информационному пространству в период пандемии.

2. Соотношение количества развлекательного к побуждающему контенту составляет до пандемии – 5:5, после – 3:7. Из данной статистики видно, что количество развлекательного контента увеличилось. Также количество комментариев побуждающего контента по отношению к развлекательному составило 108:407, что свидетельствует о заинтересованности публики в развлекательном контенте.

3. Соотношение реакции подписчиков на контент до и после пандемии составляет – 93:422. Активная аудитория после пандемии возросла в соответствии с увеличением количества публикаций развлекательного характера.

Иван Вильчинский:

1. Показатель навыка побуждения подписчиков к обратной реакции с помощью качественно написанных публикаций у диджея Ивана Вильчинского равняется 0,6 % – соотношение комментариев к количеству подписчиков. В сравнении с эталоном, можно утверждать, что данный показатель имеет уровень выше уровня эталона – это показывает его крайний высокий уровень адаптации к информационному пространству в период пандемии.

2. Соотношение количества развлекательного к побуждающему контенту составляет до пандемии – 4:6, после – 4:6. Из данной статистики видно, что количество развлекательного контента увеличилось. Также, количество комментариев побуждающего контента по отношению к развлекательному составило – 708:613, что свидетельствует об отсутствии изменений в заинтересованности публики в развлекательном или побудительном контенте.

3. Соотношение реакции подписчиков на контент до и после пандемии составляет – 172:1149. Активная аудитория после пандемии возросла в соответствии с увеличением количества публикаций развлекательного характера.

Павел Смелов:

Показатель навыка побуждения подписчиков к обратной реакции с помощью качественно написанных публикаций у телеведущего Павла Смелова равняется 0,07 % – соотношение комментариев к количеству подписчиков. В сравнении с эталоном можно утверждать, что данный показатель имеет уровень ниже среднего – это показывает его низкий уровень адаптации к информационному пространству в период пандемии.

2. Соотношение количества развлекательного к побуждающему контенту составляет до пандемии – 5:5, после – 5:5. Из данной статистики видно, что количество развлекательного контента осталось неизменным. Также, количество комментариев побуждающего контента по отношению к развлекательному составило – 318:199, что свидетельствует об отсутствии изменений в заинтересованности публики в развлекательном или побудительном контенте.

3. Соотношение реакции подписчиков на контент до и после пандемии составляет – 226:291. Активная аудитория после пандемии значительно не изменилась.

Видно, что понятие лидер интерпретируется и трактуется по-разному в соответствии с характерными особенностями той или иной науки, в рамках которой рассматривается данное понятие. С течением времени менялось мировоззрение, привычки, принципы и интересы общества, соответственно, и менялись некоторые аспекты в различных областях науки.

Таким образом, настоящий лидер в социальных группах и по сей день является востребованным, изменился только перечень качеств, которые в себе он должен сочетать – некоторые качества стали менее востребованы в условиях современных реалий, а некоторые более. Чтобы выявить, какие качества являются более востребованными в настоящее время в условиях пандемии в сравнении с некоторыми периодами истории, основываясь на деятелях, что изучали лидеров своего времени, для определения особенностей нашего времени был проведён анализ в социальной сети для обмена и оценки фотографий и коротких видеороликов среди известных медийных личностей города Иркутска.

Для сравнения были выбраны критерии, которые привязаны к лидерским качествам, а именно: навык побуждения подписчиков к обратной реакции с помощью качественно написанных публикаций, количество развлекательного и побуждающего контента, реакция подписчиков на контент до и после пандемии – удалось выяснить, что в период пандемии более востребованными стали следующие личностные качества лидеров: умение использовать психологическое воздействие на аудиторию для достижения определённой цели; высокий уровень адаптации в информационном пространстве; а также способность предоставить аудитории информацию в интересном развлекательном формате.

Литература

1. Авдеев П. С. Руководство и лидерство: теоретико-сравнительный анализ понятий // Экономика и управление : науч.-практ. журн. 2016. № 4 (132). С. 94–100. URL: <https://docplayer.ru/31198400-Rukovodstvo-i-liderstvo-teoretiko-sravnitelnyy-analiz-ponyatiy.html> (дата обращения: 14.03.2022).
2. Бендас Т. В. Психология лидерства : учеб. пособие. СПб, 2009. 442 с. URL: <https://klex.ru/qi8> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Корытов В. В. Лидерство и руководство: основные тенденции становления и развития проблематики // Психологическая наука и образование. 2010. URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 14.03.2022).
4. Менегетти А. Психология лидера : пер. с итал. Изд. 4-е, доп. М. : ННБФ «Онтопсихология», 2004. 256 с. URL: http://am.in.ua/files/Psihologiya_%20lidera.pdf (дата обращения: 25.03.2022).
5. Основные теории лидерства // Официальный сайт школы ораторского искусства Владимира Н. «Харизма». URL: <https://blog.oratorskoeiskusstvo.com/liderstvo/teorii-liderstva.html> (дата обращения: 25.03.2022).
6. Макиавелли Н. Государь : электрон. кн. 1515. URL: https://librebook.me/the_prince/vol1/27?mtr (дата обращения: 25.03.2022).
7. Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. 2008. С. 31.
8. Короткова Н. В. Концепция политической власти Г. Д. Лассуэлла. М., 1999. с. 170 с.
9. Современные исследования развивают мифы о лидерстве // Офф. сайт научно-образовательного портала IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665833.html> (дата обращения: 14.03.2022).
10. Трунов Д. Г. Феномен харизматического лидерства // Философия социальных коммуникаций. 2009. № 2. С. 55–62.

ТРУДОУСТРОЙСТВО И ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Рассматриваются проблемы в сфере трудоустройства молодежи. Автор анализирует статистические показатели занятости молодых людей, делает вывод о негативной динамике занятости среди молодых людей в России. Проведен анализ результатов двух экспертных опросов по вопросам трудоустройства молодежи, автор находит в ответах экспертов поддержку содействию в реализации инициатив молодых людей, особенно в кризисных ситуациях.

Ключевые слова: молодежь, трудоустройство, занятость, рынок труда, работодатель, тревожность, напряженность, кризис.

К. Е. Gritskikh

Irkutsk State University, Irkutsk

EMPLOYMENT AND YOUTH EMPLOYMENT AS A PRIORITY DIRECTION OF STATE POLICY IN RUSSIA: TO THE DETERMINATION OF THE EXPERT ASSESSMENT

The article deals with the problems in the field of youth employment. The author analyzes the statistical indicators of the employment of young people, draws a conclusion about the negative dynamics of employment among young people in Russia. This article analyzes two expert surveys on youth employment issues, the author finds in the answers of experts support for assistance in the implementation of initiatives, especially in crisis situations.

Keywords: youth, employment, employment, labor market, employer, anxiety, tension, crisis.

В современных условиях рынка труда проблема трудоустройства молодежи приобретает все большую актуальность. Молодежь среди прочих претендентов на вакантные места выделяется своими социальными, демографическими и психологическими особенностями. По этой причине молодые люди нередко вызывают противоречивые чувства у работодателя, обусловленные с одной стороны повышенной энергичностью, инициативностью, высокими амбициями, быстрой обучаемостью, а с другой – отсутствием опыта работы в команде, отсутствием отдельных компетенций и неспособностью к многозадачности, приобретаемых со временем и профессиональным опытом.

На сегодняшний день занятость молодежи не отличается высокими показателями. В этом можно убедиться, обратившись к данным сборника «Рабочая сила, занятость и безработица в России» Росстата за 2020 г. [4]. Динамика структуры занятой молодежи по возрастным группам такова, что с 2017 по 2019 г. наблюдается спад занятости среди молодых людей. Не меняется показатель для лиц в возрасте с 15 до 19 лет и составляет 0,5 %, в возрастной группе от 20 до 24 лет процент занятых упал с 5,7 до 5,0 %, в возрастной группе от 25 до 29 лет процент занятой молодежи снизился с 14,4 до 12,9 %, однако в возрастной группе от 30 до 34 лет процент занятости увеличился с 14,5 до 15,3 % [4]. Интересно отметить, что при дифференциации занятой молодежи по уровню образования, можно наблюдать обратную пропорциональность: чем выше уровень образования молодежи и младше возраст, тем меньше процент занятости и наоборот (с 15 до 19 лет – 0,2 % занятых с высшим образованием, с 30 до 34 лет – 41,0 %, в то время как занятая молодежь, имеющая только основное общее образование с 15 до 19 лет – 29,7 %, с 30 до 34 лет – 3,5 % [4]. Таким образом, рассмотренные данные статистики позволяют сделать вывод о том, что наблюдается негативная динамика занятости молодежи в России.

Обратимся к результатам экспертного опроса, проведенного доктором социологических наук, профессором РАНХИГС Е. П. Тавокиным на тему «Российская молодежь на рынке труда в оценках экспертов», целью которого было определение оценки конкурентоспособности трудового потенциала молодежи [2]. В исследовании приняли участие

20 экспертов: директор по персоналу, топ-менеджер, владелец бизнеса, начальник отдела кадров, HR-специалист и др.

Характеризуя состояние рынка труда и уровень возможностей молодежи в целом, эксперты отмечают его противоречивость, которая, по их мнению, обусловлена предыдущим характером функционирования экономики России. Это означает, что, по мнению экспертов, производительные отрасли, особенно высокотехнологичное производство, было сокращены и практически уничтожено. Эксперты полагают, что рынок труда уже на 85 % – 90 % состоит из непроизводительных секторов, сферы услуг. Сложилась тенденция, при которой выпускники вузов составляют перекошенную сферу подготовки кадров: 90 % специалистов данной системы ориентированы на работу в офисе и в сфере услуг. Можно предположить, что опасность этой ситуации особенно актуально проявляет себя в кризисных условиях. В ситуации, например, с санкциями при возникновении необходимости в организации отечественного производства товаров и изделий, попавших под санкции, различные профессии, которые были в топе трудовой ориентации абитуриентов 2015–2016 гг., – экономисты, менеджеры, финансисты, юристы и другие «специалисты», составляющие настоящий рынок рабочей силы, эту проблему решить оказались не в состоянии. Адаптивность системы образования под кризисные требования и условия трудовой ориентации можно назвать отстающей. Об этом свидетельствуют оценки экспертов в отношении профессионализма выпускников вузов и компетентности вузов, готовящих специалистов. Частично данную проблему можно решить посредством сотрудничества вузов с потенциальными работодателями. На сегодняшний день данная практика становится популярнее, набирают актуальность целевые программы и проекты по трудоустройству активной молодежи, однако в целом эксперты оценивают сотрудничество образовательных учреждений и работодателей невысоко. Кроме того, среди работодателей можно наблюдать в принципе недоверие к системе образования, которая сложилась в последние пару десятилетий. При этом подавляющее большинство (90 %) работодателей согласилось с тем, что ситуация с трудовой занятостью молодежи сложная и нуждается в улучшении. Можно сказать, что существует имиджевая проблема восприятия уровня и направления образования среди потенциальных работников – представителей молодежной среды [2]. Эксперты отмечают, что необходимым условием для эффективного трудоустройства, дальнейшего развития трудовых компетенций и повышения квалификаций выступает активное стремление к этому. Именно активное желание есть главный ключ к продвижению молодых людей в профессиональной среде. Эксперты полностью поддерживают государственные программы и инициативы по содействию в трудоустройстве молодых людей в России. Среди стратегий государственного регулирования рынка труда экспертами были выделены следующие: субсидирование занятости, предусматривающие стимулы для работодателей; программы по содействию самозанятости молодежи и прямые государственные программы по созданию рабочих мест.

В 2020 г. мощнейшим социально-экономическим кризисом стала пандемия коронавируса. Обратимся к результатам экспертного опроса «Коронакризис: молодежь и власть», проведенного 2 июня 2020 г. совместно такими организациями, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Российская ассоциация политконсультантов (РАПК) и федеральная экспертная сеть «Клуб регионов» [3]. По мнению экспертов, пандемия стала знаковым кризисом с огромным количеством вызовов, которые молодежь была вынуждена эффективно и оперативно преодолевать. Однако в связи со стремительным распространением коронавирусной инфекции и неготовностью молодежи к адаптации к новым условиям социальной реальности, молодые люди впали в состояние тревожности и напряженности. Наиболее ощутимы для молодых людей стали экономические трудности. Особенно острой стала проблема трудоустройства. Известно, что малый и средний бизнес серьезно пострадали в ковидное и постковидное время, большие финансовые сложности испытали сферы торговли, общественного питания, туризма, в которых молодежь в основном была занята. На фоне этого, по мнению экспертов, молодежь стала отрешенной, склонной к агрессии, обреченности и выгоранию.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что молодежь действительно испытывает сложности, связанные с трудоустройством, все больше и больше молодых людей в России не могут найти работу. На сегодняшний день эта проблема приобрела такую актуальность, что стала занимать приоритетные направления деятельности в молодежной политике. Вторичный анализ экспертного опроса показал, что следующие проблемы на молодежном рынке труда обусловлены, во-первых, чрезмерной амбициозностью современной молодежи, которая проявляется в их желании при трудоустройстве сразу занять высокий пост и получать высокую заработную плату. Во-вторых, осложняет процесс трудоустройства молодежи недоверие работодателей к молодым специалистам, как к профессионалам, низкая подготовка молодежи, отсутствие опыта. В-третьих, большинство молодых людей по окончании учебы оказываются абсолютно не подготовленными к трудовой жизни. Это связано с тем, что в рамках современных образовательных программ идет общая профессиональная подготовка специалистов, направленная на то, чтобы выпускники имели возможность трудоустроиться по ряду смежных профессий (что должно повысить шансы их успешного трудоустройства), и предполагающая в основном широкое практико-ориентированное обучение. Однако при этом выпускники профессиональных учебных заведений не могут устроиться на работу в связи с отсутствием необходимых для работы по специальности практических умений и навыков. Трудоустроившиеся же выпускники отличаются неумением применять полученные профессиональные знания на практике.

Кроме того, следует отметить, что в результате другого вторичного анализа данных экспертного опроса, проведенного ВЦИОМ, было выявлено, что кризисные ситуации могут усугублять проблемы трудоустройства молодых специалистов, и, как следствие, негативно сказываться на психическом здоровье и эмоциональном состоянии молодежи. Особое внимание эксперты уделяют необходимости смягчения социального напряжения среди российской молодежи и поощрения инициатив. По их мнению, способствовать занятости молодежи должны государственные и муниципальные органы, бизнес структуры, сами работодатели и т. д. Необходимо расширять механизмы молодежного участия в общественной жизни, что будет способствовать укреплению имеющихся коммуникационных связей и каналов взаимодействия общественных палат регионов с органами местного самоуправления, бизнес сообществом, общественными организациями и другими субъектами регионального развития. Доктор социологических наук, профессор ИГУ Т. И. Грабельных отмечает, что включение активных групп экспертов в общественные органы позволит более последовательно реализовывать современную стратегию общественно – государственного партнерства в России [1]. Нельзя не согласиться с данным мнением, так как в современных условиях постоянно изменяющейся динамичной трудовой среды при трудоустройстве молодежи необходима поддержка, чтобы всякого рода трудности, имеющиеся у молодых специалистов, были минимизированы.

Литература

1. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2017. № 1 (24). С. 25–28.
2. Таворкин Е. П. Российская молодежь на рынке труда в оценках экспертов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 175–184.
3. Коронакризис: молодежь и власть – недоверие и непонимание // Результаты экспертной онлайн-панели по общероссийскому опросу ВЦИОМ. Вып. 6. М., 2020. 40 с.
4. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Статистический сборник (по результатам выборочных обследований рабочей силы) / Росстат. М., 2020. 145 с.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ РЫНКА КОНТРАФАКТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ В РОССИИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Изучается специфика формирования рынка контрафактного распространения в России. С позиции теории институциональных матриц проводится анализ взаимосвязи различных форм экономических институтов, а также устанавливаются пути регулирования рынка для исправления искаженного восприятия контрафакта у россиян.

Ключевые слова: контрафакт, интернет-пиратство, цифровой труд, параллельный импорт, социальное развитие, экономическое развитие.

A. A. Dmitrieva

Irkutsk State University, Irkutsk

FACTORS OF DISTORTED PERCEPTION OF THE COUNTERFEIT DISTRIBUTION MARKET IN RUSSIA

The article discusses the factors of the formation of the counterfeit distribution market in Russia. From the standpoint of the theory of institutional matrices, the analysis of the interaction of various forms of economic institutions is given, and the ways of market regulation are also established to correct the distorted perception of counterfeit among Russians.

Keywords: counterfeit, Internet piracy, digital labor, parallel import, social development, economic development

Экономическое поведение людей, как специфическая категория экономической социологии, в условиях кризиса характеризует общественные интересы людей и различных социальных групп. Оно также отражает ценностные ориентиры, которые, в свою очередь, задает структура экономических институтов. Социологи при анализе рынка определяют детерминанты для дальнейшего его развития и оптимизации рыночной модели, покупательской способности и портрета покупателя как такового. Анализ наиболее распространенной модели экономического поведения позволяет сделать выводы не только о социальных трансформациях подобного рода явлений, но и то, каким конкретным образом эти явления отражаются на когнитивном уровне понимания, который определяет особенности восприятия.

По данному фактору можно сделать некоторые заключения об отношении россиян к контрафактному рынку распространения. На сегодняшний день наиболее распространенной моделью экономического поведения в интернете является потребление именно контрафактного контента. Но, как показывают опросы ВЦИОМ, в подавляющем числе случаев это не осознается нашими гражданами: «...почти половина участников опроса (47 %) думает, что после того, как фильмы, музыка или книги попали в интернет, их авторы уже не вправе запрещать людям бесплатно обмениваться ими» [6].

Что касается аналогового распространения контрафактной продукции, то еще с 1990-х гг. в России был очень высокий спрос на товары без товарного знака. Общая тенденция, характеризующая экономическую модель поведения россиян, игнорирующую авторские права, складывается на основе двух факторов: плохого понимания зарубежными компаниями российский сегмент рынка и низкая работа с ним в целом, а также очень активная и продуктивная работа со стороны интернет-пиратов и поставщиков аналогового контрафактного импорта.

В совокупности эти два фактора формирования контрафактного рынка распространения серьезно сказались на экономическом портрете россиян как потребителей. Отсутствие адекватной модели лицензионного распространения побуждает, за неимением удовлетворяющей альтернативы, воспринимать контрафактное распространение как нормальное и допустимое. «Социальные рамки», которые должны определять в данном случае институты экономической системы, регулируются недостаточно эффективно. Характер отношений между

потребителем и владельцем товара или услуги, который сложился на основе института собственности, требует пристального внимания со стороны экспертов.

Активное регулирование частной интеллектуальной собственности в цифровой среде начало набирать обороты сравнительно недавно. Распространение контрафакта на цифровом рынке в России начало замедляться благодаря действиям Роскомнадзора на попрание авторских прав. Но данные достижения по трансформации экономической модели поведения россиян и социальных регуляторов, влияющих на экономическое развитие, сегодня находятся в опасном положении, которое может привести к откату интернализации социальной ответственности относительно цифрового интеллектуального труда и социально-экономического поведения в цифровой сфере. Данный прогноз не утешителен, ведь искажения в функционировании институциональных форм сказываются на системе институтов, в целом.

С другой стороны, справедлив тезис, которого придерживаются социологи Г. А. Меньшикова и М. В. Павленкова: «...обществу нельзя навязать институты, ему не присущие, невозможно субъективным образом заменить один институт другим, пусть даже обнаружившим свою эффективность в другой стране. Здесь необходимы исторические, культурные, материально-технические предпосылки» [3]. Именно поэтому резкие трансформации в данном вопросе тоже нельзя назвать оптимальной стратегией. В качестве решения данной социальной проблемы необходимо проанализировать её с точки зрения подхода, ставящего в центральную позицию особенности институциональных форм в РФ.

В российском постсоветском институционализме существует два основных методологических подхода. С одной стороны, развитие институционализма в российской экономической науке было связано с освоением зарубежных концепций. В рамках данного подхода работали И. Н. Макаров, Р. М. Нуреев, А. Н. Олейник. С другой стороны, есть институциональный подход, который формировался на основе социологических исследований в политической экономии. Данный методологический подход рассматривает С. Г. Кирдина, российский социолог и экономист, а также заведующая сектором эволюции социально-экономических систем в Институте экономики РАН.

Свою концепцию С. Г. Кирдина называет теорией институциональных матриц. В её концепции «институциональная структура состоит из набора определенных базовых, которые закладывают исторически сложившийся фундамент социальных отношений взаимоотношений, и альтернативных институтов, которые, в свою очередь, также именуется институциональной формой. Альтернативные институциональные формы, как правило, развиваются общественно не контролируемым способом, чаще всего посредством средств теневой экономики.

Культуру интернет-пиратства вполне можно считать альтернативным институтом, а значит и институционально формой, поскольку она является важнейшим этапом становления массовой культуры в России. Про взаимосвязь альтернативных институтов с базовыми институтами, которые появляются преимущественно в кризисные для общества ситуации, С. Г. Кирдина пишет: «Институциональные обмены содействуют модернизации институциональной среды и приведению ее в соответствие с изменяющимися внешними и внутренними условиями» [2]. Она фундаментально отразилась на формировании смежных форм экономических институтов. Возможность бесплатного и безнаказанного обогащения стала формировать аспекты портрета покупателя, которые не вписывались в цифровой рынок. Владельцы цифрового продукта были вынуждены вводить более позитивные нормы и условия для собственной окупаемости именно из-за учета данной среды распространения контента. Данная проблема непонимания, как должна регулироваться цифровая среда, была рассмотрена автором ранее. Анализ процесса интернализации социальной ответственности в сфере контрафактного распространения через интернет-ресурсы позволил сделать вывод, что люди не просто не хотят, они не могут принять правила цифровой среды из-за социальных условий в РФ и мнения общественности в целом. Во-первых, среднестатистическому россиянину подписка кажется дорогим удовольствием. Только четверть готова её оплачивать («от 300 (10 %) до 500 (15 %) руб., 350 руб. – 1 %, 400 руб. – 2 %». Еще 8 % назвали допустимой за подписку

сумму в размере 200 руб.» [7]). Во-вторых, интернализация социальной ответственности гражданами РФ относительно кражи оцифрованных продуктов деятельности не достигает необходимого уровня, причины чего «лежат в глубинных когнитивных искажениях мышления»; «Лицензии на когнитивном уровне принимаются массами как попытка отобрать реальность» [1].

Владельцы цифровых бизнесов пытаются убедить пользователей Всемирной паутины, что контрафактная деятельность – это огромная экономическая угроза. Но ущерб, который приносят интернет-пираты, окупается из-за распространения контента не только для платежеспособной аудитории, но и для той, которая не обладает возможностью покупки. Особенно это касается детей и подростков, которые являются главной целевой аудиторией цифрового рынка в развлекательном сегменте. Именно из таких потребителей контрафактного контента в итоге появляются люди иного экономического портрета: те, что уважают цифровой труд, ведь уже знакомы с его продуктами. Такой покупатель, ощущая социальную ответственность перед автором, с большей вероятностью приобретет подписку на тот или иной сервис. Подобные махинации также являются одним из источников для подрыва доверия между потребителем и лицензиатом.

Многие пользователи утратили веру в легальный контент из-за множественных махинаций и плохого понимания российского рынка со стороны компаний, предоставляющих лицензионный продукт. Основной трафик для пиратских интернет-ресурсов как неблагоприятно влияющих на общественное мнение относительно цифрового труда, поступает из «Яндекса» и Google. Данные транснациональные компании в отрасли информационных технологий несут тяжелые издержки, что скажется и на пиратском трафике.

Видеохостинг сегодня переживает крайне затруднительный экономический и социальный кризис. Блогеры с Youtube находятся в поисках альтернатив, а стриминговая модель после окончания локдауна сильно теряет свои охваты. Теперь, когда официальный лицензионный продукт утратил контроль, а пиратские сервисы в ожидании замедления интернет-ресурсов, то процесс интернализации социальной ответственности относительно цифрового труда, который наконец-то начал набирать обороты в течение последних лет (отчасти из-за агрессивной политики Роскомнадзора) вынужден будет пребывать в застое ещё продолжительное время.

Только организованное сотрудничество различных моделей видеохостинга может оказать продуктивное влияние на цифровую сферу. Популярные медиаплатформы, которые были разделены, сегодня должны стремиться к взаимовыгодной перспективе объединения площадок. Если стриминговые модели по типу «Окко» и «Кинопоиска» начнут сотрудничать хотя бы на уровне совместной подписочной системы, то это приведет к более широкому охвату аудитории. На проблему с оттоком зрителей стриминговых сервисов могут повлиять решения по сотрудничеству с видеоблогерами, которые потеряли возможность монетизации и ищут новую интернет-площадку. Подобные шаги сегодня необходимы, чтобы не только улучшить среду взаимодействия между потребителями видео – контента и лицензиатами, но и для постепенной трансформации институциональной матрицы.

Видеохостинг, который предлагается автором статьи, может в какой-то степени задать направление для нивелирования факторов искаженного восприятия контрафактного распространения товаров и услуг в РФ. Он не станет монополией контента как такового из-за контрафактной деятельности, а значит, не станет задавливать пользователей высоким ценником на услуги сервиса, но при этом возьмет на себя обязанности как монополиста лицензионного контента. Это сбалансированный подход, который допустим для уровня гибкости институциональной матрицы. Подобный сервис не станет отгораживаться от своих пользователей, будет нести ответственность перед ними. Только в этом случае будет возможен путь для укрепления уровня доверия между пользователями ресурсов и лицензиатами. Процесс единения сферы видеохостинга определенно столкнется с проблемами технического функционала, который в зависимости от площадки, будет сильно нуждаться в различных алгоритмах работы, но условия кризиса могут оказаться тем самым толчком, что позволит видео – кон-

тенту различного формата сосуществовать в рамках одного хостинга и получать от этого различные преимущества.

Что касается той ситуации, в которой Россия находится сегодня (большое количество технологических компаний заявило о своем уходе с рынка), то на этом поприще появился еще один прецедент, который усугубляет положительное отношение россиян к контрафактному цифровому рынку. В связи с этими событиями не так давно рассматривалась инициатива о легализации пиратского ПО. Теперь же появилось официально утвержденное постановление о параллельном импорте [4]. Это значит, что некоторые товары будут завозиться либо нелегальным путем, либо по новому закону о параллельном импорте (он же серый импорт). В перечень продукции для такого способа ввоза попало более 50 групп товаров. Среди них числятся автомобили и комплектующие для них, текстиль, кожаные изделия, одежда, мех, парфюмерия, оборудование, транспорт, механические и электронные устройства.

Меры по стабилизации сложной кризисной ситуации в стране будут непосредственно влиять не только на экономику, но и на общественность. Само восприятие людей может подвергаться тем или иным когнитивным искажениям из-за сложившихся в обществе норм. Институциональные формы, с точки зрения теории об институциональных матрицах, гибки и используются без пространственно-временных ограничений, но их гибкость, благодаря которой происходят положительные социальные трансформации, ровно также может и усугубить существующее когнитивное искажение.

Данные нормативные нововведения, связанные с параллельным импортом, можно назвать протрузией права. Под протрузией права подразумевается явление, «...связанное с негативным влиянием длительно существующих факторов дисгармонии в праве, проявляющееся в существовании совокупности правовых норм (а равно устоявшихся моделей правоприменения и позиций толкования права), по тем или иным причинам некогерентным общему, устоявшемуся, правовому порядку, которое вызывает совокупность негативных последствий в конечном итоге, что приводит к комплексному нарушению правового регулирования» [5].

Протрузия права является опасным для общественности явлением. Если в той или иной норме содержится несоответствующий тем или иным принципам правового регулирования аспект, то его неправомерность напрямую влияет на восприятие соблюдения нормы людьми в обществе. Другими словами, если законно постановить сомнительную модель, то модель экономического человека также может приобрести сомнительную мотивацию и систему выборов, которые люди совершают каждый день. Нельзя назвать ответственными за искаженное восприятие контрафакта самих людей, ведь они действуют в соответствии с той когнитивной установкой, которую приобрели вследствие пережитых социальных условий.

Проблема цифрового интеллектуального труда не просто экономическая задача для правообладателей, это проблема ценностных установок граждан. Как и бизнес – не просто модель экономической деятельности, но еще и источник новых ценностей. Постановление контрафакта, в какой бы среде оно не происходило, является деструктивным для общества явлением. Прогресс по принятию условий потребления лицензионных товаров, который особенно сильно был замечен на фоне развития стриминговых сервисов, но также определенно присутствовал и в иных сферах деятельности, в обязательном порядке должен поддерживаться со стороны исполнительной и законодательной власти.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, идея легализации пиратских ПО и параллельного импорта в негативном ключе влияет на приветственное восприятие каждым россиянином контрафактного рынка распространения. Данная деятельность является незаконной, что в России осознается не всеми гражданами. Только несколько последних лет в данном направлении совершались серьезные продвижения. И главная задача для социологии экономической отрасли эти продвижения сформировать окончательно и направлять общественность по пути интернализации необходимых норм в данном сегменте права. Так можно преодолеть не только когнитивные и искажения, но и выработать необходимые аспекты экономического поведения для создания оптимальных условий гибкой трансформации институциональных форм. Общественность, утратившая доверие к лицензиям, самим компаниям,

СМИ, критикам и официальное разрешение от правительства на контрафактное распространение – всё это является комплексной проблемой для исправления в правовом регулировании, которая с каждым промедлением укрепляет когнитивные искажения в сознании людей. Изменение ситуации же, по теории С. Г. Кирдиной, возможно только в определенных рамках институциональной матрицы. Новые привычки и восприятие формируется у людей на основе институциональных доминант. Никакое радикальное переустройство невозможно, пока не наступит его время, определяемое естественной эволюцией институциональной матрицы. Гибкость институциональных форм, которая сегодня становится фактором для проявления протрузий права, должна использоваться для оптимизирования системы взаимодействия людей и экономического поведения.

Литература

1. Дмитриева А. А. Особенности формирования социальной ответственности в процессе борьбы с интернет-пиратством. URL: http://socio.isu.ru/images/for_news/___-2022.pdf (дата обращения: 27.04.2022).
2. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб. СПб. : Нестор-История, 2014. 468 с. URL: <http://www.kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Меньшикова Г. А., Павленкова М. В., Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России // Социологический журнал. 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirdina-s-g-institutsionalnyye-matritsy-i-razvitiye-rossii-m-teis-2000> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Постановление от 29 марта 2022 г. № 506 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения: 27.04.2022).
5. Тирских М. Г. Протрузия права как правовое явление: сравнительно-правовые аспекты // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protruziya-prava-kak-pravovoe-yavlenie-sravnitelno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 27.04.2022).
6. Заплаты за подписку – смотри спокойно? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zaplati-za-podpisku-smotri-spojno> (дата обращения: 27.04.2022).

УДК 316.356.2(47)

О. А. Жигалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ВОПРОСАМ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается специфика реализации семейной политики в аспекте домашнего насилия, а также роль общественной экспертизы и государственной поддержки в проблемах семьи. Сделан вывод, что в условиях глобальных вызовов и угроз семья нуждается в поддержке, поскольку они разрушительно влияют на ее устойчивость. Обосновано, что важнейшей проблемой для семьи и общества является домашнее насилие.

Ключевые слова: общественная экспертиза, семья, семейная политика, домашнее насилие.

O. A. Zhigalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICS OF PUBLIC EXPERTISE ON THE IMPLEMENTATION OF FAMILY POLICY IN RUSSIA IN THE ASPECT OF DOMESTIC VIOLENCE (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

This article examines the specifics of the implementation of family policy in the aspect of domestic violence, as well as the role of public expertise and state support in family problems. In the face of global challenges and threats, the family needs support, because they have a devastating effect on its sustainability. Domestic violence can also be attributed to the most important problems for the public.

Keywords: public expertise, family, family policy, domestic violence.

В современном мире семья претерпевает ряд различных трансформаций и изменений, начиная с репродуктивного поведения семей, заканчивая изменением роли семьи в жизни человека. Государство и общество, в частности общественная экспертиза, должны оказывать должную поддержку семей в различных условиях глобальных вызовов и угроз, поскольку институт семьи и брака является самым значимым во всем обществе.

Семейная политика в России, ее основы и механизмы реализации на всех уровнях происходят в рамках утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [1]. Своевременность и значимость этого концептуального документа подчеркивается и тем, что в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства, 2018–2027 гг. объявлены указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «десятилетием детства». Данная программа формирования с целью предотвращения упадка института семьи и брака, а также на создание всех необходимых условий для поддержки семей. Устойчивость семьи неизменно важна для поддержания стабильности в обществе. В настоящее время муниципальные планы реализации Концепции разработаны во всех муниципальных образованиях Иркутской области. Стоит отметить, что в Иркутской области, как и по России в целом, трансформация института семьи может привести к следующим негативным последствиям: низкая замотивированность граждан в браке, разрушение важнейших традиционных ценностей семьи, отсутствие мотивации к репродуктивному поведению (в последние годы отмечается, что в приоритете молодых семей выступает малолетность, хотя в государственных программах объявлена всесторонняя помощь многодетным семьям), отказ от коллективности в семье и приоритет индивидуализма, который в свою очередь приводит к отсутствию крепких внутрисемейных отношений.

Нельзя не отметить глобальные вызовы и угрозы, которые влияют на институт семьи и брака. Как отмечал социолог П. А. Сорокин, семья – это «губка», которая впитывает в себя все социальные, политические и экономические изменения. Именно поэтому так важно в сложный для государства период поддерживать институт семьи и брака. Данную поддержку должны оказывать не только органы власти, но и само общество.

28 января 2022 г. Контрольно-счетной палатой Иркутской области было проведено экспертно-аналитическое мероприятие «Анализ расходования денежных средств, предусмотренных в бюджете Иркутской области на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, за январь – декабрь 2021 года» [2]. Проведенный анализ распределения численности детей-сирот в разрезе федеральных округов показал, что наибольшая их доля приходится на Сибирский федеральный округ: 25,2 % от общей численности, или 73 145 чел. Наибольшее количество детей-сирот, включенных в список в Сибирском федеральном округе, проживают в Иркутской области (21 %). Необходимо отметить, что общая численность детей-сирот, зарегистрированных на территории Иркутской области, является самой высокой среди всех субъектов РФ.

В ходе экспертизы было также выявлено, что существует довольно большая задолженность в помощи детям, оставшимся без попечения родителей, связанная с жильем. Порядка 40 % детей-сирот ожидают жилье 5 лет и более [2]. Основной причиной несвоевременного обеспечения детей-сирот жилыми помещениями является несоответствие с численностью нуждающихся финансирование на эти цели. Кроме этого, внесенные в 2019 г. изменения в федеральное и областное законодательство в части введения ограничения по приобретению (строительству) не более 25 % квартир для детей-сирот в одном многоквартирном доме, отсутствие земельных участков, обеспеченных инженерной инфраструктурой, отсутствие в достаточных объемах как первичного, так и вторичного жилья и пр. обусловили неполное освоение бюджетных ассигнований в 2019, 2020 гг.

Исходя из данного экспертно-аналитического мероприятия, выясняется, что государство не всегда успевает оказывать необходимую поддержку семьям. Семьи, которые оказываются в трудной жизненной ситуации, в том числе сталкиваются с проявлением домашнего насилия.

Нельзя не упомянуть тот факт, что проблема домашнего насилия в Иркутской области обсуждалась в последний раз 14 февраля 2020 г. на заседании круглого стола, участниками которого стали различные представители правоохранительных органов, органов власти, представители Министерства социального развития, опеки и попечительства, а также психологи. Были заявлены важнейшие темы профилактики жестокого обращения с детьми, приведена статистика на 2019–2020 гг. В 2022 г. данная статистика не является актуальной, однако всё же стоит привести некоторые данные, для наглядности злободневности проблемы домашнего насилия в Иркутской области:

– на учете чуть более 4000 тыс. неблагополучных семей. Ежегодно более 2500 тыс. регистрируется преступлений, которые совершаются как родителями, так и другими взрослыми, а также несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних. Преступления тяжко и особо тяжкого характера в отношении детей составляют в общем числе 13 % (за 2019 г.: убийства – 14, умышленное причинение тяжкого вреда – 12, причинение средней тяжести – 26, побои – 59 и мн. др.) Также 13 % относятся к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы (было уточнено, что статистика в этом отношении прогрессирует);

– по оперативным сводкам органов внутренних дел в 2019 г. зарегистрировано 1651 происшествие. 219 детей погибло из числа этих происшествий по различным основаниям. К характеру происшествий, зарегистрированных в семьях, относится отравление таблетками (как малолетними, так и подростками), употребление спиртных напитков в стенах дома, падение из окна, получение ожогов, бытовая травма и др. [3].

Для реализации семейной политики на территории Иркутской области, а также для профилактики домашнего насилия, такие мероприятия необходимо проводить чаще. Домашнее насилие должно находиться в постоянном фокусе общественного мнения. На сегодняшний день это самый разрушительный фактор для устойчивости института семьи и брака, поскольку это прямая угроза жизни и здоровью членам семьи.

20 мая 2022 г. Общественная палата Иркутской области запланировала мероприятие «Десятилетие детства: взгляд изнутри», организаторами которого выступит Комиссия по поддержке материнства и детства. Кроме того, данной комиссией запланирован еще ряд общественных дискуссий по вопросам реализации семейной политики в Иркутской области на май – сентябрь 2022 г. Обсуждения будут направлены на защиту материнства и детства, план реализации Государственной программы Иркутской области на период до 2025 г., а также трудности реализации семейной политики в регионе. Данные общественные дискуссии неотъемлемо важны и представляют важнейшей частью специфики общественной экспертизы по вопросам реализации семейной политики в России. Что касается конкретно аспекта домашнего насилия, такой вопрос не поднимается.

Таким образом, еще раз стоит упомянуть значимость семьи и ее важнейшую роль для каждой отдельной личности и общества в целом. Эффективная работа общественной экспертизы, работа органов государственной власти и др. в сумме может обещать каждому ребенку счастливое детство и каждой семье стабильность. Домашнее насилие должно быть важной темой для общественного обсуждения, как и его профилактика и меры по борьбе с ним.

Литература

1. Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33–52.
2. Информация по результатам проведенного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ расходования денежных средств, предусмотренных в бюджете Иркутской области на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, за январь-декабрь 2021 года» // Контрольно-счетная палата Иркутской области. URL: http://irkosp.ru/?page_id=15548 (дата обращения: 07.05.2022).
3. Официальный сайт Аппарата Губернатора Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/minobr/news/900674/> (дата обращения: 07.05.2022).

ТЕЛЕСНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ФОКУСЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Статья посвящена вопросам взаимосвязи телесности и субъектности на этническом и межнациональном уровне. Рассматриваются сложности и границы применения указанных понятий в реальной жизни. Доказано, что существует заданный уровень автономии в сфере межнациональных отношений, который измеряется с помощью экспертного инструментария. Обоснована идея, что границы тела постоянно преобразовываются и подвергаются новым влияниям.

Ключевые слова: телесность, субъектность, взаимодействие, межнациональные отношения, этнос.

V. E. Kablukova

Irkutsk State University, Irkutsk

CORPOREALITY AND SUBJECTNESS IN INTERETHNIC RELATIONS IN THE FOCUS OF EXPERT ASSESSMENTS

This article is devoted to the issues of the relationship of corporality and subjectness at the ethnic and international level. The complexity and limits of the application of these concepts in real life are considered. It is proved that there is a given level of autonomy in the field of interethnic relations, which is measured using expert tools. The idea that the boundaries of the body are constantly transformed and subjected to new influences is substantiated.

Keywords: corporeality, subjectivity, interaction, interethnic relations, ethnos.

В реалиях современного мира и поиска социальной нормальности, мы часто сталкиваемся с вопросом субъектности и вытекающей из неё телесности. Часто происходит стирание личных границ из-за новых правил и норм. Человек стремится жить с социумом в гармонии, тем самым теряя уникальные личные и национальные черты.

Начнем с определений заданных нами понятий. Чтобы понять термин «субъектность», разберем кто же такой субъект в целом. По мнению Л. И. Анцыферовой, субъект – это переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намерено осуществлять изменения окружающего мира. В свою очередь В. В. Столин считает понятие «субъект» скорее сквозным, а именно интегральным свойством человека, объединяющим в себе характеристики организма, социального индивида и личности [10]. Что касается же субъектности, то в психологии она понимается как центральное образование человеческой реальности, возникающее на определенном уровне развития личности. В то же время Е. А. Волкова делает упор на том, что субъектность не может принадлежать одному конкретному индивиду, потому что не один субъект не может быть единственным носителем своей субъектности. Основой субъектности является телесность – «феноменологическая реальность, представляющая собой сочетание биопсихосоциальных аспектов телесного бытия субъекта в физическом мире» [1, с. 133]. С философской точки зрения субъектность рассматривает Ю. И. Прохоренко, он упоминает, что возрос «...интерес исследователей к анализу онтологических структур социальной реальности, в которых утверждается субъектность» [9].

Перейдем к рассмотрению субъектности национальных меньшинств и этносов. В данном ракурсе существует пересечение с понятиями «автономность» и «суверенность». И здесь речь пойдет о наличии определенной власти и независимости малочисленной народности на территории проживания. Нам стоит задать вопрос о том, на каком уровне автономия распределяется государством, происходит это точно и поверхностно, изнутри и на так называемых партнерских основаниях, или же абсолютно независимо.

Начнем с того, что в истории есть прецеденты когда автономии добивались договором, насилием, словесным противостоянием и т. д. Все эти пути редко применяются отдельно, но так или иначе имеют место быть. Ярким примером сильной и уверенной автономии является Чеченская республика и её народ. Получение ими особого статуса напрямую связа-

но с потребностью преодоления межнациональных конфликтов, одновременно с направленностью на положительную деятельность в сфере межнациональной политики. Была высказана мысль о том, что «..нынешняя Чечня не выдвигает условий и не требует переговоров, но лишь использует удобные поводы для представления своей позиции не столько российскому или чеченскому обществам, сколько федеральному центру, являющемуся для нее единственным значимым партнером» [6]. Т. е. своим статусом народ и её власть пользуется уверенно, понимая ценность своей субъектности.

Мы видим, что субъектность – это далеко не явление существующее от природы, оно контролируется государством, ровно как поддерживается, так и пресекается в случае необходимости. Её не может стать больше или меньше, стоит говорить о наличии автономности, ограниченной определенными рамками.

С учетом субъектности разрабатываются многие государственные программы, поддерживающие её с разных сторон, будь то культура, демография, образование или здравоохранение. Для лучшего понимания рассмотрим одну из них. Госпрограмма Иркутской области «Развитие культуры на 2019–2024 годы» разработана в целях развития культурного потенциала личности и общества в целом. Общий объем ресурсного обеспечения госпрограммы на период реализации составляет 14 166 930,4 тыс. руб., в том числе на 2019 г. – 2 206 295,8 тыс. руб. В сравнении с текущим годом (2 650 595,1 тыс. руб.) объем ресурсного обеспечения госпрограммы на 2019 г., предусмотренного в областном бюджете, сокращен на 444 299,3 тыс. руб., в том числе за счет средств областного бюджета на 437 777,1 тыс. руб., федерального бюджета – на 6 522,2 тыс. руб. Показатели финансирования 2019 г. в сравнении с ресурсным обеспечением, предусмотренным в областном бюджете, предлагается увеличить на 108 297,1 тыс. руб. (с 2 097 998,7 до 2 206 295,8 тыс. руб.) [11]. Следует отметить, что расходы определены при отсутствии достаточных правовых оснований – на основании законопроекта, предусматривающего изменение способа расчета субвенции.

Теперь следует поговорить о телесности, она состоит из трех главных элементов: биологического, социального и психологического. Под биологической понимается само тело. Начиная с раннего детства, происходит знакомство с организмом и осознание себя через него. Дети видят себя в зеркале, соотносят себя ощущаемого с собой видимым, понимают власть над телом. В это время все потребности осознаются наиболее ясно, поскольку не ограничиваются ничем более. Дети понимают, когда хотят есть и что именно они хотят, потому что об этом им говорит организм. Во взрослом возрасте мы зачастую теряем эту способность и обусловлено это множеством факторов, начиная с рекламы и псевдодиетологов, говорящего что и когда нужно есть и заканчивая правилами семьи: доедай до конца, нужно есть со всей семьей и т. д. Что касается социального элемента, то под ним понимается мнение общества о нормах внешнего вида. Существуют стандарты красоты и для одобрения социума стоит под них подходить. Это вредит человеку, поскольку он закрывает глаза на свои потребности и свою индивидуальность. Т. С. Леви делил отношение к телу на объектное, т. е. стремление достигать целей, зачастую не своих, через изменение внешности [5]. На этой почве появляется косметика, пластическая хирургия и подобные методы достижения объектности внешности. Субъектное отношение в данном случае выражается через стремление сохранить свою уникальность и потребность прислушиваться к потребностям организма. Психологическая составляющая, в свою очередь вытекает в понятие самооценка. Под влиянием стандартов человек возвращает ненависть к своему истинному я и это неизбежно влечет за собой негативные последствия для психики. Именно эти три компонента обухают осознание телесности.

Применимо к межнациональным, это отражается в невозможности угодить обществу с его стандартами и оставаться верным своим культурным особенностям. Стремление изменить себя дистанцирует человека от его нации, его индивидуальности. Эта проблема особенно четко выражена в реалиях маркетинга и развитой индустрии моды и красоты.

С приходом XXI вв. произошло крупное переосмысление тела и телесности в целом. На это большое влияние оказали следующие социокультурные факторы:

1. Из-за проживания в городах произошло обострение проблем со здоровьем, что привело к массовости здорового образа жизни.

2. Сексуальность и эротизм прекращает быть элементом частной жизни. С экранов мы видим возведение тела, зачастую женского в абсолюте. Нам показывают какие параметры являются идеальными, делая это достаточно навязчиво и агрессивно. Заданные стандарты откладываются в сознании как норма и отклонения от нее осуждаются.

3. Развитие модных практик навязывают нормализацию постоянной работы над телом, зачастую связанные с чрезмерными изменениями, которые отдаляют человека от гармоничного принятия себя.

Человек старается позиционировать себя в обществе наиболее комфортным для себя способом, чем часто отодвигает настоящего себя на задний план.

Подводя итоги, важно сказать о сложности в сохранении баланса между собственным и общественным «Я». Человек стремиться к комфортному существованию, тем самым порой нарушая все рациональные пределы своего собственного тела. Эту проблему стоит освещать чаще, поскольку потеря собственной телесности ведет ко многим проблемам, которые могут быть незаметным на первый взгляд, но на самом деле мешают гармоничному существованию. Данный вопрос в фокусе экспертных оценок освещен достаточно полно, но этого все еще недостаточно для решения проблемы.

Литература

1. Бескова Д. А., Тхостов А. Ш. Телесность как пространственная структура // Междисциплинарные проблемы психологии телесности. М., 2004. С. 133–148.
2. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М., 2003. 272 с.
3. Гуриева С. Д. Проблемы межэтнических отношений в молодежной среде. Социальная психология и коррекционная педагогика // Казанский педагогический журнал. 2008. № 10.
4. Леви Т. С. Отношение к телу в структуре самоотношений // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 72–75.
5. Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: Региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств. Пермь, 2016. URL: http://identityworld.ru/index/atlas_era/0-4 (дата обращения: 13.06.2017).
6. Панов П. В. Мир этнических региональных автономий: Представление новой базы данных // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 69–97.
7. Рябов М. А. Нехватка субъективности в социальном бытии // Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология и философия. 2005. № 2. С. 161–170.
8. Прохоренко Ю. И. Субъективность в структурах социальной реальности : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. М., 2005. 450 с.
9. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
10. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается роль экспертной культуры в вопросах формирования территориального бренда на примере Иркутской области. Охарактеризованы тенденции к успешной реализации территориального бренда.

Ключевые слова: регион, экспертное мнение, социальное развитие, экономическое развитие, бренд, городское пространство.

V. Yu. Kadyrova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF EXPERT CULTURE IN THE FORMATION OF THE BRAND OF THE TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

The article examines the role of expert culture in the formation of a territorial brand on the example of the Irkutsk region. The trends towards the successful implementation of the territorial brand are considered and analyzed.

Keywords: region, expert opinion, social development, economic development, brand, urban space.

На сегодняшний момент вопрос формирования бренда территории является актуальным для федеральных и региональных властей. Бренд территории, при его успешном позиционировании, может оказать существенную помощь в улучшении социального, культурного и экономического состояния региона. В Иркутской области неоднократно был поднят вопрос о формировании собственной оригинальной концепции, которая бы отражала всю совокупность «уникальностей» Иркутского региона. На современном этапе последняя инициатива была в январе 2022 г. ко дню 85-летия Иркутской области. Конкурс проводился в несколько этапов и завершился финальным народным онлайн-голосованием. В ходе голосования был выбран логотип со всем известным мифическим иркутским зверем «бабр», на фоне цифры 85. На наш взгляд, минус этой концепции заключается в не долгосрочной перспективе, время идет и уже на следующий год будет другой день рождения области, поэтому такой бренд может быть только временным явлением, пока юбилей Иркутской области является актуальным [1].

Общезвестно, что «...бренд территории является объединяющим и направляющим элементом стратегии регионального развития. Во-первых, повышение узнаваемости региона; во-вторых, привлечение людей на постоянное место жительства и ведение бизнеса (специалистов, инвесторов, бизнесменов), а также временное пребывание на территории (специалисты с временной локацией, туристы); в-третьих, формирование положительного образа региона, как внутри страны, так и на мировой арене. Осознавая все это, была сформирована задача, ориентированная на повышение региона как: бизнес-региона; ИТ региона; историко-культурного региона; туристического региона; региона, имеющего инфраструктурные преимущества; региона с научной школой и образовательными традициями» [4].

Рассмотрим механизм брендинга территории. Первым этапом является «...формализация и проработка бизнес-идеи и задач будущего бренда, затем проработка целей бренда и его создания. Далее анализ рынка, ресурсов и возможностей, предпочтений, в последующем делается выбор сегмента, детальное изучение целевых потребителей, определение преимуществ. Далее следует самая интересная часть – творческая разработка концепций. Затем выносятся Экспертная оценка названий (фоносемантика), тестирование названия на целевой аудитории, тестирование концепций на целевых аудиториях, выбор наиболее привлекательной. Проверка названия на патентную чистоту, далее следует разработка вариантов внешнего вида (атрибутов бренда: символ, логотип, элементы дизайна, упаковки и т. д.)» [5].

В научной литературе территориальные бренды «...делятся на несколько категорий: локальный, национальный и мультинациональный. Локальный бренд – это бренд в пределах города или городского района, но его локальность ни в коем случае не является признаком слабости, чаще всего это результат продуманной стратегии брендинга, рациональное распределение ресурсов. Примерами сильных брендов локального уровня являются всемирно известные туристские центры Италии – Венеция, Флоренция, Неаполь. Национальный бренд – это бренд в пределах страны, требует значительных финансовых вложений на формирование и развитие, стоит отметить, что работа над собственным территориальным брендом важна для страны, он продвигает ее на мировом туристическом рынке. Мультинациональный (мировой) бренд – это бренд, который базируется на единых стратегических принципах в области позиционирования и маркетинга в мировых масштабах, в то же время конкретные маркетинговые мероприятия в разных регионах могут различаться в зависимости от национальных особенностей стран и туристских регионов» [6].

Для того чтобы рассмотреть, что будет представлять бренд территории Иркутской области, нужно рассмотреть его инфраструктуру и привлекательные особенности. Наиболее значительной транспортной дорогой Иркутской области является Транссибирская железнодорожная магистраль. По территории области, от города Тайшета на восток, протянулся западный участок БАМа, протяженность которого порядка 2,5 тыс. км. БАМ также играет важную историческую составляющую, особую ценность где «молодежи» СССР, которые помогали в его строительстве.

По территории области протекают крупнейшие судоходные реки – Нижняя Тунгуска, Ангара, Лена, давшие развитие водному транспорту, на долю которого приходится порядка 10 % общего грузооборота. Такие богатые природные ресурсы также могут выступить в формировании бренда Иркутской области.

Активной деятельностью по привлечению инвестиций в регион также занимается Фонд регионального развития Иркутской области. Фонд занимается стратегическим планированием, реализацией инвестиционных проектов на территории региона, привлечением инвесторов, продвижением имиджа Иркутской области на международной арене. Его президент А. Козьмин уже заявил о масштабных планах по созданию новой агломерации Иркутск-Ангарск-Шелехов, которая, по его словам «создаст новую точку развития России».

Иркутская область обладает большим набором туристских достопримечательностей и культурно-этнографических объектов: 77 природных объектов, объявленных памятниками архитектуры, среди которых озеро Байкал – уникальный природный комплекс, 685 памятников истории, археологии и культуры. Каждый изданных объектов мог бы сыграть успешную роль в позиционировании Иркутской области [2].

Рассмотрим мнение специалистов в решении данного вопроса. Администрация города Иркутска ежегодно проводит круглые столы по данной тематике и на одном из таких круглых столов обсуждались вопросы о том, что больше всего может привлекать в Иркутске с туристической стороны. Анатолий Казакевич высказался с точки зрения привлекательности Байкала и его рекреационный зон, что они привлекают своей «экологичностью». Эти места привлекают красотой природы, возможностью хорошо и спокойно провести время, а в зимние время можно проводить фестиваль зимних игр «Зимниада». В данном вопросе его подержал Алексей Альмухамедов.

Конечно, уделяется и большое внимание другим категориям, которые могли бы представлять бренд территории Иркутской области. Чаще всего, – это отрасли индустрии гостеприимства; пищевая промышленность и торговля; высокотехнологичных производств; градостроительная политика; комплексное развитие застроенных территорий; деревянное домостроение и частная застройка; исторический центр; инфраструктура (транспорт, водоснабжение и водоотведение, теплоснабжение, электроснабжение).

Иркутская область владеет многими богатыми ресурсами, значимыми не только для страны, но и для всего мира. Главным ресурсом развития сегодня является человеческий капитал. Поэтому активная гражданская позиция, любовь к своей родине – всё это является

важным фактором к успешному брендированию территории, привлечению инвестиционных вложений в регион, что приведет к осуществлению задуманных проектов, а не только построению планов.

Литература

1. В Иркутской области придумали бренд к 85-летию региона // Иркутск news. URL: <https://irkutsk.news/novosti/2022-01-31/311422-v-irkutskoi-oblasti-pridumali-brend-k-85-letiyu-regiona.html> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Территориальный имидж как инструмент повышения конкурентоспособности субъекта (на примере Иркутской области). URL: <https://diplomba.ru/work/106319> (дата обращения: 06.05.2022).
3. Тихая брендомания // Baikalov travel company. URL: <https://baikalov.ru/about/smi/39/> (дата обращения: 06.05.2022).
4. Афанасьев С. В., Наумова Е. О., Фроленок В. В. Разработка бренда Иркутской области как объединяющего и направляющего элемента маркетинговой стратегии региона // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 2 (13). С. 11–16.
5. Казнина О. В. Механизм создания бренда на примере бренда территории // Бренд-менеджмент. 2017. № 1. С. 18–29.
6. Горяинова М. А. Роль брендинга в продвижении регионального туристического продукта // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2013. № 1. С. 26–30.

УДК 316.658

Е. Е. Киселева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ И ЦИФРОВОЙ СФЕРАХ: /СОВРЕМЕННАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

Рассматривается специфика изучения общественного мнения в контексте экспертного анализа. Дана оценка эффективности государственных механизмов регулирования интернет-пространства и тех коммуникаций, которые в нем возникают. Анализ экспертных мнений позволил определить основные направления деятельности государства в сфере информатизации и цифровизации, а также выявить их основные недостатки.

Ключевые слова: общественное мнение, социальная сфера, цифровая сфера, цифровизация, государственное регулирование, экспертное мнение.

Е. Е. Kiseleva

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC OPINION IN THE SOCIAL AND DIGITAL SPHERES: MODERN EXPERT ASSESSMENT

The article discusses the specifics of the study of public opinion in the context of expert analysis. An assessment of the effectiveness of state mechanisms for regulating the Internet space and the communications that arise in it is given. The analysis of expert opinions made it possible to determine the main directions of the state's activities in the field of informatization and digitalization, as well as to identify their main shortcomings.

Keywords: public opinion, social sphere, digital sphere, digitalization, government regulation, expert opinion.

Широкое общественное и экспертное внимание к интернет-структурам в эпоху развития новых информационно-коммуникационных технологий стало идейным толчком к стремительному развитию нормативно-правовой базы, регулирующей российский сегмент сети Интернет. Деятельность политических акторов, представителей государственных структур и IT-сообщества несет за собой предпосылку разработки целого ряда стратегий и концепций не только развития интернета в России, но и его централизованного регулирования.

Несмотря на то что регулирование процессов, происходящих в рамках интернет-среды, началось не с этапа его массового становления, а годами позже, на сегодняшний день мы можем говорить о том, что Россия занимает одну из лидирующих позиций в мире в сфере управления Интернетом, имеет устойчивую содержательную базу для реализации данных механизмов. Благодаря функционированию национальных и государственных программ, концепций и НПА (государственная программа «Информационное общество» (2011–2020)

[4], Стратегия развития информационного общества в РФ [6], Концепция формирования информационного общества в России [5] и др.) Рунет перестал ассоциироваться с хаосом, стал более упорядоченным и структурированным, на основе российских законодательных разработок были сформированы аналогичные инициативы и в других странах.

Стремительное развитие различных средств цифровой коммуникации в сети Интернет, а именно интернет-изданий и газет, интернет-блогов и форумов, различных сайтов и платформ, социальных сетей и мессенджеров делает межличностные и межгрупповые отношения менее устойчивыми и стабильными, чем прежде. В связи с тем, что информационное общество характеризуется высокой скоростью появления, воспроизведения и массовостью распространения информационных потоков, мы можем говорить о том, что люди стали более избирательны, менее доверчивы и эмоционально закрыты. По мнению доктора социологических наук, профессора ИГУ Т. И. Грабельных, «...на сегодняшний день в проведении социологических исследований отчетливо прослеживается переход на бесконтактные технологии» [1] Вышеперечисленные тезисы ставят актуальной проблему изучения общественного мнения, сложность его интерпретации и анализа.

С целью изучения механизмов государственного регулирования влияния цифровой среды на массовое сознание был проведен вторичный анализ экспертизы паспорта национальной программы «Цифровая экономика РФ» 2018–2024 гг. [2]. Целью настоящей национальной программы является коренное преобразование социальной и цифровой сферы, в связи с поставленной целью, выделяются следующие задачи: разработка надежной и безопасной инфраструктуры для хранения и обработки данных, как для государственных структур, так и для массовой общественности; увеличение финансирования на развитие цифровой экономики более, чем в три раза, по сравнению с предыдущим отчетным периодом; использование преимущественно российских разработок органами местного самоуправления и общественными организациями.

Анализ финансирования настоящей национальной программы делает возможным расставить приоритеты среди поставленных задач. Большая часть всех средств затрачена на нормативно-правовое регулирование информационной среды, а именно 51,0 %. На формирование инфраструктуры в цифровой среде заложено почти четверть всех финансовых ресурсов, а именно 23,2 %. На реализацию цифровых механизмов и технологий задействовано 13,6 % от объема всех средств. Далее идет цифровизация механизмов государственного управления (7,0 %) и обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий (7,0 %). Последнее место занимает такое направление, как цифровая безопасность (0,9 %). Исходя из понимания того, что все вышеперечисленные виды и сферы реализации национальной программы «Цифровая экономика» 2018–2024 гг. имеют высокую степень взаимосвязанности, видится необходимость перераспределения ресурсов в сферу информационной безопасности и обеспечения подготовки кадров.

Изучение данных рассмотренной экспертизы позволяет сделать выводы о том, что настоящая национальная программа направлена не на создание целостной системы цифровой экономики, а лишь на точечное воспроизводство некоторых ее элементов; программа направлена на привлечение человеческих ресурсов в цифровую экономику, а не благоприятное использование ее людьми; реализация национальной программы затруднена на региональном уровне в связи с тем, что не представлены этапы реализации программы, а только ее целостный вариант; заметно расхождение взглядов среди экспертного сообщества и государственных работников, которые принимают положения настоящей программы, что выражается в несоответствии основных целевых показателей; цели, поставленные для эффективной реализации настоящей национальной программы не соотносятся с основной задачей данной программы. Выделенные недостатки ставят под вопрос эффективность реализации национальной программы «Цифровая экономика» 2018–2024 гг. и достижение ее основных целей.

Влияние цифровых ресурсов на общественное мнение рассмотрено в экспертном мониторинге «Россия 2020. Стратегия перехода» [3], проведенном исследовательской группой

Циркон совместно с институтом социологии РАН. Всего в настоящем исследовании приняло участие 154 эксперта, распределение количества представлено в таблице.

Таблица

Распределение количества экспертов, принявших участие в экспертном мониторинге
«Россия 2020. Стратегия перехода»

№	Группы по сферам деятельности	Москва	Регионы	Всего
1	Государство	10	12	22
2	Бизнес	7	9	16
3	Третий сектор	30	13	43
4	Масс медиа	13	8	21
5	Наука	34	18	52
	Всего	94	60	154

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что большая часть экспертов составляют сферу деятельности наука (38,0 % от общей выборки), а также проживают или работают в Москве (61,0 % от всей выборки). В опросе также приняли участие 60 экспертов из регионов, что составляет 39,0 % от всей выборки.

По данным экспертного опроса, эксперты имеют высокий уровень квалификации: 65,0 % имеют кандидатскую степень или степень доктора наук; у 11 имеются более одной ученой степени в различных отраслях знания. Также 27 экспертов отметили наличие ученого звания (доцента, профессора или академика РАН).

Влияние интернет-ресурсов на общественное сознание, а также общественное мнение исследовалось с помощью метода экспертной оценки. Оценка влияния государственных СМИ, в том числе тех, которые публикуются на интернет-платформах, равна 6,7 баллов из 10 возможных. Влияние частных и неправительственных СМИ, в том числе СМИ, которые публикуют свои материалы на интернет-ресурсах, эксперты оценивают в 4,7 из 10 возможных баллов. Локальные сообщества, инициативные группы, возникающие и действующие в рамках российского интернет-сегмента, в оценке экспертов влияют на общественное мнение на 3,9 баллов из 10 возможных.

Исходя из анализа результатов данного вопроса, влияние, которое оказывает интернет-пространство, а именно интернет-сообщества, СМИ, располагающие свои материалы в интернете (государственные и частные) имеет среднюю оценку, по мнению экспертов. Следует отметить, что наибольшее влияние оказывают подконтрольные государству средства массовой информации, в том числе публикующие свои материалы в сети.

Следующий вопрос, который был задан экспертам, заключается в оценке вероятности возможных государственных мер по решению активного влияния сети Интернет и публикующихся в них источников. По данным анализа ответов на вопрос экспертов, было выявлено, что высокую вероятность имеет ужесточение государственного контроля над СМИ и Интернетом. Оценка вероятности составила 6,9 баллов из 10 возможных, при том, что большая часть экспертов, а именно 24 чел., считали, что возможность таких событий заключается в пределах 81–90 %.

На основании вторичного анализа данных экспертного мониторинга просматриваются две тенденции. В рамках первой большую степень влияния на общественное мнение оказывают государственные ресурсы СМИ, активную долю в них занимают интернет-источники: сайты, социальные сети, новостные программы, размещенные в сети. Тогда как оценку близкую к среднему значению, имеют негосударственные и частные СМИ, которые активно размещают свои данные в интернете. Также среднюю по оценке значимости, по мнению экспертов, занимают локальные движения, возникающие спонтанно и в условиях решения быстрых задач, зачастую такие организации ведут свою деятельность в сети. Условия быстрого создания, передачи информации в массы делают такие локальные движения общеизвестными, повышая их популярность. Вторая тенденция, выделенная по результатам анализа экспертных оценок, заключается в высокой вероятности ужесточения государственного контроля над

СМИ и пространством в сети Интернет. Результаты проведенного нами анализа в полной мере совпадают с тезисами, предложенными автором статьи.

Таким образом, исходя из данных двух проведенных исследований, а именно экспертизы паспорта национального проекта и экспертного мониторинга, мы можем сделать вывод о том, что информационная среда коренным образом влияет на общественное мнение и в первую очередь через влияние на психолого-социальные характеристики человека. Государство же в свою очередь стремится такое влияние контролировать и управлять им. Основная национальная программа, действующая в сфере цифровизации, включает в себя около 15 видов направлений работы, однако приоритеты расставлены в сторону теоретического, а не в сторону практического регулирования интернет-пространства. Данные выводы мы можем сделать, исходя из анализа финансирования направлений деятельности, поставленных целей и задач настоящей программы. Беря во внимание то обстоятельство, что СМИ являются одними из ведущих источников влияния на общественное мнение, государство стремится взять под свой контроль и эту сферу массовых коммуникаций. Экспертная оценка влияния государственных средств массовой информации, в том числе и тех, которые размещают свои публикации на интернет-ресурсах, определяется как выше среднего. Также эксперты в большинстве считают, что контроль государства над частными и негосударственными СМИ стремительно ужесточается с каждым годом. Отсюда можно говорить о том, что государство стремится контролировать общественное мнение, регулировать и отслеживать любые каналы, которые могли бы на него повлиять.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. «Интеллектуализация» общественного мнения в условиях становления цифрового общества // Интеллектуальный капитал в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во «Отгиск», 2019. С. 63–66.
2. Лавренко Н. М., Тихонова А. С. Экспертиза документа Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» на 2018–2024 гг. // Siberian Socium. 2020. Т. 4, № 2 (12). С. 8–20.
3. Опрос экспертов в рамках экспертного сценарно-прогностического мониторинга «Россия 2020. Стратегия перехода». URL: <http://www.zircon.ru/> (дата обращения: 29.04.2022).
4. Государственная программа российской федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/5719/> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Концепция формирования информационного общества в России. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/37cd5e6756dce634c32568c000474a8a> (дата обращения: 01.05.2022).
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92004/ (дата обращения: 01.05.2022).

**АБОРТЫ В ФОКУСЕ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИЧИН
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Статья посвящена основным причинам абортов в фокусе социально-демографической ситуации в России в настоящее время. Рассматриваются меры, предпринятые государством, для выхода из сложившегося положения в стране, которые отражают эффективность работы правительства в этом направлении. Все приведенные факты подкрепляются актуальной статистикой, отражающей ситуацию абортов за последние несколько лет, а также данная тема обосновывается экспертным мнением.

Ключевые слова: аборты, социально-демографическая ситуация, причины абортов, репродуктивное здоровье, рождаемость.

A. S. Kosmakova

Irkutsk State University, Irkutsk

**ABORTION IN THE FOCUS OF THE SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA: DETERMINING
THE CAUSES (BASED ON EXPERT RESEARCH)**

The article is devoted to the main causes of abortion in the focus of the socio-demographic situation in Russia at the present time. The measures taken by the state to get out of the current situation in the country are considered, which reflect the effectiveness of the government in this direction. All the above facts are supported by up-to-date statistics reflecting the situation of abortions over the past few years, and this topic is substantiated by expert opinion.

Keywords: abortion, socio-demographic situation, causes of abortion, reproductive health, fertility.

Демографическая ситуация в России в настоящее время является достаточно нестабильной в связи с большим количеством числа абортов среди молодого населения. Актуальность данной проблемы прослеживается во многих аспектах человеческой жизни в России. Во-первых, следует отметить, что аборты отражают здоровье население в целом, поскольку данный процесс влияет на репродуктивное состояние женщин, а также затрагивается и тема экономического состояния страны, которое подвергается сильному ущербу в связи с распространением такого явления среди российского общества. Аборты являются одной из главных причин материнской смертности, заболеваний среди женщин, данное явление повышает уровень осложнений при родах, которые приводят к смертности новорожденных, чем вызывает острая совокупная проблема в социальной и медицинской сферах.

Также немаловажно будет сказать, что Россия занимает первое место по числу абортов среди числа всех стран мира. Так, количество абортов в России в год составляет около 3,5 млн. Говоря более подробно о данной статистике можно выделить следующие показатели: аборты, сделанные не в специализированных заведениях, составляют 12 %, в том числе в среднем от абортов умирают 260 женщин в год и 0,5 млн женщин получают различные виды осложнений, которые доходят до бесплодия [7]. Также около 20 % детей у женщин, ранее делавших аборт, рождаются с физическими или психическими особенностями [7]. Именно поэтому еще около 30 лет назад соответствующие органы здравоохранения признали, что аборты являются главной проблемой для репродуктивного здоровья женщины. Данная статистика показывает в какой степени аборты влияют на наличие экономических ресурсов в России.

Для того чтобы понять истинные причины абортов, нужно разобраться какие факторы влияют на данное явление. Одна из самых главных причин – это внутренняя неготовность пары стать родителями, которая вызывается такими условиями, как ранний возраст для материнства по мнению самой девушки, и недоверие к партнеру, в следствии чего у женщины возникает мысль о возможности стать одинокой матерью. Ранний возраст для материнства обусловлен многими факторами нашей социальной повседневной жизни. Так, М. В. Шелест, соискатель ученой степени Волгоградского государственного университета высказывает

следующее мнение относительно поднятых причин абортов: «Подход через изучение закономерностей с социально-экономических, культурно-бытовых условиях жизни женщин, совершающих аборт чаще, просматривается в науке до настоящего времени. С 1990-х годов исследователи к обозначенным причинам добавили низкую информированность о средствах контрацепции, раннее начало половой жизни» [4, с. 29]. Касаемо данной оценки ситуации нам хотелось бы отметить необходимость поднятия правительство на общегосударственном уровне такого вопроса, как половое просвещение подростков в качестве одной из мер борьбы с проблемой распространения абортов среди девушек до 18 лет.

Говоря о раннем возрасте материнства как об основополагающей причине абортов, можно выделить следующие показатели, ссылаясь на официальную статистику Росстата: в период с 2018 по 2020 г. число абортов у несовершеннолетних составляет более 15 тыс. случаев [5, с. 59]. Из прошлой причины абортов вытекает следующая – неготовность женщины или обоих партнеров к кардинальным переменам в их жизни. В связи с меняющимися ценностями в современном мире многие девушки на первое место ставят свою учебу и карьеру из-за чего рождение ребенка уходит на второй план, так как, по их мнению, это будет мешать достижению их жизненных целей. Определенный процент женщин вынуждены сделать аборт и отказаться от рождения ребенка в связи с проблемами со здоровьем или принуждением мужчины или родителей их к этому действию.

Несомненно, следует более подробно рассмотреть решающую причину для молодых семей в России, которая побуждает женщин прерывать беременность – финансовую, т. е. семья по материальным причинам не может себе позволить содержать ребенка. Многие социологические опросы по данной теме, которые проводились в разные периоды расцвета или упадка экономики в России выдавали такие показатели, что большинство молодых пар отмечают невозможность содержания ребенка, как главный фактор для принятия решения об аборте. Ранее у граждан отсутствовало наличие социальных гарантий со стороны государства, которые обеспечили бы достойную жизнь ребенку. Именно поэтому для стабилизации демографической ситуации в России государство начинает разработку социальной политики в этом направлении. Врач акушер-гинеколог ОГБУЗ «Магаданский родильный дом» Я. Н. Павлов говорит о принятых государством мерах в рамках решения финансовой проблемы как фактора, побуждающего семьи делать аборты: «В 2007 г. в России для поднятия уровня рождаемости ввели программу материальной поддержки семей, решившим родить или усыновить ребенка. По оценкам специалистов, низкий уровень рождаемости в РФ связан с невысоким уровнем финансового положения населения. Материнский капитал – это форма поддержки со стороны государства российских семей, в которых с 2007 по 2018 г. включительно родился второй ребенок» [2, с. 63]. Так, указанные выше причины требуют поиска путей их решения, одним из которых, по нашему мнению, может являться увеличение грамотности российского населения относительно регулирования уровня рождаемости.

Продолжая говорить о финансовой причине абортов, можно сказать, что данный факт влияет на репродуктивное поведение женщин, затрагивая различные возрастные категории женского населения. Именно об этом в своей статье «Трансформация системы ресурсообеспечения семьи в России» пишут доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных и кандидат социологических наук Н. А. Саблина [1]. Так, они отмечают, что одними из вытекающих последствий финансовой нестабильности являются повышение среднего возраста для рождения первого ребенка, что в свою очередь вытекает из такого факта, как позднее вступление в брак, и большинство женщин в молодом возрасте накапливают экономические ресурсы, стараются реализовать в карьере. Из этого авторы статьи делают следующий вывод: «Таким образом, прослеживаемые тенденции отражают неравномерность доступа мужчин и женщин к различным ресурсам и свидетельствуют о нестабильности самой структуры социальных потребностей, что не может не отразиться на трансформации системы ресурсообеспечения семьи» [1, с. 50]. По нашему мнению, в контексте поставленной проблемы данная ситуация отражает социальное положение женщин, что свидетельствует о неравном доступе мужчин и женщин к необходимым благам и ресурсам. Вследствии это-

го, женщины вынуждены трудиться больше для обеспечения достойной жизни себе, а в будущем и ребенку, что сказывается на репродуктивном состоянии женского населения всей России в совокупности.

Осознавая масштабность данной проблемы государство начинает искать пути выхода из сложившейся ситуации. Так, в письме Минздравсоцразвития РФ «О направлении методического письма Минздравсоцразвития РФ «О создании центров медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации» (вместе с Методическим письмом «О создании центров медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации»)» от 25.08.2011 говорится о создании новых социальных центров в рамках государственного проекта об усовершенствовании структуры здравоохранения в России. Такие центры направлены на поддержку и предоставление необходимых услуг в области медицины и психологии (в случае незапланированной беременности) для матерей-одиночек, беременных женщин, которые попали в непростую финансовую или иную ситуацию. В письме утверждается следующее положение: «Создание центров будет способствовать снижению общего числа аборт, сохранению репродуктивного здоровья женщин в Российской Федерации и увеличению числа родившихся детей, а также предупреждать отказ от новорожденных в акушерских стационарах» [6]. Такой метод стабилизации демографической ситуации, а именно сохранения уровня рождаемости в стране является достаточно эффективным с точки зрения рассмотрения вышеперечисленных причин абортов.

Несомненно, в отдельную категорию внешних социальных причин абортов следует отнести влияние СМИ на современное молодое поколение. Данный социальный институт транслирует определенные нормы и модели поведения, которые быстро принимаются большей частью населения, также он пропагандирует новые ценности, не характерные для традиционного уклада жизни в отечественном пространстве. В качестве примера можно привести часто встречающуюся тему в современных телешоу о популяризации частой смены партнеров, что приводит к различным заболеваниям, нарушению репродуктивного здоровья женщины, что в последующем и вызывает причины абортов. Также достаточно часто в СМИ, а именно в рекламе, каких-либо маркетинговых ходах встречаются семьи, как правило, только с одним ребенком, что закрепляет в сознании общественности установку о том, что в семье должен быть только один ребенок. В то же время для благоприятной демографической ситуации в семье должно быть как минимум трое и более детей. Таким образом, СМИ внедряют в сознание людей зарубежные образцы поведения и семейные ценности.

Аборты и все вызывающие их причины напрямую влияют на демографическую ситуацию в России, поскольку данное явления – это отражение уровня рождаемости, который в свою очередь является неотъемлемой частью демографии. Кандидат политических наук Е. К. Рудакова высказывает свое мнение о демографической ситуации в России в контексте социальной политики государства по решению поднятой в данной статье проблемы: «Видится, что государство упускает очень много механизмов повышения рождаемости (профилактика абортов, работа с молодежью по формированию позитивных форм репродуктивного поведения)» [3, с. 38]. Также в качестве примера она приводит статистику за 2018 г., в которой отражаются данные по числу сделанных абортов в течение года (587,1 тыс.), однако официальные показатели не отражают реальных чисел по причине наличия такого явления как незаконные медикаментозные аборты [3, с. 37]. Почти 43,5 тыс. абортов сделали женщины, беременные в первый раз, а 4,64 тыс. случаев связаны с прерыванием беременности у несовершеннолетних [3, с. 37]. По нашему мнению, такие цифры показывают необходимость пропаганды института семьи и распространение соответствующих ценностей на уровне общезначимой темы для России.

Однако следует отметить, что согласно официальным данным Росстата, в период с 2005 по 2020 г. число абортов в России сократилось более, чем в три раза. Так, например, говоря о конкретных цифрах число девушек, беременных первым ребенком и решивших сделать аборт, уменьшилось с 161 тыс. до 43 тыс., что говорит о положительной динамике государства в решении данной демографической проблемы. Также, опираясь на статистику

Росстата позитивное влияние оказывает изменение методологии Минздрава России относительно данной темы. [5, с. 58] К таким выводам можно прийти, проанализировав число абортотворцев с 2018 по 2020 г. Так, за этот период число женщин, желающих прервать беременность сократилось на 108 тыс. случаев. Мы считаем, что на данную динамику влияет развитие социальной политики государства, направленной на поддержку граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в том числе сюда можно отнести материнский капитал, который предполагал получение женщиной денег при рождении второго ребенка с 2007 по 2018 г., а с 2020 г. за рождение первого ребенка).

Таким образом, можно отметить, что в современном мире у молодого поколения очень сильно изменились жизненные ценности, что приводит к большому числу абортотворцев. Женщины выстраивают свои приоритеты, совмещая их с идеалами, которые в свою очередь вытекают непосредственно из ценностей. Также важно выделить, что за последние 10 лет государство подняло уровень рождаемости различными методами поощрения. Проблема абортов в России определяется множеством рассмотренных в данной статье факторами и то, насколько эти причины будут влиять на репродуктивную ситуацию в стране, определяется только совместными усилиями как государства, так и всего населения в целом.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Трансформация системы ресурсообеспечения семьи в России // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 47–51.
2. Павлов Я. Н. Проблемы демографии на общегосударственном уровне // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки*. 2021. № 4. С. 62–66.
3. Рудакова Е. К. Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // *Власть*. 2020. № 6. С. 30–38.
4. Шелест М. В. Социологические интерпретации причин абортов: аналитический обзор // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022. № 1. С. 29–32.
5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) *Здравоохранение в России : стат. сб. / Росстат*. М., 2021. 171 с.
6. О направлении методического письма Минздравсоцразвития РФ «О создании центров медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации» (вместе с Методическим письмом "О создании центров медико-социальной поддержки беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации») : письмо Минздравсоцразвития РФ от 25.08.2011 № 15-0/10/2-8347 // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-25082011-n-15-0102-8347/> – 2011 (дата обращения: 23.04.2022).
7. Статистика абортов в России по данным Росстат // *Статистика и показатели. Региональные и федеральные*. URL: <https://rosinfostat.ru/statistika-abortov-v-rossii-po-dannym-rosstat/> (дата обращения: 23.04.2022).

СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ СО СТОРОНЫ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В статье рассмотрен уровень воздействия федеральной и региональной власти на развитие молодёжной политики (на примере Иркутской области). Проанализированы основные факторы трансформации систем ценностей молодёжи в период пандемии.

Ключевые слова: культура, молодёжь, культурное пространство, органы региональной власти.

Е. М. Matafonova

Irkutsk State University, Irkutsk

ASSISTANCE TO THE DEVELOPMENT OF YOUTH POLICY IN THE FIELD OF CULTURE BY FEDERAL AND REGIONAL AUTHORITIES

This paper describes the level of influence of federal and regional authorities on the development of youth policy on the example of the Irkutsk region. The main factors of transformation of youth value systems during the pandemic are analyzed.

Keywords: culture, youth, cultural space, regional authorities.

Проблема снижения культурного уровня среди молодёжи приобрела актуальность в период с конца XX по начало XXI в. Это связано, несомненно, с резким падением уровня национальной и культурной идентификации в период распада СССР. Утрата «монолитной» советской культуры повлекла за собой утрату культурных и социальных связей, поколенной преемственности. Подобная ситуация привела к расслоению однородной культуры на различные субкультурные составляющие. В настоящее время проблема снижения культурного уровня населения России напрямую связана с упадком заинтересованности молодёжи в развитии в культурно-образовательной сфере. Примером этого может послужить стремительная цифровизация культуры молодёжи. Данная тенденция неоднократно отмечалась ВЦИОМ за последние 3 года [5]. В условиях пандемических и экономических изменений как никогда возрастает роль современной молодёжи, способной к самоидентификации, самореализации и самовыражению через сферу культуры. На молодёжь России, несомненно, накладывается ответственность за сохранение и приумножение уровня национальных и культурных ценностей и вклад в развитие страны.

На основании вторичного анализа данных экспертного опроса просматриваются две тенденции. В рамках первой, можно выделить утрату или детрансформацию устоявшихся традиционных систем ценностей молодёжи. Вторая тенденция же показывает, что ценности молодёжи уходят в сферу экономической и общечеловеческой стабильности. Динамика отражает выраженный тренд на ухудшение качества молодого поколения [6].

В контексте достижения целей государственной молодёжной политики по повышению уровня культурного развития населения в возрасте от 14 до 35 лет, приоритетными задачами, по нашему мнению, являются: привлечение молодёжи к активной общественной и культурной деятельности; создание специализированных центров, деятельность которых будет направлена на развитие культурно-досуговой сферы в городской и сельской местности; работа со студенческой молодёжью, практики наставничества и волонтерства в культурной сфере.

В настоящее время Россия столкнулась с проблемой низкой вовлеченности молодёжи в культурно-образовательную сферу. основополагающим фактором, который повлиял на такое положение культурной среды, несомненно, является пандемия COVID-19. Самоизоляция и переход в онлайн-формат повлекли за собой запрет, а затем спад заинтересованности молодёжи в культурно-массовых мероприятиях. Для выхода из данного положения были привлечены школы, вузы и ссузы, но наибольшее влияние оказывает высшее образование.

Следует отметить, что при рассмотрении динамики развития систем ценностей молодёжи, следует рассмотреть роль высшего образования, в частности, специфику реализации культурной и досуговой функций в структуре высшего образования в России (на примере Иркутской области).

На примере Постановления о муниципальной программе «Культура и молодежная политика» Иркутска и Иркутской области мы можем рассмотреть следующие приоритетные направления реализации молодёжной политики в сфере культуры. В данной программе изложены планы по развитию и сохранению потенциала города в культурной сфере. Также в программе указан такой пункт, как стимулирование творческой активности молодёжи. Данная программа содействует формированию культурного пространства Иркутска. Следует отметить, что молодёжная политика является составной частью социально-экономической политики региона, которая отвечает за организационные, экономические и правовые основы развития молодого населения, способствуя реализации интересов и способностей граждан. Так же, молодёжная политика Иркутска направлена на развитие и поддержку молодежных движений и инициатив.

Однако, рассматривая вторичный анализ экспертизы, проведенных Контрольно-счетной палатой Иркутской области, мы можем столкнуться с несопадением данных о реализации программы на сайте Министерства по молодёжной политике [1].

Итогами вторичного анализа экспертизы стало следующее. Анализ задач и мероприятий, установленных данной программой, говорит о недостаточном охвате изложенных проблем, кроме того, об отсутствии комплексного подхода к достижению приоритетных целей. Следует отметить, что полностью отсутствуют в рамках проекта программы такие направления молодёжной политики как: «В части вовлечения молодежи в социальную практику и ее информирования о потенциальных возможностях саморазвития, обеспечения поддержки научной, творческой и предпринимательской активности молодежи:

1. Модернизация материально-технической базы учреждений по работе с молодежью.
2. Реализация программ поддержки молодежного предпринимательства, в том числе в инновационных секторах экономики и т. д.
3. Обеспечение многократного увеличения количества участвующих в конкурсных мероприятиях.
4. Проведение летних научных лагерей и школ, исследовательских экспедиций с использованием возможностей ведущих учебных заведений и научных организаций; вовлечение молодежи в инновационные международные образования, науки, культуры, технологий, в международные творческие, научные и спортивные объединения.
5. Создание базовых условий для реализации предпринимательского потенциала молодежи, поддержка деятельности общественных объединений, развитие социально ориентированного молодежного предпринимательства.

В части гражданского образования и патриотического воспитания молодежи – стимулирование интереса молодежи к историческому и культурному наследию России, защите окружающей среды путем развития системы внутреннего межрегиональных молодежных обменов, поддержки участия молодежи в реализации проектов экологических организаций, деятельности по реставрации памятников и т. д.

В части формирования ценностей здорового образа жизни, создания условий для физического развития молодежи: вовлечение молодежи в регулярные занятия физической культурой и спортом, в пропаганду здорового образа жизни, развитие студенческого спорта и т. д.» [4].

Немаловажно отметить, что в связи с отсутствием изменений в молодёжной политике региона на протяжении длительного периода времени, в регионе на данный момент наблюдается значительный миграционный отток молодежи. Исходя из всего выперечисленного, мы можем сделать вывод о том, что данная государственная программа не реализуется в полной мере, и помимо этого, несёт за собой потери трудового потенциала молодёжи для Иркутской области.

Мы считаем необходимым рассмотреть федеральные документы, содействующие развитию молодёжной политике в сфере культуры и досуга молодёжи. Проанализировав нормативно-правовые акты федерального уровня, было выявлено, что содействие развитию молодёжной политике в сфере культуры осуществляется планомерно и поддержка молодёжных инициатив в сфере культуры оказывается государством регулярно.

Основным источником обеспечения функционирования молодёжной политики является Закон «Об образовании РФ», а также другие законодательные акты, регулирующие отдельные аспекты жизни молодёжи. Рассматривая законодательные акты РФ в области молодёжи, так же следует уделить внимание ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ), Конституция Российской Федерации. Данный ФЗ регламентирует правила и основы государственной поддержки молодёжных объединений во всех субъектах РФ. Данный ФЗ регулирует финансирование и продвижение молодёжных инициатив и ведение реестра молодёжных организаций. Стоит отметить, что проанализированные нами нормативно-правовые акты позволяют сделать вывод о том, что современная молодёжь, а конкретно молодёжь в социально-культурной сфере может являться особой социальной группой. Молодёжной политике в сфере культуры уделяется достаточное внимание, этой теме посвящен целый перечень документов.

Как было отмечено, согласно обзору ряда нормативно-правовых актов, в которых содержались основополагающие положения на всех уровнях (международный, федеральный, региональный), недостаточное внимание уделяется трансформации систем ценностей молодёжи в период пандемии, а также помощи студентам в нестабильных условиях. Ни в одном нормативном правовом акте за период 2020 г. не затрагивается вопрос формирования культурных ценностей молодёжи в период пандемии.

Резюмируя всё вышеизложенное, важно отметить, что проблема трансформации систем ценностей молодёжи, в том числе, культурных, несомненно является актуальной для России и стран всего мира в целом. Существует острая необходимость в регулировании законодательных актов, которые будут соответствовать нынешнему положению дел в сфере культуры и образования российской молодёжи и студенчества.

Литература

1. Постановление «О муниципальной программе "Культура и молодежная политика"» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561713100> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
3. Скриптунова Е. А., Мороз А. А. Предпочтения городской молодежи // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 105–110.
4. Заключение Контрольно-счетной палаты Иркутской области по результатам экспертизы проектов государственных программ Иркутской области от 15 октября 2018 г. № 132-р. URL: http://irksp.ru/wp-content/uploads/2018/10/01_38-18э.pdf (дата обращения: 05.05.2022).
5. Аналитический материал по результатам социологического опроса «Ценностные ориентации современной молодежи» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/daesh-molodezh> (дата обращения: 05.05.2022).
6. Сулакшин С. С., Захаренко (Хвляя-Олинтер) Н. А. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка // Центр научной политической мысли и идеологии. URL: <https://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoy-molodeji-ekspertnaya-ocenka> (дата обращения: 07.04.2022).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК НОВАЯ ЭКСПЕРТНАЯ КАТЕГОРИЯ В ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Рассматриваются основные изменения, которые произошли в период пандемии в повседневной жизни людей: рост спроса на стриминговые сервисы и интернет-площадки для видеоконференций. Автором рассматривается специфика экспертных исследований, которые проходили в пандемический период, и оценивается актуальность развития в этом научном направлении.

Ключевые слова: стриминг, цифровые возможности, сервисы, пандемический период, научная экспертиза.

A. A. Matveeva

Irkutsk State University, Irkutsk

INTERACTIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AS A NEW EXPERT CATEGORY IN THE PANDEMIC PERIOD

The article discusses the main changes that occurred during the pandemic in people's daily lives: the growing demand for streaming services and Internet platforms for videoconferencing. The author examines the specifics of expert research that took place during the pandemic period, and assesses the relevance of development in this scientific direction.

Keywords: streaming, digital capabilities, services, pandemic period, scientific expertise.

В цифровой среде возросла коммуникация через интернет. Быстрое распространение вируса, сильно повлияли на рутинные практики и взаимоотношения. Когда Всемирная организация здравоохранения, объявила о том, что ситуация с COVID-19 приобрела статус пандемии, многие страны начали вводить запреты сначала на международные и внутренние поездки, а после и на локальные перемещения. Повсеместно требовалось соблюдать режим социальной дистанции в 1,5 метра. Люди начали испытывать трудности в получении и услуг и товаров первой необходимости. Закономерным даным ограничениям стало развитие средств сетевой коммуникации. Люди стали больше использовать социальные сети как «ВКонтакте», приложения для видеоконференций как Zoom и сервисы по доставке еды. Экспертное исследование этих изменений и по сегодняшний день является актуальнейшим направлением для социологов. Интересной динамикой на сегодняшний день можно назвать спад интереса у людей к цифровым альтернативам, которые интенсивно использовались в период самоизоляции.

Социолог Э. Уотсон вместе со своими коллегами в октябре 2020 г. провела исследование, опираясь на результаты видеоэтнографического проекта в Сиднее (Video Ethnography Project in Sydney [1]). Эта экспертиза основывалась на анализе данных, собранных с помощью 12 видеозвонков в Zoom, в ходе которых, участники проводили экскурсии по своим домам и показывая свои цифровые устройства. Э. Уотсон сфокусировалась на изучении аффордансов (affordances [1]). Так называется совокупность возможностей доступности приложений и платформ для поддержания социальных отношений и общения на расстоянии. Все участники социального исследования отметили, что из-за введённых ограничений люди стали чаще пользоваться цифровыми устройствами как телефонами, планшетами и стриминговыми сервисами, что вскоре стало нормой. Э. Уотсон отмечала, что участники исследования оценивали опыт использования Zoom сильно отличающимися от обычного общения. Многоуровневые сенсорные возможности, т. е. аффорданы предоставляют выгодные условия для частого контакта – где люди могут видеть и слышать друг друга и существенно сблизиться. Важно отметить, что для участников совокупность изменений не воспринимается всерьёз и не желается как «новая норма» на постоянной основе. Она является случайным дополнением и необходимостью, отличной от близких отношений и более «реальных» отно-

шений, но, тем не менее, участники признают центральное значение дистанционных средств связи в контексте кризиса.

В период пандемии появились новые способы оптимального удовлетворения культурных потребностей. Сюда относится развитие стриминговой модели. Она отличается от TV-модели только способом показа и самой процедурой выбора видео. При TV-модели, суть которой заключается в ежедневной или еженедельной трансляции в какое-то определенное время, человек должен постараться успеть к назначенному времени начала программы. Психологически, это верная модель. У человека появляется неоправданный страх не успеть вовремя из-за иллюзии упущенной возможности. И поэтому даже не столь интересные для программы TV-зритель старается «успеть» посмотреть.

При второй модели человек в любое время может посмотреть нужную ему передачу или программу на стриминговых площадках как «Кинопоиск», Okko или IVI. В период пандемии это было актуально, так как люди проводили дома почти все свое время. К тому же лицензиаты старались как можно скорее выпустить именно цифровой релиз из-за отмен видеопроката в кинотеатрах. Но выпуск фильмов снова стал более приоритетным в рамках кинопроката, то от подписочных сервисов, основанных на стриминговой модели трансляции резко стали отказываться. Кроме отсутствия возможности быстрого ознакомления с новинками значимым является фактор отсутствия выше описанной психологической уловки. Человек, подписываясь на стриминговый сервис, за какую-то не столь большую сумму покупает огромную базу фильмов и сериалов. Поэтому он склонен быть избирательным потребителем. И когда интересующая такого потребителя видео продукция заканчивается, то он отписывается от сервиса. Стриминговые сервисы, в свою очередь, становятся заложником ситуации, где для поддержания интереса своего потребителя он обязан постоянно (хотя бы каждый месяц) выпускать новый товар достаточно высокого качества, что является практически невозможным.

На данный же момент стриминговые сервисы теряют свою актуальность из-за снятия ограничений. Видеоконференции и другие способы общения через цифровое пространство хоть и остаются актуальным до сих пор, так как данный способ коммуникации дает огромные возможности, как для обыкновенных пользователей, так и экспертов, но все равно стали менее приоритетными. Предоставляющие подобные возможности сервисы потеряли почти весь свой основной охват, который был приобретен в период самоизоляции.

Из-за последствий пандемии, некоторые социологических экспертизы начали осуществляться преимущественно через интернет. Что дало для социологов большие возможности по сравнению с традиционными экспертизами. Во-первых, это связано с техническими преимуществами, которые характеризуются экономией ресурсов и времени, большим объемом выборки и быстротой экспертизы. Дополнительными возможностями стало использование цифровых устройств и интернета, что стало плюсом для сбора нужной экспертной информации. Цифровые устройства позволяют быстро обработать полученные данные. Недостатками данной экспертизы стоит назвать подвижностью и быстрым изменением социального пространства в интернете, что можно заключить из исследования Э. Уотсон и её коллег.

Таким образом, исследуя динамику спроса на сервисы для видеоконференций и видео трансляций, можно заключить, что полноценной альтернативой TV-модели или реального общения предоставляющие данные возможности сервисы быть не смогут. Но данное направление серьезно зарекомендовало себя для экспертно-аналитической деятельности. Статус и роль экспертных и научных групп, изучающих цифровую среду, сегодня обладают не только авторитетностью, но и предоставляют условия для наиболее продуктивного исследования.

Литература

1. Watson A., Lupton D., Michael M. Enacting intimacy and sociality at a distance in the COVID-19 crisis : the sociomaterialities of home-based communication technologies // Media international Australia. 2021. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=Pr6F-3AAAAAJ&citation_for_view=Pr6F-3AAAAAJ:YsMSGLbcy4C

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ, ИСХОДЯ ИЗ ИЗМЕНЕНИЙ
КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА**

Рассмотрено изменение культуры посредством цикличности моды. Обосновано, что остромодное граничит со старомодным, образовывая в совокупности что-то новое, интересное и актуальное. В статье указано на то обстоятельство, что сам термин «цикл» произошел от греческого слова «циклос», что означает круг. Привлечено внимание к культуре дизайна. Аргументируется, что яркие цвета и фасоны 1990-х годов становятся актуальными и востребованными. Сделан вывод, что в современном мире появляются сочетания совершенно различных, так называемых несочетаемых вариаций стилей, фасонов, цветов и всё это остаётся актуальным.

Ключевые слова: мода, культура, общество, изменение культуры общества, современная мода.

V. S. Miloradova, A. I. Perepichka, N. O. Deichman
Irkutsk State University, Irkutsk

FORMATION OF MODERN FASHION BASED ON CHANGES IN SOCIETY CULTURE

The statement that "fashion is cyclical" is already perceived as an axiom. What is popular now was once popular. This variability is easy to trace in many aspects. The sharp-fashioned borders on the old-fashioned, forming together something new, interesting and relevant. The term cycle itself comes from the Greek word *cyclus*, which means circle. That is, a constant circulation, cyclicity. It's the same with design culture. What was popular 10–20 years ago is back in fashion today. Bright colors and styles of the 90s are becoming relevant and in demand. In modern culture, the costume is certainly one of the most obvious and important visual aspects of a person. Changes in design contribute to a change in the culture of society. The fact that the runway and industrial business exists socially makes design and fashion a real cultural asset. This fact determines the relevance of this topic in our time.

Keywords: fashion, culture, society, changing the culture of society, modern fashion.

В современной культуре костюм, безусловно, является одним из самых очевидных и важных визуальных аспектов человека. Изменения в дизайне способствуют изменению и в культуре общества. Факт существования подиумного и промышленного бизнеса в социальном плане превращают дизайн и моду в настоящее культурное достояние. Этот факт и обуславливает актуальность данной темы в наше время [5]. Мода – один из самых известных феноменов повседневности, из года в год, она вызывает особый интерес не только у работников научной сферы, но и привлекает внимание обычных обывателей.

Безусловно, мода является неотъемлемой частью культуры человека, особенно в современном мире. Сейчас одежда имеет не только её первоначальные функции, такие как защитная, плавно к ним присоединилась эстетическая, информационная, а на сегодняшний день, мода также является очень важной частью жизни социума. Мода – это очень сложный социокультурный и эстетический феномен, который находится в постоянном коммуникативном взаимодействии с объектами её внутренней и внешней среды. Мода настолько сильно проникла в жизнь общества, что непосредственно влияет на неё, посредством действия различных факторов: политических, культурных, экономических и социальных [1].

Как уже было сказано, в современной культуре костюм играет действительно большую роль, так как является одной из самых очевидных и ярких визуальных характеристик человека. Однако именно факт существования так называемого подиумного бизнеса превращает костюм в достояние массовой культуры. Разнообразии современных видов одежды помогает нам отображать свою индивидуальность, что немало важно в современном обществе.

Именно поэтому и важно прогнозировать моду, ведь это обусловлено нуждами социального производства. Необходимо брать во внимание вероятность выхода в свет новых моделей, образцов, изучать новейшие технологические процессы, формировать новейшие стемы производства и так далее [3].

Считается, что сам по себе так называемый модный феномен образовался в силу того, что рабочий класс подражал высшим сословиям. Однако образование моды, как мы все при-

выкли её воспринимать, относится лишь к XX в., и характеризуется весьма быстрыми изменениями во всех сферах жизни общества. Из этого можно сделать вывод, что существует некая связь между устройством общества и модными течениями.

Мода есть отражение эпохи, она отзеркаливает настроения общества, укрепляет взаимоотношения с экономикой. Именно последняя треть XX в. характеризуется образованием модных стандартов, а всё из-за влияния на модную сферу социокультурных, экономических и политических факторов. В данный отрезок времени для одежды была характерна, прежде всего, универсальность, дабы можно было легко сочетать между собой множество вариаций моделей, несмотря на гендерную роль её носителя. Можно сказать, что определяющими стилями этой эпохи стали «минимализм» и «унисекс», которые и в наше время имеют довольно-таки большую актуальность [2].

В современном мире начинает происходить некое отречение от привычных стандартов моды. Всё больше набирает популярность принцип естественности. Можно сказать, что общество разделилось в понимании красоты и моды. Кто-то считает, что одежда должна быть обычной, что выделяться не стоит, а для кого-то одежда является главным способом показать себя, выразить свою индивидуальность. Весьма очевидным в развитии модных течений становится диффузный стиль в одежде. Простыми словами, сочетание не сочетаемого, начало которого было положено в массах, молодёжных субкультурах, которые самовыражались по большей части при помощи эпатажности в их стиле, сочетая совершенно разные элементы костюма.

Одним из самых важных принципов в развитии моды является её закономерность, цикличность. Она обладает своей особой спецификой, которая тесно связана со сменой модных стандартов, модных циклов. Например, сейчас уже воспринимают как аксиому тот факт, что мода 1990-х гг. в наше время снова набирает популярность [4]. Тему закономерности в сфере моды в своих работах затрагивали многие исследователи из самых различных сфер научной деятельности, таких как история, искусствоведение и так далее. Саму же цикличность модных течений принято определять двумя видами циклов: кратковременными и долгосрочными.

Первым ввёл представление о долгосрочном модном цикле в своих исследованиях антрополог Альфред Кребер. Кребер заметил, что многие империи, нации, культуры и науки имеют циклический характер, что относилось также и к модным течениям. В результате многочисленных исследований, Кребер определил, что краткосрочные, или же временные изменения стилевых значений костюмов носят циклический характер. Даже несмотря на то, что изменения и некие вариации всё же присутствовали, данные изменения наблюдались в течение достаточно длительного периода времени, пока не достигали определённой точки своего развития и не начинали развиваться в обратном направлении.

Тенденцию продолжительности движения от одного значения к другому Кребер называл частотой. В своих последующих исследованиях Кребер относил изменения кратковременных вариаций, случившихся в рамках долгосрочных, на нестабильность эпохи, которая была обусловлена политическими конфликтами или некими социальными потрясениями.

Таким образом, всё вышесказанное лишь подтверждает то, что изменения в модных течениях во многом влияют изменения в обществе. До сих пор все попытки выявить некую закономерность и цикличность в развитии моды приводят к положительным результатам, что позволяет нам с точностью говорить, что мода имеет циклический характер.

Литература

1. Аброзе Е. А. Индустрия моды в условиях глобализации культуры // Теория и история культуры. 2006.
2. Демшина А. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. Litres, 2017.
3. Мода как форма группового поведения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moda-kak-forma-grupppovogo-povedeniya/viewer> (дата обращения: 05.03.2022).
4. Ретроспективизм в современной моде как симптом динамики образов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivizm-v-sovremennoy-mode-kak-simptom-dinamiki-obrazov/viewer> (дата обращения: 05.03.2022).
5. Циклический характер изменений в дизайне костюма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklicheskiy-harakter-izmeneniy-v-dizayne-kostyuma> (дата обращения: 05.03.2022).

КИБЕРБУЛЛИНГ В СРЕДЕ ОНЛАЙН-ИГР В ФОКУСЕ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

Статья посвящена проблеме кибербуллинга в пространстве многопользовательских онлайн-игр. Проанализированы причины востребованности такого рода цифровых приложений. Исследованы социально-психологические основания для возникновения киберагрессии в фокусе экспертных мнений. Систематизированы методы борьбы с кибербуллингом в онлайн-играх и обоснована необходимость в формировании особой культуры общения в игровой среде.

Ключевые слова: киберпространство, кибербуллинг, видеоигры, агрессор, жертва, наблюдатель, культура общения.

А. Ф. Okanina

Irkutsk State University, Irkutsk

CYBERBULLYING IN THE ENVIRONMENT OF ONLINE GAMES IN THE FOCUS OF EXPERT ASSESSMENTS

The article is devoted to the problem of cyberbullying in online-games. The author has identified the causes of the demand for such games and the grounds of aggressive behavior in these digital applications. The purpose of the article is to provide the reader with information on the distorted perception of cyberbullying, on how we can fight this phenomenon and on the need to form specific culture of communication in online games. All of this is backed up by an analysis of expert opinions.

Keywords: cyberspace, cyberbullying, video games, aggressor, victim, observer, communication culture.

В эпоху всеобщей доступности к сети Интернет уровень агрессии в киберпространстве находится на высоком уровне. Когда такое отношение приобретает форму открытой травли, преднамеренной и систематической и все это происходит с использованием информационных технологий, тогда и возникает кибербуллинг. Около 12 % интернет-пользователей встречаются с данным явлением на площадках массовых многопользовательских онлайн-игр [1]. Отсюда можно сделать вывод, что не каждая подобная игра является полем для возникновения и укоренения интернет-травли, однако актуальность темы сопряжена с психологическим здоровьем в киберпространстве не только взрослых пользователей, но и детей. К примеру, подростки, ставшие жертвой кибербуллинга в онлайн-игре, попросту боятся делиться этим с родителями, так как такое заявление может привести к ограничению игровой деятельности, излишнему родительскому контролю, полному лишению доступа как к игровому оборудованию, так и к интернету в целом. Именно поэтому важно исследовать эту среду, проанализировать степень опасности и разработать методы борьбы с киберагрессией. Содержание проблемы данной статьи заключается в предубеждении о том, что «все онлайн-игры представляют собой источник кибербуллинга», далее существует необходимость в более полном информировании игрового комьюнити (от англ. community – сообщество) о такого рода явлениях, большая часть «юзеров» (с англ. user – пользователь) считает, что кибербуллинг – это не серьезно, и наконец, остро стоит вопрос об отсутствии культурных форм выражения агрессии в киберпространстве.

Обзор работ, связанных с данной темой, предложен в статье В. Н. Бородиной «Роль онлайн-игр в возникновении кибербуллинга» и представлен следующими именами: зарубежные авторы – М. Гарайгордобиль, Р. М. Ковальски, С. П. Лимбер, Д. Олвеус, Д. Пэтчин, С. Хиндуя и др.; отечественные исследователи – А. А. Бочавер, Е. Н. Волкова, Г. У. Солдатова, К. Д. Хломов, Н. Ю. Федунина, можно добавить В. Н. Бородину. Стоит отметить классификацию онлайн-агрессий, которую предлагают Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, С. В. Чигарькова в статье «Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи» (г. Москва, 2020) где выделяются по типу и форме агрессивных проявлений в интернете хейтинг, троллинг, флэйминг, кибербуллинг, киберсталкинг, грифинг и секстинг [3]. Также в статье

К. Д. Хломова «Кибербуллинг: опыт российских подростков» (г. Москва, 2019) приводится статистика агрессии в интернете, результаты которой показывают, что «кибертравля не воспринимается как эффективная форма разрешения конфликта и не приводит к эмоциональной разрядке» [1]. Работы о позитивном влиянии игр на человека были опубликованы у Н. Н. Королевой, Н. В. Чудовой, Н. А. Шапкина, К. Янг и др., а также исследования о проявлении игровой зависимости были проведены А. В. Гордеевой, М. Д. Гриффитс, Н. И. Калиным, Е. Е. Малковой, Ю. М. Мураткиной, S. Stieger, Ch. Burger и др. Можно обратить внимание на труды по разработке классификации компьютерных игр А. А. Аветисова, А. Е. Войскунский, А. Г. Шмелев и др., по выявлению личностных и когнитивных особенностей людей, зависимых от игр (Н. В. Богачева, А. Е. Войскунский, Дж. Бек, М. Уэйд и др.), а также по анализу гендерных различий (О. В. Митина, J. Bohnsack, С. А. Bowers, J. Feng, I. Spence, J. Pratt, K. Pross, и др.) и т. д. [2]. В. Н. Бородина в своей работе «Роль онлайн-игр в возникновении кибербуллинга» выявила связь кибербуллинга и многопользовательских онлайн-игр. Однако новизна нашего научного исследования заключается, во-первых, в изучении кибербуллинга и среды онлайн-игр через призму экспертных оценок, а во-вторых, в более глубоком анализе самого механизма возникновения агрессии внутри игр, следовательно, в выявлении социально-психологических причин увлечения такого рода цифровыми приложениями.

Как известно, кибербуллинг (с англ. cyberbullying, «cyber» – кибер, явления относящиеся или характерные для культуры компьютеров, информационных технологий и виртуальной реальности; «bullying» – запугивание) – это целенаправленный и повторяющийся вред, наносимый кому-то с использованием интернет-технологий [6]. Распространение такого феномена в многопользовательских онлайн-играх связано с тем, что агрессор на дистанционном уровне ощущает индемнитетность, т. е. действует полагая, что избежит физического наказания. Такой субъект, зачастую анонимен, что предполагает пониженную ответственность к словам и рост «дерзости», безусловно, можно легко обратиться к администрации игры и запросить санкции для того или иного «хейтера», однако, по большей части, личность установить достаточно сложно. Учитывая масштабы интернет возможностей, можно сделать вывод, что предпринять какие-либо поисковые меры почти невозможно. При сравнении с очным буллингом – кибербуллинг может оказаться более продолжительным, так как в интернете намного легче обойти запреты и, конечно же, здесь не нужно живое общение. В дополнение к этому, причиной возникновения такого явления может стать определенный уровень сложности самой онлайн-игры, а также дифференциация возможностей и дальнейших перспектив для членов комьюнити. Таким образом, многопользовательская командная компьютерная игра Dota 2 обладает самым большим призовым фондом среди подобных киберспортивных площадок, является одной из лучших киберспортивных игр, в то же время стоит первой в списке по уровню негатива во время игрового процесса [8]. Если же рассматривать кибербуллинг вне матчей, то здесь на первой позиции Cull of Duty, Battlefield и League of Legends – онлайн-игры, в которых разработчики справились с агрессией внутри игры, однако игроки, которых ограничили четкими правилами, выражают свои эмоции вне игрового процесса. League of Legends входит в четверку лучших игр для киберспорта, исходя из уровня призового фонда.

Следует акцентировать внимание и на содержании понятия видеоигр, в которое входят как компьютерные, так и мобильные игры, и приложения для других видеоигровых устройств. Видеоигра – это игра с использованием изображений, сгенерированных электронной аппаратурой. В различных источниках этот термин синонимичен компьютерным играм, что, по нашему мнению, не совсем корректно ведь характеристика – «компьютерный», может вводить в заблуждение и сужать область значения. Отметим, что кибербуллинг существует во всех типах видеоигр. Многопользовательская платформа Roblox (поддерживается на компьютерном и на мобильном оборудовании), в которой разработчики различного профессионального уровня предлагают свои режимы, например, «Murder Mystery 2», где пользователи, часто могут проследить киберагрессию. Еще одно мобильное приложение Brawl

Stars, игроки которой выражают недовольство с помощью чата, является «токсичной» средой. Как уже упоминалось ранее Dota 2 и многие другие «компьютерные» игры, так же входят в этот «список».

Основным стереотипом на эту тему является то, что большая часть игр лишь по своей сути (жанру, сюжету и т. п.) является причиной возникновения агрессии и распространения насилия. На самом деле, проводилось достаточно большое количество исследований по этому поводу (как указывалось нами ранее), однако прямой зависимости игр на психику человека так и не было установлено [7]. Следующим стереотипом является то, что любой пользователь автоматически становится геймером, т. е. происходит еще одна подмена понятий. [9] Есть целый ряд дифференциации игрового комьюнити, поэтому не стоит путать «казуальных игроков» – простых игроков, людей, которые придерживаются позиции, что это всего лишь развлечение, тем самым, с легкостью отказывающиеся от игр; с геймерами – это те, кто зависит от игр и предпочитают этот род деятельности другим. Также существуют и другие виды игроков: «ретрогеймеры» (люди, играющие в игры прошлых поколений), «хардкорщики» (люди, играющие на самых сложных уровнях и настройках), «киберспортсмены» (профессиональные игроки) и др. Здесь мы выделим категорию – киберспортсменов, так как за их деятельностью стоит еще один стереотип – о деструктивном образе жизни таких людей. Один из экспертов Антон Городецкий, руководитель медиапроекта о видеоиграх PLAYER ONE, который давал интервью для российского международного информационно-развлекательного телеканала – RTVI, на вопрос о вредности киберспорта дал следующий ответ: «Это миф, это заблуждение, у профессиональных киберспортсменов такая физическая подготовка, которой мы тут все с вами позавидуем. Это полноценный спорт, такой же спорт, как и любой другой <...> у них(киберспортсменов) свой режим, своя диета, они рано встают, так же бегают. Да, определенное время в течение дня они сидят за оборудованием, развивают командные тактики, реакцию и прочее. <...> В остальном, это люди, которые живут в специальных кампусах, у них своя программа развития, они следят за здоровьем и есть специальные люди, следящие за их самочувствием [9]. Можно сделать вывод, что на интенсивность кибербуллинга также влияют следующие факторы: вид видеоигры, степень вовлеченности и серьезности отношения к процессу самих игроков (деление игрового комьюнити). Плюс ко всему стоит отметить давление внешней среды на игровое комьюнити, даже исходя из того факта, что индустрия развивается, большинство людей в нашем обществе относится к такому роду деятельности отрицательно и, более того, смотрят на все это через призму перечисленных нами стереотипов. Такое отношение порождает запреты, патологизацию и табуирование, приводящие, к стагнации и неразвитости культуры общения в киберпространстве, что, в свою очередь, является основой возникновения кибербуллинга.

Важно понимать, что, как и жертвами, так и агрессорами кибербуллинга, может стать каждый, особенно в игровой среде. В киберпространстве невозможно спрогнозировать исход событий, отчего спектр реакций всегда остается непредсказуемым. Поэтому необходимо развешать стигматизированные образы субъектов такого рода коммуникаций. К примеру, не стоит представлять агрессора в виде девиантной и маргинальной личности, так как, во-первых, большая часть игровых пользователей нацелены на достижение успеха и реализации намеченных внутри игры целей (это могут быть не только киберспортсмены) и командные задачи могут сильно изменять ход событий, а во-вторых, на такое поведение могут повлиять различные внешние факторы, начиная от социальных институтов, заканчивая особенностями характера. Наряду с этим важно не допустить виктимизации, т. е. обвинения жертвы в том, что именно по ее вине произошел тот или иной случай кибербуллинга [4]. Такая реакция как на деятельность, так на бездеятельность жертвы, когда она и так находится в проигрышном состоянии, не способна себя отстоять и защитить, может привести к негативным последствиям для угнетенного – от чувства вины и одиночества, до глубоких психических расстройств и суицидальных исходов.

Последняя категория участников такого рода травли – это свидетели. Их роль заключается в пассивном наблюдении, они, как правило, остаются безучастны, однако, зачастую, та-

кое решение может расцениваться как безмолвное согласие с позицией агрессора. В случае, когда свидетель встает на сторону защиты в киберпространстве, большое значение здесь будет играть сама форма возражения, т. е. ответная реакция может быть вполне адекватной и конструктивной, а может обернуться в такую же агрессивную форму кибербуллинга. Тогда свидетель из-за своей грубой инициативы сам становится агрессором, а агрессор встает на место жертвы. Далее, исходя из логики, жертва, найдя поддержку, может также стать агрессором. Еще один вариант, когда жертва сама начинает защищаться, тогда позиция безмолвных свидетелей, в большей степени, остается неизвестной. Таким образом, жертвой остается тот, против кого большинство (если участников спора двое, то это, не будет кибербуллингом, тогда – это, скорее всего, окажется конфликтом), а в случае многопользовательских онлайн-игр, где зачастую участники друг с другом незнакомы – возникновение кибербуллинга, можно сказать, естественное явление.

На этом этапе мы переходим к вопросу о том, почему люди играют в видеоигры. Согласно теории, предложенной в книге «Homo ludens: человек играющий» Йохана Хейзинга, «...мы можем назвать игру с точки зрения формы некоей свободной деятельностью, которая осознается как настоящая, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами» [5]. В этой работе отмечаются типичные черты игрового процесса – это состязательный элемент, интегративные свойства такой деятельности и формирование сообществ и команд, далее приводятся общие факторы, характерные для любой игры: правила, пространственно-временные условия и удовольствие. Игра в концепции Й. Хейзинга – это культурно-историческая универсалия, культура в ее древнейших формах «играется». «Она происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела, – пишет автор, – она развивается в игре и как игра» [5], «Культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре» [5]. Исторический анализ приводит Й. Хейзинга к выводу о том, что в виду рационализации общества, начавшейся в XVIII в. и закончившийся в XIX в., по мнению автора, произошло уменьшение значимости игр и убывание игрового элемента культуры. Культуросоздающая функция игр становится менее предпочтительной на фоне возрастания влияния экономического института. В результате чего провозглашается дух рационализма и утилитаризма, как формы жизнедеятельности, посредством которых, в результате труда и производства общество получает максимальную выгоду, тогда как от игр в фокусе культуры никакой практической пользы нет [5]. Отсюда можно сделать вывод о том, что уже с XVIII столетия отношение людей к различным формам игры меняется в негативную сторону. Спорт как суррогат игровой деятельности, на сегодняшний день является более признаваемой игровой формой, связанной с физическими достижениями, тогда как менее технически организованные игры, не связанные с пользой, становятся отчуждаемым, второстепенным процессом в жизни людей. Именно поэтому видеоигры и киберспорт так часто критикуют, осуждают игровое комьюнити, считая такой род деятельности бесполезным. Такое положение дел доказывает наличие социальной противоречивости у некоторых, склонных к большей рациональности членов общества, и непонимания причин такой востребованности игровой индустрии.

Исходя из вышеизложенного, для большинства казуальных пользователей деятельность такого рода предполагает три основных причины: 1) развлечение (проведение досуга), 2) снятие стресса (эмоциональная разрядка), 3) общение. Эти же условия выполняются у той категории людей, которые проявляют более серьезный соревновательный интерес к видеоиграм и в дополнение к перечисленным, базируются на: 1) соревновательном процессе (рейтинговая система с высокой конкуренцией); 2) азарте; 3) преодоление сложностей (повышение «скилла» (с англ. skill – умение, навык, часто используется игровым комьюнити); 4) установке о том, что видеоигры – это основной род деятельности (начиная от большого количества свободного времени у разной категории лиц, заканчивая зависимостью); 5) про-

фессиональном развитии (киберспорт). Часто люди прибегают к такого рода занятию совмещая несколько, а иногда и почти все, основания.

Большую роль играет количество времени, затраченное на видеоигры, так как, к примеру, в сессионных играх – это проекты, в которых выделено ограниченное количество времени на раунд, при этом игровой ход не сохраняется и каждый раз начинается заново (в основном подобные игры преобразуются в киберспортивные дисциплины), в таких играх пользователи могут участвовать в десятках неудачных матчей подряд, не чувствуя течения времени, после чего у игрока начинают появляться мысли о потраченном времени зря. Собственно, именно время, сложность, азарт, соперничество, зависимость – это стандартные причины возникновения агрессии (очень часто агрессором возникает не совсем компетентный пользователь, представляющий более слабые игровые навыки и недостаточную осведомленность в геймплее, игрок такого рода перекладывает ответственность на других участников). Однако существует еще несколько причин кибербуллинга и это: 1) материальное превосходство (часто в видеоиграх есть возможность вложить деньги в геймплей и это называется «донатить» с англ. *donate* – жертвовать, дарить); 2) эйдзизм (дискриминация и различного рода предрассудки, связанные с возрастом игроков); 3) преждевременное осуждение за низкий уровень внутри игры; 4) гриффинг; а также чаще всего распространённый среди более взрослой части комьюнити; 5) гендерный аспект (в большей степени травля в сторону женщин). Донатить можно огромное количество ресурсов, некоторые считают это пустой тратой денег, некоторым это недоступно, а некоторые зачисляют себя к более высшему рангу, только исходя из своих вложений и являются «буллерами» (агрессорами). Подобным образом относятся и детям и достаточно взрослым людям, заранее устанавливая негативную связь с такого рода возрастными категориями, из-за чего угнетаемое меньшинство принимает менее активное участие в процессе или, в конечном счёте, начинает думать, что видеоигры не для него. Гриффинг (с жарг. англ. *griefing* – скорбящий) – это наличие в игровом процессе игрока (грифера), который портит его другим игрокам без всякой пользы для себя и других, иными словами это «кибервредительство» в видеоиграх. Грифер, к примеру, может выбрать всего одну жертву и постоянно мешать ей добиться намеченных целей (сюда же будет входить «игроки-обманщики»). Что касается женского пола, то здесь можно провести аналогию со стереотипом о том, что женщины хуже водят машины, т. е. происходит маскулинизация и эмансипация мужчинами видеоигр, такие пользователи часто направляют женщин заниматься «женскими делами» на кухне и т. п., так же особенность состоит в характере оскорблений, а также в неуместном и оскорбительном флирте. Такое отношение приводит к неуверенности женщин этой среде, в виду чего они чаще всего не выбирают ключевые роли в матчах.

Последний значимый фактор – это каким способом объединены участники, командная это игра или одиночная, какие алгоритмы формируют команды, насколько участники друг от друга зависят и как выбираются соперники. Киберагрессия внутри команды может возникнуть даже среди друзей, входящих в ее состав, хотя такой акцент может оказать и стимулирующий эффект, когда друзья (в грубой форме и это, конечно же, не корректно) помогают, учат и наставляют друга, тем самым, добиваясь хороших результатов. В этом случае кибербуллинг приобретет форму ругательств, после которых есть возможность примирения. Когда же травля происходит без последующих разрешений конфликта, тогда это настоящий кибербуллинг, более того, необоснованный «хейт» (с англ. *hate* – ненависть) может с самого начала довести до угнетенного состояния и ухудшения «скилла», соответственно, еще больше усугубить конфликт.

Интересным образом возникает кибербуллинг в сфере киберспорта. Члены команды друг на друга в большей мере не агрессивуют, а также из-за высокого статуса, соблюдая этические правила, не ссорятся и с соперниками. Но кибербуллинг там все равно присутствует, и его источником являются зрители. Любой киберспортивный матч можно сравнить, например, с футбольным, где болельщики кричат неприятные вещи команде соперников. Также происходит в видеоиграх, травля противников со стороны фанатов может быть направлена как на самих игроков, так и на других фанатов.

Итак, какие же существуют методы противодействия кибербуллингу. Для начала, выделим причины неразвитости культуры общения в киберпространстве в России: 1) относительная молодость индустрии, по сравнению с западной, (кибербуллинг в России более распространенное явление, в случае с языковым барьером, русскоязычные игроки могут не понять того или иного оскорбления от иностранных участников); 2) отсутствие культурных форм выражения агрессии (пользователи могут думать, что это правильно снимать стресс агрессивирова на других, используя видеоигры, более того, в сознании таких людей может возникнуть мысль легитимации «хейта», как формы проведения досуга); 3) проблема российского общества – несерьезного отношения к психологии, непринятие помощи психологов и скептицизм по этому поводу (по мнению экспертов Александры Бабкиной, директора социальных проектов Mail.ru group, автора дня борьбы с кибербуллингом в России и Кирилла Хломова, руководителя психологической службы, старшего научного сотрудника РАНХиГС) [10]; 4) оправдание такого поведения новым модным понятием «цифровой аутизм» (такой термин, по нашему мнению, не корректен, поскольку аутизм это расстройство, врожденного характера, возникающее вследствие нарушения развития головного мозга, следовательно «цифровой аутизм», определение которому следующее – это состояние при котором в процессе использования гаджетов, человек теряет способность поддержания длительного социального контакта, после чего пропадает интерес к чужому внутреннему миру, такое употребление слова аутизм, нецелесообразно, так как в целом не было доказано существование такого состояния, причиной которого цифровая зависимость.

Наконец, можно выделить способы борьбы с кибербуллингом. Первая категория методов включает в себя наиболее пассивные и неэффективные средства: 1) привыкание (абстрагирование от ситуации); 2) прекращение игровой деятельности в той или иной игре (нежелание играть в «токсичные», однако, зачастую очень хорошие игры); вторая категория представляет собой минимизацию возможностей столкновения с агрессорами: 1) отключение групповых чатов; 2) отделение от группового голосового общения; третья категория предполагает самые эффективные методы воздействия на кибербуллинг: 1) жалобы на агрессоров администрации (такая возможность есть в большинстве многопользовательских онлайн-игр, после чего сотрудники проводят проверки, и эта система работает достаточно справедливо); 2) установление цензуры (к примеру, оскорбительные слова, в многопользовательской компьютерной игре Overwatch, автоматически преобразуются в символы «***»); 3) на этапе разработки игры уменьшить зависимость игроков друг от друга; 4) убрать чаты (ограничить способы коммуникации); 5) установить систему рейтинга («дизлайки», «система чести», в соответствии с которой будет производиться формирование в команды); 6) разработать систему поощрения за этическое поведение (бонусы за сдержанность). Таким образом, можно сделать вывод, что существует уже достаточно много методов борьбы с кибербуллингом, однако, даже несмотря на все это, в России проблема все равно остается актуальной и распространенной. Причинами этого являются, во-первых, сильный соревновательный «дух», во-вторых, внешнее воздействие на комьюнити (влияние социальных институтов и психологических особенностей) и, в-третьих, неразвитость культуры общения в киберпространстве, как указывалось ранее.

Экспертное мнение, представленное в работе, доказывает, что в результате акта кибербуллинга агрессор, по большей части, не получает должного удовлетворения из-за того, что ему трудно понять и увидеть реакцию своей жертвы. Также часто киберагрессия может стать неожиданностью для интернет-пользователя, в виду того, что каждый живет в своей «социальном пузыре», выйдя за пределы которого можно стать, как агрессором, так и жертвой (разница мировоззрений). Можно отметить рост вовлеченности в киберпространство во время самоизоляции, а вместе с этим и рост киберагрессии. Поэтому, по мнению экспертов, необходимо увеличить степень информированности общества о разрушающем эффекте данного явления, указать на серьезность такой проблемы и вырабатывать навыки поддержки интернет-комьюнити [10]. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что, по оценкам экспертов, основная причина «токсичности» в онлайн-среде и в среде видеоигр –

это умаление значимости кибербуллинга и, в большей степени, негативное отношение к кибердеятельности.

В заключение можно добавить, что полное искоренение кибербуллинга в видеоиграх невозможно, ведь травля и агрессия являются частью естественной среды любой коммуникации. Далее – не все многопользовательские игры являются «токсичными» платформами, например, Genshin Impact – это игра с позитивным комьюнити, для которых игровой процесс основывается на взаимопомощи. Отметим, что России все еще остро стоит вопрос об отсутствии образовательных программ об адекватных формах выражении агрессии, проблема нерелексивности общества и халатного отношения к собственному психическому здоровью. Наконец, необходимо решить задачу просвещения социума о важности данной проблемы, первые шаги уже были сделаны Mail.ru Group, инициатива которых позволила учредить ежегодный день борьбы с кибербуллингом (11 ноября). Такая акция позволяет на площадках социальных сетей обсудить проблему кибербуллинга с каждым желающим и привлечь другие российские организации для помощи в сборе благотворительных средств и ресурсов для исследования такого рода явления. Пожертвования, должны помочь людям, ставшим жертвами кибербуллинга и насилия в интернет среде. Также ADL Center разработали идеи по борьбе с «токсичностью» в играх в работе Disruption and Harmsin Online Gaming Framework («Нарушение и вред в рамках онлайн-игр») – это проект всеобъемлющая структура, подробно описывающая, что известно о таком поведении, включая основные причины, и это первый в серии ресурсов, которые применяют эти знания.

Литература

1. Хломов К. Д. Кибербуллинг: опыт российских подростков // Психология и право 2019. Т. 9, № 2. С. 276–295.
2. Бородина В. Н. Роль онлайн-игр в возникновении кибербуллинга // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 9–11.
3. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2(38). С. 3–20.
4. Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 273–292.
5. Хэйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
6. Кибербуллинг опаснее обычной травли // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/education/2020-02-05/8_7786_bulling.html (дата обращения: 29.04.2022).
7. Видеоигры с точки зрения науки: почему ученые советуют в них играть // Хайтек. URL: <https://hightech.fm/2021/02/18/game-benefits-harm/amp> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Топ киберспортивных игр с самым токсичным комьюнити // Cybersport.ru. URL: <https://www.cybersport.ru/amp/blog/post/302949/top-kibersportivnykh-igr-s-samym-toksichnym-komiuniti> (дата обращения: 29.04.2022).
9. Городецкий А. Почему гейминг становится популярнее и как видеоигры влияют на агрессию // RTVI развлечение. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YCbWt8Nkts> (дата обращения: 01.05.2022).
10. Почему кибербуллинг – одна из главных проблем современности и как с ним бороться? // Больше Всех Надо. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=auHtUeR6V-s> (дата обращения: 02.05.2022).

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ В ГОРОДСКУЮ СРЕДУ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОРОДЕ

Рассматривается проблема низкой степени интеграции городских пространств как аспекта социальной жизни мигрирующего населения. Автор проводит анализ традиционной экспертной деятельности с позиции концепции социального пространства Анри Лефевра и предлагает новые стандарты для экспертизы.

Ключевые слова: городские пространства, экспертная деятельность, интеграция, административная политика, миграция населения.

D. A. Pahnuschaya

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PROBLEM OF MIGRATION TO THE URBAN ENVIRONMENT THROUGH THE ANALYSIS OF URBAN SPACES AND EXPERT ACTIVITY IN THE CITY

The article deals with the problem of the low degree of integration of urban spaces as an aspect of the social life of the migrating population. The author analyzes traditional expert activity from the perspective of Henri Lefebvre's concept of social space and proposes new standards for expertise.

Keywords: urban spaces, expert activity, integration, administrative policy, population migration.

Сегодня граждане мало отождествляют себя с городской средой. Данная проблема связана как с резко возросшей ролью урбанизации в России после 1990-х годов, так и с последующей государственной и, в частности, административной политикой в стране. Экспертные исследования данной проблемы в подавляющем количестве осуществляются традиционным путем. Сначала устанавливаются количественные и качественные характеристики, т. е. вещественное определение проблемы. Сюда относится подсчет убытков и анализ статистики о переселении из деревень и сел в крупные города. Вторым шагом в традиционной экспертизе является оценка действий людей с точки зрения их исполнения. Эксперты оценивают то, каким образом люди переселялись и как они дальше существуют в городских пространствах. Но существует ряд факторов, по которым экспертная деятельность по данному вопросу требует инноваций. Как показывают опросы ВЦИОМА, последующая жизнь в городских пространствах мало соотносится с тем, как горожане себя в ней ощущают: «Эмоциональное отношение россиян к месту своего проживания отличается от оценки уровня его комфортности. Если в первом случае абсолютное большинство выражает позитивное или нейтральное отношение, то во втором каждый четвертый высказывает недовольство (24 %)» [2]. Налицо проблема низкой интеграции городских пространств в качестве аспекта неотъемлемой части жизни населения.

На данный момент эксперты по социологии города в России свою деятельность организуют вокруг проблем, которые касаются непосредственно города. Исследователи социологии города часто обращаются к культурному и экономическому поведению, свойственному конкретному пространству, которое связано с городской средой. Для подобного рода экспертизы необходимо выделить необходимые характеристики, по которым пространства необходимо классифицировать. Между тем «...топология общественных пространств достаточно широка: пространства можно разделить на публичные формы и частные, административные и корпоративные, локального и городского уровня, могут быть вообще индивидуальные пространства» [3]. Как правило, для экспертной деятельности в городе и регионе исследователями выбирается одно из самых приоритетных пространств в исследовании конкретной социальной проблемы. Выбор пространства часто основывается, исходя из тех направлений, на котором больше всего акцентируется администрация города и области. В последнее время внимание администрации чаще всего обращено на глобальные экологические проблемы и проекты по поддержке граждан, нуждающихся в соцзащите. Данная деятельность обладает приоритетным значением, но направления решения связанных с ней про-

блем, в первую очередь требуют обращаться к выше обозначенной топологии общественных пространств, что серьезно сказывается восприятию этой проблемы гражданами, мало относящим себя к конкретному пространству. Любую административную проблему для её оптимального решения необходимо разрабатывать на как можно больших уровнях городских пространств. Глобальные экологические проблемы слишком обобщены, а значит, не обращены к конкретному гражданину, поэтому он не осознает в полной мере необходимость своего участия, а проблемы нуждающихся в соцзащите групп населения, наоборот, воспринимаются слишком приватными для участия.

Анализируя основные направления экспертной деятельности и ее объекты, можно заметить, что интеграция городского образа жизни сегодня является мало востребованным направлением для исследователей социологии города. Проблемы, с которыми сталкиваются граждане при переезде из одного маленького города, поселка, деревни в высокоразвитый город находятся как бы на стыке административной деятельности различных городов и областей. По этой причине очень тяжело составить оптимальную поддержку для людей, которые не просто желают сменить место жительства, а для которых это необходимо.

На сегодняшний день в России существует огромное количество деревень, в которой нет необходимых условий для формирования каких-либо общественных пространств. Проблема заброшенности сельских населенных пунктов начала формироваться после в 1990-х гг., когда люди были вынуждены переезжать в города. Деятельность в селах и деревнях основывалась посредством кооперативов, которые существовали в Советском союзе. После перестройки в 1990-х гг. интеллектуальная среда деревни исчезла, а сельскохозяйственное производство резко утратило свои масштабы. Данная проблема в России является в первую очередь экономической, но причины, по которым она до сегодняшнего дня так и не находит своего разрешения, находятся в глубоко социальных факторах. Многие деревни опустели более чем на 90 % своего населения, но все еще насчитывают минимальное количество жителей, для которых переезд в город – это в первую очередь психологический барьер. Жителю деревенской среды очень тяжело приспособиться к городской среде. Известная топология общественных пространств только сильнее расщепляет социальные отношения между людьми. И людям, не разделяющим аспекты общественной жизни ни одного из этих пространств, не остается возможности для комфортного приспособления к городской среде. Они вынуждены пребывать исключительно в своем пространстве. Так происходит не только из-за строгой экспертной классификации, но и по причинам административного разделения проблем по видам пространств.

Автор статьи солидарен с мнением французского социолога Анри Лефевра, автора концепции социального пространства, что «...говоря о производстве пространства (и времени), мы подходим к ним не как к неким «предметам» или «вещам», изготовленным вручну или машинами, но как к важнейшим аспектам «вторичной» природы, результата воздействия общества на природу «первичную» – на чувственные параметры, материю и все виды энергии» [1]. Трансформация городского пространства – это в первую очередь трансформация социокультурного пространства. И интеграция людей иного психологического портрета, (не только жителей деревень, но и жителей других городов) должна не подавляться, трансформироваться в результате взаимодействия между жителями. Должен происходить ментальный и культурный обмен. Данный процесс возможен только с помощью грамотной административной политики, которая будет продвигать проекты, необходимые для участия в важнейших вопросах представителей различных городских пространств. Тема экологии, помощь согражданам или сохранение исторических ценностей родного региона – все это должно находить свое отражение в деятельности граждан различных городских пространств.

Таким образом, новые стандарты для экспертной деятельности по решению проблем города должны больше акцентироваться на особых представлениях различных прослоек населения, продумывать стратегии пространств не только для того, чтобы решать множество проблем, свойственных различным социальным группам. Внимание к практикам горожан также является необходимо для осмысления ими своей городской идентичности. Та или иная трансформация городских пространств могла бы оказать необходимую поддержку жителям деревень для наиболее успешной их интеграции в городскую среду.

Литература

1. Лефевр А. Производство пространства. URL: https://mir-knig.com/view_241331.
2. Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее изменения // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyanе-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya>.
3. Чикалина В. А. Социология города // Наука без границ. 2019. № 8 (36). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39252868>.

УДК 332.025.3

А. Ю. Поджидаева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗОН В СИБИРИ И ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрены основные проблемы, характеризующие состояние промышленных районов на сегодняшний день в России. Проанализирована проблема производственной модернизации предприятий на территории Российской Федерации и ее субъектов. Выявлены благоприятные тенденции в сфере развития промышленных зон России в последние десятилетия, рассмотрены основные характеристики их деиндустриализации. Проведен анализ особенностей промышленного развития Сибирского федерального округа и Иркутской области, в частности.

Ключевые слова: инновационная активность, регион, промышленная политика, производственные зоны, экономическое развитие.

A. Yu. Podzhidaeva

Irkutsk State University, Irkutsk

STATUS AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ZONES IN SIBERIA AND THE FAR EAST: SOCIO-ECONOMIC ASPECT

The article deals with the main problems that characterize the state of industrial areas today in Russia. The problem of industrial modernization of enterprises on the territory of the Russian Federation and its subjects is analyzed. The paper reveals unfavorable trends in the development of industrial zones in Russia in recent decades, and considers the main characteristics of their deindustrialization. The analysis of the features of the industrial development of the Siberian Federal District and the Irkutsk Region, in particular, has been carried out.

Keywords: innovative activity, region, industrial policy, industrial zones, economic development.

Начиная со второй половины XX в. В качестве основных направлений современной мировой экономики целесообразно выделить: трансформация структуры валового внутреннего продукта государств в сторону сферы услуг, развитие отраслей промышленности на основе увеличения количества и качества наукоемких товаров, тесное переплетение научной сферы и производства при использовании информационно-коммуникационных технологий, а также переход к автоматизированному выпуску продукции.

На сегодняшний день современный город представляет собой во многом результат ускоренных темпов развития в XIX – начале XX в., когда общество стало постепенно переходить в постиндустриальную фазу своего развития. Данный переход ознаменовался процессом деиндустриализации промышленных зон. Банкротство градообразующих предприятий старого типа, приостановление деятельности железнодорожных линий приобрело массовый характер в городах. Этот процесс носил естественный характер и связан с «давлением» и «выталкиванием» окружающим пространством элементов, постепенно утрачивающих значимость в обществе. При этом изначальное развитие промышленных районов в черте города в нынешней ситуации оказывает негативное воздействие на экологическую обстановку, характеризуется увеличившейся транспортной нагрузкой, расширением складских зон, маргинализацией населения, живущего возле промышленных зон, а также снижением общего уровня качества жизни и комфорта среды проживания. Вследствие этого крупнейшие разви-

тые страны начиная с конца XX в. Запустили комплекс мероприятий, направленных на «переселение» промышленных районов.

Так, крупнейшим городом, уже осуществившим перемещение производственных зон является Лондон. Процесс реорганизации промышленных районов осуществлялся по двум направлениям: перемещение промышленных предприятий из центральных районов города на периферию и повышение их инвестиционной привлекательности. Были задействованы как непосредственно градостроительные методы регулирования, так и экономические. Результатом проведенной в 1972–1980 гг. политики стало «переселение» 567 промышленных предприятий на пригородные территории [6]. Общая площадь всех промышленных районов столицы Великобритании на настоящий момент не превышает 10 %. Параллельно этому процессу в Лондоне запустили процесс реновации старых промышленных помещений, превратив последние в туристические объекты и объекты культуры (театры, спортивные сооружения, музеи и проч.). Перемещение производственных зон успешно было осуществлено и в Париже с целью более равномерного распределения деловой активности в городе, улучшение финансового положения депрессивных регионов и сокращение числа безработных.

В России архитектура городов с влечением промышленных предприятий была разработана при Советском Союзе для эффективного функционирования крупных промышленных территорий. Вследствие перехода на постиндустриальный этап развития и постепенного расширения пространства города многие промышленные предприятия оказались окружены жилыми постройками. Результатом служит несвязность и обособленность районов города между собой, несоответствие их архитектурно-художественного ландшафта, неэффективное функционирование городских систем, перегруженность дорог, ухудшение экологической обстановки и здоровья жителей, в частности. Вместе с этим, промышленные помещения нередко строились в прибрежных зонах и ныне местах рекреации и туристических маршрутах.

В то же время сами промышленные предприятия, находящиеся в старых помещениях, имеют ограниченные возможности применения новых технологий на производстве, вынужденные тратить значительную часть дохода на желаемое соответствие помещения санитарным требованиям и постоянному ремонту ветшающих зданий. Изначально созданные в выгодных условиях размещения предприятия, в нынешней ситуации, становятся все более убыточными и малоэффективными.

На сегодняшний день, приоритет отдается социальным и экономическим интересам субъектов экономики в выборе помещений для бизнеса и жилья. Немаловажную роль в аспекте освоения территорий и перемещения производственных помещений является играет и стоимость земельных участков.

Из опыта зарубежных стран видно, что для реорганизации и развития промышленных районов необходим системный подход, в включающий, в том числе, учет экономических, социальных, экологических последствий от подобного рода трансформаций.

В России наиболее успешно процесс преобразования территорий проходит в Западной части России (Москва, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге). Изменения, происходящие в сферах экономической деятельности, приводит к трансформациям, связанными с размещением фирм, домохозяйств, промышленных предприятий, пространств деловой активности, жилья и проч. Исходя из этого города должны своевременно реагировать на происходящие изменения и осуществлять перемещение промышленных районов, их «обновление» (реновацию и редевелопмент). Все возрастающий интерес к «обновлению» можно объяснить наличие большого количества ветхих и заброшенных промышленных помещений в центральной части города и, одновременно с этим, определенном недостатке свободных территорий под застройку [3].

Как отмечает А. К. Андрианов, Россия попала в «...ловушку технологического иждивенчества», с одной стороны, ориентируясь на размещение в стране производств с частично устаревшими технологиями и оборудованием, с другой – перейдя на прямую покупку современного оборудования и материалов (не имея шансов произвести их самостоятельно)» [2].

Говоря об особенностях промышленного развития Сибири и Красноярского края, целесообразно отметить, что в последние годы отмечается тенденция, в целом соответствующая общероссийским: расширение сферы услуг и деиндустриализация, выражающаяся сокращением производства. Так, сфера услуг в Сибирском федеральном округе выросла с 37,9 % 2000 г. до 51,0 % (2012 г.) (в 1,34 раза). При этом в Красноярском крае трансформации составили 1,79 раза (с 22,8 до 39,2 %) [4].

Вместе с этим, как отмечает ряд экспертов, исследователей-социологов, развитие промышленного производства в Красноярском крае имеет свои выраженные особенности: среднее значение индекса промышленного производства для добычи полезных ископаемых составило 124,3 %; для обрабатывающих производств 106,3 %; для производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 100,6 % [4]. Подобный рост обусловлен, главным образом, за счет добычи полезных ископаемых.

Также, как отмечает социолог В. С. Ефимов, существует возможность создания «Сибирского индустриального пояса» на базе городов Сибири и Дальнего Востока по линии Транссибирской магистрали. Его основу могут составить: сектор машиностроения, производящий оборудование, строительную технику и специальное оборудование; судостроение, т. е. производство судов, необходимых для освоения Арктики); предприятия перерабатывающей промышленности, цветной металлургии и агропромышленного комплекса; предприятия транспортного машиностроения; лесное и сельскохозяйственное машиностроение; ремонтные и обслуживающие предприятия [4].

Для подобного запуска индустриального развития Сибири и Дальнего Востока необходимо реализовать в полной мере ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [7]. Предприятия перерабатывающей промышленности и тяжелого машиностроения могут стать своеобразным драйвером развития промышленности Сибири и Дальнего Востока. Развивающийся промышленный сектор, в свою очередь, приведет к изменениям в кадровой политике регионов, сокращению безработицы и экономическому улучшению регионов.

Говоря о функционировании промышленных зон Иркутской области, следует отметить, что в регионе сосредоточены значительные запасы природных ресурсов, а также сформирована комплекс промышленных предприятий, представляющих собой своеобразный драйвер для последующего развития всего Дальнего Востока и Иркутского региона. Вместе с этим господдержка бизнес-структур является существенным фактором, влияющим и определяющим дальнейшее развитие экономики, направленным на модернизацию производства, а также на совершенствование в области кадровой политики. Решение поставленных задач предлагается решать созданием, продвижением и реализацией крупных инвестиционных проектов, поддержкой малого и среднего бизнеса.

Важно отметить, что ряд крупных проектов уже был выполнен на территории Иркутской области. Среди них необходимо выделить: строительство алюминиевого завода в г. Тайшет, фармацевтической промышленности с целью выпуска готовой продукции в районе г. Усоля-Сибирского, газохимического предприятия в г. Усть-Куте, создание картонного производства в г. Усть-Илимске, разработка золоторудных месторождений в Бодайбинском районе, а также реализация угольных месторождений в Черемховском и Тулунском районах. Реализованные проекты способствуют развитию территорий Иркутского региона, что также сказывается и на его экономическом положении.

Также, как отмечает начальник управления государственного регулирования экономики министерства экономического развития Иркутской области С. П. Какаулин, «...одним из наиболее востребованных и эффективных на сегодняшний день механизмов поддержки инвестиционной деятельности является предоставление дифференцированных налоговых ставок по налогу на прибыль и имуществу организаций участникам региональных инвестиционных проектов» [5].

Согласно мнению ученого, важным фактором развития региона является создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). На сегодняшний день г. Саянску, г. Тулуну, г. Усолье-Сибирское и г. Черемхово присвоен особый правовой статус,

в следствие которого данные территории освобождаются от уплаты налога на прибыль и имущество предприятий, земельного налога, возможность применения пониженных тарифов страховых взносов [5].

Целесообразно отметить, что с 2017 г. В Иркутской области начала действовать программа «Развитие промышленности в Иркутской области» в рамках госпрограммы Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика». Вместе с этим в этом же году был создан региональный Фонд развития промышленности, который стал первым региональным фондом развития промышленности в СФО и действует по сей день.

Таким образом, на сегодняшний день происходит активное создание и/или реорганизация промышленных зон на территории Российской Федерации и Сибирского федерального округа, в частности. Необходимо подчеркнуть важность согласованной работы институтов гражданского общества, науки, государственных и бизнес-структур, что позволяет реализовывать запланированные масштабные проекты, проводить экспертные площадки в традиционных и онлайн-форматах, способствуя экономическому развитию Сибирского федерального округа.

Литература

1. Абакумова А. В. Основные планировочные зоны города: центральная, срединная, периферийная; промышленные территории в структуре города // Вестник Самарского государственного архитектурно-строительного университета. Градостроительство и архитектура. 2013. № 1. С. 6–9.
2. Андрианов К. Н. Уровни и этапы реализации государственной промышленной политики // Промышленная политика в Российской Федерации. 2014. № 1. С. 17–21.
3. Голованов Е. Б., Киселева В. А. Развитие редулупмента как направления по преобразованию городских территорий // Вестник Южно-уральского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2013. № 3. С. 12–16.
4. Ефимов В. С., Ефимов А. В., Васильева З. А. Проблемы промышленного развития России и задачи промышленной политики для Сибири и Красноярского края // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2015. № 8. С. 52–82.
5. Какаулин С. П. Особенности развития промышленной политики на территории Иркутской области // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 163–166.
6. Титов С. А., Бирюков А. П. Европейский опыт реализации программ редулупмента промышленных территорий мегаполисов // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. С. 605–610.
7. О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 12.05.2022).

УДК 316:004:792

А. В. Попова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ

С позиции социокультурного подхода рассматривается развитие театрального дискурса и условия его функционирования в цифровой среде. Проанализированы формы данного вида публичного дискурса и дана оценка функциональности взаимодействия цифровой среды и театрального дискурса с точки зрения социологии культуры. Раскрыты связи между старыми и новыми формами театрального дискурса.

Ключевые слова: театральный дискурс, цифровая среда, социальное развитие, культурное развитие, медийность.

A. V. Popova

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF THEATRICAL DISCOURSE IN THE DIGITAL SPHERE

The article examines the development of theatrical discourse and how it functions in the digital environment from the perspective of a sociocultural approach. The forms of this type of public discourse are also considered, the functionality of the interaction between the digital environment and theatrical discourse is assessed from the point of view of the sociology of culture. The author of the article examines and suggests links between old and new forms of theatrical discourse.

Keywords: theatrical discourse, digital environment, social development, cultural development, media coverage.

Развитие любого культурного феномена происходит закономерно развитию культурных интересов и потребностей людей. Соответственно, в качестве социокультурного института театр обладает колоссальным значением и влиянием на уровень восприятия и сознания тех, кто соприкасается с этим искусством.

Театр как культурный феномен является продуктом ещё древнегреческой мысли. Его необходимость в обществе выражалась в наличии не только особенностей парадигмы мышления людей, но и в существовании публичного дискурса как такового. Театральные представления обладают преимуществом над единичным выступлением, так как представляет как набор тезисов в диалоговой форме. Благодаря этому древнегреческий зритель становился способен не просто принимать на веру слова оратора, но и выбирать ту или иную позицию, которую выражают актеры на сцене. Слушатель становился своего рода судьей, больше анализировал декларируемую на сцене информацию.

Единичное выступление не может обеспечить необходимый плюрализм, чтобы привлечь слушателей с различными интересами. Диалоговая форма в качестве выступления, которая была изобретена именно благодаря театру, и сегодня используется повсеместно. Это не только непосредственные театральные выступления, но и разного рода ток-шоу и конференции с участниками, представляющие различные сферы человеческой деятельности.

Элементы театрального дискурса не только развиваются, но и усваиваются другими дискурсами в сфере культуры. Так происходит, потому что успешная театральная коммуникация в первую очередь ориентируется на чувственный опыт. Драма и комедия, как основные роды для театральных пьес задают не только конкретный объект, вокруг которого развивается постановка, но и то, что нужно чувствовать по отношению к этому объекту, и как правильно и неправильно поступать человеку в ситуации в реальной жизни, если ему придется взаимодействовать с тем же объектом. Таким образом, театр выполняет не только развлекательные информативные, но и развивающие функции. Он может задать модель поведения и социальных отношений. С точки зрения социологии культуры, Российский лингвист А. Д. Кривоносов считает, что «...театральный дискурс представляет собой знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве и обладающую обязательными свойствами: целостностью, связностью, информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью, а также факультативно – медийностью» [3].

Часто объекты театрального представления являются те же, на которые ориентируются политики и учёные, когда совершают свои публичные выступления. Так происходит из-за того, что устная речь независимо от письменной речи (а письменный текст условного политика и ученого будет обладать огромными различиями) будет создаваться на основе театрального текста. Это так называемое «сообщение, содержащее информацию драматургических жанров и изложенное в любом виде и жанре театра».

Письменный текст – это преимущественно односторонняя коммуникация. Автор декларирует свою позицию односторонне. И читатель, ознакомившись с текстом, находится в удаленном от автора положении. Автор влияет на читателя посредством своего текста, но не напрямую. Театральная коммуникация же является ближайшей, т. е. происходящей непосредственно между выступающим и наблюдающим. А. Д. Кривоносов охарактеризовывает это свойство театрального дискурса следующим образом: «Театральная коммуникация – двусторонняя коммуникация, учитывающая зрительскую (в широком смысле слова) аудиторию и ее реакцию» [3].

Разграничение театрального дискурса от иных публичных дискурсов происходило посредством сравнения каналов коммуникации. Но на сегодняшнем этапе цифровизации общества замечен следующий аспект: в интернет-блотах и социальных сетях постоянно разворачиваются коммуникации на основе театрального дискурса. Популярные медийные личности часто устраивают споры в интернете, таким образом, подогревая интерес у своей аудитории. Иногда это становится своего рода противостояниями между различными аудиториями. Ча-

ще это свойственно блогам и проектам развлекательного формата, но и в новостных рубриках часто прибегают к умышленному подрыву имиджа и доверия к той или иной персоне, компании или организации. Как театральную коммуникацию данный процесс характеризует первостепенность зрительской реакции. Не так важен контекст ситуации, которую ставят в оппозицию другой, как реакция наблюдающих за данной полемикой людей. У И. Гофмана данная модель идеального театра, обладающая таким свойством, носит название «театра марионеток». В. И. Королева в своем анализе Гофмановского комплекса пишет, что этот мыслитель «стал одним из первых, кто поставил куклу-марионетку выше актера. В эссе «Необыкновенные страдания» он затрагивает проблему взаимоотношений актера и режиссера в театре». [2]. И. Гофман в своей теории поддерживает концепцию Д. Г. Мида, в рамках которой люди играют роли (playing и gaming) для социализации и проявления личностных и социальных качеств. Мир социальных отношений, который создается посредством театрального дискурса, позволяет некоторым элементам социального порядка проступать в зримой форме.

Театральная коммуникация такого вида особенно отчетливо стала проявляться в цифровой сфере, благодаря возможности мгновенного реагирования. Именно она компенсирует недостатки данного канала коммуникации, выражающиеся в отсутствии непосредственного участия и задействования личных преимуществ. Чаще всего коммуникация в цифровой сфере выстраивается по правилу театрального триединства.

Единство времени в цифровой сфере трансформируется в необходимость мгновенного ответа. У И. Гофмана социальная ситуация – это такая среда взаимного мониторинга, которая делает возможным отслеживание чужих реакций, и связывать социальные элементы с понятием судьбоносности (fatefulness). Понятие судьбы Гофман раскрывает за счет возможных манипуляций со временем. Этот фактор времени существует и в театральном дискурсе цифровой среды, которая всегда требует незамедлительных реакций на любую общественную ситуацию. Театральный дискурс в развлекательном сегменте также относится к таким требующих молниеносного ответа обстоятельств, иначе зрители заскучают и перестанут отслеживать данную тему. Отсутствие ответа медийной личности будет охарактеризовано как молчание, что само по себе уже является своего рода позицией.

Единство действия в цифровой сфере обязывает участников театральной коммуникации не ссылаться на отличные от текущего объекта обсуждения вопросы или переводить тему. Единство место в рамках правил коммуникации в цифровой сфере представляет собой рекомендацию не менять цифровые площадки, а также не переносить на другие узкие специализированные площадки обсуждения не свойственной им темы. К примеру, обсуждать вопросы по ведению листа просмотра и оценки фильмов в онлайн галереях будет неуместно и малоэффективно. Игровое взаимодействие у И. Гофмана не ограничивается игрой, но затрагивает и остальные активности. «Таким образом, игровое взаимодействие может пронизывать комплексные ситуации, в которых одни участники заняты игрой, другие – принимают ставки на исход игры, третьи – попросту наблюдают» [1]. В цифровой среде данный аспект заметен даже наиболее явно, нежели в непосредственном театральном дискурсе. Люди, наблюдающие за ситуацией, склонны делать между собой ставки о конечном разрешении развивающихся в цифровой среде обстоятельств. Никогда непрекращающийся мониторинг активности и одобрения в театральном дискурсе дополняют драматургическую теорию общества И. Гофмана, позволяя по-своему оценить перспективы цифрового пространства.

Таким образом, для социологии культуры данный аспект является приоритетным направлениям в исследованиях по созданию оптимальных культурных средств и ценностей, продуктивного канала коммуникации, а также способов для поддержания воспитательно-образовательной функции социокультурных институтов. Но так как театральный дискурс в первую очередь ориентируется на эмоциональное состояние, то перед исследователями цифрового канала коммуникации стоит вопрос о воплощении поднятых в информационном поле вопросов. Часто они сводятся только к теоретическому обоснованию. Но даже теоретические основания должны анализироваться с точки зрения своего материального воплощения. На

сегодняшний день предельно мало медийных интернет-персон, чьи действия влияют на реальные культурные аспекты. Отчасти такой исход происходит из-за незамедлительной реакции институциональных базисных субъектов PR-деятельности (консалтинговые фирмы в области политической и коммерческой PR-деятельности) и из-за всё еще недостаточно высоко-го оценивания возможностей цифровых каналов коммуникации со стороны РАСО (Российской ассоциации по связям с общественностью).

С другой стороны, в этом направлении появляются серьезные достижения. На официальном сайте Правительства РФ появилось Распоряжение от 11 апреля 2022 г. о поэтапном переходе в цифровой формат всех ведомств РФ. Данная позиция со стороны Правительства РФ понятна и действенна. Низкая степень вхождения и подготовки для участия в коммуникативных каналах в цифровой среде должны быть оптимально использованы в работе с общественностью. С другой стороны, те же причины стали основанием для высокой конкуренции на цифровой бирже труда. Из-за этого факта обращение к театральному дискурсу становится подавляющим, так как является реальным действующим методом для привлечения внимания к деятельности, имеющей научный, образовательный, творческий, коммуникативный, рыночный и социоинженерный характер. Его социальное развитие в цифровой среде является актуальнейшим предметом исследования для социологии культуры на сегодняшний день.

Литература

1. Глазков К. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией // Социологическое обозрение. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-kontseptsiya-povsednevnosti-i-gofmana-mezhdu-simvolicheskim-interaktsionizmom-i-etnometodologiyey> (дата обращения: 03.05.2022).
2. Королева В. В. Гофмановский комплекс в театральной эстетике Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gofmanovskiy-kompleks-v-teatralnoy-estetike-serebryanogo-veka> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Кривонос А. Д., Шевченко А. С. Понятие и структура театрального дискурса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-teatralnogo-diskursa> (дата обращения: 21.04.2022).

УДК 378.015.3:004.738.5

С. И. Проскурякова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМА ИЗБЫТОЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ КОНТЕНТА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Рассматриваются причины и последствия неосознанного стремления к получению хаотичных, нефилтрованных знаний молодым поколением посредством использования гаджетов (смартфонов), с приведением к аргументации свежих российских и зарубежных исследований в области психологии, социологии, нейробиологии. Ставится вопрос о долгосрочных перспективах такого импульсивного поглощения информации, рассматриваются возможные пути преодоления зависимости от гаджетов.

Ключевые слова: информационные перегрузки, прокрастинация, когнитивные процессы, молодёжь, информационный избыток, нервное напряжение.

S. I. Proskuryakova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PROBLEM OF EXCESSIVE CONSUMPTION OF CONTENT BY STUDENTS IN THE INTERNET SPACE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF EXPERT MATERIALS

The article discusses the causes and consequences of the unconscious desire to obtain chaotic, unfiltered knowledge by the younger generation through the use of gadgets (smartphones), bringing to the argument fresh Russian and foreign research in the field of psychology, sociology, neurobiology. The question is raised about the long-term prospects for such an impulsive absorption of information, and possible ways to overcome dependence on gadgets are considered.

Keywords: information overload, procrastination, cognitive processes, youth, information overload, nervous tension.

Изобретение австрийской киноактрисой Хеди Ламарр в 1942 г. системы связи с динамически изменяемой передачей сигнала для удалённого управления американскими торпедами, которые бы не могли перехватить противники, спустя полвека привело к тотальному «опутыванию» Всемирной паутиной всех индустриально развитых стран, а также стало основой для мобильной связи. По сути, она заложила фундамент современной радиотехники. Сейчас сотни миллионов людей используют возможности радиочастот для общения, покупок в интернете, получения образования, выполнения рабочих обязательств, развлечения. Последнее и является темой нашего пристального научного интереса: как зарождается тяготеение к получению различного качества знаний на мираидах информационных ресурсов и безостановочному потреблению контента, каким образом оно влияет на когнитивные процессы молодёжи и способствует ли формированию определённых паттернов поведения (например, привычке откладывать дела на более поздний срок до момента дедлайна, привычке перманентно опаздывать на встречи и т. д.). Согласно ФЗ № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодёжь в России – социально демографическая группа людей возрасте от 14 до 35 лет [3], но, сузив диапазон до 25-ти лет, мы тем самым подвергаем изучению воспитательную функцию интернет-пространства, который, в силу стремительной технологизации и цифровизации окружающего мира, становится полноправным институтом социализации, становления личности человека, формирования его внутренних качеств, а также мощным инструментом по управлению временем.

Затронувшая в 2020 г. все сферы исполнительно-деятельности человека (в том числе институт производства знания) пандемия простимулировала выход учащихся вузов в цифровую среду, что существенно увеличило информационную нагрузку фактами, далеко не всегда репрезентативными и полновесными. Это отсылает нас к концепции критического рационализма К. Поппера, когда показателем научности знаний является наличие опровергающих выбранную теорию тезисов, способствующих онтологической эволюции. Но для осмысленного анализа темы необходимо располагать значительными временными и интеллектуальными ресурсами, быть способным к критическому мышлению и, что самое главное, искренне заинтересованным в изучении вопроса, а любознательность напрямую коррелирует со здоровьем, особенно психическим, на которое в последнее десятилетие обратили внимание ведущие эксперты в области охраны здоровья, а также прогрессивные педагоги. Сейчас всё более актуальным становится лично-ориентированное обучение, базирующееся на принципе «каждый индивидуален», а потому необходимо более детальное и проработанное взаимодействие обучающегося (как школьника, так и студента) и преподавателя. Однако такие психологические нововведения в системе образования нам ещё предстоят, а пока, как показывают результаты социологического исследования, проведённого О. М. Зотовой, сотрудником кафедры нормальной физиологии в Курском государственном медицинском университете, и В. В. Зотовым, сотрудником кафедры государственного и муниципального управления Курской академии государственной и муниципальной службы среди 385 студентов ВПО в г. Курске, всего лишь десятая доля студентов оценивает своё состояние как отличное [2, с. 113], большая же часть разделяет меру в «хорошо» и «удовлетворительно», что заметно сказывается на результатах и качестве выполняемой учебной деятельности. Кроме того, кандидатом педагогических наук Г. В. Завадой отмечена немного парадоксальная тенденция: если человек учится на высокие отметки, у него чаще есть время на посещение дополнительных студенческих секций, а также самообразование, но в случае проблем с получением знаний на самом направлении студент чаще всего никак не обеспечивает себя факультативной занятостью, чтобы суметь закрыть долги [1, с. 122]. Причина такого нерационального поведения может быть объяснена с биологической точки зрения: головной мозг – очень ресурсозатратный механизм, на его питание уходит около четверти вырабатываемой в результате процесса анаболизма энергии, поэтому продуктивные занятия, как правило, утомительны и

требуют высокой концентрации от студента; помимо этого, деятельность префронтальной коры, ответственной за «просмотр» мотивации того или иного дела и принятия наиболее предпочтительного решения, регулирует множество биологически активных веществ, в число которых входят гормоны. При получении сигнала о раздражении, возбуждаемого стресс-фактором, кора посылает информацию в гипоталамус, заведующий, фактически, всеми отделами организма, и активизирующий в этом случае парасимпатический отдел нервной системы, которая, в свою очередь, стимулирует выработку адреналиноподобных гормонов [2, с. 111], вызывающих дискомфорт не только ментальный, но нередко и физический, что составляет сущность прокрастинации. Студенты чаще забрасывают большие и объёмные дела, так как воспринимают их как одну большую задачу (например, написание курсовой на 40 страниц), и откладывают её разработку на будущее. Но гораздо жизнеспособнее будет стратегия разбиения и выделения этапов внутри каждой конкретной проблемы, потому что так она будет выглядеть более достижимой.

Психологи считают, что в процессе взросления человека на уровень его успеваемости оказывают влияние внешние стимулы и раздражения, побуждая или, наоборот, ослабляя проявление реакции. В американской статье по психологии и экономике поведения, выпущенной в 2021 г. И посвящённой изучению негативных процессов воздействия смартфонов на образ действий молодых людей приводятся данные из десятков исследований по этой проблематике: так, большое количество деструктивных факторов, ведущих к повышению уровня стресса (например, долги по учёбе, напряжённые отношения с близкими, отсутствие перспектив), способны быть триггером для зарождения зависимого поведения [4]; некоторые учёные также полагают, что существует близкая связь между телефонной зависимостью и зависимостью от веществ [5], но, однако, свежие данные указывают на несостоятельность этого тезиса, поскольку в проведённом психологами исследовании отсутствуют лонгитюдные, т. е. долгосрочные наблюдения, а сами сведения фиксировались в шкалы самоотчётов, игнорируя альтернативную методологию, например, самоуправляемый или импульсивный методы установления моделей выбора. В свою очередь, как подчёркивают эксперты, стрессорным фактором могут стать информационные перегрузки: цифровизация процесса обучения (и высшего образования в том числе) увеличивает время пребывания учащихся в сети Интернет, что заставляет отодвинуть на задний план реальную действительность и погрузиться в мир виртуальных взаимодействий, имеющий более упрощённую форму. Повышение уровня рефлекторного поведения, т. е. поведения, определяемого импульсивным состоянием студента, способствует снижению выработки креативных и нестандартных способов решения задач, ведёт к потере навыков эмпатии и в целом снижает развитие умственного потенциала будущего специалиста, что впоследствии может привести к кадровому голоду. Нынешнее поколение студенческой молодёжи, родившееся на рубеже XX–XXI вв., уже с малых лет имеет доступ к технике и мобильным устройствам, привыкло к неограниченному и свободному получению информации. Согласно результатам исследования 2017 г., проводимого Google совместно с Ipsos среди молодёжи от 13 до 24 лет, 98 % пользуются Интернетом ежедневно, четверть тратит на это от 5 и более часов в день, выходя в социальные сети на проверку обновлений каждые полчаса [6]. При проведении студентами за монитором более 6 часов в день наблюдаются характерные внутренние и внешние признаки стресса: гнев, раздражительность, психическая нестабильность, приступы самобичевания; слабость, изменение веса в ту или иную сторону, головокружение, бессонница, тремор конечностей, аритмия; ухудшение памяти, трудности при принятии решений [2, с. 112]. Следует также отметить причины посещения социальных сетей и интернета – совместный труд аналитических компаний We Are Social и Kerios гласит, что в половине случаев это делается для заполнения свободного времени (42,9 %) [7]. Проводить своё свободное время россиянам больше всего по вкусу в VK (76,4 %) и Instagram (63,7 %), что подтверждает тезис об информационной «усталости» от текстоцентризма и гипертекстовых произведений, так называемых лонгридов, которым аудитория предпочитает визуальный и аудиоконтент. Помимо вышперечисленного, проведение свободного времени в соцсетях имеет накопительный эффект и способ-

но закрепляться, со временем формируя зависимость, а это означает и повышение уровня импульсивного поведения, что также может провоцировать студента во время выполнения учебного задания с помощью гаджетов обновить ленту новостей, посмотреть видео и т. д., если подобные случаи с ним уже происходили [4].

Таким образом, делая вывод из анализа рассмотренных выше источников, мы можем сказать, что нервное напряжение студентов по поводу нехватки времени, провоцирующее бесцельное времяпрепровождение в интернете, вместе образуют порочный круг, выбраться из которого непросто, но всё-таки необходимо. Для этого учащимся нужно в первую очередь научиться разбивать одну крупную задачу на несколько мелких; выделять время, в которое студент будет заниматься исключительно выполнением своих учебных обязанностей, изолировавшись от отвлекающих факторов (закрыть вкладки с социальными сетями в браузере, убрать телефон подальше); делать паузы в работе; стараться отслеживать количество часов, проведённых в интернете бесцельно, проводить замещение на другие виды деятельности; убрать в подписках в соц. Сетях те источники, что не несут практической пользы, вызывают тревогу, зависть или другие чувства, повышающие уровень напряжения.

Литература

1. Завада Г. В., Мавлютдинов Л. Р. Связь между адаптацией студентов к обучению в вузе и наличием ситуации информационной перегрузки // Вопросы педагогики. 2021. № 5–2. С. 120–123. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45841586>
2. Зотова О. М., Зотов В. В. Информационные перегрузки как фактор стресса студентов вузов // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2015. № 4. С. 108–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25380172>
3. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>
4. Does excessive use of smartphones and apps make us more impulsive? An approach from behavioural economics / Robayo-Pinzon O., Foxall G. R., Montoya-Restrepo L. A., Rojas-Berrio S. // National Center for Biotechnology Information. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7887400/#bib9>
5. Does excessive use of smartphones and apps make us more impulsive? An approach from behavioural economics / Robayo-Pinzon O., Foxall G. R., Montoya-Restrepo L. A., Rojas-Berrio S. // Heliyon. 2021. N 7.
6. Как российская молодежь проводит время в интернете // PPC World. URL: <https://ppc.world/news/kak-rossijskaya-molodezh-provodit-vremya-v-internete>.
7. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samy-e-vazhnye-cifry-i-statistika/>.

УДК 316.43

Н. С. Рыбак

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ В РОССИИ

Актуализируется вопрос развития креативных индустрий в цифровую эпоху в России. Рассматриваются виды экспертиз в сфере креативных индустрий. Обосновывается взаимосвязь государственных и гражданских инициатив и креативных индустрий.

Ключевые слова: экспертиза, креативные индустрии, интеллектуальный капитал, культура, экономика.

N. S. Rybak

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERTISE IN THE FIELD OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE DIGITAL AGE IN RUSSIA

The article actualizes the issue of creative industries in the digital age in Russia. The types of expertise in the field of creative industries in the digital age in Russia are considered. The relationship between state and civil initiatives and creative industries is substantiated.

Keywords: expertise, creative industries, intellectual capital, culture, economy.

Цифровизационные процессы влияют на экономическое развитие страны и появление новых трендов. В России за последние несколько лет стала развиваться сфера креативных индустрий. Формирование новой экономической отрасли способствовало формированию экспертного сообщества в представленной сфере.

Постиндустриальное общество характеризуется развитием сферы услуг и интеллектуального творчества, с опорой на экономическое развитие. В связи с этим значительно повышается значимость креативных способностей и возможность реализации творческого потенциала. Направления, связанные с творческой деятельностью и приносящие доход автору, складываются в особый сектор экономики, который получил название «креативные индустрии». В условиях цифровизации креативные индустрии вышли на новый уровень развития, в котором особое место отводится социальному творчеству, проявляющемуся в государственных и гражданских инициативах. Креативные индустрии в современных условиях представляют новый технологический уклад, существующий в цифровом пространстве. Культурные индустрии становятся формой заработка за счет уникальности создаваемых продуктов и индивидуального ресурса человека, вложенных их производство. В России креативные индустрии являются новым и еще не до конца освоенным сектором экономики, поэтому в 2021 г. Правительство РФ представило Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года [3]. Согласно данной концепции в России, будет происходить развитие национальной креативной экономики.

В XXI в. актуализируется вопрос интеллектуального капитала человека и способы его реализации, благодаря чему была сформирована новая отрасль в экономике, ориентированная на коммерциализацию и развитие интеллектуального потенциала, получившая название «креативные индустрии». Термин «креативный класс» мы находим у Р. Флориды [5], но в современной трактовке он приобрел новое значение. Мы определяем креативные индустрии как отрасль экономики, деятельность которой основывается на реализации творческого потенциала человека с применением информационно-цифровых технологий и ориентацией на создание культурного продукта. Развитие креативных индустрий происходит за счет активной цифровизации экономической сферы, промышленного сектора и творческих практик. Тем не менее, необходимо понимать, что в основе креативных индустрий лежит интеллектуальный капитал. Э. Брукинг в понятие «интеллектуальный капитал» вкладывает человеческие ресурсы, права на интеллектуальную собственность, инфраструктуру и положение на рынке [4].

Креативные индустрии как «...любая социальная система предполагает взаимосвязь опорных структур и отношений, выстроенных в определенном иерархическом порядке и поддерживающих целостность системы...» [1], требуют экспертной оценки. В этой связи, необходимо рассмотреть виды экспертиз, применяемых в креативных индустриях в цифровую эпоху в России. Рассматривая сферу креативных индустрий как особую отрасль экономики, деятельность которой основывается на реализации творческого потенциала человека с применением информационно-цифровых технологий и ориентируется на создание культурного продукта, необходимо понимать, что экспертная оценка является основным критерием развития тех или иных направлений. В нашем понимании, экспертиза как метод социологического исследования основывается на двух подходах к пониманию креативных индустрий, которые выделяют Т. И. Грабельных и А. Н. Пархоменко: концептуальный и социально-технологический [2].

Рассмотрим основные виды экспертиз, которые применяются в креативных индустриях: социологическая, экономическая, культурологическая. Социологическая экспертиза представляет собой изучение общественного мнения с целью формирования отчета о социальной значимости представленного объекта. В креативных индустриях данная экспертиза осуществляется путем массовых опросов. Одним из примеров служит проведенное нами исследование, по результатам которого становится ясно, что креативные индустрии связаны с развитием гражданского общества (80,3 %), что проявляется в реализации и самореализации

субъекта в креативных индустриях (48,5 %). С учетом цифрового развития, в России экспертиза креативных индустрий проводится в режиме реального времени на интерактивных площадках и форумах профилизирующихся организаций [6]. Экономическая экспертиза в креативных индустриях применяется для оценки показателей соответствия государственным нормам, уникальности продукта и соответствия указанной стоимости рыночным ценам по указанному направлению. В креативных индустриях такая экспертиза проводится в отношении фильмов, ремесленных изделий, IT-продуктов. Культурологическая экспертиза включает в себя искусствоведческую, историческую и культурную оценки, поэтому экспертное заключение в креативных индустриях по данному виду экспертизы основывается на комплексном подходе. Экспертиза в креативных индустриях проводится с целью определения уникальности и инновационности представленного продукта, при этом учитываются качественные характеристики продукта, его ценность и возможности применения на государственном и гражданском уровне.

Развитие креативных индустрий напрямую связано с выдвиганием и продвижением государственных и гражданских инициатив. В период с 28 апреля по 5 мая 2022 г. нами было проведено социологическое исследование на тему «Развитие креативных индустрий в цифровую эпоху в России в аспекте государственных и гражданских инициатив» методом онлайн-опроса (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных). Исследование проводилось на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ «ИГУ». В исследовании приняли участие 300 чел. В возрасте от 18 лет и старше. Согласно данным пилотажного исследования, в развитии и становлении креативных индустрий в России прослеживаются тенденции к повышению эффективности реализации национальных проектов (35,3 %), разработке государственных стратегий (30,7 %) и созданию условий для развития креативного производства и воспроизводства (31,3 %). Также выявлено, что гражданские инициативы в большей степени проявляются и реализуются в следующих креативных сферах: IT-технологии (54,7 %), музыкальная культура и искусство (46,3 %), научное творчество (37 %), гражданская социальная активность (32,3 %). Ниже представлены данные исследования и основные выводы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Назовите основные факторы, которые способствуют развитию креативных индустрий в цифровую эпоху?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Усиление значимости интеллектуального производства в цифровом пространстве	141	47
2	Формирование экономического поведения	126	42
3	Цифровизация экономического сектора	107	35,67
4	Цифровизация культурного производства	111	37
5	Повышение роли интеллектуального капитала человека	64	21,33
6	Рост культурно-просветительской активности	95	31,67
7	Наличие креативного контента в масс-медиа	93	31
8	Формирование креативной среды	48	16
9	Все вышеперечисленное	20	6,67
10	Затрудняюсь ответить	14	4,67
	Всего	819	100,0

Анализ представленных в табл. 1 данных показал, что основными факторами, способствующими развитию креативных индустрий в цифровую эпоху, являются усиление значимости интеллектуального производства в цифровом пространстве (47 %) и формирование экономического поведения (42 %).

Согласно данным на рис. 1, большая часть респондентов считает актуальным создание Экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий в Иркутской области (85 %).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, является создание Экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий в Иркутской области актуальным?», в %

По данным табл. 2 видно, что Экспертно-цифровая платформа в сфере креативных индустрий в Иркутской области может решать задачи консолидирующего характера: интегрировать государственные и гражданские инициативы на своей платформе – 42,91 %, объединить представителей экспертного сообщества в выработке единой позиции по развитию креативных индустрий регионе – 42,91 %.

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Какие задачи может решать Экспертно-цифровая платформа в сфере креативных индустрий в Иркутской области?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %
1	Координировать деятельность субъектов как гражданских инициатив, так и креативных индустрий	96	34,9
2	Выполнять информационно-просветительские функции в сфере креативных индустрий	102	37,09
3	Интегрировать государственные и гражданские инициативы на своей платформе	118	42,91
4	Объединять представителей экспертного сообщества в выработке единой позиции по развитию креативных индустрий регионе	118	42,91
5	Позволять устанавливать и регулировать сетевые взаимодействия на данной платформе с учетом местных, региональных и федеральных ресурсов	49	17,82
6	Выступать в качестве центра консолидации для представителей креативных индустрий	62	22,55
7	Выполнять услуги консалтингового центра в сфере креативных индустрий	17	6,18
8	Все вышеперечисленное	85	30,91
9	Затрудняюсь ответить	8	2,91
	Всего	655	100,0

Таким образом, креативные индустрии как новый сектор экономики находится на стадии активного продвижения в России. Для эффективного и качественного развития креативных индустрий в цифровую эпоху применяются комплексные виды экспертиз с применением цифровых методов качественного формата. Интеллектуальный капитал человека как основа развития креативных индустрий реализуется через государственные и гражданские инициативы на региональном и федеральном уровнях, что создает необходимость формирования экспертных сообществ в регионах, что подтверждается данными социологического исследования.

Литература

1. Грабельных Т. И. Историческое самосознание, интеллектуальный капитал и глобальные социальные трансформации как макросистемные показатели изменения социального мира // Интеллектуальный капитал в XXI веке : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 15–19.
2. Грабельных Т. И., Пархоменко А. Н. Современные технологии социального проектирования в креативных индустриях: методологический аспект // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 мая 2019 г. / Иркутг. гос. ун-т ; [под общ. Ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2019. С. 62–69.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» : постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 317 // Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763> (дата обращения: 14.04.2022).
3. Решетников В. А. Универсалии интеллектуального капитала // Интеллектуальный капитал в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. Ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 13–15.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2007. 432 с.
5. Universal University. 2020. Технологии в креативных индустриях [экспертная площадка] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HKd6EjoKUoM&t=358s> (дата обращения: 08.05.2022).

УДК 316.75

В. П. Себекин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Рассмотрены особенности проявления экстремизма в молодежной среде как фактор угрозы национальной безопасности России в аспекте совершенствования механизмов экспертной оценки. Проанализировано влияние развития цифровых технологий на обострение молодёжного экстремизма в условиях нарастания угроз информационной безопасности России. Выделены особенности экстремизма в молодежной среде и потенциальные меры противодействия. Сделан вывод о том, что в борьбе с проявлениями экстремизма, в том числе в молодежной среде, является необходимым применение действий системного характера, включающих в себя не только использование силовых форм контроля и противодействия, но и совершенствование государственной политики с опорой на институты общественного мнения и общественной экспертизы.

Ключевые слова: молодежь, молодежная среда, экстремизм, национальная безопасность, общественная экспертиза, общественная оценка.

V. P. Sebekin

Irkutsk State University, Irkutsk

MANIFESTATION OF EXTREMISM AMONG THE YOUTH AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: IMPROVING THE MECHANISMS OF PEER REVIEW

The article discusses the features of the manifestation of extremism among the youth as a factor of threat to the national security of Russia in the aspect of improving the mechanisms of peer review. The influence of the development of digital technologies on the aggravation of youth extremism in the context of growing threats to Russia's information security is analyzed. The paper considers the features of extremism among the youth and potential countermeasures. It is concluded that in the fight against manifestations of extremism, including among the youth, it is necessary to use systemic actions, which include not only the use of forceful forms of control and counteraction, but also the improvement of state policy based on the institutions of public opinion and public expertise.

Keywords: youth, youth environment, extremism, national security, public expertise, public assessment.

Российское общество в настоящее время переживает значительное распространение такого явления, как экстремизм. Возникновению такого явления может способствовать множество причин, среди которых в качестве основных факторов можно выделить социальную разобщенность, имущественное неравенство, а также во многом «догоняющий» характер деятельности государственных институтов по противодействию с проявлениями экстремизма и

организациями соответствующей направленности, аккумулирующими в себе такие проявления. В результате становится возможным наблюдать нарастание состояния напряжённости в обществе, при котором активизируются различные группы людей, стремящиеся изменить существующее положение вещей радикальным образом. Зачастую в основу таких радикально настроенных групп входят лица, занимающие маргинальное положение в социуме, не имеющие устойчивости и уверенности в завтрашнем дне в силу собственных социально-демографических особенностей.

В связи с этим представляется необходимым отметить, что в последнее десятилетие активное внедрение новых цифровых и информационных технологий, в том числе бурное развитие глобальной сети «Интернет», обеспечило благоприятные условия для распространения идеологии экстремизма. Идеи экстремистской направленности обрели новый мощный канал для распространения и продвижения среди пользователей цифрового пространства, особенно молодых людей в силу их импульсивности и подверженности внешним влияниям.

Характеризуя экстремизм в молодёжной среде, можно отметить такие его особенности, как стихийность, низкая степень организованности, нечёткость или отсутствие твёрдой идеологической основы, неоправданная жестокость и необдуманность поступков, а также явное пренебрежение действующими социальными, моральными и правовыми нормами, влекущее за собой совершение действий противоправного характера, в том числе с активным использованием сети Интернет.

Есть основания констатировать, что за последние годы экстремизм приобрёл яркую информационную направленность, превращаясь тем самым в один из основных инструментов современной геополитики, что в свою очередь серьёзным образом затрагивает национальные интересы России в области информационной безопасности как важной составляющей собственной национальной безопасности. Проследить данную тенденцию можно при обращении к документальным источникам: «Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации признана экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране» [4].

Также нельзя не обратить внимание на то, что в одном из опорных документов по национальной безопасности РФ чётко прописывается перечень основных угроз в обозначенной сфере, согласно которому «...наращивается информационное воздействие на население России в первую очередь на молодёжь в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряжённости, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры» [5].

Следовательно, основным субъектом противодействия и профилактики экстремизма и его различных проявлений, в том числе в молодёжной среде, прежде всего является государство, а также такие институты, как семья и образование, СМИ и т. д.

В условиях глобальной турбулентности, социально-экономической и политической нестабильности для эффективной борьбы с экстремизмом становится необходимым усиление и выработка новых механизмов взаимодействия государственных институтов с различными общественными структурами. Однако важно отметить, что осуществление тотального контроля государственными органами в сфере деятельности различных организаций и объединений, имеющих потенциал к возникновению внутри них настроений экстремистского толка, не является наиболее действенной и плодотворной мерой, в то время как оперативное реагирование на появление экстремистских объединений или проявлений экстремизма является безусловно необходимым.

Так, необходимой мерой является совершенствование реальной молодёжной политики, включающей в себя увеличение спектра возможностей для самоактуализации и самореализации молодёжи, расширение мер по повышению уровня жизни молодых людей, а также государственной политики в аспекте увеличения социальной ориентированности и социальной справедливости. Важно акцентировать внимание на том, что помимо осуществления жёсткого государственного контроля, только при условии реализации конкретных мер по формированию институтов гражданского общества и правового государства является возможным эффективным противодействие экстремизму.

Большую роль играет вовлечение в этот процесс институтов общественного мнения, поскольку его правильное формирование может выступать в качестве мощного фактора успешности борьбы с преступностью, экстремизмом, а также стимулирования правомерного поведения. По мнению доктора социологических наук Т. И. Грабельных, «Институт общественного мнения как один из основных институтов гражданского общества призван сыграть значительную роль в реализации стратегий «противодействия» преступности посредством формирования, регулирования и управления общественным мнением через профессиональные знания и экспертные оценки, объективную информацию и социальный опыт решения сложных задач своего времени» [2].

При этом важным аспектом является совершенствование механизмов экспертной оценки (в том числе общественной экспертизы) и экспертного контроля в сфере противодействия экстремизму в молодёжной среде и разработке мер государственной политики по пресечению и профилактике данного явления. В связи с этим особое внимания требуют вопросы создания и модернизации соответствующих механизмов обратной связи и повышения экспертной культуры в целом.

Таким образом, применение исключительно силовых методов в подавлении проявлений экстремизма в молодёжной среде не может дать полноценного положительного результата, необходима комплексность и системность действий. В качестве необходимых профилактических мер противодействия молодёжному экстремизму в России выступают разумные и последовательные действия органов власти, включающие в себя: совершенствование молодёжной политики, которая должна быть направлена на личности молодых людей и их среду обитания, в которой передаются и воспринимаются базовые установки, моральные нормы и ценности, определяющие поведение молодёжи в дальнейшем; оптимизация и демократизация государственного управления, направленная на расширение человеческих прав и свобод в обществе, а также сокращение имущественного неравенства и социальной несправедливости.

Литература

1. Абрамов А. Э. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Грабельных Т. И. Общественные технологии «противодействия» преступности и их значение в начале XXI века // Противодействие наркотуризму на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. семинара, 3 апр. 2020 г. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. С. 49–52.
3. Некрасова Е. В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-i-osnovnye-napravleniya-ego-profilaktiki-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (дата обращения: 06.05.2022).
4. Шальнева А. С. Экстремизм в молодёжной среде: особенности формирования и проблемы противодействия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-osobennosti-formirovaniya-i-problemy-protivodeystviya> (дата обращения: 06.05.2022).
5. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 06.05.2022).

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются основные формы организации социальной работы Русской православной церковью. Анализируются виды социального партнерства с государственным сектором в решении социальных проблем. Также рассматриваются основные формы взаимоотношений между Русской православной церковью и общественными организациями в социальной работе. Дается оценка роли Русской православной церкви в развитии социальной работы на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, социальная работа, социальные проблемы, социальное партнерство.

S. V. Syrkina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL WORK ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the main forms of organization of social work by the Russian Orthodox Church. It also analyzes the types of social partnership with the public sector in solving social problems. The author also considers the main forms of relations between the Russian Orthodox Church and public organizations in social work. The article gives the author's assessment of the role of the Russian Orthodox Church in the development of social work on the territory of the Russian Federation.

Keywords: Russian Orthodox Church, social work, social problems, social partnership

Религия как социальный институт имеет огромное влияние на жизнь людей и государства в целом уже не одно тысячелетие. На протяжении всех лет, что существует человечество, возникало множество религий. Из этого множества религий выделились так называемые мировые религии: иудаизм, буддизм, ислам и христианство. Социальные проблемы были во всех государствах, также и на Руси. До принятия христианства Киевской Русью в 988 г. социальные проблемы решались родовыми общинами, после же принятия христианства в 988 г. социальными проблемами занялась Церковь. Главным видом деятельности Церкви было социальное служение, в том числе и призрение. Призрение – это помощь бедным и немощным людям. Милосердие и сострадание было неотъемлемой частью русского народа. Церковь как раз поддерживало это и даже развивало на территории всей Руси. В то время Церковь имела такие основные функции, как поддержание нравственно-психологического фона, а также снижение уровня общего социального напряжения среди населения и в принципе успокоение людей в тяжелые для них времена. Также имела место быть и благотворительность, которую поддерживали великие князья и их жены. Таким образом, центром социальной помощи людям становилась Церковь. Так было и вплоть до 1917 г., когда государство запретило вести любую религиозную деятельность, хотя все равно Церковь не остановила свою социальную деятельность.

Несмотря на то что термин «Русская православная церковь» стал официальным только в 1943 г., он употреблялся намного раньше этой даты. На данный момент этот термин так и остается главным в обозначении Церкви в Российской Федерации.

Русская православная церковь, как и остальные религиозные конфессии, начала развивать социальную работу после распада СССР, т. е. после 1991 г. Это обусловлено трансформацией все социальной системы, а также изменением вектора развития в социальной политике в Российской Федерации, что и привело к снятию ограничений деятельности религиозных организаций в законодательстве. Социальная работа стала новым видом профессии в Российской Федерации, также и социальная работа религиозных конфессий, в том числе и Русской православной церкви (РПЦ), стала новым видом деятельности в государстве. Русская православная церковь получила множество возможностей в развитии своей социальной деятельности. Это привело к тому, что растет престиж и доверие населения к деятельности

РПЦ. По данным ВЦИОМ, основной и самой обширной конфессией, которую исповедуют люди, как раз является православие (66 % опрошенных респондентов) [7]. На 2021 г. в Российской Федерации находятся всего 7929 церковных социальных объектов. В церковные социальные объекты входят церковные социальные учреждения и монастыри/храмы, по 5054 и 2875 объектов соответственно. Данные церковные социальные объекты участвуют в социальном служении. В 2013 г. было всего 1466 монастырей и храмов, которые тоже участвовали в социальном служении. Если сравнить эти данные, то можно заметить положительную тенденцию: число церковных социальных объектов, которые занимаются социальной деятельностью, а также зарегистрированные на территории Российской Федерации, увеличиваются [2].

Социальную работу РПЦ реализует на двух уровнях: приходском и епархиальном. Объектами социальной работы являются зависимые люди (например, от алкоголя и наркотиков), люди с ограниченными возможностями здоровья, бездомные люди, пожилые люди, которые оказались в трудной жизненной ситуации, а также молодежь.

Русская православная церковь инициирует следующие виды социальной деятельности, как: помощь бездомным, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, людям с тяжелыми заболеваниями, заключенным, мигрантам и т. д. Также РПЦ оказывает поддержку семьям и оказывает социальную, психологическую, реабилитационную, материальную, консультативную помощь. Главный принцип социальной работы церковных объектов – это поддержание субъект-субъектных отношений, так как цель церкви помочь человеку найти правильный жизненный путь, не порождая при этом иждивенчества. Также Церковь помогает человеку сориентироваться в профильных социальных службах, так как в своей деятельности церковь не заменяет государственные социальные организации, а лишь дополняет и помогает. Также Церковь инициировала создание такой должности в своих приходах как приходской социальной работник. Данная должность подразумевает помощь в развитии благотворительной деятельности, в принципе ее организации, также решение главных социальных проблем, которые преобладают в обществе. Социальная работа Церковью не только помогает решать социальные проблемы в обществе, но и в целом распространять свою веру по всей территории Российской Федерации.

Социальная деятельность церковных объектов выражена в следующих формах: Единоразовой помощи нуждающимся людям, вне зависимости от вероисповедания человека (например, консультативная помощь, материальная помощь в виде продуктов питания или одежды), создание специальных программ для реабилитации зависимых людей, а также ресоциализации и социальной адаптации осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный период, отдельная работа с пенсионерами, бездомными, людьми с ОВЗ и т. д. Таким образом, Русская православная церковь очень помогла государству в развитии социальной работы в целом, хотя и профессиональным видом деятельности это сложно назвать.

Российская Федерация в начале своего основания выбрала такую модель отношений с религиозными конфессиями как кооперационную или плюралистическую модель. То есть, у государства отсутствует государственная религия, но есть легитимное сотрудничество с религиозными конфессиями. Также это можно назвать нейтралитетом. Государство не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных конфессий, хотя и может выпускать законы, связанные с религиозными конфессиями. Также кооперационная модель требует выполнение таких принципов, как: толерантность и паритет. Взаимодействие между государством и религиозными конфессиями можно назвать социальным партнерством. То есть, государство имеет партнерские отношения и с РПЦ. Например, в документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2000 г.) главным аспектом в сфере духовности, культуры, здравоохранения, нравственности, патриотического воспитания и др. являются взаимоотношения государства и Русской православной церкви, где при этом подчеркивается взаимное невмешательство в дела друг друга. Развивается принцип отделения церкви от государства и государства от церкви: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству...» [24].

Форм взаимодействия общественных организаций и религиозных конфессий на данный момент не так много в Российской Федерации. Основными из них можно выделить сотрудничество в благотворительности и волонтерство. Под благотворительностью понимается

бескорыстная, безвозмездная и добровольная материальная помощь нуждающимся людям, основанная на желании делать добро. Волонтерством же является добровольная помощь нуждающимся без всякой материальной выгоды. Самой инициативной группой в волонтерской деятельности являются студенты. Волонтерское объединение студентов можно назвать добровольной формой некоммерческой общественной работы. Религиозные конфессии стараются привлекать в свою деятельность молодежь, которая искренне хочет помогать людям. Все это, конечно, касается и Русской православной церкви. Примером можно назвать создание отдельной пензенской автономной некоммерческой организации содействия социальной адаптации личности «Квартал Луи» – общественно-церковного проекта, образованного в июле 2014 г. Проект реализует инициативы по созданию инновационного инклюзивного пространства для людей с инвалидностью: коммуны равных «Дом на Берёзовском», активно-го пансиона «Дом Вероники», арт-поместья «Новые берега».

Одной из важных направлений социальной деятельности религиозных конфессий является реабилитация алкозависимых и наркозависимых. В данное время создается все большее количество реабилитационных центров Русской Православной Церковью. Главной целью Русской православной церкви является создание единой системы реабилитации, т. е., объединение приходов и центров, занимающихся реабилитацией алкозависимых и наркозависимых. Таким образом, Русская Православная Церковь еще на пути налаживания единой партнерской сети с общественными организациями.

Таким образом, невозможно отрицать огромный вклад РПЦ в развитии социальной работы на территории Российской Федерации. Положительный результат их работы можно подтвердить ростом престижа и доверия к их социальной деятельности среди населения. Также наблюдаются положительные тенденции к росту численности приходов РПЦ, которые вовлечены в социальную деятельность. Русская православная церковь выполняет важную роль в развитии социальной деятельности в России, она помогает государству, беря на себя функции нравственной, психологической, моральной помощи людям в социальной сфере. Поэтому видится, что развитие социального партнерства между государством и РПЦ и другими религиозными конфессиями, а также создание целостной системы взаимодействия должно быть приоритетным направлением в развитии социальной политики.

Литература

1. Астэр И. В., Галушко В. Г. Перспективы партнерства религиозных, государственных и общественных организаций современной России в социальной работе // Современные исследования социальных проблем. 2012. Т. 12, № 4. С. 1–17. URL: https://www.studmed.ru/aster-i-v-galushko-v-g-perspektivy-partnerstva-religioznyh-gosudarstvennyh-i-obschestvennyh-organizatsiy-sovremennoy-rossii-v-socialnoy-rabote_d6771b23e71.html (дата обращения: 02.05.2022).
2. Бирюкова Р. М. Правовые и нормативные основы социальной работы Русской Православной Церкви // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журн. 2013. № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Authors/View/307> (дата обращения: 02.05.2022).
3. Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви : проблема концептуализации России // ЖИСП. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsialnoy-raboty-na-prihodah-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-problema-kontseptualizatsii> (дата обращения: 02.05.2022).
4. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 02.05.2022).
5. Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1281610.html> (дата обращения: 02.05.2022).
6. Петрова И. Э. Участие религиозных организаций в социальной работе регионов России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-religioznyh-organizatsiy-v-sotsialnoy-rabote-regionov-rossii> (дата обращения: 02.05.2022).
7. Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikiipost-2021> (дата обращения: 02.05.2022).
8. Сгибнева О. И. Отношения государства и религиозных организаций в условиях свободы совести // Logos et Praxis. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-gosudarstva-i-religioznyh-organizatsiy-v-usloviyah-svobody-sovesti> (дата обращения: 02.05.2022).
9. Шиманская О. К., Матина Е. Г. Социальное партнерство государства и религиозных организаций в современной России : методология, подходы, правовой аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-gosudarstva-i-religioznyh-organizatsiy-v-sovremennoy-rossii-metodologiya-podhody-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 02.05.2022).

НОВЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИИ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматривается специфика формирования новых форм религиозной культуры в цифровой среде. С позиции мультисредового подхода проводится анализ взаимодействия различных сред в русле социологии культуры, устанавливаются направления развития религиозных форм в искусстве. Обосновываются связи между старыми и новыми формами религиозной культуры.

Ключевые слова: религия, мультисредовой подход, цифровая среда, социальное развитие, культурное развитие.

A. E. Fedchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

NEW FORMS OF RELIGION AS A FACTOR OF CULTURAL DEVELOPMENT OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

The article considers new forms of religious culture and their formation in the digital environment from the standpoint of a multi-environment approach. The article provides an analysis of the interaction of various environments from the point of view of the sociology of culture, also establishes the directions for the development of religious forms in art and their social roots. The author of the article substantiates the links between old and new forms of religious culture.

Keywords: religion, multi-environment approach, digital environment, social development, cultural development.

На сегодняшний день существует множество проблемных областей в социологии культуры, связанных с процессом формирования новых тенденций культурного развития, проявляющихся в современном образе жизни социальных групп. В центре внимания современных социологических школ широко реализуется мультисредовой подход, который позволяет выделить для исследования несколько сред.

Цифровая среда, формируясь как новое цифровое поле, обретает собственные культурные формы. Исследование преобладающих в цифровой среде особенностей этих форм выявляет основные факторы культурного развития: интертекстуальность и мультисредовое взаимодействие. Интертекстуальность, существующая как тренд, который формирует отношение людей к среде, являющихся её частью, только недавно начала формироваться в произведениях искусства, созданных и распространяющихся посредством цифровых технологий. Большая часть интертекста, который существует в предметах цифровой среды, в большей степени обращается к другим культурным областям, что позволяет сделать вывод о еще только становящейся самостоятельности цифровой сферы.

Цифровая среда как новая среда для социологии культуры, постепенно становится средством формирования новых культурных явлений. В цифровом пространстве уже существуют собственные нормы, ценности и традиции, оказывающие особое влияние на восприятие религии в обществе. В массовом сознании религиозность пребывает в архаичном состоянии, исключая не только любые прогрессивные подходы, но и необходимость создания форм цифрового развития. Социальные группы, представители которых являются носителями религиозных ценностей, чаще выступают против технических преобразований, но это не значит, что церковь и религия не задают собственные тенденции развития. По опросу ВЦИОМ о мнении россиян были сделаны заключения, что «Православная церковь сыграла в истории России значительную роль, оказывала определяющее влияние на ход страны в поворотные периоды» [4], а также что «Церковь должна влиять на моральную жизнь всего общества, не вмешиваясь в политику и государственные дела» [4]. Можно сказать, что в сознании россиян новые формы религии являются малозначимым фактором культурного развития общества.

С другой стороны, на цифровом рынке очень развит тренд на религиозные мотивы. Вероятно, одной из причин является такое качество как молодость содержания данной среды, в которой для творчества смотрятся свежо даже многолетние концепты. Более того, как у двух

метафических сфер человеческой деятельности у религии и цифрового пространства есть аспекты общего пути становления. В течение некоторых веков люди не давали религии четкого определения, так и явления цифровой среды мало систематизированы в рамках социологии культуры. Только на ступени развития первообщинного строя духовная вера обрела свое фундаментальное значение. Она позволяла людям не сдаваться перед силами природы, не ощущать или, по крайней мере, нивелировать, насколько оно возможно, чувство беспомощности перед миром в целом. Для продуктов цифровой среды (оцифрованные книги, фильмы, сетевое общение и т. д.) так же, как и для духовных ритуалов, фактор непосредственного физического восприятия малозначим. По этой причине существуют правила для взаимодействия с данными измерениями, которые отличаются от тех, что существуют в других средах действительности. Но не только метафизика сближает явления цифровой и религиозной среды в рамках объектов социологии культуры, но также и характер идеализированного восприятия, посредством которого создаются произведения искусства. Слово художник, скульптор, архитектор работник цифровой среды имеет в арсенале возможность исключить лишнее из своего цифрового труда, выделить главное с помощью программного кода, делать акценты посредством детализации и редактирования. Повсеместное внедрение нейросетей также расширяет функционал цифровых сервисов: удаление объектов на фото, генерирование несуществующих ранее моделей, разработка API (Application Programming Interface). Подобный спектр возможностей в цифровой среде с каждым годом становится все более востребованным у представителей творческих профессий.

Цифровая среда на сегодняшний день, в связи с возникновением новых потребностей людей, переживает процесс постепенной институционализации, но пока еще является большей средой для образования новых форм религиозных и культурных взаимосвязей. Человека искусства с древних времен считали носителем божественного дара. Стремление к идеалу, как одно из ключевых стремлений людей, является формообразующим в вопросах религии и искусства. Это можно заключить, исследуя мотивы религии и искусства в современном мире. Посредством идеализации они отражают духовные и социальные потребности человека. Одной из ключевых на сегодняшний день является равенство между потребителями цифрового труда. Данная потребность отчасти удовлетворяется относительной простотой доступа к электронным библиотекам и функционалу интернет-ресурсов, включающему как не требующие специальных навыков возможности (поисковые, информативные, социальные сети), так и более сложные, связанные с файрволами, работой в 3D-редакторах, технологиями шифрования и перехвата. В большинстве случаев, если необходимая пользователю программа не является специально разработанной исключительно для внутреннего использования, возможности пользования цифровыми ресурсами зависят только от технического обеспечения и навыков пользователя. Интернет и программирование являются самой открытой для профессионального входа сегментами цифровой среды. Также возможность анонимности в необходимых условиях в интернете позволяет проводить параллель с религиозными таинствами. Обе эти среды имеют общие модели и аспекты социального взаимодействия. Впрочем, это не означает, что цифровая среда (как и религиозная) не отражает различающиеся по возможности статусы.

Рассмотрение взаимодействия данных сред является актуальным не только в русле социологии культуры, но и с точки зрения подхода социологии религии. Наиболее соответствующим в этом вопросе является мнение доктора социологических наук М. Ю. Смирнова о новых религиозных движениях. Как отдельное научное направление они приковали взгляд научного сообщества лишь на «несколько десятилетий с середины 1950-х гг.» [3]. Изначально новые религиозные формы носили статус «секты», но затем были признаны как отдельные «неокульти». Этот переход для новых религиозных движений можно охарактеризовать как «пик своего роста и распространения, в подавляющем большинстве НРД распались, сохранив лишь те объединения, которые сумели адаптироваться, вписаться в принятый на государственном-общественном уровне строй правовых отношений. То есть как предмет «исторического» религиоведения новые религиозные движения остались, а как нечто актуальное практически перестали звучать» [3].

В современности путь приобщения к религиозной среде связан с поиском предельных смыслов. Возможно, именно поэтому она и имеет общие тенденции с приобщением к цифровой среде. Известный российский религиовед и социолог Л. И. Григорьева считает, «...что согласно которой НРД присущи принципиально новые, оригинальные идеи (новации), «которые... выражают новое мироощущение, порожденное новой эпохой, и созвучны интуитивным, зревающим в массах потребностям в их религиозном выражении» [2].

Религия не только подарила людям веру, но и стала главным историческим нарратором. Всякие общественные установки видоизменяются или разрушаются, всякие научные открытия устаревают и переосмысливаются. Даже вопросы семейного быта настолько преобразуются в своей основе, что ни в коем случае нельзя применять к сегодняшним реалиям психологию семейных отношений даже сравнительно недавнего XIX в. Религия же, в силу своего линейного развития, из-за которого стала уступать искусству по мерам своего влияния, обладает иным выигрышным свойством, которое и оставило на религиозной среде неизбежный отпечаток заложника архаичных стереотипов. Образы и ценности, которые существуют в религиозном поле, связаны с извечными и устойчивыми идеями. Например, рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда», являющаяся новаторским и современным прочтением евангельских текстов, сохраняет важные аспекты сюжета без изменений. Это можно заключить на основе критических оценок оперы, которая к тому же стала камнем преткновения для ознакомления с Евангелие для многих её поклонников. Рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда», написанная еще в 1970 г. по сегодняшний день является одной из известнейших постановок Бродвея. Она имеет локализацию на многих языках мира, включая русский.

В цифровой среде также встречается множество произведений, наполненных религиозными мотивами. Один каннский фестиваль, при поверхностном изучении последних номинантов премии, выдает такие фильмы, как «Титан» (2020), «Паразиты» (2019), в которых были задействованы мотивы реинкарнации и паразитического заражения через причастие. Более того, победителем премии в 2011 г. стал фильм с метафорическим названием «Древо жизни» (2010). Но не только кинематограф славится своим достоинством по интерпретируемости религиозных элементов. Современное изобразительное творчество, музыкальные композиции также обращаются к религии в индикаторной форме, запуская такой важный для творческих продуктов процесс как «... трансформация ментальности, задающая новые векторы осмысления социальной реальности» [1].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод о современной форме религиозной культуры. Церковные устои и интерпретирующее религию искусство находятся в различных состояниях. Современные формы проявления религии, распространение которых можно наблюдать в цифровой среде, очень важны как феномен культурного развития. Вероятно, индустрия авторского артхаусного кинематографа, которая ориентирована на молодую аудиторию, с завидным постоянством обращается именно к религиозным интерпретациям, потому что исследование социального влияния новых религиозных форм требует особой экспертизы. Формирование новых форм религиозной культуры происходит на стыке двух отраслевых социологий: социологии религии и социологии культуры. Новые религиозные формы являются оптимальным по универсальности способом нарратива. Исследование данных социальных представлений посредством мультисредового подхода в социологии религии является одним из важнейших элементов для дальнейшего прогнозирования изменения отношения людей к традиционным религиозным ценностям, которое сильнее всего сказывается на восприятии религии молодежью. Новые формы восприятия религии, а также широкое значение старых форм, позволяет сделать вывод, что окончательное отмирание религиозных ценностей и стереотипов, несмотря на снижение количества молодых людей, приобщающихся к обряду крещения, невозможно. В цифровой среде появляются новые формы религии, которые совершают значительный культурный вклад. Религиозные мотивы неизбежно будут воплощаться в культуре хоть и в очень измененных формах, а также интегрироваться в культурную парадигму для объяснения социального конструирования общества.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. «Цифровое общество» в категориях цифрового времени и цифрового пространства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2019. № 29. С. 252–253. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41848745> (дата обращения: 24.04.2022).
2. Григорьева Л. И. Религии «Нового Века» и современное государство. Красноярск : СибГТУ, 2002. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23577830>
3. Смирнов М. Ю. Новые формы религиозной жизни общества // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-religioznoy-zhizni-obschestva> (дата обращения: 28.04.2022).
4. Православие в России: прошлое и настоящее // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavie-v-rossii-proshloe-i-nastoyashhee> (дата обращения: 24.04.2022).

УДК 65.015.12

О. А. Царевская

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРИНЦИПОВ «БИРЮЗОВЫХ» ОРГАНИЗАЦИЙ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Описана актуальность внедрения принципов «бирюзовых» организаций в области лесной промышленности. Приведены понятия «бирюзовой» организации и бережливого производства. Проведен анализ данных опроса о готовности внедрения принципов «бирюзовой» парадигмы на предприятиях лесной промышленности. Рассмотрено влияние инструментов бережливого производства на эффективность предприятия. Показан пример успешного внедрения принципов «бирюзовых» организаций в ведущем международном лесопромышленном холдинге «Segezha group».

Ключевые слова: «бирюзовые» организации, бережливое производство, lean-производство, эффективность производства, корпоративная культура.

O. A. Tsarevskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

THE RESEARCH OF THE POSSIBILITY OF INTRODUCING THE PRINCIPLES OF «TEAL» ORGANIZATIONS IN THE FOREST PRODUCT INDUSTRY

This article describes the relevance of the implementation of the principles of teal organizations in the field of forest products industry. The concepts of teal organization and lean production are given in this article. An analysis of the survey on the readiness to implement the principles of the teal paradigm at the enterprises of the forest products industry was conducted. The influence of economic production tools on enterprises is considered. An example of successful implementation of the principles of teal organizations in the leading international timber holding «Segezha group» is given.

Keywords: teal organizations, lean-production, production efficiency, corporate culture.

На сегодняшний день все больше компаний как в Иркутской области, так и в России стремится к внедрению принципов бирюзовых организаций. Это происходит в первую очередь потому, что на данном этапе развития общества наблюдается тенденция к смещению фокуса на человеческие ценности в рамках производственной деятельности.

Термин «бирюзовые организации» стал активно использоваться благодаря исследованию Фредерика Лалу [7]. Автор понятно изложил ключевые типы организаций в зависимости от изменения уровня человеческого сознания. Бирюзовый тип организаций выступает как единый организм, который выделяется наличием сетевой структуры, добросовестностью и прозрачностью всех своих процессов, а также фокусом на самовыражение сотрудников и заботу о них в целом. Достоинствами такого типа организаций являются: высокий уровень самоорганизации, доступность любой информации для каждого, высокая эффективность производства, внимание к ценностям каждого работника и обеспечение его комфортными рабочими условиями. В то же время среди слабых сторон возможности внедрения данного подхода можно выделить неготовность некоторых сотрудников к повышенной ответственности.

сти, вероятность возникновения хаоса, а также повышенный риск принятия неэффективного решения [6]. В современных реалиях данная парадигма выглядит несколько утопично, многие до сих пор не воспринимают такой подход к организации деятельности на предприятии, однако, компании, выбравшие путь «бирюзовости» продолжают доказывать ее (парадигмы) эффективность. Дмитрий Пинаев, генеральный директор ГК «Современные технологии управления» [4] предложил чуть более реалистичную парадигму, основными принципами которой являются: командная иерархия, руководитель – ответственный за развитие архитектор, вовлечение проявляющих желание сотрудников подразделения в развитие. Такая модификация сможет стать некой альтернативой для некоторых компаний, где, к примеру, невозможно полностью уйти от иерархической структуры, или же промежуточной стадией на пути к «бирюзовости».

Бережливое производство есть неотъемлемая часть модели бирюзовых организаций. Понятие «бережливое производство» или, как его еще называют, «lean-производство» подразумевает подход в управлении организацией, при котором предприятие находится в постоянном стремлении к устранению любых видов потерь. К ним (потерям) относятся временные и ресурсные затраты на все операции, по итогу не повышающие ценность готовой продукции. Известно, что травматизм в организации отрасли лесной промышленности, а также профессиональные заболевания есть фактор потерь на предприятии. Это объясняется дальнейшей нетрудоспособностью сотрудника, что приводит к проблемам на производстве и утрате времени [3].

Для выявления аспектов организаций в отрасли лесной промышленности, допускающих внедрение принципов бирюзовой парадигмы, мы опросили эксперта данной области. Нами был предложен небольшой список, состоящий из 7 вопросов со шкалой оценивания от 1 до 10 на тему «Самоорганизация и дизайн работ». Ниже представлен результат опроса эксперта лесопромышленной отрасли, а конкретно области лесопереработки (рис.).

Рис. Диаграмма оценки вопросов экспертом

Сопоставив полученные баллы по всем семи вопросам, мы видим некоторый разброс в значениях. Так, лучше всего дела на лесоперерабатывающих предприятиях обстоят со внутренним обучением сотрудников, а также с системой наставничества компании (7 баллов из 10). Наиболее успешно же сегодня, по мнению эксперта, решены вопросы касательно поддержки сотрудниками друг друга. Они проводят внутреннее обучение и помогают адаптироваться новичкам. Ментор назначается руководством и поддерживается в виде специальных наставнических отчислений.

С небольшим разбросом в значениях, на приемлемом уровне, экспертом были оценены: система внутреннего обучения (6), осведомленность работниками функционала друг друга (5), возможность удаленной работы, а также право разработки собственного плана работы

(4). Эксперт высказал свое мнение относительно того, как обстоят дела с системой внутреннего обучения в лесной промышленности. Сотрудники могут посещать различные курсы, вебинары и лекции по своему вкусу. Не на всех предприятиях лесной отрасли предоставляются данные возможности, однако, организации стремятся к налаживанию данной системы. По словам эксперта, касательно вопроса о знании работниками функционала друг друга, каждый сотрудник производства знает свои функции и имеет представление о функциях других работников. Для него не является важным подробное знание функционала того или иного сотрудника. Такая картина присуща, как правило, только рабочему звену. Что же касается ИТР и АУП (административно-управленческий персонал) – знание функционала и обязанностей каждого работника предприятия обязательно. Эксперт, также, согласился с вопросом о сочетании сотрудниками работы в офисе с удаленной, исходя из собственных задач. В лесной отрасли таким примером может быть отдел IT, продаж и логистики. Относительно вопроса о разработке собственного плана работы, предварительно обговоренного с руководителем, эксперт ответил, что такие планы работы на предприятии могут создавать отдел ПТО (производственно-технический отдел), реализации, лесообеспечения, а также охраны труда.

Наиболее низкий уровень значений имеют вопросы поощрения инициативы и организации рабочего пространства, с оценками в 3 и 2 балла из 10. По мнению эксперта, на данном виде производства инициатива поощряется лишь на уровне ИТР (инженерно-технических работников). Специфика работы на лесоперерабатывающем производстве предусматривает реализацию поставленных задач (нормативов), которые не учитывают проявление инициативы со стороны рабочего, так как существует заданный план, необходимый к выполнению на текущей смене. Однако обычный работник тоже может высказать свое мнение, выдвинуть идеи, выступить с инициативой относительно бытовых вопросов на рабочем месте. В случае возникновения каких-либо идей и предложений он (рабочий) высказывается мастеру смены, который в свою очередь на планерном совещании доводит до сведения начальника цеха, а тот либо сам в рамках своих полномочий вправе решить, рассмотреть данное предложение либо выдвинет его на совещании с директором завода. Чуть хуже дела обстоят с вопросом об организации рабочего пространства (2 балла). Эксперт ответил, что производство в лесной промышленности строго регламентировано, рабочее пространство организовано в соответствии с требованиями ОТ и ПБ (охрана труда и пожарная безопасность), на базовом уровне. Руководство может прислушиваться к пожеланиям работников, но только в том случае, когда улучшение рабочего пространства не нарушает требований ОТ и ПБ. Предпосылки для рассмотрения изменения рабочего пространства возникают в случаях, когда возрастает травматизм, связанный с работой на оборудовании. Например, на исследуемом предприятии было замечено, что контролеры-приёмщики, часто тратят время на поиск нужных инструментов при выполнении работ. Очевидно, что данная проблема может быть решена путем внедрения инструментов бережливого производства.

Как видно из ответов эксперта, сфера лесной промышленности в области лесопереработки имеет все предпосылки для внедрения инструментов бережливого производства в свою культуру, что позволит снизить травматизм на производстве и повысить его эффективность.

Система бережливого производства имеет различные инструменты как повышения качества выполняемых работ, так и улучшения благосостояния работников. К лесоперерабатывающим предприятиям, а также и ко многим предприятиям лесной отрасли, применимы и действительно такие инструменты, как: картирование потока создания ценности, кайдзен, система 5S. Кайдзен является философией, которая заключается в постоянном совершенствовании всех функций предприятия. В эту философию входит система 5S, которая отвечает за организацию рабочего места сотрудников. Главные составляющие данной системы: выявление ненужного в работе, организация частоты на рабочем месте, порядок среди используемых инструментов, стандартизация и поддержка предыдущих пунктов. Картирование потока создания ценности (КПСЦ) представляет собой понятную графическую схему, где детально изображены все процессы, участвующие в последующем предоставлении продукта клиенту. Данная карта позволит видеть процессы, не участвующие в формировании ценностей пред-

приятия, а также выявить и разработать план улучшения слабых мест. Картирование потока требует детальной документации текущего состояния всех протекаемых процессов и анализа производства. Отталкиваясь от полученных результатов, строится карта и разрабатывается план внедрения необходимых улучшений [2]. На лесоперерабатывающем предприятии смысл КПСЦ заключается в том, чтобы отследить заготовку и переработку лесоматериала от отводов лесосечного фонда (для заготовки) до реализации готовой продукции конечному покупателю. В рамках процесса, лес проходит ориентировочно 10 этапов, превращаясь из древесины на корню в готовый пиломатериал, имеющий разную степень сортности и влажности.

Внедрение КПСЦ на лесоперерабатывающем предприятии позволит прописать все стадии процесса производства для того, чтобы рабочие каждого участка производства понимали, какую они создают ценность для клиента и какую ответственность за производство этой ценности несут. Так, они смогут выполнять поставленные задачи максимально эффективно и безопасно. В добавок, данный инструмент поможет выявить слабые места процессов и снизить существующие потери. КПСЦ не только поможет в оптимизации протекаемых процессов, но и окажет положительное влияние на корпоративную культуру предприятия, повышая уровень вовлеченности сотрудников в процесс. Это происходит за счет: грамотного налаживания коммуникаций между участками, подразделениями; создания визуального представления схемы достижения общей цели, а также прописывания задач всех работников; умелого распределения работ среди сотрудников и рационального потребления используемых ресурсов [1]. Таким образом, все представленные выше инструменты на наш взгляд, будут способствовать лучшей концентрации работника на поставленных задачах и организации комфортной среды его работы.

Отличным примером внедрения бирюзовых принципов в лесной промышленности является ведущий международный лесопромышленный холдинг «Segezha group». Он активно использует «бирюзовые» инструменты и идеи, поэтому наиболее всего отвечает принципам бирюзовой парадигмы. «Segezha group» придерживается таких принципов ответственного ведения бизнеса, как: управление рисками; добросовестность и прозрачность; соблюдение прав человека; этичность, лояльность и честность; забота о персонале; бережное отношение к окружающей среде; фокус финансовых и интеллектуальных ресурсов на развитии инноваций; инвестирование прибыли в социально значимые проекты. Также, холдинг ставит своими текущими целями, среди прочих, обеспечение ЗОЖ и содействие благополучию и обеспечение гендерного равенства, расширение прав и возможностей женщин. В целом данный холдинг следует философии Кайдзен, стремясь к постоянному совершенствованию [5].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что принципам бирюзовых организаций с каждым днем начинают следовать все больше предприятий в области лесной промышленности. Это говорит о том, что, несмотря на относительную «новизну» данной парадигмы, она позволяет улучшить процессы производства, их организацию и корпоративную культуру. Являясь широкой в своем применении, бирюзовая парадигма, в той или иной степени, применима на любом предприятии лесной промышленности.

Литература

1. Картирование процессов на производстве и в офисе // Академия Росатома. URL: <http://www.ps-rosatom.ru/files/kartirovanie.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Браунок А. А., Есимова А. Т., Игнатович И. А. Концепция «Бережливое производство: система 5S» как метод снижения травматизма в организации // Молодой ученый. 2017. № 50 (184). С. 137–139. URL: <https://moluch.ru/archive/184/46801/> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Грачев М. Что такое бережливое производство и зачем его внедрять. URL: <https://rb.ru/opinion/lean-manufacturing/> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Пинаев Д. Заметки о бирюзовой парадигме. URL: https://www.businessstudio.ru/articles/article/zametki_o_biryuzovoy_paradigme/ (дата обращения: 03.05.2022).
5. Политика ПАО Segezha Group в области устойчивого развития. URL: <https://segezha-group.com/sustainable-development/#section-documents> (дата обращения: 03.05.2022).
6. Почему бирюзовые компании – тренд XXI века? URL: <https://admitad.pro/ru/blog/pochemu-biryuzovie-kompanii-trend-21-veka> (дата обращения: 03.05.2022).
7. Что такое бирюзовые компании. Объясняем простыми словами. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-biryuzovye-kompanii-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (дата обращения: 03.05.2022).

ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОТЫ ОПЕРАТОРОВ КОЛЛ-ЦЕНТРА Г. АНГАРСКА: ОРГАНИЗАЦИЯ, МЕТОДЫ РАБОТЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Рассматривается профессия оператора колл-центра и ее рабочее окружение. Определяется, как население взаимодействует с операторами через телефонное и компьютерное пространства и, как это влияет на обе стороны.

Ключевые слова: справочная служба, оператор, call-центр, абоненты, информация.

E. V. Shishova, A. E. Derevtsova

Irkutsk State University, Irkutsk

STUDY OF THE WORK OF CALL CENTER OPERATORS IN ANGARSK: ORGANIZATION, WORKING METHODS AND EXPERT ASSESSMENTS

The article considers the profession of a call center operator and its environment. It investigates how the population interacts with operators through telephone and computer space and how it is observed on both sides.

Keywords: help desk, operator, call center, subscribers, information.

Основой взаимодействия колл-центра и населения является постоянная потребность всех категорий людей в получении точной, доступной информации и, наоборот, в передаче информации от населения различным организациям, к примеру, таким как Водоканал, Иркутскэнергосбытовая компания, СМИ.

На сегодняшний день существует огромное количество гаджетов, наполненных многообразной информацией и функциями, к примеру, смартфон. В нем есть Интернет и приложения, которые способны облегчить жизнь человека, быстро оказать ему помощь, дать нужную информацию, в том числе. Однако не все люди способны овладеть техникой и приспособиться к ней, обычно, к такой категории населения относятся люди пожилого возраста. И, исходя из этого, мы говорим о сложности получения информации. Вместе с тем проблема может заключаться не в людях и их навыках использования технических средств, а в самих средствах связи. Не редко возникает ситуация, что информация есть, но она неполная или, вероятнее всего, неточная. И не стоит забывать о том, что бывают случаи, при которых люди просто не знают, где брать информацию или сомневаются в уже полученной, и именно поэтому обращаются в специальные службы, они же справочные, или колл-центры.

Исходя из вышесказанного, определим актуальность темы данной статьи. У людей бывают разные жизненные обстоятельства и ситуации, которые побуждают тех обращаться за помощью. Ее им способны предоставить те, кто работают в колл-центрах – операторы, владеющие полной и подробной информацией в том или ином вопросе. Это люди, с которыми, по сравнению с техникой, можно говорить вживую. С ними есть возможность разобраться в своем вопросе более полно, узнав все детали и подробности, которые оператор обязан узнавать и перепроверять на правах своей должности ежедневно.

Для статьи был создан опрос, который был размещен в интернет-пространстве. В 2021 г. нами было опрошено 100 респондентов, проживающих в г. Иркутске и г. Ангарске. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что большинство населения (71 %) обращаются в справочные службы. 64 % опрошенных ответили, что их целью является узнавание новой и полезной информации (рис. 1, 2).

Помимо связи с общественностью, актуальным для колл-центров является их взаимодействие с различными предприятиями, организациями и учреждениями города, которые предоставляют справочную информацию о себе операторам, и те в свою очередь, фиксируя данные, информируют население.

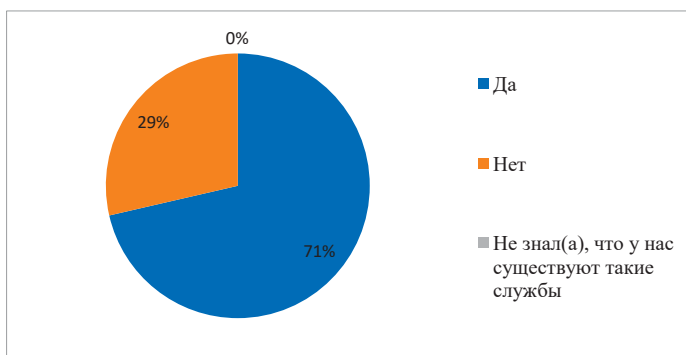

Рис. 1. Результаты опроса населения г. Ангарск, г. Иркутск, 2021 г. на вопрос «Звоните ли Вы в справочные службы?»

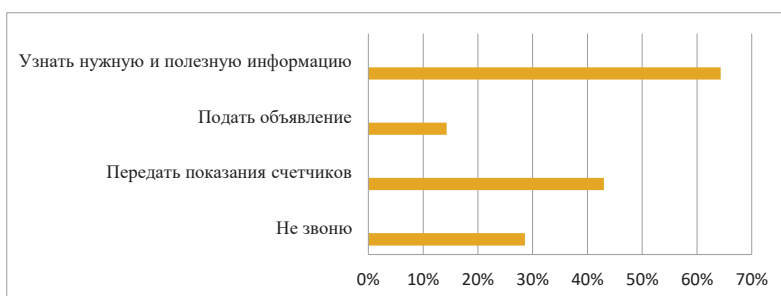

Рис. 2. Результат опроса населения г. Ангарск, г. Иркутск, 2021 г. на вопрос «С какой целью Вы звоните в справочную службу?»

Проведем анализ понятий: «Колл-центр (от англ. *call center* – центр обработки звонков, также колл-центр) – специализированная организация или выделенное подразделение в организации, занимающееся обработкой обращений и информированием по голосовым каналам связи в интересах организации-заказчика или головной организации. Контактный центр может также работать с обращениями в режиме интернет-чата» [6]. Операторы – это люди, отвечающие на звонки, поступающие от населения или компаний. Операторы способны на лаконичный и продуктивный разговор, умеют находить к каждому абоненту нужный подход и отвечают на поставленные вопросы. Они напрямую связываются с организациями или необходимыми людьми, которые в первую очередь передают информацию из первых уст. Таким образом, мал процент того, что оператору поступит дезинформация, вследствие чего, абонент получит ответ на вопрос в полном объеме.

Для изучения данной темы помимо опроса населения г. Ангарска и г. Иркутска через созданный бланк вопросов в Google-форме, были проведены экспертные интервью. Был опрошен директор справочной службы «Магеллан» в г. Ангарске, который выступил в нашем исследовании как один из экспертов. И на вопрос: «Какими качествами должен оперировать оператор call-центра?», был дан ответ: «Приятный и располагающий голос без дефектов. Чистая речь без употребления ненормативных слов, умение урегулировать конфликт, стрессоустойчивость, ответственность, грамотность».

Кроме того, экспертами, мнения которых учитывались в ходе исследования, стали бывшие работники колл-центров. На основе их суждений и позиций, подводится итог. Оператору «запрещено отклоняться от инструкций и процедур, сообщать информацию третьим

лицам. То есть клиентам, которые не прошли верификацию» и «запрещено дезинформировать клиента, грубить, и тем более сбрасывать звонок. Все в рамках делового общения. Главная задача – прием входящих обращений от клиентов» [5].

У сотрудников данной сферы много обязанностей и не меньше трудностей. Часто они возникают из-за профессионального выгорания. Из-за такой работы оператор становится очень нервным, порой агрессивным. Поводом для этого служит в основном специфичные клиенты, обращающиеся в справочную службу. Такие люди оказывают на оператора сильнейшее давление путем высказывания в его сторону неприличных фраз, матов, оскорблений, или непристойных предложений. Так, пока клиент ждет ответа от оператора, он уже готов спросить его: «Наелся ли он?», «Отдохнул ли», с подтекстом того, что сотрудник справочной службы отлынивает от своей работы. Когда тот, на самом деле, обрабатывает другой звонок и общается с другим абонентом, решая его вопрос.

Почему же оператор долго обрабатывает звонок, что клиентам приходится ждать? Рассмотрим несколько вариантов. Во-первых, оператору попадается клиент, который имеет речевой дефект, или который не может с первого раза обозначить свой вопрос. В таких случаях оператору помогают внимательность и сосредоточенность. Во-вторых, бывают случаи возникновения проблем с техникой, либо со связью: загруженность линий или сбои связи из-за внешних факторов, к примеру, погоды. Чтобы избежать конфликта между оператором и абонентом, двум сторонам необходимо уметь входить в положение друг друга. Оператору следует извиниться за долгое ожидание и быстро, а самое главное, качественно обработать вопрос нового клиента. А абоненту необходимо понимать, что негатив в сторону оператора приводит к последствиям: тратится личное время клиента и рабочее оператора на неприятный разговор, к тому же страдает нервная система оператора из-за стресса.

Самым тяжелым периодом для оператора является конец месяца. Время подачи населением показаний со своих электросчетчиков. У оператора порой нет свободной минуты, чтобы перевести дух и отдохнуть. Ему необходимо обработать каждый звонок и, к тому же, параллельно вести работу с приложениями, такие как Viber, WhatsApp, куда приходят сообщения от абонентов, не использующих телефонный звонок. В справочную службу Ангарска обращаются люди из всей Иркутской области, отдельно из Красноярска. Времени катастрофически не хватает, люди звонят ежесекундно. И многие, действительно, проявляют негативное отношение к оператору, добросовестно выполняющему свою работу. Отсюда и возникает конфликт и проблема непонимания абонентом оператора.

Вновь обратившись к опросу, и в дальнейшем изучив его статистику, делается вывод о том, что люди все-таки понимают, насколько сложна работа оператора колл-центра. Большой процент опрошенных (86 %) считают, что работа оператора колл-центра является сложной работой (рис. 3).

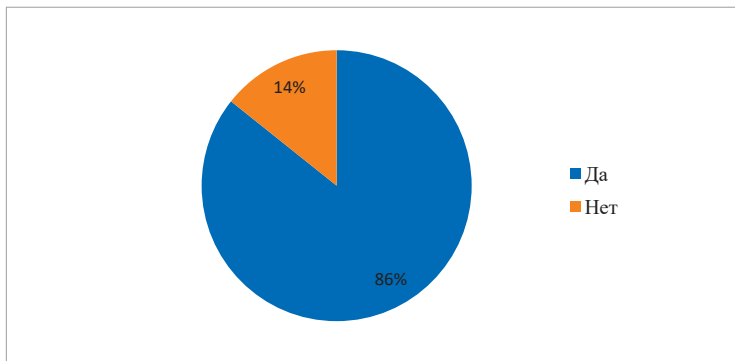

Рис. 3. Результаты опроса населения г. Ангарск, г. Иркутск, 2021 г. на вопрос «Как Вы думаете, работать оператором колл-центра сложно?»

На открытый вопрос: «Почему сложно работать оператором в колл-центре», респонденты ответили: «Большая загруженность», «Токсичное отношение к оператору со стороны абонента», «Большое количество звонков», «К каждому человеку оператор должен находить особый подход», «Консультирование огромного количества людей, необходимость знаний во многих областях», «Необходимо развивать стрессоустойчивость, если ее нет».

Если обратиться к состоянию жизни на 2020 г., то можно проследить, что у населения появляется больше вопросов, а у операторов работы. Самые актуальные вопросы были связаны с ситуацией пандемии. При анализе ответов, полученных в ходе интервью с директором справочной службы города Ангарска: «Какие трудности у Вас появились во время пандемии?» и «Какие наиболее частые вопросы к Вам поступают от людей в связи с коронавирусной инфекцией?» были сделаны следующие выводы. Как оказалось, во время масштабной самоизоляции, было трудно организовать работу в удаленном режиме для определенных сотрудников. Появилась потребность в постоянной сверке актуальности информации в связи с закрытием многих фирм и изменения графика работы во многих организациях и учреждениях. Самые частые вопросы от абонентов связаны с поликлиниками и больницами, скорой помощи, сдачей анализов на коронавирус, а также страхованием и службами, в которых можно подать жалобы на медицинские учреждения: городское здравоохранение и мэрия. В совокупности, это привело к увеличению эмоциональной нагрузки как у населения, так и у операторов.

В условиях пандемии значительно возросла обеспокоенность населения, вызванная страхом и неизвестностью, порой перерастающими в панику. В этой ситуации задача оператора колл-центра максимально снизить состояние тревоги у абонента: успокоить, рассказать, объяснить, посоветовать. Основываясь на этом, можно с уверенностью сказать, что оператор колл-центра является для клиентов и аналитиком, и психологом, и грамотным специалистом, компетентным во всех сферах жизни.

Таким образом, исследуя данную тематику, можно говорить о том, что справочные службы, которые многие сейчас считают пережитком прошлого, до сих пор являются очень актуальными средствами получения информации для многих групп населения и являются неотъемлемой частью в их жизни. Это службы по оказанию «первой необходимой информации», и роль оператора в них высока.

Литература

1. Вольский В. В., Веселова О. В. Оператор call-центра от найма до увольнения. Тверь : Софител, 2008. 200 с.
2. Попова К. А. Стандартизация и профессионализм в работе операторов колл-центра // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 105–133.
3. Самарина О. Г. Контроль и оценка работы операторов call-центра // Управление продажами. 2014. № 3. С. 176–185. URL: <https://grebennikon.ru/article-v59p.html> (дата обращения: 22.04.2022).
4. Шамардина М. В. Синдром эмоционального выгорания в контексте личностного адаптационного потенциала операторов call-центра // Вестник психологии и педагогики АлтГУ. 2017. № 2. С. 78–85.
5. Бывшие работники колл-центров о жизни после психологического ада // Яндекс Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5937fb34e3cda85cf41579cf/byvshie-rabotniki-kollcentrov-o-jizni-posle-psihologicheskogo-ada-5d149c0d0e660100b0b57c19> (дата обращения: 22.04.2022).
6. Трудный разговор: каким людям подходит работа в колл-центре // Рамблер. Новости. URL: https://news.rambler.ru/other/40155625/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 23.04.2022).

ВЛАСТЬ И ПАТРИАРХАЛЬНОСТЬ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ В АСПЕКТЕ ЭКСПЕРТНЫХ ПРАКТИК В РОССИИ

Рассматривается власть и патриархальность в России под воздействием новых глобальных угроз и вызовов. Акцентируется внимание на доминировании в обществе «старых» и «новых» патриархальных стереотипов, их изменении и влиянии на все сферы общественной жизни. Опираясь на данные проведенного автором социологического исследования, рассмотрены характеристики патриархального общества в эпоху цифровизации, изучены причины сохранения патриархата, основные сферы проявления гендерных стереотипов, а также стереотипы, с которыми люди чаще всего сталкиваются в жизни. Также предложены «старые» стереотипы, которые следует возродить и «новые», которые следует сформировать для развития культуры равноправия.

Ключевые слова: патриархат, патриархальное общество, власть, глобальные угрозы и вызовы, стереотипы, гендерное неравенство.

E. D. Shepina

Irkutsk State University, Irkutsk

POWER AND PATRIARCHY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES IN THE ASPECT OF EXPERT PRACTICES IN RUSSIA

The article examines the power and patriarchy in Russia under the influence of new global threats and challenges. Attention is focused on the dominance of "old" and "new" patriarchal stereotypes in society, their change and influence on all spheres of public life. Based on the data of the sociological research conducted by the author, the characteristics of patriarchal society in the era of digitalization are considered, the reasons for the preservation of patriarchy, the main areas of manifestation of gender stereotypes, as well as stereotypes that people most often encounter in life are studied. The author also suggests "old" stereotypes that should be revived and "new" ones that should be formed for the development of a culture of equality.

Keywords: patriarchy, patriarchal society, power, global threats and challenges, stereotypes, gender inequality.

В современном мире под влиянием информатизации и возникающих глобальных вызовов и угроз происходит изменение большинства общественных институтов, социальных сфер, межличностных и межгрупповых отношений. Сегодня общество характеризуется в категориях информационного, постиндустриального, глобального, постэкономического и других обществ, в том числе продолжают сохраняться многие характеристики патриархального общества. По данным территориального органа Федеральной службы по государственной статистике Иркутской области (Иркутскстат) [7] на начало 2022 г. в Иркутской области проживает 2 357 134 чел., из них мужчин – 1 098 190, женщин – 1 276 831. Следовательно, женщин как в Иркутской области, так и во всей стране и мире количественно больше, чем мужчин, однако власть остается у последних. Первопричиной является то, что женщинам природой заложена функция деторождения, и они физически слабее мужчин. Это становится основным фактором неравенства между полами на протяжении всей истории. В современном мире, с появлением новых тенденций, возникают и новые стереотипы, которые угнетают не только женщин, но и накладывают определенные обязанности и стандарты на мужчин.

С демократизацией на законодательном уровне было закреплено равенство всех граждан вне зависимости от половой принадлежности, что повлекло за собой изменение «старых» стереотипов и появление «новых», ограничивающих свободу выбора и предписывающих определенные обязанности, а если мы говорим о стереотипах патриархальных, то эти обязанности связаны с предназначением мужчин и женщин в жизни. Ввиду господства стереотипов в цифровом обществе половая дискриминация не остается пережитком прошлого, а является его такой же неотъемлемой частью. Такая ситуация создает серьезные проблемы в отношениях, на работе, в финансовой сфере, сфере досуга и отдыха и т. д., что подтверждает актуальность выбранной темы.

В XIX–XX вв. патриархат изучался многими представителями разных областей знания и, наряду с гендерной революцией, появилась новая теория, провозглашающая равенство полов, которую поддерживали многие известные ученые и философы, в том числе Ф. Энгельс,

Л. Г. Морган, И. Я. Бахофен, Дж. Ф. Мак-Леннан, Э. Фромм и др. В частности, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» описывает семью XIX в. таким образом: «Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество – это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул» [2, с. 18]. Категория «патриархальное общество» определяется философом как господство мужчины над женщиной в семье и обществе в целом ввиду экономической зависимости последних, их невозможности участвовать в общественном производстве. Так характеризуется патриархат большинством ученых, исследовавших классовое общество, в том числе эпоху капитализма, где семья рассматривалась как элемент домашнего хозяйства. Американскими социологами Т. Парсонсом и Р. Бейлзом была разработана теория «естественной взаимодополнительности полов», согласно которой разделение ролей в социальной сфере по половому признаку есть обязательное условие, которое будет существовать всегда, оно неустранимо [3].

Наряду с феминистским движением во второй половине прошлого столетия в рамках научных дисциплин начала подниматься проблема гендерных стереотипов, исходящих из патриархального общества. Кейт Миллет, американская феминистка и общественная деятельница, в своей известной книге «Политика пола» поднимает проблему подавления «женского» патриархальным обществом. В анализе культуры именно Миллет впервые дает подробное определение патриархата, под которым понимает политическое, социальное, семейное, идеологическое доминирование отцов по причине социального видения феминности как вторичного в системе. Посредством сексуальной политики все женское подчинено мужскому [5]. Алекс Комфорт, английский писатель и психолог, в труде «Секс в обществе» [4], Роберт Дж. Столлер, американский профессор психиатрии в книге «Секс и гендер: О развитии маскулинности и феминности» [6], поднимают вопросы гендерной роли и идентичности, изучают гендерные стереотипы, складывающиеся в обществе патриархального типа. В настоящее время проблема распределения ролей в семье, взаимоотношений между партнерами, изменение ценностей рассматривается многими отечественными исследователями. Например, о важности равноправия партнеров, реализации гендерной политики пишет Д. Е. Зайков в статье «Принцип равных прав и свобод мужчин и женщин: современное состояние и перспективы» [1].

Стереотипы лишают чувства ощущения свободы. Когда говорят о дискриминации в патриархальном обществе, то обычно подразумевают дискриминацию женщин, однако верно это лишь отчасти. В реальной жизни на женщинах все также остаются функции, которые доминировали в прошлом, и в дополнение к ним появляются новые, например, материальное обеспечение семьи, поддержание внешней красоты, сохранение молодости, стройности (в первую очередь для мужчин). Получается, что некоторые «старые» стереотипы были разрушены, однако многие из них на сегодняшний день до сих пор остаются и манипулируют женщинами, от них зависят принимаемые решения, и к ним добавляются появляющиеся в обществе «новые» стереотипы. С мужчинами ситуация обстоит иначе. «Старые» стереотипы, связанные с материальным обеспечением семьи, защитой близких и родины, физической силой, властью и главенством в семье, бизнесе и государственных структурах остались, хотя на законодательном уровне было провозглашено равенство полов во всех сферах. И эти стереотипы также дискриминируют мужчин, поскольку последние не обязаны априори быть сильными, главными, хладнокровными и безэмоциональными. Такое разделение не дает полноценно развиваться мужчинам в тех сферах, которые традиционно считаются «женскими».

В современном обществе сохраняется и преобладает социополовая асимметрия в политической, экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности. В подтверждение данного тезиса и для более глубокого изучения доминирования патриархальных стереотипов и традиций в информационном обществе в период со 2 по 6 мая в рамках исследовательского проекта «Сосуществование «старых» и «новых» стереотипов в современном российском обществе патриархального типа» автором было проведено социологическое исследование методом онлайн-опроса пилотажного характера на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ». Было опрошено 300 чел. (100 %). Использована полувырастная выборка, исходя из которой участвовало мужчин 151 (50,3 %) и женщин – 149 (49,7 %), отличавшихся по: социальному статусу, семейному положению, сфере профессиональной деятельности, а также с точки зрения проживания в

городской/сельской местности. Респондентам было предложено ответить на 30 основных вопросов, многие из которых давали опрошенным возможность более глубоко сформулировать собственное мнение на описанную проблему.

Опираясь на результаты исследования, проанализированные статистические данные и данные вторичного социологического исследования по изучаемой теме автором были сделаны следующие выводы. Современное информационное общество – это общество патриархальное, характеристики которого были трансформированы под новые условия. Сохранение андрократии объясняется такими факторами, как: четкое разделение и закрепление обязанностей и функций партнеров, членов семьи, общества в целом, экономическая зависимость семьи от мужчины, разделение труда в сторону мужского, различие в образе, уровне и качестве жизни и устойчивость стереотипов. Основными сферами патриархального общества, где стереотипы отражаются ярче всего, по мнению респондентов, выступают: политическая (41 % опрошенных), семейная (37 %) и экономическая (23 %) сферы. В рамках открытого вопроса, связанного с тем, какие стереотипы довлеют в обычной жизни на респондентов, было выявлено, что основные стереотипы связаны с разного рода зависимостью женщины от мужчины, традиционным пониманием предназначения женщины (женщина – хранительница «домашнего очага»), она отвечает за воспитание и социализацию детей) и мужчины (мужчина – «добытчик») в семье, защитник ее членов) и властью последних. При этом на вопрос о том, должны ли права и обязанности мужчин и женщин быть равными, 70 % опрошенных респондентов ответили положительно. Опираясь на полученные результаты можем предположить, что внутренне люди готовы к изменениям женских и мужских ролей, ухода от тотальной власти мужчины, однако развитие социальных институтов с сохранением доминирующих позиций традиционных институтов, потребность в общественном одобрении, приверженность общественным идеалам и другие факторы поддерживают и сохраняют патриархальное общество.

Для преодоления неравенства между мужчинами и женщинами следует изменять господствующие в общественной системе и сознании людей «старые» и «новые» стереотипы. В эпоху цифровизации представляется актуальными формирование таких стереотипов, как: развитие мобильности и креативности среди мужчин и женщин, равный доступ к власти и реализации властных полномочий, культура выбора в цифровой среде, внедрение новых технологий в быту («умный дом», «умная техника», «умный город»), формирование внешнего образа как признака высокого социального статуса, престижности, стирание гендерных различий в одежде, инвестиции в образование и здоровье детей и родителей. Помимо этого, представляется необходимым возрождение «старых» традиций советского и постсоветского времени. К таковым относятся: забота о ценности семьи, семейных отношений, важность поддержания безопасности во всех сферах общества, сохранение межпоколенных и внутрипоколенных связей, поддержание стабильности установленных порядков.

Таким образом, в современном мире сложилось новое общество патриархального типа, где сосуществуют «старые» и «новые» стереотипы, которые накладывают двойные стандарты на женщин и мужчин. Для достижения общественной стабильности и устойчивости в условиях глобальных вызовов и угроз видится необходимым изменение патриархальных традиций и стереотипов с учетом нового цифрового общества. Следует не только менять культуру повседневности, но и формировать новую культуру цифровой среды, где власть будет распределяться по принципам договоренности, диалога (семейная сфера), качества технологического труда (трудовая сфера) и личностных характеристик индивидов.

Литература

1. Зайков Д. Е. Принцип равных прав и свобод мужчин и женщин: современное состояние и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 25–42.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
3. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
4. Comford A. Sex in society. L., 1963. P. 42.
5. Millet K. Sexual Politics. N. Y., 1990. P. 23–58.
6. Stoller R. Sex and Gender: The Development of Masculinity and Femininity // Karnac Books, 1984. 383 p.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/about> (дата обращения: 01.04.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

***

INFORMATION ON THE AUTHORS

Андриянова Татьяна Владимировна – доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Анчутина Арина Евгеньевна – главный специалист сектора по СММ-сопровождению организационно-аналитического отдела Управления по информационной политике аппарата администрации города Иркутска, магистрант 2 курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anchutina.a@mail.ru

Башкатова Татьяна Борисовна – доцент кафедры Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, директор Благотворительного фонда поддержки людей, больных раком, ВИЧ, СПИДом, туберкулезом, член Общественного совета при Службе ЗАГС Иркутской области.

E-mail: tabadi@mail.ru

Башкуева Елена Юрьевна – старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований ФГБУН «Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН», кандидат исторических наук.

E-mail: frombear@mail.ru

Бельский Александр Михайлович – научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, старший преподаватель Белорусского государственного университета.

E-mail: ksander_mogilev@mail.ru

Бонько Татьяна Ивановна – доцент Физкультурно-оздоровительного центра ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: tatyabanbk@gmail.com

Вахтина Маргарита Анатольевна – профессор кафедры менеджмента и цифрового маркетинга НОУ ВО Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», доктор экономических наук, доцент, председатель Комиссии по охране окружающей среды Общественной палаты Самарской области.

E-mail: mavahtina@yandex.ru

Гольцова Евгения Викторовна – декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доцент кафедры социальной философии и социологии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: socioisu@mail.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор кафедры социальной философии и социологии, доктор социологических наук, профессор, член Общественной палаты Иркутской области.

E-mail: tagr@bk.ru

Грабельных Павел Иванович – председатель Иркутского регионального отделения Союза краеведов России, общественный деятель.

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: milgur@mail.ru

Давлетшина Эльвира Валерьевна – аспирант 1 года обучения направления подготовки «Социология культуры» ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

E-mail: svtolm@gmail.com

Данилов Александр Николаевич – заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор.

E-mail: a.danilov@tut.by

Дмитриева Юлия Николаевна – научный сотрудник лаборатории экономической и социальной географии Института географии имени В. Б. Сочавы СО РАН, кандидат географических наук.

E-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, доктор философских наук, профессор.

E-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

Ершов Иннокентий Афанасьевич – председатель Комиссии по экономическому развитию и трудовым отношениям Общественной палаты Камчатского края, эксперт по Международному Кодексу по управлению безопасностью (МКУБ), ФГБУ «Дальневосточный Экспедиционный Отряд Аварийных и спасательных работ», эксперт Камчатской службы по освидетельствованию СУБ рыбопромыслового флота, магистр по государственному и муниципальному управлению.

E-mail: innokentiy.ershov@mail.ru

Жданова Инна Валерьевна – доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Института социальных технологий ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», кандидат философских наук.

E-mail: ivzhdanova@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: irlend@list.ru

Зайковская Анастасия Александровна – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: dmitrieva_aa@mail.ru

Иванова Ирина Владимировна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области.

E-mail: ivanova_iv@stat.irtel.ru

Ивченкова Мария Сергеевна – старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Институт социологии ФНИСЦ РАН), кандидат социологических наук.

E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

Какаулин Сергей Петрович – начальник Управления промышленности Министерства экономического развития Иркутской области, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: kspmail@mail.ru

Качан Мария Константиновна – ведущий специалист отдела земельных отношений Комитета по управлению муниципальным имуществом администрации Ангарского городского округа, магистрант 2-курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: mariya.kachan97@gmail.com

Кибакин Виктор Михайлович – студент факультета информационных технологий по образовательной программе «Киберфизические системы» Московского политехнического университета.

E-mail: vkibakin03@mail.ru

Кибакин Михаил Викторович – профессор Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор социологических наук, доцент.

E-mail: tiz8283@mail.ru

Кривошеев Владимир Вениаминович – профессор Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: kuzelenas@mail.ru

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МОН РК, доктор философских наук, профессор.

E-mail: vkurganskaya@mail.ru

Левченко Илья Евгеньевич – доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: i.e.levchenko@urfu.ru

Лесниковская Екатерина Викторовна – доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ, кандидат социологических наук.

E-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Лешенко Ярослав Александрович – ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: yaleshenko@gmail.com

Либенсон Игорь Рувимович – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: liben59@inbox.ru

Лоншакова Надежда Анатольевна – профессор кафедры общегуманитарных дисциплин ОЧУ ВО «Российская международная академия туризма», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: lonshakova_nadia@mail.ru

Малых Светлана Владимировна – заместитель директора по общим вопросам Института филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

E-mail: lana.malyx@bk.ru

Малых Марина Михайловна – директор Филиала АО «Регион Медиа Иркутск».

E-mail: Marcher09@mail.ru

Мананикова Юлия Владимировна – директор Центра научно-аналитического сопровождения региональной системы оценки качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: konsalt-m@list.ru

Манзула Александр Евгеньевич – и. о. проректора по молодежной политике и внеучебной деятельности ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vneuchebisu@mail.ru

Маслодудова Наталья Владимировна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

Матвеева Елена Викторовна – профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры» доктор политических наук, доцент.

E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Мельникова Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

E-mail: i-leka-i@mail.ru

Мершев Илья Русланович – начальник отдела по молодежной политике управления по физической культуре, спорту и молодежной политике комитета по социальной политике и культуре администрации города Иркутска.

E-mail: mersheev@yandex.ru

Найденова Людмила Ивановна – профессор кафедры «Социология и управления персоналом» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Ницина Ольга Александровна – старший преподаватель Физкультурно-оздоровительного центра ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: olichk1102@yandex.ru

Осмук Людмила Алексеевна – директор Института социальных технологий ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: osmuk@mail.ru

Перваго Галина Константиновна – ведущий аналитик отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», магистр социологии.

E-mail: galina.pervago@mail.ru

Передня Дмитрий Григорьевич – профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: 2975829@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: 900320@mail.ru

Прохоренко Юрий Иванович – профессор кафедры теории и методики педагогического и дефектологического образования ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: uraldv@yandex.ru

Пугач Виктория Федоровна – профессор кафедры ЮНЕСКО по сравнительным исследованиям качества высшего образования Национального исследовательского технологического университета «МИСИС» (НИТУ «МИСИС»), доктор социологических наук, профессор.

E-mail: vfplugach@mail.ru

Разумова Кристина Михайловна – преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: kitn2010@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич – директор Института социальных наук, заведующий кафедрой социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», доктор философских наук, профессор.

E-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: eresh80@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – заместитель директора ГБУ ДПО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», кандидат социологических наук.

E-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Саблина Наталья Александровна – старший научный сотрудник социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, кандидат социологических наук.

E-mail: nsablina@bk.ru

Сакович Анжела Юрьевна – доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук.

E-mail: sakovich05@mail.ru

Сапранкова Татьяна Алексеевна – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы Сибирско-американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутского государственного университета», кандидат психологических наук.

E-mail: tatyana@buk.irk.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vskudenkov@mail.ru

Смирнов Алексей Евгеньевич – профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aesmir@mail.ru

Ткачева Наталья Геннадьевна – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук.

E-mail: tkachevang@yandex.ru

Толмачева Светлана Владимировна – профессор кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: tolmachevasv@tyuiu.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского».

E-mail: treskin-ne@ya.ru

Удалых Станислав Кузьмич – заместитель руководителя Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук (ИРО РАЕН), кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Фарахутдинов Шамиль Фаритович – доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: fshamil@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – профессор ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: nursafa@inbox.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тюлятинский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Чернышева Елизавета Вячеславовна – преподаватель кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.

E-mail: elizaveta11090@gmail.com

Чернов Виталий Вениаминович – доцент Академии базовой подготовки Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: colonel60@bk.ru

Шинкевич Владимир Ефимович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: vlashink@yandex.ru

Шишкина Анастасия Олеговна – старший специалист по исследованиям Автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы».

E-mail: shishkinaao@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

Балтабаев Руслан Кахраманович – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: baltabaev.rus.11@gmail.com

Беденко Владислав Александрович – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nice.bedenko@mail.ru

Бирюкова Ксения Андреевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ksenia.biryukova.02@mail.ru

Богатырев Хусейн Алиевич – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: b.khuseyn2001@gmail.com

Бурдуковская Софья Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки 37.03.02 «Конфликтология» ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет».

E-mail: burdukovskayasoph@gmail.com

Волкова Рената Сергеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: v0lkova.renata@yandex.ru

Головчун Ксения Артемовна – студентка 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: kseniagolovchun@yandex.ru

Голубь Дарья Дмитриевна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: golub.daria2002@yandex.ru

Грицких Ксения Евгеньевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ksu-kirill@mail.ru

Грудинина Елена Анатольевна – студентка 4-го курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» Сибирско-Американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: gleam25fbr@mail.ru

Дейчман Наталья Олеговна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ndeyshman@bk.ru

Денисов Даниил Дмитриевич – магистрант 1-го курса направления подготовки «Социальная работа (Социальная работа с различными группами населения)» ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова».

E-mail: gronkong22@yandex.ru

Деревцова Анастасия Евгеньевна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: anastasia_derevtsova@mail.ru

Дмитриева Анастасия Алексеевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: dmitrieva880@mail.ru

Жигалова Ольга Алексеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: zhigalova-olenka@mail.ru

Захарова Александра Станиславовна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Иванкович Дарья Андреевна – студентка 4-го курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» Сибирско-американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: ivankovich-d@yandex.ru

Каблукова Валерия Евгеньевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Lordbest13@yandex.ru

Кадырова Владислава Юрьевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: vladakadyrova00@mail.ru

Киселева Екатерина Евгеньевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: katkakiselyeva@gmail.com

Королев Сергей Александрович – студент 1-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: seriyw2011@mail.ru

Космакова Анна Станиславовна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: annkosmakova02@gmail.com

Лашук Дмитрий Сергеевич – студент 4-го курса Белорусского государственного университета.
E-mail: ksander_mogilev@mail.ru

Линейцева Арина Александровна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: a.lineitseva@yandex.ru

Маркова Елизавета Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки «Менеджмент» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Матафонова Елизавета Михайловна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: matafonovaelizaveta@yandex.ru

Матвеева Ангелина Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: gelprost01@gmail.com

Милорадова Валерия Сергеевна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: valeriamil2003@gmail.com

Оканина Александра Федоровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: okanina2000@gmail.com

Пахнющая Диана Александровна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Diana.aleksandrovna.02@list.ru

Перепичка Алина Игоревна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: linka.ru007@gmail.com

Поджидасва Анастасия Юрьевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sei135@mail.ru

Попова Арина Вячеславовна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: arinaporova@gmail.com

Проскурякова Снежана Игоревна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: snowkyking1424@gmail.com

Рыбак Наталья Станиславовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nirk2k@gmail.com

Себекин Владимир Павлович – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: sebekinv@mail.ru

Сибирякова Юлия Васильевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: pandalan2412@gmail.com

Сыркина София Васильевна – студентка 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: syrkina0222@mail.ru

Тестова Екатерина Анатольевна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Федченко Алена Евгеньевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: alyonaf2002@bk.ru

Хандагурова Валентина Андреевна – студентка 2-го курса направления подготовки «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vkhandagurova@mail.ru

Царевская Ольга Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент» Сибирско-Американского факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: olga.tsarevskaya14@mail.ru

Шишова Екатерина Валерьевна – студентка 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Kateandaion@mail.ru

Щепина Екатерина Дмитриевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: katidm01@mail.ru

Научное издание

Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура

ISBN 978-5-9624-2048-6

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Материалы цензуре не подвергались,
мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов.*

Переводчик-корректор **Е. В. Лесниковская**
Дизайн обложки: **П. О. Ершов**

Темплан 2022. Поз. 49
Уч.-изд. л. 37,5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7(3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru